КОНТИНЕНТ

143

2010 КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№143

КОНТИНЕНТ

СЕРГЕЮ ЮРСКОМУ 75

Эпохальность 2009-го выразилась прежде всего в том, что российскому руководству пришлось, наконец, высунуть голову из песка. Красная Шапочка уже не могла не задать себе вопрос, зачем китайская бабушка отрастила себе такие длинные зубы.

АНДРЕЙ ПИОНТКОВСКИЙ

Я-то знаю, что я не умру.
Ведь меня пригласили в игру,
Что не знает конца и предела.
И неважно, что я поседела.
Я-то знаю: я буду всегда
Раз однажды попала сюда.

ЛАРИСА МИЛЛЕР

Мне кажется, что современный верующий человек может мирно и с большой пользой сочетать в своем мировоззрении веру и науку. Тем более, что наука сегодня подошла вплотную к той границе, где кончается физика и начинается метафизика.

МАРИЯ КАЛИНИНА

Народ есть общность человеческих особей, не умеющих сосуществовать в отсутствие начальства. Начальником же назовем человека, умеющего склонять во всех падежах: порядок и спрягать во всех наклонениях и временах: навести.

САМУИЛ ЛУРЬЕ

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи Надежды Болтянской и Иона Друцэ
Рассказы Григория Грибоносова-Гребнева и Надежды Муравьевой
Статьи, очерки и воспоминания Ильи Барабанова, Александра Митяева и Екатерины Савиной, Евгения Ермолина, Владимира Захарова, Михаила Копелиовича, Юлии Латыниной, Александ ра Нежного, Валерия Сойфера, Льва Тимофеева, Евгении Щегловой, Юлии Щербининой
и наш постоянный раздел **Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»**

АНОНС

Читайте в следующем, 144-м, номере «Континента»:

- Роман **Ольги КУЧКИНОЙ** «Русский вагон»
- Большое интервью **Андрея ИЛЛАРИОНОВА** о проблемах политической и экономической жизни России последних двух десятилетий
- Статью **Адама МИХНИКА** о проблемах польского национального самосознания — в связи с осмыслением и оценкой известных событий в Кельцах в 1946 году
- Обширное публицистическое исследование **Владимира МОЖЕГОВА** «Ползущий ангел. Архитектоника и эволюция "правой идеи" в постмодерне (сквозь призму восхождения Александра Дугина)»
- Новые статьи **Евгения ЕРМОЛИНА**, **Андрея ПИОНТКОВСКОГО**, **Александра ПУМПЯНСКОГО** и **Ольги СЕДАКОВОЙ**
- Большой блок полемических материалов, посвященных обсуждению статьи Юрия Афанасьева, Алексея Давыдова и Андрея Пелипенко «Вперед нельзя назад!», напечатанной в 141-м номере «Континента» (**Ирина РОДНЯНСКАЯ**, **Валерий СЕНДЕРОВ**, **Сергей БЕЛЯКОВ**, **Игорь ВИНОГРАДОВ**)

За время, пока готовился этот номер,
памятный календарь «Континента»
отметил несколько знаменательных событий
в жизни наших добрых друзей и любимых авторов:

— 80-летие поэта
Кирилла Владимировича КОВАЛЬДЖИ

— 75-летие Народного артиста России,
режиссера и прозаика,
члена редколлегии «Континента»
Сергея Юрьевича ЮРСКОГО

— 75-летие критика и литературоведа
Станислава Борисовича РАССАДИНА

— Юбилей прекрасного поэта и очаровательной женщины
Ларисы Емельяновны МИЛЛЕР

Сердечно поздравляем наших дорогих юбиляров
и от души желаем им всем доброго здоровья,
яркого творческого долголетия
и новых радостных свершений, которыми они, надеемся,
еще не раз одарят читателей «Континента».

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

143

2010, № 1
январь — март

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И. И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1
Время работы редакции: 13:00–17:00 по будням

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(499) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
http://continent-rus.ru/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В. Е. Максимов

Главный редактор

Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Андрей ИЛЛАРИОНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Евгений ЕРМОЛИН, Марина КОПЫЛОВА, Александр КЫРЛЕЖЕВ,
Сергей ЛЕБЕДЕВ, Светлана ОПАРИНА

Представители «Континента»

АВСТРИЯ
Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ
Александр и Татьяна
СЕРГИЕВСКИЕ
69 via Palestro
00185 ROME, ITALIA
☎/fax (+39) 064-463-249

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek
nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS,
FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию Сергея Юрского

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ
Сергей Юрский. Постюбилейное 9

Дмитрий БЫКОВ
Сергею Юрскому 14

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ «КОНТИНЕНТА»

Ион ДРУЦЭ
Христианские баллады 16

Самуил ЛУРЬЕ
Листки перекидного 32

Лариса МИЛЛЕР
Если б я жила умело... *Стихи* 91

Надежда МУРАВЬЕВА
Пиковая Дама 98

Надежда БОЛТЯНСКАЯ
Будем легкомысленны. *Стихи* 122

Григорий ГРИБОНОСОВ-ГРЕБНЕВ
Три рассказа из цикла «Красный этап» 126

РОССИЯ И МИР

Андрей ПИОНТКОВСКИЙ
Остров Сибирь 156

Владимир ЗАХАРОВ
Наука в России и в современном мире 177

Лев ТИМОФЕЕВ
Ночной портье России 193

У нас в гостях «Новая газета» и журнал «The New Times»

Юлия ЛАТЫНИНА
Рой, или Антибулочник 212

Илья БАРАБАНОВ, Александр МИТЯЕВ, Екатерина САВИНА
Выжить в одиночку 219

Библиографическая служба «Континента»

Проблемы российской современности
в русской сетевой и бумажной периодике
четвертого квартала 2009 г. 226

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Валерий СОЙФЕР
Очень личная книга 270

РЕЛИГИЯ

Беседы в редакции

Мария КАЛИНИНА
Наука и религия: «пограничные вопросы» 328

У книжной полки

Александр НЕЖНЫЙ
От образа — к Образу 358

Основные события церковной жизни
в зеркале прессы (*декабрь 2009 – февраль 2010*) 371

ГНОЗИС

Библиографическая служба «Континента»

В зеркале самопознания. *Обзор философских
и социологических публикаций четвертого квартала 2009 г.* 378

ПРОЧТЕНИЕ

Михаил КОПЕЛИОВИЧ
Три Александра: Галич, Солженицын, Володин 390

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Евгений ЕРМОЛИН
Обыкновенный цинизм 412

Юлия ЩЕРБИНИНА
Who is mr. Пелевин? 437

К 80-летию со дня рождения Юрия Рытхэу (1930 – 2008)

Евгения ЩЕГЛОВА
Апокалипсис по-чукотски 449

Библиографическая служба «Континента»

Художественная литература
Четвертый квартал 2009 г. 460

Исполнилось 75 лет Сергею Юрскому — выдающемуся русскому актеру, чтецу, прозаику, режиссеру, личности ренессансного творческого размаха с неповторимо оригинальными талантами и умениями, нашему любимому автору, давнему другу и члену редколлегии «Континента». Сергей Юрьевич Юрский — счастливое сочетание безупречности общественной репутации с безупречностью художественного вкуса, гениальности художника с гениальностью человека и гражданина.

Поздравляя дорогого юбиляра, мы просим его принять публикацию эссе Анатолия Смелянского и юбилейной поэмы Дмитрия Быкова как и наш ему подарок.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ. ПОСТЮБИЛЕЙНОЕ

Сергей Юрский не терпит бесформенности (цирковая закваска). Он и юбилей свой не пустил по привычно-печальному руслу. Телеграммы и словеса, обращенные к «многоуважаемому шкафу», были сведены до минимума. Все было четко продумано и срежиссировано. В первом акте семья Юрских в трех лицах, а именно Натальи Теняковой — матери, Дарьи Юрской — дочери и самого отца семейства, представила «монологи о театре». В действии втором Юрский разрешил некоторым друзьям выступить с поздравлениями, которые были превращены в нечто вроде концерта по заявкам. Сергей Юрьевич присел в углу сцены за столиком, а центр сцены уступил друзьям по цеху, музыкантам, писателям, актерам, которые импровизировали, пели, забавлялись. Острить в присутствии Юрского опасно: это значит напрячься, быть на уровне. И вся атмосфера была на его уровне: благодарный зал старался соответствовать актеру, которого пришел чествовать. Милые лица шестидесятников (из тех, кто еще смог придти), интеллигентская скромно одетая не случайная публика. А в ней, островками, актерская братия, тоже не случайная, не завсегдатаи юбилеев, а штучные, званые, естественные именно на этом празднике. И моссоветовцы не подвели: сняли капустный фильм, танцевали канкан, отменно шутили. Отзвук иного времени. Редкое единство актерской легенды и воспитанной на этой легенде публики. Плотности поколенческой, конечно, не было. Среда, взрастившая юбиляра, как ветхое полотно, зияет огромными прорехами. Давно ушел его Режиссер, а вслед за ним почти все первые

сюжеты Театра на Фонтанке. Юбилей Юрского непроизвольно и неизбежно оказался прощальным парадом в честь канувшей в небытие театральной эпохи.

Эпоха юрского периода — одна из самых распространенных острот юбилейного вечера.

75-летний актер начал вечер так, как привык это делать по долгой жизни. Вышел, не торопясь, встал в луч света. Белоснежная шелковая сорочка, серый бархатный концертный пиджак. Выдержал паузу. Техника сжатой пружины, полная сосредоточенность, готовность к предстоящему номеру. Важный психологический жест Юрского. Кажется, что он когда-то и на всю жизнь впечатлился рассказом Михаила Чехова о том, как Сергей Рахманинов выходил к оркестру: медленно, под гром рукоплесканий, шел к режиссерскому пульту. Выжидал, пока затихнет зал. Именно в этот момент, как известно от самого Чехова, он понял *что-то* самое важное о музыке и о творчестве вообще. Потом актер назовет это *чувством целого*.

Юрский не Рахманинов, я не М. Чехов, но не побоюсь вспомнить «чеховский момент» Юрского, когда полвека назад впервые увидел артиста на филармонической сцене в Горьком. Как он вышел, как держал паузу, прежде чем начал читать про Степу Лиходеева, проснувшегося в тяжком похмелье в «нехорошей квартире». Юрский читал Булгакова и Достоевского, Есенина и Жванецкого, Володина и Шукшина. Запросто осуществлял переход из одного художественного мира в другой. Лицедей из Ленинграда обладал способностью мгновенно заселить воздух каким-нибудь персонажем, обвести его внятный контур. На «бис» подарил «Вторую балладу» Пастернака. «Лопатами, как в листопад,/ Гребут березы и осины./На даче спят, укрывши спину,/Как только в раннем детстве спят...» Стихи исполнял не так, как обычно исполняют актеры: не стихи читал, а причащался, проникал в тайный гул той стихии, из которой рождается поэтическое слово. При этом актер не токовал, не впадал в ритмический транс. Между ним и поэтическим текстом был откровенный игровой зазор, как во всех важнейших творениях Юрского. Вдохновение и холодный расчет странным образом уживались. Теперь бы я сказал, что Сергей Юрьевич владел интонацией и *чувством целого*.

Вечер 16 марта 2010 года Юрский начал Булгаковым. Монолог из повести о жизни господина де Мольера. То место, где описано явление в Париже провинциального актера, который решил потрясти столицу трагедией «Никомед» и, провалившись, бросил свою судьбу на кон: сыграл фарс собственного сочинения «Лекарь поневоле». Беглую ясную щегольскую прозу Булгакова актер наполнил фирменными сво-

ими курсивами. Каждого человечка разглядел, в долю секунды выставил на всеобщее обозрение. Вкусно выговаривая причудливые имена французских лицедеев, будто каждый из них его личный знакомец, он живописал ситуацию провала, тайный восторг врагов Мольера, а потом с той же завораживающей отчетливостью воссоздал торжество лукавого комедианта. В какой-то момент набросив на голову мольеровский парик, показал, как валы хохота, сменяя друг друга, ходят по залу. Финальный смеховой обвал, переданный Булгаковым звукописью «Бру-га-га!», имел отношение к игре Мольера, но все это немедленно монтировалось (думаю, не только в моей голове) с театральной судьбой самого Юрского. Победоносное «Бру-га-га!» подано было так, как в «Чайке» Шамраев подает музыкальную реплику синодального певчего, сумевшего с галереи оперного театра на нижнем «до» оглушить зал своим «Браво, Сильва!»

«Бру-га-га!» — театральный манифест Юрского. Техника «монтажа аттракционов» в одном флаконе с крепкой верой в идеальный театр и братские отношения с публикой, которую взялся своими трюками развлекать и просвещать. Были годы, когда техника Юрского была в счастливой гармонии со своей средой, своим театром и публикой, которая его понимала с полуслова. В его основных созданиях ленинградского периода сквозил ветерок перемен, дух проснувшейся жизни, которую вытаптывали столько десятилетий. Без этого «ветерка» не понять самого явления Юрского. Он не был одинок. Ефремов в «Современнике», Высоцкий на Таганке, Юрский в БДТ, как флаги на ветру, передавали направление ума и чувства людей послесталинской России. Людям меняли кровь, они нуждались в ободрении и поддержке. Н. Берковский писал тогда о Мышкине–Смоктуновском как о «весне света», той весне, которая в природе наступает раньше весны воды и зверей. «Театр юрского периода» — из той весны. А сам Юрский — из той артели. Актеры стали мигрировать, кучковались вокруг своих вожаков, сговаривались (к ужасу властей). В победном пришествии европейца Чацкого прочитывался шанс поколения. Юрский-Чацкий перестал метать бисер перед свиньями: Товстоногов развернул худощавого юношу в зал, и все свои монологи он стал обращать к современной публике. Комедия Грибоедова открылась как острая схватка людей и идей. Герой Юрского покорял пушкинской живостью, гибкостью интеллектуально насыщенной интонации, ироническим смещением ударений в знакомых со школы строках («и **дым** отечества нам сладок и приятен», «кричали **женщины** ура» и т. д.). Он покорял свободой приспособлений и небывалой формальной оснащенностью. Товстоногов, выдвинув такого актера в центр композиции, почувствовал направление воздушного потока, дал ему имя Юрского (так ураганам присваивают имена). Товстоногов, в от-

личие от Чацкого, не заблуждался и иллюзий не питал. «Догадал меня черт родиться в России с умом и талантом!» — эту пушкинскую фразу режиссер какое-то время держал над сценой, наподобие эпиграфа или лозунга. Заставили эпиграф снять, и, может быть, хорошо, что сняли: спектакль не нуждался в спецуказателе. Направление ума этого Чацкого и его поражение были растворены в каждом жесте Юрского, в каждой его реакции, в каждой паузе. В конце спектакля Юрский-Чацкий падал в обморок среди масочных харь, обступивших его плотным кругом.

Юрский сыграл тогда не только Чацкого, он сыграл и Кюхлю (на телевидении). Его притягивали люди с «прыгающей походкой». Он сам был одним из них. Он разгадал и в Чацком, и в Кюхле, что случится на его веку. «Благо было тем, кто псами лег в двадцатые годы, молодыми и гордыми псами, со звонкими рыжими баками. Как страшна была жизнь *превращаемых,* жизнь тех из двадцатых годов, у которых перемещалась кровь». Там же Тынянов скажет про брожение времени, что у каждого периода есть свой вид брожения. Винное брожение — Пушкин, «Грибоедов был уксусным брожением».

Юрский был «винным брожением» одной эпохи. Он стал «уксусным брожением» другой. Все чаще и чаще актер признается, что живет в чужом времени. Не в плохом, а в чужом. И все острее в работах Юрского последних лет звучит душевная оппозиция новому времени. Блистательному Юрскому-Бендеру было тошно в стране непуганых идиотов («надо бы пугнуть»). Когда «пугнули», Юрскому легче не стало. Ему тошно в мире гламура, ему скучно среди людей, отмечающих пышно 12 дней со дня подписания протокола о намерениях. Абсурдисткая техника все больше и больше привлекает его. Он ставит «Стулья» и придумывает собственные сюжеты, которые прямо вторгаются в злобу дня. И в «ужас дня». Он сочиняет, режиссирует и играет пьесу «Предбанник». Жаргонное актерское словечко напоминает о пороге чистилища или ада (да и играют спектакль на сцене, которая именуется «под крышей). Возникает жутковатый, ничтожный и уморительно—нелепый образ политтехнолога, консультанта с копытом, мелкого беса, который конструирует жизнь страны, попавшей из советского огня в какое-то бездарное полымя.

Оказавшись в «предбаннике», артист Юрский обороняется. Он ищет внутренние и внешние духовные опоры. Он беспрерывно играет, сочиняет, концертирует. В дни его юбилея стране показали церковь, в которую актер постоянно и не случайно заглядывает. Его техника питается скрытым моральным пафосом. Он стал иногда напоминать какого-то всероссийского театрального Стародума. Не знаю, снятся ли Юрскому по ночам мировые подмостки, на которых корчатся и кривляются бессовестные лицедеи (так это случалось у Чехова). Вероятно, снятся: не раз выслушивал от Сергея Юрьевича, что ночью после ви-

зита в какой-нибудь театр он не мог уснуть, как будто его мозг чем-то искололи. Он не просто что-то не любит. Он *не приемлет*. Диагноз его суров и беспощаден: растление актеров, растление зрителей, растление театра. Никаких даже робких возражений не принимает. Предъявляя счет современному театру, сравнивает нынешние театральные времена с экспериментами маркиза де Сада: в пользу легендарного извращенца. Тот все ж не продавал билеты и экспериментировал над проститутками и слугами...

Вслед за булгаковским «Мольером» семья Юрских напомнила сцену из пьесы Бергмана «После репетиции». Спектакль когда-то шел в чеховском МХАТе. Еще один «монолог о театре», исполненный семейно, на три голоса. Сложно сконструированная пьеса явно затрагивала какие-то тайные струны театральной души Юрского. Тут уже не было «Бру-га-га!», а были прихотливые извивы подпольного театрального сознания. Театральный мирок представал в своих самых отталкивающих чертах. Ракель-Наталья Тенякова ошпаривала исповедью на вечную актерскую тему: что театр — это грязная яма, похоть и гнусь, но все-таки жаль, что чего-то недоиграла, не сыграла и теперь уже не сможет сыграть никогда. И все это сквозь полупьяное бормотание, и все это выкладывается усталому и стареющему Режиссеру–Юрскому. И тогда, когда спектакль играли в Художественном театре, и на юбилейном вечере Режиссер смотрел на свою актрису, не отрываясь, иногда с нежностью, иногда с болью, проживая вместе с ней все извивы ее страстной и бессвязной речи. «Моя любовь угасла не совсем»... Вот это игралось прежде всего. И было видно, что эта актриса действительно недоиграла, что ее могучему темпераменту и не растраченной душе не пришлось высказаться до донышка. Еще один монолог о природе театра.

А потом Юрский опять оказался один на сцене и сыграл свой коронный номер — встречу Счастливцева и Несчастливцева. Играл и комика, и трагика, вырастал и съеживался, менял интонацию, мгновенно перевоплощался, поражал виртуозностью своей неувядающей техники и какой-то прежней забытой легкостью. Он не резонировал, не осуждал, не горевал. Он играл. Больше скажу, любовался двумя провинциальными бедолагами–актерами, все им прощал и в конце концов вызвал полный восторг современного зала. Правда, «Бру-га-га!» не было. Островского, как и Мольера, Юрский толковал с той понимающей братской нежностью, без которой нельзя существовать в мире театра. Ведь и первый мольеровский монолог (с раскатами смеха) Юрский тем не менее завершал на проникающей светлой ноте: «Потом занавес упал, поднялся и еще упал. Еще поднялся, упал, упал. Мольер стоял у рампы, кланялся, и пот со лба падал на помост».

СЕРГЕЮ ЮРСКОМУ

Любимый мэтр! Сегодня Вашей славе все расточают ладан и елей, и я себя не ощущаю вправе Вам оду сочинять на юбилей. Есть некая угрюмая стервозность, — ее подспудно чует большинство, — все время вслух напоминать про возраст тому, кто не зависит от него. Я дал бы Вам без всяких оговорок, смешных немолодому мудрецу, — те едкие скептические сорок, которые Вам более к лицу. Ведь, ежели в истории порыться, всяк существует в возрасте своем: так, Пушкину и в двадцать было тридцать, так мы Толстому семьдесят даем; семнадцать — Маяковскому, к примеру, шесть — Пастернаку, по его словам, а сорок лет — Демидовой, Вольтеру, Булгакову, Островскому и Вам. Бывало, в двадцать — бабы на уме лишь, а в тридцать на душе хандра и мрак, зато уж в сорок все уже умеешь, а хочешь лишь немногого — но как! Как оживаем мы, когда проходим альпийски-щедрый этот перевал, что холод сочетает с плодородьем, как Д. Самойлов это называл! В семидесятом, в восемьдесят третьем с эпохами триумфов и потерь Вы боретесь своим сорокалетьем и в нем же пребываете теперь. Поэтому о возрасте забудем. Попробуем без ложного стыда ответить, чем Вы так любезны людям, но все-таки не всем и не всегда.

Вы славитесь талантом и напором, а это здесь — проблема из проблем. Мне кажется, останься Вы актером, — Вы безусловно нравились бы всем. Вы б идолом народным стали скоро и до сих пор справляли торжество, когда б сыграли только Викниксора и Бендера, а больше никого. Гора ролей, притом разнообразных, сгрудившихся галдящею толпой, Вам лишь вредит. Народ наш любит праздных: сыграл в одной картине — и в запой. Путь должен кратким быть, как эсэмэска, и лучше быть простым, как карандаш. Вдобавок Вы в эстетику гротеска и даже в переводы Ионеско ударились, а это путь не наш. Один секрет по-дружески откроем: Вы стали бы кумиром всей страны, оставшись положительным героем, которым, кстати, Вы и рождены; играй Вы тридцать лет без остановки, поскольку позволяет внешний вид, процесс интеллигентской перековки — как в коллективе зреет индивид; произнося ошибочные речи, но массу пролетарскую любя... Останься Вы таким, как в «Месте встречи...», где каждый фраер в Вас узнал себя! Но Вы не стали социально-близким. Вас привлекает то халат, то фрак, то итальянец, то Фома Опискин... И потому Вас любят, но — не так.

Народ, конечно, к Вам со всем почтеньем, но Вы, дойдя в актерстве до высот, вдруг занялись литературным чтеньем, а этого поклонник не снесет. Вы вновь не умещаетесь в гештальте, теперь уже на новом рубеже. Вы или уж играйте, иль читайте. Определитесь, собственно, уже!

И в чтенье Вы из рамок рветесь снова, концертный образ резко изменя. Добро б читали Пушкина, Толстого, — а то ведь Хармса, Бродского, меня! (За это Вам отдельное спасибо: читатели узрели в этом знак, теперь я человечище и глыба, а был незнамо кто и звать никак.) Но ладно бы! Простим пристрастье к сюру, от коего и так в глазах черно, — но Вы еще шагнули в режиссуру, в добавок не в театре, а в кино! Пришлось нам приноравливаться снова к метаниям любимца всей Москвы: Вы в девяностом ставите «Чернова» — по собственной же повести, увы! И так уже отдельные коллеги покручивали пальцем у виска: для них побеги Ваши и набеги — почти невыносимая тоска. Такая сумасшедшая работа — для многих оскорбленье и погром: беда, когда один умеет что-то, что остальным слабо вдесятером!

Увы, разнообразясь и расцветясь, Вы снова не смогли попасть в струю: в двухтысячных является Вацетис и вносит «Провокацию» свою. Какой еще Вацетис, Боже правый?! Казалось бы, переходи на чай, играй в кино, гордись законной славой, гладь внуков и студентов обучай! Так нет же, блин, — родил театр абсурда, десяток пьес неведомо про что, и каждая настолько не отсюда, что драматургом мог бы быть Кокто! Вы слишком экзотическая птица для наших скудных северных широт. Вас слишком много, надо согласиться, чтоб по заслугам Вас ценил народ.

И, наконец, в писатели готовясь, осваиваясь в новых временах, Вы каждый год печатаете повесть, вдобавок фантастическую. Ах, за далеко не старческие годы Вы десять жизней прожили, и вот — Вас ценят лишь моральные уроды. По счастью, я как раз такой урод. В России, где сейчас довольно серо, мы чувствуем своих по блеску глаз и — в жажде утешенья и примера — глядим на Хармса, Бродского, Вольтера, а с наибольшей радостью на Вас.

Ион ДРУЦЭ

ХРИСТИАНСКИЕ БАЛЛАДЫ

1. Дорога к Отцу

Проходят времена.
Время утренней,
Время вечерней молитвы.
Проходят дни и ночи,
Недели,
Месяцы,
Годы проходят,
А в храме моем,
Перед иконкой,
Догорает
Единственная свеча,
Зажженная
Моим
Ангелом хранителем.

* * *

Произносить,
Одни и те же слова,
День за днем,
Утром и вечером,
Оставаясь
Без единого отклика
С той,
Другой стороны,
Трудно,
Очень трудно.

Ион ДРУЦЭ — родился в 1928 г. в селе Городище Сорокского уезда, Молдавия. Окончил Высшие литературные курсы. Автор многих книг прозы и драматургических произведений, в том числе биографических — «Возвращение на круги своя (Уход Толстого)», «Апостол Павел», «Ужин у товарища Сталина». Живет в Москве.

Временами,
Я падал духом
И в отчаянии
Спрашивал Тебя:
Господи,
Неужели
Тебя больше нет
И я попусту
Прожил свою жизнь?!

* * *

И сказал Господь:
Сын мой,
Жизнь —
Это дорога.
Любая дорога
Ведет
Либо вниз,
Либо вверх.
Если душа твоя
Жаждет отклика,
Не соблазняйся
Легкими путями.
Найди
Ту,
Единственную
Трудную дорогу,
Которая
Ведет в гору,
И поднимись
На мой холм.
И вот я поднимаюсь
На Холм Надежды,
На Гору Спасения,
На Созвездье
Жизни своей.
Дорога тяжела,
Крута,
Длинна,
Камениста,
Ни конца ни края.

А я иду,
И иду,
И иду.
И я счастлив,
И счастлив,
И счастлив...

2. Воля Господняя

В самую темную,
В самую грустную ночь
Жизни земной
В Гефсиманском саду,
Обливаясь
Кровавым потом,
Сказано было:

Господи,
Да свершится
Воля Твоя.
С тех пор
Вот уже
Две тысячи лет
Мы повторяем
За Спасителем:
Господи,
Да свершится
Воля Твоя.
И за полярным кругом,
И в знойной пустыне,
И в пучине морской,
И под облаками:
Господи,
Да свершится
Воля Твоя.
И в храмах,
И в темницах,
И в собраниях,
И на свадьбах,
И в поездах,

И на горной тропе:
Господи,
Да свершится
Воля Твоя.
И на древнем
Арамейском,
И на звучной латыни,
И на каменном
Греческом,
И на хлебном,
Славянском:
Господи,
Да свершится
Воля Твоя.
И в этом часу,
И в этом году,
И в этом веке,
И в этом поселке,
И на всем
Шаре земном:
Господи,
Да свершится,
Воля Твоя.

И в доме моем,
И в моей душе,
И в моих трудах
И в моей судьбе:
Господи,
Да свершгится,
Воля Твоя.

3. Исповедь на закате

С волнением
И трепетом
Стою я
У порога
Покинутого мною
Давным-давно
Сельского храма.

И волнуется сердце,
И томится душа,
И дрожит свеча,
Горло пересохло,
И нету слов
Для покаяния...

* * *

Господи!
Пока я рос
Под кровлей
Отчего дома,
Не хватало дня,
Не хватало поляны
Для бега,
Для игр,
Для забав.
И думал я тогда,
Что
Длинный-
Предлинный день,
Огромная поляна,
Где можно играть
С утра до вечера, —
Это и есть
Счастье.

* * *

Шли годы,
Меня научили
Пахать и сеять,
Сажать деревья,
Виноградную лозу.
Я сажал и сеял,
И, о чудо Господне,
Колосились
Мои хлеба,
Румянились яблоки,
Нависали тяжелые,
Сладкие гроздья.

И думал я тогда,
Что сажать и сеять —
Это и есть счастье.

* * *

А годы шли.
Я был молод,
Удачлив,
Говорлив.
По вечерам
По всей окрайне
Для меня светились
Окна в домах.
Пора было выбрать
Пару окошек.
И я выбрал.
Она была молода
И горела вся.
Я был молод
И тоже горел.
Любовь
Заслонила собой
И поле,
И сад.
И думал я
В том горении,
Что любовь —
Это и есть
Единственное,
Немеркнущее,
Неземное Счастье.

* * *

Но,
Как известно,
Ничто не вечно
В подлунном мире,
Тем более
Юношеская любовь.

С годами
Это пламя,
Гоняемое ветрами
Во все края,
То вспыхивало,
То угасало,
Пока огонь,
Не постиг себя.
И вот уже
Дети растут,
Ходят в школу,
Учат умножение.
Вместе с ними
Мы заново,
По второму кругу,
Постигаем мир.
Дети возвращают
Утерянное нами,
Они несут дальше
Факел жизни.
И думал я тогда,
Что дети —
Это и есть
Настоящее,
Истинное счастье.

* * *

Шли годы,
Дети росли,
Мужали,
Разлетались...
И просыпаемся мы
Рано утром,
И сокрушаемся,
Что и глаз не тот,
И мышца не та,
На пустячной лесенке
Поджидает одышка,
И начинам понимать,

Что счастье —
Это, прежде всего,
Наше здоровье.
И начинается бег
По врачам.
Полны карманы
Рецептов и таблеток,
Мы сами становимся
Знатоками медицины,
Нянчим,
Лелеем
Свое самочувствие,
При этом
Откладывая деньги
На черный день,
Так чтобы и на гроб,
И на священника,
И на поминки хватило.
И думаем про себя,
Что возможность
Достойно
Покинуть этот мир —
Это и есть
Наше счастье.

* * *

Но дни идут.
Отложенное
Тает,
Деньги уходят
На другие надобности.
Нужно заново
Начинать копить...
И вот
Стою я
У порога
Давным-давно
Покинутого
Сельского храма,
И томится душа,
И набегает слеза,
И дрожит свеча...

* * *

Господи,
Что есть
Этот безумный
Бег времени,
Что есть
Жизнь наша?!
Я пахал
Свое поле,
Сажал
И сеял,
И собирал,
А все в пустую.
Земли было мало,
И урожаи мои
Растаскивали
Хищные птицы.
Бедность
Сожрала
Нашу молодость.
Когда стол пуст
И душа пуста,
Мы бросаем
Исхоженные дороги
И уходим в мир
Дикими полями,
Дикими лесами...

* * *

Господи,
Множество раз
Я терял себя
Среди чужих.
И было мне
Холодно,
И было мне
Голодно,
И было мне
Одиноко.
Я дичал
И грешил.

Я слонялся
По большим
И малым городам.
Были у меня
Друзья,
Были у меня
Враги,
Но не было смысла
Ни в той дружбе,
Ни в той борьбе...

* * *

Так все шло и шло,
Пока
Пути
Блужданий
Не привели меня
В эту ночь
Обратно,
К порогу
Покинутого мною
Давным-давно
Сельского храма.
Храма Любви,
Храма Смирения,
Храма Созидания...

4. Первородный грех

Господи,
Тебя не понимали,
Тебя не принимали
На малой родине,
В Назарете.
Тебя не понимали,
Тебя не принимали
Во святом
Вечном городе
Иерусалиме.
Нагорную проповедь
Пропустили

Мимо ушей
И Вифлеем,
И Назарет,
И вечный город
Иерусалим.

* * *

Потом была
Тайная вечеря,
Гефсиманский сад,
Распятие,
Вознесение.
Но они
По-прежнему
Не принимали Тебя —
Ни Вифлеем,
Ни Назарет,
Ни вечный город
Иерусалим.

* * *

Однако
Притчи Твои,
Перейдя море,
Расходились
Во все концы
Света белого,
Они завоевывали
Страну за страной,
Поколение за поколением,
И через сотни лет
Паломники
Со всех концов мира
Направились
На Святую землю.
Они горько каялись,
Посыпали
Головы пеплом,

Искали
День и ночь
Следы
Твоего
Земного
Служения,
Следы
Твоих страданий.
Возводили
Богатые храмы
И в Вифлееме,
И в Назарете,
И в вечном городе
Иерусалиме.
Возводили храмы там,
Где побывали
Ученики Твои,
Но все эти
Чудеса света,
С богатой позолотой,
Они возводили
Не Тебе,
А себе,
Чтобы
Укрепиться в вере,
Потому что,
В глубине души,
Они по-прежнему
Тебя не понимали,
Не принимали,
Сомневались
В истинах Твоих —
И Вифлеем,
И Назарет,
И вечный
Святой город
Иерусалим.

* * *

Даже сегодня,
Через
Две тысячи лет,
Тебя так же люто
Ненавидят,
Точно
И Тайная вечеря,
И Гефсиманский сад,
И Распятие,
И Вознесение, —
Все это было вчера.
И если бы Ты
Вдруг явился бы
В земном обличии
На своей
Малой родине,
Тебя бы не пропустили
Через границу,
Тебя бы
Не пропустили
В богатые храмы,
Посвященные Тебе.
Народ, возможно,
Собрался бы
Послушать Тебя,
Но и эту проповедь
Они опять бы
Пропустили
Мимо ушей,
Ибо
Первородный грех
Непонимания,
Непринимания
Лежит на нас.
Мы от Адама
И до скончания века
Не будем понимать,
Не будем принимать
То, что больше нас,
То, что выше нас.

* * *

Господи Иисусе!
Сегодня Ты
Далек от нас
Как никогда.
И может потому
Живем
Странной жизнью.
Мы и молимся
И как будто
Уже и не молимся,
Мы и верим
И как бы уже
Не верим,
Как бы живем
Духовной жизнью,
Как будто
И не живем.
Прости нас,
Господи...

5. Завет монаха-отшельника

Не надо
Каждый день
Просить:
«Господи! Помоги!»
Уж если тебе
Даден день
И ты, вставши поутру,
За что-то взялся,
Перекрестись,
Улыбнись,
И трудись.

* * *

Не надо
Каждый день
Просить:
«Господи! Научи!»

Уж если ты
В тесноте,
В тупике,
Но еще жив,
Ищи,
Рой,
Иди на свет,
На то тебе дан
И Разум,
И Дух.

* * *

Не надо
Каждый день
Просить:
«Господи! Спаси!»
Уж если ты
Рожден
И стоишь на ногах,
И живешь,
Благодари судьбу.
Помолись,
Улыбнись
И живи,
И живи!
И живи!!!

6. Час молитвы

Смысл нашей жизни
Есть
Общение с Богом.
День, когда
Этого общения
Не было,
Есть пропащий,
Выпавший
Из твоей жизни день.
И страна,
Которая
Не общается
С Богом,

Есть пропащая
Для мира страна.
И век,
В котором
Не было
Общения с Богом,
Есть пропащий
Для истории век.
И потому,
Если ранним утром
Не чувствуешь
Голубой храм неба
Над собой,
Если не слышишь
Голос Вечности,
Если душа твоя
Не озарена
Духом созидания,
Светом добра,
Оставь все дела,
Уединись,
Опустись на колени
И молись.
Стучащему,
Да отворят...

От редакции

Сказать о Самуиле Лурье лучше, чем мог бы сказать он сам, у нас вряд ли получится. Поэтому и предоставим вступительное слово ему самому.

Нижеследующая цитата позаимствована из текста, посвященного одному из любимых персонажей Лурье. Тому самому, который, по словам Лурье, «*похож отчасти на кентавра с коровьим хвостом: он, видите ли, старается писать критику — прозой. Сочиняет про приключения ума среди текстов... Позволяя фразе бежать с мыслью наперегонки куда глаза глядят. А также любит пошутить, не всегда благопристойно*».

Читатель сам, конечно, рассудит, насколько эта характеристика может быть отнесена и к тому тексту самого Лурье, который мы публикуем ниже. Нам кажется — полностью и безусловно. Во всяком случае, как раз по этой причине мы решили разместить его именно в нашей «Литературной гостиной». Тем более что это уже не первый у нас опыт: бывало и раньше, что на ее страницах появлялась проза отнюдь не повествовательная, а медитативная.

Дополнительно сообщаем, что публикуемый цикл эссе сложился из колонок ныне почившего петербургского аналитического еженедельника «Дело» (где С. Лурье вел постоянную рубрику «Взгляд из угла») и публиковался в газете в соответствии с теми датами, которые и указаны в начале каждой главки.

Самуил ЛУРЬЕ

ЛИСТКИ ПЕРЕКИДНОГО

25 августа 2003

Черное и серое

Ярко-черный был день. Яркий-яркий. Черный-черный. Не знаю, с чем в жизни сравнить этот наглый, этот глумливый черный блеск. Так невыносимо сверкает разве что пошлость на чьих-нибудь похоронах.

Самуил ЛУРЬЕ — родился в 1942 г. в Свердловске. Окончил Филологический факультет Ленинградского университета. Работал в сельской школе и в Музее Пушкина, а с 1966-го по 2002-й гг. — в отделе прозы журнала «Нева» (с 1988-го заведовал отделом). Автор романа «Литератор Писарев», сборников эссеистики «Разговоры в пользу мертвых», «Муравейник», «Успехи ясновидения», «Такой способ понимать» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Это был день очень сильных чувств. Никогда больше они не сходились все вместе и в такой пронзительной боли. Чувства были: отчаяние, злоба и стыд. Теперь это просто слова. Их тогдашнюю цену помнит, кто в тот день действительно жил, то есть понимал, что все пропало.

Не про политику. Про совесть. Люди-то были советские, отделять себя от государства не умели совершенно. Презирать его, не презирая себя, не могли. Пресловутое тогдашнее двоемыслие было ведь не двоедушие, а всего лишь недомыслие: дефект мышления, вскормленного ложью. То есть сочувствовали все равно добру, а верность злу держалась на принудительной перемене знака. Как только государство допустило в обращение правду (не важно, по какой причине; не имеет значения, в каких дозах), — сразу открылся и замерцал в умах мир ценностей не превратных. Такая удача выпала поколению, такая увлекательная увертюра. Почти успешная попытка примирения с действительностью. Потому что, повторяю, главным действующим лицом в этой действительности — вокруг и внутри каждого — было государство. Существовать с ним врозь и в ссоре казалось невыносимо. Тем более что оно повинилось в преступном прошлом: бес попутал, ошибочка вышла, — слегка раскаялось, а на покаянии почти никто и не настаивал особо. Только не изменяйте правде, а справедливость придет сама. Этот идеал тогда еще не потух, вполне затмевая свободу. И слово «мы» звучало (например, в песнях Окуджавы) мечтательно и мужественно, а слово «они» омерзением еще не налилось. Считалось, что «они» просто дураки, то есть не понимают государственной (а значит, как бы настоящей своей) пользы. И только из кретинизма сажают за правду в тюрьмы. (А уже сажали вовсю.)

В тот день все и переменилось. Не у них — у нас. Как выяснилось — навсегда. А только всего и случилось, что «мы» поступили подло, коварно, низко. Что «мы» растерли танками дружественную страну, где правда уже договорилась до справедливости. Растерли в кровь, испугавшись призрака свободы.

Мало кто знал, сколько крови пролилось, какой суматошной бессмысленной свирепостью «мы» поразили мир, каким циничным пренебрежением к праву и здравому смыслу.

В России в тот день пили по-черному, матерясь и только что не плача, не оттого, что жалели погибших. Жалели — себя. Предчувствовали, конечно, что вся оставшаяся жизнь пройдет, как под дождем, в сером сумраке; что придется молчать или врать — третьего не дано; что отныне лафа безжалостным и бездарным, и они сживут со света всех, кто на самом деле нужен стране; что будет

очень скучно и очень страшно... И особенно мучительным (смешно теперь и странно вспомнить) было вот это понимание: что чувствовать себя своим в таком государстве вот в этом, в своем же! — несовместно с совестью.

Еще накануне некоторые даже в правящую партию вступали, оправдываясь такой мотивировкой, что, дескать, чем больше в ней будет порядочных людей... Этот довод утратил силу. Порядочным остался только отчужденный человек. В сущности, подпольный. Который не доверяет государству и сам, понятно, у него на подозрении. Пожизненно подследственный.

Запили не все. Жили еще современники похрабрей, почестней. Несколько молодых вышли на демонстрацию. Госбезопасность скрутила их за минуту (почему-то с воплями «У, жиды!», — недоумевают очевидцы; а чего недоумевать? военным и вовсе соврали, будто они спасают братскую Чехословакию от атаки бундесвера). Десятки — если не сотни — если не тысячи людей написали (в ЦК КПСС, куда же еще?) возмущенные письма. Этих исключили, уволили, посадили. Так же и тех, кто на собраниях сомневался вслух.

Ну, а остальные принялись поживать по-прежнему, только еще осторожней и без надежд.

21 августа 68-го года у целого поколения украли из жизни смысл. И, не исключено, светлое будущее у всего человечества.

А ради чего, спрашивается, ради кого? Если теперь, издалека, подумать: только чтобы полчище функционеров так называемой идеологии — всевозможные секретари, завсекторами, инструкторы, несметная челядь Агитпропа, Главлита, Главпура — остались при деле, то есть при пайках, при конвертах с премиями из партказсы, при продуктовых и вещевых спецраспределителях. Только эта цель и достигнута: бездельники дожили до персональных пенсий. Доведя отечество до церебрального паралича.

Боже, сколько их было, как расплодились! Каждой редакции полагался «куратор», иным не один: от райкома, от горкома, от обкома, от ГБ. Плюс цензура. Публикации центральных изданий «визировались» еще и в ЦК, равно и кинофильмы. Про телевидение, радио не говорю. Между двумя отделами Центрального Комитета много лет шла ожесточенная распря: дозволить или не дозволить на танцплощадках исполнение «ча-ча-ча». (Под конец прогресс, кажется, победил.) В школах ввели нулевой урок — на час раньше: спросонок политинформация усваивается крепче...

Ну, что же, загнали в подполье совесть и культуру, добились своего, оглупили народ, ожесточили, боюсь, неизлечимо. Хоть бы извинились, сходя со сцены, да не перед чехами, те спаслись, — а

перед нами. Нет же, — и не думают. В аккурат 21-го возвестил Зюганов по радио: «Мудрее, честнее, совестнее советской власти ничего в нашей истории не было».

Из тех, с кем я напился в этот день тридцать пять лет назад, почти никого уж нет, а кто жив, — странствует далече.

Один вспоминаю: яркое-яркое черное. А потом — серое сплошь.

27 октября 2003

Звезды октября

— Мы не являемся своими современниками, — говорил мне один старый советский писатель, давным-давно это было, и посмеивался этак безнадежно. Добрейший был трус; эстет, опущенный (как посмертно узналось) до стукача. Он так и не осмелился вывести эту остроту на бумаге (например — приписав отрицательному персонажу).

Я много лет понимал ее (наверное — правильно) в смысле самом простом: нам, гагарам, практически недоступны наиболее ценные вещи XX века (отчего, между прочим, римские цифры и читались: Ха-Ха). Вещи, которые придают современности некоторую, что ли, важность. Или прелесть. И включают ее в историю, как небессмысленную главу. И, главное, скрашивают каждому его личный срок, вообще-то невеселый, не говоря уже — краткий. Мол, я все-таки недаром жил именно в это время, тоже и на меня отчасти пролился блеск просиявших в нем звезд, — разумеется, исчезну без следа, но все-таки стоило поприсутствовать, ведь я одним из первых узнал то-то и то-то, и вкусил, и оценил, и понял...

А то, — ну что, в самом деле, — как мне сказать *на тем свету* (если вдруг спросят, что, конечно, вряд ли): дескать, жил на Земле в одно время с Чарли, допустим, Чаплиным, — если впервые увидел «Диктатора» через 60 (прописью: через шестьдесят) лет после остального человечества? С Джойсом или, там, Кафкой, допустим, я сам виноват: кто мешал выучить языки? (а в первый круг спецхрана, глядишь, и пробился бы) — но как насчет якобы современной мне философии? насчет живописи? насчет лженауки кибернетики? Да что науки! Впервые человек прошелся по Луне тоже в якобы мое время, — и глазком на это не позволили глянуть обитателю столетия Ха-Ха.

Одно утешение — «Чевенгур» я прочитал (и то лишь потому, что посчастливилось необычайно, из ряду вон!) хоть и через полвека после того, как Платонов написал, но лет за двадцать до того, как напечатали. Тут я, значит, иностранцев обошел.

А зато они нас всех — с «Доктором Живаго»! На целых тридцать два года! Они там сняли культовый фильм, написали полторы тысячи научных работ, — а родина, которую прославил великий писатель, произвела за тот же промежуток времени одну-единственную о нем идею (статья изъятого Синявского не в счет): что напрасно многие товарищи сравнивают Пастернака со свиньей, потому что свинья, в отличие от Пастернака, не гадит там, где кушает (это буквально), — в собственном, то есть, гнезде (тоже буквально, я своими ушами слышал по радио).

Так изволили сформулировать лично тов. Семичастный, председатель КГБ, сорок пять лет тому.

Да, ровнехонько сорок пять лет назад присудили Борису Пастернаку Нобелевскую премию за выдающийся вклад в мировую лирику. И тотчас, не теряя ни минуты, тов. Семичастный вкупе с организованной группировкой тт. сергеев михалковых принялись вгонять лауреата в гроб.

А когда вогнали, — контора удумала потрясающую штуку. Под скамейкой, что стояла у могилы поэта на Переделкинском кладбище, пристроили микрофон. А записывающее устройство — за надгробной плитой. (Шнур, естественно, прикопали.) Над прахом властителя тайных дум (прибавим к всемирной славе — подпольную) люди, расслабившись, рассуждают о подобающих месту предметах. Судьба России, литература, Бог — все такое. Причем с искренностью, на допросе и то не достижимой. А тут — поручи аккуратному исполнителю регулярно менять кассеты, всего и делов. И так сорок лет подряд труп гения служил отчизне — в лице тов. Семичастного и преемника его тов. Андропова — наподобие приманки в мышеловке. Потом эта история всплыла (проболтался аккуратный исполнитель), но скамейку, знаете, отремонтировать недолго. И с исполнителем разобраться. И вот уже, — скажем строчкой Бориса Леонидовича, — «никто не помнит ничего».

Действительно, мы не современники. Не то что Борису Пастернаку или, предположим, Венедикту Ерофееву, а даже и самим себе. (Вот помяните мое слово, будем еще уверять внуков, что умиротворение Чечни происходило не при нас, что мы ни сном ни духом и т. д.) Как выяснилось — и если вдуматься, — это касается не одного лишь дефицита культурных витаминов. Оболванивание — не пустое слово, а планомерный процесс, конечным продуктом которого становится не просто неумный невежда, но именно болван, существо бесчувственное. По-видимому, партия, правительство, Ленинский комсомол и пионерская организация, не говоря о главных органах, взяли на вооружение дефиницию (Аристотеля, что

ли?): человек — животное политическое. Подразумевается — в отличие от раба. Отсюдова эрго: загасите какую-то ничтожную долю мозга (где так называемое гражданское беспокойство) — и перед вами разнообразно похотливое, но, в общем, послушное дитя. Из пеленок в саван плетущееся как бы сквозь тусклый полусон. Это тоже отмечено доктором Живаго:

«...Вообще говоря, всеми за последнее время овладело удивительное равнодушие, которого прежде в России не знали. Эта бесчувственность развилась незадолго до войны и за ее время усилилась. Ничего подобного радикализму Герцена, спорам Толстого с жизнью и Гаршинским "Четырем дням" уже нельзя было встретить. Не имея сил победить свою нравственную вялость, тысячи мыслящих и образованных людей молча сносили, как изо дня в день извращали их собственные чувства и мнения именем народа, ничего этого не подозревающего и к этому непричастного, и все сваливали на него и все им оправдывали».

Вот умер на днях Георгий Владимов — один из последних мастеров классической русской прозы, автор трех превосходных книг и одной — бессмертной. (Сколько надо поколений, чтобы «Верный Руслан» попал в хрестоматию?)

Александр Галич, которому, хоть и странно это представить, могло бы исполниться в этом октябре восемьдесят пять, погиб при неясных обстоятельствах более четверти века назад. Его голосом хохотала от боли ампутированная совесть страны.

Мы же отливаем (или тешем из гранита?) статую тов. Андропову, отнявшему у них родину.

Тов. же Семичастный сделался одноименным г-ном — и хоть бы хны.

3 ноября 2003

Предсказанный человек

Пятьдесят лет прошло с того дня, как умер в Париже Иван Бунин, русский гений.

Мы, бывает, посмеиваемся, не без горечи, над знаменитой размашистой фразой: что в сочинениях Пушкина, дескать, выразился русский человек «в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». Посмеиваемся: не угадал Николай Васильевич, восторженность подвела. Вот уже почти что на исходе предсказанный срок, а попал бы Гоголь на минутку в современность, взглянул бы на потомков одним глазком — не разбирая дороги, кинулся бы к себе в Донской, затаиться навеки под черным камнем.

А на самом-то деле он как раз угадал. То есть ошибся намного, но в другую сторону. Предсказанный им человек, сделав для нас все, что мог, умер 8 ноября в городе Париже, обзавелся собственным черным камнем на Сент-Женевьев-де Буа.

Единственно Бунину было дано — или предназначено — передать русскими буквами то состояние, ради которого, наверное, только и стоит быть человеком: когда понимаешь реальность всеми чувствами сразу, причем все они до предела обострены, работая сверхстремительно и согласно.

И это нестерпимое наслаждение — осознавать подлинность сущего, вбирая в себя его прелесть и глубину. Как если бы жизнь была мучительный рай без единой помарки, прозрачная насквозь, насквозь пронзая...

Да что я бормочу. Как будто сами не знаете. Раскрываем Собрание сочинений на любой странице, — клянусь, раскрываю наугад! — и вот, пожалуйста. Хоть и нелепо переписывать, но перепишу, чтобы напомнить это состояние абсолютной полноты, когда в любой частности — вся жизнь. Все равно чья. Когда читаете, — ваша.

«От холода, от ледяной сырости воздуха большие руки его посинели, губы стали лиловыми, смертельно-бледное лицо с провалившимися щеками приняло фиолетовый оттенок. Он лежал на спине, положив нога на ногу, а руки под голову, дико уставившись в черную соломенную крышу, с которой падали крупные ржавые капли. Потом скулы его стискивались, брови начинали прыгать. Он порывисто вскакивал, вытаскивал из кармана штанов уже сто раз прочитанное, испачканное и измятое письмо, полученное вчера поздно вечером... и опять, в сто первый раз, жадно пожирал его:

“Дорогой Митя, не поминайте лихом, забудьте, забудьте все, что было! Я дурная, я гадкая, испорченная, я недостойна вас, но я безумно люблю искусство! Я решилась, жребий брошен, я уезжаю — вы знаете с кем...”»

Припомнили? Ведь никакого такого особенного словесного мастерства, и сюжет — не новость, и психология — дело прошлое...

А сила вся в том, что вы разом попадаете в особенное пространство, сплошь из резких, отчетливо говорящих подробностей. Каждая — в фокусе, от каждой — укол смысла. И если у вас хватит воли оторваться от текста и оглядеть помещение — вы поразитесь: насколько все вокруг бледней, тусклей.

Этим вот многоочитым бунинским зрением Россия увидела себя всю, в первый раз и в последний.

Понадобилась именно такая биография, — чтобы родовитый дворянин был нищим недоучкой, перекати-полем, — не забудем и деревенское детство, и провинциальную молодость, и внезапную столичную славу, и дружбу Чехова, и приязнь Льва Толстого, а также добавим счастья и несчастья донельзя, через край...

Кажется, только таким образом и могло случиться, что один человек проник в мысли огромной страны — почувствовал, о чем она молчит, — с тоской и ужасом догадался, что вот-вот взорвется и потеряет человеческий облик.

Прекрасная Родина больна. Населена безумными дикарями.

Помните, как в «Деревне» она сама же себя честит:

«— Ты подумай только: пашут целую тысячу лет, да что я! больше! — а пахать путем — то есть ни единая душа не умеет! Единственное свое дело не умеют делать! Не знают, когда в поле надо выезжать! Когда надо сеять, когда косить! "Как люди, так и мы", — только и всего».

Вскоре, как известно, Россия рухнула. Осталась — зато навсегда — в прозе и стихах Бунина: да, безумной, но все-таки прекрасной. Судьба позаботилась о том, чтобы никто его не тронул, чтобы не мешали дописать до конца. Множество тайных пособников было у него, тайных союзников, даже и за границей: закаты, дожди, облака, звезды не сводили с него глаз, постоянно утешали: мы с тобой, ты не один.

В результате трудов и удач образовалось сокровище. Мы держим его под спудом, откладываем наслаждение на какое-то потом. На какое? Разве будет на свете радость увлекательней, чем перечитать еще хоть раз эти девять томов?

Это настоящее. Другого нет и, похоже, не предвидится. Морок, желтый туман. Не жили хорошо — не фиг и начинать. Все так же больна прекрасная страна злобой и глупостью; только нынче — не царское время! — государство играет на них с особым цинизмом.

И опять у нас Окаянные дни — с правосудием преступным, с громогласной воинственной пошлостью, вплоть до съездов комсомола. Моря крови пролиты, вконец обнищал народ — а все-таки не опомнился.

Так что примемся лучше перечитывать Бунина, пока его не запретили опять.

Вот он видит в советской газете: «Все на защиту революции, так еще недавно лучезарно сиявшей миру!» И в ярости кричит:

— Когда она сияла, глаза ваши бесстыжие?

Голос, точно, как у Пушкина.

18 марта 2004

Свобода и жалость

Сто тридцать лет со дня рождения Николая Александровича Бердяева, русского философа.

Того самого. Знаменитого на Западе настолько, что кое-кто даже читает его книги (переведены в двух десятках стран). А на родине известного тем, что по приказу правительства ее покинул: уплыл в сентябре 1922 года на так называемом *философском пароходе*. (Кстати, на самом-то деле назывался пароход — «Oberburgermeister Haken».)

Изгнание — признание. Кого попало не выдворяют. На пять советских лет пришелся пик русской славы Бердяева. Ему даже выписали было — как одному из двенадцати самых видных интеллигентов — спецпаек. И в ЧК допрашивал его Дзержинский лично. А закончив допрос, обратился к Менжинскому с такими словами:

— Сейчас поздно, а у нас процветает бандитизм, нельзя ли отвезти господина Бердяева домой на автомобиле?

(«Автомобиля не нашлось, но меня отвез с моими вещами солдат на мотоциклетке».)

Забавно, что и при первом аресте, задолго до революции, жандармы вели себя исключительно корректно: обыскивали на цыпочках, арестовывали шепотом. Потому что Бердяевы — не только древний род, но и с большими заслугами перед престолом, со связями даже придворными: сплошь генералы, притом все, как один, георгиевские кавалеры; дед Н. А., герой сражения при Кульме, был атаманом войска Донского и все такое. Мальчик должен был сделаться пажом, а после кавалергардом, — но увлекся марксизмом. Потом православием. Потом опять каким-то измом. И повсюду искал свободы уму. Две отсидки при царе, две — при Ленине; там ссылка, тут — высылка. Как заметил сам Н. А., — для философа это много.

Важнейшие сочинения — «Философия свободы», «Смысл творчества», «Философия неравенства», «О назначении человека», «Русская идея». И еще много, все с названиями бесконечно заманчивыми. Очень хороши статьи о Достоевском — «Ставрогин» и «Великий инквизитор». Есть еще — мемуары, не мемуары, большой автопортрет — «Самопознание», труд последний. Кажется, над одной из его страниц Бердяев и умер. В марте 1948-го. За письменным столом, с пером, как говорится, в руке. У окна, выходящего в сад. В Кламаре, под Парижем.

Кто я такой, чтобы пересказывать философию, чью бы то ни было? Да и мало кто может. Мы не приучены думать об отвлечен-

ных предметах — оттого и считаем их отвлеченными, эти предметы: такие, допустим, как личная участь каждого из нас в вечности. Для метафизики, как все равно для секса, в русском языке даже нет обыкновенных слов: какие-то газообразные (а в другом случае, — наоборот, сверхплотные). Попросту сказать, не нужна она нам, — хотя в сущности это значит, что мы сами себе не нужны.

Бердяев и написал еще в 1909-м:

«С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине. А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине».

Если считать последнюю фразу автобиографичной, то про школу — неточно. Просьба также не путать любовь к истине с тягой к знанию. Это скорей предчувствие, что чего-то самого главного не узнать никогда, — и, значит, это главное — существует.

Но раз уж оно существует — не думать о нем невозможно.

А думать о том, чего знать не дано, нельзя иначе как сквозь мнимость, ограниченность и условность всего, что знаешь; усилием погружения в собственный ум на максимальную глубину; при этом предчувствие — истины — то есть поражения — то есть победы — становится все сильней, волнуя необыкновенно.

«Однажды, на пороге отрочества и юности, я был потрясен мыслью: *пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла.* Это был настоящий внутренний переворот, изменивший всю мою жизнь».

Странный был мальчик. Играл в куклы и читал Шопенгауэра. Любимую куклу — в офицерском мундире — звал Андреем Болконским, соответственно и обходился: как с абсолютно реальным (в отличие от товарищей по кадетскому корпусу) существом. Кузине в альбом вписывал цитаты из Гегелевой «Феноменологии духа».

И на всю жизнь остался таким, как будто Толстой и Достоевский его сочинили, — самым симпатичным персонажем русской жизни — вечным Подростком. Это, если помните, такое состояние, когда теория терзает, как тревога; когда «за разговором или спором по какому-нибудь вопросу я склонен видеть решение судеб вселенной и моей собственной судьбы». Когда основной внутренний конфликт — между свободой и жалостью.

«Ничего нельзя любить, кроме вечности, и нельзя любить никакой любовью, кроме вечной любви». «Я не делаю себе никаких иллюзий о действительности, но считаю действительность в значительной степени иллюзорной». «Жизнь эротическая, за вычетом

отдельных мгновений, — самая печальная сторона человеческой жизни». «Бог никакой власти не имеет, Он имеет меньше власти, чем полицейский... Потому что на Него не может быть перенесено такое низменное начало, как власть».

Так изо дня в день он записывал скороговорку своего ума. Признавался, что внутренний голос ему диктует.

«Но вместе с тем я сознавал трагическую неудачу всякого действия вовне. Меня ничто не удовлетворяет, не удовлетворяет никакая написанная мной книга, никакое сказанное мной вовне слово. У меня была неодолимая потребность осуществить свое призвание в мире, писать, отпечатлевать свою мысль в мире. Если бы я постоянно не реализовал себя в писании, то, вероятно, у меня произошел бы разрыв кровеносных сосудов...»

Как знать? Может, и на родине прочтут.

21 мая 2004

Шалавый

Восемьдесят три года Андрею Сахарову. Исполнилось бы.

Но вовремя ушел со сцены, и за это благодарная дирекция поставила ему за кулисами памятник: отдыхай, заика, в бронзе, а то совсем заколебал.

Хотя какое — ушел: гикая и топоча прогнали на тот свет. Чисто советское убийство в прямом эфире.

Должно быть, это невыносимо страшно — когда тысячи людей так громко тебя ненавидят. Но Сахаров, если помните, трактовал народный гнев исключительно как акустическую помеху. Как если бы пришлось излагать тезисы на берегу моря, некстати разбушевавшегося: что взять с бессмысленной стихии.

В действительности это был пруд, из которого вынырнул внезапно динозавр.

В ночь перед открытием пресловутого этого Съезда народных депутатов наивный я предавался подсчетам типа: две с половиной тысячи представителей двухсот пятидесяти миллионов — должны же среди них оказаться человек двадцать порядочных. Начались заседания — Боже мой, какие речи! как же плохо я знал свою страну! порядочных, да еще каких смелых — сотни чуть ли не две!

Последнее упоминание о Сахарове в стенограмме: «*Сахаров А. Д. (не слышно)*».

Видимо, страну я представлял себе довольно отчетливо. И поутру 15 декабря 1989-го, пока передавали сообщение о смерти А. Д., подумал — нет, почувствовал: вот и всё.

Чувство это помню, а что разумел под словом *всё*, — почти забыл.

Невольных убийц осуждаю не особенно. Ведь их, как и весь советский народ, науськивали на беднягу Ученого двадцать пять лет подряд. Полагаю, что ГБ боролась с ним целеустремленней, чем с каким-нибудь ЦРУ. Изобретательней. Задействовав лучшие свои умы. (Вплоть до того, что живых тараканов запускали ему в конверты из иностранных академий, — разумеется, прочее содержание изъяв.)

На еженедельных политинформациях в трудовых коллективах, на ежедневных политзанятиях в воинских частях, не говоря уже о всевозможных политигрищах партхозактива, четверть века подряд опытнейшие мастера снова и снова лепили Сахарова в полный рост.

Настоящая фамилия, сами понимаете, Цукерман. Естественно, горький пьяница. Пить приучила, конечно, жена по заданию империалистических разведок. Она же (и я читал это своими глазами в толстенной книжке, выходившей несколькими изданиями, умопомрачительными тиражами!), она же, зловредная супруга, тоже с кошмарной фамилией, обучает Сахарова ругаться матом — и бьет палкой, если он не выучит очередного урока.

(Вернувшись из ссылки, А. Д., говорят, сочинителю книжки публично врезал. Завидел, подошел: «Извините, я вам должен дать пощечину», — и дал. Объяснив, что за жену.)

Как обычно, пользы от этих усилий воображения было — чуть. Гораздо сильней действовала на людей самая обыкновенная правда. Люди же умеют считать: лауреат Сталинской, да двух Ленинских, да трижды Герой труда и, ко всему, академик, — это же какая прорва деньжищ! это же, выходит, всё у человека есть, а он еще чем-то недоволен! совсем, значит, стыд потерял!

Если бы ГБ догадалась еще рассказать, что он сделал со своим богачеством, — никаких и политинформаций дальнейших не понадобилось бы: сорную траву — с поля вон, и доколе терпеть.

А так — терпели: начальству все-таки видней. Но клеймили от чистого сердца:

«Мы, хлеборобы, единодушно поддерживаем осуждение Сахарова крупными учеными нашей Советской Родины и выражаем свое резкое возмущение его поступками и словами»...

«Мы, представители многотысячного коллектива рабочих Автозавода имени И. А. Лихачева, как и все люди труда нашей страны, возмущены и решительно осуждаем недостойное поведение Сахарова, клевещущего на наш государственный и общественный строй»...

(Меня не так удивляет, что А. Д. отказался от денег, как трогает, что он об этом пожалел: «...я под влиянием импульсов, представляющихся мне сейчас несостоятельными, передал в фонд госу-

дарства (на строительство онкологической больницы и в Красный Крест) почти все свои сбережения. Я не имел в то время личных контактов с нуждающимися в помощи людьми. Сейчас, постоянно видя вокруг себя людей, нуждающихся не только в защите, но и в материальной помощи, я часто сожалею о своем слишком поспешном поступке».)

В общем, это был конфликт Совести и Зависти. С исходом предрешенным, как в романе «Идиот». Противопоставил себя человек своему народу. И ему показали кузькину мать. И привели в состояние памятника.

Это удобно. Потому как правильно сказал один министр еще в 60-е: Сахаров крупный ученый, и мы его хорошо наградили, но политик он шалавый.

Афганскую войну считал, видите ли, преступной, — а что сказал бы про чеченскую?

А ведь сказал бы непременно. Говорил бы каждый день. И не только про нее. Навряд ли занялся бы, как подобает великому человеку, чем-нибудь серьезным, конструктивным, типа за что нам любить евреев. А полез бы опять к руководству с такими идеями, которые оно видело именно в гробу.

Впрочем, одна из этих идей — чуть ли не самая главная — осуществилась, но как пародия. Конвергенция, мы как раз при ней живем: социализм переродился в капитализм, полностью сохранив злокачественность.

История не утешает. А. Д. утешался космологией. Перечитаем Нобелевскую лекцию:

«В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более “удачные”, чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных своих чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более “удачные”, должны существовать бесконечное число раз на “предыдущих” и “последующих” к нашему миру листах книги Вселенной».

Вместе с тем он почему-то полагал, что мы все равно не имеем права на полный кретинизм, а обязаны осуществлять требования Разума.

22 июня 2004

Учитель храбрости

19 июня Василю Быкову исполнилось бы восемьдесят (только!) лет. Но не исполнилось: 22-го — год, как он скончался.

В школьной программе он числится нынче писателем иностранным — и совершенно напрасно. Мир знает Василя Быкова по русским текстам и переводам с них, а русские тексты почти всех своих романов создавал он сам.

Не знаю, на каком языке он думал, но его сочинения освещают нечто важное в русском образе мыслей, не вытесненное советским: гордое терпенье мучеников, жертвенный идеализм героев.

Потомкам нелегко будет понять, за что так ненавидело книги Быкова политическое начальство. Почему газеты честили его последними словами, типа «абстрактный гуманизм» (обозначавшими одну из опаснейших ересей: отсюда и до «общечеловеческих ценностей» рукой подать).

А между тем был момент — году так в 71-м, между «Сотниковым» и «Дожить до рассвета», в аккурат по случаю «Обелиска», — когда в ЦК правящей партии всерьез решали: не закрыть ли Быкова совсем, наглухо, как Солженицына? Но победил проект прогрессивный, хитроумный: как следует припугнув, тут же (конечно, если выкажет покорность) расхвалить и наградить. Покорность Быков выказал, раз в жизни унизился: напечатал отповедь немецкой какой-то критикессе: увольте, дескать, меня от ваших сомнительных комплиментов, уважаемая фрау, — никакой я не экзистенциалист, а, наоборот, самый настоящий советский писатель-фронтовик и с пресловутым Сартром ничего общего иметь не желаю. И ему дали Государственную премию.

Но работать хуже он не стал — просто как бы приостановил социальный анализ на достигнутом в «Сотникове».

Быков и в самом деле не был никой экзистенциалист. И если посматривал на кого из западных, то уж никак, действительно, не на Сартра — на Хемингуэя: рукописный перевод «По ком звонит колокол» бродил по Союзу, как призрак.

Быков писал о том, как ведут себя люди в смертельной опасности, в безвыходном положении, в предпоследнюю, все решающую минуту. Снова и снова воспроизводил, из романа в роман, два типа поведения, две программы. В каждого из людей вставлен — неизвестно кем — предохранитель от моральной смерти (так называемая честь; Быков этим словом не пользуется). И другой, природный — категорическое несогласие организма не существовать. Быков задает персонажам выбор: смерть физическая или моральная, третьего не дано. И в некоторых перегорает один предохранитель, а в некоторых — другой. От чего это зависит — загадка. Исход — в любом отдельном случае — непредсказуем. Несомненно — хоть и парадоксально — что так называемая храбрость выглядит не только привлекательней, но

и понятней, даже как бы естественней, чем так называемая трусость. То есть писатель устанавливает с читателем взаимопонимание благородных людей, часто — назло персонажам (см. хотя бы пересуды о Ляховиче в «Круглянском мосте»). То есть эта проза — того же материала и качества, что первый предохранитель.

А поскольку она состоит сплошь из поступков, причем роковых, да из пронзительно-четкой топографии, — оторваться невозможно.

Так что Василь Быков не просто настоящий писатель. Он писатель надолго. Классик, вечный инакомыслящий, храбрец на войне и в жизни.

Не случайно он единственный громко назвал преступление века — преступлением века. Спас честь русской литературы, чью славу составлял.

15 июля 2004

Шуточка

Сто лет назад была эта ночь — в Баденвайлере душная, с молниями в разогретом густом тумане, — когда Чехов, почувствовав на груди тяжесть колотого льда, сказал жене: «Не надо... Пустому сердцу не надо льду...» — и через несколько минут врачу: «Ich sterbe!»

Всего сто лет назад. Период вполне умопостигаемый. Например, так: если вы, мой читатель, разменяли пятый десяток, то, значит, в 1904 году все четверо ваших прадедушек уже были, скорей всего, знакомы с вашими прабабушками. Возможно, кто-то из них читал хотя бы «Каштанку» или «Белолобого» и, узнав, что Чехов умер, — пожалел.

Да, ваших собственных прабабушек и прадедушек (скажем аккуратней: их современников) антропологический словарь — вот что такое эти восемнадцать томов. Сотни фигур в тысячах положений. Реальные люди узнавали себя, знакомых, обстоятельства, привычки, речевые обороты, — то есть считали литературу Чехова очень похожей, всерьез похожей на свою жизнь, на проживаемое ими время, — за это, собственно, и любили. Наполовину за это. За резкую наблюдательность, превращенную как бы в ясновидение: когда сквозь персонажа просвечивает, как на Страшном суде, его последняя цена, — при том что все (как и читатель, как и зритель пьес) — ассортимент одной и той же бракодельной фабрики.

Которую, как известно, вскоре взорвали. А продукцию изъяли из обращения, потом планомерно ликвидировали.

Сегодня у Чехова знакомых не встретишь: как в огромном аквариуме, плавают существа, каких никто не видел на земной по-

верхности. Не сразу и вспомнит читатель-зритель, что проживает в одноименной с ними стране.

А вспомнишь — тоска. Сострадаешь им, как живым, даром что в большинстве несимпатичные. Оттого, что всё угадал про них Чехов, кроме самого главного: что с ними со всеми будет. А нам более чем ясно.

Впечатление точно такое же, как от знаменитого (не помню составителя) фотоальбома, где типы и сцены еврейского местечка в Польше, накануне Второй мировой. Старухи, дети, богачи, нищие, уроды, красавицы — все куда-то идут, о чем-то говорят, смеются, плачут, курят, играют на музыкальных инструментах. Штемпель рока в линзу не попадает. А дышать нечем.

« — Знаете, — говорит учитель Ярцев купцу Лаптеву ("Три года"), — я с каждым днем все более убеждаюсь, что мы живем накануне величайшего торжества, и мне хотелось бы дожить, самому участвовать. Хотите верьте, хотите нет, но, по-моему, подрастает теперь замечательное поколение. Когда я занимаюсь с детьми, особенно с девочками, то испытываю наслаждение. Чудесные дети!»

А повесть 95-го года, Ярцеву этому и Лаптеву — тому и другому немного за тридцать, впереди унизительная старость и, почти наверное, насильственная смерть. Чудесным девочкам — само собой, ГУЛАГ, — или повезет, прошуршат машинистками. Но дело не в этом, не просто в гибели (живем однова), не просто в несчастьях (счастья никто не сто́ит, да его и нет). Главная, пусть воображаемая, но все-таки главная ценность их культуры, какой бы то ни было, но все же культуры: *смысл жизни* (пусть — так называемый), то есть то самое, отсутствие чего заставляло их всю жизнь страдать, — на их глазах и для них самих потеряет смысл.

Извините тавтологию, не умею сказать лучше. Но факт: на другую половину любили Чехова за то, что этот призрак бродит по его текстам, иногда, — казалось читателю, — приближаясь чуть не вплотную. Вот прямо сейчас нам скажут: кем не стыдно существовать в России; однако же — нет, почему-то не говорят.

« — ...А для наших детей и внуков вопрос этот, — правы они или нет, — будет уже решен. Им будет виднее, чем нам. Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят, — внушает доктор Королев Лизе Ляликовой, дочери фабриканта ("Случай из практики"), — жаль только, что мы не дотянем. Интересно было бы взглянуть». Еще бы не интересно: 1948-й, самое то.

Чехов ошибся, не угадал. Он думал приблизительно так: фактически отмена крепостного права растянулась на двадцать лет. Государство расплатилось с землевладельцами за крестьянскую землю

и потом взимало с крестьянских общин этот долг в рассрочку аж до 1883. Тем временем помещики успели разориться, крестьяне обнищали вконец. И вот она — свобода: безумная нехватка рабочих мест и масса недвижимости за бесценок. И никто не хочет вписываться в новую экономику, потому что каждый привык к своей прежней роли, чуть ли не всерьез уважает себя в ней, этим и смешон. От этого так много умных — праздных — несчастных. И глупых — несчастных — измученных Сизифовым (он же мартышкин) трудом.

«На одного умного полагается тысяча глупых, и на одно умное слово приходится 1000 глупых, и эта тысяча заглушает, и потому так туго подвигаются города и деревни. Большинство, масса всегда останется глупой, всегда она будет заглушать; умный пусть бросит надежду воспитать и возвысить ее до себя; пусть лучше призовет на помощь материальную силу, пусть строит железные дороги, телефоны, телеграфы — и этим он победит и подвинет вперед жизнь».

Смирись, умный человек, вытерпи жизнь, как железнодорожная шпала — поезд, главное — не поддавайся сырости, не искрошись в труху.

Живи хотя бы как Старцев, Дмитрий Ионыч, любимая мишень в советском школьном тире: лечит больных, копит деньги, не пускается в интимности с дурами и тем более с дураками, — чего еще вы от него хотите? чтобы в карты не играл? или чтобы трудовые трешки завещал РСДРП(б)? Авось инсульт хватит его раньше, чем красноармейский штык. Он на несколько семестров моложе тургеневского Базарова, гордый неудачник, «поляк надутый».

Живи, умный человек, как Антон Павлович Чехов: защищайся от подлых мелочей — приятными. Что-нибудь работай, хоть кому-нибудь помогай. Всё против тебя — история и тело, вообще время. А ты перед смертью постарайся пошутить, желательно — на свой счет.

25 июля 2004

Пеня пеней

Семьдесят пять лет Шукшину, Василию Макаровичу, славному писателю. В такой день хорошо заглянуть в его книжку, — а дома, как на грех, ни одной.

Побежал в районную библиотеку, благо близко. Попросил сборничек-другой рассказов. (Роман этот, про Степана Разина... Бог с ним совсем.)

Книжки принесли, но попросили перерегистрироваться (простите за такое длинное слово). Я расписался в своем формуляре

под каждым из шести пунктов библиотечных правил, — а над седьмым, вписанным от руки, затормозил.

Текст был такой: «О пени предупрежден».

— Что непонятно? — спрашивает библиотекарша (тоже длинное и скучное слово, но чем же я виноват?). — Вам же сказано: удерживаем пятьдесят копеек за каждый просроченный день.

— Это, — говорю, — мне в высшей степени ясно, — но тут ошибочка. Давайте исправлю. Не люблю, знаете ли, (а голосом и лицом даю понять, что дружелюбно шучу), — не люблю ставить свою подпись под небезупречным текстом.

И с этими веселыми словами спокойно переправляю: «О пенЕ предупрежден». И опять-таки расписываюсь.

А тетенька (до этого была молодая женщина, миловидная, в платье таком приятном, а тут вдруг сразу сделалась тетенька, строгая, как лед, — заведующая, наверное) — тетенька эта, значит, мне указывает брезгливо:

— Это вы напрасно испортили документ. Там написано, как полагается. Пени, — говорит, — несклоняемое слово.

— Что вы! — отвечаю все еще таким тоном, как будто мы два интеллигентных человека и обсуждаем занятный грамматический казус. — Это же множественное число. Помните,— говорю, — у Пушкина: излить мольбы, признанья, пени, — все, все, что выразить бы мог...

— Не знаю, не знаю, — брезгливо говорит. — Всю жизнь это было несклоняемое слово.

И книжек не отдает, как бы в раздумье. Типа неизвестно еще, можно ли доверить их такому непредсказуемому субъекту, который документы портит почем зря.

А за мной уже очередь. (И передо мной, кстати, была. Только женщины. Берут и сдают книги только в сверкающих обложках. Наверное, детективы про любовь.) Из очереди насмешливая реплика:

— Вы бы еще написали — о пне. Или — о пнях.

Поворачиваюсь — тоже молодая. В сарафане, что ли. Усмехается презрительно мне и понимающе — руководительнице предприятия культуры. Дескать, бывают же такие нахальные старые склочники.

— Действительно, — говорит заведующая. — У нас все сотрудники так пишут. И читатели. Вы первый недовольны. С чего бы это?

— Давайте поспорим, — восклицаю, обращаясь к сарафану. — Хотите? На рубль. И с вами тоже! У вас ведь найдется, — к заведу-

ющей (признаюсь, я-таки завелся), — найдется, — спрашиваю, — словарь? Принесите, проверим.

Кстати, я блефовал. Рубля у меня не было с собой, тем более — двух.

Но и заведующая с места не трогается.

— Может, вы не знаете, — этак цедит, — что за последние годы все правила поменялись?

— Как не знать, — говорю. — Конечно, поменялись. Все до одного. Только это слово — пеня — осталось, как было. Ну, принесите же словарь.

— Ни у кого не осталось, — чеканит она, — только *у вас* осталось почему-то.

Дальше не помню.

Потому что слишком явственно прозвенело в этом *у вас* — множественное число. И — ненависть.

Ненависть, — хотелось бы надеяться — лично ко мне (сам виноват, и наплевать). А множественное — вы поняли. Очередь — тоже.

Шел я потом по улице и думал: зачем перечитывать Шукшина? Он про это и писал. Он от этого, собственно, умер. Чуть ли не самый последний, самый страшный, самый сильный рассказ — да уже и не рассказ, а просто написал в газету (в «Литературку»), как было: как он лежал в больнице, а родных не пускали, передачу не брали — под черт знает каким пустячным предлогом, но с необыкновенным наслаждением — со сладострастием унижая, доводя до нечеловеческой злобы и адского отчаяния, до разрыва сердца, — ни из чего, на ровном месте, просто так.

Просто потому, что раз ты пациент, а я — медперсонал, — ты полностью в моей власти. Признай это, вырази, обозначь, унизься хоть ужимкой. Не ломай мне кайф. А поломаешь — берегись. Если ты пассажир, а я — кондуктор, — ты в моей власти. Если я библиотекарь, а ты — читатель... Если я милиционер... И так далее без конца, снизу доверху, сверху донизу, с утра до вечера, с вечера до рассвета.

Той статьи в «Литературке» — или очерка — или рассказа — у меня сейчас нет, но, по-моему, я дословно запомнил последнюю фразу, последний выкрик:

— Что же с нами происходит?

Он мучительно во все это вдумывался: как деревенские превращаются в городских; как из тех и других общественный уклад штампует советских. И какое отвращение питают друг к другу рабы. И как при удобном случае извергают его — в виде так называемого хамства.

И как они бывают талантливы — несравненно ярче, чем в других сферах, — как изобретательны, когда представляется эта счастливая возможность дать понять другому: ты такое же ничтожество, как я; не воображай, что ты кто-то — старик, допустим, или литератор, или еще кто; ты, как и я, — никто, меньше нуля; минус единица; и будь проклят.

Незадолго до смерти Василий Макарович прожил неделю или две в Комарово, в Доме творчества. И сочинил там два, что ли, текста. Положил их в портфель, сел в электричку, приехал в Ленинград, зашел в журнал «Нева»: вот, дескать, написал, не посмотрите ли.

А была не то среда, не то пятница. Словом, такой день (назывался, кстати, — библиотечный), когда меня в отделе прозы не было, а принимал авторов литконсультант. И этот самый консультант завернул Шукшина: мол, стану я читать написанное от руки! много вас таких! мечтаете печататься — потрудитесь отпечатать на машинке.

Не опознал. А Шукшин не стал ничего объяснять. Молча ушел.

Утешают только словари. Например: «*Члены канцелярии осуждены уплатить... значительную пеню.* Пушкин. История Пугачева». «*...И разных недоимок и пеней скопилось больше двух тысяч.* Чехов. В усадьбе».

23 августа 2004

Мы не бобы

Тринадцать лет оттикало с тех пор, как над нами возбух и, покачавшись, опал так называемый ГКЧП.

Славные, в общем, были два-три денька. Масса людей — полмиллиона, я думаю, в стране и гораздо больше за границей — пережили, как говорится, всю гамму: отвращение и ужас — надежда — восторг. Некоторым даже посчастливилось — впервые в жизни! — совершить какой-нибудь поступок вне интимной сферы. Просто чтобы понять кое-что насчет себя — точно ли ты до мозга костей советский человек и твое место действительно у параши — или все-таки буркнешь напоследок: будьте вы прокляты!

Такая возможность — в России это все равно что свобода — образовалась благодаря тому, что факт, перед которым нас поставили, держался кособоко и дрожал. Наливался кровью недопустимо медленно.

Лично для меня так и осталось загадкой: чего эти самые — как на букву ***м*** обозвал их Горбачев, — телепались, точно с бодуна? Неопытность и бездарность, и даже сам алкоголизм, — объясняют не всё. Техника переворота элементарна и всем знакома наизусть:

телефон захватить, телеграф. Мосты в первую голову. Правда, Ленин не написал про телевидение, — может быть, это сбило наших голубчиков с толку?

Или же их парализовало зрелище открывшейся бездны: армия неуправляема, милиции наплевать, и в ГБ — возникать, высовываться, светиться — дураков нет? Не то что карьерой (не говоря — шкурой) рискнуть, а даже и палец о палец ударить за идею, какую бы то ни было, без явной, немедленной, значительной выгоды, — на той стороне желающих не нашлось.

А зато как трогательно растопыривали! В ночь свержения чугунного Феликса, говорят очевидцы, за неосвещенными окнами Лубянки мелькали, прижатые к стеклам то там, то здесь, указательный и средний, составляя латинское V: дескать, мы свои, дорогая толпа! мысленно вместе! ура!

И если бы главари нечаянных победителей не оказались тоже на букву ***м***, а воспользовались этим временным параличом злой воли, — глядишь, все было бы у нас теперь, как у людей. Деловто: снять с довольствия прежнюю номенклатуру КПГБ сверху донизу — и чтоб в политику (и в школы) ни ногой! отныне ваш (за исключением отъявленных злодеев) удел — физический труд, художественная самодеятельность, народные промыслы, — а рулят пусть какие-нибудь другие. Из остальных. Из хотя бы формально незапятнанных. Страна, в конце-то концов, огромная: не может такого быть, чтобы методом честного конкурса не получилось выбрать и среди порядочных людей сколько надо толковых.

И была бы у нас национальная идея — хотя бы типа: мы не бобы. И валовой продукт — зашибись, причем не исключительно в виде цифр.

Но положа руку на сердце — ни на что такое никто не рассчитывал. По крайней мере, лично я не сомневался в неизбежной победе ГКЧП. Оттого и на площадях стаивал, и воззвания сочинял.

20-го так и писал:

«*Некоторых, конечно, убьют. Многих посадят. Но мы ведь поверим, что они не мертвы и не в заключении, а просто захворали, правда? А те смышленые, кто не поверит, разъяснят остальным, что погибшие действительно погибли, но исключительно по собственной вине: что стоило посидеть тихо?*

Посидим тихо еще несколько лет или десятилетий? Главное — поберечь здоровье, не так ли?»

Другие, кто сделали несравненно больше и шли на риск настоящий, — тоже, думаю, в большинстве хотели всего лишь воспользоваться блеснувшим шансом пропасть не зазря.

Хотя чужая душа потемки. Разве не странно, например, что целых три дня мы с Путиным действовали, так сказать, заодно?

Как бы там ни было, сдула ГКЧП толпа. Причем толпа интеллигентов. За прошедшие тринадцать лет она рассеялась — и даже само это слово устранено из обращения. Приходится напоминать шутливую формулировку Льва Гумилева: интеллигент — слабо образованный человек, который любит народ.

Народ же, по-моему, можно определить как общность человеческих особей, не умеющих сосуществовать в отсутствие начальства.

Начальником назовем такого человека, — опять же, само собой, не Спинозу, — который, однако, умеет склонять во всех падежах: *порядок* — и спрягать во всех наклонениях и временах: *навести*.

Печальный опыт ГКЧП показал, что гармоничным отношениям начальства и народа мешает ревность интеллигенции.

И если ее, впечатлительную такую, частично озолотить, а в массе задавить бесправной бедностью, — жить станет лучше, жить станет, товарищи, веселее.

Эти свои незабываемые слова И. В. С. произнес в 1935 году — в том самом, на который намекает униформа российской команды на афинской Олимпиаде. Пошитая в стиле кинофильма «Цирк». Где с таким искренним чувством дети разных народов СССР поют:

Я другой такой страны не знаю, Где так вольно дышит человек!

Авторы сценария, между прочим, — Ильф и Петров. Правда, фильм показался им так отвратителен, что они сняли свои имена. У Ильфа в записной книжке есть такое предсказание: умирать все равно будем под музыку Дунаевского и стихи Лебедева-Кумача.

Так и умер. А главное — так и жил. Не повезло.

А у нас — у меня, к примеру, — были три дня, целых три дня! — когда я и сам жил не постыдно, и на современников смотрел с восхищением.

21 сентября 2004

Оратор

Семьдесят пять — Юзу Алешковскому. Дата странно солидная для человека таких стремительных текстов. Более чем подходящий момент вспомнить, что он сделал для русской литературы и советской интеллигенции: сочинил бессмертные, надеюсь, песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый...» и «Окурочек», а также с полдюжины романов и повестей, в которых отпраздновал полное и окончательное поражение стилистики официоза.

Свел буквально на нет, к итогу резко отрицательному многолетнюю работу всех идеологических органов, отделов и служб.

Работа эта, как известно, состояла в том, чтобы каждому ввести в мозг — в разные зоны и как можно больше — сверхпрочные словесные блоки, прерывающие процесс мышления, как только оно приближается (естественно, изнутри) к одной из сторон охраняемого периметра.

В результате интеллект страны подавить удалось, но легальный язык, обездвиженный, тоже впал в маразм. В такое состояние, когда (кое-кто еще помнит этот анекдот) практически любой газетный заголовок годился на подпись к порнокартинке. Юз Алешковский — сразу вслед за Венедиктом Ерофеевым, но независимо и средствами своими — зафиксировал это тотальное превращение страшного в смешное. Потому что тоже был уже к началу 70-х свободный человек. Это ведь и есть свобода, — по крайней мере, в России пока что не бывало другой, — осознавать абсурд, сколь бы ни был он опасен, как самую заурядную глупую ложь.

«Странно все-таки было мне, Коля, что доброй славой среди своих земляков пользуется молотобоец, член горсовета Владлен Мытищев, когда труженики Омской области сдали государству на десять тысяч пудов больше, ибо выборы народных судей и народных заседателей прошли в обстановке невиданного всенародного подъема, а партия сказала "надо!" и народ ответил "будет!", следовательно, термитчица коврового цеха Шевелева, протестуя против происков сторонников нового аншлюса, заявила советским композиторам: "Так держать!" Подписка на заем развития народного хозяйства минус освоение лесозащитных полос привело канал Волго-Дон на-гора доброй славы досрочно встали на трудовую вахту в день пограничника фельетон обречен на провал Эренбург забота о снижении цен простых людей доброй воли и лично товарища руки прочь...»

Продолжать цитату нельзя — там следует оборот неприличный. Юз Алешковский, дай ему Бог здоровья, умеет письменно пользоваться последними словами как никто. Не только как противоядием от пафоса и фальши. Не всегда как усилителем презрения. В необыкновенном тексте под названием «Николай Николаевич» он употребил нецензурную лексику по назначению — первый! — для описания страсти: не одних только телодвижений, но таинственной силы, их одухотворяющей.

По этой причине, — а верней, под этим предлогом: что якобы автор груб, — никогда, никогда не будет «Николай Николаевич» допущен ни в одну школьную библиотеку. Равно как и роман «Кенгуру». А также повести «Маскировка», «Блошиное танго» и «Синенький скромный платочек».

Значит, Алешковскому судьба — оставаться классиком для взрослых. И то не для всех. И навеки непереводимым — как Салтыков и Лесков, и даже безнадежней.

Его жанр — жестокий фарс. Его сюжет — фантасмагория, работающая на такой обыденной при реальном социализме диалектике не по Гегелю: переход невозможного в неизбежное. Любимый персонаж — очарованная душа, моралист-самоучка. Слог — сама стихия народного публичного — подземного — красноречия. Затейливого, с коленцами, с присвистом и слезой.

Конечно, Юз Алешковский — писатель не без слабостей. А именно — жизнелюбив и сострадателен. Поэтому склонен к финалам великодушным. Всем перед всеми повиниться, друг друга простить. И, разумеется, выпить.

Сегодня, точно, повод есть.

29 сентября 2004

Очевидец

Наш паровоз назад летит, в ГУЛаге остановка, — напевает мальчик, переключая кнопки.

Паровоз — никакой не паровоз, а назад или вперед — без разницы: дорога электрическая, рельсы на паркете образуют замкнутый круг. Лишь бы трансформатор не перегорел, а так все нормально — опасности вроде ни малейшей, моторчик приятно жужжит.

Но вот странность: крошечные пластмассовые человечки, — которых продают в комплекте игры, наподобие фурнитуры, — ведут себя совершенно как живые: половина разбирает за прошедшим составом полотно, а другая половина толпится на картонных платформах, размахивая малиновыми такими фантиками, а на фантиках нацарапано *ура*! и *даешь*!

Не по-хорошему возбуждены эти неодушевленные существа. Суетятся как-то угрожающе.

Вот притащили из чулана, отбив у мышей, книжку под названием «Как закалялась сталь». Пытаются водрузить над трассой как декоративную скалу. Якобы на таких стояло когда-то что-то ихнее нерушимое.

Это вряд ли. Но, спасибо, лишний раз напомнили. Николаю Островскому ровно сто лет. Пора перечитать его роман.

Как бы то ни было, единственный по-настоящему чувственный в советской школьной программе. Насквозь отравлен сладким, ожесточенным целомудрием.

О, эта белая матроска с синим в полоску воротником и светло-серая короткая юбка! О, носочки с каемочкой — одни суффиксы

чего стоят, а ведь они, к тому же, «плотно обтягивали стройные загорелые ноги в коричневых туфельках»! О, пожатия рук, такие разные — то просто крепкое, то крепкое с секундной задержкой, наконец — крепкое до боли, а вот незабываемый миг: «он почувствовал ее пожатие, такое ласковое и крепкое, на которое он никогда бы не решился»! О, — самое главное, — «поцелуй, жгучий, как удар тока!»

У положительных упругая грудь вырисовывается сквозь ткань гимнастерки — или «молодой упругой груди тесно под полосатой рабочей блузкой». С положительными обращаются в простоте сердца:

«— Почему, товарищ Рита, мне всегда хочется тебя видеть? С тобой так хорошо! После встречи бодрости больше и работать хочется без конца».

На отрицательной — платье из тончайшего шелка (лионского, между прочим) оставляет обнаженными плечи и руки, словно выточенные — из чего бы вы думали? — из слоновой кости; вздрагивают, конечно, ноздри, знакомые с кокаином... Ничего, ничего, сейчас услышишь свой приговор.

«Павел выпрямился.

— Кому вы нужны? Сдохнете и без наших сабель от кокаина. Я бы тебя даже как бабу не взял — такую!»

Вот! А ваш хваленый нигилист Базаров — не более чем долгополый, старорежимный слюнтяй.

Женщины умоляют — Корчагин отворачивается. Сжимая челюсти, это понятно.

Но какую роскошную фразу говорит (в кулуарах съезда ЦКП (б)У), уразумев, что отвернулся в свое время зря, а теперь поздно:

— Все же у меня остается несравненно больше, чем я только что потерял.

А как болит у него нога в засыпанной снегом калоше! И этой Тоне Тумановой, когда-то в носочках с каемочкой, а сейчас в котиковой шапочке с пушистым бубенцом наверху, — мало не покажется:

«— О моей жизни беспокоиться нечего, тут все в порядке. А вот у вас жизнь сложилась хуже, чем я ожидал. Года два назад ты была лучше: не стыдилась руки рабочему подать. А сейчас от тебя нафталином запахло. И, скажу по совести, мне с тобой говорить не о чем».

Мартин Иден с партбилетом. А что в антрактах классовой борьбы читает исключительно про Спартака и Овода — это маленькие хитрости автора, для отвода глаз.

Толковые тинейджеры пройдут роман Николая Островского с большой пользой для себя. Им откроется логика революции. Если, например, петлюровские бандиты раздербанивают галантерейный магазин Фукса — то это разбой, погром. А когда чекисты опусто-

шают погреб трактирщика Зона — это реквизиция у шкуродера, «тут разводить кисель нельзя».

Черные немцы, белые поляки грабят крестьян, отнимают последнее. Пришли красные. Требуют, чтобы ревком обеспечил кавдивизию сеном. Следует абзац, в невинности своей прелестный (внутри, понятно, кровь):

«Сережа был послан с двумя красноармейцами добывать сено. В одном селе нарвался на кулацкую банду. Красноармейцев разоружили и избили до полусмерти. Сереже попало меньше других, его пощадили по молодости... В село был послан отряд. Сена достали на другой день».

И так далее. Однако ж не думаю, чтобы Сталину нравился этот роман.

Во-первых, масса еврейских фамилий, причем обозначенные ими лица не противны.

Во-вторых же (и в-главных), этот Корчагин, и матрос Жухрай, и Рита Устинович, и Анна Борхарт, и прочие положительные — представляли самую ненавистную для Сталина породу людей: идеалистов — смертельно чужой ему человеческий тип. И он всю эту сталь сгноил. Руками Сусловых, Брежневых, Кагановичей, Хрущевых — уничтожил. Через два года после смерти Островского не стало его героев на свете, как будто никогда и не было. Горстка уцелевших вернулась из лагерей в литературу тридцать лет спустя: несчастные старики трифоновских повестей.

И теперь никто не верит (я тоже), что фанатик — не обязательно либо идиот, либо лицемер. Что они существовали, даже бывали прекрасны, слепые вожди слепых.

Мученик Островский — свидетель их защиты. Хотя тоже слепой. И с головы до ног покрыт сусальной ложью всевозможных тунеядцев.

В метро стоит один, просит милостыню. Был — доцент в ЛГУ, преподавал не то диамат, не то истмат (все такие кафедры были заняты в основном незрячими) мне, и военному министру, и президенту. Суровый такой унтер идеологии, пономарь партхрама. Подают ему плохо, стараются не смотреть на отварные, в страшных прожилках, шары.

Кстати: отщипнули бы, что ли, отставному наставнику — хоть от оборонного бюджета, хоть от какого. Пока ваш моторчик жужжит.

Подземный переход

Гора пришла к Магомету и родила мышь. Та, естественно, побежала, хвостиком махнула, яичко упало — и в аккурат под серп.

Это я к тому, что ровно двадцать лет назад вылетело из Горбачева, как воробей, роковое слово Perestrojka.

По ящику показали, что две трети населения об этом сожалеют.

Наглядно так: вот, мол, колобашка, распиленная по результатам опроса на разноцветные ломти.

Огромная травянисто-болотная краюха — 65% — обозначает массу якобы желающих: нынче вечером заснуть — а будильник чтобы заверещал обратно при Черненко, как ни в чем не бывало. И на работе никому ни слова про то, что приснилось по пьяни под хрип Би-Би-Си: какие-то толпы на улицах, речи в собраниях, Дзержинский плывет по воздуху с тросом на шее, Боже ты мой! — потом выстрелы, потом взрывы. Дальше — затемнение и голос: казино закрывается; ваш проигрыш составил 20 лет, 2 рубля и 54 копейки. (Это, положим, лично у меня столько скопилось на советской сберкнижке.) Направляйтесь к выходу, следуя указателям и соблюдая осторожность.

Желтенький ломтик изображает шестую часть сограждан. Каждый, значит, шестой все-таки благодарен судьбе и Горбачеву, несмотря ни на что. Дескать, интересное было кино и познавательное очень, и на том спасибо.

И каждый другой шестой (ломтик розовый) вроде не успел еще собраться с мыслями: то ли нравится ему ход истории, то ли с души воротит.

Опросы эти — понятно, сплошная лажа, и колобашку нарисованную распилить по вкусу — ТВ дорого не возьмет, — а вот двадцать лет действительно промелькнули.

Ничего себе отрезочек: ровно как от Октябрьской социалистической до Большого Террора. Как от Сталинградского сражения до полета Гагарина в космос. Треть среднестатистической биографии. Половина сознательной жизни большинства теперешних взрослых. Два курса средней школы от звонка до звонка.

Главное, на том-то конце ничего уже и не видно: так далеко и так темно. Помню, как стоял по выходным в овощном за картошкой, почему-то всегда мокрой, — три, что ли, кило в одни руки. (Никто, между прочим, не раздражает очередь сильней, чем читающий в ней человек.) Помню смысл глаголов: дают, выбросили, достал. Продуктовые наборы. А также словесные: группа товарищей, нездоровый ажиотаж, незримый фронт, ограниченный контингент, клеветнические измышления, порочащие связи. Опять очередь — в галерее Гостиного Двора, чуть не от восхода до заката (зимой на нашей широте это по часам куда ни шло, но Цельсий против) — за кубиком, представьте себе, дети, Рубика.

Скучно, и холодно, и вообще очень давно.

Двадцать лет, шутка ли. Иные страны за такой испытательный срок поднимались из руин до полного благополучия.

Но это надо много работать, это не наш путь. Тамошним народам не отбивали мозг на протяжении полувека, поэтому связь идеи труда с идеей смысла не пришлось искать далеко.

А у нас есть проблемы поважней, — например, проблема Сталина: был он гений чистой красоты или редиска?

Или: является ли ГБ последним прибежищем добродетели?

Еще даже не решено, зачем человеку свобода. И правозащитник считается законной добычей правоохранника. Короче, не зря сказано: детский сад.

Искусственно выведенные глупцы составляют идеальную питательную среду для натуральных жуликов и злодеев, — и вот мы живем, как живем.

Меж ворующих, праздно болтающих, омывающих руки в крови. Ставим статуи бандитам, а Горбачева ставим ни во что.

Неохотно, потому что убивал. И лицемерил без всякого блеска.

Но эти двадцать лет — и травма при переходе от ускорения к торможению — не могли же пройти совершенно зря. Хоть в ком-то должен же был образоваться ум настоящий. Нетерпимость к бесконечному лганью. А то и храбрость. Случись таких людей много — глядишь, и придумают для России что-нибудь полезное, причем не дадут себя за это уничтожить.

А если уже поздно — что ж, так тому и быть. Вскую, значит, шаташася языцы. И это была не перестройка — просто подземный переход из Застоя в Стабильность.

Но даже если мы проиграли — человечество-то выиграло. Мировая-то война отложена. В сверхмощную мину, спрятанную под шестой частью суши, проник муравей по фамилии Горбачев и перекусил проводок. Ну и ржавчина тоже не дремала.

Тут набежали предприимчивые — разбогатеть на металлоломе. И некоторые круто приподнялись.

28 августа 2005

Комары

Что же это делается, а? Времечко-то как бежит по пространству! Уже и Казань разменяла вторую тысячу, а давно ли там Иван Васильевич пировал да веселился!

Уже и Платона Лебедева выпустили из карцера, и, соответственно, Михаил Ходорковский голодовку прекратил.

Уже и ЦСКА продул Ливерпулю, — и военный министр не помог.

И туляремия в Поволжье, слава тебе, Господи, остановлена. Причем оказалось, что ее разнесли комары. Или клопы. В общем, не крысы и не ВПК, так что ничего страшного.

И про похищения в Чечне тамошний руководитель сообщил, что это не похищения, а неграмотно оформленные задержания. Бесследные такие.

Это называется — новости. По календарю, пора уже сообщать про богатый урожай, про небывалый подъем у сельских тружеников, — а в ящике сплошь эпидемии да юбилеи.

Ну, раз так...

Юрий Трифонов был хороший писатель. Пожалуй, лучше всех нынешних. Нет бы ему дожить до этого августа, до 85-летия: забросали бы почестями, пошлостями. А он вместо этого четверть века назад возьми да умри.

Предполагаю и даже не сомневаюсь, что — от отчаяния. Был как раз такой момент, когда люди, нуждавшиеся в смысле, почувствовали: он окончательно пропал. Смысл истории, смысл работы, смысл жизни.

Другое дело, что не всем он нужен, и большинство как-то, в общем, обходится.

Для Трифонова это был поначалу просто сюжет, — правда, главный и даже единственный: что жизнь людей, именуемых советскими, не просто тяжка: она тяжка необъяснимо, и эта необъяснимость безнадежна.

Мучают друг друга — думают, что ради детей, — вот, собственно, и всё. А то, что происходит снаружи, за дверью квартиры: давка в транспорте, очереди в магазинах, — можно сказать, не считается. Не идет в биографию.

Кто сопьется; кто продастся; иллюзорный, мечтательный выход — одиночество где-нибудь в глуши; реальный выход — инфаркт миокарда.

В каждой семье кто-нибудь убит; два поколения заплатили кровью и честью за эту скуку и нищету. А благородные, чистые были люди, с идеями высокими.

Ни в идеях, ни в людях сомневаться не приходилось: Трифонов был потомок первых большевиков, несгибаемых безумцев.

Получалось — некого ненавидеть, кроме Сталина. Один Сталин выходил виноват, что власть перешла от компартии к политполиции, да у нее навсегда и осталась.

Он и ухмыляется с московского неба детям своих рабов: так вам и надо, трусы и дураки!

Но ведь из этой метафоры выхода нет. А Трифонов рвался к настоящей прозе, т. е. к правоте, дающей силу переносить судьбу.

Пусть религия отвечает на вопрос: за что? Пусть наука растолковывает — почему. Искусство знай себе высасывает из пальца третью проблему — зачем? — и решение представляется допустимым лишь поскольку обаятельно.

Не видя такого решения, художник перестает верить самому себе. И сочиняет, скажем, роман о человеке, сочиняющем роман; о том, как ничего-то у него не получается.

Хотя прежнее почти все получилось: «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Нетерпение», «Отблеск костра». Да еще с полдюжины рассказов.

Трифонов нашел слог, передающий хаотическое мышление людей безвременья, безвольных заложников унизительного быта, принявших несвободу как норму и долг.

Описал нестерпимый образ жизни. Его-то и не выдержал.

Читать Трифонова невесело — вот никто, похоже, и не читает. А зря: по сравнению с его персонажами многие из нас — удачники, счастливчики, любимчики богов.

Не то что смысла стало больше, но нам, по крайней мере, дозволено воображать, будто мы понимаем, куда он делся.

Но литература почему-то не особенно охотно пользуется этой привилегией.

Вот и нет сочинений, о которых говорят, волнуясь; авторов, которых любят.

Возможно, это к лучшему: полагайтесь, граждане, исключительно на свой собственный ум.

И хохочет телевизор. И звенят, распространяя туляремию, проклятые комары.

28 ноября 2005

Ресурс жизни

Очень круглая дата: со дня рождения Александра Блока — ровно 125. Стало быть, согласно лит. святцам, полагается ему лит. акафист или вроде того.

Сам бы я, чего доброго, мог и запамятовать. Но тут как раз прибыл в наше захолустье один столичный режиссер человеческих душ. Привез в подарок, за что ему большое спасибо, очередную разгадку смерти Сталина. И, зазывая публику на свой медиумический сеанс (вот увидите, нам явится Он! Я надеюсь, друзья, мы с вами ощутим Его присутствие!), мимоходом обронил в местный микрофон

словечко-другое про автора поэмы «Двенадцать». Дескать, вот чья смерть — не бином Ньютона. Дескать, понял человек, что написал *не то*, — ну и поставил боты в угол, дело житейское.

А написал бы, значит, *то*, — надо полагать, не умер бы? Ай, браво.

Пошлоглупость такого накала действует освежающе. Легкий такой озноб, как от сквозняка. Действительно же, думаешь, ноябрь, а Блок у нас 1880-го г. р., и какой это уважительный предлог увильнуть от политики, переменить разговор.

Да только не особенно переменишь. Потому что все эти персонажи, которые, ясно уже, ни за что не позволят нашей стране жить по законам здравого смысла и доброй воли, — все эти государственники, они же державники, они же патриоты, православные коммунисты, монархисты-ленинцы, красные черносотенцы — воплощают спектр свойств человека советского. Новая, прочная, уже неистребимая порода, специально выведенная Сталиным для нужд госбезопасности. Это существа, которые легко, по первому же сигналу (обычно — в пубертатном возрасте) расстаются с т. н. душой и в дальнейшем обходятся без нее до глубокой старости.

А на Блоке русская культура поставила эксперимент свой: дала ему — и только ему — высказать жизнь этой самой т. н. души (конечно, его собственной, личной) практически от начала до конца, без помарок и помех. Чтобы она вся превратилась в записанный голос. Его снабдили огромным талантом, солидным культурным багажом, некоторым достатком и почти неограниченным запасом досуга. Окружили любовью, доставили славу. Будь маменькин сынок, тетенькин племянник, баловень барышень — будь свободен совсем, от всего; никого не слушай, кроме души, но за ней записывай буквально.

Получился, как известно, роман. В котором иные — многие — страницы прекрасны, вероятно, навсегда; но очень многие — уже темны либо угасают, причем стремительно. Словно воздух превращается в гипс.

Боюсь, никто уже не прочитает, волнуясь, всё, от корки до корки. Это жаль, потому что Сталин и Блок в пространстве сознания несовместимы. Как мещанский текст — и текст трагический.

Хотя стихи состоят всего лишь из неистовой тревоги, по-разному окрашенной. И трактуют один мотив: отвращения к пресловутому счастью — простому человеческому, реальному, земному; оно — не настоящее; а другого не дано, да и не бывает, а раз так, лети все в тартарары. А все как раз туда и летит — что и есть един-

ственный смысл судьбы. «Будьте ж довольны жизнью своей, Тише воды, ниже травы! О, если б знали, дети, вы, Холод и мрак грядущих дней!»

Такой взгляд на вещи легко пародировать, не будь он передан интонациями, которые усваиваются мгновенно, словно их-то вашему голосу и не хватало.

Но все равно: стихи Блока больше ни для кого не являются ресурсом жизни. Блок уходит. Сталин возвращается. Мещанин победил, — и, должно быть, с концами.

Не могу забыть, как тысячу лет назад (точнее — сорок) сидел в гостях у одной старушки. У вдовы того человека, сестре которого Блок посвятил «Под насыпью, во рву некошеном...». Тесная такая комнатка в коммунальной квартире на Карповке. Шестой, кажется, этаж. Абажур. Печка. Духота. Нищета. «Александр Александрович всегда садился вот на этот стул...» Стулья пошатывались, шевелился абажур, шевелились фотографии на стенах. Я подумал: голова кружится, — потом пригляделся: по всем поверхностям передвигались полчища клопов.

Теперь у Александра Блока есть две могилы (на Смоленском и Волковом) и опрятный музей — чего еще надо? Опять же, интимная его переписка доступна любому, кому не лень почитать. С научной, разумеется, целью: интересно же, по какому курсу он конвертировал свою жизнь в стихи, пока не доигрался до дефолта.

Зато присутствие Сталина ощущается повсюду.

28 января 2006

Насчет холода

В Липецке макак отпаивают кагором. В Ярославле верблюды согреваются водкой. В Нижнем Новгороде трубят, приняв на хобот, слоны.

Холодно в заточении, в рабстве.

Очень холодно без прописки.

Крестьянин — и тот не сказать, что торжествует. Как-то даже не верится, что в николаевскую эпоху обязательно при минусовых температурах торжествовал.

Настоящая зима, без хитростей, без потайных разных теплоемкостей — совсем не праздник, а правда судьбы. Про это писали Некрасов, Тютчев, Бродский.

Причем Некрасов и Бродский умерли в январе.

Причем Бродский — ровно 10 лет назад.

Был на два года старше меня, теперь — на восемь лет моложе.

И вот я с обидой читаю:

Те, кто не умирают, — живут
До шестидесяти, до семидесяти,
Педствуют, строчат мемуары,
Путаются в ногах.
Я вглядываюсь в их черты
Пристально, как Миклуха
Маклай в татуировку
Приближающихся
Дикарей.

В общем-то, нельзя отчетливей и оскорбительней сказать: отстаньте раз навсегда.

Человек хотел, чтобы о нем помолчали.

Это сбудется. О Бродском помолчат основательно. Как только эти самые приближавшиеся было дикари наконец удалятся и перестанут путаться в ногах.

И перечитывать. И воображать, что история этого абсолютно одинокого человека отчасти передает события каких-то других жизней. Что его неумолчный разговор исключительно с самим собой — касается еще кого-то, как отчаянно волнующий опыт превращения работы ума прямо в звук голоса. Что найденная им система речевой игры открывает нам — каким-то нам — новые аспекты существования.

Все это уже сейчас довольно трудно. Требует мужества, которое где же взять? Я раскрыл третий том сочинений, перечитал от конца к началу, перешел в том второй, вернулся к четвертому — и бросил. В такую впадаешь печаль.

Смелость фантазии необычайна, изобретательность, а равно изобразительность почти невероятные, чуть ли не в каждом стихотворении что-нибудь сказано так, что прекрасней и пронзительней, кажется, и нельзя, — иная совсем короткая строчка уводит черт знает в какую даль, — но ценой какого отчуждения все это написано. Ценой — не в смысле биографических утрат, до которых, действительно, никому не должно быть дела (и не сметь жалеть-порицать), — а в смысле установки взгляда на резкость, возможную только если смотреть с *той* стороны всех вещей. Оттуда, где нет тел. Где вообще ничего нет, кроме свободы.

Которая, как оказывается, мрачна и нестерпимо холодна. По-своему не легче рабства.

Думаю, не было в мире писателя, зашедшего в эту область настолько далеко, как Иосиф Бродский.

Он нашел — установил — выяснил — что-то такое, чего люди, вообще-то, знать не хотят. О чем боятся думать долго.

Это знание могли разделить с ним, как победу, только те, кто научился и привык жить без надежды и смысла.

Людям более счастливым тексты Бродского должны быть тяжелы.

Все собаки съедены. В дневнике
Не осталось чистой страницы. И бисер слов
Покрывает фото супруги, к ее щеке
Мушку даты сомнительной приколов.
Дальше — снимок сестры. Он не щадит сестру:
Речь идет о достигнутой широте!
И гангрена, чернея, взбирается по бедру,
Как чулок девицы из варьете.

Собственно, я только хотел сказать, что не случись Иосифа Бродского, жизнь некоторых была бы бедней, скучней, темней, нелепей, несчастней. Примерно такая, как у пьяного верблюда в железной клетке зимой.

26 января 2006

Остров РЛ: эпилог

Ровно сто лет со дня рождения Лидии Чуковской. Это такая станция, на которой полагается выправить умершему писателю подорожную в будущий век и зарегистрировать его багаж: достижения, открытия, заслуги.

А также украсить зал ожидания медальоном, выполненным из позолоченного марципана. Через 25 лет либо через 50, если вспомнят — заменят на что-либо попрочней.

С Лидией Корнеевной все такие манипуляции не проходят.

Во-первых, она, хотя жила долго и написала много, к читателям была допущена лишь под конец. Ее книги еще не обдуманы страной как следует — что, кстати, по стране и видно.

Кроме того, даже не исключено, что существует — и пока известно лишь отчасти — такое произведение Лидии Чуковской, благодаря которому люди рано или поздно поймут ее лучше, чем понимают сейчас, и полюбят сильней. Это, конечно, ее Дневник — ежедневный за много-много десятилетий: как я себе представляю, протокол сердца, разрезающего темное время. Песнь погибающего пловца.

Во-вторых, что бы ни случилось со страной, с человечеством, с литературой, со всеми остальными сочинениями Лидии Чуковской, — повесть под названием «Софья Петровна» навсегда останется необходимой вещью для каждого и любого, кому хотелось бы понять, как устроена жизнь.

В-третьих, никакая разновидность добродушия — юбилейная в том числе — тут неуместна, и не дождетесь.

Помните — в записях Л. К. о Пастернаке: ночь, метель, встреча на улице дачного поселка, случайный разговор, и Пастернак — не важно сейчас, про чью прозу: поначалу показалось — прекрасная, но читаю дальше — обычное добродушие. «Конечно, если убить всех, кто был отмечен личностью, то может и это сойти за прозу...»

(Был у Лидии Корнеевны среди прочих даров и такой, удивительный: при ней — то есть вообще-то ей, обращаясь именно к ней, — говорили страшно важное. И она ничего не пропустила.)

Так вот, как раз добродушия в Лидии Корнеевне не было ни грамма. Она была человек неистовых страстей. Из которых главной, конечно, была страсть к гениальности.

Обстановка детства внушила ей, будто гениальность и есть норма. Что вы хотите: пятилетняя, например, заучивала «Облако в штанах» с голоса автора. Маяковский бродил по куоккальскому пляжу, к обеду приносил Чуковским сколько-то новых строк. И Лида, говорят, однажды потрясла родителей, декламируя: «И выбласывается, как голая плоститутка, из окна голясего публицного дома...»

Четырнадцати лет сиживала на сборищах «Серапионовых братьев», и так далее. Короче, про таких людей, как, допустим, Блок, или Зощенко, или ее отец, она привыкла думать, что примерно так должны вести себя все.

Постоянно трудиться и никогда, никогда не хитрить. Плюс аллергия на пошлость.

И крайне серьезное отношение к словам.

Потом ей посчастливилось участвовать в грандиозном утопическом проекте Маршака — новая детская литература: если все научатся читать и при этом каждый от младых своих ногтей будет читать только высококачественные тексты, то возникновение глупцов, не говоря о негодяях, считайте, предотвращено. И практический редакционный опыт внес поправку: пусть люди и тексты гениальны не все, но все могут быть спасены от пошлости — точностью. Фактической, психологической, грамматической. У всего на свете имеется идеальное словесное отражение, надо только его найти — получится правда. Требующая, опять-таки, крайне серьезного отношения к словам.

С этими-то, значит, идеями Лидия Корнеевна и встретила 1937 год. Ими поверяла, так сказать (как алгебру — гармонией), дальнейший славный ход событий.

Видение разбитого пулей человеческого затылка преследовало ее. И недоумение. И нестерпимый стыд за современников. И омер-

зение к образовавшейся прямо у нее на глазах новой породе — или касте — или классу: к ГБ. И неутолимое презрение к ее жирующим лакеям — сов. пишущей братии.

«Если бы кто-нибудь узнал, что я переношу каждый день, — сначала он очень удивился бы, а потом, вероятно, не понял бы, как это можно выносить. Я сама иногда удивляюсь и думаю — "как"? Откуда берутся силы? И потом догадываюсь, что оттуда же — от стихов NN , от всех стихов, от самой NN, от памяти о Мите, о Шуре, Тамаре, Зое, М. Я. Только память о "Горных вершинах", только вера в их существование, в их жизнь, могут сохранить жизнь мне под ежедневным натиском самоуверенной глупости.

И, конечно, любовь к Люше».

Жила практически в подполье, невидимкой — «как стакан, закатившийся в щель». На самом деле — как интернированный посол — чрезвычайный и полномочный — республики (затонувшей, островной) Русская Литература. В государстве с идеологией противоположной. Отменившем презумпцию человеческого достоинства.

Каждый день Лидия Чуковская составляла отчеты — и отсылала на свою несуществующую родину. Сообщала Герцену и Салтыкову (и чтобы дали знать Пушкину с Некрасовым), как обстоят тут дела. Каких успехов добились террор, цензура и пропаганда в деле развращения широких народных масс.

Занималась, по соц. законности говоря, шпионажем. В пользу мертвых гениев.

Сообщила — да! — всю правду, только правду, ничего, кроме правды.

И поэтому нынешние добродушные полагают, что Лидия Чуковская по своей роли была — всего лишь свидетель (допускают, что — добросовестный).

И над гробом не было сказано, — во всяком случае, не сказал тот человек, от которого я ждал, что он это скажет, — что она придумала новый способ действий, единственно возможный для искусства в эпоху абсолютного торжества лжи: придать наблюдаемым лично фактам — самым обыкновенным фактам времени, то есть постыдным и ужасным — силу художественных образов. Равную причиняемой ими боли.

Попросту — написала последние страницы русской классики. С блеском и благородством. И закрыла ее.

3 сентября 2007

Горе уму

Сегодня в три пополудни случится событие культурной жизни. На стене одного дома в улице Рубинштейна окажется мемориаль-

ная доска. Тут жил Сергей Довлатов. И ему исполнилось бы в аккурат шестьдесят шесть.

И, во-первых, как жаль, что не исполнилось. Правда, в этом случае не было бы и доски, — ну и пусть. Навесили бы ее потом — скажем, в середине века. А зато — минуя житейские сентименты — зато не было бы так совестно за литературу.

Которая, мы же видим, ходит по историческому отрезку на цыпочках, всей фигурой выражая: только не обращайте на меня внимания, кушайте, кушайте, а я пристроюсь где-нибудь в уголку.

Довлатов, мне кажется, не позволил бы себе поглупеть ни от старости, ни от славы. Измена уму была для него невозможна.

Хотя ум буквально изводил его: без конца придирался и дразнил, и был недоволен каждой написанной строчкой, не говоря уже обо всем остальном.

Не давал вздохнуть спокойно и решить раз навсегда: я писатель настоящий и притом хороший.

Поэтому Довлатов себя все время переписывал. Стараясь угодить уму: чтобы, значит, ему в тексте жилось удобней. И — по крайней мере, в некоторых вещах — добился странного и очень редкого эффекта: они выигрывают от перечитывания.

И это во-вторых — что все получилось по справедливости: живая слава и — довеском — доска на фасаде Рубинштейна, 23.

Он писал про то, что жизнь — цирк, а люди все — клоуны. Поскольку жил в такое время и в такой стране, где эта метафора — или, если хотите, гипербола — полностью осуществилась. Воплотилась. Реализовалась. В системе маразма и нищеты, непоколебимо прочной ввиду их абсолютного равновесия. Где при малейшей попытке добиться чего-нибудь теряешь больше, чем приобретаешь. И не имеет смысла т. н. труд. Постыдно ничтожен ассортимент призов т. н. судьбы. Смертельно опасна любая т. н. правда. И вообще — быть не дураком нестерпимо: все время тошнит. А когда социализм доходит до такой зрелости, единственное средство — алкоголь.

Погружающий в безумие с остроумием пополам.

Видите ли, существование состоит из поступков и слов. Но в силу данного общественного строя перед каждым обнажилась тщетность поступков. Соответственно, в речевой деятельности возобладал и господствовал вздор. И люди различались главным образом по интонации: произносят ли они вздор серьезно — или же насмехаясь над собой. Или просто в пьяном бреду.

Три сорта вздора — три сорта, три сорта — что в уголовной зоне, что в литературной, с позволения сказать, среде.

Персонажи несут вздор, автор — сортирует. Этот говорит смешно, потому что кретин. А этот говорит смешно, потому что циник. А этот — потому что он в белой горячке.

Во всех случаях содержание высказывания стремится к абсурду. Это искусство для искусства, лагерная самодеятельность.

«Законы языкознания к лагерной действительности — неприменимы. Поскольку лагерная речь не является средством общения. Она — не функциональна.

Лагерный язык менее всего рассчитан на практическое использование. И вообще, он является целью, а не средством...»

Биография Довлатова словно нарочно сложилась так, чтобы открыть ему глаза на роковое сходство двух зон. На смысловую пустоту по обеим сторонам запретки.

Но пустота — она и есть пустота. Медицинский факт, с которым ничего не поделаешь. Всем известный, кроме придурков. Повергающий в отчаяние. Не забавный, сколько ни остри. Уму в пустоте нечего ловить. Ожидая своей очереди кувырнуться на манеж, клоуны потихоньку переговариваются:

«— Мишка, — говорю, — у тебя нет ощущения, что все это происходит с другими людьми... Что это не ты... И не я... Что это какой-то идиотский спектакль... А ты просто зритель...

— Знаешь, что я тебе скажу, — отозвался Жбанков, — не думай. Не думай, и все. Я уже лет пятнадцать не думаю. А будешь думать — жить не захочется. Все, кто думает, несчастные...

— А ты счастливый?

— Я-то? Да я хоть сейчас в петлю! Я боли страшусь в последнюю минуту. Вот если бы заснуть и не проснуться...

— Что же делать?

— Вдруг это такая боль, что и перенести нельзя...

— Что же делать?

— Не думать. Водку пить.

Жбанков достал бутылку»...

Это в-третьих: что Сергей Довлатов не просто писатель. А герой трагической легенды. Символ отчаяния от пошлости. Власть которой в чистом виде и называлась советской.

Он увез это отчаяние с собой в Америку и погиб от его метастазов.

И вот прошло столько лет — а тут опять мочало реет на колу. Снова стиль жизни — бесчеловечная фальшь. В цветных лучах бесстыдного оптимизма красуется небоскреб произвола.

И как будто почти всем хоть бы что. Тексты Довлатова отчасти растолковывают — почему.

А потому что люди довольно легко обходятся без свободы. И способны бесконечно долго молоть и слушать исключительно вздор. Лишь с безнадежным опозданием замечая, что они превратились в клоунов, а их жизнь — в цирк.

19 ноября 2007

Циферблат

Колоссальный какой прилив глупости. Прямо цунами. Весь человеческий фактор идиотизма задействован, весь его административный ресурс. Сверху донизу, слева направо по карте.

В Тверь на нескольких КАМАЗах везут непонятно откуда и черт знает зачем 30 якобы миллионов расписок — типа я, имярек, жизнь без ныне действующего Благодетеля представить себе не могу.

Тамошняя доярка, имея по бокам столичного адвоката и столичного же хирурга, учреждает политический блок под слоганом: «И беспартийные любить умеют, и, может быть, еще сильней!». В пику ткачихе, признавшейся Благодетелю в таком же нежном чувстве от лица «Единой Кормушки».

Ожидается, говорят, крестный ход-бросок на Москву из Нечерноземья. А также вече в Лужниках. Не то казачий круг. Дескать, любо, братцы, любо.

А дамы Владивостока уже слетелись (наверное, на метлах) в какую-то сауну и там придумали хитрость: ненадолго передать полномочия Благодетеля законной его половине. Чтобы, значит, он ей, Благодетельнице, по ночам накуковывал единственно верный курс. Пока не пройдет конституционная пауза. А пройдет — вот он и опять при делах, как новенький.

Позорный, короче, переживает страна момент — полной умственной нищеты. Из которой сорок пять лет назад, казалось, выбилась.

Да, ровно сорок пять лет тому назад — в 1962-м, 17 ноября — вышел, как говорится, в свет очередной номер журнала «Новый мир». И в номере этом каждый мог прочитать — и каждый, разумеется, прочитал — произведение не известного прежде автора: «Один день Ивана Денисовича».

В наши дни, когда литературе и политике друг на дружку решительно наплевать, ужас и восторг того чтения только припоминаешь, и то с усилием. Никому не объяснишь, до чего невозможной казалась — и была! — буквально каждая фраза. В каждой автор не то что рисковал, а прямо жертвовал своей жизнью. И ради чего — тоже не сразу теперь растолкуешь. Ради того, что он тогда называл «главной правдой». Которую пока человек не знает, то живет как бы во сне.

Сегодня читаешь — как через тысячу лет. Занимательная археология. История труда, глава «Рабство». Ни дать ни взять Древний Египет, только вместо песка и зноя — снег и мороз. А двигатели поведения те же самые — голод, страх и привычка. И разве же не эффективна подконвойная экономика?

Зверств тут нет, про зверства пока молчок, дождитесь «Архипелага». Читателю передается одно только сознание огромной и нестерпимой несправедливости. Тогда казалось — нестерпимой незабываемо — и что, по крайней мере, хотя бы фараону ее не простят.

«Когда моя повесть только-только пришла в редакцию, Никита еще рвал и метал против Сталина, он искал, каким еще камнем бросить, — и так бы пришлась ему к руке повесть пострадавшего! Да если б сразу тогда, в инерции XXII съезда, напечатать мою повесть, то еще бы легче далось противосталинское улюлюканье вокруг нее, и, думаю, Никита в запальчивости охотно бы закатал в "Правду" и мои главы "Одна ночь Сталина" из "Круга первого". Такая правдинская публикация с тиражиком в 5 миллионов мне очень ясно, почти зрительно рисовалась, я ее видел, как въявь.

И теперь не знаю: как же правильно оценить? Не сам же бы я понес и донес повесть к Никите. Без содействия Твардовского никакой бы и XXII съезд не помог. Но вместе с тем как не сказать теперь, что упустил Твардовский золотую пору, упустил приливную волну, которая перекинула бы наш бочонок куда-куда дальше за гряду сталинистских скал и только там бы раскрыла содержимое. Напечатай мы тогда, в 2-3 месяца после съезда, еще и главы о Сталине — насколько бы непоправимей мы его обнажили, насколько бы затруднили позднейшую подрумянку. Литература могла ускорить историю. Но не ускорила».

И в другом еще месте пишет Солженицын: «Ничего не доводил Хрущев до конца, не довел и низвержения Сталина. А немного б ему еще, и ничьи б уже зубы не разомкнулись провякать о "великих заслугах" убийцы».

И вот — сорок пять лет впустую, как лагерный срок. Словно только небо вращается в одну сторону, а время идет по усмотрению вертухаев то вперед, то обратно.

Завещание Ленина, клятва Сталина, план ГОЭЛРО. Дамоклов меч, крокодиловы слезы, Сизифовой мартышки труд.

С пользой для себя «Один день Ивана Денисовича» прочли иностранцы. В частности — испанский король Хуан Карлос Бурбон. Как он врезал давеча нацлидеру Венесуэлы. На международном, важном, сугубо официальном толковище. Кругом сплошь президенты, премьер-министры. Телекамеры мигают. А этот са-

мый Чавес наехал на испанскую политику, какая-то она не такая, а, наоборот, сякая, как есть фашистская. Почему бы тебе, — перебил король и палец в него уставил, — не помолчать? И тот застыл с отвисшей челюстью, а Хуан Карлос встал и ушел.

Не выносит дешевой демагогии потому что.

10 декабря 2007

Загон суров

Покуда, значит, кипит вся эта суета вокруг кумира сего. Как бы это, значит, его передвинуть, не перемещая. Либо переместить, не шелохнув. Не в пространстве, а только во времени. Из пункта Нынче в пункт Навсегда.

Такой безопасный, такой удобный организовать перелет, чтобы ничей зад случайно не выскользнул из заполняемого им гос. кресла. Родного. Нагретого. Притертого. Медом намазанного. Отлакировать его для верности суперклеем «Момент»...

Покуда Серая Шейка нарезает круги по сужающейся полынье — и набирает по сотовому чей-то лондонский номер, и вымолвить хочет: давай улетим! — но нажимает «отбой»: ах, нету средства от зимы, кроме колючей проволоки вдоль берегов, — а гаагская рыжая следит голодными глазами...

Пока обыватель томится в накопителе, ожидая объявления: в каком из подлунных миров — не в четвертом ли — высадят его этак через недельку-другую. Не в Союзе ли, например, Скифском, Соборного Рычания...

В общем, покамест тянется этот интервал — от политического, так сказать, нечего делать и в предвкушении неизбежной, но непредсказуемой подлянки, — не развеять ли нам гражданскую скуку страничкой русской классики. Уцененной, если кто заметил, без прочтения, огульно.

Извлечь, скажем, из мусорного бака вещицу некоего Лескова Н. С. под названием «Загон». За что, интересно, эту штуку гнобили обе цензуры — царская и советская, мать и дочь.

А за то, что, представьте себе, в 1893 году (тоже в историческом интервале: на перегибе от Александра Третьего к Николаю в своем роде Последнему) Лесков вывел для России окончательную формулу судьбы: особенный такой План, или, если угодно, Антиплан, — которому должно неуклонно следовать государство, чтобы до скончания веков большинство населения состояло из несчастных и злых. И чтобы эта несчастная и злая масса (нарочно лишаемая смысла и регулярно сводимая с ума) цеплялась за данный План изо всех своих страшных сил.

Ключевые понятия такого Плана — Стена и Загон. Лесков начинает от Стены, поскольку в ней вся суть: настоящий Загон можно создать только за достаточно прочной Стеною. Прочной в умах.

В 90-х позапрошлого свирепствовала мода, похожая на теперешнюю: проклясть и забыть лихие 60-е — эпоху т. н. великих, но нежелательных реформ, когда хитрые злодеи, воспользовавшись поражением империи в Крыму, собственной выгоды ради попытались навязать стране какую-то, черт ее дери, свободу. Когда и с внешней стороны Стены «разные беспокойные люди старались проломать к нам ходы и щелочки, и образовали трещины, в которые скользили лучи света».

«Лучи эти, — напоминает Лесков, — кое-что освещали, и то, что можно было рассмотреть, — было ужасно. Но все понимали, что это далеко не все, что надо было осветить, и сразу же пошла борьба: светить больше или совсем задуть светоч? Являлись заботы о том, чтобы забить трещины, через которые к нам пробивался свет. Оттуда пробивали, а отсюда затыкали хламом...»

После чего, как известно, произошли в столице теракты, а в Польше — мятеж. И пролилось много крови. И закрылись почти все независимые СМИ. И сделалось в обществе темно и душно. И в этой духоте т. н. интеллигенция на славу отпраздновала трусу.

«Огромное множество людей вдруг почувствовали, что они были неосторожны и напрасно позволили духу времени увлечь себя слишком далеко: им было неловко, что они как будто выпятились вперед за черту, указанную благоразумием... Им стало стыдно и неловко: что они, взаправду, за европейцы!»

И пошли повороты на попятный двор по всем линиям.

«И тут случилось в спешке и суматохе, что кое-кого напрасно сбили с ног и позабыли то, чего не надо бы забывать. Забыли, какими мы явились в Крым неготовыми во всех отношениях и каким очистительным огнем прошла вся следовавшая затем "полоса покаяния"; забыли, ввиду каких соображений император Александр II торопил и побуждал дворян делать "освобождение рабов *сверху*"; забыли даже кривосуд старых, закрытых судов, от которого стенали и страдали все. Забыли все так скоро и основательно, как никакой другой народ на свете не забывал своего горя, и еще насмеялись над всеми лучшими порядками, назвав их "припадком сумасшествия".

Настало здравомыслие, в котором мы ощутили, что нам нужна опять "стена" и внутри ее — загон!»

И Лесков описывает наступившую наконец стабильность, ее характерные симптомы. Типа — внимает телевизору. Типа — идет выпуск новостей.

Вот отчет о заседании: очередной оратор проповедует, что «Россия должна обособиться, забыть существование других западноевропейских государств, *отделиться от них китайскою стеною*».

Вот парадный обед: чествуют авантюриста, подозреваемого за границей в уголовщине: «рыжий, коренастый, с круглыми бегающими глазами... Его надо было оберегать, потому что ему угрожала Англия. Для этого он не пил ничего из бокалов, которые ему подавали, а хлебал "из суседского"...»

А вот научная новость: знайте, россияне, что от всех болезней исцеляет сажа *лоснящаяся* — «которая есть только в русских избах, на стенах, натертых мужичьими потными загорбками... На Западе такого добра уже нет, и Запад придет к нам в Загон за нашею сажею, и от нас будет зависеть, дать им нашей копоти или не давать; а цену, понятно, можем спросить какую захотим. Конкурентов нам не будет».

Это все очертания Стены. Оберегающей Загон. Порядки которого пересказывать — напрасный труд. Но который так дорог его обитателям. Из картинок, предлагаемых Лесковым, возьмем одну: как еще при Николае I один богатый помещик построил своим крестьянам кирпичные дома с черепичными крышами, завел общую баню и школу. Крестьяне выбили из окон стекла, приспособили дома под нужники, налепили деревянных пристроек, где и стали жить; от бани отказались, «находя, что в ней будто "ноги стынут"», а о школе шумели: зачем нашим детям умнее отцов быть?

«Мы ли-де своим детям не родители: наши ли сыновья не пьяницы!»

Загон суров. Помещик умер нищим бродягой. Лескова не читают. Стена стоит.

Приложение: Неуплаченный гонорар

Николай Лесков (1831 – 1895) писал текст под названием «Леди Макбет *нашего* уезда» в 1864 г. в Киеве. Закончил 26 ноября.

7 декабря того же года отправил рукопись по почте в Петербург — в журнал «Эпоха».

Обратиться прямо к редактору — Федору Достоевскому, — будучи лично не знаком, не решился. Сопроводительное письмо адресовал литератору Николаю Страхову — которого, впрочем, тоже знал только по его критическим статьям.

Смысл письма был такой, что «эта небольшая работка» представляет собою пилотный номер, — как сказали бы теперь, — обширного, 12-тичастного проекта, в котором будут впоследствии представлены и другие «типические женские характеры», встречающиеся на терри-

ториях, по которым протекают реки Ока и Волга. И что «если бы Федор Михайлович, прочтя посылаемую на Ваше имя "Леди Макбет", нашел ее удобною для своего издания», то Лесков охотно и регулярно будет доставлять в редакцию «Эпохи» «все остальные очерки, назначаемые в эту серию». Каждый — объемом от одного до двух печатных листов (хотя «Леди Макбет» получилась немножко длинней). Чтобы Федор Михайлович выбирал для своего журнала, какие понравятся. Цена — 65 рублей за лист, как заплатили бы за такую беллетристику и другие, — с которыми, однако, дело иметь невозможно.

Из всех известных писем руки Лескова, — то есть из нескольких сотен, — это единственное дышит азартом надежды. Как если бы, скажем, за игорным столом события подошли к такому пункту, когда все потерянное можно еще возвратить одним удачным ходом, — а как раз и карта пришла хорошая.

Он литераторствовал уже четыре года, — бросив сперва коронную службу (канцелярскую, в ничтожном чине; по уголовным, однако же, делам), а потом и карьеру в бизнесе (изъездив страну в качестве агента одной английской фирмы, — впрочем, прогоревшей).

В эти четыре года кончилась первая русская политическая оттепель. Случились уже теракты (знаменитые петербургские пожары 1862 года), заявил о себе вооруженный сепаратизм (польское восстание 1863 года). Власти, как обычно, отыгрывались на учащейся молодежи, на оппозиционной прессе. Цензура обнаглела до идиотизма. Полиция уничтожила микроструктуры общественной самодеятельности (вплоть до Шахматного клуба). Произошли громкие аресты, последовали неправосудные жестокие приговоры (публицисту Чернышевскому, литературному критику Писареву, 1864 год).

Как бывает в такие времена, журналистика раскололась. Одни либералы (большинство) перебежали на сторону правительства: трусливые, так сказать, примкнули к продажным и неумным. Другие превратились в радикалов.

Тогда-то и сцепились две русских горгоны: шизофрения революции с паранойей государства.

Тогда-то и завелась в российском образованном классе традиция, согласно которой порядочный человек обязан (как бы по умолчанию) быть врагом существующего строя; патриот же навлекает на себя неизбежное подозрение, что он полицейский шпион.

И лучше бы ему помалкивать. А писать, если уж он писатель, изящную словесность, как тот же Достоевский.

А не как Лесков — кувыркаться (под псевдонимом М. Стебницкий) политическим обозревателем в петербургской «Северной пчеле».

Он имел неосторожность воззвать к правительству: дескать, образумьтесь; не хватайте людей почем зря; не натравливайте чернь на студентов, на поляков, на журналистов; арестуйте тех, против кого

есть улики (если улики действительно у вас имеются, что вряд ли), но прекратите бессмысленный террор.

Император (Александр II) вспылил: клевета на полицию!

Прогрессивная публицистика взвыла: донос!

И Лесков сделался в петербургской литературе персоной non grata.

Он уехал за границу — вернулся, опять уехал, опять вернулся — все оставалось по-прежнему: на него смотрели косо, его статьи принимали нехотя, к его имени привязывали оскорбительные печатные намеки.

В ослеплении обиды, а также для самозащиты Лесков стал сочинять фельетонный роман «Некуда» — из быта литературно-политических кружков, куда был вхож: про революционеров-дураков, революционеров-мошенников, революционеров-героев. Видите, дескать, какие разные люди драпируются в одни и те же громкие слова. Этот нервозный, небрежный роман был его первый беллетристический опыт. Он шел в малопочтенном журнале «Библиотека для чтения» из номера в номер на протяжении всего 1864 года.

И это было литературное самоубийство.

Публика читала «Некуда» с интересом отчасти брезгливым. В персонажах находили портретное, фотографическое сходство с живыми репрессированными современниками. Порхнул слушок, что роман сочинен по заказу пресловутого Третьего отделения. Иные знакомые, встречая Лескова на улице, отворачивались, чтобы не раскланиваться.

А он отправился в Киев: там проживала его мать, и туда в конце июля каждый год съезжались прочие родственники — на панихиду по его отцу. Также не исключено, что он собирался опять поступить на госслужбу. В Киеве, вероятно, помнили, каким усердным и толковым чиновником он был когда-то.

Но на службу Лесков не поступил. А безумно и взаимно влюбился, женатый человек, в 25-летнюю вдову с четырьмя детьми. Взаимно и безумно — потому как было решено ехать в Петербург и там назло предрассудкам завести, не венчаясь, новую семью.

Для чего совершенно необходимо было заручиться постоянным заработком. А тут как раз и написалась «Леди Макбет» — и отлично ведь написалась! — и обрисовался замысел целого сериала про женские характеры. И где же было его печатать, если не в «Эпохе», — Достоевский радикалов не жаловал и не боялся и тоже говорил им в глаза, что всю свою демократию они вычитали из иностранных брошюр, а России не знают.

И это были бы сто или даже полтораста рублей в месяц. В столице, конечно, на них не прожить, надо по крайней мере вдвое больше. Но ведь рано или поздно простят же ему несколько опрометчивых фельетонов, оценят силу новой манеры — короче, все будет хорошо.

Но хорошо не вышло.

То есть очерк-то в «Эпохе» появился. В первом номере 1865 года, в середине февраля. Но успеха не имел и даже едва ли был замечен. А в марте Достоевский объявил, что вынужден закрыть журнал: подписка ничтожная, не покрывает расходов. И что со всеми, кому он должен деньги, расплатится непременно, однако не сразу. Вместо гонорара Лесков получил вексель на 150 рублей. Но так никогда и не подал его ко взысканию.

Хотя временами нуждался хуже Достоевского. Поскольку с ним в марте того же 1865-го стряслось огромное несчастье. В журнале «Русское слово» (подписка на который как раз возвысилась — он стал как бы Кораном прогрессивно мыслящей молодежи) литератор Дмитрий Писарев, политзаключенный, уронил несколько слов о злополучном романе «Некуда», — и эти несколько слов отравили Лескову буквально всю жизнь.

Собственно, это были два язвительных риторических вопроса. Первый: неужели после этого романа какой-нибудь журнал осмелится напечатать хоть одну строку, написанную г-ном Стебницким? Второй: если такой журнал все-таки найдется, неужели хоть один честный писатель согласится в нем участвовать — «будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации»?

Это значило — бойкот. Который продержался в полной силе лет пятнадцать. Печататься приходилось либо в изданиях официозных, — а те отнюдь не считали Лескова своим и придавали его текстам благонадежность, бесцеремонно их уродуя, — либо просто где попало, в периодике чуть ли не желтой, чуть ли не за копейки либо даже бесплатно. Потому что «некуда приткнуться тому, кто написал “Некуда”».

Лесков работал необычайно много, необычайно быстро, но это не спасало. Денег едва хватало на заурядный комфорт, известности — ровно настолько, чтобы считаться талантом сильным, но второсортным и безыдейным. Любили его прозу и понимали его значение лишь два-три человека: Лев Толстой да Антон Чехов — и обчелся. Ну и Достоевский кое в чем подражал.

Но сам Лесков знал себе цену, и гордость его страдала, и характер его, неблагодушный от рождения, сделался во второй половине жизни невыносимо тяжел. Семья распалась, он взял к себе младшего сына и воспитывал его в таком страхе, что хватило на два тома мемуаров. Умер от ожирения сердца, в завещании строго-настрого запретив произносить на его могиле какие бы то ни было слова.

«Я знаю, что во мне было очень много дурного и что я никаких похвал и сожалений не заслуживаю. Кто захочет порицать меня, тот должен знать, что я и сам себя порицал»...

С тем и ушел — непризнанный гений, непрочитанный классик. До сих пор не удостоенный полного собрания сочинений.

Потребовалось бы томов пятьдесят. Почти наверное обнаружились бы неизвестные шедевры. Хотя для бессмертной славы вполне достаточно шедевров известных. Романа «Соборяне», повести «Запечатленный ангел», бесчисленных новелл и легенд.

Где русский язык так прекрасен, что практически непереводим.

Где человека ведет по судьбе не идея, но страсть.

Кого превращая в непобедимого ангела, кого — в безжалостного демона.

Вдохновляя кого на злодейство, кого — на геройство. Кого и на художество.

На великую литературу, великую музыку.

7 мая 2008

Солитер и Мадонна

А приятно было полюбоваться. Расфуфыренные, с пустыми лицами. Сладкая соль здешней земли. Сорт первый, помол экстра. 2400 единиц. Внимают авгурам. Те, гадая по внутренностям, улыбаются, само собой.

И на следующий день — крупный план Нижней говорильни. 450 единиц. Все счастливы. Беспрестанно хлопают в ладоши, норовя при этом вскочить.

И в каждом губернском городе, надо полагать, наберется еще по тысяче таких же. (В столицах и поболее.) Упакованных не хуже. Все вместе (плюс семьи) они представляют собою итог эпохи.

Сделав себе будущее, они вынуждены иногда публично мечтать о будущем, ожидающем всех прочих. И умиляются собственному великодушию, поскольку не жалеют для прочих буквально ничего. Вот вам два триллиона на учение, вот на лечение, помните нашу доброту. Как мы, стоя на паперти, швыряем цифры в толпу пригоршнями.

Выглядит все это, конечно, так себе. Но когда телевизор выключен и тошнота отступает, — а вдруг, думаешь, и действительно как-нибудь обойдется. Недра оскудеют еще не скоро, дешевое иногорючее когда еще изобретут. Значит, вполне возможно и в самом деле переплюнуть какую-нибудь Великобританию по объему экономики, все так же не производя ни вещей, ни мыслей. И пару-другую образовавшихся лишних триллионов разбрызгать среди населения.

То есть главное — не заглядывать далеко. Вдруг катастрофа не неизбежна. Или, допустим, она похожа на таяние ледника: кап да кап, в год по чайной ложке.

На падение Византии, как сказал мне однажды лет тридцать тому назад один знакомый писатель. На разложение туши кита,

как написал лет двадцать назад другой: по ходу этого дела не одно поколение внутренних паразитов успеет осуществить свой жизненный цикл.

Да, наконец, и демоскоп тикает: население РФ убывает со скоростью один человек в минуту.

И гороховый шут с особенным удовольствием давеча брякнул в говорильне, что оно и к лучшему: чем электорат малочисленней, тем легче его прокормить.

В общем, давайте вырубим ящик. Ничего не происходит. Ихняя игра в стулья нас не касается.

А что человек в России беззащитен — таков уж закон местных судеб. Но вдруг именно вас он помилует. Жили при Драконе — и то кое-кто уцелел. Авось и Внутренний Солитер будет пожирать страну, не особенно торопясь.

И хватит об этом. А раскроем лучше книжку стихов одного поэта. Необыкновенно несчастливого. Забываемого поспешно и с каким-то даже исступлением. Отчасти потому, что и родился-то он неудачного числа — 7 мая, когда полагается заправлять майонезом гос. салаты: не до стихов. Опять же нетактично в эти праздничные дни припоминать, что в интересах социализма пришлось весной 38-го отвезти его в ленинградский Большой Дом и там долго пытать и бить, пока он не впал в помешательство. А потом еще восемь лет держать его в лагере и в ссылке. Чтобы талант хрустнул, как позвоночник.

Конечно, я говорю про Николая Алексеевича Заболоцкого. Сто пять лет со дня рождения, довольно круглый юбилей.

Круглые очки на простоватом лице.

И загадочные стихи. Похоже, что его угнетала и раздражала материальность мира. Что он смолоду пребывал как бы в шутовском аду, подразумевающем как первое условие своего существования — абсолютное отсутствие смысла. А как второе условие — боль, постоянно чувствуемую любым существом и веществом. А притом этот мир был так живописно нелеп и зловещие глупые клоуны метались по нему так забавно. Дыша и питаясь смертью и передразнивая смерть.

Что-то такое он уловил в атмосфере первых пятилеток. Хотя вроде бы вполне советский был человек.

В заключении молчал, а когда оказался на свободе, стал писать совсем не то, что прежде: по-другому и про другое. Про разреженное пространство и бесконечную печаль. Про жалость.

Несколько очень красивых стихотворений. Найдется и два-три бессмертных.

При жизни не напечатанных, ясное дело.

Например, как замерзли в поле двое з/к, отправленные из лагеря в город за мукой:

...Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

Представляю, как напугали бы такие стихи, если бы вдруг раздались из репродуктора, всю эту радостную кремлевскую чернь.

А про Мадонну в зале ожидания:

...Над черной линией портала
Висит вечерняя звезда.
Несутся с Курского вокзала
По всей вселенной поезда.
Летят сквозь топи и туманы,
Сквозь перелески и пески,
И бьют им бездны в барабаны,
И рвут их пламя на куски.
И лишь на бедной той скамейке,
Превозмогая боль и страх,
Мадонна в шубке из цигейки
Молчит с ребенком на руках.

А зато человеку нормальному такие стихи дают чувство, отчасти похожее на надежду. Не то иллюзию. Типа того, что госбезопасность не успеет погубить мир, что в последний момент литература его спасет.

11 июля 2008

Значение литературы

Вот и Приставкин умер. Анатолий Приставкин. Автор повести «Ночевала тучка золотая». Последнего великого произведения советской литературы. Возможно — последнего великого произведения русской литературы вообще.

Той, классической, прозы, в которой высшая справедливость — сострадание. Той, которая, защищая несчастных людей, бесстрашно бросалась хоть на государство, хоть на Господа Бога.

За что эту прозу и полюбил весь мир. Только в России в конце XX века она стала никому не нужна.

Подумать только: если бы Ельцин и окружавшие его болваны действительно прочитали повесть Приставкина, — если бы не омертвел у них тот участок мозга, который отвечает за способность понимать худ. текст, — не началась бы чеченская война и совсем другая была бы вся жизнь вокруг, — не исключено, что несравненно приличней.

А теперь литература не имеет значения. И милосердие больше не стучится ни в чьи сердца.

А стучится в них фальшь.

Тук-тук: с новым вас праздничком — с днем семейного счастья! Назло святому Валентину. 8 июля граждане РФ дарят друг дружке букеты из ромашек и спешат к скамьям примирения. Вогнутым таким, из полированного металла. Если двое сядут по краям, то волей-неволей заскользят по наклонной, пока не окажутся рядышком. В аккурат под двумя нимбами, смонтированными на спинке скамьи. Изображая, значит, пару святых. А именно святого Петра и святую Февронию Муромских. Фотограф щелкает, и птичка вылетает. В Москве одна такая скамья (чуть не забыл: еще и с крыльями по бокам!) уже сооружена.

А ведь и правда: умерли в один день, этого самого числа — 25 июня по старому стилю. В 1228 году. И точно была у них любовь и верность. Насчет семейного счастья — как сказать: горевали, наверное, что нет детей. Оттого, должно быть, и расторгли супружество и затворились каждый в своей обители, приняв новые — вот эти самые — имена. Феврония и Петр.

Прежде, в миру, князя звали — Давид. (Варяг, успокойтесь, варяг.) Был самодержцем в Муроме, райцентре Владимирской области. Контролировал, значит, грузовой терминал на левом берегу Оки. В молодости серьезно заболел: не то псориаз, не то нейродермит, — в общем, местная медицина была бессильна, пришлось искать специалиста в чужих краях — в Рязанской земле. Но вместо специалиста нашлась народная целительница. По имени Евфросиния, дочь древолазца (это который лазает в лесу по деревьям, добывая мед диких пчел), премудрая дева.

Сказала, что платы ей никакой не надо, — а пускай князь, как выздоровеет, возьмет ее, дочь древолазца, в жены, только и всего.

Он притворно согласился.

И она дала ему такое зелье, что сразу все его струпья сошли. После чего он отбыл на родину. И не подумав, конечно, исполнять

нелепое свое обещание. Послал ей, как полагалось, дары. А она их не приняла.

Но он заболел опять. Наступил, как говорится, рецидив. И все повторилось. Только на этот раз пришлось дать твердую гарантию законного брака.

Тут Давид окончательно поправился — и обвенчался с Евфросинией, и привез ее в Муром. И все у них было хорошо. Пока в один роковой день их не похитили. Прямо из княжеской опочивальни, на рассвете.

Какая-то сплелась интрига. Тайны муромского двора. Якобы этим мезальянсом князь уронил себя в глазах бояр и дружины. Потерял авторитет. А верней — что кто-нибудь из конкурентов решился на недружественный захват грузового терминала, инсценировав политический переворот.

Князя и княгиню вытащили из дворца, бегом привели на пристань, усадили в две разные ладьи, которые тотчас отчалили. У заговорщиков, похоже, не было решено, как с этой четой поступить — интернировать? Депортировать? Тогда-то и состоялся тот знаменательный разговор — княгини Евфросинии с одним из гребцов на ладье. Пересказанный либо придуманный малоизвестным русским литератором Ермолаем-Еразмом лет так через триста с небольшим.

Надо полагать, сказанный гребец был на ладье главным. Или даже он был не гребец, а, допустим, рулевой. И сидел напротив Евфросинии, очень близко, почти вплотную. И стал оглядывать ее пристально. Она же была в одной рубахе.

И в какой-то момент ей стало ясно: плохо дело. Какие бы ни были даны этому человеку инструкции, — он поступит по-своему, настолько распален. И Евфросиния сказала ему: знаешь что? зачерпни воды из реки, испей, охладись. Он машинально, не отводя от нее взгляда, опустил руку за борт, поднес ко рту.

А теперь попробуй — с другого борта, сказала княгиня. Он, конечно, вообразил, что она с ним заигрывает, — с усмешкой погрузил в воду другую руку и снова отхлебнул из горсти.

И Евфросиния спросила: с какого борта вода вкусней? А он в ответ: что за ерунду ты мелешь, откуда взяться разнице, одна же река. Ока.

То-то, сказала она. Представь, точно так и с женским естеством: у всех одно и то же.

Вероятно, эта идея впервые проникла в данную голову. И замкнула там что-нибудь. Или, наоборот, прервала. Одним словом, вдруг все у этого рулевого прошло, он словно проснулся, приступа

похоти как не бывало: сидят друг напротив друга два мыслящих существа, отвлеченно рассуждают о проблемах секса.

Тем и кончилось. Дальше плыли молча. Заночевали на берегу. А наутро пришла еще лодка. Оказалось, что Муромский народ, узнав о путче, восстал и после небольшой гражданской войны единогласно просит легитимных руководителей возвратиться.

Они вернулись. И с тех пор жили без забот. Потом, приняв иноческий чин, стали Петром и Февронией. И разлучились, сговорившись, однако, «о преставлении купнем», — то есть друг без друга не умирать, а только одновременно. И вот однажды он прислал ей подряд три сообщения: что отходит, что ждет ее, что уже не может больше ждать. А она вышивала, и ей хотелось закончить работу. Но после третьего сообщения замотала вокруг иглы нить и отправила ответ: что умирает тоже.

День, в который это случилось, Говорильня собирается объявить официальным выходным. А рестораны обещают на золотые свадьбы и даже на серебряные — беспрецедентную скидку.

25 августа 2008

Теряя друзей

Их было восемь. Фамилии см. на Yandex.ru., кому не наплевать. Лариса Богораз, Наталья Горбаневская и другие. Ровно 40 лет назад, 25 августа 1968 года, вдруг развернули на Красной площади в Москве самодельные плакаты. Сообща обдуманные, выведенные от руки — либо по канцелярскому трафарету — ночью накануне. (Ах, какая была ночь — самая прекрасная в их жизни.) Что-то такое: да здравствует независимая Чехословакия! А также: мы теряем лучших друзей.

Серые повязали их в момент. Приговаривая почему-то (пока наручники застегивали, наносили мелкие удары, душили, все такое): у, жиды!

Хотя еврей среди них был, кажется, один: Виктор Фейнберг. (Или Файнберг).

В опорном пункте правопорядка семеро уговорили восьмую — студентку Баеву (если не путаю — Татьяну) — не возникать. А как будто она случайная прохожая.

Выглядела слишком юной для тюрьмы: 21 год.

С остальными случилось по соц. законности. Да и студентка не ушла далеко.

А жителей в стране было миллионов, что ли, триста. И было бы неверно считать, что только восемь порядочных. Думаю — восемьдесят. Или даже восемьсот. Я сам знал одного: написал, вообрази-

те, в ЦК КПСС. Что не разделяет. Конечно, его отовсюду выгнали, а потом посадили. Рабочий, русский.

А я никуда не написал. И не то что жалею. А так. Не горжусь.

Только и нахожу в оправдание, что, в отличие от них от всех, уже тогда слишком презирал т. н. советскую власть. А не то чтобы вступать с нею в переписку. Типа: а знаешь ли ты, щука, что такое добродетель.

А они переживали, что о стране судят по поведению государства. Им было стыдно перед человечеством за страну. В которой ведь были когда-то Герцен и Толстой. Так вот, не думайте, что остались только овцы и козы. Под управлением гиен.

И вот чем отличалась та ситуация от нынешней: не нашлось тогда негодяя, который сказал бы им: ах вы, такие-сякие предатели, страна ведет войну — ваша ведь страна, — а вы!

Им припаяли срока́ за нарушение общественного порядка. Двоих, если не ошибаюсь, признали по суду сумасшедшими. Но все понимали: их вина, их несчастье, их психическая болезнь — любовь к Родине, только и всего. Отчего-то некоторым людям невыносимо видеть, что их Родина поступает низко.

А я был умней. То есть глупей. И, конечно, труслив. Я просто принял к сведению, что живу под властью нелюдей. И что это навсегда.

И многие тогда так решили. Стали жить в отчаянии.

А луговые, путины и кокойты, запираясь по вечерам в уборных, мечтали, как проведут свой первый допрос.

А если бы тогда на улицы вышли с плакатами восемьдесят тысяч человек — и в том числе я, — как знать? — и эти подростки могли бы стать не теми, кем они стали.

Но поздно об этом толковать. И это было невозможно. И я, как почти все, был ничтожеством. И вот опять наступил СССР.

Он наступил — и ничего не изменить, — а остается разбирать состав атмосферы. Так сказать, для потомства — на тот случай, если ГБ не овладеет всей планетой и не уничтожит ее, овладев. О чем скажу, если сумею, отдельно.

Так вот, потомство, читай Оруэлла, а то ни черта ни поймешь. Какие мы были существа. И что значит — управляемое безумие.

Потому что если посмотреть холодным, отчужденным взглядом, — например, издалека, с Британских каких-нибудь островов или Мальдивских, — то, действительно, получится некрасота. Действительно, каждый гражданин РФ, который нынче негодует на начальника грузин за его поступок против этой самой Южной Осетии, — а молчал в тряпочку или даже вслух ликовал, пока его

начальники то же самое и в тысячу раз ужасней делали с Чечней (Финляндию, Прибалтику, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Афганистан — оставим, так и быть, на совести пенсионеров), — каждый такой гражданин выглядит, строго научно говоря, как подлец обыкновенный.

Но так же не бывает — чтобы целая страна, седьмая часть земной суши, была населена сплошь подлецами. Среди них нельзя было бы жить, а не то что авторствовать.

Есть другая гипотеза. Другой диагноз. Поставленный в 30-е годы Ильей Ильфом по симптомам сугубо литературным. Ильф написал приблизительно так:

Ругают Уткина. Десять лет хвалили, теперь десять лет будут ругать. Ругают за то самое, за что прежде хвалили. Тяжело и нудно среди непуганых идиотов.

Был такой Уткин. Иосиф. Не спортивный комментатор, а поэт. Ныне забыт и вообще в данном случае нас не интересует. А интересует нас отмеченная в этом тексте способность советского сознания смотреть на вещи то снизу вверх, то сверху вниз. В зависимости от. По примеру главарей и горланов.

В этой концепции подлецы — всего лишь креативное меньшинство. Лгущий желток. Плавающий в белке идиотизма.

Но ты и этому, потомство, не верь. Что будто бы мы были идиоты. Легкомысленные — это да. Например, принимали войну за футбол, — пока не получали под расписку цинковый гроб.

Но стеклом все-таки не умывались. Мыла не ели. И, хотя не производили полезных идей и товаров, умели — в большинстве — доживать до старости. Позорно несчастной, но так нам и надо.

Мы были — какие были. Жертвы опыта. Объект презрения. Полиция мыслей отбила нам мозги. Чтобы доказать самой себе, что мы ее достойны. Как и все остальные люди на Земле. Многие из т. н. иностранцев самоуверенно воображают, что они — другие, что с ними так нельзя, — но ужо.

22 сентября2008

След облака

Любит иногда, — во всяком случае, любило раньше, — т. н. государство, бывая в гостях, изобразить соломенную вдову.

Вздохнуть при случае притворно: вообразите, я там, в России, совсем одно, никто моих демократических устремлений не понимает. Вот была бы у меня, как у других, опора в жизни — гражданское общество, — ах, какую бы мы с ним вместе свободу развели. Но увы, неумолимый исторический рок решил иначе.

На самом-то деле, конечно, есть у него, у т. н. государства, т. н. гражданское общество, как не быть. Только они не состоят в законном браке, а предпочитают интимную связь. Которой зато предаются с утра до вечера.

В обеденный перерыв обмениваются залогами немеркнущего чувства.

Как на этих днях: группа личностей гражданского общества посетила нижнюю говорильню и украсила несколько ее личностей самодельными медалями. Отчеканенными в честь общего их потустороннего покровителя — железного Феликса.

Которому, если бы дура-природа умела ценить заслуги, стукнуло бы в этом сентябре аккурат 131.

И так они все от этого разнервничались, расчувствовались. Некто Колесников Владимир, — помните, дородный такой, он теперь в говорильне, — что же это такое получается, — спрашивает: нам медали, а где же он? Эдмундович-то как же, а?

И который из гражданского — Тимофеев фамилия, комсорг ГБ и президент союза ее ветеранов — тоже еле сдерживается: действительно... как подумаешь... в каком-то саду, безлюдном, темном, совсем один... под открытым небом...

Ничего, ничего, — очередной из говорильни вступает: отольются им наши скупые слезы. История все расставит по местам. Недолго ждать.

Так трогательно. Так интересно. В Интернете нашлись признания этого комсорга — газете «Красная звезда». Оказывается, таких, как его СВГБ, структур в одной Москве сотни. Объединяют мужчин в расцвете сил со стажем 20 лет в органах. Прикиньте совокупную численность. Это ли не общество. По будним дням почти поголовно все, действительно, в гражданском. На иномарках. Занимаются, если хотите знать, бизнесконсалтингом, вот. Раз капитализм.

При социализме же они, как известно, в основном занимались тем, что мешали некоторым писать, многим — читать. Поскольку считалось, что изготовление, распространение и чтение качественной литературы подрывает основы. (И ведь подорвало — все, кроме одной.)

И жил на свете — еще в мою бытность — миллион-другой (а то и поболе) советских людей, которые вместе составляли как бы облако читателей. Не общество — облако. Ни черта не понимали в экономике, а про политику только смутно воображали, что якобы она могла бы существовать и с человеческим лицом.

Но, как это ни странно, благодаря чтению (причем литературы не какой-нибудь специальной, а простой художественной) выра-

ботали некий инстинкт, позволявший им отличать дурное от хорошего. Чувствовать разницу.

И за это партия, правительство и особенно органы их ненавидели. И даже немножко боялись. Как носителей какой-то странной силы, назовем ее условно совестью.

Теперь эти люди — абсолютное их большинство — делись куда-то. Подозреваю — просто умерли. Все эти ИТР и МНСы, знавшие Мандельштама и Ходасевича наизусть. Библиотекарши, прятавшие под кофточки приговоренный к списанию и сожжению «Один день Ивана Денисовича». Машинистки и фотографы, размножавшие «Доктора Живаго», «Архипелаг», «Лолиту» и «Письма к римскому другу». И «Сказку о Тройке». Впали, в отличие от ГБ, в нищету. А потом политическое отчаяние их доконало.

Вот как раз славная новость из той же говорильни: гробовое пособие повышается до целых 4 тысяч р. на тело. Торжество единственно верного социального курса: госбюджет будущего года может безболезненно позволить себе такой шестимиллиардный расход.

То есть запланировано на 2009-й полтора миллиона смертей.

Так и уходят, — не видите, что ли, — уходят последние читатели Самиздата и толстых литературных журналов. Перекатная грамотная голь. Образованщина — как обозвал ее человек, которого она любила едва ли не больше всех.

А которые отравили ей жизнь — разными подлыми способами отнимали единственное наслаждение: не давали читать, — они даже не стареют. Во-первых, денежное довольствие, а во-вторых, благотворная обстановка: даже между приличным и неприличным разницы больше нет. Отменена официально. Им только немножко недостает т. Дзержинского. И т. Жданова. И, наконец, Самого внести обратно в Мавзолей: не припрятана разве в подвале запасная копия?

Все это — присказка. А вот и сказка. В этом нашем узком маргинальном кругу кое-как одетого старичья, расхаживающего по улицам, смешно сказать, пешком и до сих пор почитывающего литературные журналы, случилось событие. Затмевающее в наших подслеповатых глазах пляску биржевых курсов. Заглушающее хамский телелай.

В сентябрьском номере «Нового мира» опубликованы дневниковые записи Лидии Корнеевны Чуковской об Александре Исаевиче Солженицыне.

Всего лишь история отношений двоих людей. Как понимал ее один из них. Стремительным пунктиром.

Но люди очень большие — мифологической, вообще-то, величины. Андрей Дмитриевич Сахаров отчасти участвует.

И читать — больно. Словно все, что случилось между ними и с каждым из них, есть как бы объяснение — как бы предсказание — того, что потом случилось с душой страны. Какие силы в ней, в душе страны, действовали. Какими слабостями оборачиваясь. Вследствие чего несчастная Образованщина вымерла. И угасла Литература. Уступив общественное мнение сами видите кому.

9 ноября 2008

Памяти Охотника

Надо помянуть, непременно помянуть надо. Сто девяносто — не шутка. До полного округления даты собрание его сочинений, пожалуй, не достоит.

Став позапрошлым, девятнадцатый век стремительно уплывает в темноту и тает, как льдина. И. С. — на самом краю.

Надо помянуть, непременно помянуть надо. И по этому случаю политику к черту. Позабыть, как там врио полудиктатора хлопочет, чтобы принципал стал полным наконец. Речь, видите ли, продолжалась 85 минут и 56 раз прерывалась аплодисментами.

А это ведь И. С. реально вывел ихних пра-пра из крепостного состояния. На пару с Григоровичем. Исключительно средствами стиля. Тот — сын украинца и француженки — сочинил вещь, которую порядочные люди не могли читать без слез: «Антона-Горемыку». Про то, что крестьянин, очень вероятно, обладает способностью чувствовать себя несчастным, — то есть душой, хотя и небольшого размера. Как бы детской. Ну и глухонемой.

А этот, значит, потомок татаро-монгольских агрессоров изобразил картину совсем другую. На которой фигуры в крестьянской одежде такие крупные, с насмешливыми лицами умных взрослых. И тут же — злые карлики в сюртуках и куртках делают разные повелительные, угрожающие жесты. Не обращая внимания на пейзаж и экономику. Не замечая, как они в этом пейзаже и в этой экономике смешны.

Крепостное право морально устарело в момент: как только тираж «Записок охотника» был развезен по книжным магазинам. Понимать его как норму жизни сделалось неприлично. (Пользоваться — дело другое.) Через девять лет пришлось вообще отменить.

Так литература освободила народ. И он двинулся вперед. И отнял власть у прежних карликов. И отдал новым — которые умеют хлопнуть в ладоши 56 раз за 85 минут.

И то сказать: злоключения Антона-Горемыки значительно уступают приключениям Ивана Денисовича.

Надо помянуть, непременно помянуть надо.

Если бы тайная полиция поставила всю русскую литературу к стенке, выстроив по росту, Тургенев оказался бы правофланговым. Огромного был роста.

И мозг у него был почти нечеловечески тяжелый. 2 кг 120 г, если не путаю.

Плюс правильное, действительно высшее образование. Плюс сотни километров пешего хода: за тысячами птиц (письма пестрят похвальбой: вчера убил столько-то, сегодня — еще больше).

Наслушался русской речи. Любил ее, как собственный ум. Как здравый смысл, олицетворением которого и был. (Главным образом в текстах, конечно: в жизни-то, особенно в личной, такой же безумец, как и все.)

Последние слова: — Прощайте, мои милые... мои белесоватенькие...

За столько лет на чужбине не потерял суффикса.

И, в сущности, писал по-русски лучше вообще всех на свете.

Однако питал слабость к романной форме и реалистической манере.

Романизм этот, впрочем, — еще куда ни шло: даже более чем простителен иногда. Вон как в «Дворянском гнезде» несколько раз оборачивается сюжет: захватывает дух.

Хотя обычно вся история сводится к истории поцелуя.

Но и тогда находится способ собрать людей и дать им поговорить. И обязательно предоставить слово действительно умному человеку. То есть такому, который ничего не восклицает, потому как ничего для себя не боится и ни на что не надеется.

Как Базаров. Как сам И. С.

Но реализм, реализм — вот его слабое место. Вот из-за чего Тургенева забудут раньше некоторых других. Он описывал характеры, которых больше нет. Которые кончились, как невозобновляемый ресурс. Вместе с временем, из которого почти целиком состояли.

Он изображал других: роковая ошибка. Писатель, ищущий бессмертия, должен других выдумывать. То есть на самом-то деле выдумывать самого себя и распределять по ролям, ни на каких посторонних не отвлекаясь. Заимствуя у них лишь наружность: социальное положение, пол, возраст и т. д.

Базаров так и сделан. Оттого «Отцы и дети» — великое произведение.

Описания природы — почти все (а например, — в «Фаусте») тоже сделаны так. Хотя и природы такой больше нет. И языка, которым она передает чувства автора. И уж подавно не стало таких чувств.

Что же до прочих персонажей — читаешь, как про инопланетян. Особенно что касается молодых женщин. Напрочь лишенных эгоизма и с волей настолько сильной, что она удерживает их — в решительную минуту судьбы — от падения в обморок.

Ну и пусть. Все равно — надо помянуть, непременно помянуть надо. Потому — такая выпала судьба: жить в третьем мире, среди вещей и учреждений третьего сорта. Часто — украденных. Еще чаще — карикатурных. А представление о настоящих ценностях дает фактически одна лишь литература, и то большей частью старинная.

Для чего И. С. Тургенев в ней и участвовал. Чтобы, значит, оставить что-нибудь родной стране. Чтобы у нее впредь имелось что-нибудь за душой.

Сидит, бывало, закутавшись в шотландский плед (черно-зеленая клетка), и выводит, допустим, такие слова:

«Одно убеждение вынес я из опыта последних годов: жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение... жизнь — тяжелый труд. Отречение, отречение постоянное — вот ее тайный смысл, ее разгадка: не исполнение любимых мыслей и мечтаний, как бы они возвышенны ни были, — исполнение долга, вот о чем следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща; а в молодости мы думаем: чем свободнее, тем лучше, тем дальше уйдешь.

Молодости позволительно так думать; но стыдно тешиться обманом, когда суровое лицо истины глянуло наконец тебе в глаза.

Прощай! Прежде я прибавил бы: будь счастлив; теперь скажу тебе: старайся жить, оно не так легко, как кажется...»

Такая серьезность. Такая ясность. Такое отношение к жизни, при котором человеку ну уж никак не до того, чтобы способствовать порабощению других людей.

Помянем, короче говоря, старика. Не чокаясь. Пока они там аплодируют. Вечная память.

ЕСЛИ Б Я ЖИЛА УМЕЛО...

* * *

Хочу побыть наедине
С печалью — очень старым другом.
Печаль всегда к моим услугам.
Лишь позову — спешит ко мне.

Мы с ней молчим, мы с ней поем,
Нам с ней вдвоем совсем не скушно,
Она сидит со мной послушно
Когда угодно — ночью, днем.

* * *

А знаешь, как я книгу жизни читаю?
Две строчки прочту и витаю, витаю,
Витаю вон в тех кучевых облаках,
Уже и не помня, что было в строках.
А после я снова глаза опускаю
И взглядом рассеянным строки ласкаю,
Чтоб снова отвлечься и снова витать,
Увесистый том не стремясь дочитать.

* * *

Жизнь требует большой сноровки
От божьей маленькой коровки,
От бабочки, от паука
И от меня наверняка.
И если б я жила умело,
Тогда душа бы не болела.

Лариса МИЛЛЕР — родилась в Москве. Окончила Государственный институт иностранных языков. Автор книг «Безымянный день», «Земля и дом», «Стихи и проза», «Стихи о стихах», «Сплошные праздники», «Заметки, записи, штрихи», «Между облаком и ямой», «Мотив. К себе от себя», «Где хорошо? Повсюду и нигде» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

* * *

Все, как в облаке, в чем-то своем.
О своем говорим и поем,
О своем и грустим и мечтаем
И любимый свой томик листаем.
Каждый в облаке плотном, густом,
И нельзя попросить о простом:
В чье-то облако переселиться,
С кем-то хоть на мгновение слиться.

* * *

Как ты думаешь — все не напрасно?
И надежды питать не опасно?
И к кому-то душой прикипеть?
И о счастье заливисто петь?
Ну скажи — хорошо или плохо
Чуда ждать до последнего вздоха?

* * *

Не знаю, хватит ли мне сил
Так делать, чтоб не уносил
Нас времени поток могучий.
Замедлила на всякий случай
Шаги, и в роще золотой
Век целый до березы той.

* * *

Осенний луч ладонь лизнул,
А смысл снова ускользнул.
А смысл бытия земного
Все ускользает, что не ново.
И надо ли его ловить?
Нам остается лишь любить
Бессмысленную жизнь, в которой
Бог весть, что служит нам опорой.

* * *

Люблю цветные пустяки.
Жизнь многоцветная, теки,
Смотри небесными очами,
Как занимаюсь мелочами,
Их вороша и теребя,
Бессмертной чувствую себя.

* * *

Ах, это маленькое «я».
Истошный выкрик: «Мой, моя,
Моя болячка — погляди,
Меня прижми к своей груди,
Будь чутким, мой покой храня».
Ну а в ответ: «Меня, меня».

* * *

Не понимаю, что нас держит
И почему мне щеку нежит
Осенний лучик заревой,
Как удается быть живой
И почему дорога к дому
Подобна чуду неземному.

* * *

Вы только взгляните, что есть у меня:
Волшебные краски текущего дня.
Они под осенним лучом золотятся.
Они облетят, но не надо бояться
И думать не надо, что будет потом,
А только купаться в дожде золотом.

* * *

А мне не скушно, мне не скушно.
Листва сегодня так воздушна.
Воздушны капельки дождя,
И я немного погодя
С согласья муз неравнодушных
Их воспою в стихах воздушных.

* * *

Я-то знаю, что я не умру:
Ведь меня пригласили в игру,
Что не знает конца и предела.
И неважно, что я поседела.
Я-то знаю: я буду всегда,
Раз однажды попала сюда.

* * *

Эти серые будни — они хороши.
И по будням стараюсь я жить для души.
Ну хотя бы об этом стихи сочинять
И в стихах неудачное слово менять
На другое, упавшее с серых небес.
И по будням я жить не могу без чудес.

* * *

Сыну Илюше

Давай я поделюсь с тобой
Вон той полоской голубой,
Вот этим воздухом прозрачным,
Вот этим деревцем невзрачным,
Тропой, что под ногой вилась,
Строкой, что только родилась.

* * *

Хорошо бы поселиться
Там, где можно веселиться.
Так желанье велико
Жить беспечно и легко,
Жить легко, шутя, беспечно
Да к тому же вечно, вечно.

* * *

У музы моей на лице конопушки.
То в чаще живет она, то на опушке,
То возле кормушки, то возле пруда.
И что ни диктует мне — все ерунда:
Ни сложных метафор, ни умных наречий,
А просто обычный язык человечий.

* * *

О Господи, как белый лист пересечь?
Как строчку заставить струиться и течь?
И как научиться сердца волновать
И в нужный момент разговор оборвать?

* * *

А можно я тобой побуду
И все свое совсем забуду?
Давай твои увижу сны,
Пускай я до твоей весны,
Твоей мечты дожить не чаю.
Дай по себе я поскучаю.

* * *

А снег — он легок на помине.
Сверкает он на мне, на сыне,
На ветках дуба и ольхи
И на листочке, где стихи
Мои о том, как снег кружился
И, покружившись, спать ложился.

* * *

Господь нас порадовать нынче решил
И снегом воздушным все припорошил.
На дивную сказку пространство похоже,
И надо ему соответствовать все же:
Ходить и смеяться, ходить и сиять,
Надежду на счастье друг в друга вселять.

* * *

Что сказать мне о жизни?
Что оказалась длинной...
И. Бродский

Что о жизни сказать? Оказалась летучей.
Хорошо, что пожить мне представился случай,
Мне представился случай счастливый вполне
Закругляться, ей-богу, не хочется мне.
Да к тому же сегодня так тихо и снежно,
Будто небо с землей к нам относятся нежно.

* * *

А дни мелькают — нечет, чет.
Свершенья прежние не в счет.
И что ни день — «Давай по новой», —
Мне говорят. Приказ суровый.
«Давай-ка с чистого листа,
Его поверхность так пуста!
Давай, — велят. — Вперед, за дело».
Как будто силам нет предела!

* * *

Ах так? Велишь мне быть старухой?
Грозишь беспамятством, разрухой,
Маразмом всяческим грозишь
И безнадегой? Нет, шалишь.
Ты, жизнь, ведешь себя отвратно.
Возьму и поверну обратно.

* * *

Куда-то сунула ключи. Ключи от счастья.
Ты хочешь в поисках ключей принять участье?
Мы все с тобой перетряхнем и перероем
И вдруг в какой-то светлый миг с тобой откроем,
Что вновь зима и что, искрясь, слетают дружно
С небес снежинки и ключей искать не нужно.

* * *

А знаешь, я все проверяю на свет.
Взглянула и вижу, что есть, чего нет.
И даже в те дни, когда света так мало,
Я лучика жду. Без него бы пропала.
Сегодня не сплю я с рассвета, с шести —
Я жизнь свою к свету хочу поднести.

* * *

А я все стараюсь, стараюсь, живу.
Смотри — прибираюсь и лишнее рву.
Смотри-ка — шагаю по мерзлой земле,
Хожу — не летаю. Сочувствуешь мне?
А так ведь хотелось парить и летать.
Ну, может, удастся еще наверстать.

* * *

Я здесь. Я никуда не делась.
Я в золото лучей оделась.
Не пожалели для меня
Сегодня блеска и огня.
Я здесь. Я вся, как на ладони.
И я в лучах, и лес в короне.
Погаснет золото луча,
И соскользнет наряд с плеча.

* * *

Давай начнем в другой октаве.
Ведь мы менять октавы вправе.
Давай изменим темп и лад.
А вдруг найдем бесценный клад
Того, о чем и не мечталось.
Неважно, сколько жить осталось,
А важно, чтоб звучало то,
Чего не слыхивал никто.

ПИКОВАЯ ДАМА

Когда мы подъехали почти к самому санаторию, я увидела серый кирпичный дом, похожий на барак, только высокий.

На его ледяном, зимним ветром продуваемом балконе моталось унылое белье.

В прежде таинственном, а сейчас лишившемся своей загадки Переделкине лежал серый снег.

Тяжкая тоска вырвалась откуда-то изнутри, разом навалилась мне на сердце. Что-то было не так. Я впервые за все это время почувствовала свою обреченность на эту тоску и одиночество.

Слово «санаторий» для меня было хорошее — из того времени, когда мы с мамой ездили на Кавказ. В его разноцветных гранях, как в стакане, наполненном водой для акварельных красок, лилово смеркались ярко пахнувшие аллеи парка с кипарисами и пряными темными кустами.

Золотились ночные путешествия за кефиром и свежей булочкой в какой-то мистический, белый, сдобой пахнувший «другой корпус», днем исчезавший невесть куда.

Синела ночной синевой загадочная песня, которую мне пела мама. Песня блаженного какого-то Вертинского про луну: «Сегодня полная луна, как пленная царевна, она печальна и грустна, и бесконечно влюблена, и холодна и гневна... Сегодня наш последний день в приморском ресторане... Упала на террасу тень, горят огни в тумане... Я знаю, даже кораблям необходима пристань, но не таким, как мы... Не нам — бродягам и артистам...»

Все это было совершенно необъяснимо, но дышало такой запредельной загадкой бытия, и сдобой, и кипарисами, что хотелось бухнуться в эту полноту ликующей тайны с головой и жить в ней и придумывать из этого ликования новые лунные слова.

Надежда МУРАВЬЕВА — родилась в 1970 г. в Москве. Закончила МГПУ им. Ленина, по образованию лингвист. Работала в «Независимой газете» («НГ Ex-libris»). Некоторое время жила и работала переводчиком в Латинской Америке, в Колумбии. Автор романа «Майя» (2005), поэтического сборника «Càrmenes», ряда рассказов и переводов, публиковавшихся в отечественных и зарубежных журналах. Журналист, преподаватель испанского языка. Живет в Москве.

Поэтому, когда мне сказали, что я поеду лечиться в санаторий в зимнее Переделкино, я совсем не испугалась. И все говорили, как это будет хорошо и близко от Москвы — «какие-то двадцать минут на электричке». И я там буду учиться, и поживу каких-нибудь два месяца с половиной, а мама будет ко мне приезжать, и, может быть, даже брат Алеша...

И вдруг все заманчивое, все, что мне рассказывали про санаторную жизнь, вылиняло, выцвело, стало, как это белье на чужом железном балконе.

Это будет похоже на больницу, я знаю. Как можно хоть один час жить в том, что похоже на больницу? Я еще в пять лет каждый раз плакала, когда она настигала меня во сне: «Опять эта гадина больница приснилась!» А теперь мне уже восемь, но я по-прежнему терзаюсь, когда думаю о ней...

И вот теперь я знала всем животом и коленями, и сердцем, что поделать ничего нельзя. Я робко сказала маме: «Я не хочу здесь оставаться. Можно, мы поедем домой?»

«Не мешай», — отмахнулась она от меня. Мама сердилась и волновалась: дедушкин шофер Марат заблудился среди одинаковых серых, щербатых домов и не знал, в какую сторону ехать. «Направо пойдешь — коня потеряешь, налево — себя похоронишь...»

Мы поехали, не помню, в какую сторону.

Мама уехала как-то сразу, я даже не успела с ней толком попрощаться. Но поначалу, когда в сумрачной раздевалке пышная женщина в белом халате с растрепанной лимонной соломой на голове стала учить нас, как укладывать одежду в мешки и как эти мешки подвешивать на крюках с номерками, я отвлеклась. Она говорила, что каждую субботу мы будем приходить сюда после ванны и вынимать из мешков чистые трусы, и называла это — «прогулки под луной». Она сказала, что так надо это называть — для мальчиков. Чтобы неведомые какие-то мальчики, тоже жившие в санатории, не могли догадаться о том, зачем мы сюда ходим.

Все это как-то грубо меня ударило, ведь что я никогда не подозревала, что трусы могут висеть в качающихся мешках и за ними надо приходить крадучись, по-воровски. Но «луна» на минуту примирила меня с действительностью: она ведь была оттуда, из «огней в тумане» и ночного «того» корпуса с теплыми булочками.

Меня вместе со всеми отвели в совершенно сновиденную комнату — огромную, с постелями-койками. Вместо обычных окон

там были высокие прозрачные стекла, а за ними снег и деревья. Соломенная женщина сказала, что это — «веранда».

Я чувствовала, как во мне пузырьками ходит саднящее веселье — не такое, как дома. Оно было диким и трудно выносимым: что-то в груди сдавливало и отпускало, далекий и уже невозможный дом сделался мягким, больным-пребольным местом и оказался во мне — в животе, в горле. Я боялась остаться одна, боялась, чтобы дом не поднялся изнутри и не потопил меня во всхлипах и мокрости слез.

Потом меня и еще каких-то незнакомых, совершенно чужих детей выстроили парами и велели идти в столовую — на обед. Рядом со мной шла щуплая, черноголовая девочка с высокими скулами, ее звали Римма, но мне до этого не было никакого дела.

В столовой, где железные стулья были обиты красной пластмассовой кожей, нам сказали, что с этого дня есть какие-то «мы» — то есть я и эти чужие дети. Нам сказали, что «мы» будем здесь учиться и жить и что есть правила, которые надо строго выполнять, какие-то «распорядок дня» и «процедуры». Эти слова мне были знакомы по больнице, и я испугалась очень сильно.

Передо мной была тарелка «Общепит» с синей каемочкой, и в ней был серо-желтый овощной суп.

Внезапно она расплылась, и что-то с силой нажало мне на живот: может, это было эхо слова «процедуры», я не знаю. С трудом сберегаемый внутри дом поднялся к горлу, вырос в ком, и яростные, обжигающие, куда горячее супа, слезы вырвались наконец на свободу. Я погибала от стыда, потому что теперь все на меня смотрели, но это оказался даже не фонтан, а вулканическая лава, и заткнуть ее чем бы то ни было не представлялось возможным.

Я сидела над тарелкой и рыдала, а незнакомые дети и стены, и тетеньки в белых халатах молча смотрели на меня. Я знала, что вот еще немного, и я не смогу затушить этот пожар и водопад — уже не смогу успокоиться, и буду мучиться из-за этих раскаленных слез, пока не поднимется температура, и потом тоже. Я знала, что так случится, потому что в больнице было всегда то же самое, с самого детства.

А теперь я уже была взрослая, умная и приехала в санаторий, и вот — на тебе, и ничего нельзя было поделать... Через некоторое время сквозь гул в ушах и жар пробились голоса, что-то мне говорящие, сначала строго, потом — довольно ласково, хоть и ворчливо. Потом меня подняли из-за стола чьи-то руки и повели по коридору. Взблеснул белоснежный снежный свет — огромные окна

«веранды». Мне все еще что-то говорили, укладывая и накрывая одеялом.

«Ведь такая большая девочка»...

Я никогда не думала о том, что я — «девочка», это слово со мною не сочеталось. Я была кто-то до ужаса живой в том, что взрослые называли «мир» и «эта страна», а сама я никак не называла, потому что одного слова для всего этого не было и быть не могло.

Вот и сейчас я была не «девочка», я была вся — рыдающий дом, который у меня отняли, но который чудодейственным и мучительным образом жил во мне. Он истекал слезами, и от жара звенело в голове и тикало в ушах. Мне сунули под мышку ледяной градусник, и я испугалась, что он не выдержит жара и лопнет от разницы температур. Глаза запухли и почти не желали открываться, но я все-таки открыла их, когда кто-то, кто стоял надо мной, куда-то делся...

От изголовья моей койки уходила в потолок белая колонна, и такие же в точности колонны белели с двух сторон, разделяя комнату ровно посредине. Лежать было неуютно, потому что всюду, куда ни посмотри, стояли белые кровати с железными прутьями вместо спинок и тоскливые тумбочки. Я закрыла глаза и укуталась с головой.

Чьи-то руки слегка дернули одеяло, извлекли истончившийся и хрупко-раскаленный градусник из путаницы моих сбившихся зимних фуфаек. «Тридцать восемь с половиной», — сказали надо мной деловитые голоса. Мне дали меловую горькую таблетку и оставили одну.

Поначалу новая, тюремная жизнь была для меня скопищем лиц, палат, коридоров, лестниц и снега. Но постепенно в этом черно-белом мелькании начали проступать контуры четырехэтажного здания, именуемого санаторием, двор с елями в заскорузлом снегу и серая дощатая сараюшка посредине двора, где жила достопримечательная санаторская обезьяна. Это бедное, облезлое существо целый день проводило на горячей батарее, привязанное за ошейник веревкой, дрожа от озноба. Жалко его было так зашкаливающе, что через какое-то время жалость эта попросту переставала ощущаться, — потому что чем-то обезьяна была похожа на меня, и мне не хотелось мучиться вдвойне — за себя и за нее. Да и кроме того, все в этом месте воспринималось как некая раз навсегда упроченная данность: если обезьяна на веревке сидит посреди снегов и елок, значит — это от начала мира так, и ничего поделать нельзя.

Помимо этого в санатории обнаружились во всей непреклонности яви: столовая с красными стульями, куда меня и других детей привели в первый день; неподалеку от столовой — огромный

поднос с доступными черными сухарями; класс, куда мы каждое утро ходили заниматься диктантами и математикой, и учительница Екатерина Федоровна с ясными серыми глазами и челкой.

Когда в сумерки нас строем водили гулять, я все время оглядывалась на высотные дома, торчавшие из-за лилово-серого леса, — мне же говорили, что всего двадцать минут на электричке... Значит, это уже Москва! Совсем близко... И я представляла, как, задыхаясь, отбегаю в сторону, прячусь за куст, а потом они все уходят, меня не заметив, а я выскакиваю из веток и бегу, бегу, подпрыгивая, утопая по колено в сухом, наждачном снегу — по полю к тем домам... А там ведь — Москва, и мой дом, где мама, конечно же, плачет у окна, глядя на дальние огни, — вспоминает обо мне, и носовой платок у нее мокрый — от слез. Ведь не только я плачу, мы плачем надо мной — вместе... Она стоит в своей белой вязаной с пухом шапочке и думает, как я там, в этой январской черноте, одна... А тут вдруг дверь распахивается — вся, настежь, как глаза, и вбегаю — я!

И мы будем снова вместе с братом Алешей, и мне не надо уже будет писать ему письма «по-игрушечному» — от имени Воланда, графа-Монтекристо и понаморянных героев, потому что вместо этих писаний мы будем ЖИТЬ в этой игре!

Ведь три месяца в санатории — это ужасно много... Это не-жизнь, потому что в ней есть огромное больное место, и это место — я. Чуть подумаешь, и уже — очень больно. Чуть дотронешься — и плачешь...

Самое изумительное во всем этом было то, что пришлось тут же на месте эту не-жизнь переделывать в жизнь: привыкать к лицам детей, разговаривать с воспитательницами и медсестрами, есть казенную, почти всегда одинаковую еду и прогревать нос и рот в кабинете физиотерапии, где пахло песочными часами и спрятанным в аппараты солнцем.

Постепенно выяснилось, что воспитательница Тамара Григорьевна, та самая, грузная, с лимонными волосами, на самом деле довольно добродушная и смешливая, хоть и любит прикрикнуть. Что Екатерина Федоровна, моя новая учительница, никогда-никогда не орет на людей, как учителя в Москве.

Что медсестра Оля, хоть и медсестра и в белом халате ходит, но сердце у нее очень нежное. Мы всегда улыбались друг другу и урывками разговаривали, даже во время казенного «тихого часа» (трубный глас над койками: «Все — на правый бок! Повернулись на пра-авый бок, и спать!»).

Другие были не такие, как они: и воспитатели, и медсестры роились в стенах санатория, как осы, и были похожи одна на другую.

Так же из горестного хаоса первых дней заключения выкристаллизовалась незыблемая структура этого серого гнезда: на первом этаже — кабинеты для процедур, на втором жили мы, «маленькие», — первоклассники и второклассники, на третьем — взрослые, мифические существа — третьеклассники и четвероклассники. На четвертом же вообще никто не жил, потому что это была обитель какой-то «администрации» в белом. Еще в санатории был полуподвальный этаж — энигматический и укрытый от взоров.

Наша веранда была довольно сносным местом по сравнению с остальными палатами. Сквозь ее прозрачные стены темнели прекрасные, жидкостволые деревья и можно было глядеть на стеклянное, полное чернил небо. Неподалеку от двухстворчатых дверей стоял воспитательский фанерный шкаф в обычном советском духе семидесятых — помесь саркофага с пивным ларьком.

Открывать его нам не разрешалось. Там висели халаты и хранились еще какие-то жреческие вещи.

Очень скоро стало понятно, что на веранде живут «совсем» малыши, почти невидимые миру, как слезы, и «не совсем» — то есть мы. Я втайне негодовала, потому что быть «малышом», пусть и не законченным, мне быть не хотелось, слово уж больно противное, почти как «девочка».

Дети, жившие на веранде (выплывая на веранду, воспитательницы произносили слово «девоч-чки» с подсюсюкивающей угрозой), были все очень разные. К ним тоже это слово не всегда подходило. Среди моих ровесниц были худенькие, писклявые, в юбочках, которые семенили, запинаясь, и что-то тихо сопели в ответ на вопрос. Были и шумные, самоуверенные бой-бабы, заводилы и балованные дочки, поскакушки и хохотушки.

Девочка Вика Маркова поскакушкой не была, — но роль играла особую: она была баечницей. Вокруг нее туго, как простыня, натягивалось поле древних казенных кошмаров, побасенок и быличек из пионерлагерей.

Что такое пионерлагерь, я тогда, слава Богу, не знала, и поэтому мне не с чем было увязать ее наработанный, медленно выдувающий страшные слова голос и все эти ее истории о занавесках, пластинках и людях с черным-черным пятном. Слух о ней прошел по всей веранде от края до края. К ней прислушивались все овцы санаторского стада, даже крошечный друг степей калмык — чернявая раскосая девочка Римма. Она помещалась на соседней от

меня койке и вся трепетала от наслаждения и муки, едва из середины веранды, от Вики, доходили до нас по одеялам мелкие волны ужасов.

Я же не то чтобы сторонилась Вики Марковой, но и набиваться ей в друзья мне в голову не приходило. Вообще новых знакомств у меня и так оказалось предостаточно: весь санаторий и в придачу к нему — я сама. Ведь сидючи в сумеречном классе на продленке, я вместо того, чтобы делать уроки, начала писать что-то совсем для себя небывалое — легенду о Луне и Солнце. Я так увлеклась тут же на ходу изобретаемым сказовым языком, что для всего остального мне попросту не оставалось дыхания и внимания.

До этого истории мои никогда плотно не соприкасались с мифом и не шли так вглубь: это все больше были длинные книги про волшебных теленков и жеребенков, с которыми совершались обыкновенные сказочные вещи. И вдруг обнаружилось, что язык может быть совсем другим: плавким и тягучим, как раскаленный металл в кузнице, где подковывают совсем других, непривычных мне огненнокрылых коней, а не жеребят с разноцветными хвостиками.

Я знакомилась с самой собой, преодолевая маяту тоски. Самостийно выплыла из меня лаконическая «Песня узника». Заунывная народная музыка и слова, диалог этого узника с каким-то злым и свободным счастливцем:

— Я уйду далеко по рассвету...

— А воли у тебя нету!

— Кто даст мне немного воли —

Погулять во широком поле?

Ни о какой воле, разумеется, не было и помину: мама приезжала по субботам, на несколько часов, и даже не заикалась о том, чтобы взять меня обратно. Зато она привозила с собой мой московский учебник английского языка, — и мы сидели и безразлично занимались вопросами «Почему эгоистичный великан был столь эгоистичен» в сарайчике рядом с благоухавшей обезьяной...

Иногда мы уходили на дальние прогулки в заснеженные леса с оврагами, казавшиеся мне кущами и чащами после хилых окрестностей санатория. Обычно мама привозила что-нибудь вкусное, презент от дедушки — вроде шоколадных грибов или бутербродов с копченой колбасой... Пакет пах домом, я съедала это приношение посреди тишайшего леса, старясь не подавиться воспоминаниями.

Все во мне было всклокочено, судорожно, обострено до самого последнего мелкого слова: ведь любое из слов могло вызвать

взбрызг горя в самый неподходящий момент. Маме я ничего не говорила: я уже поняла, что надо смириться.

И я рассказывала ей, как по утрам мне причесывают волосы и заплетают две косы, а я пою. Это и впрямь было так: пополам с Тамарой Григорьевной мы сотворили такой русалочьий терем: она меня чесала, а ей взамен пела мою любимую «Лирическую» Высоцкого: «Здесь лапы у ели дрожа-ат на весу, здесь птицы щебечут трево-ожно... Живешь! В заколдованном! Дико-ом! Лесу! Откуда! Уйти! НЕВОЗМОЖНО!» Эта песня почему-то всегда имела огромный успех среди всех видов слушателей, и, случалось, я исполняла ее на бис уже после того, как все дральные операции с моими волосами были закончены...

Я рассказывала про то, как я специально сажаю моего скелета в чашку с чаем, чтобы повеселить других детей и утвердить свою непохожесть на ординарного «малыша»: у меня был любимый пластмассовый скелет из английской рождественской хлопушки, и я взяла его с собой. Голова, то есть, собственно, череп, была у него трогательно наклонена на бок, и он был сквозной и плавал в чаю, как лепесток ромашки...

Я пела маме про узника, и мы говорили про стихотворение Фета «Мама, глянь-ка из окошка», потому что там было шарообразное слово «тороватый», которое у поэта Фета, натурально, рифмовалось со «свежей, белой, пухлой ватой» и от этого представлялось мне купцом из сказок — толстым и холеным. С другой стороны, налицо было созвучие «вороватый», и получалось, что этот купец проштрафился, под сурдинку стянув что-то сдобное, вкусное и свежее из усадьбы, где жила мама-барыня с восторженным барчуком...

Только про дом и про то, как я не могу дождаться конца марта, я ничего не рассказывала.

В тот день я, как всегда, была причесана, и как всегда, с удовольствием отпела свое: на этот раз это было менее лирическое, украинское «Та було б не ходить, та було б не любить», исполнявшееся мною в стиле «неглиже с отвагою а ля черт меня побери».

Нас повели завтракать, и я все трогала слишком туго заплетенные косы: то ли они, то ли голова тянуще побаливали с двух сторон. Было воскресенье, и поэтому после еды всех отправили обратно на веранду — поиграть до полдневной морозной прогулки во дворе.

Почти сразу я заметила какое-то многозначительное шебуршение возле запретного склепа, то есть шкафа. Несколько особенно выдающихся поскакушек во главе с Викой Марковой стояли

кружком и шептались. Там же в своем пестром халатике колбасилась моя белокурая приятельница Наташа Харитонова, а рядом с ней — признанная роковая красавица Оля Сюлина.

Эта Оля Сюлина была известна главным образом своей победой над одним довольно-таки простецким, но пылким сердцем: в нее угораздило влюбиться отпетого хулигана и колышника Мишу Морозова. Темноволосый Миша славился некоторой умственной отсталостью, с лихвой восполняемой страстной, безудержно-романтической жаждой бескорыстного хулиганства — вроде нахлобучиванья воспитателю на голову вонючей тряпки из поломойного ведра или кражи целого подноса обеденного хлеба из столовой...

Оле он писал бесконечные лаконические записки вроде «Люблю. Обожаю. Твой М.». Ответ же Оли прогремел на весь санаторий. Она отписала своему обожателю в классическом духе: «И не проси, и не моли — все равно не люблю». И сидя в классе, где мы учились вместе с мальчиками, я иногда ловила за хвост завистливое чувство: мне хотелось, чтобы в меня тоже кто-нибудь влюбился безумно, пусть даже и дурачок с тряпкой. Меня втайне восхищала шикарность жеста «и не проси-и не моли», но случая попробовать себя в этом жанре в санаторном классе мне так и не представилось...

В то утро я поняла, что случилось что-то необычайное, — потому что лица собравшихся у шкафа были такими сосредоточенными, как будто они удили рыбу и прислушивались: дернет — не дернет.

Наверное, они боялись, что войдет воспитательница.

Они стояли у двери шкафа и загораживали ее своими халатиками и юбками, как фрейлины у Андерсена — противозаконный поцелуй. Ключа в двери не замечалось, — а ведь обычно он торчал там, на виду у всех, просто никто не осмеливался до него дотронуться. Теперь им завладела Вика. Брови ее были насуплены, губы поджаты. Все молчали, с упоением созерцая священную дверь. За нею что-то происходило, что-то немыслимое.

Вздрагивающая Наташа Харитонова явнее явного стояла на стреме: она то и дело со свистом забирала в рот всю нижнюю губу, выпучивала глаза и прислушивалась к пустоте коридора.

Жалко, что она была человек, а не олененок Бемби, про которого я любила читать, — ей бы так пошли стройно движущиеся над головой пушистые уши: ведь в такой ситуации ими можно было «прядать»! Герои «Бемби» все время чем-то там «прядают»... Но, как на зло, уши у нее были маленькие и ничтожные под белобрысыми волосами.

Скрипнуло. Дверь шкафа тихо открылась, и оттуда выступили две девочки. Лица их были бледны и скукуежены от какого-то невнятного страха.

Вика Маркова выступила вперед.

— Видели? — только и спросила она.

— Видели, — просипели спрашиваемые.

Больше никто ничего не добавил. За окном солнечно и запредельно пискнула какая-то птичка, не имевшая никакого отношения к жизни веранды.

— Ну, кто еще остался? — спросила Вика негромко.

— Пусть она пойдет, — сказала Оля, ткнув в мою сторону.

— Зачем? — справилась я у размеченного зеркальной морозной тенью окна.

— Все должны, так надо, — сказала Вика. Ее маленькое лицо было плоско, но откуда-то в нем взялись припухлости: возле губ и под глазами. Я где-то уже видела такое вот выражение: у бабушки в прихожей висел бананом африканский коричневый идол-маска; щеки у Вики были точь-в-точь такие же.

— Вместе нужно, ты ж сама говорила, — сказала Оля.

Девочка Рита в красном с горошинами халате вызвалась идти вместе со мной. Под челкой ее глаза были словно подернуты лягушачьей поволокой.

— А что мы будем делать? — спросила я.

— Все знают, — сказал Вика.

Но я не знала.

Впрочем, спрашивать уже было поздно. Вика открыла шкаф, и девочка Рита, сопя, полезла в темноту. Я, недоумевая, вошла в шкаф тоже. Дверь за нами с трепетом закрылась. Шепот по ту сторону смолк.

Я думала, в шкафу сразу все объяснится. Но в нем ничего не было. Пахло йодом и старьем, и прямо мне в лицо тыкался холодный пустой рукав. Было даже не очень темно, потому что тонкие ослепительные щели, как ручьи подо льдом, застыли где-то наверху.

— Гроб-гроб, отворись, — пробормотала вдруг Рита воробьиным голоском. От ее русых волос пахло птичьими перьями.

Мы полустояли-полусидели, вжавшись друг в друга, как будто погибали от холода.

— Ну что же ты, — сказала она другим, не птичьим, а самым будничным голосом. — Это вместе надо.

— Что — это?

— Пиковую Даму вызываем. Вика велела, а ей велела Дама, — объяснила Рита тревожно. — Ну, повторяй: «Гроб-гроб, отворись...»

Какая-то муть поднялась со дна моей души. Мне стало как-то никак. Но Рита уже шептала, и я свалилась в этот шепот за ней.

— Пиковая Дама, появись! — выдохнули мы разболтанным хором. Шептать нужно было два раза. Я нехотя произносила считалочные шершавые слова вслед за Ритой и думала, что теперь мне все понятно.

Просто глупая игра... Про эту Пиковую Даму я уже несколько дней слышала. По утрам Вика закатывала глаза и говорила, что ой, как же хочется спать! В полночь Пиковая Дама забирала Вику к себе, катала ее в своей черной карете, и измученная Вика досыпала на уроках. Она учила Вику разным невидимым штукам и колдовству, конечно. Кто такая Пиковая Дама, не объяснялось, и от этого делалось немного не по себе, словно Дама была чем-то обыденным и одновременно жутковатым: она была вроде крана над туалетной раковиной, но этот кран все норовил сам собой повернуться, — с натугой осиливая законы обыденности.

Похоже, про Даму все знали, кроме меня, потому что никто никогда не спрашивал у Вики, что да почему.

В общем-то, игра оказалась неинтересной и чем-то противной. Слово «гроб» царапало мне горло.

Заплесневелый рукав халата лез мне в рот и пах линолеумом.

Рита выдохнула, стукнула в дверь пальцем, и сразу очень много света ввалилось к нам в йодную тьму. Все ждали нас возле шкафа, никто не ушел.

— Ну, — спросила Вика тем же идольски-серьезным голосом. — Видели?

И тут произошло что-то дикое, совершенно неожиданное.

— Да, — сказала девочка Рита, и в ее голосе я услышала благоговейный страх. Откуда он там взялся? Ведь в шкафу ничего такого не произошло.

— Нет, — сказала я. — Я ничего не видела.

Вика повернулась ко мне.

— Как это — ничего?

— Я, я видела. Она была такой... черной, — сказала Рита. — У нее было лицо... Такое белое.

— Я ничего не видела, — сказала я.

Рита меня ошеломила. Я не могла понять, как это можно так врать. Еще я чувствовала, что творится что-то не совсем обычное,

потому что было не смешно. Я знала, как играют. На игру это было не очень похоже.

— Как это — Рита видела, а ты — нет? — спросила Оля Сюлина.

— Там никого не было, в шкафу, — сказала я. — Никто не появлялся.

— Она врет, — сказала Рита, и все посмотрели на нее. — Вика, я, правда, ВИДЕЛА.

— Но там же ничего не было, — сказала я.

Никто мне не ответил.

После того, как разыграли пришкапное действо, все стало происходить со скоростью света. Было похоже, что ДО этого в санатории вяло показывали тяжеловесное советское кино 70-х, с натуральной, так скажем, скоростью, а ПОСЛЕ что-то перещелкнуло, и вдруг пошли частить кадры в перемотке. Да и фильм теперь был совсем другой.

Во-первых, по наущению Вики Марковой, со мной перестало разговаривать полвераны. То есть поначалу они еще разговаривали и спрашивали, что я видела в шкафу. Врать я не могла, поэтому приходилось говорить: «Ничего». Это слово действовало на девочек магически. Они пугались и отходили.

Но они хотя бы только пугались. А вот Оля Сюлина, пылкая душа, меня возненавидела. Она так и говорила: «У меня от этой Нади нервы горят огнем. Я ее ненавижу. Почему это все видят, а она — нет?»

Странно, но в звуке «ненавижу» проглядывало все то же невиденье. Как будто Оля говорила: «Я Надю не-вижу», — мол, так злюсь, что видеть не желаю.

Может, и все остальные тоже не особенно хотели меня видеть, раз уж я пошла против рожна. Вика, например, совершенно перестала меня замечать и только иногда вскользь роняла презрительные замечания о тех, «которые много о себе воображают». Даже Наташа Харитонова больше не хотела со мной знаться: она боялась заводил веранды.

Другая половина веранды — «малыши», «первоклашки» — вообще ни во что не вмешивались. Они жили своей писклявой жизнью у нас под носом и вообще не совались в дела взрослых. Не совались до поры до времени, — а время это придвинулось к нам стремительно и вплотную уже через несколько дней.

У нас на веранде началась повальная болезнь, вроде тифа...

Я никогда не думала, что такие вот штуки могут, как рывок пожара, сразу захватить и опустошить огромное пространство в несколько десятков голов. Откуда, из каких кормушек, из каких сараюшек взялся этот тиф?

Как может Пиковая Дама, которой нет, сделать так, что все визжат от страха по вечерам? Ведь то и дело в туалете, сиренным воем скорой помощи, принимался мигать чей-нибудь животный визг... И все, конечно же, бежали смотреть.

«Ой, ой, руки лезут из мыла!» «Руки из мыла, душат! Меня хотели задушить!»

Через два дня визжали и вопили не только девочки из Викиного стада, но и все «малыши» как один.

Все волокнистые, грязно-белые бруски мыла были в крестообразных отметинах: каждый счел своим долгом выдавить на них кособокий крест, чтобы призрачные руки не лезли.

Но они лезли все равно...

Воспитательницы в это дело не вмешивались, только иногда покрикивали: мол, немедленно прекратить девичьи глупости, всем — лечь на пр-равый бок, повернулись и спим, если еще раз услышу ор, завтра никто на прогулку не пойдет...

Но очень скоро волна умопомрачения докатилась и до них, — точнее, им пришлось столкнуться с этой волной и ощутить ее безбрежность и вещественность.

Дело в том, что пламя охватило не только веранду, но — стараниями Вики и ее соратников — другие палаты тоже. Как это все случилось, было непонятно. Возможно, Вика оказалась как раз тем сеятелем, который вышел сеять как-то наобум, наудачу, а попал, сам того не ожидая, на разрыхленную и даже удобренную почву. Все посеянное густо заколосилось в одночасье.

Ранним февральским утром на веранду вкатилась разъяренная Тамара Григорьевна и проскрежетала, что это уже ни на что не похоже, беспредел и безобразие, и порча казенного имущества, и разорение мозгов...

Похоже, вся веранда сразу поняла, что к чему. Одна я и еще несколько «малышовых» водомерок никак не могли уразуметь, в чем дело. Выяснилось все, правда, за считанные секунды. Тамара Григорьевна начала кричать. Делала она это всегда как-то беззлобно, но сейчас она и впрямь была разозлена, и крик получился неприятный.

Вот так, стоя на месте и выплевывая крик по кусочкам, она поведала палате, что мол, пришли поутру в столовую повара и видят:

все до единого стулья, как хохлома, расписаны чернильными крестиками. Ночью кто-то над ними поработал, и она, уж разумеется, знает, откуда ноги растут.

По рассказам Вики и девочек, в столовой из красной кожи стульев по ночам росли, конечно же, не ноги, а — руки, те самые, привиденческие, душительные. Я вспомнила, что вчера вечером у шкафа снова был тайный совет...

Под криками Тамары Григорьевны все лица были белые и плоские, как бруски мыла. Я поняла, что все очень серьезно.

Тут дело было, конечно, не в криках, горохом сыплющихся на наши головы. Дело было хуже. Похоже, теперь вся палата ВЕРИЛА безусловно в то, что отовсюду лезут жуткие руки и что надо от них открещиваться. Они верили в то, что по ночам их могут задушить. Они верили во что-то такое, во что ни в коем случае нельзя было верить. Сначала они все давали в себе место чему-то глупому и выдуманному, но потом, общим усилием пропуская это выдуманное через рот и глаза, забывали о его глупости и делали его существующим. Точнее — тем, что существовало, не существуя, и это-то как раз и было самое дикое.

Они сообща сотворяли это. Кто-то — потому что верил Вике, а кто-то — потому что всех боялся и не хотел показаться «воображалой», как я. И им всем очень помогало то, что они были в этом вместе, а я — одна. И я не могла их разуверить, потому что они были скреплены этим «вместе», как замазкой.

Впервые мне стало очень не по себе. Я со всей отчетливостью поняла, что это никакая не игра, что все очень запуталось, и даже крики про то, как все пойдут сейчас языками вылизывать стулья, нисколько не смешны.

Потому что они вымоют стулья, но потом будут, не видя, видеть руки где-нибудь еще. Да еще и убедят всех остальных, что от Пиковой Дамы некуда деться, и другие тоже будут визжать от беспомощного куриного ужаса пополам с гордостью: вот, мол, я тоже ВИЖУ.

Это были даже не соображения, а некие проглядины в смутной ткани бытия, как в небе, когда разбегаются облака.

Я представила, как эти крики и эти руки прорастают отовсюду, и впервые мое добровольное изгойство довольно сильной болью шевельнулось во мне, стукнуло в душу страхом.

Что, если они все — знают правду? Ведь их так много... Они меня не замечают, не разговаривают со мной, что-то мне вслед нехорошее говорят, но я думала, это такая игра. Скверная игра, противная, но я думала — в санаториях так принято. И кроме того я не

могла быть как все, я не могла видеть то, чего нет. И еще я — писала сказку, мне было не до того...

И вдруг мне стало ясно, что ничего тут не принято, что это все ПО-НАСТОЯЩЕМУ, что я — одна, и что даже Тамара Григорьевна вовсе не считает, что это все в порядке вещей, а ведь она тут работает с первого дня творения...

Их заставили вымыть стулья, и они вымыли. Воспитательницы устроили следствие и выяснили, что Вика соблазнила мальчиков во главе с Мишей и они ночью ей помогали чертить кресты в столовой...

Хулиганского черноголового Мишу после этого выгнали из санатория. Наверное, он им всем порядком насолил своими тряпками и кражами, вот они и решили придраться к чернильным крестам. Приехала его мама, тоже черноголовая и бедно одетая, и увезла своего сына из Переделкино. У нее и у Миши были скуластые чуть раскосые лица и нестираные-неглаженые волосы...

Я представляла, как они идут — вместе с мамой, и мне было не жалко Мишу, скорее, наоборот.

Моя же мама приехала, как всегда, через неделю, в субботу. Я ждала ее, как манны небесной, потому что усики страха в моем сердце все шевелились и пытались зацепиться за что-нибудь живое и взаправдашнее во мне. Мне некому было рассказать про то, как трудно, когда есть все и ты.

Но я не могла БЫТЬ по-другому.

В субботу я упросила маму не заниматься английским, и мы пошли гулять. И я все мучилась, как бы сказать ей о том, что происходит там, в санатории, и о том, чего я так боюсь.

Когда мы вышли на маленькую круглую поляну в пластах богатого снега и вокруг зачернели вычурные еловые лапы, я не выдержала. Тишина здесь была тоже богатая, полнозвучная, и мы присели на поваленный ствол неизвестного дерева, и вокруг все лучилось радужной ледяной пылью.

Мама привезла мне редкостную штуку — бутерброды с красной рыбой.

— Это от дедушки, — сказала она.

Еще она привезла чай в большом неудобном термосе, и я обжигала пальцы о металлический стаканчик и чувствовала, как равнодушно пахнет дом. И от этого забывчивого равнодушия мне захотелось как-то спастись: я же знала, что не могу вернуться домой и исправить его невозмутимую память, и самой забыть про санаторий.

Я чувствовала, что какой-то подлый страх о том, что все вдруг могут оказаться правы, дергает и теребит мою душу, загоняет ее в ловушку. Я посмотрела на переливчатый и неподвижный снег и спросила:

— Мама, как ты думаешь, бывает Пиковая Дама?

Мама ничего не поняла. Да и где ей было догадаться о том, что происходило со мной и какой насущной важности был этот вопрос.

Она честно и кратко ответила мне:

— Только у Пушкина.

Этого ответа оказалось достаточно. В нем чувствовалась какая-то симпатичная ирония жизни: я ведь знала, что Пушкин — это книга, и там Пушкин сам придумал Пиковую Даму и, придумав ее, как-то исчерпал и округлил все, что могло быть связано с ней.

Поэтому Дама у Пушкина была нестрашной: она-то как раз была ПОЛНОСТЬЮ в книге и никуда выйти из нее и никого пугать не могла. В ней не было недоговоренности и угрозы, она была договорена, и вопрос о любой другой Даме как-то тоже сам собой исчерпался. Она просто НЕ МОГЛА БЫТЬ, если был — Пушкин.

Странная, милая усмешка жизни была в этом, и я больше ничего не стала спрашивать, и вернулась обратно, и мама уехала.

А вечером я огненно и обвально заболела. С ног до головы меня обметало пятнами ярко-пунцовой сыпи, жар залил голову, и мир сместился вбок и там застрял.

На этот раз врачи и воспитатели перепугались. Над моим ухом долго и настойчиво говорили слово «краснуха», потом «корь». Решено было с веранды меня убрать, потому что у меня была эпидемия.

Мне сказали, что меня переведут в бокс в подвальном этаже: я ведь могла заразить других детей своей эпидемией, — так, по крайней мере, говорила сухопарая врачиха, пришедшая откуда-то снизу.

Подвального этажа я не испугалась, но сердце мое встретило новую чуждость мира с его белыми пустыми коридорами очень трудно — даже сквозь жар. Больше всего меня удивило, что здесь никого не было — ни детей, ни медсестер. Только двери.

Меня привели в крошечную белую комнату с изумительным окном, — отчасти (своей большей частью) оно выходило на двор, и я могла различить стволы деревьев и снег.

Мне еще раз померили температуру и оставили одну.

Наутро я проснулась вся пунцовая, обнимая книжку — приключения Синдбада-Морехода. Как хорошо, что я взяла ее, когда меня уводили с веранды!

Необъяснимое, двойственное, само себе противоречащее чувство осторожно заполняло мое сердце, как высокая температура заполняет градусник.

Я прислушивалась к полому, как раковина, пространству полуподвального этажа, к далеким голосам, и одиночество начинало меня пугать. Кажется, здесь было очень мало жизни.

Но вместе с тем из этого одиночества вдруг пахнуло на меня такой свежестью и покоем, что я изумилась. Это слово скрыто рифмовалось со словом «изюм» и было таким же упругим и забавным на вкус. Ведь я впервые была одна, без рядами выстроенных коек веранды.

Я изумилась этому чувству свободы и взялась за Синдбада. Белые стены, и простыни, и особость моей болезни ощущались как предвкушение дальнего странствия в неизвестном направлении.

Временами мимо окна скрипели серые и черные слоновьи ноги в валенках: был уже, наверно, полдень, время прогулки.

Потом они отмелькали, и я снова утонула в синей книжке про Синдбада и птицу Рухх. Иногда я с трудом отрывалась от долины, где дозревали огромные птичьи яйца, и думала о том, что скоро должен быть обед.

Завтрака мне не принесли, но здесь были совсем другие порядки, чем наверху: судя по всему, завтраков здесь людям не давали из врачебных соображений.

...Когда тени в окне сделались темно-лиловыми, я выяснила, что сплю и книжка лежит у меня под ухом, — видимо, чтобы слушать ее во сне. Я села в горячей постели и раскрыла нужную страницу. Что-то узорчато-жестокое в языке этих сказок отвлекало меня от этой комнаты и жара и мешало мне додумать до конца одну очень важную мысль.

Я глотала и втягивала в себя перевернутый кверху дном воздух из Синдбада, как лечебный воздушный коктейль, который нам давали через день здесь, в санатории. Этот коктейль на дне пах вишневыми шкатулками, в которых хранят бусы, и сладостью стихов. А сверху он был пеной, и его тянули через трубочку... Тянули самозабвенно и с остановками, чтобы насладиться подольше.

Когда чаша очередной сказки под моими жадными и усталыми глазами внезапно опустела, важная, забытая мысль вдруг ткнулась мне в живот своею мелкой головой.

Тут наконец я смогла ее услышать. Как все важное, она была поначалу обманчиво проста: время обеда давно прошло, — сказала она.... И время ужина — тоже.

Проще говоря, прошел уже весь день, и оставалось только предположить, что здесь, внизу, из врачебных таинственных соображений людей вообще никогда не кормят и не поят.

Между тем мне очень хотелось есть и пить, и поэтому я встала с постели и подошла к двери. За ней стоял бело освещенный заглохший коридор. Молчание его было раковинным, с шумом от излишков пустоты.

Я вернулась обратно. Мне было неловко кого-то звать, я стеснялась. Да и кого тут позовешь?

Они, наверно, сейчас придут, — говорила я себе, но никто не приходил. Стекло окна давно уже прикинулось черным зеркалом, в котором беспомощно окоченели: я, тумбочка, блестящим забором — спинка моей кровати и желтое яблоко света внутри железного абажура.

Мне становилось все трудней и трудней выйти из этого собрания неживых застылых вещей. Зябкая трусость сковала мне ноги, как зимняя вода, — я боялась, что вот я выйду из этой комнаты и пойду просить еды, а мне скажут: иди обратно, нечего тут...

Жар ходил по мне красными волнами и отпечатывался на груди и плечах, — по крайней мере, я теперь знала, что такое «краснуха».

Весь этаж молчал.

Я вылезла из постели и вышла в коридор. Он потек влево, потом прямо, он оглоушил меня своей белизной и молчанием. Он тянул меня за собой, и я шла, и шурканье моих тапочек шло рядом.

Всполохом на белой стене загорелось что-то большое и пестрое с золотом. Я подошла вплотную и провалилась в это густое пятно, и его воды сошлись надо мною.

Это была картина, точнее, плохая копия картины «Неравный брак».

Что делал этот «брак» в полуподвальном этаже детского пульмонологического санатория, сейчас сказать трудно. Тогда его таинственное явление на пустынном экране стены меня ошеломило, словно откровение во сне.

Голова моя оплывала от жара, как свеча в странном стихотворении Фета «Свеча догорела, портреты в тени»... На этот раз «портреты» были совсем даже не в тени, у них тоже был свой внутренний жар, жар, пробивавшийся сквозь всю культяпистость и аляповатость ошеломительной сцены.

Овечье лицо невесты, ангельски озаренной своим собственным светом, ее отдельная от нее самой тупая пухлая ручка, державшая свечу, и извивающаяся рожа в грязно-золотых одеждах, которая в

качестве священника к ней подбиралась, бледно-мертвечинская фигура загробного жениха, дополненная, — как и полагается мертвецу, — свечой, — все это со всего размаху ударило меня по голове.

На заднем плане ухмылялись еще какие-то хари (совершенно гоголевско-гойевские по сути своей, то есть комичные, хоть и отвратные, прибавлю я сейчас). Но в том-то и штука, что тогда я не могла НАЗВАТЬ СМЕШНЫМ то, что было передо мной, и это оно неназванным выпирало из стены и вбуравливалось мне в душу.

Что-то непонятное, намек на соглашение с каким-то исковерканно-жутким и в то же время полым внутри злом, терзало меня, пока я так стояла. Я понимала, что сцена, на которую я смотрю, происходит в церкви, в хорошем месте, и от этого я совсем терялась. Ведь то, что мне показывали, было злом...

Нарисованное зло на вид было могучим и оправданным, но ведь нельзя было вот так, всем сердцем в него плюхаться!

Задерживая дыхание, я решала, может ли невеста отказаться: она же может, она должна отказаться! Она должна закричать: «Нет!»

Но припухлая белизна ее лица и мучительное, как лампа дневного света, сияние, обволакивающее ее пышную кукольную фигуру, показывали мне, что невеста и тот, кто это нарисовал, уверены: она обречена. Она безвыходно говорит «да» на этой картине всем этим гнусным харям. Но ведь они, это же видно, даже и наляпаны кое-как, смазанно, и это значит, что они — ненастоящие...

Ловушка ныла во мне, и сердце не желало смириться с безнадежностью.

Я стояла так довольно долго, потом отряхнулась, опомнилась, вылезла из картины, как из шкафа, и долго еще смотрела на стену, не в силах окончательно вернуться в коридор. Перед глазами ходили тяжелые пятна. Я поморгала, чтобы видеть, куда иду, и пошла.

Потом я почти побежала, потому что пустота и однообразие коридора были бесчеловечны.

В большой комнате, которой все это окончилось, под сизо-голубой лампой медсестры сидела тетенька в белом халате. Завидев меня, она всплеснула руками. Мне почти не пришлось ничего объяснять. Голубая лампа тихо плыла на столе, утешая мое сердце.

Был, оказывается, второй час ночи.

Приговаривая: «Ах ты, Господи, как же это мы про тебя забыли?», — она повела меня обратно. Ее халат, ее скороговорчатые ахи и охи в полете над моей головой делали линолеум под ногами твердым и крепким, а стены — нестрашными.

Мы пронеслись мимо картины, грязно-золотое пятно холста чешуйчато взблеснуло и пропало.

Тетенька принесла мне остывшего чаю и несколько кусков хлеба с маслом. Она сказала, что ночью столовая закрыта и больше ничего нет.

Наутро весь санаторий каким-то образом прознал, как меня «забыли» на целый день внизу, и я уже больше не чувствовала себя заброшенной в той странной двойственной свободе отдыха и одинокости.

К моей воровски отворенной форточке было устроено целое паломничество: чьи-то озябшие пальцы совали мне в спешке сорванные мерзлые ягоды боярышника... Некоторые из старших детей, видимо, поняли случившееся со мной буквально и пытались меня подкормить, пока не поздно.

Я помню эти сморщенные бурые ягоды на подоконнике моей низкой комнаты как дар до странности радостный, нежданно-негаданный, из мира умиления и изумления. Это тоже был своеобразный, забавный «изюм» — изюм сострадания, даже по виду похож.

Сыпь моя исчезла, как будто ее и не было, и температура осела. Врачи недоумевали и даже расстраивались: им ведь пришлось оставить возлелеянную идею эпидемии и «краснухи». Впрочем, меня долго расспрашивали и разгадывали этот ребус и под конец объяснили, что это был приступ аллергии — на красную рыбу, которую привезла мама.

Судя по всему, врачам не хотелось расставаться с вездесущей советской помешанностью на красном, а может, они просто мыслили ассоциациями... В любом случае прыжок от краснухи к красной рыбе был вполне логичен.

Душа же моя знала, конечно, почему ей пришлось устроить такой охлаждающе-огненный переполох, но ее-то об этом никто не спрашивал...

Не спрашивала даже я, потому что после авторитетного разъяснения про красную рыбу и про то, что мне до конца жизни нельзя ее есть, я поудивлялась немного, не поверила, но под конец смирилась с вердиктом, потому что все это было выше моего понимания.

Меня продержали в боксе еще несколько дней, просто так, на всякий случай, но еду приносили исправно и впотьмах больше не бросали...

Когда меня выпустили наверх, началась весна.

В сумеречном классе после уроков все рисовали открытку мамам к восьмому марта и учили песню: «Мы маме так редко прино-

сим букеты, но каждый так часто ее огорчает, а добрая мама прощает все это, красивая мама все это прощает»...

Вика, Оля и их многочисленные сторонники встретили меня враждебно. По вечерам в туалете по-прежнему раздавались визги и всхлипы, мыло было покрыто сложной вязью расплывшихся крестов, а по ночам Викины рассказы и недомолвки наливались особенной жутью. Почему-то распространилось поверье, что от Пиковой Дамы можно защититься, если выпьешь двухлитровую банку воды из-под крана — залпом.

Теперь то и дело в туалете безумствовал хор. Тонкие голоса пищали взахлеб: «Пей до дна, пей до дна, пей до дна», — а добровольная жертва, стоя у раковины, давилась и обливалась хлористой водой... Все же некоторые допивали — из страха.

Наша сероглазая Екатерина Федоровна попросила меня прочесть остальным мою сказку про Луну и Солнце, и я сидела почему-то в коридоре, возле классной комнаты и читала, а вокруг слушали молча, сопели. Во мне все дрожало, я собирала голос в кулак, чтобы все прочлось, как надо...

Потом пришел этот страшный вечер. Страшным он оказался потому, что на веранде вдруг отказало электричество. Мы все толпой стояли у стеклянных дверей, и из больших окон за ними на нас смотрела неразбавленная тьма. Медсестра Оля надорвала голос, пытаясь заставить нас войти во мрак палаты. Никто не шел. То тут, то там электрическими искрами начали вспыхивать крики: «Не пойду, там Пиковая Дама!», «Ой, я боюсь, там одеяло ползет!», «Руки, вон, руки лезут, видите!»

Малыши хныкали, многие из них рыдали в голос. Вика и прочие зачинщики всего этого варварства стояли в гуще толпы и молча смотрели на черноту за дверью. Им тоже было по-настоящему страшно.

Оля побежала за Тамарой Григорьевной. Девочка Римма рядом со мной тихо всхлипывала, покорно, как баран, ожидая, что вот сейчас из двери протянутся зверские руки, и...

И тут меня охватила самая настоящая белая ярость, — мне кажется, я даже смогла ее увидеть со стороны: она была раскаленная и серебрилась немного в темноте.

Я больше не могла стоять перед дверью и слушать этот рев.

Не думая ни о чем, я схватила Римму за руку и толкнула дверь веранды. Она звучно скрипнула, и разношерстный визг взлетел до потолка.

Мы ворвались в темноту, как на поле сражения. Бедная Римма даже не очень упиралась. Я стремительно вела ее за руку в глубину

темных вод и повторяла ей одно и то же: «Сейчас я тебе докажу, что никакой Пиковой Дамы — нет. Сейчас ты увидишь сама. Нет никакой Пиковой Дамы, понятно? Нету, понимаешь?..»

Я говорила громко и ясно, из жара своей ярости. Это был жар особый, приподнимающий меня над койками и расчерченным теневыми рамами полом. Я шла, не останавливаясь, и, вцепившись мне в руку, рядом семенила доглатывающая свои всхлипы Римма. А за нами... За нами, взвизгивая, постепенно двинулись все остальные. Они пошли! Я слышала, как они пыхтят со всех сторон. Это было похоже на движение большого поломанного механизма, который вдруг почему-то решил заработать.

Вдруг кто-то потерянно и с наслаждением выкрикнул: «Ой, у меня подушка шевелится!» И визг сразу начал набирать новые обороты, навертываясь на невидимую спираль. Со всех сторон вопили: «Шевелится! В ней руки!»

Римма ревела. Ее подушка, видимо, тоже не хотела отстать от других. Я подлетела к Римминой кровати, схватила злосчастную подушку и шваркнула ее об пол.

«Нет там никаких рук! Видишь, нет!» Я била подушку, колотила ее, и в своей горячке нисколько не удивилась тому, что рев внезапно поутих.

Кто-то за моей спиной хлюпнул снова: «Моя тоже!» — но я уже бросила подушку Риммы обратно на постель и побежала на голос. Я хватала какие-то серые мягкие блины, била их и, громко повторяя одно и то же, шмякала ровно посредине кулаком или бросала на пол.

В глазах у меня мелькали белые подушки, вздыбленные одеяла, полосы мутного света из окон и железные чащи коек.

Когда на веранду мячом вкатился пронзительный голос: «Эт-то что тут такое, а! Вот я сейчас...», — а следом за голосом — его хозяйка, Тамара Григорьевна, ничего «такого» среди взбаламученных коек уже не творилось.

Я помню, что кто-то в ту ночь всхлипывал во сне.

Через несколько дней Вика объявила всем, что Надя права: никакой Пиковой Дамы нет. Я слышу эти слова: они прозвучали, как удар гонга посреди веранды. Поначалу никто ей ничего не смог ответить, и на нас обрушилось самое доподлинное безмолвие: обескураженный, обманутый, оглоушенный народ безмолвствовал добрых две минуты.

Вика сказала, что выдумала Даму, потому что... Сказала, не знаю, почему. Сказала, что никогда не каталась с Дамой в черной

карете черной ночью и никаким таким заклинаниям Дама ее не учила... И колдовству тоже. Она сказала, что больше не может выдумывать про Даму и видеть, как Надя одна против всех...

Судя по всему, Вика была очень отважным человеком, — потому что она призналась перед всеми и подошла ко мне просить прощения — тоже перед всеми. Она ведь понимала, что такое признание сразу вырвет у нее из рук все лавры и мирты, и розы...

Я помню, что в моей груди не было никакого великого ликования, и злорадства тоже не было: была, как выяснилось тут же, страшная усталость и облегчение... Наверное, радость тоже...

Из моей души как будто вынули занозу, и она еще саднила и болела, но это была уже опустевшая боль, боль, с местом которой можно что-то утешительное сделать, не носить все больше в себе.

Оля Сюлина, скрепя сердце, тоже подошла. Это оказалось началом ее великой любви ко мне: ведь Оля была человеком страстным, не признающим никаких оттенков и полутонов, и как только Вика призналась, что все напридумывала, ей, Оле, сразу же пришлось бросить Вику и полюбить меня...

Правда, ее любовь ко мне так и не смогла воплотиться как следует: меня почему-то перевели в другую палату, и последние дни в санатории я жила там.

Последние, — потому что в субботу приехала мама и сказала мне великую тайну: меня решили забрать раньше из этих богоспасаемых стен, чтобы везти в Ленинград вместе с братом... Сердце мое плясало и совершало во мне трепыхающиеся прыжки, когда я бежала обратно, в уже истончившийся санаторий, раскачивая в руке пакет со сливами, привезенными мамой. Теперь сливы были просто сливами, и я могла их съесть или кому-нибудь отдать: дом возвращался ко мне, и они больше не были знаками моей тюремной отверженности.

...В новой палате я жила вместе с Наташей Харитоновой, которая, как я поняла, никогда не переставала меня пламенно любить... Это был шквал всеобщей мгновенной страсти. Девочки подходили ко мне, пища какие-то слова, Оля Сюлина писала нежные записки на уроках...

Раньше была Вика, а теперь — я...

Но были и знаки другой любви. Я помню, как я прощалась с Екатериной Федоровной, я помню ее замедленный негромкий голос и ее подарок — игрушечную удивительную одежду для каких-то не то кукол, не то эльфов: синий плащ, ситцевое платье — мне, на прощанье.

Еще я помню, как медсестра Оля перед самым моим отъездом прокралась ко мне во время тихого часа. Она сидела на краю моей белой кровати, и мы прощались, и не могли напрощаться...

Я помню, как я спускаюсь по белой лестнице, растеряв от переполненности все слова, в дверях меня ждет конец марта, и свободный ветер, и мама с братом Алешей, и дедушкина машина, а в ней шофер Марат...

Я знаю, что все кончилось, что мы вместе сейчас уедем, и я больше ничего не хочу слышать про то, что здесь было, и я бегу вниз, вниз, к двери...

И слышу, как в спину мне со всего маху ударяет звонкий-презвонкий, отчаянный чей-то голос: «Надя, Надя, не уезжай! Там Наташа Харитонова плачет о тебе!»...

БУДЕМ ЛЕГКОМЫСЛЕННЫ

* * *

Что-то сетью ляжет на грудь,
Птица запоет где-нибудь.
Не ловлю, не бьюсь, не терплю,
Я тебя люблю, да, люблю.

Ну, давай вдвоем помолчим,
Сумеречный свет различим.
Думать и дышать в унисон —
Это наяву, а не сон.

Ты сегодня тихо сказал,
Что мои прекрасны глаза.
Кто-то бы соврал, может быть,
А тебе нельзя не любить.

* * *

Ты не понял, ты ревнуешь.
За окном стемнело рано...
Сердце злобою волнуешь,
Небо липкое, как рана.

Небо черное, как яма,
Веки звезд закрылись плотно.
То ли криво, то ли прямо,
Руки, стиснутые потно.

Только ты грустишь напрасно,
Я себя отлично знаю!
Утро, солнце, небо ясно.
Успокойся, умоляю.

Надежда БОЛТЯНСКАЯ — родилась в 1963 г. в Москве. Окончила Московский инженерно-строительный институт. Автор книг «В осколках погибающих зеркал», «Я из породы длиннокрылых», «Пьяная ртуть», а также ряда публикаций в литературных журналах и антологиях. Живет в Москве.

* * *

Ты да я, да наши милые.
Мне с тобой нескучно — весело.
Времена прошли унылые.
Дымкой небо занавесило.

Стихла боль, и страх забудется.
Слезы кажутся привычными.
Все у нас с тобою сбудется,
Станут праздники отличными.

Я надену юбку черную,
Сяду с чашкою у столика.
Ох, и стала я ученою,
Хоть немного, хоть на толику.

* * *

Талантливые и ненормальные,
Из глины кое-как сотворенные,
Веселые, грустные, печальные,
Всегда в кого-то влюбленные,
Гордые, высокомерные,
Любители всякого чудачества,
Легкомысленные, неверные,
Зазнайки высшего качества,
Такими мы были, помните,
Не поздно ли в зыбкое ринуться?
Веселимся в прокуренной комнате,
И кто-то уже просит подвинуться.

* * *

Стала серьезнее, стала разборчивой,
Стала совсем не такой разговорчивой,
Дельной, брезгливою, неромантичною,
Снобски-заумною дамой столичною,
Пьесы, премьеры, партеры, экзотика,
Мелкая поступь лощеного ботика,
То ли уставшая, то ли бесстрастная,
С виду по-прежнему огнеопасная.

* * *

Южная, вьюжная,
Кому-то очень нужная.
Старая, новая,
Лицо — как кость слоновая.
С бурными, горными
Бровями сине-черными.
Слезы залетные,
Да мысли перелетные.

* * *

Прости, прости, дорога боли,
Я не смогла тобой ползти.
Среди желаемой неволи —
Миндаль отчаянный, прости!
Девчонка-миф, какие руки,
Глаза безумно хороши.
То обертоны, стоны, звуки,
Из настрадавшейся души.
Тепло нездешнего букета,
И непроточная вода.
Как много красок, много света,
Пусть так останется всегда.

* * *

Кошка, пьющая молоко.
Влагу ветра понять легко.
Миска фруктов прибавит сил.
Наливается тяжесть жил.

Детский смех и удар мяча.
Трубка брошена сгоряча.
Наглоталась тугой жары.
Все мальчишки в пылу игры.

Городской раскаленный рай.
Чуть дрожит занавески край.
Ну-ка, выпью еще воды.
Грязных пятен вокруг следы.

* * *

Будут ночи синими,
Деревца зелеными.
Будут дни красивыми
И глаза влюбленными.

Буду я ходить, ходить
По земле уверенно.
Просыпаться, может быть,
Как часами сверено.

Будем легкомысленны
Мы с тобой, как школьники.
Мыслимо — не мыслимо,
Блик на подоконнике.

Вороново

Это озеро, как Лох-Несс.
Отступает к истокам лес.
Держит весело крепкий мост.
На стволе годовой нарост.

Пихты плачут туманом слез.
Зарастает травою плес.
Кто-то ловит на червяка.
Свежий ветер издалека.

Небо, озеро, благодать.
Вот бы чудище увидать!
И растут на Земле цветы,
Молодые, как я и ты.

ТРИ РАССКАЗА ИЗ ЦИКЛА «КРАСНЫЙ ЭТАП»

Алексей Алексеевич с Алексеем Ивановичем

...То, что такие люди жили, возможно, живут и сейчас в сегодняшней безжалостной и подлой России — это обещание лучшего будущего для всего мира.

Владимир Набоков. «Антон Чехов»

— Да, богата, ох, богата наша Советская Родина всяческой сволочью, — раскатисто, с интонациями трибуна, но почти шепотом пророкотал Алексей Иванович, входя в колодцеобразную комнату Алексея Алексеевича, — каких только сколопендр неестественного отбора ни водится в нашем пресмыкающемся мире. Все уродства на выбор. Требуется человек — горло, чтоб баритон был глубокий, как у думающего «матерого человечища», но ни одной извилины в мозгах. Диктор-правдовещатель требуется? Пожалуйста, вон вам ба-а-а-альшой ассортимент. Где у нас тут без лбов-то? Люди — глотки. Скорчат голос самой истины. Левитан подойдет? В жизни плюгавый, должно быть, человечишка, а глотка гиганта тела и духа.

Алексей Алексеевич вяло запротестовал, задвигал на друга кистями рук, но не замахал даже, чтоб попытаться прекратить, а както заколыхал чисто символически и явно бесполезно.

— А вот объявилась потребность в существе с лицом Матери-Родины с плаката, с честнейшей рожей, но с тремя руками. Продавщица, чтоб все верили бескорыстной физии, а она воровала у голодного народа на водку своему сожителю, мразь. Сколько хо-

---

Григорий ГРИБОНОСОВ-ГРЕБНЕВ — родился в 1950 г. в Москве. Служил на Северном флоте, учился во ВГИКе, работал бойлерщиком, помощником режиссера, сторожем, редактором, бурильщиком, грузчиком, экспедитором, риелтором и т. д. Публиковался в журналах «Знамя», «Наша улица», газете «МОЛ» и др. Автор сборника повестей и рассказов «Спрятать свое лицо» (1994). Лауреат премии Союза литераторов России имени Юрия Мамлеева (2005). Член Союза литераторов России. Живет в Москве.

чешь таких. Хочешь Машку, хочешь Глашку выбирай. А без извилин вообще многомиллионное разнообразие. Вон, стукачи в огромнейшем выборе, — Алексей Иванович обвел рукой вокруг себя и все-таки, несмотря на видимую разгоряченность, коротко, почти одними глазами инстинктивно опасливо дернулся, обернулся-таки на дверь. — Манза — дворник, одноклеточное существо, писать-то не умеет, и тот наковырял на Степаниду со второго этажа, что на Сталина колдует. Степанида-то, она ж овца, овцекурица, а не человек, так и на нее нашлась «специфическая», можно сказать, гнусь.

— Да тише вы! Опять вы заводитесь, Алексей Иванович, — запротестовал Алексей Алексеевич.

— К каждой советской особи всегда выищется подходящий по форме уродец-солитер, чтоб кровь выпить. Это-то и есть современный естественный отбор, — ироничевски-патетически задрал указательный палец в небо Алексей Иванович. — Отборные отбросы отбираются.

— Да прекратите же, — тут уж начал закипать обычно созерцательно спокойный Алексей Алексеевич. — Ведь посадят с вами. Рябоконь из седьмой комнаты позавчера в пьяном виде кричал, что на меня сообщает в органы. — Алексей Алексеевич постучал пальцами по линялым синим обоям фанерной стены. — Слышите, замерли с Зинаидой. И детишки притихли. Значит, опять через чашку подслушивают.

— А-а, — рубанул ладонью Алексей Иванович, однако перейдя на почти беззвучный шепот. — Нас уж поздно пугать: Адольф Гитлер не напугал, уж такой динозавр был, а эти коммунальные крысы пусть бегут в МГБ. Пусть нас шлепнут. Нам, фронтовикам (он повысил голос до слышимого в коридоре), на тот свет отправляться не привыкать. Это неизвестности люди боятся. А мы уж в аду побывали. Я и адрес ада знаю: Сталинград, тысяча девятьсот сорок второй год. Правильно, Алексей Алексеевич? Мы, можно сказать, ха-ха, одной ногой уже в аду находимся. Интересно, где, Алексей Алексеевич, твоя нога сейчас, ха-ха, в аду или в раю? — он кивнул на культю Алексея Алексеевича.

Алексей Алексеевич хоть и не собирался никуда выходить, чтобы от неудобства занять глаза, начал суетливо пристегивать свою деревянную ногу. Очень уж неловко было ему сейчас смотреть в лицо Алексею Ивановичу, когда тот «раскатывался» про фронт. Больно уж от этого, как бы это... «не совсем чисто пахло». Вечно увлекающегося (как он сам и признавался) приятеля и сейчас «понесло, как Ноздрева». И опять он несколько «сдвинул рамки

реальности». Когда он выговаривал «нам, фронтовикам», Алексей Алексеевич на секунду вскинул на него смущенно-удивленные глаза и спрятал их со смешанностью.

Дело в том, что на фронт Алексей Иванович не попал — «по почкам», вроде бы, но, кажется, не без помощи «связей», так как сам работал нефрологом в больнице Минтранса. Алексей Алексеевич смотрел на приятеля в минуты его «заносов» и « взвихрений», называл его иногда «фантастом», «гиперболоидом» и знал, что Алексей Иванович, конечно, Ноздрев, но никогда не разойдется больше положенного, не переступит границы, которую с, особого рода, советской интуицией всегда безошибочно чувствовал. Но в других импровизациях мог «накручивать» до бесконечности и часто, как сейчас, когда разошелся про фронт, озадачивал Алексея Алексеевича до полного тупика.

Недолго проходил бы по белу свету настоящий гоголевский Ноздрев, живи он в 1947 году, в СССР, размышлял Алексей Алексеевич. Он, кажется, и сам завидовал ловкости приятеля, — но эта его фальшивая «палочка-выручалочка»... В тридцать лет с палочкой ездить в трамвае, чтобы место уступали, — это слишком мелко для интеллигентного человека!

— Опять вас потянуло в ассимиляцию, — с робкой улыбкой одергивал он приятеля после его, очередной, сомнительного вкуса, выходки. — Все у вас прямо в черных дьяволов Вельзевулов превратились. Как-то оно не совсем объективно. «Очернительством» это называется. В современном лексиконе.

— Да, по быдлюку пройдешься, сам быдлюком и станешь, — соглашался Алексей Иванович. — Я же учительский сын, а деды вообще свеклой рыгали. Вы ж из дворян будете, — опасно повышая голос, колол Алексей Иванович, с удовольствием наблюдая бледнеющего Алексея Алексеевича. — Вон, лоб какой высокий: «Ваше благородие», — сразу видно. Так и хочется его продырявить пролетарской пулей, — прищурясь, смотрел Алексей Иванович, как столбенеет Алексей Алексеевич. Любил опасно пошутить Алексей Иванович. Но говорил он ровно на такой громкости, чтоб до слушателей чуть-чуть да не долетало. Алексей Алексеевич не уставал удивляться и немножко завидовал неистощимому запасу виртуозных вариаций Алексея Ивановича.

Да, такого ловкого фехтовальщика не найдешь среди окружающей публики. Только чем-то все время попахивает от этой вариабельности, думал Алексей Алексеевич. И один недавний эпизод неожиданно болезненно покоробил Алексея Алексеевича

Тут как-то получил Алексей Иванович от захворавшего завмага «благодарность» — бутылку «Перцовой». И договорились «раздавить» ее «на благодати» — в садах на берегу Яузы, посидеть напротив церкви, отдохнуть от коммуналок.

Встречал Алексей Иванович Алексея Алексеевича на ступеньках его школы, где тот преподавал русский и литературу. И когда, пропустив в дверь на улицу своих шальных мальчишек, проковылял на крыльцо на деревянной ноге Алексей Алексеевич, уперся он в спину приятеля, который своим выразительным актерским голосом «заливал» Татьяне Ивановне, «Птичке», учительнице 2-го «В», Танечке («Только удивленный носик, а вокруг него все лицо — только удивленные глаза», — как сказала про нее директорша):

— ...Да ничего странного. Я эту куртку с убитого немца снял под Сталинградом.

Алексей Алексеевич остолбенел, но Алексей Иванович, быстро помахав Птичке, уже тащил его со ступенек, тарахтя:

— Положа руку на предсердие, скажу вам, мой юный друг, ваша приятельница глупа, как белый лебедь. Победа разума над самим собой. Хотя с другими я говорил, те — вообще мрак. А Танечка — серое пятно на черном фоне. И эта ее перешитая морская шинель при ее кислой роже смотрится «всепобеждающе». И свалявшийся собачий мех пришпондорила, Эллочка-людоедка.

— Это было бы смешно, если б не было так гнусно, — неожиданно озадачил говоруна Алексей Алексеевич, но, увидев вдруг вспышку испуга на его лице, пожалел приятеля.

Мог бы осадить Алексей Алексеевич приятеля и раньше, в прежние его «перегибы», и сейчас, когда Алексей Иванович декламировал: «Мы, фронтовики...» Мог бы остановить вранье, мог бы поставить тезку на место, не такой уж он был рохля, как некоторые думали. Перебил бы трескуна, переорал, даже, и, вбивая слова как гвозди, сказал бы Танечке правду, что куртка эта снята не с убитого немца под Сталинградом, а перешита из ленд-лизовского пальто жены Алексея Алексеевича, которую он бросил с малолетней дочкой в Воронеже. А на фронте он наяву не был. «А под Сталинградом-то как раз моя нога и лежит!»

Но не делал этого Алексей Алексеевич. Окорачивало его, не давало полной уверенности одно обстоятельство, некоторая частичная неловкость его положения. Он понимал, что, если начнет бравировать, козырять фронтом, то либо придется привирать, либо выбирать из правды слова, которые в сумме будут давать не

полную правду, то есть в сумме лгать. А превратиться в болтуна Ноздрева, увольте...

Неувязка же крылась в том, что Алексей Алексеевич был фронтовик, но на фронте как бы и не был. И было это не в 42-м, как привычно говорят о Сталинграде, а 24 января 1943 года на далеких подъездах к затухающему мертвому городу, над которым уже стояли первые громадные столбы черного дыма: начинали сжигать кучи немецких трупов. Именно на линию фронта Алексей Алексеевич так-таки и не попал, не доехал. И не успел увидеть даже тех шальных трех «юнкерсов», которые, как зимние мухи, выскочили вдруг неожиданно откуда ни возьмись посреди потихоньку остывающего неба и превратили в кровавую кашу несколько вагонов. И не успел испугаться даже, только удивился, как он потом объяснял. Так что произошло это не в таком бою, как принято считать в тылу, — не в перестрелке или рукопашной схватке с фрицами, — а когда эшелон с новобранцами попал под бомбежку на подъезде к пожиравшему мирриады людей Сталинграду. «Глянь, говорю, Вить, что у меня с ногой-то»... Так аккуратно осколком отбрило, как будто начальство приказало: ногу ему укоротить — и отпустить, как уплатившего налог за войну.

Потом он часто думал, что мойра, богиня его судьбы, относится к нему как склочная хамовитая, но по большому счету добрая мать. Всю жизнь мучавшая его булавочными уколами, мелко-деспотическими пакостями, не дававшая ему без подножек вырваться к чистой незамаранной радости, к счастью, «чтоб не вылезал из шеренгия», всегда, при любой удаче с радостью находившая для него какую-нибудь сутяжную мерзость, чтоб не дать ему быть совсем ясно, без оглядки счастливым, вздохнуть без стеснения полными легкими, — все ж таки в серьезные моменты она спохватывалась и не разрешала жизни совсем растоптать подопечного. Так было несколько раз — начиная с туберкулеза в детстве, и так она поступила в том страшном поезде. Уж больно просто, рационально она отняла у него ногу, переведя в инвалиды, но не убив, как почти всех остальных в том эшелоне, — тех, кто доехал до фронта. И тут он заплатил «оброк» и остался существовать, но... Но ведь он *«не сделал ни одного выстрела»*, — преследовала его часто, спазмами влезая в мозг фраза. Ведь — фактически — на фронте-то он и *не был, не доехал.*

И именно то, что пришлось бы осторожничать, выбирать слова, обходить фразы: «мы, фронтовики», «когда я был на фронте», «когда я дрался с немцами», — или врать и превращаться в Алек-

сея Ивановича, не давало Алексею Алексеевичу покоя, так что он всегда старался уходить от этой темы.

Не мог он твердо уличить приятеля насчет «нас, фронтовиков». Ведь вроде друзья, и обобщение здесь вполне имеет право на существование. Да и прихвати он сейчас Алексея Ивановича, тот, наверняка, юркнул бы в щель демагогии про то, что «мы, фронтовики» он употребляет потому, что «уж пуд соли съели с тобой, с Алексеичем» и «стали как одно целое среди окружающей сволочи». Да и на самом деле, имел же право Алексей Иванович в эмоциональном порыве отождествлять себя с другом? Хотя и чувствовал Алексей Алексеевич, что это объединение сродни «уплотнению» жилплощади. Не объединялся он, а прятался под фронтовика, что-то у него уворовывал. Но ведь никто не вправе лишать Алексея Ивановича предположения такого хода мыслей. Да, Алексею Ивановичу живется легче, — вспоминал быстрые, очень ловкие перемены лица приятеля Алексей Алексеевич.

Сегодня Алексей Иванович пришел возбужденный больше обычного потому, что утром по всему двору разлетелся вопль Курдючихи со второго этажа:

— Галатенка! Кланька! Чего дрыхнешь? В угловом на горке «китайки» выкинули без карточек.

Все, кто мог в доме, устремились в продмаг на углу Стромынки и Короленко, но потерпела сокрушительную неудачу смелая попытка Алексея Ивановича «взять» при помощи палочки-выручалочки в «Угловом» «китайки», то есть купить в магазине, прикинувшись инвалидом с палкой, минуя огромную очередь, желтые яйца, которые продавали сегодня утром по пять «в руки» без карточек. Алексей Иванович был узнан, после короткой схватки скинут со ступенек визжащими бабами и ушел, чертыхаясь и прихрамывая уже без притворства.

— Может, мне, Алексеич, кажется, только вот смотрю я, как проезжает полуторка, так перед колесами у него воробьи носятся, как бы соревнуются в героизме, бравируют смелостью друг перед другом — кто поближе от смерти пролетит. А как какого задавит, — все бросаются его потроха клевать, — философски задумчиво рассуждал Алексей Иванович, пытаясь что-то разглядеть сквозь пыльную марлю на окне.

— Вряд ли уж воробьи воробьятиной питаются, Алексей Иванович. Разве что у них тоже произошла революция и появились воробьи новой, социалистической формации, — вдруг неожиданно смело пошутил Алексей Алексеевич.

— Да и люди всегда так жили, при всех «измах», при всех империализмах, социализмах, — продолжал Алексей Иванович, — всегда друг другу кричали: «Уря, вперед, на амбразуры!» — а выигрывал-то тот, кто тверже других знал, где кончается *для себя* и начинается *для других*. Для кого главный закон: окружающих стараться убедить во всяческих самоотверженностях, объявлять погромче, поширековещательной, покрасочней, что жертвовать собой ради других — это и есть самая правильная линия жизни: идти на смерть ради своего народа в бою, ради чужих детей на пожаре, ради слабого перед бандитами, ради солидарности с угнетенными, — кричать об этом святом и единственно верном как можно громче и, втихаря, но как самую главную заповедь жизни, знать, что вся эта кувыркалегия — это для других, что твоя жизнь все ж таки дороже всего, что все твои подлости, все предательства со временем потихоньку зарубцуются, а жизнь уже не вернешь и ее надо беречь, наплевав на всякие красивости. Все забудется и простится, если выживешь, а попал под колесо — и все твои моральности протухнут зря в земле без остатка. Что бы ты ни совершил, кого бы ни предал, ни убил, всегда все это стоит дешевле жизни, и тот, кто знает это тверже, тот и выживает. Вот тебе выбор — убей ребенка или тебя убьем. Все друг другу внушают — лучше смерть, чем такая подлость, все друг друга учат такой линии: лучше пожертвовать собой, чем преступить всяческие там моральности. Но выживает-то в естественном отборе тот, кто поучает громче всех и тверже всех знает, что за свою жизнь без колебаний убьет и ребетенка, и всех его сородичей, и все человечество. Любое паскудство — это, в худшем случае, испорченная больша́я часть жизни, но жизнь-то все равно больше, жизнь-то дороже всего. Ты подсунул другим высокие идеалы, и если они клюнули, значит, ты у них что-то оторвал. А если будешь поступать по моральным шаблонам, — отдашь им свою жизнь за гроши их благодарности. Они возьмут твое, а ты ни с чем останешься, испаришься во вселенной. Все убеждают друг друга, что живут по законам оперы «Иван Сусанин», а жизнь циничней и зловонней любого похабного анекдота на стене в туалете на Курском вокзале.

Эко его «китайки»-то раззадорили, думал Алексей Алексеевич.

— Что-то на вас нашло сегодня, Алексей Иванович? Прямо-таки чем-то достоевским повеяло, — усмехнулся Алексей Алексеевич.

— Может, сухо я «сволочь излагаю», Алексеич, сухой остаток, можно сказать, да только оно так и есть. Танкообразные ящеры вымирают в космических катаклизмах, а побеждают в природном соревновании юркие хорьки.

— Это зависит от исторического периода.

— А период всегда один — период взаимного поедания.

«У меня так гладко не получится, — размышлял Алексей Алексеевич. — Я не импровизатор».

— Пуси́.. пуси... пуси, хат... пуси, сбоак, — вдруг наполнилась комната чужеродным полумужским-полубабьим завыванием.

Алексей Алексеевич поднял глаза и увидел, что Алексей Иванович уже у окна и изо всех сил, оскалив длинные зубы, вцепился через оконную марлю в какой-то предмет, скулящий и сипящий голосом дворника Манзы. И Манза пытается ускользнуть из цепких пальцев Алексея Ивановича

— Оторву член тела, — гудел шаляпинским Демоном Алексей Иванович, ловко прихватив для надежности еще и, судя по расположению, нижнюю губу противника.

— Будешь шпионить, шайтан обоссанный? — демонически басил Алексей Иванович с перекошенным от напряжения лицом.

— Нэ...Нэ...Нэ... — мычал парализованный болью дворник.

— Еще раз сунешься, прокляну именем Аллаха всю семью и отстрелю тебе нос из именного нагана. Чем сморкаться будешь под окнами, свинья? Ладно, лети, вонючее явление природы, Сопливус вульгариенс, — Алексей Иванович с деланной брезгливостью вытирал пальцы своим несвежим носовым платком. — Вот видите, в природе всякая пустота заполняется. Мухи и осы к вам не летят в комнату, так стукачи полетели.

— А надо было его все-таки карандашом в глаз, — немного покурив, сказал Алексей Иванович. — Попробуй он докажи потом, что не случайно.

— Опять вы, Алексей Иванович, ассимилируетесь, опять становитесь на одну доску с ничтожествами. Всё вас туда тянет.

— А..э... Да бросьте вы Дон Кишота ломать. Жизнь таких прихлопывает без церемоний и красивостей, Алексей Алексеевич. И исчезает человек, как эхо пукнувшего в горах Кавказа муравья.

Несмотря на общие отличия от окружающих, во многом разные были эти два человека. Разных темпераментов, разных жизненных изощренностей. Но была у них одна общая точка страстного притяжения, одна зачаровывающая привязанность, ставшая частью и почти что смыслом существования, наркотик, пьянящий сильнее марафета, и друг и наставник, слова которого они, как первые христиане в катакомбах божественную литургию, впитывали со священным трепетом. Это был «*Radium*» — выбивавшийся из ок-

ружающей скудости какой-то контрреволюционной элегантностью, интенсивностью и тщательной продуманностью линий, стоящий спиной к обшарпанной стене блестевший темно-коричневым лаком куб трофейного немецкого радиоприемника.

Шел как-то Алексей Алексеевич по барахолке на Преображенском рынке, шел на встречу с барыгой, который обещал достать ему немецкий протез, нес в кармане гимнастерки скопленные за полтора года деньги, представлял себе, как уже через два часа расстанется с этой позорной деревяшкой на культе, и вдруг увидел *его*, молчащего, но полного загадочной радостной энергии высшего знания с его пятью солидными ручками и массой названий городов на стекле со стрелкой, — не электроприбор даже, а *существо* из недоступного мира лакированных радостей. И как же страстно захотелось Алексею Алексеевичу с ним породниться!

— Так влюбляются с первого взгляда, — шутил этим вечером Алексей Алексеевич, сидя с ошеломленным Алексеем Ивановичем в своей конуре, освещенной сиянием германского чуда. — А любовь требует жертв, — переводил он взгляд на затертую деревянную ногу.

— Значит, ты выше пошлого мещанского вещизма: пожертвовал ногой расширению кругозора, — выдавил иронию Алексей Иванович, с неприятной улыбкой отводя завистливые глаза.

И каждый вечер теперь с восемнадцати ноль-ноль лились в две пары наушников, соединенных с прекрасным существом, горячие живительные струйки, окатывавшие жаркими волнами смертельно опасных слов склоненные головы двух приятелей. Сквозь упорный тракторный рокот, шипенье и хлопанье по барабанным перепонкам помех просачивалась то живительными волнами, то прерывающимися тоненькими струйками живая человеческая речь. Ее сразу, без вникания в смысл слов даже, можно было отличить от советской речи отсутствием ноток гудящей бравурной официальности, нездешней интеллигентной прочувствованностью и естественностью разговорной манеры.

И вот сегодня, когда «вражий голос» легко, не замечая пудовой свинцовой тяжести контрреволюционных слов, зачаровывающе безбоязненно произносил: «Несомненно, после смерти "великого мудрого", — на этих словах Алексей Алексеевич с Алексеем Ивановичем инстинктивно спрятали глаза друг от друга, — в предстоящей схватке за власть победит самый циничный и беспринципный», — на напряженно процеживаемую в наушниках мешанину звуков наложились вдруг наглый удар, а затем звон и бряцание

посуды. Приятели встревожено переглянулись и тут же увидели посреди комнаты расхлестанного, босого в одних грязных подштанниках с красным блестящим лицом и выпученными глазами соседа Рябоконя. Он стоял рядом с распахнутой, бесцеремонно грохнувшей по этажерке дверью и, спазматически, по-рыбьи двигая губами, крючком пальца указывал на приемник. А «Radium» всей своей предательской мощью, пробившись сквозь самодельную блокировку, вещал на всю улицу: «Трудно угадать сейчас в кремлевской камарилье будущего победителя. По некоторым сведениям престарелый советский диктатор»...

Парализованные Алексей Алексеевич с Алексеем Ивановичем сидели под волнами смертельной контрреволюции и с ужасом понимали, что, с трудом улавливая рывками пропадающие звуки, не услышали пробившийся параллельно на волю мощный голос «Radium»'а.

— Сам... сам... сам... себя... заявил, — спазматически задохнувшись клубком радостного волнения, выдавил из сиплого нутра Рябоконь.

Алексей Иванович очнулся первым и моментальным движением крутанул катушку громкости два раза. В небывалой для плотно заселенной квартиры погребной, провальной тишине только звуки трамвая на Стромынке да басистый тугой голос жирной мухи на оконной марле сменили грохот приемника.

— Я о те заявил, гнида, что ты крестишься и детей учишь не по-советски, а ты Сталина похоронил, гнида, — заорал Рябоконь. И громче, раскатистей, чтоб больше слышали: — Я фрицев в плен не брал. Всех на месте из «Дегтеря» шлепал согласно контрибуции. И тебя, врага нар-р-рода, да-а-вно пора к стенке, — он передохнул. Взгляд его радостно скользнул по выцветшим голубым обоям, фанерному книжному шкафу, высохшему букету в зеленой банке... — Вражина, соглашатель, — бубнил он уже поспокойнее, лаская глазами комнату. — Вредитель. Я с супружницей на восьми и одной десятой квадратов кувыркаюсь, а шпиён засланный на восьми и девять квадратов один проживает, — он по-хозяйски придавил отставшую доску пола. — Не-е, паскуда, органы с тобой разберутся. Согласно контр-рибуции, — он сгребающим жестом махнул пятерней, задев Алексея Алексеевича пальцем по кончику носа. — Органы свое дело знают. Была б война, тут же б тебя шлепнули. На месте. Согласно контр-рибуции. Девять квадратов на одного буржуаза! — он еще раз обвел радостным взором комнатенку и, не сдержавшись, как в пляске, обсыпав себя шлепками и мотнув

кучерявой головой, по-армейски твердо зашагал в свою комнату и там продолжал клокотать. Алексей Алексеевич, закрывая дверь за соседом, поднял было руку что-то возразить, но тот уже горлопанил из-за своей двери:

— Сталина живого закопал... Согласно контр-рибуции...

— Просто нелепица какая-то, — выдавил из себя улыбку Алексей Алексеевич. — Мы, собственно не виноваты, что контакт отсоединился...

— Мы-то не виноваты, да вы-то еще как виноваты, — быстро среагировал Алексей Иванович. — Капут нам, — превозмогая дрожь рук, он никак не мог вытащить папиросу и разорвал пачку. — Я-то ни в чем не виноват, а отвечать двоим придется, всей «преступной группой». Капут нам. И зачем я... Что ж ты так неряшливо-то, Алексей Алексеевич? А сажать-то двоих будут. Что ж ты меня так? Кругом хамы, говоришь? А это как насчет порядочности? Не я ж его ковырял, этот фашистский приемничек, не я подстраивал под Би-Би-Си из Лондона... А на привинченном стуле по очереди сидеть будем. Хорош гусь. — Он закурил и долго, что-то взвешивая, рассматривал сгорающего, перекошенного Алексея Алексеевича.

— Это же оплошность, случайность, Алексей Иванович. Как же вы можете? Не преднамеренное же желание сделать вам неприятность.

— Не-при-ятность, видите ли, — передразнил Алексей Иванович. — Это лагеря или пуля в затылок, а не не — при — ятность. В зависимости от потребности СССР на данном историческом этапе. Могут и шлепнуть.

— Если что, Алексей Иванович, я все возьму на себя.

— А «китайки» за этажеркой лежат, прикрытые полотенцем, — тоже взяли на себя? Поделиться с другом не хватило чести? Хотя бы одно яичко? — В голосе Алексея Ивановича появились прокурорские нотки, переходящие в подвывание. — Я за эти китайки сегодня с лестницы летел, голеностоп растянул, а вы... эх, пожалели бы по-человечески, предложили бы хоть одно яичко. Странная у нас дружба, Алексей Алексеевич, странная. Вместо душевной теплоты хитрость и обман. От такой публики всегда можно ждать какой-нибудь гнусный сюрпризик.

Долго сидели молча. Алексей Алексеевич усиленно, до боли, тер ладонью свой вялый подбородок, открывал рот, чтобы что-то сказать в свое оправдание, произносил даже для начала: «Э... э...

э...» — но осекался, взглянув на мгновение в злые глаза Алексея Ивановича.

— Каждый должен нести свой крест, — холодно проговорил, наконец, Алексей Иванович в лицо Алексею Алексеевичу и чеканным шагом вышел на улицу.

«Какая страшная бездонная пустота, — думал Алексей Алексеевич, стоя ночью у окна, глядя на зловещее своей дикой бессистемностью, своей безжалостной бесконечной провальностью небо и куря одну за одной "Пушку". — Какое дикое безнадежное одиночество, — думал он, глядя на самые мелкие далекие звезды. — Хоть волком вой, никто не услышит твоей тоски. А кто услышит, тот хвост подожмет. Какие патологические средневековые рожи кругом. И ведь испарюсь я, как капля росы, в этом хищном бесконечном космосе, и никто через пять лет уже и никогда в вечности не вспомнит, что жил в тысяча девятьсот сорок седьмом году от Рождества Христова такой человечек, учитель Алексей Алексеевич, добрый, в общем-то, человек. Побродил он немного и улетел, растаял вместе со звуком своего голоса. Какое дикое, бездонное страшное небо. Если забыть про всяких там высосанных из пальца Дев да Пегасов, то все это масса страшного холода и испепеляющих адских катаклизмов, и мы барахтаемся в бесконечном океане ужасов, жестоких громадин, мгновенно сжигающих, разрывающих, превращающих человека в ничто, — думал Алексей Алексеевич, стоя у окна, вглядываясь в черную бездну неба и поплевывая на улицу, чтобы сдержать слезы. — И, самое гадкое — Алексей Иванович совсем ни за что может из-за меня пострадать. Ведь, несомненно, вина лежит на мне и только на мне. Конечно, может последовать наказание, которого и я не заслуживаю, здесь могут быть разные мнения, но Алексей-то Иванович вообще, то есть абсолютно ни в чем не виноват, как младенец. Выходит я, негодяй, его погубил», — размышлял Алексей Алексеевич, чувствуя неумолимо надвигающуюся многотонную тоску.

Алексей же Иванович вбежал в свою комнату в крайнем возбуждении, метался по неприбранному жилищу, бросал недокуренные папиросы на пол, роняя несвязные обрывки фраз.

С улицы в распахнутое окно из далеких бараков с Матросской тишины доносился рык и скрежет трофейного баяна. То Коля Гармыза выходил в палисадник перед сном спеть «Чайку» и «Над Амуром», похвалиться инструментом и напомнить людям, что они являются жильцами одного большого человеческого муравейника.

Изредка перегавкивались собаки. «Где полотенец, гада?» — вяло кричал на жену отходящий ко сну моторист Зацыпкин из седьмого барака...

— ...Любишь кататься... — разводил Алексей Иванович руками и опять мерил комнату шагами по диагонали. — А может, и не слушал даже, а так приходил?.. Да нет, нет, нет, — он спазматически морщил лицо, — видел, видел Рябоконь, падла, — отчаянно бил он кулаком воздух. — И хромого расколют...

Потом он долго, сидя за столом с широко раскрытыми глазами, яркими вспышками, ужасными картинками представлял себе все, что должно произойти с ним дальше, сдерживал навертывающиеся слезы жалости к своей судьбе, смотрел на чистый тетрадный лист, на кончик стального пера в ручке и, сжав зубы, вывел размашистым почерком: «*В МГБ СССР...*»

Фельдмаршала на солдата

А Леня Новичков не встал! А Леня Новичков не только не встал, когда все сотрудники в соответствии с комплекцией и быстротой реакции поспешили вскочить со своих стульев, но еще и посмел храпануть на весь конференц-зал в самый торжественный момент, когда все зрители, поднявшись, сделали благоговейную паузу. И, крепко рыкнув вдобавок на выдохе, взвыл жалобно и протяжно каким-то тоскливым волчьим воем, переходя с высокой грустной ноты до самой басистой, словно поведывая невольным слушателям жалобу своей несуразной жизни.

— Гнусеныш, — раздалась из середины приглушенная реакция на Ленину выходку.

— Да вы-то не добавляйте, — судя по истерическому голосу, это пискнула худосочная Римма Кешокова из отдела эстрады, совсем разваливая единство коллективного порыва, так как тут уж многие зашикали на нарушающих тишину и на шикающих.

Как дружно, единогласно, можно сказать, вспорхнули со своих мест даже самые тяжелые и неповоротливые товарищи. Слаженно, как знамена на демонстрации, взмахнули пиджачные спины: черные, синие, серые, коричневые, — и с ними солидарно женские блузки, кофты, жакеты...

А после срыва величия минуты приземлились сотрудники както вразнобой, покашливая даже, что-то ехидное бубня и шумя бесцеремонно задвигавшимися стульями.

А все Леня Новичков.

Сегодня в телецентре на Шаболовке, на четвертом этаже в конференц-зале проходило важнейшее идеологическое мероприятие. Телевизионное начальство, запуская по две редакции в зал на четвертом этаже, прогоняло серию необычайно ответственного, партийно-правительственного, как про него говорили, фильма «Освобождение». После смены верховного руководителя СССР, после изгнания «кукурузника» все находилось в каком-то неясном, подвешенном состоянии. Все ориентировались на слухи, недомолвки, намеки, неясные оговорки верховных партийных деятелей, но твердо никто ничего не говорил. И тем важнее был этот фильм для работников телевидения, то есть идеологического фронта: каждый малюсенький кадрик этой ленты, все мелочи, все незначительные, казалось бы, штришки проверялись и перепроверялись в Отделе культуры ЦК КПСС — и не только там — на соответствие политическому курсу Коммунистической партии Советского Союза на современном этапе развития социализма. И смотрели все с самым тугим напряжением, чтобы не пропустить какую-нибудь мелочь: а эта мелочь, может, и указывает на изменившиеся веяния.

Вот появился Сталин (всех обдало горячей волной), но, конечно, не такой плакатный, как было бы двадцать лет назад. Человечный. Все смотрели, затаив дыхание: на сколько, до какой степени он опять стал положительным героем, как сильно подули новые ветры и с каким отклонением от прежних.

— Я фельдмаршала на солдата нэ мэняю, — спокойным таким, будничным, простым таким человеческим голосом сказал Сталин на экране.

Первым вскочил секретарь парткома музыкальной редакции Шмаков. Он, смышленая голова, каким-то почти случайным образом проник на предварительный просмотр для высшего руководства в Комитете по телерадио и там, когда крутили ленту, поймал себя на шалопайской, на первый взгляд, мысли: а что если встать в знак уважения к благородному поступку Сталина, когда тот отказался спасти родного сына, выменяв его у немцев на пленного фельдмаршала Паулюса, сдавшегося в плен под Сталинградом? Новая линия по поводу «культа» еще четко не была доведена до трудящихся, и чувствовались некоторые разночтения в этом вопросе, хотя ясно было, откуда ветер дует. И товарищи, имеющие доступ к работникам высших руководящих органов, были в курсе.

Всю ночь Николай Иванович Шмаков просыпался, выкурил на кухне пачку «Казбека», вконец измотался (и были у него основа-

ния для колебаний) и утром приказал себе хриплым шепотом: надо встать после фельдмаршала,.. или грудь в орденах... На редакцию такой ход подействует мощно. Смекнут многие, что у него сведения непосредственно «оттуда». Знать, есть, есть у Николая Ивановича «лапа» наверху, «большая спина» у Николая Ивановича — и это намотают на ус, и вспомнят, если вдруг пошатнется Николай Иванович, всколыхнется что-нибудь против Николая Ивановича

В том, что другие подтянутся, подскочат за ним, Шмаков к утру почти не сомневался. Правда, совсем спокойным Николай Иванович быть никак не мог вопреки всем размышлениям и доводам. Имелся один подобный эпизод в биографии, который оставил шрам на его душе. Три года назад, когда Николай Иванович работал в провинции завхозом и секретарем парткома в театре (куда перешел с Северного флота), случилось несуразное и довольно стыдное происшествие.

Проводилось собрание по поводу присвоения «Героя соц. труда» директору театра.

— Ребята! — задорно вскричал тогда, вскочив с места в президиуме, Николай Иванович, обращаясь к залу. — Нашему любимому руководителю, Герою социалистического труда Захару Павловичу Остапенко: Ура! Ура! Ура!

Но если первое «Ура!» несколько голосов еще поддержало, повинуясь выкинутой, как у Ленина, шмаковской ладони и протянув с Николаем Ивановичем «а-а-а», то второе «Ура», не видя, что большинство воздержалось, пьяно прохрипел только рабочий сцены Сичкин, а уж третий раз произнес опавшим голосом только сам Николай Иванович. Махнул досадливо рукой и пошел курить за кулисы.

Сейчас же, на телевидении, он чувствовал, что подобной промашки не будет. И когда в зале подступила заветная секунда, и раньше даже, боясь, что кому-нибудь взбредет в голову такая же идея, даже немного опережая события так, что чуть не перепутал все карты, едва не сбив людей с толку, кому почтение оказывать, взметнулся Николай Иванович, и за ним, за лидером, за знаменосцем, в секунду смекнув, невольно подчиняясь ему как вожаку, вскочили, боясь опоздать, и зам его, пронырливый нашептыватель начальству Чикин (Николай Иванович внутренне удовлетворенно засмеялся), и главные редакторы, и парторги отделов подпрыгнули словно из-за парт школьники, которых предупредили, что, если еще одно замечание, отправят учиться в ПТУ, и вся редакционная мелкота, как вспугнутые воробьи, послетали со стульев.

Новичковский храп все сорвал и испоганил. И даже смешливые шепотки осмелились зашелестеть.

— Сволочь, — прошептал Николай Иванович, сжимая побелевший кулак. «...Провоцируя тем самым антисоветские настроения», — промелькнул у него в голове обрывок невесть откуда выскочившей фразы.

А Леня Новичков, от которого все сперва инстинктивно отпрянули, а потом жестко ткнули пальцами в скосившуюся на плечо голову, еще и вскочил сдуру, спросонья подпрыгнул, когда весь зал уже садился. Да еще начал извиняться, бестолково бубня, что он, как и все, за товарища Сталина.

Вообще этот Новичков был каким-то не подровненным, каким-то выпученным человеком. Странным завихрением судьбы занесло его в музыкальную редакцию ЦТ, кажется, чуть ли не из оркестра цирка. И все у него получалось как-то неуместно по-цирковски шустро и без надлежащей в идеологическом органе оглядки и размеренности.

Носил он этакую вызывающую шкиперскую бородку, что руководством уже твердо не запрещалось, но у начальства в зрачках всегда поднимало жестко пружинящий, отталкивающий вопросительный знак, а из-под слишком узких воротничков его словно детских рубашек вокруг шеи всегда вылезала каемка галстука, напоминавшего своей висячей округлостью какое-то колбасное изделие. Конечно, не блистала редакционная публика заграничными нарядами, но когда остряк Костя Мукасев поприветствовал вошедшего в отдел Леню: «О! Чарльз Спенсер Чаплин вышел на эстраду», — все заулыбались и захихикали, имея в виду Ленин костюм. А посреди завоевавших череп залысин мотался крылом гордой, но раненой птицы вечно слезающий на лоб и безуспешно отбрасываемый на макушку белобрысый нестриженый чуб.

— Влип ты, Леня, по самые уши, — посочувствовал единственный его приятель, такой же ассистент режиссера и такого же маленького роста, белобрысенький и немного пузатенький, как и Леня, но во всем немного как бы приглаженный и постриженный Паша Мастерков. — Уроют, Леня. Не знаю, за что, Леня, но обязательно уроют.

— Нет, но ты подумай, в чем героизм-то «великого мудрого»? Что он не совершил должностное преступление? Не выменял солдата, своего сына, на фельдмаршала по блату, так сказать? Обычно подличал, как хотел, а тут поступил, не спаскудничав? — пытался оправдаться Леня, видя, что бесполезно.

— Уроют. Это тебе не футбол в оперу вчеклешить, — напомнил Мастерков головокружительно опасный эпизод из Лениной телевизионной биографии.

Леня инстинктивно поежился, вновь переживая мгновения той пертурбации, которая случилась год назад во время Лениного эфира в Останкино. Впечатление осталось, как, наверное, у того самого американца, который вывалился из окна небоскреба и повис, зацепившись штанами за случайный крюк.

Дело было в пятой студии Останкино. Работа была у Лени — проще не бывает: выпустить в эфир революционный фильм-оперу «1905 год», то есть из аппаратной включить камеру, наведенную в студии на картонную заставку, которую поставит на пюпитр помреж, и по окончании ленты опять перейти на студию, на пюпитр с другой заставкой.

Сидел Леня за пультом, дико скучала его беспокойная натура от созерцания революционной оперы, от которой, — Леня знал точно, — как от передовиц в газете «Правда», отвернулась вся страна, разбежавшись по трем оставшимся программам. На мониторах были включены параллельные программы (таков был обязательный порядок), но, на Ленину беду, — только третья и цветная и не было второй, по которой шло самое интересное — футбол «Спартак» Москва — «Динамо» Тбилиси.

Внутренне возмущенный такой обделенностью, Леня в волнении засуетился, выводя второй канал на один из мониторов и, конечно, нажал не ту кнопку, сдвинул не тот микшер, и после слов певца: «Товарищи и граждане Одессы! Вот перед вами труп борца-героя. Он смело заявить посмел начальству, что борщ гнилой, ни к черту не годится. Ему начальство рот заткнуло пулей. Доколе же терпеть мы будем, братья?» — как бы отвечая на вопрос оперного матроса, не вытерпев, на экран вместо оперы наглым хозяином ворвался футбол.

Первым обнаружил катастрофу студент, помреж в студии. У него, прикованного к заставке в пустом зале, не было никакой отдушины, кроме учебника «Истории СССР. Ч 2.», и он, сонливо вникая в книгу, переводил изредка глаза на «картинку» с оперными матросами. Минуту посмотрев футбол ошалевшими глазами, он вскочил и, подбежав к толстенному звуконепроницаемому стеклу, отделяющему студию от аппаратной, замахал руками, крича во все горло Лене, этаким американцем беспечно развалившемуся в кресле, постукивавшему пальцами по пульту в метре за стеклянной стеной и, естественно, ничего не слышащему.

И только через три-четыре минуты Леня случайно скользнул глазами по другим мониторам и по своему, с футболом вместо «1905 года», вжал голову в плечи, выскочил из кресла, что-то беспорядочно крутанул, сдвинул туда-сюда и, восстановив оперу, рухнул на свое место, как генерал после проигранной битвы.

«Это конец», — говорила его трагически опавшая поза. В голове у Лени кувыркалась статья в трудовой книжке вперемешку со статьей «политическое хулиганство» в уголовном кодексе.

Но Леня счастливо ошибся. Конечно же, он не мог просчитать все закономерности изгибов криволинейного движения окружающей жизни, которая приводила многие, казалось бы, понятные поступки и проступки граждан к самым неожиданным результатам. Дело в том, что всеми винтиками громадной машины контроля телевещания были живые люди, которые в большинстве своем хоть и отличались от метущегося Лени Новичкова манерами и внешним видом, все ж таки в большей части своими физиологическими реакциями были очень на Леню похожи. Все программы просматривались очень большим числом должностных лиц: и программный режиссер, и режиссер на вышке, и в Комитете по телерадио, и еще в десятке организаций, но все они были люди, и, конечно, никто, ни за какие коврижки не хотел бы добровольно смотреть революционную оперу. И поэтому, как и во многих других делах, результат получался совсем неожиданный.

Естественно, на огромную страну нашлись несколько чудаков, которые остались на этом канале, но те и предположить не могли, что футбол вместо оперы мог «врубиться» *оттуда*. «*Там*» было все проверено-перепроверено, проконтролировано всевозможными ЦК, МК, МГК, КГБ, и т. д. и т. п. И несколько человек самых сонных зрителей в разных уголках державы одновременно сделали привычный в таких случаях жест, ударив капризничающий «фонарь для дураков» по боку, после чего он не сразу, но одумался.

Сначала убитый наповал, с полностью вышибленным духом Леня Новичков был уверен, что его личность начинает движение, как кусок баранины, попавший в мясорубку, и его дальнейшая биография будет похожа на то, что из мясорубки выходит. За эту бессонную ночь Леня постарел на десять лет и на работу еле дошел, усилием воли заставляя передвигаться одеревеневшие ноги. Подтолкнул себя подойти к доске объявлений. Приказа об увольнении еще не было. Он вспомнил, что сначала потребуют написать объяснительную. Весь день он просидел на нервах, ожидая ужаса прелестного голоска секретарши: «Новичков, зайдите к главному

редактору». Но день закончился, а положенного удара Леня не получил. И «главный» ушел из редакции, по пути безразлично окинув его взглядом. Перетерпел Леня и второй день. И к концу его понял, что, возможно, что-то где-то застряло, что-то где-то, как часто бывает, куда-то запропастилось и он каким-то чудесным образом, вполне вероятно, и не попадет под неминуемую кару.

А через месяц, когда Леня уже начал улыбаться и рассказывать анекдотики в кучке помрежей и ассистентов, случился счастливый поворот в его положении.

Незадолго до этого великодушного подарка Лениной судьбы на телевидении прошумел громкий скандал с Чехословакией. Как раз в раскаленные времена чешских событий, когда репортеры показывали, как наши солдаты на танках дарят свои наручные часы простым чешским трудящимся, диктор Силин назвал Чехословакию Чехословацкой Советской Социалистической Республикой, тем самым как бы подтвердив ее завоевание и присоединение к братской семье советских республик. Диктору объявили строгий выговор за потерю бдительности, хотя он-то, воробьиная душа, как раз был ни при чем. Он-то был обязан читать строго без малейших отступлений то, что написал ему редактор. Редактор же неправильно расшифровал «ЧС» в обозначении «ЧССР» не как сознательно сделанную, чтобы не обидеть словаков насчет равноправия, ошибку в орфографии при сокращении слова Чехословацкая, где «С» обозначало Словацкую, а как привычную аббревиатуру слова «Советская».

Дело дошло до ЦК. Редактора, ясное дело, выгнали по «волчьей» статье, но, как водится, «дали по шапке» и главному, и начальнику отдела, и ни в чем неповинному лопоухому диктору Силину.

Силин принял наказание мужественно, понимая, что при большой накладке всегда лупят направо-налево и благодаря судьбу, что не выкинули. И в этот самый ответственный, напряженный период, когда от телеработников требовалось особое идеологическое чутье, чтобы не пропустить в эфир возможные идеологические аварии (например, в последний момент сняли с показа постановку «Укрощение строптивой»), выпал Лене Новичкову счастливый шанс, и он его не упустил.

Послали Леню на замену заболевшего ассистента в литдраму на показ спектакля на тему гражданской войны. Дело плевое: включил, перешел на вторую часть, на третью, потом на заставку, выключил — и «гуляй, рванина»... Но только Леня после истории с футболом смотрел на свой монитор, не отрываясь и не шевелясь. И досмотрелся...

В момент, когда молодой белоказак на экране должен был ответить старому, почему казаки красных ленятся бить, Леня вспомнил, что будет дальше, коршуном бросился к пульту звукорежиссера и скинул микшер громкости на полную тишину. Пронзенный ужасом звукорежиссер вялой рукой попытался передвинуть ручку на место, но Леня, крепко вцепившись и оскалив от напряжения желтые зубы, мертвой хваткой перекрыл звук, пока не закрылся рот лихого казачка.

И на все крики, на бурные сцены, которые ему устроили сбежавшиеся технари, выпускающий режиссер и так по очереди до главного редактора, он только победоносно ухмылялся и отвечал, сдерживая ехидство: «Мне медаль за подвиг дадут, когда я напишу объяснительную».

А уверен в себе и самодоволен был Леонид Новичков потому, что молодой казак говорил старому: «Зря коришь, батя. Всему свое время. Сейчас чешский корпус прикончим, а потом, глядишь, и на большевиков двинемся».

Медаль не дали, но весть о Лениной бдительности, конечно же, дошла в этот же день до самого генерального директора ЦТ Шабанова. И на доске объявлений появился приказ о благодарности с занесением ассистенту режиссера Новичкову Леониду Тарасовичу.

— Дуракам всегда везет, — шушукались сотрудники, и каждый наедине с собой прикидывал, какой подобный вариант может с ним случиться и как бы не проворонить удачу.

Полтора месяца Леня являлся в редакцию как никогда довольный жизнью, постоянно улыбающийся и шуткующий, как бы говоря своим видом: «На всю эту редакционную суету мне начхать с высокой стройки коммунизма. Да, в мелочах я могу сделать что-то не так. Но вот когда дело доходит до настоящей, решительной политической минуты, тогда я бываю серьезен, как никто другой, и действую ответственно и четко, как никто другой».

Новичков повеселел, порозовел и помолодел. И каждый день, проходя мимо доски объявлений, ласкал глазами прекрасный листок с приказом. Жизнь улыбалась Лене. Как вдруг в одну минуту все изменилось, все катастрофически рухнуло после этого чертова Сталина с фельдмаршалом.

— Ладно, ты не совсем разлагайся, — ободрял его Паша Мастерков. — Мало ли что еще фортуна подбросит. В нашей жизни расслабляться нельзя. Мы живем не по правилам бокса. Здесь после нокдауна отдыхать не дают: добивают, — и он назидающе поднимал палец.

И то ли накаркал Пашка, то ли так и не понял Леня закономерностей изгибов причудливой своей судьбы, только через три дня неожиданно получил он второй, казалось бы, совершенно случайный, но сокрушительный удар. И получил его в новеньком, сверкающем зеркалами финском лифте не так давно открывшегося телецентра «Останкино».

В обычной своей суматошной спешке, все так же упорно пережевывая в голове катастрофу с генералиссимусом, влетел Леня в зеркальное фойе телецентра. Из-за отсутствия одной из многочисленных подписей в наряде-заявке Лениной постановки «горела» трактовая репетиция в студии «Б» на Шаболовке. Дело обычное. На телевидении всегда что-нибудь «горело» и шло наперекосяк, но Леня всегда очень волновался. Он заскочил в лифт, мысленно его подгоняя.

— Одиннадцатый, — бросил он лифтерше через плечи двух незначительного роста мужчин в добротных темно-серых костюмах. И когда скользнул взглядом по этим двум попутчикам, то сразу понял по их тяжелым стальным упершимся ему в лицо немигающим взглядам, что эти незначительные мужчины являются товарищами запредельно высокого положения и огромного веса. А когда Леня, боязливо опуская глаза, наткнулся на значки на пиджаках в виде маленьких красных флажков с золотой надписью «ЦК КПСС», то понял, что находится рядом с большой опасностью, как человек, стоящий в нескольких сантиметрах от каких-то скучных железок, вдруг осознает, что эти никчемные провода да штанги находятся под напряжением в тысячи вольт. И все бы ничего, можно было замереть, окаменеть и потом аккуратно-аккуратно, как сапер минное поле, покинуть опасный лифт, но товарищи-то уставились почему-то именно на него, Леню Новичкова, как будто не было рядом еще пятерых таких же обыкновенных представителей редакционного населения.

Если бы можно было спросить у двух этих деятелей, чем им с первого взгляда не понравился данный сотрудник, они бы не сразу сообразили, что ответить про этого с взъерошенными бровями и выпученными глазами бородача. Но если все-таки появилась бы возможность добиться от них откровенного ответа, то они сказали бы: «Всем». Тем, что какой-то неправильный, некалиброванный работник, тем, что вообще есть у нас такие взбаламученные экземпляры и из-за них-то не выполняются как следует команды руководящих товарищей и все из-за таких «деятелей» идет наперекосяк.

— Где работаете? — чугунным голосом придавил Леню вопросом ближний ответственный товарищ.

— В музыкальной редакции, — промямлил моментально завядший Леня, пытаясь зачем-то в тесноте достать из кармана брюк удостоверение.

— У Меркулова, значит. У Меркулова всегда был кавардак. Почему в пальто в помещении?

— Да вы извините, пожалуйста, съемка срывается, не успел... В гардеробе очередь... Извините...

Тут он, повозившись, вытащил-таки телевизионное удостоверение, и, конечно, вместе с ним вылетели две бумажки, и одна, как помятая бабочка, прицепилась к пиджаку члена ЦК.

— А почему съемка должна срываться, если вы все работаете ответственно? — гранитным голосом спросил товарищ, с отвращением стряхивая со своего пиджака жеваную бумажку. Но тут дверь лифта открылась на шестом этаже, и оба руководителя вышли, на ходу обронив: — Бардак!

Через десять секунд после лифта ответственные товарищи, заговорив на важную тему, забыли про неприятную личность. И весь инцидент растворился бы в бурлящей телевизионной каше без неприятностей и забылся без последствий, если б не несколько человек свидетелей, ехавших в том же лифте, и среди них, на Ленину беду, Света Конончук, рябая, приземистая, с жиденьким перманентом и очень в душе страдающая от своей грубой мужичьей некрасоты, редакторша постановочного отдела Лениной редакции.

— Это только ты, Новичков, можешь так нарваться, — выходя из лифта, бросила она через плечо, злорадно улыбаясь. И, отведя Леню в угол коридора, прошипела: — Ты хоть знаешь, на кого напоролся?

Леня, находясь в шоке как от удара высоковольтного разряда, ничего не отвечал, вытаращив на Конончук и без того круглые глаза.

— Это же генеральный директор Центрального телевидения товарищ Шабанов и председатель Комитета Гостелерадио товарищ Месяцев. Люди по десять лет работают и такое начальство по одному-то ни разу не видели, а тебя угораздило сразу обоих разозлить, — цедила она с укоризной, предвкушая эффект, который произведет сейчас ее рассказ в редакции.

Собственно к Лене Новичкову она не имела никаких претензий. С ним у нее не было ничего общего, нечего было делить, за все время ни одной склоки, так как работали они в разных отделах. Но Свете Конончук недавно влепили выговор за очередное опоздание, и она инстинктивно желала, чтобы было побольше нарушителей порядка, на фоне которых она не так уж и выделялась бы. Так некоторые заразившиеся сифилисом граждане, ошалев от

сознания своего позорного одиночества среди нормальных людей, пьют как можно чаще из общих, плохо моющихся холодной водой стеклянных стаканов в автоматах с газировкой, желая заразить побольше народа, чтобы меньше казаться «белой вороной».

И уже через двадцать минут то из одного угла редакции, то из другого, а больше в коридоре разносилось приглушенное: «ШАБА... МЕСЯ...»

Уже на следующий же день, перегоняя возможные раскаты гнева генерального начальства, на доске появился приказ. Леня стоял парализованный перед двумя бумажками: первым, подарившим судьбоносную радость приказом, и вчерашним, где его увольняли «по сокращению штатов». Он долго переводил глаза с одного на другой, как бы не решаясь до конца, чему верить.

Наконец он уяснил ситуацию и, чувствуя себя нашкодившим щенком, стараясь выскользнуть из редакции незамеченным, юркнул в лифт, в гардеробе накинул свое линялое, халатоподобное пальто и, чтобы оно не портило своим убогим отражением роскошь огромных зеркал, побыстрее проскочив фойе телецентра, со странным смешанным чувством фатальной тоски и облегчения покинул громадное здание телевидения.

Дальнейшее Ленино существование сложилось, как чаще бывает в жизни, без мягких переходов из одной тональности в другую, жестко и без оттенка художественности показав Лене бесцеремонную, топорно рубленную простоту поворотов судьбы.

Два дня он пропадал неизвестно где. Его вроде бы видели в винном отделе на улице Королева, где он, чтобы выслушали, угощал всех случайных встречных портвейном «Лучший» и горячо доказывал что-то про Сталина, фельдмаршала и пальто в лифте. Вроде бы его били около магазина два здоровенных угрюмых мужика из местной шпаны. Леню били со словами: «Мы, что тебе шестеры, что ли, в натуре?» Так часто бывает с тем, кто бесплатно угощает незнакомых, а они, чтобы разрешить неудобство своего подчиненного положения, начинают приписывать его щедрости барское высокомерие.

После всех этих необычных происшествий попал-таки Леня Новичков в наезженную многими судьбами жизненную колею, покатился в безжалостно жестокую пропасть пьянства, пока его мертвого и грязного не нашли под Краснохолмским мостом с пробитой заточкой печенью. И когда вспоминал его изредка Паша Мастерков, произносил красивую своей старинной печалью фразу: «Кончил он свои дни под мостом», — обнажая два золотых зуба и патетически поднимая к небу палец.

Взглянуть в пустоту

Когда «майбах», элегантно шурша шинами, не спеша подкатил к бензоколонке, из него прошел к кассе чуть седоватый с полнокровным самодовольным лицом шофер в хорошем костюме, белой рубашке и галстуке, с твердой основательностью в движениях, как и полагается водителю VIP-персоны.

Я заправлял свою «шестерку» из «народной» колонки с девяносто вторым бензином. Пассажир на заднем сидении «майбаха», выказав на неподвижном лице легкое брезгливое неудовольствие остановкой, медленно обернулся в открытое окно.

Я узнал его чуть раньше, чем он меня, и поджал губы, чтобы они не заулыбались вслед за глазами. Он смотрел привычно холодным взглядом, но меня узнал. Точно узнал. Выдал это, когда рассматривал меня прищурившись заметно дольше, чем надо, если бы оглядывал случайного, незнакомого, ничем не приметного (я уж свою персону изучил за полвека) человека на улице, и не задерживал взор столько секунд, сколько потребовалось, чтобы докопаться до чего-то в памяти. На мгновение я скорее почувствовал не видимый даже, короткий всполох в глубине его глаз как молниеносное движение створок объектива фотоаппарата, — «вспомнил». Вспомнил и... абсолютно безразлично, без притворства, без грамма примеси рисовки (уж кто-кто, а я-то моими кислотнощелочными мозгами заметил бы обязательно любой микронный налет позы, актерства), не спеша отвернулся в полумрак салона «майбаха».

А ведь как загорались глаза у нас обоих, когда весной брежневского семьдесят третьего года мы встречались в огромном зале Ленинской библиотеки...

Возбужденными, горячечными были эти встречи с крамольными разговорами в степенном, с многопудовыми дубовыми столами и старинными люстрами малолюдном юношеском зале. Артем, мой новый приятель, был «центровой», как он выражался, жил с видом на Кремль, учился в «цековской» школе рядом, на Кропоткинской. И, когда я, раскрасневшийся от последних мартовских морозов и запыхавшийся от бега с остановки троллейбуса, быстро входил в зал, ища его глазами, он обычно уже сидел за книгами, не подавая вида, что с нетерпением ждет своего нового интересного приятеля.

И у меня и у него лежали на зеленом сукне старинного стола издания, которых не найти было в районных библиотеках, но сюда, в Ленинку, после того как однажды мы случайно познакомились и

проговорили до самого закрытия, приходили уже больше для того, чтобы пообщаться с человеком, который думает, как и ты, а не как колонны трудящихся на Красной площади

Разговорились мы, когда он, случайно заняв место рядом со мной, увидел, что я читаю «Конь бледъ» Савинкова.

— Его по приказу Ленина и Дзержинского скинули в окошко, — вдруг услышал я над своим ухом опасные слова, сказанные спокойным, будничным голосом.

На меня это подействовало, как лицо друга, мелькнувшее в джунглях на необитаемом острове.

— Да уж, — я настороженно вгляделся в соседа. — Наверное, не без их помощи.

Физиономия у него была явно думающего человека, но какой-то странной конструкции. «Это молодому Молотову прилепили нос Шопена», — подумал я.

— А этой парочке повезло больше только в том, что не дожили до тридцать седьмого года. Коба их бы сделал. Ёська половчее был. И не была бы эта библиотека «им. Ленина», и не мок бы под дождем у КГБ «Железный Феликс».

Эти головокружительно свободные, новые, свежие мысли сразу околдовали меня.

— У Дзержинского есть показательные слова: «Я надел суровую шинель солдата, ибо в доме начался пожар». Умный был человек. Началась бы война, он бы надел каску пожарника, — отозвался я, как бы отвечая паролем на пароль.

— Да, с такими мозгами на весь мир окрысишься, когда все время натыкаешься на свою тупь, — подтвердил он, что я в нем не ошибся. И через две минуты мы, перебивая друг друга, забывшись и беседуя чуть ли не в полный голос, стали толковать уже обо всем вместе: с сифилиса Ленина переходили на маразм Брежнева, с медалей Брежнева на то, что знали про расстрел поляков под Катынью и корпус генерала Андерса, и так, с одного на другое прошлись и по политике, и по истории, и по литературе, пока не дождались мощного библиотечного звонка «на выход».

На следующий день встретились на тех же местах как бы случайно и не случайно и опять проговорили до конца уже как хорошие знакомые про вещи, которые назывались тогда обжигающим словом «антисоветчина».

Как я сейчас понимаю, тянуло нас друг к другу магнетически, кружило головы, возбуждало до пунцовой красноты лиц не столько

то, что мы рассказывали друг другу, не скудные обрывки провороненных цензурой там и сям крупиц правды, не стихи Мандельштама о Сталине, которые я записывал со слов соседа на тетрадную промокашку, не мой пересказ отцовских воспоминаний о фронте, где все было «не как в кино», не те обрывки запретных знаний из самиздата и «Дойче велле», до которых каждый по отдельности докопался и которыми мы обменивались, — не сама антисоветчина, словом, а именно завораживающее чувство неожиданной опоры в случайном человеке, когда — вдруг — совсем постороннему, «с улицы» ты свободно говоришь, что думаешь, и он не смотрит на тебя испуганно, и ты не ощупываешь его глазами на всякий случай при каждом «излишне резком» суждении в этом болоте советской гнили, где всегда почти уверен, что, если заговоришь с кем-нибудь про то, что «правда не ЗДЕСЬ, а ТАМ», провалишься в безнадежную трясину рабского его нежелания думать, бараньей безмозглости «хомо советикус». Радость эта была сродни радости прорыва блокады, осознания, что таких, как ты, оказывается, не горстка твоих знакомых, а есть, есть еще люди — и, наверное, много, — если можно совершенно случайно встретить посреди Москвы такого же — как ты — «антисоветчика».

Мы встречались с ним до майских праздников. Накануне Первомая боевито и нахраписто вспыхнули на каждом углу красные флаги. Конец апреля. Для шестнадцатилетнего человека весенний повеселевший город превращается в клубок интереснейших вещей: новых звуков, запахов, лиц, голосов на улицах... Но перед самым закрытием Ленинки на праздники я заскочил-таки в монастырский покой юношеского зала. Артем сегодня опаздывал и вошел стремительной, но какой-то неестественно скованной походкой, зачем-то выпячивая живот и разводя плечи, как балерина. Порывисто сел на стул рядом, перевел дух и, опасливо осмотревшись, очень медленным движением сзади из-под пиджака вынул черную бутылку коньяка «Наполеон».

— Сегодня надо вмазать за нас с тобой, — сказал он заговорщицки. Из карманов он вынул два не по-советски изящных стаканчика с надписью «Praha» под круглым красно-золотистым гербом. Осторожно осмотревшись, он решительно нырнул в полумрак под стол и, покопошившись там минуту, высунулся и с вытаращенными глазами приказал: «Давай!», мотнув головой вниз. Я тоже окунулся в потемки и тут же ощутил в своей руке стаканчик.

— Поехали, — шепотом приказал Артем, чокнувшись со мной и опрокинув в себя коньяк. Я чуть замешкался, но, чтобы не показаться слабаком, залпом выпил обжигающую жидкость

Разговор пошел заметно оживленнее обычного, и, пьянея с каждым нырком под стол, я успел осознать, что наши слова неуклонно превращаются в мыльные пузыри, беспорядочно возникающие и без следа и смысла исчезающие. И, чтобы разбавить сбивчивую болтовню чем-то более умным, я собрался с мыслями и сказал ему задумчиво: «Лет через сто рухнет вся эта советская уродина и забудется все: и кто убивал, и кого убивали. Никому не интересно будет, кто ненавидел этих удавов и кто им подпевал. Просто все эти разбирательства выйдут из моды».

— Из моды ненависть к коммунизму выйдет тогда, когда выйдет из моды совесть, — сказал он громогласно, почти прокричал, взглянув на меня яростными глазами. Все посетители обернулись в нашу сторону. Обросшая жиром дежурная решительно встала из-за своего стола в углу и, торжественно пронеся через все проходы между столами кокон своих волос, сделала нам, мгновенно застывшим, как за партами, жесткий, категорический выговор. Мы сбивчиво повинились, но уже через две минуты опять распалились чуть не до крика и были выдворены из зала уже с помощью охранника.

— Да в вашем гадюшнике сидеть-то стыдно. Назвали, тоже мне, мыслители, «имени удава Ленина», — кричал от двери остолбеневшему вохровцу мой товарищ.

— Назвали бы еще «имени Гитлера с Берией», — добавил я в вытаращенные глаза охранника.

Нетвердыми шагами мы шли в обнимку по узкой улице Маркса-Энгельса. Что может быть прекрасней тонкой сладости смешения этих чудес: шестнадцать лет, немного пьяная голова, рядом друг и набравшая силы головокружительная весна?

— Да плевал я на всё, — закричал Артем. — На КГБ, на ГПУ, на НКВД, на МКГБНМГБ!

— Пароход идет мимо пристани, — заорал он во всю силу. — Будем рыб кормить коммунистами.

— Пароход идет мимо острова, — кричали куплет мы уже вместе. — Будем рыб кормить комсомольцами...

— Знаешь, друг, а ведь все люди сволочи, кроме нас с тобой, — крепко прижимая меня, заявил Артем.

— Не, Артем, не все, не все. Вот они, самые сволочи, — в этот момент мы дошли до угла Проспекта Калинина, и я указывал ему на два красных стяга, висевших прямо над нами.

— Ну-ка, дай-ка я его... — он поднял руку, показывая, что хочет дотянуться до флага.

Я подставил коленку с ладонями, он встал, опираясь одной рукой о желтую штукатурку стены, и долго, так, что я уже готов был скинуть его с отдавленной ладони, крутя, выворачивая древко, все-таки в последний момент соскочил со знаменем в руках

Мы посмотрели друг на друга протрезвевшими испуганными глазами. Мы стояли, как на сцене, на самом виду. Рядом, в двухстах шагах, — Кутафья башня, — вон он, Кремль, всеподавляющая страшная силища смотрела на двух раскуралесившихся муравьев. Но уже через секунду я увидел в глазах приятеля искорку задорного отчаяния.

— А гори ты все огнем, — выразил наше общее чувство Артем.

Мы схватили полотнище и в четыре руки два раза разодрали весьма жиденькую ткань.

— «Так лучше, чем от водки и от простуд», — напел я Высоцкого, поставив ногу на древко и с треском сломав его пополам.

Потом много раз, много лет еще вспоминал я этот эпизод своей жизни, и всегда это жуткое воспоминание вгоняло меня в трепет. И каждый раз я не мог понять, каким образом мы остались целы и, бросив перемолоченные останки советского символа, обычным шагом, не задержанные ни сознательными советскими гражданами, ни многочисленными тамошними «топтунами», дошли до подземного перехода, спустились в метро и укатили от стопроцентного лагерного срока. Судьба, плюнув на все законы теории вероятности, отбрасывая, сметая логику событий, подхватила нас, падающих в пропасть, и отпустила с миром...

С Артемом мы больше не виделись. Меня как раз по возрасту перевели во взрослый зал Ленинки, а узнать, что с ним было дальше, мне так и не выпал случай. И только одно я понимал точно: он не мог, как и я, не отдавать себе отчета в том, что в истории с красным флагом он не поехал по тюремному конвейеру совершенно фантастически случайно, совершенно противоестественным образом судьбу его не переломала об колено советская Родина.

«Майбах» укатил так же степенно, как и прибыл, а я все стоял и не мог понять этот взгляд. То, что Артем не вышел из машины, даже не окликнул приятеля, меня вовсе не задело и было легко объяснимо: столько лет... Люди с годами меняются иногда до полного перевоплощения, и даже десятилетиями дружившие часто, подчиняясь закономерностям природы своего развития, расходятся, — как ветви деревьев растут от ствола в разные стороны... Но

его взгляд? Ему было не так, чтобы неинтересно, а *абсолютно* безразлично то, связанное со мной, что когда-то казалось краеугольным камнем всего устройства окружающей жизни, и то, что могло напрочь искорежить его судьбу.

Почти неделю после этой встречи я ходил словно сам не свой, и время от времени мысли перескакивали назад, к тому эпизоду на заправке, к его взгляду, и я, чтобы понять, искал и искал в памяти что-нибудь похожее... и, кажется, нашел.

— Какой ты у меня хитренький, сущий Пинкертон, — говорила мне в детстве мать, пытаясь изобразить на улыбающемся лице досаду. — Я уж так ловко спрячу конфеты, а ты сразу находишь. В секунду находишь. Как будто тебе кто-то шепчет на ушко: «Вон там, на буфете» или «Вон там, в кувшине». Ты у меня прямо сыщик, Шерлок Холмс.

— Не, мам. Я просто думаю, что я это ты и что ты думаешь, что я думаю, куда ты спрячешь. Так само и получается.

А на втором курсе истфака мне потребовался пистолет. Грубо, издевательски брошенный красавицей Леной Матвеевой, я мучился до боли в затылке и не мог больше терпеть эту беду. Теперь-то я понимаю: то, что со мной произошло тогда, эта на грани помешательства депрессия, чуть не отправившая меня на тот свет, состояло из нескольких слагаемых, а не только из нокаутирующего удара Лены. Это скорее было похоже на топот марширующих солдат, от резонанса которого рушится мост, если они не разобьют шаг. На мое счастье, не хватило пары солдатиков.

Я знал, что у отца где-то в квартире спрятан старый наган «на крайний случай», как он однажды обмолвился, и, немного подумав, прямиком потянулся к тому «Допуски и посадки железобетонных конструкций в крупноблочном строительстве. Часть 2», — и не ошибся: в аккуратно вырезанном в толще страниц ложе плотно покоился жестокий металлический предмет.

Я долго потом сидел в кресле с наганом в руке, примерял его в висок и в рот и с безразличием ко всему остальному в мире прислушивался к своей боли. И только грамма какой-то кислоты в мозгах, еще одного случайно забредшего в голову горького воспоминания, слабого удара в ту же страдающую точку не хватило, чтобы я нажал тогда на крючок...

Через пятнадцать, кажется, лет, как раз перед второй своей свадьбой, я случайно увидел ее, Лену Матвееву, в метро, сидящей в десяти

метрах наискосок напротив. Набирающая импозантность красивая (конечно, не так беспредельно, как мне виделось в институте) молодая женщина... Я смотрел на нее и удивлялся. Я не мог понять, почему этот человек и всё, что с ним было связано, мне совершенно, ну *абсолютно* безразлично. И я отвернулся от нее, как уводят глаза от зимнего тусклого московского солнца, отворачиваются потому, что просто неинтересно смотреть на этот круг пустоты.

«И ничто души не потревожит...» — иронически улыбаясь, прочитал я про себя Есенина, выходя из вагона. Мне было грустно. Я понял, что большие, важнейшие части нашей жизни способны не просто умирать и превращаться в прах, а, еще печальнее, испаряться полностью, как разлитый эфир, не оставляя после себя совсем ничего.

Это и пришло мне в голову, когда я вспоминал случайную встречу на бензоколонке и пытался понять безразличный взгляд, в котором на мгновение мелькнуло воспоминание и о Савинкове в юношеском зале, и о Мандельштаме на промокашке, и о разорванном советском флаге...

Андрей ПИОНТКОВСКИЙ

ОСТРОВ СИБИРЬ

Я могу вам сказать откровенно, что, может быть, не всем даже нравится такого рода стратегическое взаимодействие, которое существует между нашими странами. Но мы понимаем, что это взаимодействие в интересах наших народов, и мы будем его всячески укреплять, нравится это кому-то или нет!

Дмитрий Медведев

Остров Сибирь I[1]

Год назад я опубликовал в Гранях.ру и в «Континенте» статью (как неосторожно пообещал, последнюю) на тему, которую я считаю важнейшей для безопасности нашей страны, а точнее просто для ее выживания в существующих границах.

Я действительно не писал с тех пор о российско-китайских отношениях. Зато о них много и очень аргументировано (об экономических и военных аспектах соответственно) высказывались и в своих публичных выступлениях и в печати член-корреспондент РАН Алексей Яблоков и заместитель директора Института политического и военного анализа Александр Храмчихин.

---

[1] Нижеследующие четыре части очерка «Остров Сибирь» (Остров Сибирь I, II, III, IV) первоначально появились на портале «Грани.ру». Даты их появления указаны в конце каждой части. – *Ред.*

Андрей ПИОНТКОВСКИЙ — родился в Москве в 1940 г. Окончил Механико-математический факультет МГУ. Кандидат физико-математических наук. Член Американского Математического Общества. Автор более 100 статей и нескольких монографий по теории управления, глобальному моделированию, ядерной стратегии. Ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН. С 1998 г. — в политической журналистике, опубликовал несколько сотен статей в российских и зарубежных СМИ. Член международного ПЭН-клуба. Живет в Москве.

События истекшего года в этой сфере были, по справедливому выражению А. Храмчихина, «эпохальными», и не вернуться к этой теме просто невозможно, несмотря на данное мною обещание.

Последний год «нулевых» кардинально ускорил динамику наметившихся процессов, сфокусировав все тревожные тенденции прошедшего десятилетия и определив повестку дня следующего. Для погружения событий 2009 года и их последствий в необходимый исторический контекст позволю себе предварить их анализ некоторыми выдержками из прошлых своих публикаций — в том числе и в «Континенте».

Десять лет назад

Вообще все российское евразийство исторически вторично, является функцией обиды на Запад и выполняет для российской «элиты» роль не более чем психологической прокладки в критические дни ее отношений с Западом. Все эти мотивы великолепно артикулированы в знаменитой блоковской поэме. Страстное объяснение в любви к Европе при малейшем сомнении во взаимности сменяется угрожающим — «а если нет, нам нечего терять, и нам доступно вероломство... мы обернемся к вам своею азиатской рожей».

При чем тут Китай, Индия, сербские братушки, иракский или северокорейский диктаторы? Все это не более чем сиюминутные поводы, необходимые страдающей маниакально-депрессивным синдромом российской «элите» для выяснения отношений с вечно ненавидимым и вечно любимым Западом. Не к случайному собутыльнику, а к небесам Запада обращен ее классический русский вопрос: «А ты меня уважаешь?» Нет ответа. Не принимают их в настоящие буржуины.

Китайцы, кстати, все это прекрасно понимают и поэтому относятся к российским спорадическим заигрываниям скептически и с неизбежной дозой снисходительного и высокомерного презрения. Можно, конечно, из тактических соображений некоторое время обозначать фальшивые привязанности, но занятие это довольно утомительное.

Китай — это кошка, которая гуляет сама по себе вот уже несколько тысячелетий, самодостаточная держава, никакими комплексами в отличие от российской политической «элиты» не страдающая и ни в каком стратегическом партнерстве с Россией, тем более на антиамериканской основе, не нуждающаяся. Если эти бледнолицые северные варвары, в свое время навязавшие Срединной империи несправедливые договоры, почему-то придают такое значение бумажонкам о стратегическом партнерстве и многополярности, то ради бесперебойных поставок российского сырья и российского оружия можно эти бумажки и подписать.

Но отношения с США, основным экономическим партнером и политическим соперником, для КНР гораздо важнее, чем отношения с Россией. Выстраивая их, Пекин будет руководствоваться чем угодно, но

только не комплексами российских политиков, мечтающих воскликнуть: «Нас с Великим Китаем 1,5 миллиарда человек», — и погрозить сухоньким кулачком Америке из китайского обоза. Но, похоже, не берут и в этот обоз кремлевских газотрейдеров.

Пять лет назад

Конфронтация с Западом и курс на «стратегическое партнерство» и фактическую коалицию с Китаем ведут не только к маргинализации России, но и к подчинению ее стратегическим интересам Китая и к потере контроля над Дальним Востоком и Сибирью — сначала *de facto*, а затем и *de jure*.

«Великим шансом для России» назвал это Александр Дугин, один из наших видных азиопов, влюбленный в эстетику СС нацист, окормляющий своими советами высших сановников государства. С гордостью за отечественную историю заявил он как-то в своем судьбоносном манифесте «Евразия über Alles»: «*В XVI веке Москва приняла эстафету евразийского имперостроительства от татар*». Что же, азиопы Московии старательно пронесли эту эстафету через миры и века. Но если они, как и г-н Дугин, честные и последовательные азиопы и действительно полагают, что Евразия 10 über Alles, то они должны понимать, что эстафету имперостроительства не только принимают, но и передают, что пять веков — это вполне приличный срок и что в XXI веке эту эстафету пора сдавать исторически более перспективному имперостроителю — Срединной Империи, что, видимо, они и собираются сделать.

Священный Азиопский Союз императоров Пу и Ху — это союз кролика и удава. Он неизбежно и очень быстро приведет к полной и окончательной хуизации нашего маленького Пу и нас всех вместе с ним. Мы просто не заметили, как, отчаянно пытаясь собрать хоть каких-нибудь вассалов в «нашем ближнем зарубежье», мы сами уже превращаемся в ближнее зарубежье Китая.

Два года назад

Проблема Тайваня, служившая основным препятствием к американо-китайскому сближению, нашла свое концептуальное решение в умах тайваньской элиты. Как гениально предвидел писавший совсем о другом Василий Аксенов, новое поколение гоминдановцев стало ощущать себя частью «Великого Китая», и необратимый процесс гонконгизации Тайваня уже начался.

Китайские патриоты «Острова Тайвань», очарованные успехами материкового Китая, его растущей ролью в мире, тянутся к своей Большой Родине. Для них гораздо престижнее быть сопричастными к новому взлету Великой Цивилизации, вступившей в цикл «малого процвета-

ния», чем быть просто элитой маленького, комфортного, преуспевающего провинциального государства.

Если бы США готовились к серьезной геополитической конфронтации с Китаем (как можно было полагать в первые годы президентства Буша), то они рассматривали бы Тайвань как свой гигантский непотопляемый авианосец, холили и лелеяли бы сепаратистское правительство Чэнь Шуйбяня, — и тогда совсем другой была бы его политическая судьба. Но тайваньцы видят, что сегодня США относятся к острову скорее как к чемодану без ручки, который неудобно нести и который мешает увлекательной игре с КНР на «Великой шахматной доске», предложенной Збигневом Бжезинским в его знаменитой книге более десяти лет назад.

Такая политика американской администрации во многом и предопределила исход недавних парламентских и президентских выборов, которые привели к власти на Тайване гоминдановских «героев Аксенова» во главе с президентом Ма Инцзю.

Решение тайваньского вопроса не только закладывает необходимую базу для движения к «большой двойке», но и кардинальным образом меняет горизонт китайского военно-стратегического планирования. В этом контексте совершенно иначе воспринимается история с беспрецедентными по масштабу десятидневными учениями двух прилегающих к границам России округов НОАК в сентябре 2006 года, так озадачившими военных экспертов.

Войска Шэньянского военного округа совершили бросок на 1000 километров на территорию Пекинского округа, где провели учебные сражения. Подобный сценарий учений — это подготовка к наступательной войне с Россией и применительно к Тайваню не имеет никакого смысла. Учения такого масштаба проводятся для проверки уже принятых стратегических концепций и оперативных планов.

Кремль, так любящий принимать угрожающую позу альфа-самца по отношению к Грузии и Эстонии и баловаться полетами стратегических бомбардировщиков к границам США и Великобритании, нашел достойный асимметричный ответ на китайский вызов. Китайские войска были приглашены на Урал в рамках учений стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Эта замечательная ШОС была создана нами для «борьбы с однополярным миром» и оказалась идеальным инструментом для поглощения Китаем в среднесрочной перспективе бывших советских республик Средней Азии.

Год назад

Что можно добавить к сказанному тогда сегодня, в начале 2009 года? Только то, что китайцы все меньше утруждают себя необходимостью притворяться и что-либо изображать. Они относятся к заискивающей

перед ними российской клептократии и ее вождям с откровенным презрением и уже выражают это чувство публично.

А как еще они могут к ним относиться, если в Китае подобных членов ЦК (и даже, кажется, одного члена Политбюро) публично расстреливают на стадионах за гораздо меньшие прегрешения.

На разных уровнях нарастает откровенная демонстрация жесткости в отношении России и ее граждан. Выше говорилось уже о показательных военных учениях 2006 года. Все труднее идут экономические переговоры. Для Дальнего Востока России серьезную проблему уже на протяжении многих лет создает китайская организованная преступность, контролируемая и координируемая разведывательными службами КНР.

Наконец, в последние месяцы систематический и организованный характер приобрели избиения российских «челноков» в приграничных китайских городах. Проблема стала настолько острой, что к ней обратилась телепрограмма «Постскриптум», традиционно относившаяся к мифу о «российско-китайской дружбе и стратегическом партнерстве» как к священной идеологической корове.

Китай действует все нахрапистей, и это ясно всем — кроме тех (а это подавляющее большинство российской политической «элиты»), кто сознательно засовывает голову глубже в песок.

2010

«Эпохальность» 2009-го выразилась прежде всего в том, что российскому руководству — военному и политическому — пришлось наконец высунуть голову из песка. Сделало оно это по-разному, но об этом чуть ниже.

Если учения 2006 года озадачили военных экспертов, то еще более масштабные военные учения «Куюаэ — 2009» (крупнейшие за 60-летнюю историю КНР) уже не оставили никаких сомнений: НОАК намеренно демонстрирует свою готовность к крупномасштабной сухопутной наступательной операции на территории России.

На этот раз в учениях, проходивших на территории четырех военных округов, участвовали около 50 тысяч военнослужащих сухопутных сил и ВВС, проверялись новейшие системы вооружений и национальная спутниковая навигационная система. Глубина броска общевойсковых дивизий была увеличена с одной тысячи километров (в 2006-м) до двух тысяч.

Ни в Гималаях, ни в Тайваньском проливе, ни в отражении гипотетической атаки США с воздуха и моря подобный боевой опыт Китайской армии не понадобится. Как мы и предполагали два года назад, горизонт военно-стратегического планирования КНР очевидно сократился на 10 – 15 лет, время, отводившееся ранее на военное решение Тайваньской проблемы. Перед НОАК стоят уже следующие перспективные задачи.

Для российских военачальников прикидываться и дальше шлангами в угоду политическим установкам стало просто невозможным. Красная Шапочка уже не могла не задать себе вопрос, зачем китайская бабушка отрастила себе такие длинные зубы.

23 сентября 2009 года на официальном сайте Министерства обороны РФ[2], размышляя о военных угрозах России на различных стратегических направлениях, начальник Главного Штаба Сухопутных войск генерал-лейтенант Сергей Скоков высказал мысль совершенно очевидную и даже банальную, но абсолютно недопустимую для российского официоза в атмосфере последних полутора десятилетий стратегического братания с Китаем и совместной «борьбы с однополярным миром»:

«...*Если мы говорим о Востоке, то это может быть многомиллионная армия с традиционными подходами к ведению боевых действий: прямолинейно, с большим сосредоточением живой силы и огневых средств на отдельных направлениях*».

Надо полагать, что прежде чем обсуждать подобные перспективы в сети, высшие военачальники детально проинформировали политическое руководство страны о том, что происходит на наших восточных границах.

Наверняка, они хотя бы в общих чертах ознакомили национальных лидеров и с официальными доктринальными установками военных теоретиков КНР о «*жизненном пространстве*», которое, как те полагают, «*используется для обеспечения безопасности, жизнедеятельности и развития страны*» и «*для сильных держав далеко выходит за рамки их государственных границ*». А стратегические границы жизненного пространства «*должны перемещаться по мере роста комплексной мощи государства*».

Кстати, не с этой ли доктрины и списана ученически медведевская внешнеполитическая концепция «зоны привилегированных интересов России»? Так, знаете ли, приятно, «вставая с колен», порассуждать в концептуальном плане, не имея ничего за душой, о территориях своих соседей как о зоне своих привилегированных интересов.

А каково самим почувствовать себя на чьей-то зоне, если этот кто-то, обладающий второй экономикой мира, многомиллионной армией, заточенной на глубокие сухопутные наступательные операции, и серьезным ракетно-ядерным потенциалом, тоже захочет преодолеть крупнейшую геополитическую катастрофу... XIV века — распад Монгольской империи — или для начала хотя бы крупнейшую геополитическую катастрофу второй половины XIX века?

Нет, не прямыми военными действиями, разумеется, а исключительно в духе стратагем Сун Цзы: «*Эффективный контроль, осуществляемый в течение продолжительного времени над стратегическим районом, кото-*

---

[2] www.mil.ru/848/1045/1272/sv/19244/inde[.shtml2id=67201

рый находится за пределами географических границ, в конечном итоге приведет к переносу географических границ»[3].

Как справедливо предупреждало Министерство регионального развития РФ (и об этом тоже, видимо, было доложено высшему политическому руководству) в подготовленном им проекте «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области на период до 2025 года», главной «угрозой» и «вызовом» региону является *«опасность превращения этой территории только в источник энергоносителей и сырья для стран АТР»*[4].

И обладая таким знанием, в котором столько печали, какие же исторические решения принимает высшее российское политическое руководство во второй половине 2009 года?

Эпохальные. Игнорируя все предупреждения экспертов, оно само реализует «угрозы» и «вызовы» российскому суверенитету, действительно превращая территорию Дальнего Востока и Восточной Сибири только в источник энергоносителей и сырья, но не «для стран АТР», а для одной из стран АТР. Той самой, которая почему-то с настойчивой регулярностью убедительно демонстрирует нам свои потенциальные возможности по использованию военной мощи на территории России.

В ответ на эту демонстрацию российское руководство капитулировало на экономических переговорах и пошло на те соглашения, которых китайская сторона домогалась от нас в течение многих лет.

Сначала глава КНР Ху Цзиньтао и президент Дмитрий Медведев торжественно подписали в Кремле сделку века (по медведевскому выражению) — контракт на двадцать лет на поставку Россией Китаю 300 млн тонн нефти общей ценой 100 млрд долларов (меньше 50 долларов за баррель). Учитывая, что еще придется построить нефтепровод с заявленной стоимостью 29 млрд долларов, реальная цена для России будет значительно меньше и явно убыточной. Однако первый вице-премьер Игорь Сечин поспешил публично объявить ее «справедливой». Впрочем, лично для г-на Сечина и других августейших нефтетрейдеров, скрывающихся за фигурой какого-нибудь скромного вьетнамского посредника с бутанским паспортом Тим Чен Хо, цена эта может оказаться даже очень справедливой. Так или иначе был сделан первый важный шаг к превращению Российской Федерации в сырьевой придаток Срединной Империи.

Но наш младшенький президент, привыкший за годы своей непорочной службы в комитете по внешним сношениям питерской мэрии и «Газпроме», если делать, то по-большому, не мог естественно на этом ос-

---

[3] Цзефанцзиньбао 10.3.1988, цитата по А. Храмчихину, 2009 год.

[4] http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/DV_str0905.doc?AttachID=

тановиться и подписал с тем же Ху 23 сентября 2009 года (случайное, но весьма символическое совпадение с датой заявления генерала С. Скокова!) в городе Нью-Йорке еще одно эпохальное соглашение — «Программу сотрудничества на 2009 – 2018 годы между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и северо-востока КНР», включившую более 200 совместных проектов.

По этой программе Россия отдает в совместную разработку природные месторождения полезных ископаемых, из которых в Китае будет налажено производство железа, меди, молибдена, золота, сурьмы, титана, ванадия, серебра, германия, олова и т. п. Китай готов строить перерабатывающие производства и на российской территории, если на них будут работать китайские рабочие. Примерно по такой же схеме Китай заключил в последние годы целый ряд соглашений с африканскими диктаторами. Правда, в Африке соглашениями предусматривалось создание гораздо большего числа рабочих мест для туземцев.

Та же программа предполагает расширение пограничных пропускных пунктов и «*укрепление российско-китайского сотрудничества в сфере трудовой деятельности*». Сразу же после ее подписания в Китае была создана госкомпания для инвестиций в сельскохозяйственное производство, предполагающее аренду/скупку земли в России.

Собственно, Китай получил все, что ему сегодня необходимо, — лицензию на переваривание в течение «*продолжительного времени*» (9 лет) «*стратегического района, который находится за пределами географических границ*», плюс стабильные поставки энергоресурсов из страны, которую он будут переваривать. За повторной лицензией он уже не придет. Как справедливо подчеркивают его теоретики, «*эффективный контроль в течение длительного времени в конечном итоге приведет к переносу географических границ*». Отныне игра будет вестись исключительно по китайским правилам.

Эта вторая подряд блистательная стратегическая победа, одержанная в классических традициях китайского военного искусства без обнажения меча, без единого выстрела, если не считать огневые средства, задействованные во время учений. Беспрецедентный по своему масштабу и энергетике торжественный военный парад на площади Тяньанмэнь в Пекине 1 октября 2009 года, посвященный 60-летию КНР, стал по сути парадом Победы, одержанной как на Юге, так и на Севере.

Секрет успеха по-китайски — понять психологию Другого, подчинить его волю, использовать в своих интересах его комплексы, его идеологемы, его благородство или его низость.

В первом случае опереться на патриотический романтизм тайваньских гоминдановцев, их стремление стать частью Великой Родины.

Во втором — на абсолютный цинизм и безответственность кремлевской клептократии — этой последней генерации советской коммунистической номенклатуры, финального продукта ее вырождения.

Полная Ху-изация наших маленьких Пу-Ме и нас всех вместе с ними, о неизбежности которой мы предупреждали еще пять лет назад, свершилась. И она действительно идеально укладывается в логику поведения российской «элиты» в течение последних двадцати с лишним лет. Хорошо напомнил об этом недавно в своей статье, посвященной памяти Егора Гайдара, коллега Л. Радзиховский:

«*СБРАСЫВАНИЕ БАЛЛАСТА — вот что такое были все реформы, все усилия. Сбрасывание — ненужных "союзных республик" ("среднеазиатское подбрюшье"), тяжелой социальной сферы, бездарной "советской промышленности", неподъемной науки и культуры — наследия Империи... Итог? Редукция всей страны к нефтегазовому Хребту — и его административной проекции, Вертикали.*

Теперь уж вроде все, что могли, сбросили, — а шар все не поднимается...»

Не правда ли, как органично вписывается и даже напрашивается в этот семантический ряд, в этот вектор перманентной редукции и Восточная Сибирь с Дальним Востоком? Чтобы сохранить позиции России в этом регионе перед лицом очевидного экзистенциального вызова, населению страны необходимо осознать себя народом, а бескорыстной и подвижнической власти предложить ему общенациональные ориентиры и задачи. Способна ли на это российская клептократия — все эти, по их собственному меткому определению, «*продажные чиновники и ничего не предпринимающие предприниматели*», второй и третий эшелоны бывшей партийной и гэбистской номенклатуры?

Эти люди ради своего личного обогащения уже «слили» одно государство, которому они присягали, — Советский Союз — и создали уродливую мутант-экономику, позволяющую им непрерывно становиться еще богаче. Для чего? Для того, чтобы собирать и в угаре тратить свои сокровища на том же Западе, который они всегда ненавидели и который они ненавидят сегодня еще гораздо больше за свое историческое поражение, за уязвимость своих авуаров, за свое ничтожество.

Слив теперь Восточную Сибирь и Дальний Восток в «Программу сотрудничества на 2009 – 2018 годы» в зону жизненного пространства Китая, они отстранились от ответственности за судьбу региона, чтобы продолжать безмятежно вставать с колен, чирикать в жидком г. о модернизации, «щелкать по носу» то Грузию, то Эстонию и распиливать миллиарды китайских долларов.

«*Получается, что без какого-либо открытого обсуждения Кремлем предрешается судьба Дальнего Востока России. Нужно каким-то образом срочно остановить это опасное и унизительное для России "сотрудничество"*», — справедливо призывает Алексей Яблоков.

Срочно остановить вряд ли получится. Как заметил томский автор А. Лукьянов, одной из причин «эпохальных решений», принятых в Кремле, «*могло быть желание нынешнего российского руководства получить дополнительные гарантии устойчивости своей власти. Китайские*

лидеры должны прекрасно понимать, что в случае смены власти в России любое правительство, которое придет на смену нынешнему, будь оно либеральным, коммунистическим, националистическим, красным, белым, зеленым или серо-буро-малиновым в крапинку, немедленно поставит вопрос о пересмотре условий "сотрудничества", столь выгодного для Китая, но прямо противоречащего национальным интересам России. Таким образом, ***Китай становится субъектом, непосредственно заинтересованным в том, чтобы власть в России и далее оставалась в руках группы физических лиц, столь великодушно уступивших ему ресурсы Сибири и Дальнего Востока****».*

Группа физических лиц одной крови, о которых идет речь, недавно публично бахвалилась, как в 2011 году они сядут рядышком на скамеечке и решат между собой, как им нами править еще 24 года. Да двадцать четыре года их даже китайцы терпеть не станут. На такой срок у них просто территорий и людишек не хватит для слива (редукции).

Есть тысяча причин, по которым антинациональный, насквозь коррумпированный, ничтожный и пошлый, оскорбительный для достоинства России и русских режим Пу-Ме должен уйти. Но достаточно только первой. Этот режим — **ликвидационная комиссия России**.

Я не знаю, как именно он уйдет. Но он обязательно уйдет. Выбирая между ним и Россией, Провидение предпочтет Россию.

11.01.2010

Остров Сибирь II

> Имел я полчаса тому разговор с Чжоу Шень-Мином. Друг мой, властелин Поднебесной, обеспокоен положением китайцев в Западной Сибири. Учитывая, что китайцев в Западной Сибири 28 миллионов, я хорошо понимаю озабоченность моего друга Чжоу Шень-Мина.
>
> *Владимир Сорокин, «День опричника»*

Чтение бригадных постов в комментах небесполезное занятие. За их незатейливым блеянием легко прочитываются последние установочные методички. А методичка — это не только пропагандистская установка для своих. Она всегда невольно выдает какие-то сокрытые решения и планы власти, которые ее политтехнологическая обслуга считает необходимым как-то камуфлировать и облагораживать.

Вот, например, центральный тезис, на который я раз за разом в различных вариациях наталкивался на форумах, обсуждавших «Остров Сибирь I»:

«Экспансия Китая на Дальний Восток и в Сибирь неизбежно продолжится. Это надо принять как данность, единственное, что можно и должно сделать в сложившейся ситуации, — направить этот процесс в цивилизованное русло, без варварства и эксцессов, без открытого противостояния максимально выгодным для России способом, чем, по-моему, и занимается Путин, возможно, и не без ошибок».

Принять как данность, избежать противостояния, расслабиться и получить для России в этой непростой ситуации максимальное удовольствие... Что же, довольно грамотно изложенная позиция, которая прекрасно объясняет и оправдывает все, что происходит на наших глазах в российско-китайских отношениях.

Сегодня она спускается пропагандистскому активу в установочных методичках для служебного пользования, года через два-три открыто прозвучит в Послании Федеральному собранию, а еще лет через десять-двенадцать наш бессменный и бессмертный национальный лидер цивилизованно обсудит без варварства и эксцессов со своим другом Чжоу Шень-Мином положение китайцев в Западной Сибири.

Судя по поведению российских властей и аргументации их шестерок в интернет-дискуссиях, эта позиция мудрого смирения перед неизбежностью китайской экспансии принята ими как стратегическая.

Смирилось ли с ней по умолчанию и общество в целом? Мы этого не знаем. Но очевидно одно — общество заслуживает открытой дискуссии по этому экзистенциальному для российской государственности вопросу. А существует ли вообще альтернатива стратегии мудрого смирения? Какие меры политического, экономического, военного, внешнеполитического характера должно принять в ближайшее десятилетие российское руководство, чтобы удержать в полной мере позиции России на Дальнем Востоке?

Прежде чем обсуждать эту проблему в целом, хотелось бы уточнить один важный аспект при сравнении военных потенциалов РФ и КНР.

Достаточно распространенной точкой зрения (она повторялась неоднократно и при обсуждении «Острова Сибирь») является убеждение в том, что ядерный потенциал России полностью нивелирует возможное превосходство КНР в обычных вооружениях. Казалось бы, что это подтверждается пунктом 8 военной доктрины Российской Федерации еще 2000 года (который почти дословно был повторен и в только что утвержденной новой версии доктрины):

«Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также ***в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства****».*

Это недвусмысленная декларация готовности России первой применить ядерное оружие в случае нападения противника, превосходящего

ее на конвенциональном уровне. Именно так следует понимать слова ***«когда под угрозу поставлено само существование государства»***.

Придется, однако, повторить то, что еще почти 10 лет назад мы отмечали в совместной статье с профессором В. Н. Цыгичко, обсуждая новоиспеченную военную доктрину на страницах журнала Министерства обороны[5].

Безусловно, наше ядерное превосходство будет учитываться Китаем при принятии ответственных решений, но оно, к сожалению, не является радикальным средством сдерживания.

Реальность такова, что сегодня порог «неприемлемого ущерба» для Китая несравненно выше, чем для развитых постиндустриальных стран и России. Этот трудно формализуемый параметр является производным не от характеристик систем оружия, а от цивилизационного типа общества, от ценности человеческой жизни в той или иной культуре. Китай может пойти на громадные человеческие потери ради достижения важных для него политических целей. Пример тому — китайско-вьетнамский конфликт 1979 года, когда отрабатывалась тактика «живой волны» и потери наступающих измерялись тысячами солдат каждый день.

А так как ядерная стратегия — это больше чем наполовину психология, то преимущество в этом психологическом поединке может оказаться не у той стороны, которая обладает более совершенным ядерным арсеналом, а у той, чья культура более терпима к масштабным человеческим потерям.

Если в этом ракурсе взглянуть на потенциальный российско-китайский конфликт, то придется отказаться от иллюзорного представления о том, что угроза использования тактического ядерного оружия всегда способна сдерживать превосходящие конвенциональные силы противника. Бóльшая готовность к жертвам позволит китайской стороне повысить ставки в этом ядерном покере, ответив на угрозу применения тактического ядерного оружия на поле боя угрозой эскалации ядерного конфликта, например, до уровня обмена ударами ракет средней дальности по городам региона. (Кстати, благодаря соглашению, заключенному около 20 лет назад с США, у нас были ликвидированы РСД.)

Важно ясно представлять себе, что если при каких-либо обстоятельствах Китай окажется нашим военным противником, то это может оказаться противник, впервые в нашей военной истории превосходящий нас на всех уровнях эскалации потенциального конфликта. Особенно если в угоду политическим амбициям высших руководителей двух стран будет заключен бессмысленный для США и ущербный для безопасности России новый договор о сокращении СНВ.

Итак, на наших восточных рубежах мы имеем следующую диспозицию. С одной стороны, депрессивный регион с убывающим населением

---

[5] «Военная мысль», 2001, № 2.

и деградирующей экономикой, все более зависимый в своем жизнеобеспечении от южного соседа. С другой стороны, демографический гигант с бурно растущей второй экономикой мира, самая большая в мире сухопутная армия, регулярно проводящая учения, демонстративно имитирующие боевые действия на территории России. В ядерной сфере патовая ситуация взаимно гарантированного уничтожения.

Внешний контекст: глубокая экономическая взаимосвязь Китая и США, растущий в американской элите синдром имперской усталости и готовность значительной ее части принять предложенную З. Бзжезинским еще 15 лет тому назад модель китайско-американского кондоминиума — большой двойки, что означает автоматическое признание Сибири и Дальнего Востока зоной привилегированных интересов Китая.

В свете всех этих факторов стратегия направления в «цивилизованное русло» китайской экспансии, очевидно, молчаливо принятая путинским режимом, может действительно показаться единственно возможной. Только при этом нужно ясно понимать. что это стратегия ликвидации российского государства в среднесрочной перспективе. И прежде чем с ней смириться, общество имеет право хотя бы обсудить, существует ли возможность активно противостоять этой экспансии. Чем мы и займемся в заключительной части данной публикации.

08.02.2010

Остров Сибирь III

Так что же нужно сделать, чтобы удержать Дальний Восток и Сибирь, если это вообще возможно? Прежде всего мы должны перестать притворяться и обманывать самих себя. Элементарная трусость, неготовность взглянуть слишком пугающей правде в глаза вот уже полтора десятилетия порождает «евразийские» глюки и фантазмы русско-китайского братства навек: от замшелых примаковских стратегических треугольников до свеженькой карагановской фенечки о новой эпохе противостояния двух конкурирующих моделей капитализма — нашей с китайскими товарищами передовой авторитарной и ихней отсталой демократической.

Мы обожаем «щелкать по носу» своих соседей и западных «партнеров», научившись произносить это слово со скрежетом зубовным, лавровским рыком и путинскими желвачками. Но все эти так ярко выраженные замечательные вторичные половые признаки куда-то исчезают, когда наши александры невские едут в Пекин подписывать очередные кабальные соглашения. Эти стеснительные красные шапочки даже не отваживаются спросить у китайской бабушки, зачем у нее отросли такие большие зубы, оскаленные ею во всем своем блеске на учениях 2006-го и 2009 годов.

Но гораздо важнее спросить самих себя, собираемся ли мы оставаться на этих территориях. Если да, то потребуется не просто пресловутая политическая воля руководства, а пассионарная энергия нации, если таковая еще может быть мобилизована. Если мы хотим там остаться, то должны там физически присутствовать. Никто не сохранит эту территорию для нас без нас.

Немало молодых энергичных образованных людей должны будут туда переселиться не для того, чтобы валить там тайгу, а чтобы создавать новую экономику XXI века, современную инфраструктуру, университеты, инновационные центры, силиконовую долину на тихоокеанском побережье. Пока же люди такого плана предпочитают мигрировать в противоположном направлении.

Чтобы показать миру и самим себе серьезность наших намерений перед лицом экзистенциального вызова (заметим, не столько Китая, сколько собственной атрофии), желательно было бы перенести столицу России на Восток. Для любой страны перенос столицы — редчайший случай, ответ на какой-то очень серьезный геополитический вызов. Если бы в свое время Петр не перенес столицу на Запад, Россия не стала бы великой европейской державой. Сегодня мы можем потерять шанс остаться в клубе тихоокеанских держав — несомненных лидеров XXI века. Это не новая идея. О переносе столицы на Восток говорили на протяжении последних десятилетий известные российские ученые и писатели.

Разумеется, обитатели Рублевки и Ново-Огарева на Дальний Восток не поедут. Но разве перед Россией не стоит, независимо от ее дальневосточных проблем, настоятельная задача смены полностью дискредитированного в глазах общества политического класса, сформировавшегося за последние 20 лет?

Если говорить о традиционных сырьевых отраслях, то соглашения 2009 года об освоении Дальнего Востока и Восточной Сибири должны быть расторгнуты. (Справедливо потребовал этого недавно прошедший съезд партии «Яблоко» по инициативе всех своих восточных региональных отделений.) Китай может и должен быть нашим партнером в освоении этого региона. Но ни в коем случае — эксклюзивным партнером. В области международного сотрудничества максимальное благоприятствование должно быть оказано японским, южнокорейским, европейским, американским компаниям.

Наши военные впервые публично заявили, что на восточном направлении им может противостоять «*многомиллионная армия с традиционными подходами к ведению боевых действий: прямолинейно, с большим сосредоточением живой силы и огневых средств на отдельных направлениях*».

Такая оценка определяет задачи нашего военного строительства на Дальнем Востоке. Для предотвращения наихудшего сценария там должна быть развернута группировка, способная сдерживать в течение оп-

ределенного времени потенциальное наступление намного превосходящей ее армии, как Финляндия сдерживала наступление СССР в зимней войне 39 – 40 годов. Предотвратить блицкриг, который поставил бы мир перед свершившимся фактом[6].

Что касается ядерных стратегических сил, то пока еще значительное численное превосходство РФ над КНР в этой сфере должно как минимум не сокращаться. Странное впечатление оставляет радостный энтузиазм, с которым российский министр иностранных дел объявил недавно о предстоящих *«радикальных, небывалых сокращениях стратегических наступательных вооружений»*. Мы ни в коем случае не должны, задрав штаны, бежать за обамовским комсомолом под знаменем «ядерного нуля». Напротив, нам необходимо выйти из соглашения о ликвидации РСД, и нет никакой необходимости связывать себя новыми юридически обязательными сокращениями СНВ. Если, конечно, хотим сохранить хоть какие-то военные козыри в отношении Китая. Господин министр явно не в теме или, наоборот, слишком хорошо информирован.

Официальная пропаганда вполголоса доверительно объясняет, что новый договор по СНВ нам выгоден, потому что мы не можем поддерживать сегодняшний уровень ракетно-ядерного потенциала и все равно будем вынуждены его сокращать. Что значит — не можем? А если это нужно для безопасности страны? Может быть, все-таки ужмемся на яхтах абрамовичей, самолетах сечиных, резиденциях путиных и медведевых, кредитах дерипаскам? Ах, дело оказывается не в деньгах, а в том, что нет уже в ВПК квалифицированного персонала. Все ушли в частные охранники или, как мечтал великий пролетарский поэт, в баре блядям подавать ананасную воду. Ну, давайте тогда закроем лавочку и распустим страну.

Если все-таки сохранение России как тихоокеанского государства становится главной геополитической национальной задачей на ближайшие десятилетия, то ей должна быть приоритетно подчинена и вся внешняя политика страны. Она, как и многие другие сферы государственного управления, должна строиться на новых и очень простых прагматичных основаниях, а не на маниакально-депрессивных комплексах ностальгирующей «элиты».

Союзником России является тот, кто не из-за абстрактных симпатий к нам, а в силу своих коренных национальных интересов заинтересован в укреплении позиций России на Тихом океане. И таких союзников должно быть как можно больше.

Потому что очень по-разному будет вести себя в отношениях с Россией глубоко интегрированный в глобальную экономику Китай в зависимости от того, как остальной мир будет воспринимать перспективу поглощения им России — с равнодушием или как серьезную угрозу себе.

---

[6] См.: *Храмчихин А.* Как Китай раздавит Россию. — РИА Регион 27. 11.12.2009.

В этой новой системе координат первым и безоговорочным нашим союзником является Япония. Поглощение Китаем Дальнего Востока и Сибири будет для нее геополитической катастрофой. То же самое можно сказать и о Южной Корее. Оба эти государства охотно примут участие в программе возрождения российского Дальнего Востока, так же как и Индия. Для Европы эта проблема не является столь острой, как для стран дальневосточного региона, но, безусловно, ее не вдохновляет перспектива граничить с Великим Китаем по Уралу.

Но ключевой для нас является позиция США — глобальной супердержавы и основного экономического партнера Китая. Как уже отмечалось выше, в последние годы в американском истеблишменте набирала вызывающая буйное торжество наших профессиональных «патриотов», но на самом деле крайне неблагоприятная для России тенденция усталости от глобальной ответственности и готовности разделить ее в рамках «большой двойки». Это плохая новость

Хорошая новость заключается в том, что эта тенденция, ставшая в том числе и реакцией на ряд ошибок администрации Буша, достигла своего апогея протестным избранием Обамы, а на исходе его первого года в Белом Доме маятник в американской политической элите и обществе, похоже, качнулся в обратную сторону. Так уже происходило в недавней американской истории после беспомощного президентства Картера. Следующим американским президентом будет республиканец.

Этот новый Рейган ни в коем случае не объявит Китай «империей зла» и вообще не будет иметь ничего против Китая как великой цивилизации в ее сегодняшних границах. Китай останется важнейшим экономическим партнером США. Но США попытаются обозначить пределы китайской глобальной экспансии. Мы должны уже сегодня работать с будущей администрацией, чтобы не только для нас, но и для США этой красной линией стала прежде всего российско-китайская граница.

Еще десять лет назад видный американский политолог Т. Грэм предупреждал: «*Догматическое применение радикальных рыночных реформ может привести к потере Россией ее дальневосточного региона. Одна вещь совершенно очевидна — стабильность в Тихоокеанском регионе окажется под угрозой, если присутствие России в Азии будет и далее ослабевать. Долгосрочные стратегические интересы США, да и большинства азиатских государств заключаются в присутствии сильной, экономически процветающей России в Восточной Азии. А если это так, то почему бы нашим двум странам, исходя из наших очевидных общих интересов, не подумать вместе над тем, как России воссоздать свою экономику на Дальнем Востоке таким образом, чтобы укрепить свой суверенитет в этом регионе*».

Нам намного легче будет отстаивать наши позиции на Дальнем Востоке, если их вместе с нами будет укреплять Большой Северный Альянс России, США, Европы, Японии — North Pacific Treaty Organization. Создание такого альянса и должно быть центральной задачей новой

российской внешней политики. Но ядром его может стать только сама Россия, твердо готовая отстаивать свой статус тихоокеанской державы. Еще раз подчеркну, что речь не идет о сколачивании какого-то антикитайского союза. Нет ничего антикитайского в защите суверенитета и территориальной целостности России, как это мнится совсем уже свихнувшимся «евразийцам».

Идея Северного Альянса в той или иной форме высказывается в последнее время наиболее прагматичными и лишенными идеологических стереотипов российскими политиками. Достаточно вспомнить недавние публикации таких очень разных людей, как Гарри Каспаров и Дмитрий Рагозин.

«*Безоглядная ориентация России на Восток, на мой взгляд, неизбежно приведет нашу страну к утрате геополитической субъектности. Ее самостоятельная роль сойдет на нет, и, скорее всего, она превратится в сырьевой придаток активного восточного соседа. Китай — очень сильный игрок, постоянно ведущий экономическую экспансию. Неуклонно расширяя пределы своего влияния, он уже фактически установил свою гегемонию почти на всем азиатском пространстве. Возможно, некоторые националисты, веря в божественное предназначение России, скажут: "А нам никто не нужен — сами справимся". Полагаю, что в результате обсуждения все эти утопические теории будут отвергнуты. Я не сомневаюсь, что в конце концов и националисты, и левые выберут вектор европейской интеграции*»[7].

«*Нам просто надо включить мозги и притупить память, терзаемую прошлыми обидами, чтобы понять, что только вместе США, Европейский Союз и Россия способны спасти северную цивилизацию от политического разложения и цивилизационной гибели под натиском "новых южных культур", если так можно выразиться. В сегодняшнем жестоком и хрупком мире действительно существуют влиятельные силы, которые ставят под сомнение наше право на жизнь. И для них мы — русские, американцы, европейцы — все на одно лицо*»[8].

* * *

Итак, для того, чтобы удержать позиции России на Дальнем Востоке и в Сибири, надо сделать совсем немного: отстранить от власти антинациональный режим пожизненной клептократии, обновить и омолодить политический класс России, создать новую экономику XXI века, фундаментально изменить оборонную и внешнюю политику.

Способна ли на это Русь-тройка, которая давно уже никуда не мчится?

Не дает ответа.

11.02.2010

---

[7] ej.ru 15.12.09.

[8] gazeta.ru 15.12.09.

Остров Сибирь IV

Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Конечно, это совпадение, но не прошло и недели после публикации «Острова Сибирь III», как некоторые из наших рекомендаций (оговоримся сразу, наиболее очевидные и простые) начинают реализовываться.

Как сообщил «Интерфакс» со ссылкой на военно-дипломатический источник в Москве, Россия и США могут прекратить действие двустороннего договора об уничтожении ракет средней и малой дальности.

Источник отметил, что сохранение двустороннего договора в условиях, когда многие страны развивают и наращивают этот вид вооружений, становится нецелесообразным.

Не будем уточнять, какие именно «многие страны» имеются в виду.

В нашей аналитической литературе сложилась странная традиция своеобразной политической корректности — избегать сравнительного анализа функциональных возможностей российских и китайских вооруженных сил. В течение десятилетий предметом сравнения были только военные потенциалы нашей страны и Запада — в рамках сценариев потенциально возможных конфликтов между Россией и НАТО во главе с США.

Такой теоретический анализ — не «чушь собачья», как полагает один модный внешнеполитический пропагандист, а необходимый инструмент в исследовании международных отношений. Фактор военной силы всегда незримо присутствует в отношениях между государствами, даже если в текущий момент они корректны и дружелюбны.

В китайской традиции высшей формой военного искусства считается достижение стратегических задач без обнажения меча, без применения реально существующей военной силы. Именно так, — используя весь арсенал средств политического и психологического воздействия, без обнажения меча, но при его весомом наличии, — были решены Пекином в самое последнее время две важные стратегические задачи: соблазнение тайваньских гоминдановцев идеей Великого Китая и принуждение кремлевской клептократии к сливу Восточной Сибири и Дальнего Востока в «Программу сотрудничества на 2009 – 2018 годы», в зону жизненного пространства Китая.

Если же вернуться к собственно военному потенциалу Китая, то действительно «чушью собачьей» является дилетантское утверждение уже упомянутого выше автора о том, что «*китайские вооруженные силы пока все еще находятся на достаточно отсталом уровне*». Открывает ли когда-нибудь редактор гламурного журнала «Россия в глобальной политике» авторитетное в профессиональных кругах «Независимое военное обозрение»? Приведу специально для него и ему подобных дайджест-справку из многочисленных недавних публикаций «НВО»:

«*Китайская народно-освободительная армия на сегодняшний день самая многочисленная в мире — ее личный состав насчитывает 2,3 млн во-*

еннослужащих. Это в два раза больше, чем в Российской армии. Только в сухопутных войсках служат 1,6 млн военнослужащих. В военное время в распоряжение министерства обороны Китая также переходят полицейские формирования численностью около 660 тыс. человек, которые должны оказывать поддержку войскам, выполняя различные вспомогательные задачи. Боеготовый резерв китайской армии — 36,5 млн человек, состоящих на службе в запасе в системе народного ополчения.

Парк китайской авиации насчитывает около 2 тыс. боевых самолетов, что, по оценкам экспертов, делает ВВС НОАК крупнейшими в Азиатском регионе и третьими в мире после США и России силами. При этом средний налет китайских пилотов на современных истребителях составляет порядка 200 часов в год. Это в несколько раз больше, чем в ВВС России.

Россия на протяжении десятка лет активно вооружает Китай. Сегодня Москва поставляет НОАК образцы современного вооружения и техники, которых в Российской армии нет или они имеются в ограниченном количестве. За последние 15 лет Пекин получил новейшие российские самолеты, закупил корабли и средства противовоздушной обороны. Бóльшая часть оружия и боевой техники для армии производится на территории Китая по лицензиям или нелегально. Сейчас китайская армия в технологическом отношении — это гибрид продвинутых российских и западных технологий. Вооружение, броневая защита и техника — наши, высокотехнологичное оснащение — средства связи, спутниковые, радиолокационные системы — позаимствовано на Западе».

Хорошо знакомый по долгу службы с этими фактами несколько более квалифицированный, нежели господин Ф. Лукьянов, эксперт — начальник Главного Штаба Сухопутных войск генерал-лейтенант Сергей Скоков, анализируя военные угрозы России на различных стратегических направлениях, отметил: «*Если мы говорим о Востоке, то это может быть многомиллионная армия с традиционными подходами к ведению боевых действий: прямолинейно, с большим сосредоточением живой силы и огневых средств на отдельных направлениях*».

Свой взгляд на будущее российско-китайских отношений есть, разумеется, и у отечественных китаистов. Весьма характерно для их образа мышления интервью, данное одним из наших ведущих специалистов по Китаю А. Девятовым. По любопытному совпадению, оно было опубликовано в издании «Газета» 11 января — в тот же день, как и «Остров Сибирь». Охотно приведу несколько цитат, так как для меня очень лестно было обнаружить, что столь уважаемый эксперт разделяет многие мои оценки текущего положения вещей.

«*Китайцы решали задачи своего величия последовательно. Для них главным было возвращение Тайваня в лоно родины. И эту задачу они решили. Американцы вынужденно бросили этот фронт, китайцы битву за Тайвань выиграли. Де-факто Тайвань вернулся. Де-юре это займет еще какое-то время — до 2019 года это произойдет*».

«Нерчинский договор проводит границу по Становому хребту. В сознании китайцев все, что к югу от него: БАМ, Удокан, Чара и их природные богатства от нефти и газа до руд и леса, — все это пребывает в стратегических границах китайских интересов. Стратегия Китая предполагает, что эти ресурсы следует считать надежным ресурсом китайской фабрики XXI века. Но так, чтобы избежать положения, при котором сегодня Россия хочет поставлять, а завтра не захочет... В период глобализации географические границы становятся почти ничем, но возникает такое понятие, как стратегические границы. Стратегия — это захват будущего. У Китая она есть. У него вершиной военного искусства является решение стратегических задач без применения военной силы. Поэтому китайская стратегия — это отдаление противника в объятия дружбы, без применения силы, в мирное время».

«Военно-техническое сотрудничество с Россией свертывается. Что хотели, они уже получили: космическую программу, пилотируемый корабль за $80 млн при стоимости по меньшей мере $80 млрд. После этого они запустили еще трех космонавтов, китайцы уже собрались на Луну. Все это — советские технологии, отданные за гроши».

«У китайцев есть патриотическая, сплоченная, работающая только среди своих невидимая мафия, называется "триады". Она является силовым прикрытием китайского проникновения. И в России она тоже работает. Руководят этой мафией компетентные органы власти — так было всегда».

«...Женятся на русских. Посмотрите на Дальний Восток. Там это уже происходит. Китаец не пьет, не курит, работает, любит семью, несет деньги в дом. А дети получаются китайцами — так было в Сингапуре, Малайзии. Ассимиляция — извечный китайский путь решения проблем».

Некоторые эстетические разногласия начинаются у нас с А. Девятовым при попытке ответить на вопрос, а как же России выстраивать свои отношения с этим масштабным явлением, с этим загадочным Солярисом, омывающим наши границы и, судя по вышеизложенному, способным поглотить нас, просто следуя естественным ритмам великого Дао.

Рецепт маститого китаиста мудр и парадоксален, как чаньская притча:

«России нужно от отношений государственного добрососедства подняться на уровень клятвенного союза родственных цивилизаций. Союз наших родственных цивилизаций дает нам шанс быть не окраиной, в которую переносятся стратегические интересы Китая, а стать равными».

Понимая, видимо, что термин «равные» звучит все-таки не очень убедительно в контексте клятвенного союза наших с Китаем «родственных цивилизаций», автор разъясняет широкому читателю свое понимание «родственности» и «равенства» на языке доступных метафор, апеллирующих к глубоким смыслам древнекитайской философии и мифологии:

«Теперь Россия в глазах Китая лишилась статуса, стала прислугой. Но если Россия ***постарается****(!), она может стать старшей сестрой — это*

***хороший статус**. В китайском мире мать — это земля, отец — небо, все решают мужчины и братья, но старшая сестра олицетворяет мудрость. Даже если она пьяная, опустилась, о ней надо заботиться, ее огород надо вспахать, ее нельзя бросить. У нее интуиция и мудрость — и Россия может эту мудрость предъявить*».

Что касается предъявления мудрости, то здесь мы снова в чем-то перекликаемся с А. Девятовым. Я уже говорил, что, «*судя по поведению российских властей, позиция мудрого смирения перед неизбежностью китайской экспансии принята ими как стратегическая*».

Путинская клептократия не только *старается*, но и делает все возможное, чтобы максимально приблизить день получения Россией *хорошего статуса*, тактично рекомендованного ей полковником советской внешней разведки, замдиректора Института российско-китайского стратегического взаимодействия.

Особенно вдохновляет членов кооператива «Озеро» то обстоятельство, что, получив с китайцев все бабки по заключенным в прошлом году кабальным соглашениям, они смогут удалиться на вечно проклинаемый ими Запад с чувством глубокого нравственного удовлетворения по поводу выполненного ими гражданского долга. Заботиться и вспахивать огород на этой территории, которую нельзя бросить, будут теперь, как обещает нам А. Девятов, китайские товарищи.

А как они при этом будут пользовать присягнувшую им на верность родственную цивилизацию — как глупого младшего брата или как встающую с колен «мудрую» старшую сестру, — это уж вопрос исключительно их вкусовых предпочтений.

Так скорее всего и произойдет. Если в нашей стране не найдется достаточно людей, для которых Россия все-таки не девятовская старшая китайская сестра-подстилка, а, как когда-то в старину говорили, Родина-мать.

24.02.2010

Владимир ЗАХАРОВ

НАУКА В РОССИИ И В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1. Зачем нужна фундаментальная наука?

Луи Пастер сказал: «Наука должна быть самым возвышенным воплощением Отечества, ибо из всех народов первым всегда будет тот, кто опередит другие в области мысли и умственной деятельности». Эти замечательные слова цитируются в Послании президента Д. А. Медведева от 12 ноября 2009 года. Однако одновременное снижение на 11,8% бюджета Российской Академии наук, одобренное и Думой, и Федеральным собранием, находится в резком противоречии с этими словами. Наша политическая элита сочла расходы на науку ненужными и бесполезными, признав тем самым, что опережать другие народы «в области мысли и умственной деятельности» Россия не намерена.

И это происходит в момент, когда российская наука находится в критически плохом состоянии — худшем, чем когда-либо за 285 лет своего существования. Финансирование науки совершенно недостаточно, и отъезд научной молодежи за рубеж продолжается. Если он происходит меньшими темпами, то лишь потому, что самой научной молодежи стало меньше. Что касается финансирования, то здесь уместно привести некоторые цифры.

Бюджет Академии наук, со всеми ее двумястами научно-исследовательскими институтами и центрами, архивами и библиотеками, составляет один миллиард долларов в год. Научных сотрудников, состоящих в академических институтах, — пятьдесят пять тысяч, а общее число людей, финансирумых из бюджета Академии, более ста тысяч.

Владимир ЗАХАРОВ — родился в 1939 г. в Казани. Окончил Новосибирский Университет. В студенческие годы был одним из основателей клуба поэтов в Академгородке. Доктор физико-математических наук, академик РАН, лауреат Государственных премий СССР (1987) и России (1993), а также медали имени Дирака(2003). В 1992 – 2003 гг. директор Института теоретической физики имени Ландау. В настоящее время — заведующий сектором математической физики в ФИАНе и именной профессор математики в Университете штата Аризона (г. Темпе, США). Автор пяти поэтических сборников и более двадцати стихотворных подборок. Член Союза российских писателей и ПЕН-клуба. Как поэт награжден премией «Петрополь» и медалью имени Виктора Розова. Живет в Подмосковье.

Один миллиард в год — это бюджет хорошего американского университета. Лишь часть этой суммы (от 1/5 до 1/3) покрывается за счет платы студентов за обучение и грантов, добываемых профессорами, остальная часть бюджета — средства штата, в котором находится университет (если университет государственный), или доходы от благотворительного фонда (если университет частный). В университете около трех тысяч преподавателей — профессоров трех уровней и лекторов. А таких университетов в США — более сотни.

Недофинансирование российской науки — факт просто вопиющий. Стипендия аспиранта в институтах Академии наук равна 1500 рублей. А каково отношение к этому общественного мнения?

Некоторые утверждают, что уехали неудачники, не сумевшие найти достойного места на родине. Это утверждение заведомо ложно. Многие сделали отличную карьеру и в России — стали профессорами, академиками, руководителями институтов и лабораторий. Они не стали богатыми людьми, если это имеется в виду под достойным местом на родине, напротив, унизительно низкие зарплаты вынудили их уехать туда, где ценятся талант и квалификация ученого.

Можно услышать и другие голоса: да, наука в России умирает. Это грустно, но не трагично. Это — естественный, закономерный процесс. Россия обойдется и без науки. Существуют же в мире общества, которые безо всякой науки отлично живут.

При таком взгляде на науку остается непонятным: зачем в мире осуществляются дорогостоящие научные проекты? Зачем сооружается адронный коллайдер, запускается в космос телескоп «Хаббл», посылаются зонды к дальним планетам, проводятся археологические экспедиции и изучаются древние тексты? Ответ прост — затем, что мир есть место, где происходит развитие цивилизации, а наука есть важнейший компонент цивилизации.

У нас отсутствует адекватное понимание роли науки в человеческом обществе. Существует недобрая шутка, что ученые удовлетворяют собственное любопытство за счет государства. Конечно, они удовлетворяют любопытство, но это — драгоценное любопытство к тайнам природы. Да, в газете «Нью-Йорк Таймс» каждый день есть вкладка о новостях бизнеса. Но раз в неделю, по средам, появляется обширная вкладка, посвященная новостям науки. Ощущение того, что наука движется вперед, приносит удовлетворение: все идет, как должно идти. Прогресс науки осуществляет роль социального стабилизатора. Общество, где уважаются наука и ученые, — здоровое общество. Там не надо бороться с антинаукой, там не расцветают пышным цветом шаманы, колдуны и заклинатели духов мертвых.

Важнейшее сочетание слов «фундаментальная наука» отсутствует в лексиконе нашей политической элиты. Даже самая ответственная ее часть смотрит на науку чисто утилитарно, как на подспорье при созда-

нии новых технологий. В результате, российскую науку можно сравнить с тяжелобольным пациентом, которого никто не хочет лечить. Неудивительно, что ученых охватывает отчаяние, в том числе и уехавших за границу «неудачников». Недавно группа российских ученых, временно или постоянно работающих в западных университетах, обратилась с открытым письмом к Президенту и Председателю Правительства РФ с призывом спасти российскую науку[1]. Не со всеми предложениями, содержащимися в этом письме, можно согласиться, но одно несомненно — оно написано людьми, имеющими в научном мире серьезное имя и искренне озабоченными бедственным положением российской науки. Оно вызвало некоторые отклики, но, в целом, реакция нашего общества на него была вялой, настороженной и прохладной.

Особое неприятие вызвало предложение вложить большие деньги в строительство ускорителя элементарных частиц нового поколения. Это неприятие очень много говорит о болезненном состоянии умов в современной России. У нас собираются проводить Олимпиаду, мотивируя это необходимостью укреплять международный престиж страны. Но ведь строительство современного ускорителя, который, кстати, стоит дешевле, чем олимпийские сооружения и инфраструктура, подняло бы престиж России гораздо больше. Олимпиада — однократное событие, о котором все скоро забудут. А ускоритель будет работать полстолетия, самим фактом своего существования утверждая, что Россия принадлежит к семье цивилизованных государств. Вокруг него сложится научно-образовательный центр, там будет идти активное международное сотрудничество.

Для тех, кто полагает, что цивилизация и культура нам не нужны, обратимся к практической пользе науки. В последнее время много говорится о необходимости инновационных прорывов и развития новых технологий. Отчего же не обратить внимание на то, что развитые страны мира именно сейчас, во времена финансового кризиса, резко увеличивают расходы на науку? Почему американский президент Барак Обама говорит, что «сегодня наука нужна как никогда раньше», объявляет науку главным приоритетом страны и увеличивает финансирование «всего спектра фундаментальной науки» в два раза? Почему французский президент Николя Саркози, распределяя огромное дополнительное финансирование по пяти стратегическим направлениям, на первые два места ставит образование и научные исследования, а затем лишь промышленность и прочее? Это делается потому, что без науки не будет никаких инновационных прорывов. Важнейшая функция фундаментальной науки в том и состоит, что она закладывает основы технологий будущего. Их нелегко предвидеть. Ни Герц, ни Мендель, делая свои опыты, не могли представить себе телевидение и генную инженерию.

---

[1] С текстом обращения, отправленного 28 сентября 2009 года, можно ознакомиться, например, здесь: http://www.hep.phys.soton.ac.uk/~belyaev/open_letter/

Следует задуматься о том, как сильно и необратимо наука меняет мир, как быстро происходит то, что мы называем прогрессом. Люди имеют обыкновение воспринимать прогресс как должное и не задавать себе вопроса: почему он, собственно, происходит? Мы включаем свет, забывая, что использование электричества основано на великих работах Фарадея. Мы смотрим телевизор, забывая, что иконоскоп придумал Владимир Зворыкин. Мы щелкаем цифровой камерой, не думая о китайце Куэне Као. Мы глотаем лекарства, продлевающие нам жизнь, не думая об их создателях. Мы закачиваем в наши бензобаки бензин, не думая о том, кем и как были разведаны месторождения нефти. А ведь за каждой из этих привычных вещей стоит имя, и это имя ученого. Сегодня идут баталии, делят крупнейшее подводное Штокмановское месторождение газа. А почему оно так называется? Потому что оно было открыто с борта исследовательского судна «Профессор Штокман», названного в честь нашего выдающего океанолога Владимира Борисовича Штокмана.

В будущем значение науки в жизни общества только увеличится. Человечество никак не может уменьшить свою зависимость от науки, слезть с «научной иглы» не удастся. Через тридцать, максимум через пятьдесят лет запасы нефти закончатся. Что мы тогда будем делать? Проблему альтернативных источников энергии может решить только наука. Периодически возникают новые штаммы вирусов, вакцины от которых находит наука. Антропогенное давление на планету Земля непрерывно возрастает: если глобальное потепление будет продолжаться, многие города, в том числе наш Санкт-Петербург, окажутся под водой. Противостоять этому грандиозному вызову человечество сможет, лишь в полном масштабе используя мощь науки. Сегодня в нашей стране идут очень нервные споры о прошлом России. Нет ли в них вытесненного страха перед будущим?

Следующая важнейшая функция науки — образовательная. Часто цитируется восходящий к Плутарху афоризм: «Студент не сосуд, который надо наполнить, а факел, который нужно зажечь». А зажечь может только тот, кто горит сам. Участие ученых, занятых фундаментальными исследованиями, в образовательном процессе дает возможность воспитывать действительно высококлассных специалистов. Оно дает студентам возможность вдохнуть аромат научного творчества. Лишь немногие из них станут профессиональными учеными, зато частные и государственные компании, занятые производством новых технологий, получат молодых и ценных сотрудников, способных совершать «инновационные прорывы».

Еще одна важнейшая функция науки — экспертная. Ученый не может добиться успеха, если он не подвергает постоянно сомнению то, что он делает. Ученые представляют собой наиболее трезво и критически мыслящую часть общества. Пренебрежительное отношение к научной экспертизе приводит к тому, что на страну обрушивается поток лженауки,

который чрезвычайно дорого обходится обществу, особенно когда сочетается с непрофессионализмом и коррумпированностью чиновников.

Наука не только закладывает фундамент технологий будущего, она активно участвует в создании технологий нынешнего дня. На динамичном Западе с пристальным вниманием относятся к локальным достижениям ученых: как только появляется надежда, что они дают возможность осуществить некоторый технический прогресс, немедленно возникают небольшие частные компании. Это называется «spin-off», отлет. Инвесторы вкладывают средства в сотни рискованных направлений, зная, что 1% удачных проектов окупит все расходы.

Разумеется, возлагать на ученых ответственность за внедрение новых технологий в промышленность нельзя. За это ответственны специализированные компании, в которых работают сотни и тысячи человек. Дело ученых — научный поиск, воспитание нового поколения профессионалов и экспертная функция. Например, профессор технического университета, специалист по паровым турбинам проектировать новые турбины не обязан. Но он обязан знать, какие турбины когда и где работали и работают, что может произойти при эксплуатации, какие у них типичные неполадки, каковы критические нагрузки. При случае он возглавит комиссию по изучению причин аварии. И свои знания передаст студентам, поставляя промышленности вновь обученных специалистов. Вот — настоящее место ученого в промышленности.

2. Науку стремится развивать все грамотное человечество

В каких странах мира в наши дни сильная наука? Важнейшим критерием может быть составляющийся ежегодно список двухсот лучших университетов мира[2]. В западном мире научная активность сосредоточена, в основном, в университетах. В научно-исследовательских лабораториях, таких как национальные лаборатории в США или общество Макса Планка в Германии, работает относительно немного научных сотрудников: около пятнадцати тысяч ученых в обществе Макса Планка и два десятка тысяч в национальных лабораториях США. В России традиционно сложилось несколько большее разделение научно-исследовательской деятельности и образовательного процесса. Хотя сотрудники академических институтов активно читают лекции студентам университетов, самое плотное взаимодействие ученых со студентами наступает лишь на уровне магистратуры, когда молодые бакалавры поступают в аспирантуру. В этом есть и свои преимущества: освобожденные от преподавательской нагрузки аспиранты (в западных университетах

---

[2] Список для 2009 года: http://www.timeshighereducation.co.uk/Rankings2009-Top200.html

значительную часть времени они обязаны работать ассистентами преподавателей) и их наставники могут полнее отдаться научному поиску. В результате, качество наших кандидатских диссертаций в целом выше западных и без колебаний приравнивается к PhD. Университет не попадет в список лучших, если в нем не ведутся серьезные исследования в области фундаментальных наук и не работают ученые с мировым именем. Особый престиж создают университету находящиеся в его стенах Нобелевские и Филдсовские лауреаты. Методика составления списка лучших университетов мира не является идеальной, но не вызывает у научного сообщества возражений.

Сравнение списков за различные годы показывает, что они весьма динамичны — одни университеты идут наверх, другие вниз. Как и следовало ожидать, наибольшее число лучших университетов (52) находятся в США. На первом месте среди них и вообще в списке — Гарвард. Но уже на втором месте — Кембриджский университет в Англии, которая занимает прочное второе место (26 университетов). Третье – пятое места (по 11 университетов) делят Голландия, Япония и Китай. Канада и Германия (по 10 университетов) занимают шестое и седьмое места. В число передовых входят также Австралия (9) и Швейцария (7), Бельгия и Швеция (по 5 университетов). Надо отметить, что скандинавские страны с небольшим населением (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия) представлены очень достойно — одиннадцать позиций в списке. По три первоклассных университета имеют Франция, Израиль, Южная Корея и Новая Зеландия. По два — Индия, Сингапур, Ирландия и Россия. Наконец, по одному — Италия, Испания, Греция, Австрия, Южная Африка, Мексика, Малайзия и Таиланд. Представленные в списке российские университеты — это Московский (155-е место) и Санкт-Петербургский (168-е место). Отбор университетов довольно суров. Исходя только из собственного опыта, могу назвать несколько очень хороших американских и итальянских университетов, которые в этот список не попали.

Итак, в список двухсот лучших университетов мира попали практически все страны пресловутого «золотого миллиарда». Кроме того, представлены две, в среднем, довольно бедные страны — Индия и Китай, а также целый ряд так называемых развивающихся стран. В странах, имеющих лучшие университеты и тем самым развитую науку, живет более половины человечества.

На самом деле, есть еще страны «второго эшелона», прикладывающие большие усилия для того, чтобы попасть в упомянутый список. Это Бразилия, Аргентина, Чили, страны Восточной Европы, Португалия, Турция. Эти страны изо всех сил стремятся стать полноправными членами мирового научного сообщества: активно проводят международные конгрессы и конференции, приглашают иностранных специалистов. Не будет удивительным, если к этому списку скоро добавится

Иран. Эта страна полна противоречий: с одной стороны, там архаический теократический режим, с другой, — стремительно развивающаяся цивилизация.

Итак, суммируя, мы получаем, что число стран, не жалеющих средств и усилий для укрепления своего научного потенциала, более сорока. В них живет не менее трех четвертей человечества. Эту цифру любопытно сопоставить с другой. По данным ЮНЕСКО, около 20% взрослого населения мира неграмотно, и есть только пятьдесят стран, в которых все дети учатся в школе. Не будет большой натяжкой утверждать, что науку стремится развивать практически все грамотное человечество. Все, за исключением нас. Мы упорно продолжаем считать, что чистой наукой занимаются одни непрактичные чудаки. Мы считаем, что наука слишком дорого стоит.

В этой связи интересно поговорить о непрактичных китайцах, имеющих одинадцать университетов, которые попали в список двухсот лучших. Всего десять лет назад в этом списке был только один университет из «традиционного» Китая без Гонконга — Фуданьский университет в Шанхае. Когда в 1999 году меня пригласили прочесть курс лекций в Пекинском университете, это учебное заведение производило весьма скромное впечатление. Но в 2007 году я поехал туда снова на весьма элитную конференцию по интегрируемым системам и увидел прекрасные современные здания, полностью оснащенные самым лучшим оборудованием. Китайские руководители не жалеют денег для развития своей науки, прикладной и фундаментальной. В Китае один за другим проходят крупные международные конгрессы и конференции.

Недавно произошел забавный эпизод, говорящий, впрочем, о многом. Более ста лет назад Анри Пуанкаре сформулировал некую весьма изящную геометрическую гипотезу. Всем было ясно, что ее доказательство или опровержение будет иметь для математики существенно большее значение, чем доказательство знаменитой теоремы Ферма, которая по сравнению с гипотезой Пуанкаре выглядит как сверхсложная олимпиадная задача. Путь к доказательству был найден давно, но на этом пути возникли огромные технические сложности. Их сумел преодолеть Григорий Перельман, наш выдающийся математик. Он опубликовал свое очень трудное доказательство в сокращенном виде и поместил его в интернет. Немедленно два китайских математика написали большую книгу, в которой заполнили все лакуны, имевшие место в доказательстве Перельмана. Они на Перельмана сослались, но попытались изобразить дело так, будто главную часть работы выполнили сами. В этом нет ничего удивительного, удивительно другое: китайское правительство подняло этот вопрос на уровень национального престижа и обратилось к математикам китайского происхождения, живущим в других странах, с просьбой поддержать приоритет китайских ученых.

Слава Богу, ничего из этого не вышло, и приоритет Перельмана остался неколебим.

Замечу, что я вовсе не осуждаю действия китайских руководителей. Наоборот, приветствую! Они окружают почетом и уважением своих ученых. Одно время в США было немало китайских профессоров на весьма важных позициях. Сейчас их становится все меньше: возвращаются в Китай, где им предоставляются весьма тепличные условия, в частности, возможность сохранять позиции в США. Они пользуются всеобщим уважением, предателями родины их никто не считает. Всевозможным почетом окружен там уже поминавшийся Куэн Као, Нобелевский лауреат 2009 года по физике за работы по передаче света по оптоволоконным каналам, свою научную жизнь проведший в Англии и США и живущий теперь в Гонконге.

Следует коснуться болезненного вопроса о заработной плате ученых в разных странах. Об этом можно судить по следующему простому критерию: если в какую-либо страну ученые из России эмигрируют, значит, там зарплата как минимум в три раза выше, чем в России. Так вот, многочисленны случаи эмиграции во все страны «первого эшелона», за исключением Индии. Туда иностранцев просто не берут. Известны случаи эмиграции и в страны «второго эшелона» — в Бразилию, Аргентину и Турцию, в Чехию и Польшу. Правдоподобно считать, что у нас зарплаты профессоров самые низкие во всем грамотном человечестве.

Традиция материальной поддержки ученых и глубокого уважения к ним сложилась в западном обществе никак не позже начала XIX века. Сегодня эта традиция распространилась по всему свету. Считается аксиомой, что университетские профессора должны принадлежать к верхушке среднего класса. В Скандинавии зарплата профессора приблизительно равна зарплате министра. В США президент университета зарабатывает не меньше, а иногда и больше президента страны.

3. Развал науки в период реформ и научная эмиграция

Произошедшее в Советском Союзе в 1945 году многократное увеличение финансирования науки имело далеко идущие последствия. Это не только обусловило возможность за четыре года сделать атомную бомбу и создать прочный фундамент для наших выдающихся космических успехов. Советские руководители оказались достаточно разумны, чтобы кардинально улучшить материальное положение не только атомщиков, но и всех ученых без исключения. Зарплата всем сотрудникам, имеющим ученые степени, была одномоментно повышена в несколько раз. Ученые превратились в привилегированный класс, и это ощущение своей значимости в немалой степени способствовало тому, что называется чувством

собственного достоинства, гражданской позицией и свободомыслием. Началом стало направленное в 1955 году в президиум ЦК КПСС «письмо трехсот» с критикой деятельности Лысенко. Его подписали 297 ученых — биологи, физики, математики, химики, геологи и другие. Письмо привело к отставке Лысенко с поста президента ВАСХНИЛ, хотя в 1962–1965 годах он был возвращен на этот пост по личной инициативе Хрущева. К середине 60-х в среде ученых начинается диссидентское движение. В начале 1966 года группа академиков и известных деятелей культуры направила в адрес советского руководства письмо с протестом против реабилитации Сталина. Потом на первый план выдвинулась колоссальная фигура академика Сахарова. Когда в 1968 году сформировалось правозащитное движение, ключевыми фигурами в нем стали ученые, а также выходцы из научной среды. Они составили костяк правозащитного движения, деятельность которого немало способствовала окончанию советского периода нашей истории. Во время августовского путча 1991 года на защиту Белого Дома также вышли научные работники. Они составили основную массу защитников.

То, что новая власть сделала с наукой, можно назвать только преступной недальновидностью. Взяв на себя ответственность за экономическую судьбу страны, Егор Гайдар объявил, что науки у нас слишком много и «наука подождет». Финансирование науки уменьшилось на порядок, соответственно — уменьшились зарплаты ученых. Данная советским гражданам еще при М. С. Горбачеве, в 1988–1989 годах свобода выезда из страны облегчила ученым возможность находить заработки за рубежом. Вопреки расхожему в средствах массовой информации мнению о том, что наука в Советском Союзе лишь обслуживала военно-промышленный комплекс, наши ученые оказались в западных странах самым конвертируемым российским товаром. Это прямое свидетельство тому, какая у нас была сильная наука.

Точное число ученых, эмигрировавших из стран бывшего СССР, неизвестно, поскольку наша наука статистики разделяет общую судьбу российской науки. На состоявшейся 11 ноября 2009 года в Министерстве науки и образования РФ дискуссии по поводу внешней миграции оценка числа уехавших ученых варьировалась от 60 до 250 тысяч. По косвенным данным могу судить, что профессорскую tenure (пожизненную позицию, которую получить очень нелегко, для этого надо победить в жесткой конкурентной борьбе) в университетах других стран имеет несколько тысяч человек. А на одного ученого, получившего постоянное место в университете, приходится как минимум несколько человек, которые сегодня борются с кризисом в частных компаниях. Многие из них имеют ученые степени.

География третьей эмиграции ученых чрезвычайно обширна. Большинство уехали в Соединенные Штаты, очень многие — в Израиль,

Англию, Германию, Австралию, Канаду, Францию. Наши профессора работают в университетах Новой Зеландии, Южной Африки, Малайзии, Гонконга, не говоря уж про Голландию, Бельгию, Италию, Скандинавские страны. Во всех лучших университетах мира есть профессора из России, и сегодня это — очень значительная диаспора. Обычно на конференциях по математике, теоретической физике, оптике, океанографии (я упоминаю только те, на которых бываю сам) немалая часть аудитории говорит по-русски.

С «младореформаторами» к власти пришли люди, образованные поверхностно, нахватавшиеся обрывков западной экономической науки, — «брошюркины дети». Сегодня стало банальным сравнивать их с большевиками, но большевики не только разрушали, но и строили. Когда Джордж Сорос, единственный из сильных мира сего, озаботился бедственным положением российской науки и вложил в ее поддержку около двухсот миллионов долларов, они надменно не заметили его деятельности. Сорос полагал, что страной управляют цивилизованные люди, испытывающие временные трудности, что на каком-то этапе к поддержке науки активно подключатся федеральное правительство и регионы. Этого не произошло, и глубоко разочарованный Сорос свою активность в России прекратил. Он действовал из идеалистических побуждений, но в нашей стране, пораженной вульгарным практицизмом, в нем видели чуть ли не американского шпиона.

Ссылки на экономические трудности того времени не могут работать. Судя по тому, с какой скоростью в стране произошло формирование обширного класса богатых и сверхбогатых людей, и по тому, что отток капитала за рубеж составлял десятки миллиардов долларов в год, — ресурсы в стране были. Не было цивилизованного и грамотного правительства. И была ложная установка на идею, что быстрое обогащение небольшого числа произвольно выбранных людей является двигателем прогресса. Затем не осталось даже идеи.

Сохранить науку было реально. В 1992 году группа ученых, в которую входили академики А. В. Гапонов-Грехов, В. Е. Фортов и я сам, пытались провести в жизнь проект «Государственный профессор», предполагавший адресную поддержку десяти тысяч докторов наук и вдвое большего числа кандидатов на приличном по тем временам уровне — в среднем, по пять тысяч долларов в год. Когда мы обсуждали этот проект с секретарем Совета безопасности Ю. Н. Скоковым, он вокликнул: «Сто пятьдесят миллонов долларов в год? Да все, что вам нужно, — это всего-навсего одна скважина!» Это при том, что цена нефти тогда была на уровне двадцати долларов за баррель. Однако проект не прошел. Он превратился в гораздо более скромную программу поддержки научных школ. А к моменту, когда цена нефти подскочила до восьмидесяти долларов, и эта программа практически зачахла.

4. Современное состояние российской науки и административный волюнтаризм

Каково же состояние российской науки в настоящее время?

Наука не погибла, но положение ее весьма драматично. Сравнение с тяжелобольным пациентом вполне уместно, и плохо то, что состояние здоровья этого пациента никому в точности не известно. Как у нас нет статистики уехавших ученых, так нет и данных по динамике уезжающих и трезвой оценки потенциала оставшихся. Поэтому судить можно только по личным наблюдениям. А они следующие. Наука перестала быть единым целым. Она живет по островкам, мало взаимодействующим между собой. Внутри страны научных конференций проводится мало, путешествие по России стало дорогим удовольствием. Парадоксально, но ученые из разных мест России чаще встречаются на международных конференциях за рубежом, чем у себя дома. В целом провинция пострадала от «утечки умов» меньше, чем обе столицы.

Наука на глазах стареет. Заходя на институтские семинары, замечаешь, что в полупустом зале сидят больше пожилые люди. Средний возраст научных сотрудников пятьдесят пять — шестьдесят лет. Они, скорее всего, уже не уедут за рубеж, и они еще могут обучать молодежь. Но все же — это уходящее поколение. За ними зияет пустота, ученые следующего поколения или уехали навсегда, или проводят бóльшую часть года, работая в зарубежных научных учреждениях. Немногочисленная молодежь вострит лыжи, стремясь перед этим по максимуму взять знания у старших. Отечественное научное приборостроение погибло, лаборатории оснащены морально устаревшим оборудованием, реактивов нет. Руководство Академии наук вяло и безынициативно, не смеет занять активную позицию в отстаивании интересов науки перед правительством.

Наука ждет до сих пор. За последние восемь лет, несмотря на некоторое повышение зарплаты ученых, ситуация изменилась только к худшему. Позиция властей остается прежней: глухота к мнению профессионалов и советский административный волюнтаризм. Советского Союза давно нет, а волюнтаризм не только не исчез, но, соединившись с характерным для нового времени стремлением к личной наживе, расцвел. Как и в советское время, он осуществляется путем ведения шумных кампаний, какой была, например, кампания по внедрению кукурузы чуть не до Полярного круга. Сегодня у нас есть новая кукуруза — нанотехнологии. Как и кукуруза, нанотехнологии — дело очень хорошее. Они успешно используются для получения композитных материалов, в медицине для транспорта лекарственных препаратов, в оптике, в микроэлектронике. Но у нас это превратилось в кампанию общегосударственного масштаба с сильнейшей поддержкой «сверху».

Вдохновенные легковесные выступления главного идеолога «нано-когно-био» прорывов М. Ковальчука очень сильно напоминают речи о

необходимости и возможности преобразования природы. На развитие нанотехнологий правительство выделяет финансирование, в полтора раза превышающее бюджет всей Академии наук! По указу Президента три самых сильных физических института страны вливаются в исследовательский центр «Курчатовский институт», которым руководит М. Ковальчук. Без ведома сотрудников и руководства институтов, без всякого научного, экспертного обсуждения! В советское время административный волюнтаризм отличался бóльшим профессионализмом. Советским чиновникам был доступен тот факт, что наука не терпит монополизма, и исполнение важных программ не доверялось одной группе. Главой центра по созданию ядерного оружия в Сарове был Ю. Б. Харитон. Параллельный и конкурирующий центр был в Челябинске, им руководил Е. И. Забабахин. Такая же ситуация была в ракетостроении и в авиации. Монополизация науки неизбежно ведет к ее симуляции и «потемкинским деревням».

На фоне этой грандиозной «панамы» переименование Казанского университета в Приволжский — событие небольшое. Но что это как не волюнтаризм, сочетающийся с совковым отсутствием исторической памяти? Казанский университет — один из старейших в России, основан в 1804 году. Он справедливо гордится своими выдающимися учеными: достаточно назвать создателей неевклидовой геометрии Лобачевского и теории строения органических соединений Бутлерова. Название университета есть бренд, тем более ценный, чем университет старше. Можно ли представить себе, чтобы Кембриджский университет переименовали в Среднеанглийский? Или Болонский, старейший в Европе, переименовали в Центрально-итальянский? Это переименование — яркий пример, как сказал бы Николай Лесков, «административного восторга».

Академическая наука находится в бедственном состоянии, а заменить ее нечем. Для исторически сложившейся в России формы организации и управления научным сообществом с помощью академических структур в настоящее время не просматривается альтернативы. Взятый же правительством курс закупать новые технологии за рубежом и оттуда же приглашать на работу специалистов убьет российскую науку окончательно. На закупку новых технологий выделяется 600 миллиардов рублей — сумма, в тридцать раз превышающая финансирование институтов Академии наук! Из средств, выделенных на нанологический пузырь, лишь 1% обещается академической науке.

Нет альтернативы Академии наук и как органу, способному провести серьезную научную экспертизу. Пренебрежительное отношение правительства к академической науке уже дает свои плоды: поток лженауки захлестнул страну. Например, процветает некий В. И. Петрик, недоучившийся психолог и бывший уголовник, осужденный по тринадцати статьям Уголовного кодекса, от мошенничества до покушения на гра-

беж. Ныне он — «частный ученый-изобретатель»[3] и научный консультант при партии Единая Россия. Среди его многочисленных «научных открытий» — получение электричества из тепла слабо нагретых тел, что есть нарушение второго начала термодинамики и конструирование вечного двигателя второго рода, и разделение радиоактивных изотопов путем фильтрации, что является чудовищной по неграмотности идеей. Тем не менее, благодаря покровительству в высшем эшелоне власти, его фильтрами для очистки воды, не прошедшими научной экспертизы, оснащается партийный пилотный проект «Чистая вода», который предполагается сделать в этом году федеральной программой с финансированием в 15 триллионов рублей.

Для сегодняшней ситуации с российской наукой трудно найти исторический аналог. Бывали случаи, когда цивилизации гибли в результате внешних вторжений или внутренних войн. Но чтобы страна, которая занимала одно из первых мест в мировой науке, добровольно стала сползать на последнее место, — таких прецедентов в мировой истории не было. Вот разве что то, что учинил Гитлер с германской наукой за тринадцать лет своего правления. В начале XX века германские университеты были лучшими в мире. Сейчас, через шестьдесят четыре года после войны, несмотря на то, что Германия является одной из самых богатых и успешных стран в мире, и несмотря на приложенные огромные усилия, ее университеты находятся на одном месте с университетами Австралии, которая в начале XX века была страной довольно отсталой. Восстанавливать разрушенное несравненно труднее, чем разрушать.

Времени для спасения российской науки почти не осталось. Еще несколько лет, и произойдет полный разрыв связи между поколениями ученых! Если не дать возможность еще оставшимся в живых профессионалам передать свой научный опыт и не открыть перед молодыми учеными перспективу, на российской науке можно будет поставить крест.

Какое-то беспокойство правительство начинает проявлять. Принимаются некоторые программы по привлечению ученых-эмигрантов к работе со студентами. Несомненно, следует приветствовать любую форму интеграции российской науки в мировую, но нужно понимать, что молодой специалист встанет перед выбором: уехать к своему наставнику в аспирантуру или остаться в России, где ты будешь работать в лабораториях с устаревшим оборудованием и никогда не сможешь купить себе квартиру. Всюду в мире есть острая потребность в талантливой молодежи: ее всегда не хватает, и она представляет собой огромную ценность. Только доведя зарплаты ученых до среднеевропейского уровня, можно остановить «утечку умов». Безнравственно и бесперспективно рассчи-

---

[3] См. статью академика Э. П. Круглякова, председателя комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований: http://www.sbras.ru/HBC/article.phtml?nid=523&id=15

тывать двигать вперед науку и технологии за счет энтузиазма живущей впроголодь научной молодежи.

Для спасения российской науки не надо изобретать велосипед: ей следует вернуть тот статус, который она имела в советское время и продолжает иметь в мире. Ученые должны принадлежать к верхушке среднего класса, а труд научного работника быть уважаемым и социально престижным. Ученым должны быть созданы необходимые условия для работы, лаборатории оснащены современным оборудованием. Поддерживать необходимо все направления научного поиска в равной мере — наука представляет собой единый организм, и заботиться нужно о его здоровье в целом. Попытка разделить ученых на полезных, чья деятельность приносит немедленную выгоду, и бесполезных игнорирует огромный мировой опыт. «Полезных» можно дополнительно стимулировать грантами: эта стратегия возникла как результат естественной эволюции западной культуры. Сообщество ученых должно быть самоуправляемым, а административное вмешательство государства минимальным. Оно должно осуществляться через дополнительные фонды, финансирующие приоритетные направления.

Да, на это нужны немалые средства. В 2010 году Соединенные Штаты вкладывают в научные исследования более 3% ВВП, Китай — более 2%. Для сравнения — бюджет Академии наук составляет менее 0,3% нашего, несравнимого с американским, ВВП. Тем не менее для тех, кому кажется, что наука — слишком дорогая роскошь, попробуем представить себе сценарий нежелательного и скорого будущего.

5. Россия без науки

Первым следствием угасания науки, ухода из российской действительности профессионалов, занятых наукой ради науки, будет упадок образования. Он уже очень заметен, у нас появились неграмотные подростки. Некоторые источники называют цифру в два миллиона, что, скорее всего, журналистское преувеличение, но вот факт: на Факультете журналистики МГУ в октябре этого года 82% первокурсников не справились с диктантом, совершив от восьми до восьмидесяти ошибок на текст.

С упадком образования придется распроститься с надеждой развивать у себя новые технологии: для этого нужны высококвалифицированные кадры. Более того, даже поддержание уже имеющейся технически сложной инфраструктуры станет проблемой, и техногенные катастрофы, вроде той, что случилась на Саяно-Шушенской ГЭС, станут обыденным делом.

Страна, неспособная идти в ногу с техническим прогрессом, довольно скоро станет беспомощной в военном отношении. Через десять-пятнадцать лет произведенное нами оружие будет относиться к будущим стандартам как арбалет к автомату. На ядерное оружие надеяться не

стоит. Для его воспроизводства и обслуживания тоже нужны высококвалифицированные специалисты. И мы вряд ли окажемся способны производить высокоточное роботизированное тактическое оружие. Или правительство надеется покупать также и военные технологии?

Следствием упадка науки и образования в России будет полное падение международного престижа страны. Никакими олимпийскими играми восстановить его будет невозможно. Когда-то Маргарет Тэтчер назвала нашу страну Верхней Вольтой с ракетами. Это было неточно. Мы были Верхней Вольтой — с ракетами и Нобелевскими лауреатами. И когда мы все прогуляем, отношение к нам будет хуже, чем к Верхней Вольте, где ни ракет, ни Нобелевскх премий никогда не было. К нам будут относиться, как к незадачливому купчику, который разбазарил отцовское состояние. Таких людей не любят на протестантском Западе, а в Китае над ними просто смеются. Мы превратимся в страну-изгоя, и в случае любого дипломатического или военного конфликта весь мир встанет на сторону, противную нам.

Заметим, что формально мы науку не потеряем. Останутся высшие учебные заведения и люди, называемые профессорами. Будут защищаться диссертации, только их уровень будет неуклонно снижаться. Сохранятся научные журналы, но «импакт-фактор» этих журналов будет очень низок. В этих журналах можно будет напечатать что угодно, но читать их никто не будет. Ссылаться на то, что в них напечатано, — тем более. Рано или поздно наступит роковой момент, когда в России не останется профессионалов, способных понимать то, что написано в зарубежных научных журналах. После этого российская и мировая наука превратятся в два непересекающихся мира, причем первый будет относиться ко второму как мир теней к миру реальному. В мире теней будет царствовать серость, но царствовать ей недолго: появятся новые Лысенки. Когда власть увидит, что дело плохо, она будет рада поверить любому шарлатану. Это, собственно, уже происходит.

В «царстве темных людей» вместо научной статистики будут предсказатели и астрологи, вместо медицины — знахари и целители, вместо историков — Фоменки, вместо инженеров — изобретатели вечных двигателей. Следует ожидать, что среди таких людей будут иметь успех самые агрессивные и мракобесные формы религий, самые изуверские секты. Страна превратится в весьма дурно пахнущее болото. Те, кто сегодня меланхолически соглашаются жить в «России без науки», пусть задумаются, хорошо ли им будет в этом болоте.

Впрочем, эта «болотная» фаза нашей истории продлится не очень долго. Внутри будет нарастать социальная напряженность, а вовне — потребность в минеральных ресурсах. Способные и энергичные молодые люди, не получившие хорошего образования и невостребованные своей страной, — взрывчатый социальный материал огромной силы. А «внешний» мир не будет долго терпеть состояние, когда доход от продажи земных

ресурсов делит так называемая *элита* интеллектуально и морально разлагающейся страны. Идея о том, что минеральные богатства Земли должны принадлежать всему человечеству, уже витает в воздухе. Нас ждет глобальный передел собственности и геополитическая катастрофа.

6. Заключение

Заключая этот мрачный прогноз, приходим к неизбежному выводу: от судьбы российской науки зависит судьба России. Потеряв науку, Россия перестанет быть независимым государством, сохраняющим контроль над своей территорией и своими природными богатствами. Это обстоятельство следует положить в основу стратегии будущего развития страны.

Если оставить в стороне такие «мелочи», как коррупция, для этого потребуется преодолеть сопротивление чиновников, желающих руководить наукой и делить научное знание на полезное и бесполезное. Наука никому ничего не должна. Наука существует для того, чтобы быть наукой. Как сказала американская писательница Гертруда Стайн: «Роза — это роза, это — роза». Дайте этой розе расцвести, и остальное все приложится. Наука будет производить знания, промышленность будет их использовать. Но роза — это нежное растение. Ее нужно поливать, подкармливать, охранять от града и заморозков. Наука тоже нуждается в уходе. Собственно, необходимы два главных условия: полное уважение к научному знанию и профессии ученого и адекватное финансирование.

НОЧНОЙ ПОРТЬЕ РОССИИ

Основы неосталинизма

> Странный народ — русские, их душат, убивают, насилуют, а они все талдычат: «Сталин хороший!» Или народ такой глупый и тупой (что вряд ли), или же весь народ заколдован. Не понимаю, как так может быть! Каждого, кто хвалит Сталина, надо сажать на кол, тогда, может, он поймет тех, кто прошел лагеря. Русский народ понимает и уважает только силу, а это идеология завистливых и злых людей.
>
> *Интернет-пользователь «Мистер 20 декабря 2009 г.»*
> *Реплика на статью «Неудачник Сталин»*
> *на портале «Частный корреспондент»*

1. «Раз-два, Сталин идет; три-четыре, идет за тобой...»

В далекие времена моей журналистской юности ходила по редакциям такая байка: решили в одной газете напечатать откровенное фото, на котором обнаженные мужчина и женщина слились в половом акте. И в райкоме согласовали, и цензура пропустила, но дело остановилось за тем, что не могли придумать сколько-нибудь приличную подпись. Обратились к старейшему сотруднику, ветерану репортерского цеха. «Ничего нет проще, — сказал он, взглянув на снимок. — Возьмите любой газетный заголовок, и он подойдет». Попробовали — и точно! Например: «Посевная в разгаре», или «Переговоры на высшем уровне», или «Маэстро взмахнул смычком». Да что угодно!

Никакого фокуса здесь нет. Любой современный студент-лингвист скажет, что здесь происходит естественное вовлечение различных (возможно, любых) языковых средств в *дискурс секса*, имея в виду не *что* и *как* говорится о сексе, но универсальные возможности любой подобной картинки быть соотнесенной с любым текстом и придать любому тексту свою смысловую «краску». Чем больше общественный интерес к субъ-

---

Лев ТИМОФЕЕВ — родился в 1936 г. в Ленинграде. Окончил Московский институт внешней торговли. Экономист, писатель, журналист. Публиковался в «Знамени», «Континенте», «Новом мире», «Октябре» и других журналах. Автор книг «Негатив», «Играем Горького», «Кусок истории (заметки публициста)» и многих других. Живет в Москве.

екту дискурса, тем шире круг понятий и смыслов, которые могут быть в данный дискурс вовлечены.

Тот давний журналистский *прикол* и правило, которое из него следует, я в последнее время вспоминал неоднократно, наталкиваясь на материалы широко развернувшейся войны мнений о личности Сталина, о его роли в истории и не только в истории. Оказалось, что и наша эпоха, нынешняя политика, общественное бытие, экономические реалии, планы и прогнозы, да что там — вся, вся наша жизнь активно вовлекается в дискурс Сталина и сталинизма. Вполне серьезно — и «переговоры на высшем уровне», и «посевная в разгаре», и чуть ли даже не «смычок маэстро» — любые реалии и события нашего времени рассматриваются в сияющем свете имени и деяний давно умершего диктатора. Стране нужна модернизация? Пожалуйста, посмотрите, как в кратчайшие сроки провел модернизацию Сталин! В стране не хватает порядка? А какой порядок был при Сталине: ни тебе коррупции, ни проституции, ни наркомании... Россия видится вам униженной в международных делах? Великий Сталин, завоевавший (виноват, освободивший) пол-Европы, не позволил бы! И так далее — по любому поводу.

Современность в дискурсе сталинизма видим не только в многочисленных изданиях коммунистической ориентации, типа газеты «Завтра», где из номера в номер имя крутого генсека повторяется с интонацией молитвенного преклонения. Добрые слова о деяниях Сталина (пусть и с некоторыми вежливыми оговорками) вставляют в свои публичные выступления даже и президент страны, и премьер-министр. Различные телеканалы организуют дискуссии, в рамках которых (демократическая процедура!) оголтелые сторонники мертвого палача получают широкие возможности для пропаганды его человеконенавистнических идей и политики. «Сталин с нами» — так называлось широко разрекламированное ток-шоу на одном из центральных телеканалов (НТВ). Оно, кажется, специально было организовано и проведено таким образом, чтобы, по точному замечанию одного из наблюдателей, «поклонники вождя во главе с Зюгановым порвали оппонентов, как Тузик грелку», — и это наглядно, на глазах миллионов... Никакого особого протеста не вызвало восстановление в декоре станции метро «Курская» (опять-таки *пред очи миллионов*) строки из сталинского гимна: «*Нас вырастил Сталин на верность народу. На труд и на подвиги нас вдохновил...*» Народ, труд, подвиги, вдохновение — все и вся в дискурсе Сталина.

Сталин с нами — без всяких кавычек. Согласно недавним опросам ВЦИОМа, россияне относятся к Сталину скорее положительно (37%), чем отрицательно (24%). И тут нас не должно утешать, что большинство (58%) не хотели бы видеть его руководителем современной России (а все же треть респондентов — хотели бы!) или что «молодое поколение к Сталину просто безразлично» (так утверждает гендиректор ВЦИОМа). Вопрос социологов поставлен некорректно: кого — в руководители? Не

того же, чей труп в кителе генералиссимуса погребен у кремлевской стены. Но если придет живой в современном костюмчике с теми же методами и с обещаниями тех же достижений (модернизация, порядок, великая держава и т. д.), — почему бы и не захотеть. Он и «безразличное» молодое поколение построит как надо...

Современный ремейк сталинской эпохи, конечно, не может состояться вдруг: он должен быть подготовлен и уже подготавливается профессионалами-идеологами. Ближайшая задача недавно была коротко и ясно сформулирована в одном из интервью первого заместителя председателя ЦК КПРФ, вице-спикера Госдумы Ивана Мельникова, который среди прочего сказал, что коммунистам «очень бы хотелось, чтобы смолкли разговоры о каких-то ошибках сталинской эпохи, чтобы люди задумались о личности Сталина как о созидателе, мыслителе, патриоте».

Что же тут задумываться! Все, что можно знать о личности Сталина, давно уже всем известно. Все сказано в сотнях, если не тысячах мемуаров и исследований. Какие бы хозяйственные достижения и военные победы ни связывать с его именем, все знают, что он нравственный урод, садист, убийца. Даже его коммунистические реаниматоры вынуждены признать, что их вождь оставил кровавый след в истории. Они, правда, склонны сильно уменьшать количество безвинно убитых (называя их при этом «необходимыми жертвами»), но все же признают, что счет только тех, кто был расстрелян, кто был замучен в лагерях, идет на миллионы. Они пока еще (подчеркиваю, *пока еще, до поры до времени)* не вовсе отрицают очевидное, им лишь «очень бы хотелось, чтобы смолкли разговоры о каких-то ошибках».

Казалось бы, дискутировать сегодня о личности Сталина неинтересно: в фактах истории и в характере исторических личностей от этих споров ничего не меняется. Что было, то было. Тем более что (и это надо признать) объективно все эти упражнения по поводу сталинизма сегодня имеют более лингвистический (вроде той картинки с обнаженной парой), чем прямой общественно-политический характер. Хотя, конечно, и в рамках игр чисто словесных встречаются тексты, в которых уже теперь за словами можно явственно услышать хлюпанье крови: «...Вот и ожил как во сне плакат "Родина-Мать зовет!" со штыками, направленными в ваши бессовестные и испуганные глаза... У нашей власти появился мощнейший ресурс. Народ действительно устал от либерального беспредела, от "либерастии". **"Сталинизация" русского общественного мнения — объективный процесс**, открывающий перед властью неожиданные возможности для маневра, **которому будет обеспечена всенародная поддержка**... Представьте, что Пивоварову, Парфенову, Лобкову одновременно приснился один и тот же страшный сон... Кругом холодный густой туман, как в фильмах Стивена Кинга, и детский голосок отчетливо произносит: "Раз-два, Сталин идет; три-четыре, идет за тобой;

пять-шесть, он уже здесь"» (священник Александр Шумский на сайте «Русская линия»).

И все-таки у нас еще есть время, и пока лукавые и яростные реаниматоры мертвого диктатора не запихнули в его дискурс наш завтрашний день, пока его (или его исторического двойника) не вставили нам в избирательные бюллетени в качестве единственного кандидата, пока эта тенденция не вполне реализовалась, надо бы хорошенько приглядеться... не к Сталину, нет, — но к людям, которые его реанимируют, к мифам, которые они используют для «сталинизации русского общественного мнения». Надо бы понять, по какой причине, ради какого «маневра» и при помощи каких приемов стране навязывается дискурс неосталинизма, а в будущем, может быть, соответствующая идеология и политическая практика.

2. «Любые продукты — икра, ветчина, семга...»

Заметим, что речь идет о «сталинизации» именно *русского* общественного мнения. Похоже, что неосталинизм — чисто русская национальная забава: что-то не слышно сегодня, чтобы где бы то ни было на просторах бывшего Советского Союза возвеличение Сталина достигло тех степеней, что у нас в России. Ни на Украине, где политические позиции коммунистов довольно сильны, ни в Белоруссии, где «батька» Лукашенко хотел бы повторить политические методы «кремлевского горца» (увы, и в злодействе — не те масштабы, не тот размах), ни даже в Грузии, где многие гордятся своим «великим» земляком. Сдержанное отношение, а во многих случаях и прямую ненависть к Вождю народов (распространенное прозвище — Людоед) понять нетрудно. В СССР «единство» народов было сродни единству зэков, огороженных одним и тем же высоким забором с колючей проволокой поверху: когда забор подгнил, зэки повалили его и разбежались прямо на глазах у растерявшихся надзирателей. Сталин же был одним из организаторов и в течение почти трех десятилетий крутым начальником этого многонационального концентрационного лагеря. Надо ли удивляться, что из «дружной семьи» советских народов ни один не проявляет желания возвращаться — ни в «семью», ни в прежние времена.

Но что же русские? Ведь на икону Сталина готовы молиться не только бывшие и нынешние коммунисты-аппаратчики, не только их прямые наследники. Треть населения России готова видеть нового Сталина во главе страны! Да еще треть, пожалуй, не станет активно сопротивляться, буде предложено было бы возвести такого лидера на царство. Чем объяснить?

Мы, конечно, и слышали, и читали: порядок, сильная рука, сильная держава, мобилизационный ресурс модернизации. А что же казахам, или украинцам, или литовцам — порядок и сильная рука не нужны? Или вот

немцам, которые не хуже нас знают, что такое «порядок и сильная рука» и у которых модернизация, слава Богу, больше не требует мобилизационного ресурса? Немцы хорошо помнят свою историю! А что же мы, русские, — все забыли? Похоже, так — забыли. Лукавые мифы заслоняют, а то и вовсе замещают память о реальных событиях. Солженицын и Шаламов прочитаны — и редко вспоминаются. Десятки исторических монографий, содержащих красноречивые документы эпохи, и вовсе пылятся на библиотечных полках, пройдя через руки разве что узкого круга специалистов... На первый план выходят наглые мифотворцы: то, что поклонники мертвого Вождя называют «сталинизацией русского общественного мнения», они осуществляют как мифологизацию истории XX века.

«Я с печалью вспоминаю великого человека (конечно, Сталина. — *Л. Т.*)... Это были лучшие годы в истории СССР. По улицам ходили свободно. Цены снижались ежегодно. Все обитатели нашего дома — рабочие, шофер, пожарный, врачи, мой отец-профессор — покупали в магазинах любые продукты — икру, ветчину, семгу. Качество такое, что нынешнее изобилие, несмотря на яркие обертки, кажется пародией...»

Это из высказываний одного из самых заметных в последнее время проповедников сталинизма — игумена Евстафия (Жакова), клирика одной из церквей под Петербургом, пару лет назад обратившего на себя внимание скандалом по поводу выставленной им в храме иконы с изображением Вождя. Теперь батюшка-сталинист — авторитет и желанный гость на страницах ряда газет и интернет-порталов. Даже Первый канал телевидения посчитал необходимым познакомить страну с колоритным персонажем.

И вот говорит батюшка, говорит, говорит. И его слушают, и согласно кивают, и поддакивают... Ложь неосталинистов настолько безапелляционно наглая, что, право, теряешься, не знаешь, как реагировать. Где он жизнь прожил, этот монах? Где это в сталинские времена рабочий, шофер, пожарный вкушали икру и семгу? Может, он юродивый? Нет, лукавый клирик, конечно же, знает (все его ровесники знают), что при Сталине дважды вводилась карточная система: в годы коллективизации и сопровождавшего ее *голодомора* — с 1929 по 1935 годы и во время войны — с 1941 по 1947 годы. По карточкам индустриальным рабочим выдавалось по 800 грамм хлеба на день, служащим и членам их семей — по 300 грамм. Инвалиды и пенсионеры получали по 200 грамм — один кусок хлеба в день. Нормированы были и другие основные продовольственные продукты. Икру и семгу папа-профессор, может, и покупал к праздникам в «коммерческих» магазинах, но уж наверняка рабочий и врач, шофер и пожарный даже изредка не могли позволить себе такие деликатесы: если бы вдруг в семье и возникла лишняя копейка, не за икрой и семгой побежали бы, но детям купили бы лишний кусок хлеба или, скажем, необходимую обувку, — если бы, конечно, знали, где ее «достать».

Сталинские годы были самыми голодными в России XX века. Об этом, о мнимом «снижении цен» в условиях всеобщего системного дефицита, о «колхозном» разорении деревни, в результате которого само понятие *русское крестьянство*, еще недавно бывшее синонимом понятия *русский народ*, навсегда исчезло из современного языка — обо всем этом написаны сотни томов правдивых книг... Но правда истории лежит на библиотечных полках, а ложь лезет в уши и в глаза с экранов телевизоров, с компьютерных мониторов, с газетных полос. И охотно принимается — особенно на фоне нынешних экономических проблем...

«Сталин принял Россию с сохой, а оставил с ядерной бомбой» — таков **Национальный миф № 1**. Да, Сталин действительно оставил страну с ядерной бомбой... и с «модернизированной сохой». В 1950 году расходы СССР на оборону были существенно больше, чем в США, в то время как по самым «мягким» оценкам ВНП составлял менее трети, а промышленное производство — менее четверти от американского. В советской экономике все, что не работало «на оборонку», — общее станкостроение и машиностроение, автопром, сельскохозяйственное машиностроение, текстильная, пищевая, деревообрабатывающая промышленность, промышленность строительных материалов, строительство и т. д. и т. п. — все эти и любые мирные отрасли еще во времена Сталина безнадежно отстали от развитых стран. И в послесталинские годы продолжали отставать все больше и больше...

А что же в сфере социальных гарантий? Уровень и качество медицинского обслуживания населения были, есть и надолго еще останутся позором России — это настолько очевидно, что тут даже и наши мифологизаторы помалкивают... Не вспоминают они и о жилищной проблеме. Но мы-то можем ли забыть, что во все сталинские годы и после Советский Союз всегда был страной миллионов бездомных. Жилищное строительство катастрофически отставало от потребности в жилье (и по сей день так). Работникам заводов и фабрик, даже семейным с детьми, квартиру приходилось ждать и по двадцать, и по двадцать пять лет, внуки успевали родиться. Одиноким вообще надеяться было не на что: десятилетиями, до самой старости сотни тысяч одиноких мужчин и женщин обитали в общежитиях, мало чем отличавшихся от лагерных бараков. Мне в моих журналистских поездках неоднократно приходилось бывать в помещениях (не знаю, как их назвать: комнаты? палаты?), где стояли и двадцать, и тридцать коек, — здесь вперемежку жили и молодые, и старые (и на четыре-пять таких помещений — один туалет в конце коридора). Особенно страшные впечатления, прямо-таки инфернальные, почему-то остались от многолюдных общежитий, где годами вместе жили и молодые девушки, и старухи, — из этих ночлежек люди не могли выбраться никогда, вплоть до пенсионного возраста: здесь болели, здесь и умирали... **В середине XX века ни в одной из стран Европы — ни до, ни после войны — люди не жили в таких скотских условиях, как в сталинском СССР.**

Надо понимать, что от сталинских времен (по крайней мере, со времени сворачивания НЭПа) и вплоть до начала горбачевских реформ основной принцип большевистской (сталинской!) экономической политики не менялся. И принцип этот — принцип насилия, принцип запретов в долгосрочной и даже среднесрочной перспективе — неизбежно приводит к экономическому краху. Вот вам и все «экономические проблемы социализма» в самом кратком изложении... Что и стало вполне очевидно к началу 80-х, когда прирост ВНП стал скатываться к нулю, а страна — к «перестройке»... А началось все именно со сталинской модернизации.

Уличать заведомых лжецов, раскрывать грубые приемы и лукавые методы мифотворчества, да и просто прикасаться к их нечистоплотным текстам — занятие вовсе не увлекательное. Да и не больно-то продуктивное. Будьте вполне уверены, что даже прочитав любое разоблачение, наш монах, а с ним и хор других «сталинизаторов» как ни в чем не бывало, что называется, «на голубом глазу» слово в слово повторят назавтра свою хвалу и «великому человеку», и «лучшим временам в истории». И им поверят скорее, чем сотням страниц исторических документов. Потому что люди любят мифы. Вера в мифы позволяет даже в нынешних тяжелых экономических условиях надеяться: вот наступит полная «сталинизация русского общественного мнения», придет Новый Сталин, примет Россию с ядерной бомбой, а уходя (конечно, расправившись со всеми, кто там перечислен в предыдущей главке и кое с кем еще), оставит каждому россиянину (или только русским?) по квартире, по автомобилю... Впрочем, дальше придумайте сами, кому что нужно. И ждите... Чего дождемся?

3. «Генералиссимус смотрел с небес...»

Гениальный и непогрешимый Сталин — чуть ли не единоличный творец победы в Великой Отечественной войне: если бы не Он, если бы не его Гений, неизвестно, что со всеми нами было бы, что было бы со страной, с человечеством на Земле... Таков до ослепительного блеска отполированный частым употреблением **Национальный миф № 2** (а по воздействию на умы, по значению в «сталинизации общественного мнения» надо бы поставить его на первое место).

Существует огромное количество свидетельств, воспоминаний, исследований о реальной роли Иосифа Сталина в руководстве военными операциями, во внутренней политике, в дипломатических «играх» — и во время войны, и в годы предшествовавшие... Что ж, нет сомнения, в Великой Войне против фашизма Сталин сыграл существенную роль. Иначе и быть не могло: человек, который узурпировал абсолютную и единоличную власть в стране с двухсотмиллионным населением, в стране, раскинувшейся на 1/6 части суши, в стране, во многом определяю-

щей ход мировой истории, — этот человек с началом войны должен был или немедленно уйти в небытие... или вести народ к Победе. Побеждать вместе с народом — такова была взятая на себя Сталиным сухая политическая обязанность: в противном случае народ победил бы без него. Нет никаких оснований полагать, что окажись в то время на месте руководителя государства какой-то другой умный и энергичный деятель (а таких среди большевиков — по крайней мере в конце 20-х — начале 30-х, до начала кровавой «чистки», — было немало), ситуация радикально была бы иной... Хотя, кто знает, может быть, история пошла бы путями хоть немного менее трагичными. Конечно, лозунг «За Родину, за Сталина!», которым командиры и политруки поднимали в бой солдат, звучал бы как-то иначе, но все-таки главное в нем — первая часть — осталось бы неизменным. И можно не сомневаться в победе советского народа над фашизмом — со Сталиным или без оного. Но история состоялась так, как она состоялась, и теперь «сталинизаторы общественного мнения» стремятся приспособить ее к своим нуждам, безудержно мифологизируя прошлое.

Советский Союз теперь — «Россия Сталина». Не сам Сталин путем аппаратных интриг и кровавых репрессий устраивал и укреплял свою абсолютную власть в партии и в стране, — нет, это Господь послал Вождя народу в трудную годину. Его сакральная миссия, ни много ни мало, — «сохранение "русской цивилизации" перед лицом ее полного уничтожения, — сначала в 17-м, а потом в 41-м годах» — так считает Александр Проханов, главный редактор газеты «Завтра» и один из главных, если не самый главный идеолог неосталинизма (на его счет следует отнести и кавычки в цитате, и странное упоминание 17-го года... и безграмотность). «Россия Сталина принесла тридцать миллионов своих сыновей на алтарь Победы, что явилось ценой за спасение человечества. Ведь никто не говорит, что Христос заплатил слишком большую цену за спасение человечества?» — такова прохановская фирменная патетика... Нет, уважаемый, рядом с именем вашего языческого кумира не Христа вспоминать надо, но Ирода, убивавшего своих сыновей.

Царей и политиков судят. Даже если последние были во главе победившего народа. Народ и судит. Мертвые судят — и спрашивают о цене победы. Тридцать миллионов погибших оплатили своими жизнями не только Великую Победу, но и преступную неготовность страны к очевидно приближавшейся войне, отсутствие сколько-нибудь эффективной оборонительной политики и стратегии в годы, предшествовавшие войне. Не был ли этот провал результатом (среди прочего) репрессий против наиболее талантливой, наиболее инициативной, наиболее подготовленной профессионально части командования Красной Армии, развязанных Сталиным за несколько лет до начала войны? Да и вообще, в конце 30-х вождь, похоже, был занят не столько заботами о безопасности страны и созданием эффективной обороны, сколько интенсив-

ным уничтожением лучших умов нации, в том числе талантливейших представителей технической и научной интеллигенции. Нетрудно понять, какой интеллектуальный потенциал (и его «оборонная составляющая») был уничтожен, если выжившие (половина? треть? какая часть?), даже запертые в лагерных «шарашках», все-таки смогли обеспечить научно-технический прогресс — вплоть до ядерного оружия. Заслуга Сталина здесь разве только в том, что хоть кого-то оставил в живых...

Общеизвестно, что перед войной Гитлер, что называется, «вчистую» переиграл Сталина в дипломатическом маневрировании и начало войны стало для кремлевского «хозяина» полной неожиданностью. Но дипломатические игры ведутся не на фишки, а на жизни миллионов, и этот преступный проигрыш, причины которого надо искать прежде всего в некоторых свойствах личности Сталина (крайняя субъективность в оценке противника, болезненная подозрительность к собственным сотрудникам), обернулся для страны чудовищными потерями... Все эти действия Сталина в годы перед войной, растерянность в первые месяцы боевых действий — разве не тягчайшее преступление перед народом? Между тем военно-промышленный потенциал СССР в 1943-1944 годах, когда военная экономика все-таки заработала в полную силу, был никак не выше потенциала 1939-1940 годов. Достаточно вспомнить, например, что в год Победы в стране производилось в два раза меньше стали, чем накануне войны. За первые два года войны страной были потеряны богатейшие, промышленно развитые территории и колоссальные людские ресурсы: в землю полегли миллионы солдат и мирных граждан.

Прошло 65 лет со дня окончания войны, но глубокие раны, нанесенные России преступной политикой вождя, кровоточат до сих пор... Люди, насаждающие миф о святой безгрешности Сталина, делают вид, что не знают, не помнят о кровавой трагедии репрессированных народов, о бесчеловечной депортации чеченцев, ингушей, месхов, крымских татар... Но сами репрессированные, их потомки, конечно, ничего не забыли и вряд ли когда-нибудь забудут.

Стремясь увести своего кумира от суда истории, сохранить в неприкосновенности **Национальный миф** о непогрешимости Вождя, «сталинизаторы русского общественного мнения» теперь пытаются спрятать Генералиссимуса... на небеса. И в общественное сознание вместо исторической правды пытаются внедрить весьма сомнительного литературного вкуса «поэмы»: «У Священного Холма, что на Псковщине, в канун Победы было богомольцам видение. Разверзлись ночные небеса, и казалось, в буре света бойцы в плащ-палатках несут багряное знамя, и над ними острокрылый ангел трубит в золотую трубу. Пронеслись и исчезли. Медленно, среди туч, окруженный ночными звездами, проступил туманный лик. Генералиссимус смотрел с небес на ночную землю, думал сокровенную думу». Автор текста все тот же — Александр Проханов. Не ему ли и привиделось?

4. «Только трое исчезли в подвалах Лубянки...»

Во все годы своего правления Сталин вел ожесточенную войну с собственным народом, и об этой войне давно уже все сказано. И то, что от сорока до пятидесяти миллионов (по разным подсчетам) были подвергнуты репрессиям в той или иной форме, — знаем, подтверждено документально. И то, что не менее трети репрессированных погибли — были расстреляны, умерли от голода и болезней в лагерях, в ссылке, на принудительных работах, — знаем, подтверждено документально. И то, что репрессии не были некоторыми отдельными (пусть и многочисленными) «карательными акциями» против тех или иных слоев населения, но являлись основным принципом сталинской внутренней политики — принципом насилия, обоснованным теоретически: мол, по мере победы социализма сопротивление внутренних врагов усиливается, — об этом тоже знаем, помним, читали... Но даже зная все это, масштабы и саму суть этих сталинских преступлений трудно себе представить. Говорят, Сталин не был параноиком. Может, и не был. Но логика его действий никак не свидетельствует о здравом рассудке. Судите сами. Народ ведет тяжелейшую, кровопролитную битву на выживание с оголтелым и хорошо вооруженным внешним врагом, казалось бы, необходимо мобилизовать все внутренние ресурсы... но в то же время сотни тысяч, миллионы граждан, дееспособные взрослые заключены в лагеря и тюрьмы, лишены возможности встать на защиту Родины, заняты предельно непроизводительным трудом, практически вычеркнуты из оборонного потенциала страны.

Нынешние сталинисты, конечно, не могут делать вид, что репрессий не было. Но открывают они эти страницы истории только для того, чтобы оправдать Сталина, защитить его, даже здесь показать свое преклонение перед самым кровавым палачом в мировой истории. (Некоторые сомневаются: не Гитлер ли — самый кровавый? Не знаю. Спор за первенство пусть эти двое продолжат между собой — в аду.)

Здесь мы не будем много цитировать: сталинисты, хоть и отличаются один от другого языком, стилем, грамотностью, — но говорят все одно и то же. Следуя закону экономии информационных средств, предоставим слово уже знакомому персонажу, говорливому игумену Евстафию: «Сталинские репрессии — это тоже во многом миф, выдумка людей, которые хотят опорочить вождя. На деле пострадало не так много людей, многие из которых заслужили это своим поведением. Я жил в Иваново в конце 40-х – начале 50-х годов: по нашей улице — проспекту Сталина — свободно ходили священники, они служили в храмах. В начале мы в них кидали камнями, потом они нас угощали конфетами, и мы стали очень хорошо относиться к этим батюшкам...

Мы вообще слышали только о трех людях, которые исчезли в подвалах Лубянки. А знакомых у нашей семьи было очень много: в том числе среди интеллигенции, врачей, представителей власти».

Впрочем, игумен Евстафий иногда все-таки отвлекается от своих детских впечатлений (да и пора бы: ему уж скоро 70) и пытается обобщать — в духе «сталинизации общественного мнения»: «Говоря о ГУЛаге, можно перефразировать известную пословицу: "или ГУЛаг, или пропал". Если бы у Сталина не было таких жутких возможностей, как привлечение к строительным работам заключенных ГУЛага, то, я думаю, страна пропала бы: не было бы построено нужное количество заводов, фабрик и железных дорог. Это та ужасная цена, которую Сталин, скрепя сердце, должен был заплатить за благополучие своей страны». Мысль о том, что на строительных работах свободные люди работали бы лучше, производительнее, чем рабы-зэки, — такая мысль не может придти в голову блаженному «сталинизатору».

Впрочем, тут наш говорливый монах, может быть, сам того не зная, совпадает во мнении с людьми очень серьезными... В декабре прошлого года, когда сталинисты всех оттенков шумно отмечали очередной юбилей Вождя, в газете «Завтра» была опубликована, можно сказать, программная статья, подписанная именами четырех сотрудников редакции и занимающая почти полторы газетные полосы. Статья и называется программно: «Вопросы сталинизма». (Многозначительно манерный флер заголовка, конечно, очевиден всем, кто помнит сталинские «Вопросы ленинизма».) Это не просто статья, это документ, трактующий, в основном, о методах и успехах «сталинской модернизации». Сам по себе документ очень симптоматичен и заслуживает того, чтобы несколько позже вернуться к нему. Пока же, задавшись целью посмотреть, что сталинисты позволяют себе помнить и какими словами говорят о сталинских репрессиях, процитируем из «Вопросов...» только один пассаж:

«Для реализации ряда масштабных проектов, — не только трудоемких, типа Беломоро-Балтийского канала, но и некоторых важнейших оборонных заказов ("шарашки"), — широко использовался труд заключенных. За 24 года сталинской модернизации (1930 – 1953) в местах заключения погибло почти 1,6 миллиона человек, но население страны примерно за тот же период, 1926 – 1953 годы, несмотря на все "сталинские репрессии" и военные потери, выросло со 147 до 188 млн человек (в том числе городское — с 26,3 до 80,2 млн человек). За эти годы были построены тысячи новых заводов и фабрик, создана передовая, для того времени, инфраструктура экономики, совершены важнейшие научные открытия и технологические разработки, открыты и частично освоены богатейшие месторождения полезных ископаемых».

Погибло более полутора миллионов... зато освоены месторождения... Какая бессовестная, циничная... и нелепая логика!.. Да и все в этом пассаже и цинично, и нелепо, и лживо. Например, упоминание о приросте населения. При чем тут Сталин? Ну, разве что приплюсовал население аннексированных в 1939-1940 годах территорий — Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии. Правда, существенную часть

населения этих территорий тут же отправил в лагеря. Впрочем, авторы «Вопросов...» обо всем этом — ни единого слова, ни единой цифры... Конечно, не заговаривают они и о том, что прирост населения был бы существенно больше, если бы в те же годы не менее 40 миллионов человек не были подвергнуты репрессиям ...

Не идут к делу и «важнейшие научные открытия и технологические разработки». Оно конечно, страна и при Сталине как-то жила, и люди продолжали мыслить, совершать открытия, разрабатывать технологии... и после зимы наступало лето. Но хвастаться тут нечем: посчитайте, если в лагерях, по самым-самым заниженным, официальным оценкам погибли 1 миллион 600 тысяч человек (а по оценкам независимых специалистов всего в результате репрессий погибло народа едва ли не в десять раз больше), то сколько с ними погибло «важнейших научных открытий и технологических разработок»? А уж что касается «передовой для того времени инфраструктуры экономики», то, как мы уже вспоминали, первые же месяцы войны, да и долгая череда послевоенных лет показали, насколько эффективна и инфраструктура, и «сталинская» (или, попросту сказать, социалистическая) экономика в целом...

Так что же в приведенном пассаже главное? А главное здесь — стремление показать, что «сталинские репрессии» не есть универсальный и всеобъемлющий стиль сталинской внутренней политики, но на общем фоне побед и свершений явление, во-первых, по своим масштабам незначительное, почти ускользающее, можно даже в кавычки взять, и, во-вторых, до некоторой степени даже небесполезное: «широко использовался труд заключенных»... Таков **Национальный миф № 3.**

На этой ценной, можно сказать, концептуальной мысли мы на время с «Вопросами сталинизма» расстанемся. Концепция ясна. Но все-таки нам она интересна не сама по себе (в ней, по сути, нет ничего нового, все это многократно повторено советской пропагандой), но интересны, так сказать, глубины психологии тех, кто в своем иррационально-неудержимом влечении к Сталину и в наше время, уже после того как были обнародованы реальные цифры и факты, продолжают мифологизировать историю и для этого прибегают к безудержной «концептуальной лжи».

5. «Малиновая свежесть сталинских губ»

Вообще-то, для того чтобы понять глубинные корни иррационального влечения к Сталину, много читать не обязательно, достаточно познакомиться с одними только текстами писателя Александра Проханова. Его статьи всегда на первой полосе, и в редкой из них автор обходится без имени Сталина, о чем бы ни шла речь. Или даже не так: речь почти всегда идет о Сталине, а уж контекст бывает разный. Недавно я был совершенно потрясен и почувствовал даже некоторую зависть перед искусством коллеги: имя Сталина оказалось главным компонентом статьи... о

землетрясении на Гаити. А все очень просто: землетрясение — дело рук американских спецслужб, и в ответ на эту акцию во льдах русской Арктики должен курсировать крейсер «Иосиф Сталин» с геофизическим оружием на борту.

В художественном (назовем его так для удобства речи) мире Проханова Сталин — фигура космически-мистическая... но и живой человек. Живой человек с чрезвычайно привлекательной внешностью. И рисуя внешность, художник использует весьма нежные краски, какие и женщине было бы уместно использовать для описания предмета своей страсти... Процитируем отрывок из романа, который был опубликован в газете «Завтра» (прошу извинить за обширную цитату):

«В ту же минуту из-за постамента вышел мужчина, молодой, с черной бородкой, с черными, спускавшимися на лоб волосами, легкий в походке, грациозный и узкий в талии, переставляя быстрые ноги в мягких коротких сапожках. Алексей узнал в нем Сталина, в ранний, кавказский период... Сталин положил на стол ладони, и Алексей заметил, какие длинные, гибкие, с розовыми гладкими ногтями у него пальцы... Сталин барабанил пальцами по столу, блестел молодыми, оливковыми глазами... Алексей слушал и при этом замечал, как сидящий перед ним темноволосый молодой человек с оливковыми глазами постепенно меняет внешность. Волосы его становились гуще, приобретали слабый медовый оттенок. Зачесанные назад, они открывали широкий лоб (?? — *Л. Т.*), на котором обозначились морщины и выпуклые надбровные дуги. Щеголеватая бородка исчезла, образовались густые усы с легкими завитками на концах. Губы, утратив малиновую свежесть, стали резче, подвижнее...»

Нас, конечно, интересуют не личные пристрастия писателя Проханова — пусть даже и к Сталину. Нас интересует, почему человек, который о суровом, жестоком историческом деятеле пишет, как женщина о предмете своего восторга, — почему такой человек становится лидером и выразителем симпатий значительного слоя российского населения?.. Впрочем, ответ на этот вопрос был дан давно, задолго до того, как родился писатель Проханов. Обратимся к замечательному русскому философу Николаю Бердяеву и позволим себе привести еще одну пространную цитату — на этот раз из книги «Судьба России», которая вышла в Москве в 1918 году, в исторической ситуации, которую сам автор понимал как «русское падение»: «Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия — земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти — так характерна для русского народа и для русской истории <...> Это вполне подтверждается и русской революцией, в которой народ остается духовно пассивным и покорным новой революционной тирании, но в состоянии злобной

одержимости <...> Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери <...> Русский народ хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа...»

Сразу заметим, что того русского народа, о котором говорит Бердяев, давно уже нет. Во-первых, «жених, муж, властелин», явившийся в результате революции, оказался садистом и убийцей, и «тепло коллектива», «стихия земли» были им напрочь разрушены и залиты кровью. В результате многолетнего насилия русский народ изменился до неузнаваемости, но, конечно, не исчез: он все еще оставался почвой, землей, но земля эта уже не «невестилась», — она была насильно перепахана, многократно и в самой извращенной форме (среди прочих и наиболее жестоко — И. Сталиным), и засеяна семенами лжи и ненависти, и вновь и вновь поливалась кровью — и во время Великой войны, и во время великого террора.

И все-таки иногда кажется, что «рецептивная женственность» прочно закреплена в геноме иных русских. Закреплено преклонение перед силой, готовность подчиниться чужой воле... и тут же стремление самому совершить насилие, «в состоянии злобной одержимости» охотно влиться в ряды насильников. Не эти ли качества проявляют те, кто обожествляет кровавого диктатора?

Впрочем, обратимся к еще одному отрывку из романа Проханова. Скажу сразу, что отрывок, который я сейчас процитирую, произвел на меня как на читателя сильное впечатление, — говорю об этом без иронии, с уважением: здесь писатель Проханов честно, без лукавства открыл самую суть своего влечения к Сталину, и это дорогого стоит:

«Алексей заметил, как изменилась внешность Сталина. Его лицо осунулось и постарело, на щеках и лбу пролегли едкие морщины. Волосы были зачесаны назад, и в них появилась желтоватая седина. Усы стали реже, без щеголеватых завитков на концах, с никотиновой желтизной. По всему лицу стали заметны оспины, словно следы от ударов крохотных градин. Этими градинами, оставлявшими на лице металлическую рябь, были годы пятилеток, возведение заводов и домен, создание новых самолетов и танков, собирание колхозов и строительство городов. Это были годы судебных процессов, где прежние соратники отправлялись в расстрельные рвы, тюремные эшелоны расползались в пустыни и тундры. И он один, в кремлевском кинозале, в который раз смотрел черно-белый, колдовской фильм "Триумф воли" — творение гениальной и безжалостной немки, магическое искусство которой была направлено против его "красной империи"».

Заметим, что фильм Лени Рифеншталь был в основном снят в 1934 году на съезде гитлеровской партии, в первые месяцы существования «Третьей империи», и сам фильм против «красной империи» никак не направлен. Если же Сталин действительно неоднократно смотрел «Триумф воли», то, скорее всего, потому, что «колдовство и магия» этого

фильма — в точно переданной режиссером завораживающей, захватывающей обывателя эстетике национал-социалистического имперского порядка — порядка, объединяющего под властью единой воли, в едином строю, в едином порыве, в едином восторженном вопле всю нацию целиком — всю до единого человека. «Гитлер — это Германия! Германия — это Гитлер!» — этим воплем и заканчивается фильм. Если Сталин действительно смотрел «Триумф воли» неоднократно, то, может быть, потому, что видел в этом фильме свою нереализованную мечту: ему, даже при всей абсолютной власти, такого, почти механического порядка было не добиться: не та страна, не та история, не тот народ. Германия была обманута нацистами, загипнотизирована Гитлером. Россия — изнасилована и растоптана коммунистами и Сталиным... Но у Проханова сцена убедительная: проходят годы, меняются эпохи, но в кремлевском кинозале одинокий Сталин (или теперь вдвоем с Прохановым?) снова и снова упивается захватывающей, возбуждающей его эстетикой национал-социалистического съезда...

Не знаю, сколь часто на самом деле смотрит фильм Рифеншталь писатель Проханов, но мне кажется, что в наши дни ему больше пристало бы смотреть великий фильм другой женщины-режиссера — «Ночной портье» Лилианы Кавани. Этот фильм — трагическая история неодолимого сладостного влечения, которое бывшая узница фашистского концлагеря через много лет после освобождения испытывает к скромному гостиничному портье: в нем она узнает своего мучителя, палача того самого лагеря — человека, который собственноручно выжег ей на плече лагерный номер, который растлил ее... но которого она страстно любит. Фильм кончается тем, что палач и жертва, обнявшись, идут навстречу смерти — и вместе погибают...

Сталин — ночной портье России. Он изнасиловал страну и одних казнил, других — растлил насилием... Люди, которые испытывают садомазохистское влечение к жестокому палачу, люди, которые в сладостном экстазе оправдывают все его преступления, — эти люди мечтают и теперь поставить народ перед страшным выбором: одним — творить насилие, другим — в силу «рецептивной женственности» русского характера подчиняться насилию... На языке политики то, о чем они мечтают, можно было бы назвать **имперским национал-коммунистическим порядком с Новым Сталиным во главе**. Это, насколько умеет по-русски, и объяснил нам писатель Проханов. С наивной двусмысленностью он называет свою мечту «Пятой Империей Русских».

6. «В реторте клубились смыслы...»

Предыдущие страницы этой статьи были уже написаны, когда, просматривая интернет-портал газеты «Завтра» в поисках новых «сталинизаторских» откровений, я вдруг наткнулся на следующие строки:

«Александр Проханов, прежде всего, — писатель и идеолог — Великий Русский Писатель, художник слова, создавший потрясающие художественные полотна, и Идеолог, генератор идей, которые могут и должны спасти Россию (и, следовательно, мир). Второго писателя, равного по величине и масштабности, по вселенской всеохватности, — в России, а, соответственно, и в ее глобальных окрестностях, нет...» (Кто автор, признаться, не упомню, да это и не важно.) Прочитал я... и растерялся. Такой человек! А я позволял себе иронизировать по поводу его текстов... В свое оправдание скажу, что мне, должно быть, не повезло: «потрясающие художественные полотна» мне как-то не встретились, а попадались все больше строки, исполненные дурного вкуса и неряшливые. Судите сами: «Медленно, среди туч, окруженный ночными звездами, проступил туманный лик». Как это? Оно ведь как бывает: или тучи, или звезды... Или вот еще: «сохранение "русской цивилизации" перед лицом ее полного уничтожения». Оказаться «перед лицом смерти» — можно. Можно оказаться «перед угрозой уничтожения». А вот «сохранение... перед лицом уничтожения» — это невозможно, по-русски так не говорят, безграмотно это... Ну, а уж то, что Сталин «переставлял быстрые ноги» или «блестел молодыми, оливковыми глазами», — это уж, братцы, извините, комментировать просто нет возможности!

Можно бы, конечно, долго инвентаризировать «потрясающие полотна», однако наша задача — не литературно-критический анализ. Ну, пишет и пишет человек в свое удовольствие, — написав «Сталин блестел глазами», сам, небось, был в восторге, — и пусть пишет, как хочет, Бог с ним совсем. Нам важнее другое: громкое объявление, что Проханов, мол, — Идеолог, который должен спасти Россию и все человечество...

Увы, как и в случае с художественными полотнами, со спасительными идеями у Проханова дела обстоят неутешительно. Да и у других неосталинистов не лучше. Можно, конечно, вдохновляясь экранным воплощением давнишнего съезда НСДАП, мечтать об установлении и в России имперского порядка, о некоей «Пятой Империи». Можно даже на пути к этому порядку объявить всеобщую «сталинизацию русского общественного мнения» и пообещать поднять на штыки и в чем-то провинившихся «энтэвэшников», и других сторонников «либерастии». Можно до мозоли на языке повторять, что нынешние власти никуда не годные, антинародные, оккупационные и т. д. и т. п. Но всего этого мало: необходимо все-таки предложить народу, обществу некую конструктивную идеологическую систему, которую народ, общество — то есть большинство избирателей (не о революции же люди мечтают! вон и в 1933 году фашисты без революции обошлись) — примет как свою и на основе которой дальше жить будем. ...И вот тут у нынешних сталинистов ну просто никак ничего не получается: нет у них ни сколько-нибудь стройной идеологической системы, ни сколько-нибудь конструктивной политической программы.

Здесь, кажется, взгляду неосталинистов надо бы прежде всего обратиться к коммунистам: уж у них-то должна быть какая-никакая Государственная Идеология, да и Сталин им ближе, чем кому бы то ни было... И действительно, еще лет пятнадцать назад Проханов с надеждой смотрел именно на КПРФ. И даже в свойственной ему манере, использованной потом для портрета молодого Сталина, по-женски нежно живописал облик лидера коммунистов Зюганова: «...его огромный лбище, голубые под пшеничными бровями глаза, рокочущий бас, широкая вразвалку поступь»... И красиво изображал свое с Зюгановым будущее: «Я подозреваю, Зюганов остро чувствует эту дилемму: остаться ли ему лидером традиционной парламентской партии, в которую он превратил КПРФ, давая ей возможность выжить и действовать, обрекая ее на унылый парламентаризм, или же, исцелив организацию, оснастив ее запасом социальной прочности, снова, продолжая коммунистический завет, бросить вызов пошлой стихии, предпринять попытку здесь, в России, овладеть историей, перехватить ее у Запада, развернуть в "русскую сторону", туда, где мерещится "русское будущее", "русское солнце", "русская несказанная мечта". Что это за "мечта" и "солнце", дадут ответ теория и идеология Русского Коммунизма, на освоение которых, я убежден, Россия потратит следующий век» («Советская Россия», 21.09.95)...

Нет, все-таки иногда Проханов довольно точно употребляет русские слова: пятнадцать лет назад ему нечто «мерещилось»... Мерещилось, мерещилось... померещилось. За последние пятнадцать лет никакая сколько-нибудь заметная «теория и идеология Русского Коммунизма» не только не начала осваиваться, но даже и вообще не возникла. А партия Зюганова, сосредоточившись в основном на защите социально-экономических интересов своих избирателей (впрочем, как всегда у коммунистов, — на «защите» чисто демагогической), и по сей день «обречена на унылый парламентаризм». Да и на этой стезе коммунисты влачат весьма скромное существование, теряя влияние от Думы к Думе...

Нет, оказывается, не ради плоских социально-экономических интересов затевается «сталинизация русского общественного мнения» и предпринимаются попытки конструировать «идеологию Русского Коммунизма». Не ради пошлой сытости поднимается над головами, как пестрая еретическая хоругвь, мечта о «Пятой империи». Более того, неосталинисты вообще даже готовы признать, что в области экономики конкуренцию с ненавистным Западом (читай: с демократическим порядком) им не выдержать — и не надо, не это главное: «После XX съезда коммунизм стал восприниматься снова как "пир на весь мир", то есть через призму сугубо внешнего, материального благополучия. Не удивительно, что идеология умерла, как только свои материально-технические преимущества продемонстрировали страны Запада». Это из программного документа «Вопросы сталинизма», который мы уже вспоминали

и который теперь поможет лучше понять, каковы же все-таки идейные основы Русского Коммунизма и грядущей «Пятой империи».

Авторы документа правы: смерть, разложение, окончательный уход в небытие «классической» коммунистической идеологии, кажется, действительно состоялись. По крайней мере, у неосталинистов никакой генетической связи с марксизмом-ленинизмом не просматривается: в «Вопросах сталинизма» не вспоминаются ни имена «основоположников», ни само их учение. Вообще язык, стиль этого документа разительно отличается от языка партийных документов прошлого, тяготевших к рационалистическому, «научному» мировосприятию. Нет, здесь рационализм и близко не присутствует. Разве Ленин, да хоть бы и сам Сталин могли бы говорить о коммунистической партии, о ее деятельности такими вот словами: «Как назывался модернизационный субъект, на который опирался Сталин в своем рывке? Это была Партия. Ее метафора — алхимическая реторта, в которую опытная рука собирает воедино развеянные в космосе энергии. При Сталине эта реторта вбирала в себя энергии общества и поддерживалась в раскаленном состоянии, ее содержимое постоянно выпаривалось и обновлялось. Вещество двигало самое себя и все вокруг. "Теплокровности" не допускалось. В этой реторте клубились смыслы, замышлялись новые города, науки, индустрии, давались имена невиданным, вырванным из Небытия сущностям».

«В реторте... замышлялись новые города», — конечно, сильно сказано! Но понятно, что не марксизм-ленинизм. И в то же время «алхимия», «развеянные в космосе энергии», «сущности, вырванные из небытия» — вся эта терминология, близкая... оккультизму, как увидим через пару абзацев, вовсе не случайна.

Пожалуй, неправильно говорить, что неосталинисты реанимируют Сталина. Нет, они его заново конструируют. Тот реальный, исторический Сталин им не годится по многим параметрам. Для нужд нынешней «сталинизации русского общественного мнения», для нужд «Пятой империи» им нужен не автор «Вопросов ленинизма», не яростный автор и последовательный воплотитель коммунистической доктрины с его категорическим неприятием частной собственности, даже и не строитель послушной, но неповоротливой и коррумпированной бюрократической системы (та самая «алхимическая реторта», в которой «клубились смыслы»). Им нужен Герой по имени Русская Несказанная Мечта. И чтобы в руках у Героя была мистическая Чаша Грааля, дающая власть над миром — без всяких там выборов или революций. Только такой вывод и можно извлечь из «документа четырех», прочитав в нем раздел «Метафизический Сталин».

Смысловое ядро этого раздела составляет цитата из ранее опубликованного в той же газете «Завтра» очерка «Мистический сталинизм» (автор — некто Сергеев): «Для Сталина власть была неизбежным и необходимым условием для воплощения той колоссальной исторической

сверхзадачи, поставленной перед Россией высшими, небесными силами в те дни, когда еще не было ни Рюриковичей, ни славян, ни скифов, когда еще не успела начаться человеческая история. Эта сверхзадача, сокровенная сердцевина небесных предначертаний русской судьбы, стала для Сталина личным политическим проектом». Процитировав своего устремленного в астрал коллегу, авторы документа заключают: «В глубинной основе сталинской политики лежала доктрина русского космизма. Это "философия общего дела", ориентированная на бессмертие. Это идея "одухотворенной вселенной", нацеленная на преодоление вселенской энтропии, на пробуждение мертвой материи».

Таково движение идеологии неосталинистов: от псевдонаучного коммунизма к темному оккультизму, от квази-рационализма Маркса-Энгельса-Ленина к мистической мешанине из Блаватской-Штайнера-Федорова. И тут, конечно, очевидна генетическая связь будущей «Пятой империи» с канувшей в вечность «Третьей империей». В романтическую пору политического детства те тоже увлекались оккультизмом и мистикой, и НСДАП Гитлера, как известно, начинала свою историю как один из филиалов тайного общества Туле, где посвященные приобщались идеям «космизма» и постигали «сокровенную сердцевину небесных предначертаний», но, понятно, не русской, а германской судьбы. Сам же Гитлер, уже будучи фюрером всех немцев, считал себя воплощением духа императора Фридриха II... Ну, вот и приехали. В кого же теперь идеологи «Пятой империи» хотят переселить очищенный от марксизма дух Иосифа Сталина?

И все-таки, может быть, русский народ, обретший новую мужественность в борьбе за демократию, впредь обойдется без империй? И без новых инкарнаций кровавого Кобы, о котором с исчерпывающей точностью сказал недавно один из иерархов Русской православной церкви, один из ближайших сподвижников Патриарха Кирилла архиепископ Иларион: «...Сталин был чудовищем, духовным уродом, который создал жуткую, античеловеческую систему управления страной, построенную на лжи, насилии и терроре. Он развязал геноцид против народа своей страны и несет личную ответственность за смерть миллионов безвинных людей... Количество жертв сталинских репрессий вполне сопоставимо с нашими потерями в Великой Отечественной войне».

Великий русский философ Василий Розанов когда-то выдохнул: «Все русское печально...» Печальна и логика движения идеи Русского Коммунизма. Неужели судьба «Третьей империи» ничему не научила? Да и судьбу «Четвертой, красной империи» не следует ни забывать, ни идеализировать: «триумф воли» всегда кончается большой кровью и большим крахом... Пришла пора менять дискурс.

Мы вновь приглашаем читателей на страницы ставшей для нас уже постоянной рубрики, о характере и назначении которой рассказано в предыдущих номерах. На сей раз мы публикуем статью Юлии Латыниной «Рой, или Антибулочник. Как на самом деле устроена современная Россия» («Новая газета», № 7, 25 января 2010 года) и материал «Выжить в одиночку. Что делать, если вами заинтересовались правоохранительные органы», подготовленный журналистами «The New Times» (№ 43, 30 ноября 2009 года).

Юлия ЛАТЫНИНА

РОЙ, ИЛИ АНТИБУЛОЧНИК

Как на самом деле устроена современная Россия

1. Адам Смит

1.1. Согласно Адаму Смиту, благодаря рынку каждый человек, преследующий собственную выгоду, увеличивает общее благо. Когда булочник печет булки, он не думает о всеобщем благе, он думает о выгоде. Но в результате его деятельности всеобщее благо увеличивается.

Нетрудно заметить, что такое соотношение личного и общественного блага в обществе существует не всегда. Мародеры, разоряющие город, увеличивая собственное благо, не увеличивают общественного. Чиновник, высасывающий из предыдущей должности достаточно денег, чтобы купить следующую, не увеличивает общественного блага. В истории есть масса обществ, в которых было выгодно быть мародером, а не булочником.

1.2. Общество, в котором выгодно быть булочником, является открытым обществом. Общество, в котором выгодно быть мародером, является закрытым обществом.

1.3. В путинской России невыгодно быть булочником. Выгодно быть пожарным, налоговым или санитарным инспектором, который булочника проверяет. Путинская Россия — серьезный случай деградации закрытого общества.

2. Деградация экономики

2.1. Любое закрытое общество экономически деградирует. Никто не хочет производить — все хотят контролировать производителя. Булочник,

который пытается выпечь хлеб, или предприниматель, который пытается организовать производство мобильников, демонстрируют нерациональное экономическое поведение. Оно не максимизирует их выгоду, оно максимизирует их уязвимость. Рациональное экономическое поведение демонстрируют чиновники, вымогающие у предпринимателя взятку.

Минимально сложная экономическая деятельность перестает быть возможной. Ее заменяет импорт, потому что при импорте любого товара сумма трансакционных издержек всегда будет меньше, чем сумма трансакционных издержек при его производстве. На месте производится только то, что нельзя произвести в другом месте. Скажем, магазины или аэропорты в подобном обществе все равно сохранятся, потому что нельзя же москвичу покупать молоко в магазине, расположенном в Варшаве.

2.2. Частным случаем экономической деградации является невозможность развития высоких технологий. Высокие технологии являются самой волатильной частью экономики. В Византии не бывает нанотехнологий.

3. Деградация мотиваций

3.1. Не менее важным следствием является африканизация общества: деградация мотиваций и ожиданий. Мотивация «сделать карьеру в компании» заменяется мотивацией «устроиться на доходное место».

Уровень образования падает, система жизненных стимулов учащихся разрушается. Если федеральный судья получает доход 500 тыс. долл. ежемесячно, то нет никакой рациональной причины учиться для того, чтобы получить базовую зарплату 500 долл. Честность и образованность являются экономически абсурдным поведением.

3.2. Следствием деградации мотиваций является полная деградация системы образования. Иллюстрацией такой деградации может, например, служить «международный филиал юрфака МГУ в Женеве». О существовании этого учебного учреждения стало известно после того, как четверо его учащихся устроили в Женеве гонки на «Феррари» и «Ламборджини». Руководил «международным филиалом» некто г-н Гасанов, за несколько лет до того задержанный прямо в здании МГУ за хищение 10 млн долл. у правительства Азербайджана, а преподавание, согласно сайту МГУ, велось в Женеве на русском языке.

О качестве дипломов этого учреждения можно только догадываться: поразительно не то, что богатые недоросли не могли поступить в Оксфорд или Гарвард. Поразительно, что отцы их не считали это нужным.

А вот другой пример: по итогам работы лагеря «Селигер» в 2006-м «Наши» обещали, что лучших выпускников лагеря отправят на стажировку в «Газпром» и администрацию президента. Предлагать обучение в Гарварде им даже не пришло в голову. Для сравнения: правительство Грузии оплачивает обучение любого грузинского студента, сумевшего самостоятельно поступить в университет из первой десятки.

Мотивационный рак поражает не только настоящее, но и будущее общества.

4. Деградация системы управления

4.1. В условиях закрытого общества каждый уровень и каждая часть системы управления, будь то ведомство или отдел в ведомстве, превращаются в госкорпорацию, заинтересованную в максимизации ареала, с которого они могут вымогать взятки.

Стратегический ущерб, наносимый при этом самому обществу, во внимание не принимается. Возьмем, к примеру, Минфин. Как устроен российский бюджет?

Он устроен так, чтобы максимизировать власть каждого отдельного чиновника над его распределением и власть всего Минфина — над страной. Тот факт, что губернаторы, получающие деньги из центра, оказываются не заинтересованы в развитии налоговой базы на своей территории, а заинтересованы в отчуждении и присвоении местного бизнеса, на мотивации чиновников Минфина не влияет. На их мотивации как группы влияет только тот факт, что чем больше губернатор будет зависеть от центра, тем большие откаты будут доставаться центру, то есть данным чиновникам. В закрытом обществе каждый уровень управления пытается максимально расширить объем потенциального воровства.

4.2. При этом система перестает выполнять приказания даже сверху. К примеру, строительство Сочи является личным проектом Путина. Однако стройка движется вяло, потому что две группы конфликтующих чиновников просят с каждого подрядчика огромные откаты. Если платить только одной группе, вторая группа сорвет проект, а если платить обеим, то сумма откатов превысит любую возможную прибыль от проекта.

В феврале 2008 года Владимир Путин побывал в Ботлихе и потребовал построить там военную дорогу, которую он охарактеризовал как «еще один коридор выхода на Грузию». Он подчеркнул, что по дороге будет идти «тяжелая военная техника». Однако к августу 2008 года дорога, по которой можно было войти в Грузию с третьего направления, не только с Южной Осетии и Абхазии, но из Дагестана, не была построена по простой причине: воровство.

4.3. Система ведет себя так, как будто каждый чиновник — не только Путин — является центром псевдоуправления. Каждый хочет решать все.

5. Деградация системы насилия

5.1. В свое время американский экономист Артур Лаффер заметил, что если количество налогов переходит определенный порог, то их собираемость начинает падать, а не расти. Это явление называют «кривой Лаффера». Очевидно, что такой же порог существует и относительно

преступлений. Дмитрий Каменщик, совладелец аэропорта Домодедово, называет этот порог пенитенциарным порогом.

5.2. В стране, где количество преступлений выше пенитенциарного порога, расследование преступлений становится бессмысленным. При превышении пенитенциарного порога система институционального насилия перестает предотвращать преступления и начинает их порождать.

5.3. Всякую систему характеризует не ошибка. Всякую систему характеризует реакция на ошибку. В настоящий момент, если милиционер или чиновник совершает преступление, система пытается их защитить.

5.4. В результате, во-первых, преступление перестает быть преступлением и рассматривается как привилегия, предоставленная чиновнику.

5.5. Во-вторых, силовики перестают делать то, для чего они предназначены, то есть собственно раскрывать преступления. Очень часто считается, что МВД или прокуратура не работают, когда надо наказать вышестоящих. Это не так. Система не работает в принципе.

Вот простой пример: 20 марта 2009 года прямо на взлетной полосе Внукова неизвестные вооруженные люди за 24 секунды ограбили курьера, везшего 43 млн рублей наличными из Махачкалы. Таких курьеров, перевозивших наличку, до этого постоянно грабили сотрудники милиции аэропорта; но после того, как по факту ограбления было заведено уголовное дело, случился грабеж с помощью «неизвестных лиц», прекрасно, впрочем, знакомых со службой безопасности аэропорта. Напомню, что Внуково — правительственный аэропорт, и по идее вместо вооруженных грабителей на поле могли проникнуть террористы с целью захвата самолета Владимира Путина.

Казалось бы, безопасность В. В. Путина стоит несколько выше, чем неприкосновенность шайки ментов, грабящих перевозчиков черного нала. Однако дело так и не было раскрыто. И это при том, что махачкалинские пацаны нашли наводчика и, предварительно расспросив, сдали его органам.

5.6. В-третьих, подчиненный выполняет приказ начальства, только если он максимизирует собственное благо подчиненного. Иначе говоря, в такой системе нет приказов: есть только заказы. Отношения между начальником и подчиненным очень похожи на отношения двух агентов рынка, покупателя и продавца. Продавец — это начальник, который предлагает тему, но покупатель купится, только если это ему выгодно.

5.7. В-четвертых, когда система выполняет-таки заказ сверху, она не способна выполнить его квалифицированно. Примером этому является уголовное дело против Ходорковского, обвиняемого в физической краже всей произведенной ЮКОСом нефти.

6. Рой

6.1. «Система» — не очень точное слово для описания подобной организации. Слово «система» предполагает высокую упорядоченность и часто центральное руководство. Куда более точным будет слово «рой».

6.2. Рой — это высокий уровень организации, существующей, однако, на основании простейших инстинктов. Термиты способны воздвигать сооружения замечательной сложности, однако не при наличии центрального руководства, а только из-за ряда простейших команд типа: «Если другой муравей пометил это место феромоном, оставь здесь веточку».

Точно так же российские менты способны воздвигать очень сложные уголовные дела, повинуясь простейшим командам: «Если с этим человеком что-то случилось, заведи на него дело». Недавно у знакомой предпринимательницы украли сумку с очень важными документами. Она пришла в милицию. Первый вопрос ей был: «А, так вы предприниматель?» Через час бедной женщине удалось уйти: какая уж там сумка!

6.3. У роя нет общего разума. У роя есть только индивидуальные инстинкты. Одна часть роя не способна отдавать приказы другой. Именно поэтому приказы начальства в России выполняются (феромон, оставленный начальством, действует), только если гормональное состояние подчиненной особи способствует тому, чтобы приказ был выполнен. Если генерал говорит голодному майору: «Не трогай», — майор продолжит жрать. Если генерал скажет сытому майору: «Жри», — то майор жрать не будет.

6.4. Для роя не важно, если какие-то его члены отказываются вести себя общепринятым образом. Не все чиновники берут взятки. Не все милиционеры убивают людей. Но это не важно: это как в городе, отданном мародерам. Некоторая часть солдат может отказаться грабить и убивать. Но на судьбу граждан города это мало повлияет.

6.5. Мародерство — это высшая форма социальной дезорганизации. В принципе мы к ней близки.

7. Централизация

7.1. Если основные деньги в стране зарабатываются на рынке, то компании размещают производство там, где по оптимальным ценам можно купить землю и рабочую силу. Это автоматически обеспечивает децентрализацию экономики. Если основные деньги зарабатываются с помощью административных решений, то компании стремятся обосноваться там, где подписанное решение приносит больше всего прибыли. Это автоматически обеспечивает сосредоточение всех, кто хочет заработать деньги, в Москве.

7.2. В результате с административной точки зрения страна делится на Москву, где никто не принимает решений, потому что у разных кланов

слишком разные интересы, и всю остальную территорию, где никто не принимает решений, потому что надо спросить Москву. С точки зрения транспортной Россия делится на Москву, по которой нельзя проехать из-за пробок, и на остальную территорию, по которой нельзя проехать из-за отсутствия дорог.

7.3. Транспортная система России вообще служит очень хорошей метафорой российского общества. Представим себе чиновника, который украл все деньги на ремонт дороги, а проблему собственного передвижения по дороге разрешает с помощью мигалки. С дорогой будет то же, что с системой управления Россией.

8. Эмиграция

8.1. Тоталитарные режимы прошлого пытались покорить весь мир. Поэтому они запрещали «утечку мозгов». Сталин мог сгноить ученого в Сибири, но он не отпускал его на Запад. Нынешний российский режим не пытается покорить весь мир, потому что если он его покорит, то негде будет покупать «Мерседесы» и негде будет хранить деньги, полученные от экспорта нефти.

С 1991 по 1996 год, в самый разгар постперестроечной нищеты, из России уехало 429 тыс. человек. С 2003 по 2008-й, в самое благополучное нефтяное время, из России уехало до 440 тыс. человек. Люди едут за свободой, а не за колбасой.

8.2. Чем больше талантливых особей уедет, тем легче управлять оставшимся роем. Режим де-факто поощряет «утечку мозгов».

9. Память

9.1. Одна из самых очевидных примет отсутствия у роя разума — это отсутствие у него памяти. Рой не помнит, что было вчера. Если рой комаров висит над одним местом, потом над другим, а потом перемещается на прежнее, это не потому, что он вспомнил что-то о первом месте. Это произошло благодаря случайному движению членов роя и команде: «Держись на таком-то расстоянии от ближайшей особи».

9.2. Наш правящий рой демонстрирует полное отсутствие памяти. Сегодня мы клеймим ВТО, в состав которого мы будем вступать только вместе с дружественной Белоруссией, а завтра — Лукашенко, который под предлогом таможенного союза хочет беспошлинно получать нашу нефть. Мы дружим с США по вторникам, четвергам и субботам, когда Путин встречается с Обамой, и враждуем с ними по средам, пятницам и воскресеньям, когда Путин решает запретить американские окорочка или обругать американскую ПРО.

9.3. Система не помнит, что она говорила вчера, система реагирует только на сегодняшний раздражитель.

10. Пиар вместо идеологии

10.1. Есть единственная функция высшей нервной деятельности, которая отмирает последней: это функция самооправдания. Ничто так не свойственно человеку, как желание чувствовать себя великим, и ни у кого такое желание не бывает острее, чем у окончательно опустившегося наркомана.

Что говорит себе наркоман? А) Они все меня не уважают. Б) Я самый великий. В) Я им еще покажу. Чем больше наркоман колется, тем дальше он улетает от действительности; чтобы улететь от действительности, ему нужна все бóльшая и бóльшая доза.

10.2. Самоощущение правящего роя совпадает с самоощущением пьяницы. Наркотик они потребляют через Останкинский шприц.

10.3. Это самоощущение ни в коем случае не является идеологией. Это — пиар. Идеология — это алгоритм, предписывающий то, что, по мнению носителя идеологии, является правильным поведением. Пиар — это способ оправдать любое поведение.

11. Адам Смит

11.1. Общество должно быть сконфигурировано таким образом, чтобы стремление к личной выгоде оборачивалось стремлением к всеобщему благу. Это и есть определение экономически свободного общества.

Во многих других обществах — бюрократических, феодальных, сословных — собственную выгоду максимизируют за счет других. С момента научно-технической революции все эти общества стали неконкурентоспособны.

Вопреки пессимистическому взгляду, что, мол, «Россия ни к чему не пригодна» и ей на роду написано рабство и низкопоклонство перед начальством, — взгляду, который усиленно пропагандирует правящий рой под маркой «уникального исторического пути России», — мы видим, что самые разные нации в самые разные моменты времени переходили к открытому обществу.

Китай в начале XX века был умирающей империей, где чиновники курили опиум, ненавидели иностранцев и продавали им родину. В середине XX века в Китае ели людей от голода. Сейчас Китай является стремительно развивающейся сверхдержавой. Грузия семь лет назад была квинтэссенцией совка и синонимом слов «блат», «коррупция» и «вор в законе». Сейчас в Грузии полицейские не берут взяток, а по степени открытости экономики страна занимает одно из первых мест в мире. Южная Корея и Северная Корея различаются не «историческим путем» и не «неповторимой душой народа». Они различаются исключительно системой управления.

В истории нет закономерностей. В истории есть решения.

Решение, которое было найдено Японией, Сингапуром, Южной Кореей, Китаем, Чили, Турцией — множеством стран, перед которыми в разное время и при разных начальных условиях стояла проблема догоняющего развития, — может быть найдено и Россией. Россия — слишком великая страна, чтобы погибнуть от вшей.

Илья БАРАБАНОВ,
Александр МИТЯЕВ,
Екатерина САВИНА

ВЫЖИТЬ В ОДИНОЧКУ

Что делать, если вами заинтересовались правоохранительные органы

Каждый выживает в одиночку

Трагическая история юриста Firestone Duncan Сергея Магнитского показала: попадать в СИЗО нельзя. Это смертельно опасно. Государство, имея в своем распоряжении никем не контролируемое и ничем не ограниченное, включая закон, право на насилие, часто использует его не для защиты граждан, а для борьбы с ними. И неважно, прав ты или виновен, бомж ты или респектабельный предприниматель, риски колоссальные, и ценой становится не только свобода — сама жизнь. Еще несколько лет назад казалось: не лезь в политику, будь лоялен верховным правителям, делись с чиновниками, откатывай «правоохранителям» — и государство скажет тебе спасибо (или как минимум даст заработать деньги) за то, что создаешь рабочие места, развиваешь сервисы, вкладываешься в производство. Дела Ходорковского, Чичваркина, теперь Магнитского, юристы-заложники, адвокаты-изгнанники — все это свидетельство того, что никаких правил игры больше не существует. Отныне спасайся, как можешь. **Что делать, если вы никого не убили, не изнасиловали, но «оптимизировали» налоги или вас просто решили устранить с рынка и вами заинтересовались правоохранительные органы, — The New Times опросил знающих людей**

Первое: возможно, вами уже интересуются и вы уже в разработке, просто пока об этом не знаете. «К вам в офис приходят, говорят, что нужно посмотреть документы по делу с неустановленным подозреваемым. Вы соглашаетесь: конечно, смотрите, берите что нужно, отксеривайте целую "газель" документов. "Газель" уезжает, а потом вы узнаете, что это ваше уголовное дело и в нем уже 18 томов — из той самой "га-

зели", — рассказывает предприниматель Яна Яковлева, отсидевшая по знаменитому «делу химиков» 7 месяцев в предварительном заключении и потом полностью оправданная судом.

Второе: не ждите, что вам придет повестка на допрос и только потом за вами придут. Сначала придут: Яковлеву арестовали 11 июля 2006 года, а повестку получил уже ее отец — два дня спустя. Сергею Магнитскому вроде бы тоже направляли аж три повестки на допрос, он не получил ни одной, а потом брали дома так, как берут особо опасного преступника, подавшегося в бега от правосудия. «Это технология, — поясняет Яковлева. — Заводится уголовное дело, идут обыски, выемки документов, допросы свидетелей, затем неожиданно из одного дела выделяется и возбуждается второе, по которому ничего не подозревающего свидетеля арестовывают и отправляют в СИЗО уже в качестве подозреваемого». Адвокат Евгений Черноусов, которому удалось добиться освобождения Яковлевой из тюрьмы, написал большую статью, описывающую эту технологию. «На практике используется лишь два вида уголовно-процессуального принуждения: до 40% обвиняемых арестовывается, в отношении остальных ограничиваются подпиской о невыезде и надлежащем поведении. Доля иных мер пресечения (залог, личное поручительство, домашний арест) редко превышает 1–3%», — утверждает адвокат. Досудебный арест — удел 40% подследственных. Причина? Арест сам по себе становится доказательством, что вы в чем-то уже виноваты: из серии то ли у тебя шубу украли, то ли ты украл. Судебная практика свидетельствует: у находящегося под стражей подозреваемого фактически нет шансов получить оправдательный приговор. За девять месяцев 2009 года были завершены расследования в отношении 884 435 лиц, осуждены к различным срокам 675 805 человек, оправданы — sic! — 1766, или 0,7%, в отношении остальных (чуть больше 200 тыс.) дела прекращены[1].

Предупрежден — вооружен

Если вы полагаете, что арест не за горами и даже если такого поворота своей судьбы не ждете, при вас всегда должен быть телефон хорошего адвоката. Иначе защитник вам будет назначен, а это все равно, что его нет вовсе: по словам опытных людей, в лучшем случае он ничего не будет делать, в худшем — будет работать на следствие. Сокамерники вам могут подсказать «надежного адвоката», — знайте, говорит жена осужденного бизнесмена и журналист Ольга Романова, это может оказаться «адвокат-предатель». Как такого вычислить? «Если он вам советует не злить следователя, не писать жалобы, говорит "надо быстрее в суд, в суде разберутся" — это разводка», — предупреждает Яна Яковлева, кото-

[1] Данные с сайта Федеральной службы исполнения наказаний.

рая поменяла не одного адвоката (что обошлось примерно в $100 тыс.), пока не нашла того, кто ее и вытащил из тюрьмы. «Адвокатам проще не ссориться со следователем, — говорит она. — Помочь сможет лишь защитник, готовый за вас действительно биться, идти на конфронтацию со следствием».

«Очень важно, чтобы в момент вашего задержания вы были не одни. Например, если при аресте вам наносились побои или были иные нарушения, — должны быть люди, которые потом смогут это подтвердить, — советует правозащитник Андрей Бабушкин. — Запишите телефоны свидетелей и возьмите с собой в камеру: потом их надо передать адвокату. Следующий шаг — медицинское освидетельствование: у задержанного есть право потребовать от начальника изолятора вызова независимого врача. Все доказательства невиновности нужно предъявлять следователю на первом же допросе. Нельзя ждать суда. Если есть алиби, то нужно постараться рассказать о нем в момент задержания. Все показания милиционеры обязаны зафиксировать в протоколе. Ознакомьтесь со всеми документами, по возможности снимите с них копии».

Отправляясь на допрос, будьте готовы, что после него вы окажетесь в изоляторе временного содержания: там вы, ожидая суда, который решит вопрос о мере пресечения, можете провести даже неделю. Яну Яковлеву забрали из спортзала, правда, позволили переодеться: на ней было летнее платье с голой спиной и туфли на высоченном каблуке. Сразу звоните родственникам и друзьям, чтобы вам привезли одежду, в которой вы будете дожидаться суда. Причем нельзя ждать, пока вас переведут в СИЗО: официально передавать вещи в СИЗО можно только раз в полгода, пронести теплые вещи с воли обойдется в 10 тыс. рублей. Не забудьте и о лекарствах. «В больничке СИЗО лечат только зеленкой, — утверждает источник в ФСИН. — Лекарства можно заказывать с воли, но легальным путем они дойдут до зэка только через две-три недели». Если вообще дойдут. Мать Сергея Магнитского передавала сыну лекарства, а они, как ей потом объяснили, «случайно» оказались в другой камере. Стоимость передачи срочных лекарств по нелегальным каналам составит сумму, в 6–7 раз превышающую их стоимость. И вообще полезно вспомнить опыт 30-х годов, когда у мудрых людей всегда был наготове чемоданчик со всем необходимым для тюрьмы: за вами пришли (или вызвали на допрос) — взяли чемоданчик и с ним пошли.

Не попасть в СИЗО

В следственный изолятор временного содержания попадать, как мы теперь понимаем, нельзя. Варианты следующие. «На стадии задержания, пока вас еще не “закрыли”, остановить процесс можно с помощью начальника отделения милиции за $10–50 тыс., — говорит эксперт, сведущий в экономических делах. — Договориться со следствием, чтобы

дело было закрыто, стоит уже $50–150 тыс. Если вас кто-то "заказал", например, конкуренты по бизнесу, торг начинается в районе $150–300 тыс.». «Все зависит от того, за что привлекается человек и кто ведет дело, — рассказывает другой специалист. — Районное УВД и Генпрокуратура РФ "стóят" по-разному. Чем ниже стадия, на которой идет расследование, тем дешевле».

Дешевле — в первые полчаса-час после задержания. Затем цена выхода на свободу будет лишь увеличиваться. И одних денег может оказаться недостаточно, — спасти вас могут хорошие связи в трех ведомствах: администрации президента, ФСБ и Следственном комитете при Генпрокуратуре. Цена вопроса, например, в МВД или ФСБ, — от $100 тыс. до $1 млн. «Но учтите, что разные группировки в этих структурах находятся в состоянии постоянной войны друг с другом, так что даже вмешательство высокопоставленных друзей не всегда может помочь», — предупреждает эксперт и напоминает о деле заместителя министра финансов Сергея Сторчака, который провел в СИЗО «Матросская Тишина» 11 месяцев, и деле генерала Бульбова, который провел на шконках «Лефортово» 25 месяцев. Помните: договорный процесс с представителями правоохранительных органов весьма отличается от того, к которому вы привыкли, покупая морковку на рынке: «Сначала следователь сказал, что отпустит коллегу, бывшего директора завода, которого взяли за то, что он мешал кому-то куда-то избраться, за $5 тыс.; когда приехали договариваться, — попросил уже $10 тыс., когда согласились, — тут же поднял вдвое. Через четыре месяца мужика суд отпустил по амнистии», — рассказал The New Times один известный бизнесмен.

Если вас «заказали»

«Экономические» дела самые дорогие, поэтому расценки на все, начиная с передачи колбасы, заканчивая подношением следователю, будут в разы больше, чем аналогичные услуги обойдутся, к примеру, ворам. «Одному бизнесмену предложили заплатить за свободу $1,5 млн, — рассказывает Ольга Романова. — Но он вовремя понял, что деньги не помогут: те, кто его заказал, заплатили в шесть раз больше». Высокие связи в таких случаях тоже помогают редко.

Весь вопрос в том, кто и за сколько вас «заказал», — поясняют опытные люди. Цены тут называют самые разные: запрос члена Государственной думы обходится заказчикам в $10 тыс., нужное решение суда — от $50 тыс. до $100 тыс., полный пакет услуг по рейдерскому захвату вашего бизнеса — от $500 тыс. до нескольких миллионов.

Когда операция по вашему устранению с рынка запущена, тут все зависит от родственников и близких: смогут ли они быстро заложить квартиру или дом, занять недостающую сумму. «За невозбуждение уголовного дела, например, по налогам следователи обычно начина-

ют торг с половины инкриминируемой суммы, потом опускаются до трети, — рассказывает бизнесмен, успешно избежавший преследования. — Закрыть дело о якобы контрабанде среднего уровня стоит около €200 тыс. Если вашими налоговыми проблемами занимается не один следователь, а следственная бригада, то сумму надо умножать условно на 4 и заносить ее начальству. Если же дело не удалось остановить на уровне следствия и вам предъявляют статью, то ваши расходы на закрытие дела возрастут в 5 раз. Даже если дело дошло до судебного процесса, не отчаивайтесь. В арбитраже судьям надо занести около 10% от спорной суммы», — делится опытом предприниматель. Геннадий Гудков, полковник ФСБ в запасе и депутат Государственной думы, говорит, что остановить нечистоплотных следователей может сумма $200 тыс. Но следователи — хорошие психологи и много кого повидавшие. «Они мгновенно оценивают твою платежеспособность, — говорит Яна Яковлева, возглавляющая ныне организацию защиты бизнеса «Бизнес-солидарность». — Если тебя задержали, а ты едешь на "девятке", то с тебя не имеет смысла требовать $200 тыс. Будут просить $20 тыс.» Вместе с тем ко всем предложениям «освободить за деньги» стоит относиться крайне осторожно. «В последние годы появилось множество бывших сотрудников правоохранительных органов, которые берут деньги и "кидают" родственников тех, кто оказался за решеткой, — рассказывает один из адвокатов. — Вернуть украденные таким образом деньги невозможно. В среде следователей таких бывших сотрудников никто не осуждает. Так поступить с близкими преступников, пусть даже их вина еще не доказана, считается незазорным». Таких адвокатов еще называют «фиксеры»: они, как правило, сразу просят $150 тыс. плюс расходы и услуги.

Как выжить в СИЗО

Итак, если уголовное дело раскручивается, то важно понимать, что шансов на оправдательный приговор у вас немного. Зато условия содержания в лагере на порядок человечнее, чем в СИЗО. Ускорить процесс, чтобы максимально быстро довести дело до суда и отправиться в лагерь, тоже стоит денег. В последнее время эта услуга пользуется особым успехом. Некоторые готовы даже платить только за то, чтобы процесс закончился быстрее вне зависимости от того, какой будет приговор. Такой ускоренный сервис стоит несколько тысяч долларов. Чтобы приговор был помягче, можно перевести дело в другой суд к более лояльному судье. Для людей, обвиняемых по экономическим статьям, такая услуга обойдется в $1 млн.

Однако многие задерживаются в СИЗО на несколько месяцев. И эти месяцы надо пережить. А для этого надо иметь возможность поддерживать связь с близкими: тот же Сергей Магнитский за 10 месяцев ни разу не получил свидания ни с женой, ни с матерью. Отчасти решение

проблемы — мобильный телефон с сим-картой: передать его заключенному стоит от 10 тыс. до 100 тыс. рублей. Главное требование: телефон должен быть маленьким и разбираться на части (в разобранном виде он хранится в камере). Если найдут — отнимут. Учитывая это, не кладите сразу на телефон много денег, в СИЗО обязательно есть свой «внештатный» хакер, который сумеет выкачать с телефона сумму больше 200 рублей. Часто проще и надежнее передать просто сим-карту, а «трубку» вам предоставит охранник: услуга стоит 100 рублей за звонок. Несколько лет назад столичное управление ГУИНа (Главного управления исполнения наказаний Минюста) решило оборудовать московские тюрьмы средствами глушения сигнала мобильной связи. Из этой идеи ничего не вышло, разве что по ночам стало тяжелее дозваниваться. Днем своими мобильными телефонами пользуются сами сотрудники учреждений, и отказываться от мобильной связи никто не готов. Поэтому «глушилки» днем «спят».

В каждом СИЗО свой разрешенный набор продуктов. В СИЗО в Капотне, например, можно передать домашние котлеты, а в Бутырке и Матросской Тишине они запрещены. Единых правил нет. Чтобы пронести в Бутырку пакет сухарей с изюмом (разрешены только пустые), нужно занести в приемное «окошко» 500 рублей. Продовольственная корзина из запрещенных продуктов обойдется в Бутырке в 5 тыс. рублей, но этот вопрос решается уже на уровне офицера охраны. Поменять камеру на более комфортную (с меньшим числом людей) можно за несколько тысяч долларов, но никто, правда, не гарантирует, что вас не «кинут».

И помните: в СИЗО друзей нет. Их немного остается после вашего ареста и на воле. Надежда на тех, кто останется, на родителей, на правильно выбранного адвоката. И — на свой здравый смысл. Деньги — дело наживное, а жизнь у вас только одна.

По состоянию на 1 ноября 2009 года в учреждениях уголовно-исправительной системы содержалось 875,8 тыс. человек. 731,4 тыс. человек отбывали наказания в исправительных колониях. В следственных изоляторах и помещениях, «функционирующих в режиме следственных изоляторов», содержалось 135,2 тыс. человек.

По данным правозащитников, в СИЗО, не дождавшись приговора, ежегодно умирает около 4 тыс. человек.
По данным ФСИН, 90% арестантов страдают теми или иными заболеваниями. 340 тыс. человек, по словам заместителя начальника медицинского управления ФСИН Аллы Кузнецовой, больны социально значимыми заболеваниями. 25 тыс. — инвалиды разных групп. Свыше 150 тыс. больных страдают от наркомании или имеют различные психические расстройства.

По тем же данным, наиболее «популярны» среди россиян такие статьи УК, как «Кража», «Грабеж», а также статьи, связанные с незаконным хранением, приобретением, изготовлением или хищением оружия. Ни одно государственное ведомство и ни один правозащитный центр в России не ведет отдельной статистики по числу осужденных по «экономическим» статьям. В отличие, например, от Казахстана, где в декабре 2009 года намерены объявить специальную амнистию для «экономических» заключенных, или Белоруссии, где, по данным депутатов парламента, на 40 тыс. осужденных приходится 7 тыс., севших по экономическим статьям.

По словам эксперта Фонда в защиту прав заключенных Надежды Раднаевой, в их организацию за 2009 год поступило 1400 жалоб от лиц, находящихся в СИЗО или колониях. Бóльшая часть поступающих просьб — о юридической помощи. На третьем месте — жалобы о физическом насилии. «Я не помню ни одного случая, чтобы какого-нибудь сотрудника СИЗО привлекли к уголовной ответственности за применение пыток», — говорит Раднаева. Пресс-секретарь межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток» Максим Прытков рассказал The New Times, что наиболее популярные способы физического давления на арестантов — избиение, изнасилование, применение электрического тока, утопление, дыба.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике
четвертого квартала 2009 г.

Мы продолжаем знакомить читателей с актуальными публицистическими выступлениями (находя их в бумажной прессе и в Рунете), отличающимися либо оргинальностью и глубиной анализа, либо концептуальной четкостью, либо просто симптоматичностью. В этом обзоре предлагается изложение наиболее примечательных публикаций с сайтов apn.ru, chaskor.ru, chubais.ru, daily.rbc.ru, echo.msk.ru, ej.ru, e-xecutive.ru, gazeta.ru, GazetaProtestant.ru, grani.ru, inLiberty.ru, Каспаров.Ru, kreml.org, lenta.ru, openspace.ru, slon.ru, svobodanews.ru, vz.ru, а также постов в блогах и статей в бумажной прессе («Ведомости», «Москва», «Полис» и др.).

Публицисты подводили итоги года и размышляли о будущем. **Кирилл Головастиков** в статье **«Как в первый раз»** на сайте Lenta.ru 4 января довольно бодро резюмирует итоги года. В 2009-м в России снова появилась политика. Бегло перечислив разные события, автор останавливается на последствиях выборов 11 октября в Москве и регионах. Демарш ручной думской оппозиции, покинувшей зал заседаний, произвел эффект. *...с 2000 года ни разу ни одна фракция не оставалась в думском зале в полном одиночестве. Совместный жест трех партий показался удивительно искренним — возможно, потому что их «крик отчаяния» совпал с общей усталостью от профанации избирательного процесса. Минуты приятного удивления, однако, стали единственным положительным итогом оппозиционной акции.* Президентом Медведевым 2009 год, считает автор, задумывался как *долгожданная оттепель. Оттепельным он и стал — во многом благодаря внешней политике, конкретно — налаживанию отношений с США. Итогом стало решение Вашингтона отказаться от идеи развертывания своей ПРО в Восточной Европе. Главный симптом свободы для России — это непринужденность разговора власти с народом, и ее Дмитрий Медведев поддерживал, как мог.* Он завел видеоблог и аккаунт в ЖЖ, а осенью опубликовал статью «Россия, вперед!», в которой рассказал о своем видении будущего страны. *Главное, что сделало медведевскую статью «бомбой», — это невероятная откровенность президента. Глава государства открыто признал, что в стране, грубо говоря, все плохо («неэффективная экономика, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции, нестабильный Кавказ»). Более того, вина за все это была возложена не на нерадивых чиновников и бизнесменов, а на власть в целом и, что еще поразительнее, на граждан, которые, взявшись за руки, составляют собой народ («взяточничество,*

воровство, умственная и душевная лень, пьянство»). Одна из главных бед людей — вера в то, что все проблемы должно решать государство, уверен Медведев. Понятием модернизации была оформлена и положительная программа. *Модернизационный восторг, достойный ломоносовской оды, пленил многие умы. Так, западные СМИ истолковали «план Медведева» как новую перестройку, а в российском обществе началось обсуждение деталей грядущей реформы всего.* Впрочем, замечает автор, красивого продолжения история пока не получила.

Одной из главных общественно-политических тем года стало и отношение к собственному прошлому. Инициатива сверху: в мае при президенте появилась комиссия по противодействию фальсификации истории «в ущерб интересам России». Критики усмотрели в начинании создание нового «министерства правды». С другой стороны, в записи в видеоблоге, приуроченной к дню памяти жертв политических репрессий, Медведев определил, что Победа 1945 года — заслуга народа, а Сталина назвал преступником. *Просто слова — однако для России, опять-таки, небывалые.*

Позитивное зерно автор видит и в истории с выступлением журналиста Александра Подрабинека: тот вступился за слово «антисоветская» на вывеске московской шашлычной, на которое префекту Митволю пожаловался местный Совет ветеранов. Прокремлевское движение «Наши», в свою очередь, обиделось на Подрабинека за слово «ветеран» в ругательном контексте и из-за этого пришло разбираться с журналистом в редакцию «Новой газеты», полмесяца пикетировало его дом и подало иски в суд. *В стране с неразвитым гражданским обществом в 2009 году вспыхнул полноценный общественный скандал, который захватил не только Подрабинека и «Наших», но и значительное число неравнодушных россиян.*

На сайте Газета.Ru в редакционной статье **«Пена золотого века»** (29 декабря) предлагается гораздо более жесткий вывод: *Главный итог уходящего года, да и всего путинского десятилетия — осознание того, что страной никто не занимается. Оказавшись на попечении ржавой вертикали власти и погруженного в политический анабиоз народа, она дряхлеет и разрушается на глазах. <...> Деньги у страны все еще есть — у нее нет хозяев. Не Хозяина с большой буквы (их у нас сейчас формально даже целых два), а реальных хозяев, тех, кто занимаются обустройством страны как своего дома. Вся российская элита под несмолкаемую истерически-патриотическую риторику вывозит на «ненавистный» Запад детей и капиталы и обзаводится там недвижимостью. А внутри страны пилит куски собственности, те, что пожирнее, и оберегает их от конкурентов из других провластных группировок с помощью правоохранительной системы, которая окончательно перестала охранять безопасность граждан. Население, обменявшее казавшееся непонятным и абстрактным право участвовать в управлении страной посредством выборов на невмешательство государства в свои личные дела, <...> занимается обустройством собственной жизни. <...> Власть*

убедила население жить так, чтобы ему не было дела до страны. Самой власти до страны тоже нет дела, потому что борьба за собственность и лихорадочная конвертация полномочий в нефтедоллары захватывают властное сословие целиком. Итак, *если ничего не изменится, мы так и будем жить посреди горящей, ломающейся от старости, бездорожной страны с безудержными амбициями и полным безразличием к собственному дому.*

Оппозиционный политик и экономист **Владимир Милов (v_milov)** в своем блоге в ЖЖ 28 декабря иначе подводил политические итоги года. *...Политический ландшафт страны сегодня вроде бы напоминает полный штиль на море. Тишь да гладь. Однако под поверхностью происходит столько непонятных процессов — очевидная эрозия поддержки власти в обществе, подковерная драка внутри власти, укрепление боевого духа оппозиции, — что трудно сказать, не закончится ли этот штиль появлением цунами, некими внезапными и плохо предсказуемыми изменениями.* Самым большим разочарованием года для Милова стало то, что крупнейшее с 1994 года падение экономики не вызвало никаких ощутимых сдвигов в политической системе страны. Локальные всплески протестных настроений быстро угасли. Другой проблемой оказалось то, что *власти решили законопатить все щели на региональных и местных выборах:* масштаб фальсификаций и репрессий против оппозиции только возрос по сравнению с думскими выборами 2007 года. Далее, Путин дал ясно понять, что рассматривает перспективу возвращения в президентское кресло в 2012 году (*отсутствие постоянного физического соприкосновения руки и пульта управления нервирует парня, это чувствуется*). Милов занялся подсчетами: с учетом продления сроков президентских полномочий до 6 лет возвращение Путина на президентский трон в 2012 году может означать его сохранение там до 2024 года. В 2024 году Путину исполнится 72 года: перед Россией встала перспектива появления у власти реального, а не метафорического «нового Брежнева». *В любом случае, возвращение Путина к полноценной власти ничего, кроме перспективы глубокого застоя, стране не несет.* Как полагает Милов, есть признаки того, что Медведеву не хочется уходить с президентского поста, тем не менее нет никаких фактических доказательств того, что у Медведева есть аппаратные, силовые, материальные и личностные ресурсы для того, чтобы вступить в реальное соперничество с Путиным. Ну вот разве что он, *пользуясь «реформистской» риторикой*, начал чистку путинских кадров во ФСИН и в МВД. Граждане по-прежнему апатичны, не доверяют оппозиционерам, но самое главное — не верят в возможность что-то изменить.

В экономической сфере, по **Евгению Ясину** (**«Оживление нам не гарантировано»** — «Ежедневный журнал», 4 января), *все оказалось пока что не так страшно, поскольку дна мы достигли.* Особых признаков серьезного оживления нет. Никаких крупных изменений в российской экономике не произошло, структурных сдвигов нет. Дешевую продукцию производят Китай и Индия. Россия им не конкурент. Без модернизации, в том

числе модернизации институтов, серьезного увеличения темпов роста ждать не следует. *Мы и до революции были расхлябаны, не пройдя по-настоящему школу капитализма, а социализм нас просто развратил. Тщательности, которая необходима для изготовления конкурентоспособной продукции, у нас нет.* Ясин резюмирует: *нам необходимо формирование, как ни пугающе это звучит, новой культуры, которая предполагает реальную защиту прав собственности, реальное верховенство закона, реальную избирательную систему. То есть все то, что необходимо для построения нормального демократического государства. Без этого по-настоящему создать инновационную экономику мы не сможем, поскольку нужны сильные стимулы для творчества, а это доступно только свободным людям, способным чувствовать ответственность и быть друг с другом в отношениях высокой степени доверия.*

В сфере внешней политики, по **Александру Гольцу («Смена риторики»** — «Ежедневный журнал», 1 января), случилась смена слов. Оказалось, что роль «геополитического арбитра» Москве не по деньгам. Год ушел на осознание факта. *Падение нефтяных цен оказало серьезнейшее влияние на путинскую внешнеполитическую стратегию. Она состояла в том, чтобы искусственным образом заставить лидеров ведущих стран Запада вернуться к повестке дня 80-х и обсуждать с Кремлем вопросы военной безопасности. Москва старательно делала вид, что всерьез ощущает угрозу. То со стороны Соединенных Штатов, которые собирались развернуть элементы глобальной противоракетной системы (оказывается, десять американских противоракет могли из Польши угрожать сотням российских носителей ядерного оружия). То со стороны НАТО, которая наращивает превосходство в обычных вооружениях.* Однако в 2009 году лексику пришлось решительным образом менять. Очевидный международный итог минувшего года — это смена не политики, но риторики. Москва больше не угрожает Западу, она демонстрирует желание сотрудничать. *Одна беда: дальше смены риторики Кремль двигаться не хочет или не может.* К примеру, российские переговорщики затягивают переговоры с США по новому Договору по сокращению стратегических наступательных вооружений. *Пусть весь мир как можно дольше смотрит, какие мы крутые и мощные, как обсуждаем взаимное сдерживание с самой мощной страной мира.* Выдвинули нежизнеспособный проект Европейского договора безопасности. *Вряд ли кто-то всерьез будет относиться к документу, который фактически наделяет Россию правом вето на любые решения НАТО...* Таким образом, в российской внешней политике мало что изменилось. *У нее по-прежнему нет ясных прагматических целей, а поэтому нет надежных союзников. Москва по-прежнему видит в международных делах, прежде всего, инструмент для пиара. Только, похоже, несколько меняется позиционирование. Еще недавно Россия представала перед миром в виде пацана из питерской подворотни, который с удовольствием демонстрирует всем «финку». Теперь же нам предлагают образ прекраснодушного*

мечтателя, чьи благородные порывы не поняты и не оценены эгоистичными партнерами. Что, в целом, не плохо. Правда, ничто не мешает и быстрому возвращению к «финке».

Ярослав Загорец в статье-обозрении **«Год мента»** (Lenta.ru, 30 декабря) отмечает значение темы российской милиции в минувшем году. Деградация системы МВД началась не в 2009 году — процесс шел годами. Однако именно начальник ОВД «Царицыно» майор Евсюков своим преступлением положил начало тому, что может стать коренной реформой МВД России. Согласно ноябрьскому опросу ВЦИОМ, каждый второй россиянин не доверяет милиционерам. Половина граждан оценивает работу правоохранительных органов как среднюю, 27 процентов — как плохую либо очень плохую. Честными милиционеров считает лишь каждый седьмой россиянин, вежливыми — каждый двадцатый, «нормальными людьми» — каждый пятидесятый. Слово «евсюковщина» прочно укрепилось в сознании граждан. Убедить «немилиционеров» в том, что сотрудник милиции может быть невиновным, практически невозможно. Общество окончательно укрепилось во мнении, что если с милиционером что-то происходит, всегда виноват он сам, просто потому что он милиционер. Более того, к концу года в это поверили и сами милиционеры. *Простой русский парень* Алексей Дымовский, служивший майором в новороссийском УВД, разместил в начале ноября в интернете два видеоролика, в которых разнес по кирпичикам всю систему российского МВД. Появление этих роликов на YouTube, первое в своем роде, заставило говорить о рождении новой тенденции. До этого милицию ругали журналисты, политики, обыватели, — только не сами милиционеры (по крайней мере, публично). У Дымовского появились последователи. К YouTube потянулись бывшие сотрудники ГИБДД, бывшие опера, бывшие прокурорские, бывшие ФСБ-шники, пограничники и даже один глава подмосковного района. *Однако эффекта «встающей против беззакония России», которого добивался Дымовский, так и не случилось.* Радикальное «улучшение» для правоохранительных органов нашел депутат Госдумы и по совместительству член генсовета «Единой России» Андрей Макаров. Он предложил вообще ликвидировать МВД, так как реформировать его все равно уже невозможно. В конце года появился указ президента «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»: теперь милиционеров в России будет на 20 процентов меньше, а работать они будут намного лучше. Куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями президента, мы увидим в 2010 году.

А президент Фонда эффективной политики **Глеб Павловский** на сайте Kreml.org (**«Болтовня под Кремлевской елкой»**, 28 декабря) в интервью заостряет едва ли не экзистенциально: *Интеллектуально год очень четко распадается на два тематических, если угодно, поля. Первая половина года — это кризис, который, вопреки всем учебникам, ничего не внес*

в интеллектуальную атмосферу. Или внес, но это пока никак не оценено. А вторая половина — искусство смерти. Смерти от катастроф, терактов, убийств. И период смертей оказался интеллектуально наиболее продуктивным периодом. От Саяно-Шушенской ГЭС и дальше через всю эту серию, все более страшных, но более говорящих смертей. Казалось бы, был исчерпан спектр говорящих смертей, вплоть до последней — убийства священников Даниила Сысоева и Александра Филиппова. Они все удивительно концептуальны и замеряют глубину того, насколько на тканевом уровне весь организм русской жизни прослоен культурой смерти и убийства, как управлением смертью. Это надо понимать правильно. Речь не идет о насилии одного четко обозначенного уровня общества по отношению к другому уровню. Речь не идет о ясном субъекте насилия — оно распределенное, иногда субъект вообще не установим. Вероятно, договорим за автора, именно от этих угроз правильно укрыться под крылом у власти.

Сергей Петрунин в обзоре **«Прощание с унылыми нулевыми. Что запомнилось блогерам в 2009 году»** (Каспаров.Ru, 25 декабря) пишет, что одним из главных феноменов 2009 года стал рост воздействия блогосферы на жизнь общества. Что, с одной стороны, свидетельствует о проблемах со свободой слова в России, когда люди, устав от зомбирующих «ящиков» и «желто-боевых листков», все больше уходят в Сеть. С другой, говорит о том, что еще есть отдушина. Сейчас интернет-дневников уже более 11,3 миллиона, среди которых ярких и политизированных — десятки тысяч. В 2009 году блогерами стали лидер ОГФ Гарри Каспаров, президент России Дмитрий Медведев, дочь Бориса Ельцина Татьяна Юмашева и глава госкорпорации «Роснано» Анатолий Чубайс. Это вопреки всему оказывает воздействие и на традиционные, «зомбирующие» СМИ. Автор вспоминает самые яркие комментарии ЖЖ-юзеров в 2009 году.

Апрель. Главное событие месяца, спустившее настоящую лавину общественного мнения в сторону необходимости реформ в МВД, — дело майора Евсюкова, хладнокровно расстрелявшего посетителей и работников столичного супермаркета. Бард Екатерина Чевкина первой предложила отправить в отставку милицейское начальство Москвы и намекнула, что президенту более неприлично отмалчиваться насчет взлета милицейского произвола в стране. Возмущение интернет-пользователей было столь масштабным, что не смогли отмолчаться и охранители. *Либо отвечает б... с майорскими погонами — и надолго отправляется в Нижний Тагил, либо те, кто принял на работу психа и не смог «вычислить» его состояние, — не только погонами и работой, но и уголовно. За бездействие, приведшее к трагическим последствиям. Потому что во время кризиса «людишки-то нервные».*

Август. Неожиданный для поверивших во «вставание с колен» и давно предсказанный специалистами гидроудар на Саяно-Шушенской ГЭС. Десятки погибших. Паника в соседних городах. Вновь попытки перевести стрелки на неугодных журналистов. Но впервые президент Медведев,

похоже, задумывается, что его «обманули»: не от сверхдержавы передали виртуальный скипетр, а от технологически отсталой, тяжело больной страны, которой не выжить без серьезной всесторонней модернизации. *Тут козлоботы стараются: мол, опять будут разговоры, что виноват во всем Путин*, — пишет журналист Дмитрий Шушарин, разместивший в своем интернет-дневнике публикацию десятилетней давности. — *А кто ж еще? Куда он дел нефтедоллары, которые должны были пойти на предотвращение подобных катастроф? И на многое другое тоже.*

Сентябрь. По Москве расходятся сотни тысяч брошюр доклада Бориса Немцова «Лужков. Итоги». *Это кайф. Марожено,* — пишет лидер молодежного движения «Смена» Станислав Яковлев. — *В 1991 году Елена Батурина создает компанию «Интеко», выпускающую пластмассовые бытовые товары: ведра, тазы, одноразовую посуду.* Эх, найти бы те тазы. Интересна стоимость подобного таза сегодня на каком-нибудь аукционе. «*Лот номер 14-88. Первый таз Елены Батуриной. Изготовлен собственноручно, ага*». Ну а ветеран Великой Отечественной войны и бывший кандидат в члены бывшего Политбюро ЦК КПСС, сын начальника ГУЛАГа Ивана Долгих Владимир Долгих возмущается вывеской шашлычной «Антисоветская». Вывеску снимают, правозащитник Александр Подрабинек пишет скандальную статью, движение «Наши» пикетирует подъезд его жены. В «Живом журнале» разворачивается очередная травля *продавшихся Западу либерастов.*

Ноябрь. Майор милиции Дымовский записывает свое видеообращение, вскрывающее коррупционную «кухню» в ведомстве. У него появляются последователи: милиционеры, прокуроры, судьи, мэры городов. Дымовского поначалу пытаются немедленно записать в «агента влияния иностранных НКО», но это вызывает смех даже у охранителей. *А вы все переживаете, когда вас обвиняют в связях с госдепом, оранжистами и сатаной*, — консультирует несогласных блогер mp44, — *не переживайте, не надо.* Тем временем в Тверской области терпит крушение «Невский экспресс», курсирующий между Москвой и Санкт-Петербургом. Одним из топовых постов становятся воспоминания очевидца: *Ранения были в основном тяжелые — рваные раны, открытые и закрытые переломы, проникающие от летавших частей конструкции, ну и прочее — не для печати. Были и недвижные тела, но посчитать их в темноте не было никакой возможности, да и не до этого было. В криках о помощи, разбивании стекол и постепенной ликвидации завалов прошел где-то час. Все сиденья, за исключением нескольких в начале вагона, какие-то острые элементы конструкции — не выдержали удара, оторвались, летали по салону и были одной из основных причин травм и смертей. Как-то хлипко они были прикреплены к массивным основаниям. Остатки крепежа — рваные зубцы металла, похоже на алюминий — тоже резали людей что твои ножи. Заклиненные двери удалось открыть только МЧС снаружи. Окна было почти невозможно разбить, да и нечем. Лестница была только одна, и ее долго не*

удавалось достать — завалило. И ведь это, заметим, «лучшее из лучшего», что катается по нашим дорогам! (См. ниже другие точки зрения на социальное значение интернета.)

Прогнозы

По **Леониду Радзиховскому** (**«20—10»** — «Взгляд», 28 декабря), никаких особенных сюрпризов в политическом 2010 году ждать не приходится. Верхи дорожат стабильностью и не склонны к самоубийственному расколу, низы терпеливы, все идеи уже сформулированы, до выборов осталось слишком мало времени, чтобы устраивать сюрпризы... В том числе и к объявленной модернизации никто не готов. *ВСЕ реформы 1990-х сводились, в конце концов, к одному: СБРАСЫВАНИЮ БАЛЛАСТА. Балласта республик СССР, с которыми надо делиться нефтедолларами, балласта убыточных предприятий, балласта раздутой социальной сферы, балласта КПСС и фиксированных цен... Переход от рентосырьевой модели к экономике инноваций — совсем другая штука. Это НЕ СБРАСЫВАНИЕ, а НАРАЩИВАНИЕ, создание совсем другой, новой, «дополнительной» экономики. <...> И хотя эта задача ЖИЗНЕННО ВАЖНА для страны, по сути, это задача на «квантовый скачок», на выход из прежнего ИСТОРИЧЕСКОГО ЦИКЛА, «цикла обвала», переход от обвала к ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОДЪЕМУ, — но именно поэтому я сейчас не верю в решение такой проблемы. Не вижу для этого необходимой потенциальной энергии — ни в элитах, ни в народе.* В общем, грустна Россия, да и всё тут.

Оппонирует фаталисту Радзиховскому **Автандил Цуладзе**. К примеру, в статье **«Спираль Ильича»** («Ежедневный журнал», 21 декабря) он напоминает, что неизменность есть ситуация мифа, который заведомо внеисторичен, работает с окаменелостями, с застывшими формами. Единственное желание нынешнего правящего класса: «Остановись, мгновение!» Законсервировать все как есть, выскочить из истории. *Но, выражаясь языком Черномырдина, «хотелки» нынешних правителей диаметрально противоположны потребностям и национальным интересам страны. Исторический процесс еще никому отменить не удавалось. Гораздо более выдающиеся люди, чем Путин, пытались реализовать свои «хотелки» вопреки закономерностям исторического развития и терпели крах.* В истории России действительно много повторяющихся сюжетов. Но, тем не менее, движение вперед имеет место. Сегодня невозможны репрессии в духе 37-го года или «поднятие целины» в хрущевском стиле. Опыт прошлого усвоен и делает невозможным его повторение в том же виде. Ощущение, что страна болтается в каком-то болоте и выхода нет, является верным признаком грядущих перемен. Люди осознают, что дальше «так жить нельзя», но пока не понимают, а как же надо жить, куда двигаться. Смысл всех политических баталий, которые разворачиваются в России, сводится к борьбе политических субъектов за утверждение в качестве

доминирующего своего видения будущего страны. Проект Путина самый бесперспективный, поскольку заключается в том, чтобы сидеть в болоте и дальше. Медведев предлагает оставить нынешнюю политическую систему неизменной, но подкорректировать экономический базис режима. Это половинчатый подход, но у Медведева других вариантов пока нет. Добровольно отказываться от власти и привилегий ни сам президент, ни его окружение не горят желанием. Внесистемная оппозиция выдвигает проекты радикального переустройства страны на новых основаниях. В целом развитие ситуации предсказуемо. Кризис дестабилизировал экономическую, идеологическую и политическую основы режима. Чем дальше будут откладываться реальные реформы, тем выше шансы катастрофического обвала всей системы и реализации радикальных сценариев «перезагрузки» России. Расползание «вертикали» наглядно иллюстрируется многочисленными фактами о коррупции среди чиновников среднего звена. Чиновники прекрасно осознают, что в любой момент могут потерять насиженные места, и тащат все, что можно, готовя себе «запасные аэродромы». *Воевать с кличем «За Родину! За Путина!» прагматичное чиновничество не намерено. Лозунг дня: «Спасайся, кто может! Бери все, что плохо лежит!»*. Может такая ситуация длиться «бесконечно долго»? *Очевидно, что нет. Спираль истории разжимается, раскручивается, вдребезги уничтожая окаменелости путинской мифологии.* «Достижение» путинизма, заключавшееся в лишении граждан легальных возможностей участия в политической жизни страны, оборачивается для режима главной проблемой. Не имея рычагов воздействия на правящий класс, граждане до поры до времени вынуждены терпеть, приспосабливаться к существующим условиям, замыкаться в своих частных проблемах. Но масштаб кризиса таков, что стратегия «бегства» проблем не решает. *Если Кремль не решится на преобразования в самое ближайшее время, то он сам спровоцирует пресловутый «русский бунт»*...

Сергей Шелин в статье **«Обезжиренные десятые»** (Газета.Ru, 23 декабря) предвещает: *Жирным нулевым не повториться.* Левада-центр регулярно спрашивает у москвичей: что в настоящее время больше всего осложняет жизнь вашей семьи? Все жирные годы самым популярным был ответ: низкие доходы (около 50%). И вот самый свежий. На первое место с привычного своего шестого-восьмого сегодня выскочила совершенно другая проблема — «опасение потерять работу» (49%). А еще так недавно это опасение осложняло жизнь всего у 13–14% москвичей. Можно не сомневаться, что такой же перелом настроений произошел и в прочих краях, процветавших в нулевые годы. В жирные годы безработица была приметой тех мест, до которых не дошло процветание, а в тех, до которых дошло, стала экзотикой. В десятые годы именно благополучным краям предстоит первым платить за все хорошее, что им авансом досталось в нулевые. А досталось именно авансом. Возьмем годы, «жирность» которых наиболее очевидна, — с 2003-го по 2007-й. За эту

золотую пятилетку производительность труда в российской экономике росла в среднем на 6,6% в год. А реальная заработная плата — на 12,2%. Рост экономики не был подкреплен ростом эффективности, а рост доходов не был подкреплен ростом экономики. Да и не было нужды подкреплять. За эти пять лет нефть подорожала втрое. К сотням миллиардов долларов халявных нефтегазовых доходов добавились еще сотни и сотни миллиардов, взятые тогда же в кредит корпорациями и банками, а также приведенные со спекулятивными целями из-за границы под видом инвестиций. По сути, нулевые годы брали в долг у десятых. Теперь эти долги придется возвращать. За накопленную в золотые годы отсталость и окостенелость экономики, осложненную еще и несоразмерной дороговизной труда, предстоит теперь расплачиваться устойчивой безработицей, ростом нагрузок на работающих, стагнацией реальных доходов, а также — не обязательно, но возможно, — и хронически медленным хозяйственным ростом. Не избежать в наступающем десятилетии поэтому и кризиса пенсионной системы. Число получателей пенсий будет непрерывно расти, число работающих — уменьшаться, и при этом возможности казны будут убывать. Денег станет меньше. Не говоря о том, что аппарат сделается растущей проблемой для самого себя. Прошедшие десять лет были временем кадровой стабильности. Одни и те же лица лишь перемещались из кресла в кресло. После всех предшествующих неустройств это сначала выглядело почти стильно. Но второй десяток лет начальственной несменяемости — совершенно не то же самое, что первый. *Остается еще модернизация. Как-никак, единственная официально признаваемая общественная идея. По-моему, не стоит ее совсем уж списывать со счета. Гипотеза о возможности модернизации в десятые годы имеет право на существование, как она имела это право и в 70-е, и в 80-е, и в 90-е, и в те же нулевые. Каждый раз что-то мешало.<...> даже и до самой умеренной модернизации нужно дозреть. Нужно пожить в реальном мире, не похожем на сытенький и бездумный мирок нулевых. И пожить не один год. Нравится нам это или нет, но такая жизнь уже началась.*

Общество

На сайте openspace.ru **Евгения Пищикова** в статье **«Хорошо так, бездарно»** подводит итоги нулевых годов. Мейнстрим в оценке исторического момента таков: *Мещанское было у нас десятилетие. Время маленьких людей. <...> Новая русская буржуазность не имеет миссии. Не несет никакой общей идеи, никакой атмосферы общего дела, а вскормлена обычной филистерской мечтой об индивидуальном семейном благополучии, личном довольстве. Моление о доме-полной-чаше. Все тащить в свою норку, вить гнездо. <...> русский филистер уверен, что достаток и несвобода — одно и то же. Нет у нас укорененной идеи, что независимость начинается со «своего» — своего дома, своего дела, своей ответственности, своей земли.*

<...> Дело вовсе не в том, что мещанин не хочет достатка, — конечно, хочет. Но он воспринимает работу по его достижению как жертвование свободой (волей, прекрасной безответственностью) во имя благополучия и считает это жертвование законом жизни. Так что идеологическое устройство страны счастливым образом совпало с умственным устройством российской семьи. Нет новизны в житейских новинках, вещевых и бытовых прорывах нулевых годов. Как говорит Пищикова, принято считать, что главное завоевание нулевых — это мощный прорыв на информационный рынок личной, народной информации, — а именно блогов, ЖЖ. Но и здесь революция не случилась. В интернете, полагает автор, реанимирована дописьменная культура. *Сейчас у нас время новой устности, и на информационных полях цветут древние цветы — слух, побасенка, анекдот, быль, сказ, акынская песня. А всякая социальная сеть — просто-напросто посадская завалинка. Дамы вывешивают в «Одноклассники» свои фотографии, как белье на балкон, — чтобы продемонстрировать, что семья их живет правильно, чисто, как положено.* Резюме: *Почти целых десять лет страна дышала жаждой благополучия и достатка, жила младшей реальностью <...> Младшей (или низкой) реальностью социологи называют быт. <...> Десять негосударственных, неисторических, недуховных и невыдающихся лет стабильности и покоя. Десять лет частного счастья, прожитых страной на удивление бездарно.*

На сайте E-xecutive **Алексей Верижников** в статье **«Два «застоя» и карнавальная культура»** 28 октября характеризует современную общественную ситуацию как застой с элементами карнавала. В лице президента даже сама власть признала очевидное: «нулевые» годы стали очередным «застоем», когда высокие нефтегазовые доходы позволяли жить, практически ничего не меняя, — иного бизнеса, кроме «сидения на трубе» и покупки за рубежом потребительских товаров на полученные нефтяные деньги, в стране, по большому счету, не наблюдалось. Причем «слезть с трубы» и поменять гарантированные «короткие» деньги на совершенно негарантированные «длинные» добровольно никто не хочет. Мобилизационные сценарии в наше время технически невозможны. Добровольное самоограничение общества а ля послевоенные Япония, Южная Корея, Тайвань и Сингапур (меньше потреблять, больше копить во имя будущих поколений и модернизации страны) тоже не для нас. Кто же из современных русских станет отказываться от дня сегодняшнего во имя абстрактного дня завтрашнего? Что же тогда остается? Ответ: ждать, пока все само собой как-нибудь рассосется и образумится. Именно к этому благодушному выводу и приходит в своей статье Дмитрий Медведев после нелицеприятного анализа статус-кво. *Скорее всего, никакой сверхзадачей на ближайшее десятилетие население нагружать не станут.* Иными словами, *можно уже довольно уверенно говорить о путинско-медведевской «большой эпохе» (2000 – 2024-?), которая по своим сущностным характеристикам имеет много пересечений с почти двадцатилетним*

правлением Леонида Ильича Брежнева (1964 – 1982). Автор акцентирует черты сходства. *Прежде всего, это демобилизация общества: общество ни о чем не спрашивают, но и ничем особо не напрягают. Кроме того, не участвующему в своей собственной судьбе обществу дают вдоволь приватно постебаться над властью на уровне «кукиша в кармане». В брежневские времена это была культура политических анекдотов, сейчас — иронизирующая блогосфера. Как и тридцать лет назад, в нынешние времена суть общественного договора между властью и индивидом сводится к следующим основным контрактным пунктам: неучастие общества в принятии решений обменивается на относительное невмешательство власти в частную жизнь граждан. У индивида нет возможности влиять на власть, но он может приватным образом обстебать ее по полной программе и таким образом как-то компенсировать свою малую значимость. Происходит взаимозачет несовершенств: народ принимает тот факт, что у него нет другой власти, какой бы неэффективной и коррумпированной она ему ни казалась, а власть соглашается с тем фактом, что у нее нет иного народа, кроме того, какой предстает пред ее глазами — ленивого, пьющего, вороватого и безответственного. В общем, дружба по расчету двух некрасивых подружек. «Демобилизованные» властью граждане получают индульгенцию по поводу ничтожности своих жизненных достижений: я нахожусь в полной заднице не потому, что я такой никчемный, а потому, что «коммуняки все заграбастали» (тогда) или «кровавая гебня все под себя подмяла» (сейчас). Вечный «кукиш в кармане» при полном отсутствии ответственности за что бы то ни было способствует выработке универсального в своей непогрешимости жизненного позиционирования: «Все вокруг г...о, а я Д'Артаньян!»* Верижников отмечает, что застой упраздняет бремя тяжелого труда и дает массу свободного времени. Так было в брежневские времена. Так это и сейчас. После напряжений и трудов 90-х — расслабление. Во второй половине «нулевых» в Москве и городах-миллионниках сформировался обширный слой офисных клерков, которые получали относительно скромные зарплатки — от 30 тыс. до 60 тыс. рублей в Москве и от 15 тыс. до 30 тыс. рублей в регионах. Этих денег вполне хватало, чтобы покупать в кредит недорогие иномарки, обновлять бытовую технику и проводить отпуска в солнечных Турции и Египте. При этом работа для них мало чем отличалась от отдыха на вышеупомянутых курортах. К 2003 – 2004 году обнаружилось, что вакансий стало больше, чем квалифицированных кандидатов, способных их занять. Давление рынка труда снизилось. Автоматически уменьшилось число людей, склонных пахать по 12 часов в день. Правилом хорошего тона стало проводить в офисе не более восьми часов, из которых не менее четырех отводилось бы на сидение в интернете. *Подспудное желание «офисного пролетариата» к самоактуализации, выраженное в интерпретации рабочего времени как свободного, вырвалось наружу.* К тому же еще в 90-е демократия выродилась в зрелище. Не нужно соблюдать правила

игры, не нужно делать ответственный выбор, — можно просто смотреть, стебаться и получать удовольствие от наблюдаемого действа, оставаясь при этом лишь пассивным объектом политического процесса. Десять лет карнавала в 1990-е годы стали затянувшимся «праздником непослушания», итог которого — эмоциональная усталость от всеобщего «расколбаса» и предсказуемая ностальгия по восстановлению иерархии. Путин вернул иерархии власти ее почти средневековую сакральность. Зубоскалы изгнаны с национального телевидения в FM-ссылку. Кроме того, таки удачно подоспела колбаса — мировые цены на нефть в начале «нулевых» дали обратный ход, и к малому крантику трубы удалось вернуть прежде отлученных от него «сирых и убогих». *В новой «формуле любви» между властью и народом нашлось место и для укрощенной и не содействующей более анархии карнавальной культуры. Понимая, что народу все равно нужно выпускать пар, было разгорожено сакральное и профанное пространства. Политика и национальное телевидение остались в сакральном пространстве, а интернет милостиво был отдан для самовыражения и стеба (благо, что такое самовыражение ни на что практически не влияет). Де факто реализовалась мечта славянофилов XIX века об идеальной форме правления для России: полная свобода критики для широкой публики и полная свобода действий для самодержца (то есть самодержец может выслушать мнение народа, но поступать он волен по своему самодержавному усмотрению). В этом смысле удалось пойти дальше брежневской эпохи. Политический анекдот тех времен также позволял выпустить пар, но он растворял личный «кукиш в кармане» в море других кукишей. А вот нынешний блог дает возможность придать кукишу «лица необщее выражение» и снабдить его авторской подписью <...>. В брежневские времена «крамольные» надписи на стенах общественных туалетов не подразумевали обратной связи. А теперь отвечай автору поста или интернет-статейки сколько хочешь — хоть с применением раблезианской обсценной лексики и юмора «телесного низа», приличествующих виртуальному сортиру, хоть без оных.* Как пишет Верижников, *карнавальная интернет-культура подменила у нас демократию.* Вот, наверное, причина призыва президента в начале октября увеличить число пользователей интернета в России. *Похоже, высшее руководство прекрасно осведомлено о том, что востребованная свобода в России — это свобода ни к чему не обязывающего интернет-стеба и свобода снятия с себя бремени всякой ответственности, в том числе, и ответственности гражданской.* То ли юродство, то ли скоморошество. Резюме автора: *С одной стороны, любой застой — это медленный и сладкий путь в небытие. <...> С другой — какой-никакой баланс между трудом и досугом: то, что англосаксы называют модным термином life-work balance, и то, чего так стремится достичь прогрессивная корпоративная публика. <...> положа руку на сердце, по сочетанию уровня благосостояния (да, живем мы средне, но лучше все равно никогда не жили) и реально востребованной свободы (именно реально востребованной, а не формально*

даденной или формально ограниченной) путинско-медведевское правление является фактически беспрецедентным в русской истории.

«Песчаная Россия». Так определяет характер социума социолог **Борис Дубин** («Огонек», № 32, 21 декабря): *Россия сегодня — это пыле- или пескообразный социум. Слитность россиян — это слитность пылинок. Собственно, у населения нет ничего позитивно объединяющего, кроме самых общих символов: победа в войне, самобытность России, а также все, что подчеркивает противостояние страны остальному миру. Это не выражение активной, заинтересованной солидарности, а скорее акт защиты от непонятной ситуации, от сомнений в силах своего правительства, неуверенности в завтрашнем дне для себя и страны. В этом смысле высокие рейтинги доверия к двум первым лицам страны — вовсе не показатель их поддержки. Песок не может никого поддерживать, на нем нельзя ничего строить. Для большинства населения Медведев и Путин — это те фигуры, которым передоверили право на любую инициативу, по тем или иным мотивам отказав в этом праве самим себе.* На сайте E-xecutive (**«Болевой порог»**, 30 ноября) Дубин, отталкиваясь от ряда фактов бесчеловечности российской правоохранительной системы, замечает, что система эта анахронична по отношению к тем задачам, которые сформулированы в президентской публицистике. Созданная в другой стране и для выполнения других задач, наследница «Архипелага» дожила без существенных реформ до 2009 года: *число людей, находящихся в заключении, в России значительно больше, чем в большинстве других развитых стран. Это говорит о репрессивном характере российской власти, государственности и, к сожалению, об особенностях социальной жизни, нравов населения в сегодняшней России. <...> Ситуация в стране, в том числе с состоянием законности, с правонарушениями, с жесткостью норм и жестокостью наказаний, с крайне дурным их исполнением такова, что это — другая страна, далекая от мечтаний и благожелательных высказываний первых лиц государства. <...> Нынешняя система не работает как репрессивная. Она скорее рассчитывает на равнодушие населения, чем целенаправленно бьет по группам, народам, классам, слоям населения, которые могли бы составить ресурс сопротивления или будут недостаточно надежной опорой в ситуации трудного исторического перехода, ситуации всеобщей мобилизации. Нынешний режим не мобилизационный, он демобилизационный, поскольку заинтересован в том, чтобы население ни во что не втягивалось. Надо сказать, что бóльшая часть населения РФ вполне отвечает таким пожеланиям.* При этом *из силовых корпораций состоит бóльшая часть политического класса и, прежде всего, слой людей, которые непосредственно принимают решения и их исполняют.* Сохранение в их арсенале репрессивных методов, насилия, спецопераций указывает не только на происхождение нынешнего режима, но и на некоторые его принципиальные черты. *Это черты полицейского государства. Нельзя в полной мере назвать нынешнее государство России полицейским, но многие важные элементы такового в современной России сохраняются — и в*

первую очередь, произвол власти, причем на всех уровнях, по любому адресу и безразлично по какому поводу. <...> В России имеет место недоверие большинства практически ко всем институтам, в числе которых суд, милиция, прокуратура, политические партии, профсоюзы, средства массовой информации... Это — характеристика состояния общества, политической культуры россиян, характеристика того режима, который был выстроен. <...> Доверие в той или иной степени вызывают три института: президент (не конкретный человек, а сама должность, место этой должности в системе власти), Русская православная церковь и армия. <...> При этом и с милицией и судом (как и вообще с любым «начальством», а суд и милиция — это для россиян «начальники», «власть») россияне предпочитают встречаться как можно реже. Обращение в суд по собственному почину в России пока еще крайне редко. Встреча с милицией по инициативе гражданина, а не по произволу и пожеланию милиционеров, тоже редкость. За последний год 10% населения обращались в органы внутренних дел (если это не паспортный стол, конечно) по собственной воле. Более половины обратившихся не удовлетворены тем, как решались их дела. <...> Не чувствуют себя защищенными от произвола милиции, по нашим данным, от 2/3 до 3/4 российского населения. Особенно сильно недоверие молодой части населения <...> Социум, ориентированный на адаптацию к любой ситуации, может терпеть очень долго. <...> Население будет терпеть до тех пор, пока отниматели не станут покушаться на самое близкое и самое ценное. На жизнь, на сам факт существования, на доброе здоровье и благополучие ближайших родственников. На жилища. На те немногие элементы собственности, которые люди нажили и даже сумели легитимировать <...> Вот здесь, мне кажется, и находится предел терпения. По крайней мере, не у низового большинства, а у групп, которые относительно благополучны, более образованы, урбанизированы и, соответственно, обладают сравнительно большими доходами. Но опыт тридцатых-пятидесятых годов прошлого века показывает, что государство может перешагивать далеко за этот предел. Преобладающая часть населения России оказывается согласной вытерпеть и это. Видимо, действует лагерная мораль «умри ты сегодня, я завтра», она очень сильно проникла в российское общество.

Отталкиваясь от впечатлений об атмосфере Рунета, **Матвей Ганапольский** (**«Атрофия»** — «Ежедневный журнал», 1 января) на уровне симптоматики фиксирует: люди стали злее. *Определенно стали злее. Если раньше что-то было не принято говорить, стеснялись, то теперь не стесняются. <...> Кое-какой процесс пошел, и пошел, на мой взгляд, крайне разрушительно. Откровенных стало больше. Стало откровенным население. На улице, конечно, пока тихо, но в интернете все налицо. <...> Пофигизм лезет, неверие ни во что. Антисемитизм, естественно, любовь к Сталину, нелюбовь к инородцам, к странам, что вокруг. К Америке злобная зависть. <...> подобного стало больше, и не замечать это может только слепой. Я бы сказал, что стало меньше собственных барьеров. Не тех, которые*

навязывает общество, а тех, которые выстраиваешь сам для себя. Как-то размылся ориентир того, что можно сказать, а что нельзя. Рамки приличия исчезли. Такое ощущение, что весь народ стоит на крохотном пятачке и рвет на куски последний кусок мяса, потому что завтра смерть. <...> Власть полагает, что она порулит так еще лет 10 – 15, общество созреет и «ручной режим» отпустят. «Попробуйте дать им свободный выбор, они таких навыбирают — одни фашисты будут», — шепчет нам в гостевой «Эха» провидец с депутатским значком. Они не хотят видеть, что имеют дело именно с тем народом, которого воспитывали и взращивали 10 лет. Ребеночек вырос и ни во что не верит. <...> Ребеночка готовили к окопам. Теперь он вырос и там сидит. А что ему делать? Все качается: цены, работа. Что-то взрывается и горит. В этом кто-то виноват, но власть говорит, что она ошибок не совершала, а есть обстоятельства. Народ понимает, что это — ложь, что виновные есть, но они не уйдут. Это рождает иррациональную необходимость разрядки. <...> Народ мучается от невозможности самореализации. Огромная нерастраченная энергия ждет выхода. Но путь для этой энергии не предлагают. И тогда она материализуется в виртуальные кулачные бои. <...> Страна так жить не может. Она — как огромный самолет, которому не хватает тяги. Самолет, наполненный злыми людьми, не понимающими, куда они летят. Но многолетняя невозможность самореализации нации ведет к ее атрофии.

На сайте E-xecutive 14 сентября глава *клуба лидеров Good2Work* **Юрий Барзов** (**«Нефтяное ожирение»**) рассуждает о том, какого человека сформировали докризисные «тучные годы». На сцену вышло поколение, не получившее прививки трудом. Люди могли, не прилагая существенных усилий, продвигаться вверх по карьерной лестнице. Кто-то при этом опирался на социальный капитал, наработанный предыдущими поколениями. Но *в условиях тотального роста рынков нефтяная рента перераспределялась не только в карманы чиновников. Кое-что доставалось и не чиновникам. Нефтяные доходы позволяли людям без особого труда занимать положение в обществе и поддерживать высокий уровень жизни.* В итоге сегодня *можно встретить, наверное, десятки тысяч офисных клерков тридцатилетнего возраста, которые не представляют собой ни профессионалов, ни людей зрелых, обладающих внутренними принципами <...> Эта молодежь мне чем-то напоминает детей из советских зажиточных семей начала 1980-х годов, которые до пенсии существовали на подачки родителей, не знали, что такое зарплата, потому что их это не сильно интересовало. Историческая традиция, характерная для России: патернализм в рамках семьи. Сейчас эта традиция снова проявилась в том же масштабе и с тем же потенциальным результатом, который мы уже видели в эпоху застоя.* И далее: *Социологи говорят, что 40% населения страны хотело бы работать в «Газпроме». Объяснение очень простое: можно зарабатывать много бабла, не напрягаясь. <...> Поколение, о котором мы говорим, воспринимает государство, госкомпании как «правильное место», куда надо идти*

работать. Эта точка зрения сформировалась в последние годы, до кризиса 1998 года картина была иной. <...> молодые люди идут в госструктуры, чтобы заработать социальный капитал. Барзов полагает, что *Россия находится в авангарде государственного капитализма.* Но и во всем мире растет регулирующая и управляющая роль государства. Это длительный доминирующий тренд. *Уязвимость госкапитализма состоит в том, что отсутствие необходимости вести честную конкурентную борьбу приводит к катастрофическому падению эффективности. Особенно это опасно для России. Наша производительность составляет 25% от американской, и разница в 75% объясняется низкой эффективностью управления.*

Дополнительный материал по теме дает отчет об опросе школьников **Валерии Касамары и Анны Сорокиной «Политическое сознание подростков: благополучные школьники vs дети улиц»** («Полис», № 6). Так, московские подростки мечтают о престижном образовании, престижной и высокооплачиваемой должности, о жизни в удовольствие. Почти половина из них называет главным врагом России США, а также Грузию. Вывод авторов таков: московский школьник — прагматик, нацеленный на обладание такими символами успеха, как карьера, машина и т. п.; его в основном устраивает «могучая» и «богатая» страна, в которой он живет. Он лишен навыка критического анализа политической информации.

А **Андрей Пионтковский** в статье **«В петле времени»** (Грани.Ру, 2 декабря) в связи с 20-летней годовщиной со дня смерти Андрея Сахарова размышляет о судьбе интеллигенции в России. *За последние двадцать лет мы как в дурной бесконечности прошли еще один заколдованный круг, пережив еще один авторитарный режим с его пошлейшими нефте-газофутбольными триумфами и с его неизбежным вступлением на наших глазах в стадию необратимого гниения. В каком-то очень важном типологическом смысле мы оказались сегодня снова в декабре 1989 года. <...> Итоги прошедшего двадцатилетия столь плачевны во многом потому, что интеллигенция, — или, как сейчас ее бывшие представители предпочитают называть себя, «интеллектуалы», — изменили идеям Сахарова. <...> Забыт был самый главный принцип Андрея Дмитриевича Сахарова — нравственность в политике. Путина и его чекистских мутантов-воришек буквально за руку привели во власть «системные либералы», чтобы они охраняли созданную ими модель «бандитского капитализма», ответственную за огромное социальное расслоение и демодернизацию России. Сахаров понимал демократию как власть большинства, как честное состязание на выборах различных политических сил. Для «системных либералов» (либерастов) демократия — это сохранение любыми средствами во власти и собственности людей, объявивших себя «демократами». Андрею Дмитриевичу Сахарову абсолютно чуждо было отношение к своему народу как к отсталому быдлу, которое должны вести к светлому будущему самоназначенные «прогрессоры». Но именно этот взгляд на собственный народ господствует в российском политическом классе. <...> Отказ от сахаровского наследия*

стал нравственным и идеологическим самоубийством для российской интеллигенции, пошедшей во власть или в услужение власти.

Проблема исторической миссии и общественной роли интеллигенции возникла и в дискуссии, начатой благодушной статьей литератора **Леонида Костюкова «Нормальная жизнь и ее значение»** (ПОЛИТ.РУ, 7 ноября). Автор тихо радуется тому, что в начале нового века в Москве ему дарована *ясная и простая, без особых изысков, нормальная жизнь.* Костюков полагает: *возможности для нормальной жизни сейчас беспрецедентно высоки по масштабам нашей страны. Мои оппоненты могут мне сказать, что я не смотрю дальше своего носа, а свинцовые тучи уже сгущаются впереди. И выхода нет. Я бы ответил, что надо ловить момент и жить нормально, покуда это возможно. И, возможно, именно в этот период сделать то, на что мы и рассчитаны.* И далее: *Я хочу жить нормально. Так было не всегда — я многие годы страдал многими иллюзиями <...> Но сейчас нормальная жизнь кажется мне привлекательнее. Скажу больше. Я считаю относительно нормальным общество, где люди, стремящиеся жить нормально, в общем, могут жить нормально.* Костюкову 18 ноября отвечал на сайте Грани.Ру открытым письмом с заголовком **«Диета»** поэт **Сергей Гандлевский**. Он оценивает статью Костюкова как *ответ на традиционное отечественное интеллигентское злопыхательство по адресу государства.* Но полагает, что добровольная зашоренность ничем не лучше оголтелого критиканства. Гандлевский, как можно понять, отстаивает традиционную интеллигентскую логику участия в истории, в общественной жизни. *Сам не герой, я никого и не подбиваю на подвиги, но есть как минимум профессиональный долг гуманитария — называть вещи своими именами. Что это за «нормальность», которая из принципа не смотрит в сторону несчастья, зла и произвола? Чем добропорядочность в башне из слоновой (в здешнем климате все-таки моржовой) кости отличается от благопристойного филистерства? Власть (такова ее природа), как газ или тараканы, занимает весь предоставленный объем. Зачем ей подыгрывать? Манифесты вроде Вашего выдают отечественному среднему классу патент на гражданскую апатию, заодно наделяя сознанием собственной правоты и нравственного прямохождения. <...> Рекомендуемая Вами гражданская диета довольно неуместна в нынешней ситуации, а в устах деятеля культуры особенно.* 19 ноября на ПОЛИТ.РУ и Костюков ответил Гандлевскому. По сравнению с советским застоем, говорит он, *нормальная жизнь теперь занимает гораздо бóльший объем. <...> Можно сейчас не лгать, не унижаться — и быть: священником, учителем, инженером, врачом, журналистом? Отвечаю: да. (При этом понимаю, что учителю истории придется вступать в полемику с рекомендованным учебником). Можно излагать свое искреннее мнение публично? Вот я излагаю. Можно везде говорить то, что ты думаешь? Да. Можно со своим мнением вылезти в телеэфир? Нет. Можно, не беря на душу грех, «заработать» миллиарды? Думаю, скорее нет.* И далее: *краеугольный вопрос — унизительно ли честно жить, когда некоторые другие люди живут*

нечестно? <...> По-моему, унизительно лгать и воровать. А честно жить не унизительно. Вы униженным, например, не выглядите. Где я освобождал мифический средний класс от гражданской активности? У меня ни благословения на это нет, ни намерения. Я против долгой концентрации на том, что изменить мы с Вами на данный момент не в силах. <...> гражданственность, как ни банально это прозвучит, начинается не с путания под ногами, а с ответственности за свою семью, дом, двор. С дружбы с соседями и взаимопомощи. С собственности и свободы передвижения. С той ситуации, когда есть, что терять. <...> лучший способ противостояния социальному злу — установка на нормальную жизнь. И эскалация этой установки культурными способами. И гражданское общество, по-моему, может вырасти из этой установки. <...> Что же до подвига, думаю, в норму жизни его не надо закладывать. (24 ноября Костюков продолжил разворачивать свои аргументы в статье **«О том же»**.) Гандлевского 3 декабря поддержал в своем блоге на сайте InLiberty поэт **Алексей Цветков** в статье **«Ненормальная жизнь»**: *Поскольку способа распространить собственный уют и благополучие на всю страну, а тем более мир, у нас нет, Костюков предлагает ограничиться возможным и не замахиваться на несбыточное. <...> Мне кажется, Костюкова с его «нормальными» ценностями подводит качество, которое для среднего человека изъяном не является, но для писателя — безусловно. Речь идет об отсутствии воображения, неспособности поставить себя на чужое место, вообразить жизнь, которая не только не твоя, но даже не очень близка к твоей <...> Отметая любые обвинения в героизме, я, тем не менее, должен сказать, что для меня одной из главных ценностей нашей ненормальной жизни, наряду с теми, которые перечислил Костюков, является свобода, но она неразрывно связана с понятием совести. Человек не может быть свободным, если несвободен его ближний, потому что это не свобода, а привилегия, и совесть не уцелеет на отдельном, тщательно огороженном участке, который мы своей свободе произвольно очертили. Верная жена, теплая квартира, регулярная зарплата — это нормальные человеческие радости, которые я не посмею злословить, но в трех шагах, за изгородью, начинается настоящее испытание свободы и совести, и только там мы можем понять, чего мы на самом деле сто́им.* Писатель **Виктор Шендерович** на сайте Радио «Свобода» говорит о Костюкове так: *Его позиция — эта позиция является сегодня абсолютно доминирующей. Огромное количество чистых приличных людей. Я специально говорю «чистых приличных», выносим за скобки подонков, подлецов, которые просто прирабатывают при этой власти. Вот это доминирующая позиция среди них.* Литературовед **Олег Проскурин (o_proskurin)** в своем блоге в ЖЖ замечает: *сейчас «твой дом» и «твой двор» — не более чем иллюзия (неужели Леониду Костюкову никогда не давали этого понять?). «Дом» может перестать быть «твоим» в любой момент.* Социолог **Даниил Александров** 8 декабря высказался на ПОЛИТ.РУ в поддержку Костюкова с претензией на примирительность. Он ссылается на свои наблюдения над жизнью в поселках Ленинград-

ской области: к 2007 – 2008 годам *нормализуется жизнь: ремонтируются школы, амбулатории, детские сады, местные жители начинают сами о них заботиться — постепенно у всех в этих поселках возникает ощущение нормальной коммунальной жизни. Это отрадное зрелище при всех трудностях и недостатках местной жизни, которые заметны любым невооруженным глазом. После чтения споров о модернизации и инновациях, о правосудии и милиции, образовании или культуре поездки в поселки имеют для меня лично просто душеспасительный характер — там видна нормальная жизнь обычных людей и малозаметная работа построения гражданского общества, где каждый целью для каждого служит он сам и его близкие, но все вместе улучшают общую свою жизнь.* Ну а споры вокруг «нормальной жизни» — *занятие рефлексивной интеллигенции, которой недостаточно «нормальной жизни», а нужна жизнь общественно-политическая и публичная сфера взаимного критического ответственного общения. Она может и должна ее создавать. Статьи и письма о «нормальной жизни», собственно, это и делают.* Иными словами, даже если Костюков пропел гимн мещанству, то песня эта логикой дискуссии вписалась в контекст интеллигентских прений. Вот и славно. Хотя едва ли уж очень славно. Интересное продолжение дискуссии в ЖЖ, с другими участниками: www.rusliberal.com%2Fshowthread.php%3Ft%3D327477; http://yasashisa.livejournal.com/210250.html и http://leonid-b.livejournal.com/631653.html

Игорь Свинаренко в статье **«Гуса в премьеры!»** (Газета.Ru, 26 ноября). напоминает, что в России *использование западных технологий, западного интеллекта и их же морали (которая сильна, может, как раз тем, что в ней в отличие от некоторых не было 70-летних каникул, не было вот этого затянувшегося праздника непослушания, игры в перевернутый мир, когда можно было убивать всех, кто не нравится комиссарам, и грабить награбленное, и взрывать храмы, то есть устраивать царство сатаны на земле еще при этой жизни, а после этим хвастать перед теперешней молодежью) дает прекрасные результаты по широкому диапазону: от кражи на Западе атомных и ракетных чертежей, используя которые, мы запустили Гагарина, до найма на работу Гуса Хиддинка, который таки научил русских такой чисто британской игре, как футбол! <...> никакому народу нет смысла стыдиться, что он чего-то не умеет. Русские не могут строить, вести бизнес, торговать, налаживать сервис и проч. Потому что русские — это нация господ. Русские входят только в две высшие касты — брахманов (философов, писателей и проч.) и воинов. А двух низших каст нету, и потому для работы на стройках и торговли на базарах приходится брать гастарбайтеров. Чтоб дать великую идею, или большую книгу, или взять Берлин — это мы можем. А вот удержать территории, получить гонорар с великих идей или что построить — с этим слабо. Не надо и браться. Надо взять гастарбайтеров и отдать в их распоряжение базары, здравоохранение, футбол, золотой запас и прочее.*

Обобщающий взгляд на русских сегодня предлагает и ведущий научный сотрудник Института социологии РАН **Леонтий Бызов** в статье **«Пе-**

реосмыслить себя» («Литературная газета», №49). Он фиксирует: мы даже не знаем окончательного ответа на самый главный вопрос: есть ли такая нация? Не как социально-биологическая популяция, а как носитель цивилизационной идентичности, в которую включаются и «кровь», т. е. выработанный веками в России генофонд, и «почва», включающая в себя культуру, традиции, архетипы. Казалось бы, что может быть приоритетнее, чем возвращение к истокам, к традициям, к той России, «которую мы потеряли». Но возвращаться-то, по сути, некуда: мы уже далеко не те, и того дома, куда возвращаться, давно не существует. «Русский мир» разрушен если не до основания, то настолько сильно, что от него остались одни фрагменты. Мы до сих пор не можем ответить на вопрос, кто же такие мы, русские, на рубеже XX и XXI веков. Что нас объединяет, и объединяет ли вообще что-то. Мы напоминаем временщиков, сосредоточенных на решении сиюминутных задач, но не способных выстроить внятную перспективу на будущее. Сможет ли нынешнее поколение сохранить идентичность русской цивилизации? Автор говорит о сочетании «архаики» и «модерна»: в жизни ментальность и ценностные установки формируются под воздействием двух тенденций, зачастую противоречащих друг другу. С одной стороны, для современного российского общества характерно усиление консервативных тенденций и в политике, и в массовом сознании. С другой стороны, по очень значимым характеристикам российское общество все сильнее отдаляется от традиционной культуры и традиционных ценностей. Впрочем, *следов «архаики» и «почвы» видишь гораздо меньше, чем хотелось бы. Последние десятилетия, когда огромная часть нашего населения переориентировалась на ценности общества массового потребления, оказались разрушительными для русской культуры едва ли не в большей степени, чем вся советская история с ее дистанцированием от «старого мира». Современному обществу больше подходит такая характеристика, как «кризис беспочвенности»*. Внешний, лежащий на поверхности, политический и социальный консерватизм, «новый русский порядок», о котором мечтают наши граждане, — это что угодно, но только не возвращение к истокам, не регенерация русской цивилизации. Более того, вполне возможно, что это, как ни печально, ее окончательные похороны. Как показывают социологические исследования, массовым сознанием выделяется в качестве самой важной такая триада ценностей, как порядок, справедливость и стабильность. Политические же ценности, в том числе такие, как ценности демократии, отошли на задний план. Кто сегодня является носителем идей порядка и справедливости? Как показывают исследования, это как раз «средний класс», точнее, его российский аналог, потому что европейского среднего класса с его независимостью от государства и способностью самому «заказывать музыку» у нас нет и не предвидится. По сути, это новая, социально очень молодая генерация русских, которая формируется на месте сохранявшихся даже в позднесоветские времена традиционных или полутрадиционных структур. *Например, та же совет-*

ская интеллигенция, как бы ее ни обзывали в сердцах «образованщиной», все же многое унаследовала от старой русской интеллигенции. Сегодня такой уже нет и, скорее всего, никогда не будет. Есть ли в нашем обществе еще какие-то слои — носители традиционализма, русской ментальности, русских идеалов? Да, и они сохранялись, протянулись через весь советский период, — это кроме интеллигенции еще крестьянство, военнослужащие, государственная бюрократия (хотя и в меньшей мере). Но сейчас крестьянство добито окончательно, добито как образ жизни и менталитет, а не только как производитель сельхозтоваров. О «моральном облике» нынешнего служивого класса вообще всерьез и говорить нельзя. Надежды путинской эпохи, сделавшей ставку именно на всемерное укрепление бюрократии как главного класса в расчете на пробуждение в ней «государственнических инстинктов», явно не оправдались. И уж, конечно, эти новые группы общества вряд ли готовы «лечь костьми» за русскую традицию и русскую духовность. В опросах выявился парадокс. С одной стороны, люди называют массу позитивных качеств, присущих русским. С другой, при характеристике современной генерации выясняется, что эти ценности уже занимают место, прямо противоположное ожидаемому. Опрошенные отмечают доминирование в окружающих их людях таких качеств, как черствость, жадность, готовность ради денег перешагнуть через нормы морали, хамство и цинизм. Те, кто занимается сравнительными социологическими исследованиями России и стран Европы, говорят, что более индивидуалистического общества, чем современная Россия, в Европе просто не существует. Ценности «Святой Руси», таким образом, присутствуют скорее в качестве тоски по идеалу, а в жизни мы чаще наблюдаем их противоположность. Это же касается и очень многих иных характеристик русской нации в наши дни. Как показывают специальные исследования, сегодняшние россияне очень бедны «сверхидеями», подсознанием, «подкоркой коллективного Бессознательного». *Они очень прагматичны, сориентированы на практические формы жизненного успеха. Нынешняя генерация россиян очень сильно дистанцирована от традиционной русской культуры. Эта культура осталась частью «наследия прошлого». Наши соотечественники сегодня смотрят на нее примерно так же, как современные греки — на развалины античных Афин. То есть это нечто, что уже ушло и никоим образом не затрагивает нынешнюю жизнь. Следуя мудрости «узнавать дерево по плодам его», оценим культурное состояние нашего общества по изуродованным и фактически уничтоженным историческим городам страны, по содержанию основных телеканалов, по проникшей во все поры общества попсе, по тому, какие здания возводят представители новой генерации русских, как они себя держат, что читают и на каком языке говорят.*

Много говорится про объединяющую роль православия, которая может превратить наше общество в дееспособную нацию. По Бызову, *рассчитывать на православие как институт возрождения традиционной русской духовности все же не приходится. Желающих окропиться «крещенской*

водой», отстояв часовую очередь, или приложиться к мощам того или иного святителя у нас полным-полно, но вот с заповедью «возлюби ближнего своего» что-то никак не получается. Всем нам известны люди с высокой христианской моралью, но их слишком мало в общем потоке. Как показали результаты исследования «Базовые ценности», формально отождествляющих себя с православием верующих можно разделить на «старых» и «новых». И если «старые православные» сохраняют в себе соборно-коллективистский менталитет, в чем-то, правда, очень сходный с советской традицией, то «новые православные» — это в основном носители индивидуалистического типа сознания, ориентированные на индивидуальный успех и, по-видимому, на индивидуальное спасение души. Для современных новорусских консерваторов характерны прагматизация и рационализация сознания, достаточно ироничное и секуляризованное отношение к религии, а их коллективизм основан скорее на корпоративистской этике, чем на сакральной соборности. Социологи отмечают: «духовное» воспринимается не как альтернатива высоким жизненным стандартам, а как их следствие. «Духовность» перестала быть монополией народа как целостной общности, а стала в первую очередь прерогативой личности. Произошла девальвация таких ценностей, как долготерпение и непритязательность, которые стали восприниматься современной частью общества со знаком минус. Одной из важнейших составляющих этики современного молодого преуспевающего русского является культ жизненного успеха. Лишь 18% опрошенных россиян готовы согласиться с православным тезисом, будто «судьба посылает страдания наиболее достойным людям, страдания просветляют и очищают духовно», тогда как более 40% разделяют протестантистский тезис о том, что «судьба наказывает нас страданиями за грехи, а успехами и достатком вознаграждает за праведную и добродетельную жизнь». Более 55% опрошенных согласились с утверждением, что «единой правды вообще не существует, у каждого она своя». На вопрос: «Что такое в вашем понимании религия?» — люди отвечают: культура, верность национальным традициям, мораль. И лишь один из десяти — «личное спасение», «отношения человека с Богом».

Вопреки расхожим представлениям о неизменной склонности русских к этатизму, культу государства как высшей силы, дающей народу смысл жизни, нынешние русские неоконсерваторы относятся к государству прагматично. По их мнению, «государство существует ради своих граждан; оно должно быть сильным, чтобы эффективно защищать их интересы» (68%), тогда как с традиционным взглядом на государство («жить ради государства, самозабвенно служить ему — нравственный идеал русского человека») готовы согласиться только 9,5% опрошенных. В современной России государство перестало быть экзистенциальной ценностью, превратившись в сугубо инструментальную. По своей социально-культурной составляющей Россия является сегодня страной индивидуализированной и во многом вестернизированной. Восток с его

культом коллектива, подавлением личности, патриархальной семьей, в отличие от Запада, становится и культурно, и социально все более чужд современному россиянину.

О каком же «новом русском порядке» мечтают современные консерваторы? В какую сторону они хотели бы изменить то состояние общества, которое мы привычно уже называем «путинской стабильностью»? Эта самая «стабильность» кажется им довольно обманчивой и зыбкой. Мечта о порядке, когда под словом «порядок» понимается отнюдь не установление репрессивного режима и «закручивание гаек», а формирование такого общественного строя, который признается большинством справедливым и эффективным, все еще остается далекой от своего воплощения. Несмотря на общую социально-политическую стабильность в стране, по данным ВЦИОМа, в 2008 году только 17,1% признавали справедливость и эффективность нынешнего социального строя. Наблюдается огромный разрыв между системой парадных ценностей и системой реальных ценностей, мотивирующих трудовую и социальную активность. Во всех опросах, связанных с поисками новой национальной идеи, на первое место выходит идея возрождения России как великой державы. С другой стороны, в своей реальной жизни постсоветский гражданин ничем не готов поступиться — не то что проливать кровь за «великую Россию», но даже самым малым. Современное российское общество (как и общество 90-х) антимобилизационно, оно поддерживает власть ровно до того момента, пока власть лишь рассуждает о величии, но не требует от граждан никаких активных действий.

Власть

Дискуссия о модернизации после публикации статьи Дмитрия Медведева «Россия, вперед!», в которой глава государства призвал общество консолидироваться вокруг идеи инновационных изменений, продолжилась.

На **сайте «Эха Москвы»** в своем блоге **Евгений Гонтмахер** 4 декабря поместил **Открытое письмо А. Б. Чубайсу**. Автор расстроился, услышав на ВВС пассаж Чубайса о том, что экономическую модернизацию можно проводить и без модернизации политической. *Казенных «государственников», «охранителей», а теперь еще и «консерваторов» нынешняя российская политическая система печет как пирожки. Вот только демократов эта система усилиями официальной пропаганды пытается сделать посмешищем или пугалом маленьких детей, а также ветеранов войн за тепленькие советско-партийные места, а в организационном плане — превратить в невидимок. Вы можете сказать, что сначала надо разобраться с экономикой, принять кучу назревших тут решений, а потом, лет через ...дцать заняться политикой. Но давайте вспомним недавние, докризисные годы нефтегазового и прочего сырьевого изобилия. Почему эти действительно назревшие решения не принимались, более того — те хозяйственные*

институты, с таким трудом созданные и при Вашем непосредственном участии в 90-е годы, резко ухудшили свое качество? Речь идет и о сверхмонополизации экономики (какой уж тут рынок, по большому счету?), и о сращивании значительной части бизнеса с госаппаратом (и это, как писали все классики, убивает рыночную экономику), и о нараставшем технологическом отставании (Вам, как главе тогдашнего РАО ЕЭС, это понятно), и о полном зажиме малого бизнеса, без процветания которого невозможна все та же рыночная экономика. <...> Можно сколько угодно много вырабатывать всевозможные проекты действительно нужных решений по экономическим вопросам, но, дойдя до определенных кабинетов, они там жестко фильтруются и искажаются, принося в случае принятия часто даже обратный эффект. <...> И Вы искренне считаете, что такая система управления пропустит через себя экономическую модернизацию?

На своем личном сайте глава госкорпорации «Роснано» **Анатолий Чубайс** 28 декабря так ответил Гонтмахеру: *«Пусть сначала отменят "басманное правосудие", а потом начнем строить инновационную экономику». Эта точка зрения распространена среди демократической общественности, но, находясь в твердом меньшинстве, я с ней категорически не согласен. Считаю, что начинать можно уже сейчас, мало того — необходимо. Добавлю и еще: в нашей реальности именно это начало может оказаться гораздо более значимым для политической либерализации в России, чем многие стерильно политические инициативы.* По мнению Чубайса, есть *сотни значимых экономических решений, обладающих двумя важными свойствами: а) они политически реализуемы в сегодняшних реалиях; б) они способны не просто снять выстроенные самим государством бетонные барьеры на пути инновационного бизнеса, но и дать этому бизнесу серьезный позитивный импульс.* Еще один аргумент Чубайса состоит в том, что модернизация необходима: *нейтрального сценария нет — либо создаем заново российский хайтек, либо теряем существующий. То есть вызов этот — выше партийных и идеологических разногласий — он страновой.* Автор оптимистичен: *я считаю, что по совокупности имеющихся сегодня в стране исторических, экономических и социальных предпосылок запуск инновационной экономики может произойти в исторически короткие сроки (5 – 10 лет) и в масштабах, способных не только изменить структуру ВВП, но изменить и социальную структуру в стране. Достаточно сказать, что только мы в Роснано собираемся к 2015 году создать наноиндустрию, в которой будет занято около 150 тысяч человек, из которых 100 тысяч — специалисты высокого класса с магистерским образованием. Это означает, что вся инновационная экономика к этому времени вместе с работающей на нее наукой способна вовлечь в свою орбиту миллионы граждан нашей страны. По-сути, речь идет о том, что наша научно-техническая интеллигенция будет заново востребована. Такого «среднего класса» в российской рыночной экономике еще не было. Я твердо уверен — настоящая демократия в стране возникает только тогда, когда появляется социальный слой, кото-*

рому она по-настоящему нужна! <...> Тезис об ошибочности, безнадежности, неподъемности и нереализуемости начатого дела мне неплохо знаком. В 1991-м нам с Гайдаром говорили об этом едва ли не все — и сторонники, и противники. То же было и в ходе приватизации, и потом — в ходе реформы энергетики. Посмотрим, что получится в этот раз[1].

Обмен письмами вызвал дискуссию. Так, на форуме сайта Чубайса ее участник **Usmanov** 2 января пишет: *Если Чубайсу даже удастся создать кучу заводов по выпуску некоего хайтека и начать его массово выпускать и продавать всем и каждому, то что нам с этим хайтеком делать? — по домам с ним сидеть, боясь нос казать из дому, дабы не оказаться в тюряге, или создание этих заводов создаст новую российскую техническую интеллигенцию, которая потребует от властей демократии, свободы и всяческих прав. Так и наступит светлая эра политической либерализации через создание свободных людей посредством создания наносреды.* И рядом*: Что-то мне подсказывает, что в стране, где 82-летнюю старушку, вышедшую 31 декабря высказать свое мнение относительно того, что хорошо бы соблюдать Конституцию, а именно одну ее конкретную статью, дающую право гражданам как раз на мирное выражение своего мнения, хватают и сажают в кутузку* (речь идет о задержании правозащитницы Людмилы Алексеевой. — *Ред.*), *никакой настоящий хайтек невозможно создать. Возможно, эта связь не очевидна, многие метафизические вещи не*

---

[1] Впрочем, на сайте «Ведомостей» 6 марта 2010 года и А.Чубайс в беседе с М. Бергером и Е. Письменной уже куда менее жестко настаивает на своем. На вопрос о том, приведет ли техническая модернизация к политической реформе в России, он отвечает: *Как это будет у нас идти, я не знаю. Я знаю, что я занимаюсь технической модернизацией. В некотором смысле какую-то часть ответственности на себя взял. Стараюсь реализовывать в полном объеме. Что будет раньше, что позже, мне неизвестно. Но я хорошо понимаю не только влияние потенциальной политической модернизации на техническую, но и обратный эффект. Конкретные цифры. Возьмем узкий сектор нанотехнологий. Мы должны к 2015 году создать наноиндустрию, которая будет производить в год общий объем продукции на 900 млрд руб. Для того чтобы это сделать, в ней должно быть занято 150 000 человек. Причем в силу высокой технологичности отрасли 100 000 человек из них — это люди с высшим образованием. Причем с самым современным и продвинутым. 100 000 человек в одной только наноиндустрии! Наноиндустрия не исчерпывается инновационной экономикой. Для того чтобы 100 000 человек работали в индустрии, в бизнесе, нужны десятки и сотни тысяч работающих в академической науке, в отраслевой науке, в вузах и сфере образования в целом. Таким образом, речь идет о том, что у нас должны возникнуть миллионы людей, у которых способ их жизни будет обусловлен, будет связан с инновационной экономикой. Это такое второе рождение российской технической интеллигенции. Причем в таких условиях и такого качества, с такой востребованностью, которой она не имела десятилетия. Я убежден в том, что настоящий, глубокий процесс технической модернизации требует такого же глубокого запроса на политическую модернизацию.*

очевидны по определению, но то, что я написал выше, мне представляется очевидным и бесспорным.

Зампред президиума РНДС **Константин Мерзликин** (**«Толика свободы»**, Грани.Ру, 11 декабря) так комментирует позицию Чубайса: *...заготовлена креативная идея вполне в духе времени — модернизацию можно купить за рубежом, например, в Великобритании, за 310 млрд руб. народных денег, перечисленных из бюджета в капитал наногоскорпорации. Все гениальное просто. Единственное, что нужно, по мнению модернизатора, — снять налоговые, таможенные, иммиграционные барьеры, усовершенствовать техническое регулирование, внести различные поправки в кодексы и т. п. Одним словом, необходимо решить управленческую задачу. Она решаема только железной волей эффективных менеджеров типа Чубайса и Ко <...> Чубайс уверен: отсутствие работающих институтов демократического общества не является препятствием для модернизации. Проблема не в общественных институтах, а в воле руководства страны назначить ответственных и наделить их необходимыми полномочиями для решения технологической задачи. Логика железная, если исходить из того, что модернизация (ускорение НТП, развитие инноваций, удвоение ВВП) — сверхзадача, истинная цель, достижение которой обеспечит процветание страны и ее граждан. Однако существует иное понимание модернизации. Модернизация — это эмансипация граждан от государства, превращение «подданных» в самостоятельно (индивидуально и коллективно) действующих в общественном и экономическом поле людей. Свобода — истинная цель, достижение которой возможно через самостоятельный акт (совокупность актов) свободы, а не по команде сверху <...> Цель совпадает со средством. Свободным становится тот, кто сам себя освобождает, тот, кто хочет себя освободить. Чубайс не хочет.* С другой стороны, глава ИНСОРа **Игорь Юргенс** 28 октября в «RBC daily» поделился выводом: *Российский народ не бунтует, видимо, готов еще терпеть. Значит, с модернизацией сейчас не надо спешить, а подойти к этому вопросу с умом. Если за десятилетку мы уложимся, честь и хвала руководству.*

Близок к Чубайсу редактор «Свободной мысли» **Владислав Иноземцев**. В статье **«Modernizatsya.ru: Модернизация и демократия»** («Ведомости», 14 декабря) он по поводу годовщины смерти Андрея Сахарова отмечает, что надежды того на демократизацию России не сбылись. Они были иллюзорными. Демократическую систему предполагалось построить в обществе, давно забывшем традиции частной собственности и к тому же находившемся в состоянии углубляющегося экономического кризиса. Демократия того времени имела слишком много черт популизма, чтобы не воплотиться в тот или иной тип авторитарной власти. Среди самих демократов было мало людей, которые отстаивали саму демократическую идею, а не пользовались ею в своих интересах. *Настоящие демократии формируются десятилетиями, по мере того как «взрослеют» народы. Появившись случайно, они редко оказываются жизнеспособными. Парадок-*

сально, но движение в сторону демократии либо начинается элитами, либо подготавливается действиями элиты. И в обоих случаях оно оказывается устойчивым тогда, когда общество уверенно идет по пути экономического прогресса и возникает широкий класс тех, кому жизненно важны разумные и предсказуемые правила игры, которые создаются ответственным выбором значительного числа граждан, а не прихотью отдельных вождей. Класс людей, уверенных, что они не вызывают у остального общества эмоций, исключающих возможность обратиться к нему за поддержкой. Это означает следующее: демократия имеет прочные основания лишь в обществе, которое на протяжении определенного периода времени демонстрирует уверенное развитие и элита которого не является паразитической. Иными словами, демократия с наибольшей вероятностью формируется в успешно модернизирующемся обществе. Модернизация — важнейший инструмент демократизации. Именно ее отсутствие определило неудачу позднесоветского демократического проекта. <...> Сегодня в России сторонники демократических перемен не могут не быть адептами модернизации. За последние 20 лет отставание страны от Запада не сократилось, а возросло, — и потому новая волна популизма, если она возникнет вследствие разочарования действиями власти, приведет к формированию еще более недалекого режима, чем установившийся в 2000 году. Начиная модернизацию, авторитарная власть подписывает себе «приговор с отсрочкой исполнения», приносит — пусть даже неосознанно — свои интересы в жертву будущему процветанию нации. И сейчас все те, кто желает России демократического и успешного будущего, должны стать «прорабами модернизации».

Немало, однако, и скептиков. Вот, к примеру, **Дмитрий Шушарин** ни в какую модернизацию не верит. *Ее не будет при нынешнем политическом поколении, пока не сменится не только политическая элита, но и парадигма национального развития.* В статье **«Модерн токинг»** (Грани.Ру, 5 ноября) он определяет надвигающийся порядок вещей в России как *неототалитаризм, или тоталитаризм нового типа.* В определении сути модернизации для автора *принципиальное значение имеют качество и уровень коммуникативности — от монетаризма до информационных свобод и свободы передвижения. Это включает в себя все, в том числе и уровень общественной солидарности, и свободу объединений. <...> Формирование современной нации происходит путем признания ею принадлежности к чему-то большему, чем она сама, что может выражаться институционально или же в повседневном сознании. Символическое значение таких институтов, как ЕС и НАТО, конечно, велико, но дело, в конце концов, не в них, а в осознании общности с человечеством — не больше и не меньше. В современном мире без подобной открытости никакая модернизация невозможна. Она будет заменена заимствованием технологий, использование которых окажется ограниченным — ведь они инокультурный, чуждый элемент в закрытых обществах.* Но *о какой модернизации может идти речь, если внешняя политика нашей страны концептуально и на практике находится на уровне рубежа позап-*

рошлого и прошлого веков? Это та Realpolitik, что привела мир к Первой мировой войне. *Все те же сферы влияния, о непризнании которых заявляли ведущие политики Запада, отрицающие существование так называемого постсоветского пространства. И каким же видится субъект модернизации — российский гражданин? Это что ж, параноик, ищущий грузинских шпионов у себя под кроватью, но при этом самодовольный тип, уверенный, что Украина завтра развалится, а сутки спустя за ней последуют Соединенные Штаты? Человек, который признает только один способ коммуникации — мочить? Он вам никого не напоминает? А мне так очень. Данилу Багрова, который фром раша* (речь, напомним, идет о герое фильмов А. Балабанова. — *Ред.*). *Герой девяностых десять с небольшим лет спустя — образцово-показательно путино-подданный. Вся его модернизация — замочить украинца в сортире, рассчитавшись с ним за Севастополь, да сообщить человеку, не знающему русского языка, что Америке скоро кирдык. Что, правда, не мешает ему прилететь в обреченную Америку в свитерке, а вернуться оттуда в бежевом пальто, вдоволь покуражившись в первом классе. А никому другому тандемократия модернизацию не доверит.*

Вообще, на сайте Грани-Ру 30 декабря был подготовлен обзор за год мнений известных интеллектуалов и общественных деятелей по теме о модернизации и возможности сотрудничества с властями **«Нерукопожатие крепкое»**, сведенный из разных источников. Скажем, председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов, Дмитрий Орешкин, Евгений и Ирина Ясины, вице-губернатор Кировской области Мария Гайдар, член Общественной палаты Алла Гербер, Александр Архангельский, социолог Ольга Крыштановская, Александр Морозов, Евгений Гонтмахер, политтехнолог Марина Литвинович полагают, что ради успеха в малых делах можно общаться с властью и разделить с ней ответственность. *Компромисс всегда лучше бескомпромиссности.* А Елена Боннэр, Эмиль Паин, Валерия Новодворская, главный редактор интернет-проекта «Открытый Омск» Виктор Корб, Сергей Пархоменко, директор ИД «Коммерсант» Демьян Кудрявцев, Евгения Альбац, Виктор Шендерович, правозащитники Александр Подрабинек и Сергей Ковалев, главный редактор «Ежедневного журнала» Александр Рыклин, лидер РНДС Михаил Касьянов, Владимир Милов, социолог Лев Гудков с этим несогласны. Они считают, что режим только имитирует готовность к переменам. *Сотрудничество с преступным режимом — в любом случае является преступлением перед совестью. А оправдания про «помощь людям» — для бедных... умом.* Рано или поздно логика сотрудничества с властью приводит к отказу от демократических идеалов и к поддержке национал-популистского режима.

Кирилл Рогов в статье **«К вопросу о бессмертии»** (авторский блог на сайте InLiberty, 7 декабря) утверждает: «режим» занят проблемой своей институализации. Дело в том, что в сравнении с персоналистскими режимами гораздо более устойчивыми показали себя режимы монопартийные, где основной опорой и основной институцией авторитаризма

становится «доминирующая партия». В 2007 году курс окончательно был взят на создание «доминирующей партии», которой — на тот момент — отводилась ключевая роль в реализации проекта «обмена креслами»; доминирующая партия должна была стать одним из механизмов контроля над ситуацией со стороны уходящего президента и легализации его особого сверхпремьерского статуса, ставящего его вровень с номинальным президентом. И это логично, собственно, потому что и возникновение Национально-революционной партии Мексики (на которую обычно указывают как на самый успешный пример доминирующей партии, обеспечившей долгосрочную стабильность авторитарного режима) было связано с тем, что Плутарко Кальес не мог занять президентский пост второй раз подряд. Но еще более важный шаг в сторону проекта однопартийного авторитаризма был сделан, когда «Единой России» были обещаны определенные полномочия при решении вопроса о кандидатуре губернатора. Для реализации такого сценария необходимо обеспечить абсолютную безальтернативность региональных выборов, продемонстрировать, что победитель, получающий право влиять на назначение губернатора, может быть только один («Единая Россия»), а инвестиции в оппозицию не имеют смысла и ничего не дают. Именно поэтому последние «выборы» в региональные собрания оказались столь беспардонными и наглыми по уровню фальсификаций. Однако пока режим остается в основном персоналистским.

В «Ежедневном журнале» вышел ряд статей **Автандила Цуладзе**. В статье **«Застрявшие в СССР, или В ожидании героя»** (27 октября) он обращает внимание на то, что *публичная политика в России наполовину восстанавливается: в элитных и околоэлитных кругах события мелькают с калейдоскопической быстротой.* Это следствие распада путинско-ельцинской системы: равновесие в системе нарушено, и хаотичные процессы будут продолжаться до тех пор, пока в элитах не установится новое равновесие. Между тем, в обществе процессы идут несколько иначе. Прежний контракт общества и власти, основанный на «пакте стабильности и взаимного невмешательства», расторгнут. Причем расторгнут по инициативе элит. *Дестабилизация в элитах, помноженная на экономический кризис, привела к тому, что в течение короткого времени ситуация в стране развернулась на 180 градусов: вместо политической стабильности — хаос и неопределенность; вместо устойчивого экономического роста — неуклонное ухудшение социально-экономической ситуации; вместо восстановления международного престижа России — скатывание страны в одну компанию с изгоями типа Ирана, Венесуэлы и Северной Кореи; вместо перспектив постепенного повышения благосостояния — погружение в болото кризиса с полным отсутствием перспектив. В общественном сознании произошла резкая переоценка.* С этим Цуладзе связывает и воскресшие споры о Сталине и СССР: *это перевернутые споры о будущем.* А будущее в ситуации кризиса представляется пугающим своей неопределенностью. Пара «Путин-Медведев» вполне

адекватно отражает мировоззренческую кашу, которая варится в головах россиян. Путин олицетворяет проект будущего, основанного на реставрации советского режима в новых капиталистических условиях. *Триада Путина: великое советское прошлое — временные трудности в настоящем, связанные с кознями внешних и внутренних врагов — возрождение величия в будущем. Медведев выступает с проектом, который условно можно назвать «модернизационным». Триада Медведева: прошлое в целом великое, но советский проект завершен и возрождению не подлежит — трудности в настоящем являются следствием ошибок в прошлом, настоящее есть миг между ошибками прошлого и свершениями будущего — «модернизированная» Россия обретает величие, но не советское, а демократическое (как в Америке). Соревнование между Путиным и Медведевым — это битва в символическом поле. У Медведева пока нет достаточных ресурсов, чтобы состязаться с Путиным в более конкретных вещах. Его задача — нарастить символический капитал, дискредитировать Путина и всю его систему в символическом пространстве. А потом уже перехватить и аппаратную инициативу. Похожими методами действовал Горбачев.* Раскол во власти зеркально отразился расколом ее полной противоположности — либеральной оппозиции. Все эти споры о том, каким было прошлое, будут длиться до того момента, пока на сцене не объявится харизматичная фигура, которая бросит в массы проект будущего, способный пробудить общество от апатии. Место лидера страны пока пустует, партии, способной воодушевить миллионы, нет. В статье **«Партия власти. "Единая Россия" в собственном соку»** (23 ноября) Цуладзе одним из первых отметил, что премьер Путин перехватывает у президента лозунг модернизации. *Очевидно, что коррумпированный госаппарат — основное препятствие для реальной модернизации страны. Но именно этот аппарат и именно в таком виде является главной опорой для Путина. Он предложил аппарату проект имитационной модернизации с вполне конкретными перспективами в финансовом плане и обещанием сохранения кадровой стабильности. Со свойственным ему оппортунизмом Путин легко отказался от прежней модели экономического развития и решил возглавить новый «модернизационный» проект.* Цуладзе комментирует заявление руководителя партии «Единая Россия» Бориса Грызлова: идеология партии — это «российский консерватизм»: *Партия, которая хвалится тем, что в принятом ею госбюджете более 70% расходов носят социальный характер, во всем мире зовется социалистической либо коммунистической. Но в России свое понимание политических терминов. «Консерватизм» от слова «консервировать», т. е. оставить все как было. <...> Мы живем в уникальное, сказочное время. Тени прошлого снова нависли над страной. Старые политические модели и символы получают новую жизнь. Медведев в образе Горбачева и Путин в образе Брежнева. И все это в одном флаконе. Время скрутилось в какую-то причудливую спираль.* Однако автор полагает, что *имитационный проект «консервативной модернизации» провоцирует вполне реальные революционные процессы — как в элитах (на*

всех «модернизационных бюджетов» не хватит), так и в обществе (цены и безработица растут, доходы населения падают).

В обширном тексте **«Перезагрузка России»** (9, 10, 14 декабря) Цуладзе пытается показать культурные (мифофольклорные) корни путинизма. Россия на перепутье. Причем надписи на камне не вселяют оптимизма: куда ни пойдешь — направо, налево или прямо — везде ожидает подвох. Страх двигаться дальше и попасть в очередную историческую ловушку держит «доброго молодца» в нерешительности. Инстинкт подсказывает, что безопаснее двигаться назад, проверенным, уже хоженым путем. И вот все телеканалы забиты под завязку ностальгическими передачами: «Лучшие годы нашей жизни» (естественно, они в прошлом), «Достояние Республики», повторы советских юморин, Юрмал, кинофильмов, сериалов, мультфильмов. Есть даже канал «Ностальгия». Советские звезды на старости лет пользуются такой популярностью, о которой не могли и мечтать. *Логотип передачи «Достояние Республики» отражает это пограничное состояние сознания — соединенные вместе половинки советского и российского гербов. Называется, приехали.* Обращенность в прошлое закрывает дорогу в будущее. В таком ментальном оцепенении находится сегодня Россия. И есть люди, которым это на руку. Один из них — Владимир Путин. Первый уровень восприятия действий Путина — это параметры имиджа премьер-министра. *Кремлевские пиарщики не стали оригинальничать, позаимствовав общую концепцию у Юлии Тимошенко. Пока Медведев рассказывает басни про модернизацию, депутаты устраивают разборки в Думе, милиционеры публикуют обращения в интернете, ОН работает. ОН олицетворяет собой подлинную, исконную Россию, которая сохранилась сегодня в глубинке. <...> ОН работает, «народ» работает, а прочая интеллигенция только языком трепать умеет. <...> В России идет советский сериал типа «Семнадцати мгновений весны». Кругом враги, война до победы, за ценой не постоим и проч. Скучно, мрачно и депрессивно. Как и положено разведчику, Путин работает во враждебной среде. Иногда ему даже приходится делать вид, что он с НИМИ. Но зритель-то понимает, что это игра. На самом деле он НАШ, СВОЙ. Просто враги еще очень сильны, и приходится маскироваться. Шпиономания и «оборонное сознание», настойчиво распаляемые официальной пропагандой, создают информационную среду, в которой Путин-Штирлиц чувствует себя весьма комфортно.* Он не апеллирует к каким-то конкретным социальным классам. Он разговаривает с «народом». Под «народом» понимается некая серая, обезличенная масса, «психологическая толпа», объединенная педалированием примитивных инстинктов. Политика в современных западных демократиях — это процесс согласования интересов различных классов и социальных групп. В России другая схема: вождь и масса, «народ». Это архаичная конструкция, уходящая корнями в самые дремучие, первобытные времена. Для того чтобы конструкция работала в XXI веке, нужно было низвести общественное сознание до самого примитивного уровня. Чем занималась и

занимается кремлевская пропагандистская машина, будоражащая страсти, провоцирующая агрессию и не допускающая проявления даже проблесков работы мысли. До кризиса Путин был довольно популярной фигурой среди различных слоев общества. Ему удалось попасть в доминирующий общественный запрос. На рубеже нулевых годов в обществе стали набирать очки реваншистские настроения. СССР потерпел поражение, но экономика стала восстанавливаться, нужно возродить былое величие и отыграться. Это явление, имевшее место во многих странах. *Основным «топливом» для такого рода эмоций является чувство обиды. Поражение списывается на отдельных врагов и предателей. Считается, что проигрыша можно было избежать, если бы... Чувство обиды и комплекс неполноценности порождают запрос в лидерах-нигилистах. Предыдущие лидеры завели общество в тупик, значит, надо перечеркнуть все результаты их деятельности. Следует полностью «зачистить поляну». Но, поскольку даже разрушительная деятельность должна иметь под собой какую-то идеологическую почву, то лидеры-нигилисты обращаются к мифологическим образам прошлого. Муссолини провозглашал себя продолжателем дела древних римлян, Гитлер опирался на культы германских племен, Саддам Хусейн ставил себя в один ряд с вавилонским царем Навуходоносором, Слободан Милошевич изображал Иосипа Тито и т. д. Негативизм Путина был им же сформулирован в начале его правления: «Мочить в сортире». И не только террористов. В унитаз слили все политические идеалы и ценности. Значение имеют только деньги и власть. Все остальное — чушь и шарлатанство. Разочарованное «перестройкой» и «шоковой терапией» общество приняло эту сортирную «философию». По какой-то иронии истории этот период российской истории совпал с нулевыми годами. Одно из обозначений туалета — «00». Позитивной мифологической опорой власти Путина послужило «символическое наследство» Советского Союза. Поскольку в истории СССР были разные периоды, то сначала он выбрал брежневское «наследство», потом хрущевское и теперь добрался до сталинского.* Нигилизм эпохи политического «гламура» привел к плачевным последствиям. Разрушены едва начавшие формироваться институты представительной демократии; зачищено информационное пространство; цинизм, апатия, неверие в гуманистические идеалы охватили общество. Все недостатки капитализма и социализма собрались воедино, породив небывалую коррупцию, произвол властей, государственный рэкет... Общество полностью обезоружено. У него нет легальных политических инструментов для того, чтобы влиять на ситуацию, поскольку выборы демонстративно превратили в фарс, партийная система ликвидирована, суды и СМИ подконтрольны Кремлю. Страна погружена в пучину безразличия и разобщенности, не реагирует ни на какие призывы остатков оппозиции. Полная деморализация населения, избегающего политики и занятого исключительно собственными частными делами, — это психологическая опора путинизма. *Очень удачно Путин вписался в образ повзрослевшего Вовочки — героя советских анекдотов. Во-*

вочка — «трудный подросток», самоутверждающийся и нарушающий общепринятые нормы, циничный не по годам, отвергающий авторитеты. Вовочка постоянно ставит взрослых в идиотское положение и тем самым заслуживает одобрение публики. Подобная инфантильная модель поведения востребована в обществе, утратившем ориентиры, веру в идеалы, не уверенном в настоящем и не представляющем своего будущего. Внешняя политика Путина состоит из списка обид, предъявленных Западу, нарушения общепринятых норм в мировой политике, выстраивания всей внешнеполитической линии по принципу «наперекор "Большому папе" — США». Создаваемый при этом негативный образ агрессивной и непредсказуемой России выгоден путинцам. Он позволяет шантажировать Запад, отбивает охоту вмешиваться во внутренние дела России. Эффект, на который путинисты не рассчитывали, — Запад стал побаиваться инвестировать в Россию серьезные капиталы, что наносит прямой урон кремлевскому бизнесу. Поэтому в период «тандемократии» в пару к «трудному подростку» был поставлен «отличник» с твердой «пятеркой» по поведению. Литературный Вовочка — Незнайка — оказался в паре со Знайкой. По замыслу писателя Н. Носова <...> слишком правильный Знайка и постоянно нарушающий правила Незнайка являются персонажами-антагонистами. <...> Но Знайка не популярный персонаж, т. к. являет собой образ «ботаника», оторванного от реалий российской жизни. Для традиционалистского сознания «заученные» люди — психологически чужие. Они опасны, т. к. могут поломать привычный уклад. *Незнайка, Вовочка и прочие персонажи имеют своим прототипом Иванушку-дурачка. Иванушка — фаталист, принимающий мир таким, каков он есть, и добивающийся успеха не благодаря своим усилиям, каким-то рациональным расчетам и планам, а благодаря везению. Всевозможные чудесные приспособления, которые приходят ему на помощь, — это вознаграждение от лица неких высших сил за покорность и непротивление устройству мира. Рациональные стратегии достижения целей оказываются менее эффективными, чем надежда на «авось».* Это противопоставление работает в тандеме довольно четко. Медведев призывает создавать «умную экономику», осваивать сверхсовременные технологии, оперирует мудреными терминами. А Путин не обращает на эти нотации внимания и «рулит» страной по старинке. *Политическая философия Путина проста, как валенок: россияне — народ безынициативный, несамостоятельный, требующий «жесткую руку», чтобы держать его в узде. Демократия для такого народа вредна, подпускать его к политике не следует. Следовательно, демократию надо упразднить либо свести все к видимости демократии (иначе капиталисты за бугром не поймут. А это — кредиты, виллы и прочие радости жизни). «Народ» должен экономически зависеть от государства, чтобы правильно голосовал и был благодарен руке дающей. «Боярам», стоящим над народом, дозволено почти все. Но в их среде есть некий свой кодекс «понятий», нарушение которого карается. Эта средневековая система взглядов именуется «российским консерватизмом».* И концепция до определенного момента

срабатывала. Экономически зависимое от государства большинство неизбежно будет «патерналистским». Других вариантов у «патерналистов» нет. Никакая «модернизация» им не нужна. Они боятся ее так же, как «ваучера», «дефолта», «приватизации» и прочих непонятных слов. Путин использует все эти страхи для того, чтобы подкупить «антимодернизационное большинство» и противопоставить «народ» «медведевским реформаторам». *У «чекистов» есть своя корпоративная мифология. В частности, эта мифология гласит, что СССР сдала компартия во главе со своим генсеком. «Чекистам» не дала спасти страну кучка «предателей». Будь власть в их руках, они бы ее не упустили. С этим постулатом связана мифологизация образа Андропова. Уж он-то знал, как сохранить и укрепить державу, да не успел. В «чекистской» среде Путин позиционирует себя как «второй Андропов». Сейчас ситуация обратная: власть в руках у «чекистов», а имитация КПСС — «Единая Россия» — кормится у них с руки. Теперь Россия — «правильный» вариант СССР. Историческая справедливость восстановлена. Власть в надежных руках. Враг не пройдет. Но правило арифметики гласит, что от перестановки слагаемых сумма не меняется. И компартия, и КГБ, и многое другое — все это элементы единого советского проекта. Весь проект потерпел крах. В силу инерции общественных процессов и по целому ряду других причин некоторые черты советской модели в крайне ухудшенной форме удалось восстановить. Но в советской матрице были изначально заложены изъяны, которые привели к плачевному результату.* Копирование в любой форме провального проекта, римейк СССР — затея, обреченная на провал. Реваншисты всегда проигрывают, потому что не умеют извлекать уроков из прошлого, пытаются его переделать, прокрутить старые сюжеты еще раз и неизменно с тем же результатом.

Однако, поскольку общество живет в пространстве мифов, политика также неизбежно развивается в русле общественной мифологии. «Тандем» изначально был символической конструкцией, и именно в символическом поле происходит размежевание «тандемократов». Они сами в этом виноваты — сделали ставку на архаизацию общественного сознания и теперь расхлебывают последствия. В примитивных обществах все намного жестче, чем в современных демократиях. Вожди в таком обществе выступали неким связующим звеном между высшими силами и жизнью племени. Чтобы были хорошие урожаи, не было болезней и прочих напастей, вождь должен быть здоровым и сильным. При первых же признаках физической слабости вождя убивали и на его место выбирали нового. Со временем этот обычай был несколько модифицирован введением института «временного царя». Когда у племени начинались проблемы, вождь уступал свое место «временному царю». Весь негатив, все неудачи связывались с его персоной. Когда засуха или эпидемия проходили, «временного царя» убивали, и на трон возвращался «настоящий царь». Изначально «план Путина» состоял в том, чтобы назначить в лице Медведева «временного царя», на которого перейдет весь нега-

тив (кризис назревал давно), а потом триумфально вернуться на «трон». Свои планы на 2012 год Путин прямо увязывает с улучшением экономической ситуации. В противном случае триумфального возвращения не получится. Учитывая мифологизированность общественного сознания, схема могла сработать. Но Путин, по техническим причинам, нарушил план. Он не ушел, справедливо опасаясь, что, утратив административные рычаги власти, утратит и перспективу ее возвращения. Более того, ситуация вынуждает его предпринимать шаги, чтобы убедить элиты и население, что он «главный царь». Путин является мишенью № 1 для нарастающего недовольства в обществе. Он главный — ему и отвечать. Он оказался слабым вождем, раз не смог предотвратить такого глубокого падения экономики. Слабого вождя следует свергать и заменять на сильного. Чувствуя весьма неприятную перспективу, Путин выстраивает свой пиар на том, что самое тяжелое уже позади, жизнь улучшается и скоро будет совсем хорошо. Телевидение по-прежнему изобилует развлекательными передачами и воспоминаниями о былых победах. Но параллельно лубочной картинке путинистов идет нагнетание катастрофизма. Медведев устраивает прямые телевключения с чиновниками, находящимися на местах катастроф; лично контролирует, как идут спасательные работы; выслушивает отчеты министров и т. д. *Путину выгодно создавать видимость того, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Медведеву выгодно противоположное — все плохо и будет еще хуже, если не менять сложившийся порядок вещей. Путин за стояние на месте. Медведев — за движение вперед. У публики есть выбор.*

В элитах второго эшелона, в бизнес-среде подспудно идет процесс формирования «модернизационного меньшинства». Оно еще не оформлено и не имеет своего лидера. Но в условиях беспомощности правящей верхушки, деградации системы и отсутствия перспектив в будущем формирование «модернизационного меньшинства», претендующего на власть, вполне закономерно. Некоторым персонам позволено высказываться критичнее, чем это было принято в период «суверенной демократии». Пока эта «критика» работает на усиление позиций Медведева. Но Медведев нерешителен и медлителен, а ситуация обостряется с каждым днем. На этом фоне на арену вполне может выскочить «темная лошадка» и смешать все карты. Особых усилий для «раскрутки» уже не требуется. Механизм коллективной безответственности, некогда составлявший опору путинизма, оборачивается против него самого. Сейчас в мифологическом пространстве идет процесс превращения вчерашних героев в антигероев. Этот процесс неизменно сопровождается катастрофическими явлениями. Мировоззренческая катастрофа (разочарование в прежних героях) получает подтверждение в виде участившихся катастроф в реальности. Наступает время свержения идолов, не угодивших богам, не сумевших оградить «свой народ» от напастей. «Перезагрузка» политической, идеологической и экономической систем России неизбежна.

В статье **«Энтропия цугундера»** (31 декабря) Цуладзе добавляет: *Отсутствие в элитах консенсуса по поводу того, куда двигаться дальше, обернулось для всей системы в целом тем, что Путин называет «цугундером». Выражаясь на языке теории систем, в политической системе России нарастает энтропия, т. е. ситуация неопределенности.* Непонятно, кто реально принимает решения: президент или премьер. И вообще, каков механизм принятия решений. Это дезориентирует элиту, что в кризисной ситуации означает потерю управляемости государственной машины. «Тандем» беспомощно лавирует между «силовиками» с их идеей политической автаркии и «либералами», считающими, что без сближения с Западом из кризиса не выбраться. Главный миф, который все еще оказывает гипнотическое действие на массовое сознание, можно сформулировать так: «Все решает Путин». Однако ситуация «болота» свидетельствует об обратном — Путин ничего не решает. Он блокирует принятие решений по ключевым вопросам во всех сферах: политической, экономической, идеологической. Путин стремится все время внести неопределенность, «подвесить» вопрос, уклониться от ситуации выбора. В результате решения не принимаются по самым насущным проблемам внутренней и внешней политики. Путинская «стабильность» — это не стояние на месте, а движение в сторону деградации и распада. Это стабилизец, который ничего хорошего не сулит, поскольку ведет к увеличению энтропии, а следовательно, дезорганизации всей системы. Российская политическая система саморазрушается безо всякого бунта и происков «врагов». Элитам придется как-то выбираться из сложившейся ситуации. Вариантов элитных раскладов всего два: консенсус на основе нового «элитного договора» или раскол и война элит со всеми вытекающими из этого последствиями. Ключевое значение для реализуемости этих сценариев имеет «элитный пакт о ненападении», т. е. отказ от передела собственности. Но именно в этом вопросе крайне сложно прийти к консенсусу. Выбор делать придется. И обществу не удастся уклониться от выбора, т. к. элиты непременно втянут в свои разборки всю страну.

Владимир Пастухов в статье **«Медведев и Путин: двоемыслие как альтернатива двоевластию»** («Полис», № 6) описывает состояние общества и власти как хаос. Старый порядок себя полностью исчерпал. Россия с политической точки зрения — пустыня. Нет ни общества (вообще никакого), ни государства (основные институты работают в инерционном режиме). Всюду сохранились одни лишь формы, лишенные содержания. Новый порядок, утверждает автор, может возникнуть только из революции, то есть вследствие смены культурных парадигм и утверждения «городской», бюргерской, креативной парадигмы. *Революция стучит в двери русского дома. Стучит сегодня, когда кажется, что в русском доме все спят. Но это — обманчивое впечатление.* Путин был и есть реставратор. При нем в России ничего нового не было создано. Но потеряно время, и это все острее чувствуется. Автор завершает: *Революция — это единственное поли-*

тическое действие, которое может совершить Медведев как самостоятельный политик, потому что все другие политические действия совершаются сегодня за него и без него. Догадываясь об этом, Медведев пока сублимирует внутреннюю энергию действий «теоретической» активностью как *суррогатом политического действия.* Революция подменяется разговорами о ней.

В своем блоге в ЖЖ **Михаил Соломатин (mike67)** в статье **«Голос России»** 28 сентября утверждает, что *Россия стоит на пороге фашизма. Я говорю вовсе не о т. н. русском фашизме, у которого в многонациональном государстве нет ни малейшего шанса стать государственной идеологией, а о всеобщем состоянии умов. Фашизм — это не просто крайне правая идеология, не просто реваншизм, а, как верно подметил Роджер Гриффин, пересоздание нации заново. Для такого пересоздания характерна замена исторической памяти памятью мифологической, причем даже там, где «живая ткань» исторической памяти, казалось бы, достаточно прочна. <...> В определенные моменты это состояние охватывает целые нации и континенты. Сложно не услышать отчетливый фашистский призвук лозунга, завершающего опубликованный на сайте «Молодой гвардии Единой России» отзыва на статью Подрабинека: «Смерть фашистам! Позор их пособникам! Слава России!» Формальная антифашистская направленность лозунга ничего не значит. Главное — сама концепция рождения Славы Государства из Смерти. <...> Фашизм как заболевание опасен тем, что кровь начинает литься на позднем его этапе, когда ее уже не остановишь. Сначала обязательно идет наплыв прекрасных чувств, а уже затем стремительно исчезает трезвость разума.* Это пересоздание нации и государства, подмена реальности мечтой о ней, неизбежно приводит к смещению приоритетов от реального к вымышленному, от живых ветеранов — к Памяти о Великой Войне. Поэтому оборотной стороной этой мифологизации закономерно оказывается крайний цинизм. Переход мыслей о высоком в низменную плоскость, перевод чистого в грязное настолько характерны, что эти процессы отразились даже в недавнем художественном опыте главного кремлевского идеолога. Политика — грязное дело, весь мир хитер и расчетлив, мы должны стать такими же — эта сознательная «игра на понижение» является наравне с мечтаниями о Величии характернейшей чертой фашизма. Сплав святости и цинизма рождает фашизм.

Продолжение темы — 17 ноября в статье **«Опричь мировой цивилизации или государственный инфантилизм»**. Соломатин замечает, что «Наши» начали кампанию против фильма Лунгина «Царь». Причина их нападок столь же проста, сколь и ужасна: Иван Грозный видится ребятам из прокремлевской структуры защитником страны от бояр, самих же себя они мнят продолжателями дела опричников. Это стало дальнейшим развитием концепции, положенной в основу снятого «под Путина» фильма «Византийский урок». *Типичное для споров о российской истории противоречие между насилием и государственной пользой (строг, но справедлив; репрессии, но Магнитка и т. п.) переосмысливается настолько,*

что полностью снимается. <...> Нет никаких жестокостей, есть только добрый царь, злокозненные бояре, верные опричники и ревущие от восторга широкие массы черни. Единственным противоречием остается только противоречие между желанием раздавить гадину и потребностью считаться с остатками законности и приличий, что с гениальной простотой сформулировал один из нашистских идеологов: «К сожалению, на сегодняшний момент нет абсолютно никаких санкций к такому фальсификатору, как Лунгин и ему подобным, что, безусловно, является пробелом в праве, требующим ликвидации подобных действий». Впервые важнейшей составляющей межцивилизационного диалога России с Западом становится ничем не прикрытый упрек: вы в своей средневековой Европе резали-душили — почему нам нельзя? *Это все случилось не на голом месте, а стало реализацией программного тезиса: «жену свою поучите щи варить». Направление было задано, но кто б мог тогда предугадать скорость последующих процессов. Этот откат к шариковской этике, к чудесному сплаву «все поделить», «не имеете права» и «душили, душили» происходит очень быстро и еще не завершился. <...> Такое отступление в прошлое, как это ни странно прозвучит, является следствием не излишней силы, а, наоборот, неспособности выстроить нормальную государственность, неумения руководить страной с помощью чего-либо кроме грубой силы. Неумения думать о последствиях и нести какую-то ответственность за свои действия.*

Оппозиция

Эдуард Лимонов в статье **«Безнадежно устарели»** (Грани.Ру, 27 октября) рассуждает о стратегии оппозиции. *Политические категории стареют вместе со временем. Сколько можно талдычить «мы — левые», «мы — правые», мы такие, вы сякие. Эти понятия потеряли свое реальное значение <...> каждый новый этап политической метаморфозы России требует новых форм политических организаций. Это только власть может позволить себе всегда одну и ту же форму: административно-чиновничью. Поскольку только власть может защитить свою вечную архаичность с помощью силовых структур: МВД прежде всего.* В 2003 году, после выборов в Парламент, вдруг морально устарела форма буржуазной парламентской партии. *Трогательно беспомощными <...> оказались все велеречивые «Явлинские» и разновидности этой модели буржуазного либерального политика. Удаленные с паркета Госдумы, эти дяди стали звучать как обыкновенные пикейные жилеты, собравшиеся в привокзальном буфете.* По Лимонову, актуальна стала широкая коалиция, «Другая Россия», где нацболы вместе с либералами *сумели напугать власть, а в обществе вспыхнули надежды. Практика «маршей несогласных» была верным путем, она вскипятила общество, 2006 – 2008 годы были результативными.* Но *«Другая Россия», увы, не стала коалицией граждан, а стала коалицией лидеров.* И эта хрупкая коалиция лидеров разрушилась после провала оппозиции, случившегося во вре-

мя президентской кампании 2008 года. Теперь пришло время создавать *коалицию возмущенных, несогласных граждан.* С ней Лимонов связывает формат регулярных митингов на Триумфальной площади в Москве 31-го числа каждого месяца. *Вы идете участвовать в движении граждан за наши права, за свободу собраний на нашей земле.*

Другой взгляд у **Леонида Радзиховского**, который в «Ежедневном журнале» (**«Диссиденты по жизни»**, 2 ноября) пишет о том, что даже в 90-е диссиденты не имели реальной власти ни врозь, ни вместе. *Диссидент — это не политика, это характер. Судьба...* А сегодня ценности внесистемной оппозиции и *народа* совсем разные. *Опять же — разные породы обезьян.* При Советской власти список претензий хотя бы частично пересекался. А сейчас? Где точки пересечения? «Свободные выборы», «право избирать и быть избранным»? Абсолютно не колышет избирателей. Людей раздражает — чем дальше, тем больше — ТВ-лизоблюдство и брехня, которая уже из ушей течет, это верно. Но раздражает даже не до такой степени, чтоб выключить ТВ, — что уж тут говорить о «выходе на площадь»! НЕНАВИСТЬ к Путину-Медведеву? Ну, нет этого в народе! Что сегодня может максимально раздражать народ? Тяжелое экономическое положение? Да, но большинство твердо знает, что им лично в 1990-е было только хуже! Что ж им рваться — из огня да в полымя? «Но мы зовем вовсе не в 1990-е!» — «А куда же? И с чего я вам поверю?» Ментовской беспредел, взятки? Опять тот же ответ: «А в 1990-е что, легче было? Еще и бандиты, сейчас хоть их поменьше, одни менты остались». Заявления, что «без свободы СМИ» не будет борьбы с коррупцией, тоже не вызывают энтузиазма: на Украине свободы выше крыши, но коррупции столько же... В общем — не пересекаются. Свобода САМОЦЕННА. Она не средство, она — цель. Вот это — ЧЕСТНЫЙ разговор. Для определенной категории людей. К которой БОЛЬШИНСТВО никак не относится. В России — точно. Договориться — невозможно... Конечно, Радзиховский пережимает. Насколько — еще увидим.

Регионы

На сайте Slon.ru 3 декабря член научного совета Московского Центра Карнеги **Алексей Малашенко («У них тут портреты Путина, Медведева, но они за шариат»)** рассуждает о ситуации на Северном Кавказе на основе личных наблюдений. *...ни в Чечне, ни в Дагестане нет никакой экономики. <...> Нет экономики, безработица, которая будет расти, но самое-то главное — не это. А самое главное — то, что там идет гражданская война. В двух республиках — это железно. Это Ингушетия и Дагестан. В Чечне — ну, это уже дело вкуса, как считать. С одной стороны, это действительно Грозный, мечети, кафе, чистые улицы, клуб «Рамзан», который метелками подметает тротуары. С другой стороны — такое огромное желание все это уничтожить.* Плюс нерешенные территориальные проблемы. Плюс

в Дагестане, Ингушетии, Чечне и Кабардино-Балкарии происходит исламизация. Шариата требует, наверно, половина общества. На фоне социального хаоса в этом видится спасение. Исламская альтернатива пошла по второму кругу (первый, в 1990-е годы — это была реакция на развал Союза). Образованные и молодые делятся на две части: за ислам и против. За ислам — процентов 75. *...доцент философского факультета Дагестанского университета <...> сказала, что три года тому назад в платочках ходило 3 человека, а теперь почти все. Это плохо или хорошо? Это данность.* Позиция исламистов такова: *никакого сепаратизма. Мы хотим жить по шариату здесь. Мы положим оружие, но дайте шариат, полный ислам. <...> Это лояльные массы. Они абсолютно лояльны.* Малашенко не пугает сам шариат, но он за главенство российских законов. Появляется *новый термин — внутреннее зарубежье. <...> исламская волна в отсутствие гражданского общества, в отсутствие общегражданских ценностей России и Северного Кавказа — это проблема, это <...> гражданский распад России. Есть территории, где нет российских законов, где есть шариатские законы. Еще одна речевка, которую я слышал и в Дагестане, и в Ингушетии, и в Кабардино-Балкарии, и в Чечне даже: «Дайте нам жить, как мы хотим. Это вы раскачиваете ситуацию. Мы россияне, жизнь свою без России не мыслим». <...> люди хотят жить по-другому, они хотят получать деньги отсюда, а жить по-своему. Один из главных мотивов был, что Москва начала две чеченские войны, разрушила Северный Кавказ и поэтому обязана платить. «Вы в этом виноваты».* Малашенко не видит адекватной реакции ни со стороны властей в Москве и на Кавказе, ни со стороны общества где бы то ни было. На вопрос об угрозе сепаратизма он отвечает так: *Эти ребята будут до упора сидеть в России на федеральном бюджете. Они никому не нужны. И они это прекрасно понимают. <...> Вот когда Дальний Восток поймет, что ему ближе и дешевле строить отношения с Южной Кореей и Японией... <...> Если мы проведем референдум в Калининграде: «С кем вы, граждане кенигсбергцы, с Европой или с Россией?» — неизвестно, какой мы получим результат. Вот они — две больные точки.*

Александр Кустарев в статье **«Будущее Дальнего Востока»** (Частный корреспондент, 21 октября) пишет, что контекст дрейфа российского Востока в сторону Китая выходит на передний план в связи с подписанием российско-китайского соглашения о разработке российских недр в расчете на китайский рынок. *Вместе с быстро растущим китайским импортом в Россию и все более массивным присутствием этнических китайцев на Дальнем Востоке это, кажется, становится все больше похоже на постепенную интеграцию российского Востока с Китаем или, во всяком случае, с сопредельными районами Китая. <...> Россия слабо интегрирована, и ее дальнейшая судьба как единого целого неочевидна.* Но Кустарев не очень верит в буквальное присоединение Дальнего Востока к Китаю по примеру Техаса, сперва заселявшегося колонистами из САСШ, затем отделившегося от Мексики в качестве независимого государства и,

наконец, вступившего в САСШ на правах штата. Глобальная система суверенных государств не допускает того, что было возможно в мире с обширными спорными, ничейными, пустыми и безгосударственными территориями: даже очень слабые государства теперь неприкосновенны. И война перестала быть легитимным инструментом геополитики, почти уже утратив свою моральную ценность для кого бы то ни было, кроме тех, кого теперь все почти единодушно называют террористами; назвать военные действия антитеррористической операцией — теперь единственная возможность оправдать их, да и то не слишком эффективная. И, может быть, самое главное: война сверх того стала просто не нужна для достижения тех результатов, которые не могли быть раньше достигнуты без войны, а теперь имеют меньше всего шансов быть достигнуты именно военными средствами. Себестоимость других методов теперь гораздо ниже. После впадения в тяжелый обморок Советского Союза (России) в прессе циркулировала карикатура: Гитлер смотрит на восток и думает: а не проще ли было все это купить? Автор *в условиях нынешнего мирового порядка* видит будущее в превращении Дальнего Востока в *кондоминиум Москвы и Пекина. Обе метрополии меньше всего заинтересованы в независимом Дальнем Востоке, потому что его существование будет провоцировать конфликт между ними и потому что его дальнейшая геополитическая ориентация совершенно неизвестна.* Появление независимого Дальнего Востока *кажется вероятным в случае, если все же все сверхкрупные геополитические конгломераты действительно будут распадаться. Мне кажется, что так и будет...*

На этом фоне прекраснодушные пожелания **Павла Святенкова** в статье **«Сохранит ли Россия Дальний Восток?»** («Москва», № 12) — повышать рождаемость, переселять русских на Дальний Восток, диверсифицировать инвестиции (чтоб и Япония с Кореей вкладывались) — выглядят несколько наивно. Хотя кто-то, может быть, этим и займется. Не было бы поздно. А может, уже поздно.

История

Леонид Радзиховский в статье **«Юбилей суицида»** (Взгляд, 9 ноября) пишет о потерянном XX веке: у России был шанс стать первой модернизирующейся страной Евразии, но 7 ноября — самый грустный и едва ли не самый важный день российского календаря. *День успешного суицида России.* А между тем в начале XX века Россия находилась в уникальной исторической ситуации. Население России с 1880-го по 1914 год выросло более чем в два раза (с 84 млн до 172 млн)! Значит, добрых 75 – 80% населения страны в 1914 году — люди моложе 34 лет! Старые социальные сосуды страны трещали от бешеного прилива молодой крови. Прежние социальные институты сословного общества были по-любому обречены. Вопрос был не в том, сохранятся ли они, а в том, что их заменит. «Стра-

на-подросток» — великие шансы, великая энергия, великая опасность. И великая задача для нации, ее элиты: конвертировать эту сумасшедшую энергию «исторического тестостерона» юной нации в развитие. Наши элиты — «охранительно-монархические», «либерально-интеллигентные» — полностью провалились. Произошло то, что произошло: вместо развития — ВЗРЫВ. 100 лет назад Россия была несопоставимо больше подготовлена к созданию индустриальной цивилизации, чем все современные лидеры экономического роста: те же Китай, Индия и т. д. Бешеная энергия молодой страны + адекватные социальные институты = передовая цивилизация, догоняющая и обгоняющая «старые цивилизации». Но социальная система, созданная «7 ноября», была нежизнеспособной. Противоречащей базовым инстинктам человека, прежде всего — инстинкту собственности. *У нас в 1930 – 1950 годах была ЛЖЕМОДЕРНИЗАЦИЯ, когда передовые по тому времени технологии впихивались в абсурдную социально-экономическую систему и топились в ней.* Бомбы и ракеты создавались не для защиты жизни, а вместо нормальной жизни. Развитие шло жестко из-под палки. Когда палка ослабела (1953 год), развитие стало переходить в застой. А задавленные Системой инстинкты собственности никуда не делись. Снизу они прорывались в виде неискоренимых «экономических преступлений», «цеховиков», «спекулянтов» — бесконечных попыток создать внутри сумасшедшей системы нечто нормальное — рынок. Сверху они прорвались в конце 1980-х в номенклатурно-буржуазной революции, когда «государственники» разделили государственную собственность. *И вот тут и выяснилось самое интересное: ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПОЗДАНИЕ. Когда Систему наконец поставили с головы на ноги, оказалось, что ходить страна почти не умеет — отвыкла. Страна устало легла возле Трубы и стала об нее греться...* И далее: *Свою игру Россия сделала. И проиграла. Самые ценные козыри — энергия молодой нации, вступающей в современную цивилизацию, — были сброшены зря. Рывок совершили — ГОЛОВОЙ В СТЕНУ. Огромные силы вбуханы в строительство котлована под сумасшедший дом. Дом рухнул, пациенты сбежали, котлован зияет, а строить на нем уже ничего нельзя. Надо начинать сначала. И второй раз ТАКИХ козырей у нас уже нет — и не будет.*

Яркий и характерный антиимперский текст политолога, автора романа-антиутопии «После России» **Федора Крашенинникова «Империя как проклятье»** опубликован 10 октября в интернет-газете «Протестант». *Идея азиатской бесконтрольной и абсолютной власти нарядилась в траченые молью бармы византийских басилевсов, а полученный монстр является идеалом для политической элиты России по сей день. <...> Я считаю, что империя стала проклятьем для русского народа, источником наших бед в прошлом, настоящем и, может быть, будущем.* Автор полагает, что итоги многовекового имперского строительства печальны для нас уже сейчас, но мы продолжаем поливать слезами, потом и кровью бесплодные камни и надеяться, что они вдруг прорастут волшебными цветами, в то время как со-

седние народы созидают комфортную и сытую жизнь для себя и своих детей. *В отличие от англичан или французов, мы, русские, даже не получили от нашей империи никакого удовольствия.* Потому что империей занималась власть, она же присваивала все получаемые блага, а обычные люди оказались строительным материалом. Показательно, что нет в русской литературе ни колониальных романов, ни какой-либо аналогии стихотворению Киплинга «Бремя белых». *Может, потому, что нам всегда было неуютно в этом холодном и злом государстве, которое само по себе опаснее для своих подданных, чем любой инсургент?* С другой стороны, власть никогда и не пыталась объяснить русским людям, в чем лично для них польза от величия империи. *Может быть, потому, что никаких рациональных аргументов и быть не может?* Автор пишет: *Не так просто признаться себе, что русские и англичане занимались в той же Азии одним и тем же — колониализмом. Но тема нашего колониализма для нас запретна до сих пор. Русские люди так и не признались себе, что у нас тоже были колонии. И были, и, более того, до сих пор еще есть.* Естественный и своевременный распад нашей колониальной империи не произошел из-за революции 1917 года. На фундаменте царской России была создана сталинская империя, где русские люди де-юре были равны со всеми другими народами СССР, а де-факто — использовались как стройматериал для всяких неотложных нужд. Между тем у России есть достаточно большая неимперская история, — например, нижегородская и псковская республики, которые были скорее окраиной европейского мира, чем полуфабрикатами будущего московского царства. Более того, традиционно проклинаемая имперскими историками «феодальная раздробленность» не была таким кошмаром, как предписывается думать. *Империя живет инстинктами, а не логикой и перспективами. Империя считает себя конечной формой развития государства, и сама мысль о том, что империи когда-нибудь может и не быть, — под запретом. Поэтому империя дороже всего обходится своим подданным. Особенно — титульной национальности.* Современная российская власть занимается тем же, чем царская: *ради престижа она вынуждена содержать целый выводок одиозных азиатских режимов, которые дотируются за счет обирания основного населения страны.* <...> Мы все устали от империи, и когда-нибудь мы себе в этом, наконец, признаемся. Нам, русским, полезно остаться наедине с самими собой, перестать думать о судьбах мира и подумать о себе, своем будущем и своей жизни.

Персоны

Смерть Егора Гайдара вызвала лавину откликов в сетевой и бумажной прессе. Их обзор здесь не будет представлен; мы планируем вернуться к этой теме.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Валерий СОЙФЕР

ОЧЕНЬ ЛИЧНАЯ КНИГА[1]

Когда я приступил к работе над этой книгой, я с удивлением и огорчением обнаружил, что очень многое забыл. Я попытался восстановить в памяти некоторые события моей жизни в России, смутно возникавшие в моей голове, но занятие это было почти бесперспективным: имена участников событий безвозвратно улетучились, детали выветрились, а без них и сами события теряли свою привлекательность. Однако в конце концов именно это меня успокоило: память оказалась избирательной, особенно неприятные, плохие или тревожные случаи ушли из нее, не оставив за собой следа, а радостные, веселые, напротив, осели на ее полках и легко вынимались оттуда при первом воспоминании.

[1] Публикуются начальные главы в журнальной редакции.

Валерий СОЙФЕР — родился в 1936 г. в Горьком. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева и четыре курса Физического факультета МГУ. Биофизик и молекулярный генетик, историк науки. Доктор физико-математических наук, профессор Университета им. Джорджа Мейсона (США), иностранный член Национальной Академии наук Украины, академик ряда других академий, почетный профессор МГУ, Иерусалимского, Казанского и Ростовского университетов, почетный доктор Сибирского отделения РАН, награжден Международной медалью Грегора Менделя. Автор более двадцати книг, в том числе: «Арифметика наследственности», «Молекулярные механизмы мутагенеза», «Красная биология», «Власть и наука. История разгрома коммунистами генетики в СССР», «Интеллектуальная элита и филантропия» и др., изданных в России, США, Германии, Англии, Эстонии, Чехии, Вьетнаме. Член редколлегии журналов «Континент» и «Наука из первых рук». Живет в США.

Мамин род

В семье мамы все были уверены в том, что их предшественником с материнской стороны был командир одного из стрелецких полков Черкасов, сосланный в Юрьевец в начале XVIII века Петром I (через несколько лет после подавления стрелецкого бунта, когда Петр круто расправился с восставшими стрельцами и расформировал все другие стрелецкие полки, даже не примкнувшие к бунтовщикам). Ссыльных начальников лишали всех княжеских и прочих званий и определяли как посадских, но наделяли землей в разных концах страны. Так Черкасов был сослан в Юрьевец.

Надел земли, выделенный Черкасову, занимал якобы всю гору, примыкавшую к Белому городу — древнейшему русскому замку, развалины которого существуют и поныне. Эту гору звали или Пятницкой, или Стрелецкой, иногда это место именовали Стрелецкой слободой. За почти три века жизни в этом городе надел, выделенный царем Черкасову, дробили между наследниками, и, когда мой дедушка женился на бабушке, ее земля состояла из нескольких гектаров, но постепенно советская власть отнимала у их семьи все новые и новые участки. На них селили новые семьи, позади главной дороги (на Кинешму) появлялись новые улицы, а к моменту, когда я повзрослел, от некогда могучего угодья осталось с полгектара.

Когда я был еще маленьким мальчиком и приехал на лето в Юрьевец к бабушке и дедушке, их дочь — моя тетя Рита — как-то достала с верхней полки посудного шкафа (он звался у бабушки горкой) из высокой красивой рюмки свернутую в рулон грамоту неописуемой красоты. Помню, что по верху грамоты шло название бумаги, написанное извитыми буквами красными чернилами, а потом шел текст на строчках двадцати или тридцати. Текст был написан крупными русскими буквами, но слова были какие-то заковыристые, моему уму недоступные, и тетя Рита сказала мне, что это царская грамота старосте стрельцов Черкасову о поселении его в Юрьевце и выделении земли. Тетя выпустила из рук грамоту, она сама собой снова свернулась в трубку, узкую с одной стороны и расширявшуюся с другой, тетя Рита снова вставила ее в рюмку и закрыла дверь горки. Куда с годами делась эта грамота, я не знаю.

Потомками стрельца были Андрей и Петр Волковы (дожили до начала XIX века). Андрей женился на Ксении Антоновне Красновой, — ее застали в живых старшие дети моих бабушки и дедушки, и они вспоминали, что она была очень властной, очень сильной физически и не дававшей никому в семье спуска женщиной. Она работала все дни напролет, не приседая ни на минуту, могла вынимать из русской печи голыми руками чугуны и горшки, носила полоскать на Волгу белье в лютый мороз в проруби в ледяной воде, нисколько этим не обинуясь. По рассказам старших тетушек я знаю, что такой же могучей женщи-

ной была будущая жена Ивана Андреевича Волкова Елизавета Васильевна Коёдина.

Иван Андреевич — мой прадедушка — был сыном Андрея Волкова и Ксении Красновой. Он родился в 1848 году и скончался в 1933, то есть прожил 85 лет. Про него в нашей семье существовала масса рассказов, добрых, но приправленных солидной долей иронии. Несомненно, Иван Андреевич был любимым дедушкой моей мамы и ее братьев и сестер. Он был краснодеревщиком и мастером своего дела, работал какое-то время в Москве, но затем вернулся в Юрьевец и поселился на части земли, оставшейся от его прапрадеда Черкасова (именно у Ивана Андреевича был первоначально унаследованный от предков участок размером примерно в 15 гектаров). Прадедушка, несмотря на свой простецкий выговор и деревенские манеры, хранил кое-какое представление о своем благородном (возможно, в далеком прошлом даже княжеском) происхождении и, когда его дочь вышла замуж за человека более низкого сословия, как вспоминала мама, мог, усевшись на поленнице дров в глубине двора и куря самокрутку, цедить сквозь зубы, глядя на зятя:

— У-х-х, Сашка. Мещанинишко.

Краснодеревщиком он долгое время был первоклассным, держал мастерскую, в которой, кроме него, было два или три работника, заказов было хоть отбавляй, но к старости он стал слабеть глазами и терять мастерство. От сложной работы он переключился на вещи попроще. Например, мастерил рамы для окон, но и они иногда шатались, тогда он приговаривал:

— Да, чай, ничаво, стекла вставить, так они, чай, все свяжут, да и ладно.

Иван Андреевич относился к новым властям со скепсисом, который в семье не скрывал. Особенно презрителен он был к Сталину, которого величал не иначе, как Йоська Сралин.

У Ивана Андреевича Волкова родились дети Павел и Анна. Анна Ивановна Волкова (1879 – 1960), моя бабушка, вышла замуж за Александра Васильевича Кузнецова (1875 – 1952). Они обвенчались в Богоявленской церкви в Юрьевце в 1900 году и прожили вместе более полувека, произведя на свет одиннадцать детей (трое из них скончались в раннем возрасте).

Мой дедушка был хорошо для своего времени образован, занимал инженерную должность, работая мастером на Юрьевецкой бумаго-канительной мануфактуре, выпускавшей льняные и хлопчато-бумажные ткани (а мастерами в те времена называли нынешних начальников цехов). У него был красивый почерк, он свободно пользовался тогдашним главным вычислительным аппаратом — счетами — и, возвращаясь с работы, нередко подолгу сидел с какими-то объемистыми бумагами, что-

то подсчитывал и чертил, смотрел в разные документы, разложенные на большом столе веером от него, и сравнивал написанное в них.

Помимо этого он прекрасно знал нотную грамоту, многие годы помимо основной работы руководил церковными хорами (был регентом), записывал партитуры для вокальных произведений церковного свойства, сам писал музыку. Мне удалось сохранить довольно большую коллекцию нот, написанных дедушкиной рукой, росписей по партиям для восьмиголосного хора таких композиторов, как Бортнянский, Рахманинов и другие. У него самого был сильный голос, баритон, и я помню, что когда мы приходили в церковь вместе с ним, он, осеняя себя крестом, задерживался на секунду на паперти. Он прислушивался к хору певчих и, если вдруг слышал, что хористы фальшивят, делал несколько шагов вперед, оказываясь внутри под сводом церкви, и громким голосом, перекрывающим весь хор, подхватывал мелодию и вел ее чисто, после чего замолкший было хор вступал снова и уже пел без ошибок. Старушки на паперти, наблюдавшие всю эту сцену, шептались между собой, по-волжски окая и говоря простецки:

— Вона, Ляксандр-то Василич, осерчали. Небось, неправильно пели. Вот он их и направили.

В конце войны Сталин вдруг разрешил восстановить церковную службу в стране, запрещенную ранее на несколько десятилетий. Служить, конечно, разрешили только в очень малом числе церквей, да и то самых маленьких и удаленных от центра городов или в церквях на кладбищах. Точно так поступили и в Юрьевце: служба началась в прикладбищенской церкви, а дедушку настоятель церкви попросил стать старостой и руководить советом прихожан (позже советские власти спохватились, церковные советы перешли под контроль Совета по делам религии Совмина, а в областях — под контроль местных управлений по делам религии). Это доверие настоятеля церкви, Александра Ивановича Скобелева — человека высочайшей культуры и широчайшего образования, говорило о том, каким уважением пользовался дедушка в городе. Теперь все финансовые и организационные дела церкви вел он, он же был ответственным за все перед местными и областными властями.

Надо отметить, что когда власти разрешили возобновить церковную службу в церкви при кладбище, церковь эту правильнее было бы называть часовней. Хотя это было довольно высокое и немаленькое строение и в нем в прежние времена отпевали усопших и выполняли некоторые другие церковные службы по православному обряду, но алтаря в белокаменном и довольно внушительном строении не было. Поэтому первое, за что взялся мой дедушка после назначения его на прицерковную службу, было пристраивание к зданию алтарной части. Дедушка нашел архитектора, нанял строителей (многое делалось почти бесплатно или авансом, ведь наличных средств в первое время после возобновления службы не было, и деньги эти взять было неоткуда). Но дедушка, видимо,

был хорошим организатором, и за ним еще с царских времен шла слава высоко порядочного человека, и ему удалось нанять строителей разных специальностей. За весну и лето алтарный придел был завершен, после чего служба пошла во всем нужном объеме. Однажды на моей памяти в Юрьевец даже приехал из Иванова архиерей, который, как мне кажется, и освятил вновь отремонтированную и перестроенную церковь.

Не раз я слышал, как дедушка и отец Александр печалились, что на колокольне церкви не осталось колоколов, которые украли и, наверное, переплавили местные умельцы в годы, пока кладбищенская часовня оставалась бесхозной. Мне кажется, что я слышал разговоры о колоколах не раз, и однажды, когда вместе с бабушкой дедушка приехал к нам в Горький погостить, эта тема всплыла в разговорах взрослых еще раз. А я в то время познакомился с какими-то милыми дамами из райисполкома (здание его примыкало к нашему двору, и мы с ребятами часто забегали туда по всяким надобностям). Я уже бывал не раз у них в кабинете на третьем или четвертом этаже райисполкома (я был, наверное, классе в четвертом или пятом, не старше), занимал этих женщин какими-то рассказами. Они не были большими начальницами, но работали в начальственном здании и, как мне казалось, могли многого добиться в этой жизни. Услышав еще раз разговор о колоколах, я с умным видом выскочил во двор, перебежал на другую сторону двора, за забор, отделявший наш двор от райисполкома, поднялся в нужную комнату, был встречен приветливыми возгласами знакомых женщин и сходу взволнованно завел речь о главном: дескать, вот приехал из Юрьевца мой дедушка, он староста юрьевецкой церкви, у них кто-то украл с колокольни колокола, а теперь служба в церкви разрешена, иконы нашлись у старушек, а вот колоколов-то нет. Так не помогут ли мне эти женщины заказать для дедушки колокола? Дамы меня успокоили, обещали подумать, а я на радости побежал домой и рассказал дедушке, бабушке и маме, куда я бегал, о чем просил и что мне было обещано. Дедушку я, конечно, своим рассказом расстрогал. Нередко он вспоминал позже мою выходку и приговаривал, что у него расторопный и заботливый внучек. Тетушки надо мной после этого много раз подсмеивались и поддразнивали, слова по колоколышки и про мою прыть не раз возникали в их разговорах, наверное, лет десять или даже двадцать. Позже я сам не раз возвращался мыслью к своему поступку и удивлялся своей бесшабашной решимости бежать куда-то и что-то пробивать и устраивать для близких и друзей. Видимо, моя собственная наивность в детстве была беспредельной и я не ощущал, куда можно с чем обращаться, а где нужно нажать на тормоза и пригасить нереальные порывы.

Дедушка начал сразу же после восстановления службы в церкви создавать хор при ней. Я помню, что хористы собирались у него дома на спевки. Регентом была какая-то дама, но все-таки всем руководил дедушка, который и нотную грамоту, как мне кажется, знал лучше, и по-

нимал, в каких местах надо было усилить звучание одних голосов и где более мощно должны были вступать другие. Я видел, что ко всем советам дедушки хористы прислушивались с большим пиететом.

Насколько я знаю, дедушка никогда не учился в университете, но откуда-то он помнил немало песен из студенческого репертуара. Однажды он спел мне с начала до конца на латыни знаменитый гимн средневековых школяров «Гаудеамус игитур», известный с XII века. Помню, как он не раз распевал песню на слова Н. М. Языкова «Из страны, страны далекой», любимую студентами в XIX веке. Встречались в его репертуаре и развеселые песни химиков, такие как «Ты возьми, возьми квасцы, а потом ты в них насцы, потом выставь на мороз — и получишь купорос». Припев, начинавшийся словами «Химия, химия, вся зал... синяя...», был вообще хулиганским.

Дедушка часто доставал или с полки, или из нагрудного кармана пиджака камертон, ударял его легонечко о стол, раздавался звон, дед подстраивался под него и что-то пел. Нередко в шесть утра, когда советское радио начинало передачи песней «Широка страна моя родная», дедушка вместо пафосных слов агитационной песни достаточно громко напевал: «Ничего в стране у нас не стало...» Бабушка тогда говорила ему: «Ну погоди, Александр Васильевич, допоешься. Вот посадят тебя, тогда узнаешь, где чего не стало!»

Дед, как я понимаю, был человеком крутого нрава. Тетушки не раз вспоминали, как в детстве отец безжалостно воспитывал их ремнем. Однажды и мама упомянула ненароком, что ее, уже работавшую в городской администрации и пришедшую домой позже назначенного отцом срока, он сурово и даже жестоко выпорол. Я был определенно самым его любимым внуком и ничего такого на себе не испытал, но другие внуки и внучки могли от него схлопотать затрещину запросто.

Из дедушкиных родственников помню Анну Петровну Кузнецову. Анна Петровна родилась в 1877 году. Она была великой рукодельницей, жила в Юрьевце и до глубокой старости вышивала на пяльцах и на коклюшках, плела узорные и воздушные кружева иглой, была всегда приветлива и мила. Я был очень удивлен, услышав от своей двоюродной сестры, что тетя Аня, как мы ее звали, и ее сестра Клава были после революции арестованы за то, что содержали постоялый двор, были сосланы на Соловецкие острова, откуда смогли выбраться, только дав взятку охранникам (сестра сказала мне, что тетя Аня смогла утаить каким-то образом несколько дорогих вещиц, какими и откупилась от стражей, и вдвоем они ухитрилась добраться до Юрьевца). Мой дедушка был родным братом ее мужа, Петра Васильевича Кузнецова.

Бабушка, как я уже говорил, была любима всеми в семье какой-то особенной, самой глубокой и самой нежной любовью. Она была великой труженицей. Когда я вспоминаю ее, вставшую на протяжении де-

сятилетий в пять утра и весь день крутившуюся в заботах об огромной семье и немалом хозяйстве, я не перестаю восхищаться и ее трудолюбием, и на самом деле жизнеутверждающим характером.

Ведь мало того, что накормить, помыть, обстирать всю семью, проследить за тем, чтобы все сделали уроки, но ей надо было еще и скотину накормить и почистить, а ранним утром выпроводить корову за ворота, когда пастух подгонял все стадо близко к их дому по дороге на выгон. Я помню хорошо эти минуты: бабушка прислушивалась к тому, что происходит на улице, и, когда стадо приближалось и плыл густой звон от разноголосых колокольчиков (такой колокольчик висел на шее у каждой коровы), надо было поспешать. Потом надо было задать корма остальным животным, потом проводить детей в школу, потом накормить и отправить мужа на фабрику, потом растопить русскую печку и начать готовить пищу на всю ораву, потом найти время, чтобы раза два сходить на ключик под гору и принести ведра с водой и так далее, без передыху весь день. Она знала немного грамоту и могла бы прочесть статьи в газете, но времени на это не было, а потому газету читал, возвратившись с работы, супруг.

Бабушка иногда должна была поставить свою подпись под какими-то документами, и на это был особый ритуал: из горницы извлекались очки, их надо было протереть, нацепить на нос, поправить. Потом надо было удостовериться в том, что она подписывается на правильном месте (она спрашивала кого-то рядом, чтобы они развеяли ее сомнения), затем расписывалась и тяжело вздыхала, как от трудно выполненного долга.

Помимо дел в доме и заботы о животных она выращивала огромное количество картофеля и овощей на своем участке. Никакой зарплаты дедушки на содержание всего хозяйства никогда хватить не могло, выживали на подножном корме, и именно приусадебный участок кормил всю семью, а помимо этого бабушке нередко приходилось укладывать что-то в кошелку (чаще всего морковь, лук, чеснок, стручки гороха и бобов, яблоки или крыжовник или что-то еще из выращенного в огороде, а также творог или масло, полученные от своей коровы) и нести на рынок продать, чтобы выручить хоть какие-то деньги. На них покупали хлеб и нехитрую одежонку.

Дедушка был в семье человеком строгим, не склонным предаваться сентиментам. Он много времени проводил на работе, а возвращался с нее часто чем-то опечаленный или даже раздраженный, поэтому дети и внуки старались держаться от него подальше. Потому так и получалось, что бабушка была в семье нерушимым моральным остовом, именно вокруг нее все совершалось и ею направлялось.

Ее роль в семье простиралась гораздо дальше, чем просто накормить, обстирать, обогреть и приласкать всех детей и внуков. Именно бабушка была стержнем всего в доме, моральным оселком для всех, наставницей и защитницей. Она никогда не давила на домочадцев. Все ее просьбы ограничивались одним словом или короткой фразой, и я не помню, чтобы

кто-то ослушивался бабушки, пытался противиться ее просьбам, вступать в пререкания или злостно ей не подчинялся. Ее требования или наказы были понятными и приемлемыми, а потому совершенно абсолютными и императивными. Ее мнение всегда было главным и самым ценным.

Весь домашний устрой был таким, чтобы отдать все лучшее детям. Когда я сейчас вспоминаю бабушкину жизнь, я понимаю, в какой бедности она жила, как отдавала последнюю копейку в буквальном, а не переносном, смысле детям и внукам. У нее не было никаких украшений или безделушек. Да что там безделушек, за свою жизнь она не приобрела ни одной красивой вещи, ни одного выходного платья. Зимой она ходила в каком-то старом зипуне (ее дочки, смеясь между собой, называли его «полупердончиком»), оставшемся у нее, возможно, с молодых лет и взятом из родительского дома в качестве приданого. Дедушка все-таки ходил на службу, поэтому у него был приличный костюм-тройка, выглядевшее относительно новым пальто, шляпа, а у бабушки не было ни одной нарядной одежки. На праздники 1 мая 1949 года бабушка приехала с дедушкой к нам в Горький, и папа попросил нашего соседа Павла Абрамовича Вышкинда сделать несколько фотографий нашей семьи. Я учился в пятом классе и помню очень хорошо этот случай. Дедушка обрадовался возможности сфотографироваться с дочкой и ее семьей. Он причесал волосы, расправил перед зеркалом усы и выглядел молодцом. А бабушка застеснялась и поникла: она была в старом выцветшем и истертом платьишке и чувствовала себя неважно. У мамы было одно выходное платье, висевшее в шкафу, и она предложила его бабушке. Дедушка тут же одобрил идею и заставил жену переодеться. Она подчинилась, обрядилась в это платье, но была так смущена и нервирована, что это видно даже на фото: прекрасные фотографии выдающегося мастера Вышкинда передали этот душевный дискомфорт бабушки.

Я, пожалуй, единственный раз в жизни увидел в тот день ее смущенной и расстроенной. Вообще же я не помню ее плачущей или печальной, а только лишь доброй и веселой. Неприятностей в жизни было немало, но она переносила все их с достоинством, повторяя, что все идет от Бога, вот, значит, что-то мы сделали неправильно, за что Бог и послал кару и направляет нас на путь истинный. В основном она почти всегда оставалась бодрой, даже веселой, не теряла ни минуты на бесполезные сетования или пустую болтовню. Каждая секунда жизни была отдана пользе и делу, и, говоря сегодняшним языком, бабушка умела хорошо организовать свою деятельность. Она ухитрялась следить за детьми, неся что-то от стола в кухне к печке и обратно или выбегая на минуту в огород, умела одновременно посмеиваться над проказами младших, непрерывно отпускать шутки и сыпать прибаутками, которых она знала великое множество.

Жили Кузнецовы не богато, но не были скаредными. Я помню немало случаев, когда в дом к ним стучались плохо одетые люди и просили подаяния. Бабушка никогда не захлопывала перед ними дверь и не го-

ворила «Бог подаст», а всегда выносила что-то, чаще всего съестное — ломти хлеба или какую-то свеже приготовленную еду. В моем раннем детстве в Юрьевце не была еще открыта церковь, и те, кто отправлялся помолиться, должны были совершить паломничество за много верст, и если в дом стучали паломники, то их приглашали к столу в кухню и непременно кормили, а потом давали что-то на дорогу. Откровенное жмотничество и мелочную прижимистость бабушка и дедушка не одобряли. Про чересчур жадных людей говорили с презрением и даже грубо: «Они за копейку в церкви пёрднут».

Бабушка по-волжски растягивала гласные и сильно нажимала на «о» во всех словах, поэтому речь ее была певучей и переливчатой. Вообще над московским и нижегородским говором юрьевчане откровенно посмеивались, и я помню, что они любили поддразнивать нас присказкой, в которой вместо буквы «о» они поизносили «а» и нарочито «акали», якобы пародируя мАскАвский выгАвАр: «Ну, кАк же, сиделА кАшкА на зАбАре и мяукАлА». В то же самое время они иногда позволяли себе покрасоваться и подчеркнуть, что они горожане, умудренные и опытные, и одновременно подтрунить над деревенскими жителями. Помню, как тетя Рита не раз смеялась, обсуждая повадки деревенских людей, которые, приехав из глубинки, вышли вечером на берег Волги, впервые в жизни увидели плывущий по реке пароход и заголосили: «Манько-о-о! Глянь-ко-о-о! Дом-от на воде. И с огням!»

Вероятно, все бабушкины внучки и внуки испытывали те же чувства по отношению к ней, какие испытывал и я, но мне все-таки казалось, что уж меня-то она любит больше всех, как это, наверное, казалось каждому из нас. Она и в мой адрес отпускала шуточки, но произносились они таким тоном, что не казались мне обидными.

Пока я был совсем маленьким, она иногда не давала мне чая перед сном и объясняла это следующим образом: «Ой, Валерко, напьешься чаю и вдруг ночью в постель напрудонишь? Вода-то, она, чай, страшную силу имеет: она ведь плотины ломит. Смотри, как бы не напрудонить невзначай».

Иногда эта присказка заменялась другой: «Не пей на ночь горячего чая. Пузырь лопнет, так ноги ошпаришь».

Когда я сопливился (а это часто случалось, видимо, я легко простывал), она приговаривала, что это хорошо: раз сопливый — значит умный. Если я жаловался, что зудят зубы, она говорила: «Ну, коли зубы болят, то выскочи-ка босиком на мостовую, да ударь ногою-то по булыжнику. Зубы-то, чай, болеть перестанут сразу, вся боль в ноги уйдет».

Если кто-то жаловался на боль в сердце или еще где-то, то следовал схожий рецепт: пойти к бане, удариться головой о сруб, и эта боль отступит, а придет другая. Может быть, она не будет так беспокоить.

Вообще все такие сентенции отражали важную сторону бабушкиной жизненной философии: у нее никогда не было времени на болезни и

тем более на переживания о болях и недомоганиях. Что бы случилось, если бы она предалась им и потребовала бы себе передышку? Кто бы накормил семью, домашних животных, следил бы за садом и огородом? Наверное, и у нее бывали моменты, когда ломило голову, ныли зубы, проявлялись другие хвори, но она находила силы превозмогать их и делать свое дело. Эта философия многого стоила.

И становились понятными ее жизнелюбие, оптимизм и склонность к шуткам. Поговорок в ее речи было много, пословиц она знала великое множество, и некоторые фразы осели в моей памяти благодаря их сочности и образности. Откровенных же ругательств в семье никто не употреблял, матерные выражения были напрочь устранены из домашнего лексикона. Их, как будто, и не существовало. Иногда (очень редко) в репликах бабушки встречались слова из «народной лексики», но так как все ею произносимое говорилось добрым и даже ласковым тоном, эти вкрапления «некультурных» слов не казались грубыми или пошлыми. Все было окрашено в добротный шутливый тон.

Жизнь заставляла ее поторапливаться в делах, успевать все делать вовремя, при этом бабушка никогда не выказывала внешней торопливости, суетливости, не была задерганной или загнанной обстоятельствами в угол. Просто надо было успевать все главные дела к сроку, не разбрасываться на мелочи, не отвлекаться на пустяки. Дела вроде бы делались неспешно, но промежутков между занятиями не было, и все получалось споро и ладно.

В середине дня, перед возвращением с работы дедушки и детей из школы, бабушка старалась на полчаса прилечь и отдохнуть. Она называла это просто: «Прилягу на полчаса дурь свалить». Этим весь ее отдых за день, ограничивался.

Поздно вечером, помывшись и расчесав длинную густую косу (часто ей помогал расчесать ее чудесную косу дедушка, присевши на стул), она уходила в центральную комнату дома (в горницу, как ее звали) и с полчаса или даже больше молилась перед образами. Электричество в дом еще проведено не было, на столе горела свеча, а перед образами висели две лампады, которые дедушка зажигал, как только наступали сумерки. При их неярком колеблющемся свете бабушка произносила молитвы, крестилась, вставала на колени и кланялась, доставая пола лбом.

Кровать бабушки и дедушки стояла в кухне — главном месте в доме, кухню от горницы отделяла тонкая двустворчатая дверь. Когда бабушка шла перед сном помолиться, она за собой неплотно прикрывала створки, и в маленький оставшийся проем можно было видеть ее худенькую фигурку в одной ночной простенькой рубашке, представавшую перед образами. Меня часто укладывали спать в чулане в сенях, но иногда я не мог заснуть и тогда шел к бабушке, отворял тяжеленную и плотно закрывавшуюся дверь в кухню, делал три-четыре шага к двери в горницу и мог видеть, как молится бабушка, как она что-то объясняет иконам и

о чем-то просит Бога, просит искренне и с полной верой в то, что Бог ее мольбы слышит. Эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти и осталась, наверное, одним из самых теплых и добрых воспоминаний детства.

Не очень часто, может быть, раз в два года, бабушка приезжала к нам в Горький пароходом из Юрьевца на два-три дня. В Горьком одно время жило четверо из ее детей, но останавливалась она всегда у нас. Пароход шел до Нижнего всю ночь, бабушка никогда не позволяла себе тратить деньги на билет даже в третьем классе, где в трюме корабля пассажирам предоставлялось спальное место, она покупала только билеты в четвертый класс, согласно которым можно было занять сидячие места в трюме или на нижней палубе. Конечно, нормально поспать в таких условиях было невозможно. И тем не менее, приехав на отдых, она себе поблажек не делала. Стоило ей переступить порог нашей квартиры и положить свой баул в прихожей, как командным тоном, не допускающим никаких возражений, она говорила маме:

— Нюра! Пошли, чай, в «Рекорд».

«Рекордом» назывался ближайший кинотеатр, и бабушка не считала возможным терять время на что-то еще: ведь она приезжала к детям на отдых, а значит, отдых надо начинать с посещения кинотеатра (у себя дома у нее времени на такие развлечения не было никогда). Мама начинала уговаривать ее отдохнуть с дороги, перекусить, ну хоть чаю попить, но бабушка была непреклонна:

— Нюра! Собирайся и пошли в «Рекорд».

Спорить дальше было бесполезно. Мы отправлялись на просмотр кинофильма. Сеансы в советское время начинались всегда с киножурнала — чаще всего примитивной советской агитки на злобу дня. Бабушка воспринимала все, появлявшееся на экране, очень заинтересованно и сопереживала всем событиям. Следить за ее эмоциями было и интересно, и забавно. Она была наивной, бесхитростной и доброй, радовалась каждому пустяку, казавшемуся хорошим, и печалилась каждой заведомо пустяшной детали, подававшейся пропагандистами в негативном тоне. Наверное, такие зрительницы были наиболее желанными для советских промывателей мозгов, не убивавшихся над приданием истинной реальности своим творениям.

Наскоро перекусив по возвращении из кинотеатра, бабушка часто просила пойти на Откос — прогулочную набережную, выстроенную на высоком волжском берегу в центральной (нагорной) части Нижнего Новгорода. На Откосе стояло много домов прекрасной архитектуры, построенных еще в царское время, — настоящих дворцов, между ними были вкраплены дома советской постройки, но не простенькие, как наши Дома Коммуны, а настоящие барские хоромы для крупных советских начальников. Край Откоса был отделен чугунной оградой от круто спускающегося вниз к Волге склона, а вдали на том берегу огромной

реки были видны уходящие к горизонту поля и луга. Бабушка любила взять под руку маму, неспешно пройтись вдоль Откоса и вглядываться в эти дали.

За воспитание восьмерых детей бабушка была награждена орденом «Материнская слава», который, по-моему, никогда не надевала.

Моя мама, Анна Александровна Кузнецова, родилась 1 сентября 1902 года. В Юрьевце она закончила школу, потом свершился большевистский переворот. Мама была человеком активным, она оказалась среди трех человек, которые начали формировать в городе Союз Красной Молодежи. Я так и не знаю ничего определенного, но, как мне кажется, из-за этих просоветских действий ее отношения с дедом оказались натянутыми: тот знал цену большевичкáм, а тут вдруг обнаружил, что дочь не просто связалась с ненавистными ему людьми, но и попала в разряд верховодящих.

Моя мама была второй по возрасту дочерью своих родителей.

Старшей была тетя Шура, Александра Александровна. Она вышла замуж за Петра Михайловича Смирнова, известного в Юрьевце изобретателя, механика и умельца. Про него говорили, что он — механик Божьей милостью. Он мог обращаться с любыми механическими устройствами, и, когда ломались паровозы, его посылали чинить их, а когда на Волге нечем стало сплавлять лес, его заставляли чинить буксиры, пришедшие в полную негодность. Однажды, например, он собрал из двух брошенных и полузатопленных судов один действующий буксир. Вместе с двумя приятелями он укрепил небольшой мотор на санях, приделал к нему пропеллер, и на этих аэросанях они гоняли зимой по Волге. Он разработал агрегат «Унжелесовец», предназначенный для связки бревен проволокой в пакеты. Спиленными и поваленными в воду рек индивидуальными стволами было запружено и испакощено немало рек в бассейне Волги. В конце концов было решено, что во избежание создания заторов в руслах рек надо сцеплять лесины в пакеты и уже их сплавлять по рекам с помощью буксиров. Пакеты вязали проволокой вручную, что требовало огромного труда, часто сопровождалось увечьями и даже гибелью рабочих, а теперь «Унжелесовцы», спроектированные Петром Михайловичем и установленные на баржах в устьях мелких лесосплавных рек, помогали вылавливать все плывущие бревна, связывать их и предотвращать подтопление спиленных стволов и загромождение ими устьев малых рек и самой Волги. Несколько лет дядя с семьей проработал в Донбассе, потом вернулся на родину. Перед смертью работал на элеваторе в Юрьевце. Вместе с ним нередко работала и его жена, моя тетя Шура.

У тети Шуры и Петра Михайловича выросло двое детей. Их старшая дочь Мира после окончания школы устроилась матросом на местные суда. Высокая, стройная и видная красавица, она обладала необыкно-

венной силой, ловкостью и непростым характером. На спор несколько раз переплывала Волгу у Юрьевца (а это была в те времена почти километровая в ширину река), и равных ей в этих спорах никого не было и из местных парней. Сейчас, когда я прочел ей эти строки, она мне сказала:

— Валерик! Глупая была, вот и задиралась. Я ведь два раза по-настоящему тонула и чудом только спаслась.

К тридцати годам эта удаль и ухарство у Миры прошли. Она закончила педагогический институт, стала учительницей в средней школе и сейчас пенсионерка.

Маминого брата Анатолия Александровича Кузнецова в детстве звали Мотолка, и он был любимцем и баловнем своего дедушки, Ивана Андреевича Волкова. Сохранилась байка, как Иван Андреевич брал всегда с собой внука, учил его курить и приговаривал:

— Зобни, Мотолка. Табак-от, он лехки прочищат.

Дядя Толя закончил сначала модное в те времена танковое училище, стал военным командиром, а перед войной был направлен в Военную Академию танковых войск, получил звание подполковника и, как говорили в семье, вместе с маршалом П. С. Рыбалко написал учебник по тактике танковых боев, по которому учили офицеров Красной Армии. Он участвовал со своей дивизией в Великой Отечественной войне, потом стал работать в штабе армии, которым руководил Рыбалко, а после войны был направлен в Саратовское танковое училище и стал учить офицеров искусству танковых боев.

Однако в Саратове с ним случилось событие, сломавшее его блестящую карьеру. В 1947 году по случаю 30-летия Октябрьской революции в Москве было проведено торжественное заседание, на котором Молотов выступил с цветистой речью о достижениях советской власти. В числе прочих эпохальных успехов было упомянуто гигантское развитие ткацкой промышленности, причем Молотов выразился запоминающимся образом, заявив, что тканей выпущено в последнем году столько, что если растянуть их в одну линию, полученная лента будет длиной, как расстояние от Земли до Луны и обратно.

На следующий день начальник училища и три его заместителя собрались вместе, чтобы отметить столь знаменательную дату, и кто-то из офицеров позволил себе выразить некий скепсис и заявить, что это на самом деле замечательно, что дотянуться до Луны ткани хватает, а вот заказать себе парадное обмундирование офицеры не могут, потому что на их одежку сукна нет вовсе. Все четверо дружно посмеялись над этим рассуждением и перешли к другим темам, но один из пировавших быстро состряпал донос в «органы», сообщив о настроениях коллег.

Через несколько дней начальника училища, генерал-майора Советской Армии, и двух его заместителей, включая дядю Толю, вызвали в НКВД, где им объявили, что за антисоветские разговоры их увольняют

из армии. Еще через пару дней их исключили из партии, и они оказались выброшенными из жизни. Буквально сразу дядю Толю арестовали и несколько месяцев продержали во внутренней тюрьме НКВД в Саратове. Однако ему хватило мужества не подписаться ни под какими обвинениями в антисоветской деятельности, и в конце концов его освободили из КПЗ, лишив всех боевых наград, полученных за службу в действующей армии в годы войны. Я не знаю этого точно, но какие-то отголоски событий тех лет доходили до меня. Как мне помнится, дяде Толе пришлось пережить в тот момент еще одну драму: жена после ареста бросила его и ушла, забрав обеих дочек. И, вернувшись из заключения, он не нашел больше семейного убежища.

Он срочно приехал из Саратова в Горький, где жили тогда моя мама с семьей и одинокая тетя Галя — учительница английского языка в средней школе. Дядя Толя поселился в ее семиметровой комнатенке в щитовом бараке, почти каждый день он приходил к нам, и папа диктовал ему письма в самые разные органы — от Политбюро или ЦК партии до Министра обороны СССР с покаяниями, объяснениями и просьбами восстановить на работе, в партии, вернуть воинские награды и т. п. У дяди Толи был непростой характер, нередко он с доводами папы не соглашался, споры доходили до крика с обеих сторон, дядя Толя вскакивал, натягивал шинель и, хлопнув дверью и не простившись, выскакивал от нас. Но все-таки дело двигалось, и письма в конце концов уходили по разным адресам.

Наконец, дядю Толю, что называется, трудоустроили. Его знакомец генерал Сериков стал председателем Горьковского отделения Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ), и он получил разрешение взять дядю Толю своим заместителем. Хоть это была и не действующая армия, но все-таки по торжественным дням начальству ДОСААФ разрешали надевать свою военную форму, и мне кажется, что дяде Толе нравилось щеголять в кителе с погонами с двумя просветами, хотя до полковника и тем более генерала ему уже было не дослужиться.

Оставаясь в глубине души боевым командиром и начальником штаба, дядя Толя нередко приносил к нам коробки цветных карандашей и рисовал планы военных баталий. Он помечал позиции вражеских и советских передних краев. Стрелы, нарисованные разными цветами, показывали направления движения моторизированных частей, пехоты, прерывистыми цветными линиями были изображены направления ударов авиации, кружочками помечались доты и дзоты и т. д. и т. п.

Дядя Толя прожил долгую жизнь. Примерно через восемь лет работы в ДОСААФ он перешел на другую работу. Будучи инженером достаточно высокого уровня, он сдал экзамены, прошел конкурс на начальника земснаряда (наверное, одного из самых сложных для тех времен технического гиганта, требовавшего серьезных инженерных знаний) и начал

работу по углублению русла Волги при строительстве нескольких гидроэлектростанций на этой могучей русской реке. Затем он перебрался со своим земснарядом в Литву и некоторое время проработал там.

Иначе сложилась судьба его младшего брата Ивана Александровича. Он закончил лесотехническое училище перед войной и стал работать лесничим в самом большом леспромхозе Ивановской области. В первые же дни войны его призвали в армию, хотя у него оставалось дома шестеро маленьких детей. Перед отправкой на фронт новобранцев свезли в Горький, чтобы научить держать в руках ружье, стрелять, слушать приказы и понимать их. Моя мама, которая была старше дяди Вани и с детства шефствовала над ним, всегда плакала, когда вспоминала о своем младшем брате. Как она говорила, он был практически слепым и, если снимал толстенные очки, становился беспомощным и должен был вытягивать руки вперед и ощупывать пространство перед собой, причем все было для него белым и серым. Конечно, ни для какой военной службы он был непригоден, но для коммунистических правителей война с немцами была, видимо, столь неожиданной, что все гуманные лозунги, которыми власти демагогически пользовались, ушли на задний план, и в армию стали забривать всех подряд. Так и дядя Ваня оказался в военных частях.

Мама вспоминала, что когда она несколько раз приходила на территорию горьковского Кремля, где в казармах около двух недель держали новобранцев, она видела, каким беспомощным был ее брат Ваня, несколько раз она наблюдала, как сержант, гонявший солдатскую массу по плацу, орал на не поспевавшего в такт со всеми почти слепого младшего брата.

В ту зиму стояли лютые морозы, за каких-то десять минут на воздухе можно было отморозить нос, щеки и уши, и мама радовалась, что дядя Ваня пришел в армию в добротных, так называемых чесаных, валенках, которые выдавали в те годы работникам лесничеств. Хоть ноги не отморозит, думала мама. Каково же было ее удивление и возмущение, когда она вдруг увидела в последний день перед отправкой солдат на фронт, что ее брата поставили в строй в каких-то тонюсеньких штиблетах из кожзаменителя.

— Где твои сапоги, Ваня? — прокричала мама брату из-за низенького ограждения плаца. Он кивнул ей головой на лейтенантика, стоявшего в стороне от цепи солдат.

– Что, это он у тебя их отобрал? — спросила мама.

Брат утвердительно кивнул старшей сестре. А надо сказать, что еще со своего юрьевецкого девичества мама пронесла через всю жизнь важное качество характера. В сложных ситуациях она не терялась и не боялась поднять голос в защиту того, что она считала честным и правильным. Помогало, конечно, и осознание того, что она — жена старого большевика и редактора областной газеты (о чем подробнее я еще ска-

жу). Поэтому она вдруг перешагнула через заграждение и направилась прямо к лейтенантику, который еще не понял, что происходит. А мама прилюдно закричала на этого жулика и заявила, что если сейчас же он не вернет ее брату отобранные валяные сапоги, то она дойдет до высшего начальства, но добьется, чтобы его судили за мародерство. Мама умела формулировать свои мысли таким языком, который мгновенно доходил до ума тех, к кому она обращалась. Ставши пунцовым, лейтенантик попробовал было огрызаться, но быстро сообразил, что за благо для него будет сбегать в расположение части и принести отобранные у беззащитного солдата валенки. Через минут пятнадцать дядя получил их назад, а уже на следующий день этих абсолютно необученных солдат отправили на фронт, и там дядя Ваня погиб. Из пришедшей похоронки стало известно, что он был похоронен в братской могиле № 1 в деревне Шейкино Нелидовского района Калининской области.

Екатерина Александровна Кузнецова, моя тетя Катя, по рассказам своих сестер была писаной красавицей, высокой, изящной, веселой и пользовавшейся всеобщей любовью родных и друзей. Она закончила Ивановский техникум, работала чертежницей на одном из заводов в Иваново и вышла замуж за журналиста Александра Ивановича Козлова, который вскоре стал специальным корреспондентом газеты «Известия» по Ивановской области. Однако прожила она недолго, скончавшись во время родов, как говорили, от неизлечимой болезни почек. Случилось это в феврале 1942 года. Муж ее в это время был на фронте, моя бабушка бросила все и помчалась из Юрьевца в Иваново, где умирала ее дочь.

В том же феврале 1942 года в семье Кузнецовых произошло еще одно тяжелое событие. Когда бабушка уехала в Иваново, ее младшая дочь Рита, закончив зооветеринарный техникум, начала работать по специальности в соседнем с Юрьевцем совхозе. Шла война, а еще 26 июня 1940 года Президиум Верховного Совета СССР постановил за прогул и даже за 20-минутное опоздание на работу подвергать провинившихся исправительно-трудовым работам или тюремному заключению сроком от двух до четырех месяцев. С началом войны Сталин распорядился строго выполнять это постановление. Когда бабушка срочно уехала в Иваново, Рите понадобилось вернуться домой за теплой одеждой (стояла лютая зима 1942-го; в русских музеях сохранились карикатуры тех лет, изображавшие фашистов, обмотанных по глаза тряпками и дрожащих у костров в «зверской России»). Тетю Риту отпустили домой до определенного часа следующего дня, но выбраться из Юрьевца она в срок не смогла, так как началась ужасная пурга и никто не брался выехать за околицу, чтобы отвезти ее на место работы. В результате тетя Рита добралась до своего свиносовхоза только к вечеру. На следующей же неделе ее вызвали в Юрьевецкий районный суд. Бабушка уже вернулась с похорон тети

Кати и отправилась с младшей дочерью на суд. Но домой она шла одна, так как тетю Риту без долгих разбирательств осудили, назначив ей тюремное наказание, и прямо в суде взяли под стражу. Конечно, это было страшным испытанием для бедной бабушки.

Тетя Лиза вышла замуж за авиационного техника Александра Васильевича Бугрова, успешно закончившего Горьковское авиационное училище, и уехала в годы войны с ним сначала в Омск, а затем в Новосибирск, где он занимал видную должность на авиазаводе. Но дальше произошла какая-то странная история, сломавшая жизнь обоим. Когда немецкие войска подошли к Москве и окружили ее, тетя Лиза решила, что война проиграна, и, испугавшись до помутнения рассудка, нашла в столе мужа билет члена партии и, не сказав ему ни слова, сожгла его. Потеря партбилета тогда наказывалась очень сурово, можно было и в тюрьму загреметь. Александр Васильевич мгновенно сообразил, чем ему грозит выходка жены, и сумел найти способ для немедленного увольнения с военного завода. Он пришел два дня подряд на завод мертвецки пьяным, намеренно повздорил с непосредственными начальниками и вообще повел себя вызывающе, его послали на медицинское освидетельствование, признали больным, после чего уволили с завода и исключили из партии за пьянство. Освободившись таким неприглядным, на первый взгляд, образом от обязательной службы на военном предприятии, он забрал семью и срочно перебрался в Юрьевец. Рядом с домом родителей жены он построил своими руками дом-пятистенку, тетя Лиза устроилась на какую-то малозначительную должность в Юрьевецком отделении госбанка, но и в Юрьевце жизнь не задалась. Бугров все чаще от тоски и унижения стал напиваться. У него нашлись друзья-пьянчужки, и он опускался все ниже, превращаясь в алкоголика. Видимо, и жена не находила верного тона, способного поддержать моральный дух сползающего вниз и теряющего нормальный человеческий образ мужа. Последней попыткой вернуться в жизнь стал переезд в Горький. Александр Васильевич нашел работу на Горьковском авиазаводе и в очередной раз построил добротный дом для своей семьи в пригороде Горького. Руки у него были золотые, и я помню, какой замечательный паркетный пол он выложил в новом доме. Но что-то так и не ладилось в семье, он снова запил, жена его пилила и пилила, кончилось это тем, что он ушел от нее и троих детей, которых беззаветно любил, и вскоре скончался.

Тетя Галя, будучи молодой девушкой, приехала к нам в Горький и устроилась шофером в гараж Горисполкома. Папа помог ей найти эту работу, зато замучил юную шоферицу постоянными призывами учиться дальше, приобретать более солидную работу, расти и совершенствоваться. Насколько я знаю, тетя Галя от папиных нравоучений и понуканий сначала просто зверела, но все-таки своего он добился. Она закончила заочно

среднюю школу, после чего папа сумел уговорить начальство института иностранных языков принять его родственницу в качестве студентки. Тетя Галя закончила институт, получила диплом о высшем образовании и стала преподавать английский в школах в городе Горьком. Замуж она не вышла (как-то мама сказала мне, что у тети Гали был жених, но он погиб на войне). Она была невысокого роста, но, как и все Кузнецовы, очень привлекательной, поэтому всегда была окружена кавалерами, однако вбила себе в голову, что надо обойтись без семейных уз. Она учила моих двоюродных сестер, Лену и Таню Бугровых, что «муж должен быть приходящим». Пагубность такой горе-философии понятна.

Младшая сестра мамы, Маргарита, у которой мама была крестной матерью, напротив, была ревностной сторонницей семейного очага и семейных ценностей. Она была младшей в семье Кузнецовых и всеобщей любимицей. Когда я вспоминаю ее, я слышу в ушах раскатистый смех тети Риты, ее бесконечные розыгрыши и шутки. Она была, что называется, искрящимся и добрейшим существом. Прадедушка, Иван Андреевич Волков, души в ней не чаял и баловал свою младшую внучку, как только мог. Об этом все мои тетки и дядя Толя часто вспоминали и, глядя на тетю Риту, всегда повторяли:

– Ну, Ритка, ведь ты с юных лет была дедушке любезнее всех нас вместе взятых.

Он позволял ей такое, что никому бы не спустил. Мама несколько раз вспоминала, что он потакал любым ее проказам, что ей ничего не стоило отобрать у дедушки любые вещи, даже те, которыми он очень дорожил, например, табакерку, без которой его жизнь представить себе было невозможно. На кухне в их доме — главном месте, где вся семья проводила больше всего времени, — в углу у печки был прикреплен рукомойник, а под ним высокое ведро, в которое также сливали помои.

– Ритонька! — обращался к ней дедушка. — Ты смотри у меня, не брось табакерочку-то в ведерко.

Табакерка тут же, конечно, оказывалась выброшенной баловницей именно в помойное ведро.

– Ах ты, стерьва такая, подугорная, дереть тя коза, — начинал ругаться дед, хотя все видели, как он счастлив играть таким образом с любимицей (кстати, ругательство «подугорная» происходило от положения дома: он располагался наверху Пятницкой горы, которую в годы моего детства называли Горой имени 25-летия Октября, те же, кто жил внизу, были классом ниже, это были «подугорные»).

Ритонька после освобождения из Кинешемской тюрьмы (пробыла она в заключении что-то около полугода) работала по специальности в хозяйстве при Юрьевецком пивзаводе. В нее влюбился высокий красавец с прямо противоположным характером — малоразговорчивый Юрий Михайлович Меньков, механик в Юрьевецком порту. Они соста-

вили замечательную пару. Ритуля превращала жизнь в праздник, Юра млел от любви к жене, всегда улыбался и отделывался малосложными репликами.

Отец

Жизнь мамы была заполнена беспредельно, она выделялась из среды «верховодящих», которые в значительной мере были людьми малограмотными, тем, что свободно читала любые тексты, грамотно писала, освоила машинопись и стала незаменимой помощницей для людей, взявшихся руководить городом. Но, видимо, она не рассчитала силы физические, надорвалась и заболела. А тут еще произошел несчастный случай: она не удержалась на качелях, упала и сломала бедренную кость. Ее уложили в больницу, но кость срослась неправильно, и врачи решили ломать ногу заново, что и было сделано. Мама иногда вспоминала те нечеловеческие боли, которые она претерпела в тот год. В последующей жизни, в моменты, когда наступала череда каких-то недугов, она всегда говорила, что любые невзгоды не сравнимы с тем, что она перенесла в молодости.

В общем, она провела почти полгода прикованной к больничной койке и натерпелась всякого, ногу ей так и не восстановили полностью, и она прихрамывала, что стало особенно заметным в старости. Но она была сильной, красивой, полной энергии и уверенности в себе. О силе характера можно судить хотя бы потому, что когда врачи решили ломать ей неправильно сросшуюся ногу, ей стали давать сильные болеутоляющие средства и в их числе морфий. Нередко в этом случае пациенты переходят в разряд наркоманов, так как становятся зависимыми от лекарств. Мама вспоминала, что ей пришлось приложить немало сил, чтобы уйти от наркозависимости и преодолеть этот страшный недуг.

Видимо, благодаря тому, что мама была сотрудником администрации города, власти решили послать ее на лечение в какой-нибудь хороший санаторий. В том же севастопольском санатории лечился мой будущий отец Николай Ильич Сойфер, страдавший частыми воспалениями легких (в его дневнике я нашел запись о том, что у него нередко бывали приступы кровохарканья. Уместно сказать, что и отец и мать его умерли от туберкулеза). В конце лета 1928 года в санатории мои будущие папа и мама познакомились, быстро к ним пришла любовь, и они соединили свои жизни в одну. Оба были красивыми молодыми людьми, о чем говорят их фотографии того времени. Папа работал в тот момент в Комиссии по борьбе с беспризорностью при Севастопольском исполкоме.

Папа родился 4 января 1898 года в Мариуполе. В своих автобиографиях папа называл своего отца Илью (Элю) Бенционовича Сойфера «грузчиком на Азовских пристанях» или писал, что «за несколько лет до смерти он работал грузчиком на Азовских пристанях». В 1975 году

я познакомился со своим дядей — Яковом Михайловичем Сойфером, жившим в Ленинграде и работавшим начальником строительного управления. По его словам, наиболее известным предком Сойферов был Борис Бенционович Сойфер. Его жена была из рода Шайкевичей, и все они вышли из местечка Тараща Киевской губернии.

Их сын Абрам был управляющим каким-то крупным поместьем на Украине. В 1843 году на свет появился Бенцион Абрамович Сойфер, который ближе к концу XIX века или сам или вместе с родителями переселился в Мариуполь, где работал частным поверенным (частным адвокатом по гражданским и уголовным делам) и скончался 2 декабря 1910 года. У него было три сына — Хаим, Илья (Эля) и Моисей — и дочери, сведений о которых не сохранилось. У Ильи Бенционовича (1866 – 1908) до взрослого состояния дожили пятеро детей: мой отец, названный родителями Мироном, его брат Лев, сестры Катя, Белла и Вера. Ни о какой работе моего дедушки грузчиком дядя Яша не знал, а, напротив, сказал, что Илья Бенционович так же, как и его отец, работал адвокатом, частным поверенным. Получается, что в советское время мой папа вынужден был приписывать своему отцу «рабочую профессию», как того требовали условия тех лет.

Мама отца Доба Моисеевна (дети звали ее Дора, дядя Яша назвал ее почему-то Бася), урожденная Белаковская, родилась в местечке Новоукраинка Херсонской губернии. Она скончалась от туберкулеза в 1910 году, когда моему отцу было двенадцать лет (я нашел в бумагах папы такую запись: «Похоронена в 33-м ряду Мариупольского кладбища, несколько в стороне от могилы дедушки; данные получены в 1930 году при посещении Мариуполя»).

Осиротевшего мальчика взяли на воспитание родители дяди Яши Хаим Бенционович и Мария Наумовна. Сестра отца Екатерина Ильинична воспитывалась в детском доме «Красная звездочка» в Сочи. Она закончила сначала педагогический техникум в Новороссийске, а затем пединститут и преподавала немецкий язык в средней школе в Мариуполе. Она вышла замуж за своего коллегу Володю Маршлока. Когда фашисты заняли Мариуполь, то согнали 23 сентября 1941 года всех учителей школы — евреев с семьями в сарай, облили стены сарая керосином и подожгли его. Тех, кто пытался выбраться из горящей постройки наружу, расстреливали, и тетя Катя, ее муж и их дочь Дора погибли от рук зверствующих немецких захватчиков. После войны папа ездил в Мариуполь и узнал об их жуткой судьбе.

От дяди Яши Сойфера я узнал, уже став взрослым, что фашисты, заняв Мариуполь, расстреляли также двоюродного брата отца – Павла с семьей и жену и сына еще одного его двоюродного брата – Абрама, а сам Абрам погиб на фронте под Ленинградом.

Таким образом семья Сойферов понесла тяжелые потери от нацистов. Итак, после смерти родителей мой будущий отец в двенадцатилет-

нем возрасте оказался в семье своего дяди. Но жизнь там показалась мальчику невыносимой, а характер был, видимо, очень свободолюбивым, и папа вскоре ушел из приемной семьи и стал жить независимо. К этому времени он успел закончить четырехклассное городское училище (в одной из автобиографий папа написал, что вначале его отдали в еврейскую школу при синагоге, но учить иврит он не захотел, после чего и был принят в городское училище). Как писал папа в своей автобиографии, «одиннадцати лет я начал вести самостоятельную жизнь».

Он устроился учеником в матрасную мастерскую Бориса Сумятского в Мариуполе. Вот отрывок из автобиографии папы, написанной им в 1931 году:

«У Б. Сумяцкого я учился 3 года и вследствие тяжелых условий ученичества и эксплоатации в 1913 г. перешел в механический завод Вердникова по выработке ручек и петель для дверей... Здесь мне пришлось впервые испытать самостоятельную жизнь ввиду того, что по сравнению с ученичеством у Сумяцкого, где я находился на полном содержании, у Вердникова мне была предоставлена лишь квартира, остальная жизнь зависела от той выработки, которую я производил на станке, а оплата была введена поштучно и была слишком низкой. Несмотря на то, что я работал по 14 час. и больше, получаемого заработка мне хватало на пищу, а об одежде и думать было нечего. Кроме того, за всякую порчу на станке (выпускаемый брак) с меня удерживали. Дошло до того, что мне почти ничего не оставалось, и в 1914 г. я перешел в кроваточное отделение однофамильца Сойфер, у которого работал до 1916 г., приобретя квалификацию кроваточного подмастерья. Приходящими заказчиками в большинстве были железнодорожники Мариупольского узла. С одним из них, Сологубом Семеном Емельяновичем, я был хорошо знаком, и он, сочувствуя мне, предложил уехать на станцию Юзово, куда он получил назначение — заведование кондукторскими бригадами Мариупольского резерва. Жена его, Матрена, для кондукторов держала государственную столовую, и питанием я был обеспечен.

До моего призыва на военную службу Сологуб принимал близкое участие своим воспитанием и влиянием на меня. Вскоре после переезда я стал ездить в поселок Юзовку, где познакомился с газетчиками и стал продавать газеты по рудникам от Юзовской Донецкой коммерческой трудовой артели. Юзовские подпольщики давали мне подпольную литературу для распространения на рудниках, в числе их помню газету «Звезда», орган РСДРП. Донецкая артель свою деятельность прекратила, а к частным контрагентам мне итти не хотелось, так как они наживали очень много, и главное то, что то, что оставалось непроданным, ложилось на шею. По совету Сем. Ем. Сологуба и с материальной помощью отдельных работников ж. д. агентства на ст. Юзово, минуя указанных выше монополистов, я стал непосредственно получать от издательств газеты и журналы, которые распространял в ближайшие ж. д. рудники:

Смольяниновская проходка и французская компания в 4-х верстах от ст. Рудченково и Мандрикино. Проезд по ж. д. был мне бесплатный, т. к. все кондукторские бригады меня знали и только брали читать газеты, которые после прочтения я продавал. В числе выписываемых были харьковские журналы "Жало" и "Свет правды" [как сказано в Большой Советской Энциклопедии, 3-е изд., в статье "СССР", подраздел "Печать", оба издания были большевистскими. — *В. С.*]. В последнем я стал сотрудничать и писать о железнодорожных безобразиях и Юзовских попах. Факты я знал, а всю обработку материала помогал мне завершить Сологуб. Весь материал был помещен в журнале "Свет правды", но меня за продажу газет и журналов стал преследовать жандарм ст. Юзово — Скиба. Возможно, это было вызвано тем, что я поместил материал о смотрителе здания ст. Юзово. В это время стала выпускаться местная Юзовская рабочая либеральная газета "Донецкая мысль", и меня редакция, в которой были Каменский и Дмитренко, оставили заведовать экспедицией, в которой я находился до призыва на военную службу».

В одном из «Личных листков по учету кадров», составленном в 1947 году и сохранившемся в бумагах папы, я нашел такой ответ на вопрос анкеты «Участвовал ли в партизанском движении и подпольной работе?»: «По заданию подпольщиков, работавших на Юзовской электростанции, в 1914 – 1916 распространял большевистские газеты в Юзовских и Рутченковских рудниках».

Именно тогда он принял партийный псевдоним Николай, и это имя закрепилось за ним на всю жизнь.

Постепенно папа все глубже втягивался в орбиту интересов большевиков. Самообразованием он стал пополнять свои знания, хотя, конечно, это были отрывочные сведения «отовсюду». Бойкий на язык, научившийся в беспризорном детстве постоять за себя, он много читал и стал быстро заметен своими убедительными и яркими выступлениями. Он стал большевистским агитатором, выступал на митингах и подпольных сходках и учился «классовой борьбе» (в заполненной 13 февраля 1922 года анкете «Всероссийской переписи членов Российской Коммунистической Партии Большевиков» им сказано, что таких выступлений было пятнадцать). С сентября 1916 года по январь 1917 он работал заведующим экспедицией газеты «Донецкая мысль» (как утверждают сегодняшние украинские историки, она была органом меньшевиков).

В январе 1917 года папу призвали в царскую армию и отправили служить в 56-й запасный пехотный полк в Москве. Буквально через три недели за агитацию среди солдат 10-й роты он в конце января 1917 года был посажен в Покровскую гауптвахту на 30 суток с выдачей горячей пищи через день. Освободила его от заключения Февральская революция, и он немедленно взялся за дело. Он пишет: «С освободившими нас рабочими и студентами принимал участие в освобождении политических заключенных из Бутырской и Таганской тюрем», — а затем был назна-

чен уполномоченным по гостинице «Метрополь» и Художественному театру. В конце марта 1917 года вместе с рядовым Субботиным и прапорщиком Новицким был избран членом ротного, а затем и полкового комитетов солдатских депутатов в Москве. В марте 1917 года с маршевыми ротами он был направлен на Рижский фронт (в 14-й особый пехотный полк 12-й армии), там также был избран в солдатский полковой комитет и оформил свое фактическое членство в партии «РСДРП-большевики», стал одним из функционеров большевистской организации в армейских частях этого региона, подстрекал солдат на восстание против правительства Керенского, «в результате чего полк отказался выполнять приказ Керенского о майском наступлении» (автобиография 1949 года). В более ранней автобиографии (1931 года) он писал, что «14-й особый пехотный полк находился на линии Штокмансгоф — Рига» (сейчас город Штокмансгоф в Латвии называется Плявиняс).

Ближе к лету 1917 года их часть была перемещена на передовую под Петроградом, и там отец был ранен, короткое время лечился, а затем быстро вернулся в строй, а после большевистского переворота в октябре того же года (буквально через неделю после него) оказался в Москве, где был переведен в верные большевикам военные части, начавшие мятеж в городе. Папа рассказывал мне о том, что не упоминалось в официальной истории советского государства, в частности, говорил, как они навели тяжелые орудия на московский Кремль и начали его расстреливать. По его словам, только такими методами удалось быстро подавить сопротивление правительственных войск и захватить власть в Москве.

В декабре 1917 года его направили служить в действующую армию на Смоленское направление (еще продолжалась Первая мировая война), там его контузило, он пролечился месяц в военном госпитале в Смоленске, в феврале 1918 года был демобилизован из старой армии и уехал на родину в Мариуполь, а 21 июня 1919 года вступил добровольцем в Первую Конную армию, где быстро продвинулся по службе (до заведующего литературно-экспедиционным отделением Реввоенсовета Западного фронта). Он участвовал в боях под Киевом и под Броварами в августе 1919 года был снова ранен (он тогда состоял в рядах 1-го Киевского сводного полка), быстро вернулся в строй, а затем был переброшен под Петроград и там в бою против Юденича на ст. Волосово был ранен еще раз. В 1921 году в течение 9 месяцев он был слушателем «Курсов красного права» (они назывались также партшколой), которые успешно окончил и получил соответствующее удостоверение на право работы в судебных органах РККА.

«Политический уровень и мое общее развитие позволили быстро продвинуться по службе, — писал папа в автобиографии, — от члена коллегии Реввоентрибунала дивизии до председателя Выездной сессии Реввоентрибунала СКВО [Северо-Кавказского Военного Округа. — *В. С.*] и Первой Конной армии...» В автобиографии 1949 года он упомянул, что

работа возглавляемого им Реввоентрибунала была высоко оценена Реввоенсоветом СКВО в журнале «Политработник» № 3 за март 1922 года.

Я был еще мал при жизни папы, и он почти не делился со мной сведениями о своей службе под руководством С. М. Буденного, но уже после его смерти мы с мамой нашли среди развалов бумаг, хранившихся в диване в нашей квартире в Горьком, объемистую папку с вшитыми и пожелтевшими от времени документами о службе в Красной Армии, начиная с 26 августа 1919 года и до 7 августа 1922 года. На красивой обложке папки большими буквами было выведено «Приложение к послужному списку на Сойфера Николая Ильича — Политического Руководителя Штаба 37-го полка 13-ой Дагестанской Стрелковой дивизии». Среди подшитых документов находятся и те, что относятся ко времени его службы в Первой Конной армии.

Папина карьера в Первой Конной была неожиданно сломана в 1923 году. Мне кажется, что именно эта крупная неудача в жизни, которую папа, видимо, переживал все последующие годы, оказалась по прошествии времени самой крупной удачей, потому что спасла его от ареста и гибели в годы сталинского террора.

Как однажды папа поведал мне, в 1920 году Советское Правительство приняло решение о введении особого знака отличия тех, кто способствовал победе красных в Гражданской войне. Был учрежден Орден Боевого Красного Знамени. В числе первых восьми командиров, награжденных этим орденом в Первой Конной армии, оказался и мой отец. Ордена привез из Москвы член Реввоенсовета армии Клим Ворошилов, который вызывал к себе по одному каждого из отличившихся коммунистов и с приличествующей моменту серьезностью вручал награды. Папе только что исполнилось двадцать два года, фактически он был еще совсем молодым человеком, но прошедшим уже «огни и воды» и приобретшим в силу этого солидную самоуверенность. Подозреваю, что его отношение к Ворошилову, с которым он постоянно соприкасался по работе, было не очень дружеским. Во всяком случае, как папа рассказывал мне, Ворошилов вызвал его и стал с пафосом и громким голосом провозглашать истину о том, как страна и партия отметили его столь высокой наградой, на что папа ответил ему (я привожу буквально слова, сказанные папой):

— Хватит, Клим. Остановись. Я не за эти цацки сражался, а за Советскую власть!

Получить орден он отказался, а вскоре папу из Первой Конной убрали, переведя на низкую должность в Крым под начало родного брата Владимира Ленина — Дмитрия Ульянова.

Я уверен, что эта выходка папы спасла ему жизнь. Сохранись он в ранге одного из руководителей Первой Конной армии, он несомненно пришел бы к конфликтам с руководителями. Его несносный в глазах любого начальства характер и заносчивость, сопровождавшиеся удивительной храбростью и отсутствием лизоблюдства перед боссами,

неминуемо привели бы к конфликтам и смерти в годы разгула сталинской тирании, когда сталинские сатрапы уничтожили почти всех старых большевиков тем или иным способом. Устранение из обоймы начальников спасло ему жизнь и уберегло от смертельных опасностей.

Папа как-то рассказал мне, что Дмитрий Ильич Ульянов, который был, насколько я помню, в то время командиром санитарного военного поезда, все время проводил в пьянках и гулянках с медперсоналом своего «боевого поезда». Папе это не нравилось, и вскоре после переселения в Крым ему удалось уйти на другую работу. Переходы с одной работы на другую сильно его расстраивали, стали пошаливать нервы, нередко возникали приступы кровохарканья. При каждом серьезном приступе болезней ему приходилось прекращать работу и лечиться в больницах. В так называемом *Скорбном листе Симферопольской городской больницы* (сейчас такой документ назвали бы выпиской из истории болезни) в октябре 1923 года было записано следующее: «Болен давно. Жалуется на кашель с мокротой, плохой аппетит, иногда потеет... (отец и мать умерли от туберкулеза в возрасте от 35 – 40 лет). У больного несколько раз было кровохарканье. Перенес сыпной и возвратный тиф и малярию в течение 1914 – 1922 г.»

За пять лет в Крыму он сменил шесть должностей. Эти пертурбации сильно сказались на здоровье отца, он тяжело заболел, был комиссован из рядов армейских, в 1927 году попал даже в санаторий для тяжело больных большевиков и пробыл там несколько месяцев. Он, видимо, морально страдал от того, что оказался выброшенным из числа руководителей Первой Конной армии.

В 1927 году папа перебрался в Севастополь. Он работал в Севастопольской Деткомиссии и не оставлял надежды повысить уровень образования. Ведь кроме четырехклассной школы и девятимесячных курсов судебных работников он ничего не закончил. Наверное, этим объясняется то, что в 1927 году он прошел в Севастополе полный курс «Нормальной школы политграмотности» и получил 15 мая того года удостоверение об успешном завершении этой школы. Потом он опять попал в санаторий с болезнью легких, где и встретил мою будущую маму.

Я нашел в его бумагах дневник, который он начал вести 15 января 1928 года и в который продолжал записывать свои переживания до начала 1930 года. В записи 26 августа 1928 года он впервые поведал, что встретил свою будущую жену. «Отошла в область преданий моя скучная и одинокая жизнь... [обстоятельства] помогли встретить и приблизить человека, которого я жажду любить. Проведенное время обеспечивает мне эту возможность: любовь и ласку. Хочется верить, что моей заветной мечте удастся осуществиться. Но так долго еще кажется время, пока проблески жизни превратятся в действительность».

На другой день его возлюбленная уезжала к себе домой в Юрьевец, и в дневнике появилась почти паническая запись: «Вчера проводы любимого человека прошли ужасно тяжело. Заботы сделать прощание прият-

ными подношением букета цветов закончились тем, что я опоздал к поезду и к проводам дорогого для меня человека. И вместе с тем чувствую, что удаляется моя радость будущего. А как хочется жить еще и душевно. Ведь личная жизнь еще не наступала. Прошли лишь годы детства в горестях, заботах о других. Своя жизнь как-то не складывалась».

За последующие тридцать девять дней записей в дневнике нет. Видимо, все душевные силы были сконцентрированы на том, чтобы не потерять возникшую любовь. Но, видимо, им обоим жизнь друг без друга уже возможной не представлялась. Расстояние не развело их. Следующая запись датирована пятым октября 1928 года и состоит всего из нескольких слов: «Женитьба в Юрьевце. Приезд в Севастополь».

Семья

Папа с мамой поженились 6 октября 1928 года в Юрьевце, куда папа приехал из Крыма, чтобы оформить брак с мамой в Юрьевецком ЗАГСе. В свидетельстве о браке было отмечено, что оба супруга сохранили свои фамилии — Сойфер и Кузнецова. После заключения брака они поселились в Севастополе, где папа проработал до сентября 1929 года. В его бумагах я нашел справки о том, что в те два года, пока он был сотрудником «Комиссии по улучшению жизни детей при Севастопольском райисполкоме», он действительно занимался борьбой с беспризорностью, а не выискиванием «врагов среди несовершеннолетних» по линии ЧК. Так, в частности, он организовал первую в стране государственную фабрику по изготовлению детских игрушек и стал ею заведовать. Он верил в силу печатного слова и, стараясь улучшить снабжение фабрики оборудованием, машинами и материалами, даже напечатал 1 февраля 1929 года в севастопольской газете «Маяк Коммуны» (№ 24) заметку «Игрушками боремся с беспризорностью». Он писал: «10 месяцев существует фабрика игрушек “Деткомиссии”... На фабрике работает 100 ребят. Часть из них беспризорные, а бóльшая часть сироты. На фабрике вырабатывается до 100 различного сорта игрушек мягких, бумажно мастичных, металлических и деревянных. Спрос на игрушки по всему СССР огромный, так как ни одной государственной игрушечной фабрики в СССР нет. Если есть снабжение игрушками, то только частно-кустарными производствами».

Родители жили в Севастополе, снимая квартиру, мама в это время забеременела и всеми силами стремилась перебраться на родную Волгу. Папа начал ходатайствовать о переводе в Нижний Новгород, который был всего в ста с небольшим километрах от Юрьевца. Там, в одном из крупнейших городов страны, было легче найти работу, чем в Юрьевце.

В конце концов просьба о перезде в Нижний Новгород была утверждена, и в сентябре 1929 года они переехали в этот город. В то время несколько областей центральной зоны Европейской части СССР были

объединены в одно административное образование — Нижегородский край. Тем самым Нижний Новгород, став столицей края, приобрел особое значение в стране. Папа был принят на работу членом-докладчиком Краевой судебной земельной комиссии. Мой старший брат Володя появился на свет 20 января 1930 года, а я 16 октября 1936 года.

В молодости папа был довольно азартным человеком, в частности, находил особое удовольствие от преферанса и был успешным игроком[2]. Как-то вскоре после женитьбы он выиграл у одного нэпмана большую сумму денег, нэпман не унимался и пошел ва-банк: поставил на кон принадлежащую ему фабричку. Папа выиграл и фабрику и довольный ушел спать. Через несколько часов проигравший пришел к ним, разбудил стуком в дверь маму, она впустила пришельца, и несчастный игрок бросился к ней в ноги, умоляя вернуть расписку о проигрыше фабрики.

— Зачем вашему мужу фабрика? Ведь он коммунист, и его товарищи не погладят его по головке за то, что он стал фабрикантом. А что делать мне? Ведь у меня дети. Чем мне их кормить? Простите меня, я больше играть не буду, — умолял на коленях ночной посетитель.

Мама рассказывала, что этот не умеющий побороть азарт человек был настолько противен в своем унизительном плаксивом виде, что она нашла на столе около кровати мужа злополучную расписку, разорвала ее на глазах застывшего на коленях игрока и выгнала его с глаз долой. Когда папа проснулся и услышал мамин рассказ, он сначала рассердился, сказав, что она лишила их обоих безбедной в будущем жизни, но дело было сделано, а скоро и НЭП кончился, и фабрикантов пересажали. Получилось, что мама спасла папу от ненужных трудностей.

В 1929 году Сталин приступил к поголовной коллективизации сельского хозяйства. Чтобы обеспечить идеологическое обрамление коллективизации, коммунистические власти приняли решение издавать в каждом крупном сельскохозяйственном районе страны специальные газеты, которые бы проводили «партийную линию» в деревне. Идеологические требования к пропаганде этой «линии» приобретали особое значение, и в ноябре 1930 года в Нижегородском крайкоме партии решили, что папу надо мобилизовать для решения этой задачи: направить заслуженного большевика Сойфера заведующим массовым отделом краевой га-

---

[2] Играл папа в преферанс и в Горьком. Я помню, что папины друзья иногда собирались у нас в квартире, усаживались за центральный стол в большой комнате и проводили несколько часов за этим занятием. Партнерами часто были известный хирург-фтизиатр Л. К. Богуш (ставший директором клиники института туберкулеза АМН СССР и академиком медицины в Москве через несколько лет) и наш сосед – журналист и преподаватель пединститута Б. С. Рюриков, после войны переехавший работать в Москву, в аппарат ЦК ВКП(б), редактировавший «Литературную газету» в 1953 – 1955 годах и журнал «Иностранная литература» в 1963 – 1969 годах.

зеты «Советская деревня» (он был зачислен на эту работу 16 ноября 1930 года). Это издание создавалось как ответвление от краевой газеты «Нижегородская коммуна», и папа впервые вошел в коллектив ее редакции. В этой должности он проработал до мая следующего года, когда добился зачисления студентом в Горьковский комвуз на факультет журналистики (газетное отделение), который он закончил в 1933 году. В годы учебы папа продолжал активно заниматься общественной деятельностью, был избран членом парткома вуза, стал редактором двух многотиражных газет (одна из них, «За заочную учебу», считалась органом ЦК ВКП(б), другая, «Нижегородский Комвузовец», издавалась от имени парткома и бюро комсомола института).

Поскольку Комвуз он закончил хорошо, его ректорат ходатайствовал перед ЦК ВКП(б) принять папу студентом Коммунистического Института Журналистики (который вскоре был переименован во Всесоюзный Коммунистический Институт Журналистики — ВКИЖ имени «Правды») в Москве. Для поступления туда требовалось согласие ЦК партии, но надо было к тому же пройти через экзамены. Их он успешно выдержал и с разрешения ЦК ВКП(б) был принят сразу на второй курс. Папа и во ВКИЖе был хорошим активным студентом. Студенты выпускали институтскую газету, и папа много писал в нее (у меня сохранилось несколько выпусков с его статьями), стал одним из ее редакторов.

Однако закончить ВКИЖ ему не удалось. Чтобы лучше контролировать процессы механизированного сева, выращивания и сборки урожая, было решено не передавать технику объединениям крестьянских хозяйств (то есть колхозам), а создать специализированные предприятия, подчиняющиеся напрямую областным и районным партийным комитетам и обслуживающие техникой колхозы и совхозы по их заявкам. Властителям казалось, что с помощью этих «машинно-тракторных станций» (МТС) можно будет легче влиять на нерадивые с их точки зрения колхозы и давать больше техники тем, кто был более послушен партийным князькам на селе. Централизация всей техники в подконтрольных партийным органам МТС была встречена в деревне без всякого восторга, и тогда власти решили, что во всех сельскохозяйственных районах страны нужно срочно создать особые надзирающие органы — политотделы МТС, напрямую подчиняющиеся областным и краевым комитетам ВКП(б). Политотделам было предписано наладить выпуск в каждой области специальных газет «МТС», а поскольку редакторов для таких изданий взять было негде, то лучших студентов ВКИЖа просто мобилизовали по партийной линии и отправили на село. Папе не дали доучиться еще год во ВКИЖе и по распоряжению отдела печати ЦК партии он был направлен редактором одной из таких газет. С мамой и моим братом они были вынуждены покинуть Москву и переселиться в Мантурово Курской области. Папа начал создавать первую в своей жизни самостоятельную газету Мантуровской МТС.

Вскоре эта газета стала ежедневной и распространялась в пределах Центрально-Черноземных областей.

Ровно через год папу перевели из Мантурово в Курск, после того, как в избу, в которой они жили, поздним вечером, когда уже стемнело, кто-то несколько раз выстрелил. Одна пуля пробила окно в кухне, но, правда, стрелявший никого не ранил. Мама настояла на том, чтобы папа добился перевода в другое место: ведь газету он наладил, дело идет хорошо, можно и уехать с женой и маленьким сыном. Так 26 января 1935 года они переехали в Курск, где в соответствии с решением Курского обкома ВКП(б) папа возглавил областное книгоиздательство.

Но маме хотелось перебраться на родную Волгу, и папа отправил ходатайство в Горьковский крайком партии, прося предоставить ему работу в Горьком. Ведь с 1929 года он работал в этом городе, и руководители нижегородских партийных органов хорошо его знали. В конце апреля из Горького пришел запрос крайкома на папу, курские партийные чиновники были вынуждены с ним примириться. С 22 апреля 1935 года папа был откомандирован в распоряжение Горьковского крайкома партии, а в Горьком он считался назначенным уже с 10 апреля руководителем издательства «Горьковская коммуна» (так называлась главная газета края). Формально его должность называлась «уполномоченный краевого управления по печати при издательстве «Горьковская коммуна»).

Наездами родители появлялись в Нижнем Новгороде систематически, а в самом конце апреля 1935 года переехали в Горький окончательно. Жизнь на новом месте была, как я понимаю, вполне хорошей и интересной, но надо было обзаводиться собственным жильем, и решение проблемы было найдено. В самом центре города, позади одного из крупнейших и старейших в России Академического театра драмы, городскими властями был освобожден огромный земельный участок для строительства пяти корпусов шестиэтажных «Домов Коммуны». Для этого комплекса снесли старые деревянные дома, жителей отселили на окраину города, а те, кому было позволено, внесли деньги для строительства кооперативных квартир. Стал пайщиком и мой отец. Всех, кого приняли в кооператив, заставили отрабатывать выходные дни на подсобных работах (нашим соседом по этажу оказался один из лучших в СССР фотографов — Павел Абрамович Вышкинд, и он оставил большое число снимков тех лет, запечатлевших горьковских писателей, профессоров и доцентов, руководителей крупных предприятий, везущих тачки с землей или передающих друг другу кирпичи и прочее и прочее). Папа, конечно, организовал новую многотиражку «Дом Коммуны», выходившую раз в неделю, и подшивка этих интересных свидетелей эпохи хранится у меня в архиве.

Стоит заметить, что вскоре после окончания строительства власти отменили «самоуправство»: домá, как было заявлено, перестали считаться кооперативной собственностью жильцов. Их объявили без зазрения совести государственной собственностью. С тех пор на освобождав-

шуюся по той или иной причине жилплощадь стали вселять людей по усмотрению местного начальства.

Архитектура всех корпусов была слегка диковатой для той части города, в которой их возводили. Так называемый социалистический конструктивизм завладел умами большевистских руководителей не только в Москве, куда пытался перенести свои идеи знаменитый Ле Корбюзье. Эти дома напоминали по форме спичечные коробки, поставленные на бок и увеличенные в размерах, с вырезанными нишами окон. Такие многоэтажки, лишенные всяких архитектурных деталей (в годы его правления Хрущев вообще обзывал любую лепнину, отделку и украшения стен и потолков «архитектурными излишествами») и несущие лишь ровные стены с прорезями прямоугольных простеньких окошек, были самими дешевыми из всего, что можно было построить, и их стали возводить повсюду в стране. Вот и в Горьком появились такие же, как в Москве, безликие коробки, похожие на здания Госплана и прочих «шедевров соцреализма».

«Дома Коммуны» в Горьком спроектировал московский архитектор Медведев. По его замыслу коробки строений были сделаны черными, их обляпали снаружи слоем чего-то похожего на зернистый асфальт. Привычных крыш на корпусах не было, вместо этого вся огромная площадь над верхними этажами была оставлена плоской, ее окружили парапетом в метр высотой, так что с улицы нельзя было понять, что на крыше устроен своеобразный солярий. Пол здесь был залит гудроном, и жильцы могли пользоваться благами природы и принимать солнечные ванны, улегшись на принесенные из дома половички. Но под них надо было подстилать газеты, поскольку в жару гудрон плавился и половички прилипали к нему. Мальчишки и девчонки любили забраться на крыши и играть наверху в салочки, но бегать следовало осторожно, топать нельзя, потому что перекрытия этажей были крепкими (железобетонными), но тонкими и хорошо проводили звуки. Поэтому, стоило нам расшалиться, как кто-то из жильцов верхнего этажа прибегал на крышу и начинал нас ругать за топот над головами.

Поскольку дома были многоэтажными, то было решено оборудовать их лифтами. По делу, лифты следовало установить в каждом подъезде. Однако чудо-архитекторы нашли иное решение проблемы. Вместо того, чтобы отвести в каждом подъезде небольшое пространство и занять его шахтой лифта, было решено построить всего два лифта на все дома. Один лифт предназначался для жильцов корпусов номер один и четыре, а другой для корпусов два и три. В каждом корпусе были сооружены длиннейшие коридоры, тянущиеся на уровне второго и пятого этажей вдоль всех коробок. Чтобы дать возможность жильцам, поднявшимся на одном из лифтов, пройти в соседний дом, корпуса на уровне 2-го и 5-го этажей были соединены коридорами, будто повисшими в воздухе (жильцы называли их переходами). Поднявшись на лифте, например, до пятого этажа,

жильцы должны были направляться по коридорам в свой корпус (путь немаленький), а потом либо подниматься в своем подъезде пешком на шестой этаж или спускаться на четвертый или третий. На эти коридоры ушло, конечно, гораздо больше места, чем потребовалось бы на лифты в каждом подъезде. Но, видимо, экономия на стоимости самих лифтов занимала архитекторов больше, чем потеря жилого пространства.

По мысли «отцов города» жильцы «Домов Коммуны» должны были участвовать в переустройстве общества и личным примером показывать, как предстоит жить людям «коммунистического завтра». Для воплощения этой цели в жизнь были предусмотрены разные новшества, в основном, нелепые.

Например, наряду с полноценными квартирами, снабженными туалетами и умывальниками, в каждом корпусе на пятых и вторых этажах, по которым тянулись эти бесконечные коридоры, было создано по шесть однокомнатных квартир. Каждая такая комнатенка была размером в семь квадратных метров (их так и звали — семиметровки). В них ни туалетов, ни умывальников не было, а для удовлетворения нужд в центре коридоров в каждом из корпусов были оборудованы помещения с тремя туалетами и тремя умывальниками. Неудивительно, что по утрам в коридорах можно было увидеть очереди жаждущих попасть или в одно, или в другое «место удобств».

Из-за того, что коридоры на вторых и пятых этажах отняли солидное место, остальные квартиры на этих уровнях были двухкомнатными, в них малюсенькие туалетные комнаты были предусмотрены, но, например, душа или ванной в них установить было невозможно (такой была наша 179-я квартира в четвертом корпусе).

Чтобы жильцы «Домов Коммуны» могли помыться, на первом этаже в лифтовой башне, соседствующей с четвертым корпусом, рядом с лифтом было отведено помещение для шести душевых кабинок для всех жильцов. Желающие должны были за неделю записаться в очередь на свободное время и прийти всей семьей. Вообще же считалось, что в городе работают общественные бани, и в них жильцы могли ходить, скажем, раз в неделю и мыться вволю.

Когда началась война, это банное отделение было вообще закрыто, в нем сломали все кабинки, провели ремонт и поселили какого-то крупного чинушу из администрации города (все-таки «Дома Коммуны» торчали в самом престижном районе города).

Для воплощения в жизнь еще одного воспитующего «коммунистического» принципа всех жильцов обязали питаться в специально созданной общей столовой. Для этого в пространстве между третьим и четвертым корпусами был построен двухэтажный обеденный зал для всех жильцов (на втором этаже столы и стулья можно было сдвигать, тогда образовывался танцевальный зал, где в первые годы действительно устраивали танцы). Предполагалось, что жильцы коммунистических

домов не будут готовить для себя пищу в квартирах, а будут ходить в общую едальню и поглощать качественную пищу (пусть и простенькую по форме и содержанию и одинаковую для всех, но даже процесс поедания должен был цементировать всех в один коллектив первопроходцев социализма). Исходя из этого, в квартирах отсутствовали кухни, и лишь спустя несколько лет после окончания строительства «Домов Коммуны» те из жильцов, у кого нашлись средства, начали переоборудовать комнаты в квартирах на первом, третьем, четвертом и шестом этажах (эти квартиры были больше по размеру, чем квартиры на втором и пятом этажах) и встраивать малюсенькие кухни в свои жилища. Квартиры на втором и пятом этажах были столь малы, что в них даже микроскопические по размеру кухни встроить было невозможно. Правда, рядом с туалетными комнатами на втором и пятом этажах были устроены общие кухни для всех жильцов, в них были возведены кирпичные плиты с четырьмя конфорками и отделением для выпечки на два подноса. По праздникам наши мамы устанавливали между собой очередь и пекли в кухне пироги, готовили другие блюда, а завораживающий дух чего-то необыкновенно вкусного разносился по всему коридору и лестницам. Почти все обитатели домов жили скромно, и Новый год, 7 ноября и 1 мая воспринимались всеми как настоящие праздники.

Мне кажется, что идея «общепита» для жильцов «Домов Коммуны» умерла сразу же после завершения строительства. Денег на общественное питание у большинства жильцов не было, и столовая чаще всего пустовала. Перед войной ее вообще закрыли, а все помещения в этом двухэтажном строении заняло Горьковское отделение Центрального Статистического управления СССР. На этом два главных «воспитующих» социалистическое сознание принципа были похерены.

Но был и третий принцип. Пятый корпус был предназначен для яслей и детских садов, в которых должны были бы воспитываться по-коммунистически отпрыски всех жильцов «Домов Коммуны». Этот корпус стоял отдельно и с остальными не соединялся. Насколько я знаю, из идеи о правильном воспитании детей, отнятых от родителей, также ничего не вышло. Жильцы «Домов Коммуны» предпочитали держать своих отпрысков возле себя, властям не удалось заставить законными методами отрывать детей от семей, и мы росли под присмотром собственных родителей. В этом пятом корпусе в подвале разместилось пошивочное ателье для городского начальства, в остальных помещениях были организованы городские ясли и детский сад и разместились еще какие-то организации без названий и дощечек на дверях, но зато с охраной у входов.

Надо однако сказать, что в те времена высокие дома с центральным отоплением, канализацией, с телефонами во многих квартирах, лифтами и с другими удобствами воспринимались многими хорошо. Те, кто переехал из хибар и бараков в центр огромного города, в очень

красивое и ухоженное место, воспринимали все совсем не так, как описываю я. Из кранов лилась чистая вода, и ее не надо было нести в ведрах от колодцев или уличных колонок. В тридцатиградусный мороз не надо было, полуодевшись, выскакивать из дома и бежать в кабинку уборной, запрятанную где-нибудь в углу двора, а там, содрогаясь от холода, совершать свое дело и бежать назад. Свет в домах горел, старики могли благодарить небо за поднимающий их наверх лифт, дома стояли в центре города, рядом были магазины: живи и радуйся. В целом жизнь в «Домах Коммуны» в бытовом смысле была для многих сносной, а для тех, кто совсем недавно ютился в лачугах и землянках, даже хорошей. Но я говорю не об общепонятных преимуществах, а о том назойливом желании коммунистических «организаторов быта» насадить новые правила, которые бы, по их мнению, воспитывали строителей коммунизма из тех, кто поселился в «Домах Коммуны». Эти потуги провалились, причем довольно скоро. И, конечно, отражались в конструкции всего комплекса, в устремлениях его создателей тяга к халтурному примитивизму, наплевательское отношение к людям, трудно объяснимое стремление к дешевке, ко всему наскоро сляпанному под победные марши коммунаров.

Всего в этих домах было двести с небольшим квартир, часть из них была превращена в коммунальные, и в целом в них проживало более тысячи человек. В основном в домах поселились представители интеллигенции. Партийные и советские начальники строили себе более комфортабельное жилье. Встречались, впрочем, и люди, формально относившиеся к рабочим и служащим. Например, в нашем коридоре, наискосок от нашей квартиры была семиметровка, в которой обитала колоритная фигура Полины Сорокиной, которую между собой соседи звали не иначе как Полька Сракишна. Частенько ее видели сильно пьяной, но это не мешало ей состоять членом партии комммунистов, и, как все знали, она даже возглавляла партийную организацию ателье пошива одежды в пятом корпусе наших домов (не знаю, были ли другие члены партии среди работавших в том ателье). Сама она не была ни мастером, ни подмастерьем, а трудилась в ателье на самой низкой ступени (подшивала края тканей в готовых изделиях), но зато ей доверяли ключ от ателье, и когда портные приходили утром к его входу, им приходилось ждать Сракишну с ключами, чтобы она открыла двери.

Муж Полины часто попадал в тюрьму за мелкий разбой или воровство, возвращался оттуда каждые три или четыре года, чтобы вскоре оказаться опять за решеткой. Но когда он приходил домой, супруги зверски напивались, и тогда муж приступал к жене с требованиями рассказать, что она без него делала. Расспросы неизменно завершались побоями. Ме́ста в семиметровке было мало, и разгоряченная парочка выкатывалась в коридор, чтобы на свободе отдать душу страстям. Полина вопила благим матом, муженек работал кулаками, таскал жену за волосы по

полу, и временами они образовывали клубок катящихся вдоль коридора переплетенных тел, рук и ног.

Однажды, возвращаясь из школы, я стал свидетелем такой сцены: от катающихся по полу супругов неслись нешуточные вопли, и Ася Борисовна Вышкинд выбежала на крик в коридор и стала кричать, чтобы муж отпустил жену и прекратил побои. Драка действительно прекратилась, драчуны вскочили... и набросились дружно на Асю Борисовну за вмешательство в их семейную жизнь.

– Какое ваше дело! — вопила Полина. — Раз он меня любит, то и бьет. Имеет право, раз любит. Что вы-то лезете в наши семейные отношения!

В Горьком у папы и мамы установились дружеские связи с многими замечательными людьми, жившими в этом городе. Кроме того, приезжавшие в город писатели и журналисты, артисты и ученые давали интервью журналистам из «Горьковской коммуны». Как один из редакторов газеты папа нередко приглашал гостей к нам домой, и я видел в его архиве письма Бориса Пильняка, Матэ Залки.

Выйдя замуж, мама так и не вернулась к какой-то работе, а была, как тогда говорили, домохозяйкой. Мне кажется, тем не менее, что она играла важную роль не только дома, следя за порядком, воспитывая детей и готовя пищу. Она была первым критиком папиных творений, помогала ему готовить статьи для печати и редактировать их. Папа всегда советовался с ней по своим делам.

В те годы в СССР покупка выходящих в свет книг (особенно книг значимых и раритетных) была занятием трудным. Но все годы, пока папа работал редактором газет, он получал так называемый ордер на покупку всех выходящих книг, а мама много читала, и она стала формировать нашу семейную библиотеку, наполнявшуюся собраниями сочинений и лучшими произведениями, выходившими в стране. Кроме того, папа с мамой выписывали многие журналы, и мама была хорошо осведомлена о литературных и пропагандистских новинках.

Однако благополучное существование длилось недолго. За год до моего рождения (в августе 1935 года) папа был обвинен в страшном идеологическом проступке, почти преступлении. Как уполномоченный крайлита он был обязан давать разрешение на выпуск каждого номера «Горьковской коммуны» и подписал, как водилось, ночью, очередной номер газеты в печать, а утром весь тираж был арестован чинами из НКВД. Оказалось, что на последней странице газеты, внизу, было помещено объявление о найме на работу издательством «Горьковской коммуны» машинисток. Объявление было на первый взгляд вполне невинным:

«Требуются машинистки. Работа ночная, сдельная, оплата по соглашению. Обращаться в Издательство "Горьковская коммуна" по телефону...»

Папа говорил, что он внимательно вычитал весь номер, так как в те годы уже существовала практика сурово карать за любые промахи в печатной продукции. Но каким-то непостижимым образом в вышедшем утром тираже объявление было слегка изменено: в первом слове «требуются» были опущены две первых буквы.

Тем же утром отца задержали, доставили на допрос в Управление НКВД по Горьковской области, но «пришить» ему контрреволюционную деятельность не удалось, так как подписанный им экземпляр газеты был, как того требовали установленные правила, сдан вовремя в НКВД и ошибки не содержал. Следователям пришлось отступить и выпустить папу на свободу, но, как было сказано, за «потерю большевистской бдительности» его уволили из главной областной газеты.

Поскольку энкаведешникам не удалось доказать, что папа был причастен к «идеологическому преступлению», его надо было трудоустраивать по специальности. К счастью, в это время возникла нужда в создании в Горьком еще одного печатного издания. Горький стал приобретать репутацию «Столицы Поволжья». Поэтому было принято решение о выпуске газеты для работников речного транспорта всей Верхней Волги под названием «Большевистская вахта». Нужно заметить, что малотиражная газета водников города Нижнего Новгорода под этим названием существовала с 1930 года, но теперь ее сделали органом Наркомата водного транспорта СССР. Газета должна была выходить дважды в неделю и гораздо большим тиражом (при папе каждый номер печатался в количестве около 6 тысяч экземпляров). В середине сентября 1935 года папу назначили сначала инструктором политотдела Верхне-Волжского речного пароходства по печати, чтобы он начал формировать редакционный коллектив газеты и готовил полиграфическую базу для ее издания, а с 13 сентября 1935 года он был назначен редактором газеты. Поскольку издание выходило от имени Наркомата, то подчинялось оно теперь московским властям, и папа был назначен ответственным сотрудником Наркомата, или министерства, как в наши дни называют такие ведомства. Он начал энергично формировать состав редакторов и сотрудников газеты, в короткий срок она стала выходить в свет, зарабатывала хорошую репутацию.

В 1937 году репрессии против старых членов партии развернулись с особым размахом. Подвергся репрессиям и мой отец. Его арестовали весной 1937 года, обвинив в связи с «врагами народа», в слабой критике действий врагов в газете и в критике подлинных патриотов партии. При допросах следователь сообщил отцу, что особенно усердствовал в обвинениях начальник политотдела Верхне-Волжского пароходства И. А. Симонов. Уже после ареста был издан приказ Политического управления Наркомата водного транспорта СССР от 4 июня 1937 года об увольнении отца от занимаемой должности редактора «Большевистской вахты» в связи, как было сказано, «с откомандированием в распоряже-

ние территориальных организаций» (приказ № 186/л). В его трудовой книжке тремя месяцами позже, 4 сентября, эта резолюция была повторена: «Освобожден от работы редактором газеты "Большевистская вахта" с откомандированием в территориальные организации. **Основание**: Приказ Политуправления Наркомвода [Наркомата водного транспорта. — *В. С.*] № 186/1 от 4/VI-1937 и пр. № 25 от 4/ VIII 37».

«Территориальными организациями» были подвалы НКВД в управлении этого ведомства на улице Воробьева в Горьком. Уже после ареста отец был исключен из партии. В июле 1937 года Куйбышевский райком ВКП(б) города Горького принял такое решение с формулировкой «за потерю бдительности». В номере газеты «Большевистская вахта» от 2 августа 1937 года (№ 104/579/) на второй странице была напечатана статья без подписи под заголовком «Слабая критика работы политотдела», центральным абзацем которой был следующий: «Партийной организацией редакции газеты "Большевистская вахта" исключен из партии бывший редактор этой газеты Сойфер, долгие годы имевший связь с врагом народа Марчуковым-Вольским, который работал в управлении пароходства инженером, не имея на то никакого образования. Сойфер, прикрывавшийся своими сомнительными революционными заслугами, окончательно потерявший чувство ответственности, понятно, не мог обеспечить в газете развертывание настоящей большевистской критики и разоблачение орудовавших на Верхней Волге врагов народа».

Когда эти строки появились в газете, мой отец уже несколько месяцев находился в заключении. Его следственное дело вели чины горьковского НКВД, и, видимо, это также было до известной степени благоприятным для его судьбы. Его продержали в казематах меньше года, на следствии зверски над ним надругались. Например, он рассказывал моему дяде, Анатолию Александровичу Кузнецову, что следователи привязывали его руки и ноги к стулу, расстегивали брюки и обнажали гениталии, после чего вкладывали мошонку между двумя дощечками и закручивали резинки, скреплявшие дощечки. Такими приемами садисты-следователи пытались принудить папу признаться в антисоветской и антипартийной деятельности. Однако, видимо, именно тогда ему пригодились навыки, приобретенные в годы беспризорной жизни: он нашел силы ничего не признать и ни в чем не согласиться с наветами следователей. К тому же в следственной тюрьме у него обострился туберкулезный процесс в легких. Когда же органы НКВД арестовали Симонова и еще нескольких руководителей политотдела, чекистам пришлось выпустить тех, кого ранее арестовывали по наветам Симонова и его сообщников. В результате отца освободили из внутренней тюрьмы НКВД в Горьком, и он вышел на свободу. Однако в партии его не восстановили, на работу он смог устроиться только на должность экспедитора (то есть курьера) Союзкультторга с 11 ноября 1937 года.

Он начал писать жалобы в разные партийные инстанции, и, в конце концов, через год, в 1938 году Партколлегия ЦК ВКП(б) восстановила его в партии с объявлением строгого выговора, но с решением опубликовать в печати сообщение о его восстановлении в рядах партии большевиков. Папа продолжал писать жалобы и на это решение и настаивать на том, что выговор ему был объявлен несправедливо, и, наконец, 9 декабря 1939 года взыскания с него были сняты Центральной Контрольной Комиссией ЦК ВКП(б).

Как вспоминала мама, семья выжила эти три года (1937 — 1939) только благодаря тому, что за годы журналистской работы папа тратил все сколько-нибудь доступные деньги на покупку редких книг. В доме была собрана замечательная библиотека, и ее стали постепенно продавать. Какие-то небольшие деньги стало приносить и то, что иногда родителям удавалось сдавать внаем одну из наших комнат. Хотя наша квартира была очень небольшой и довольно неблагоустроенной, но «Дома Коммуны» — в самом центре города, многоэтажные, оборудованные лифтами, чистые и новенькие — привлекали желающих снять ненадолго жилье. В Горьковском Драмтеатре (одном из старейших в России), занимавшем великолепно спроектированное и красивейшее по архитектуре здание, каждое лето проходили гастроли ведущих российских театральных трупп, и как-то перед войной приехал Московский Художественный Академический театр (МХАТ). Для всех актеров театра мест в гостиницах в центре города, конечно, хватить не могло, и администраторы заранее стали обходить ближайшие к театру дома в надежде найти комнаты, в которых можно было бы разместить актеров и остальной персонал. Как я понимаю, мама откликнулась положительно на такой запрос (жилец платил деньги, так тогда недостающие), и в маленькой комнате у нас поселился заведующий постановочной частью МХАТа Вадим Васильевич Шверубович, — по воспоминаниям родителей, исключительно милый, воспитанный и приятный человек. Он сразу же спросил маму, а нельзя ли у нас еще и столоваться, получил согласие и стал буквально любимым человеком в семье. Через примерно неделю жизни у нас он вдруг обратился к маме:

— Анна Александровна! Мой отец живет в гостинице «Москва», ест там и страдает от этой пищи. Нельзя ли ему прийти к Вам и хоть раз по-человечески поесть, у Вас так все вкусно. Разрешите, Анна Александровна, пожалейте его.

Мама, конечно, спросила, а что папа Вадима Васильевича делает в театре.

— А он актер. Вы знаете его по сценической фамилии — это Василий Иванович Качалов.

Мама обомлела. Великий Качалов! В те годы слава Качалова в стране была безграничной. Выдающееся исполнение ролей Гамлета, Чацкого, Юлия Цезаря, Глумова, Каренина, Берендея, Тузенбаха, Ивана Карама-

зова, проникнутое не просто артистизмом, но глубокой интеллектуальностью и благородством, снискало ему несравненную славу. Артист создал много запоминающихся образов в пьесах Чехова и Горького на сцене МХАТа, его необыкновенно музыкальный густой по тембру голос звучал в радиопередачах очень часто, и все узнавали неподражаемо сочный звук его голоса. Он был известен своим исполнением ролей в снятых в кино спектаклях Художественного театра. Во время гастролей МХАТа в Европе и США Качалов удостоился похвал самых известных мировых критиков театра, и его слава шагнула далеко за пределы Советской сцены. В то время в СССР были запрещены издания произведений С. Есенина, но из уст в уста многие передавали знаменитое стихотворение поэта, обращенное к «собаке Качалова»: «Дай, Джим, на счастье лапу мне...»

Мама, конечно, сказала, что сочла бы за огромную честь принять в доме Василия Ивановича, спросила, что бы он предпочел видеть на столе, договорились о времени прихода отца и сына. С первым обедом, правда, произошел конфуз. Когда мама, расстаравшись изо всех сил, приготовила наваристый борщ и принесла большую кастрюлю на стол, чтобы разлить по тарелкам, все было прекрасно. Затем надо было добавить сметану, и тут в тарелке у Василия Ивановича, по центру белого пятна сметаны вдруг проступило тело таракана. Мама побелела и попыталась заменить тарелку новой. Но Василий Иванович выловил двумя пальцами таракана, завернул его в салфетку и своим изумительным густым голосом стал успокаивать маму:

— Ну что Вы, Анна Александровна. Это же пустяк, где же не бывает тараканов. Вот уж действительно ерунда и мелочь. Забудьте.

Он так и не отдал ей тарелку, с аппетитом все съел, хвалил мамино мастерство и еще несколько раз приходил на обед. Мама всю жизнь вспоминала эти визиты и свою, в общем, невинную оплошность: хоть дома́ и носили гордое имя Коммуны, но кишмя кишели тараканами с момента постройки, и вытравить их не удавалось никому и никогда.

С середины 1938 года до апреля 1940 года папа формально был принят на работу редактором в областное управление печати, но никакой действительно редакторской работы ему не предоставляли, и только после снятия партийных взысканий он смог по-настоящему вернуться к любимой работе. Он получил должность директора типографии и редактора газеты Горьковского железнодорожного узла «Волжская магистраль».

В дни войны

В 1941 году началась Отечественная война.

Город Горький бомбили методично. Почти каждую ночь у подъезда, где располагался ближайший к нам лифт, начинала визжать на полную мощь сирена, извещавшая жильцов, что надо покидать квартиры и направляться в убежище.

Собственно, убежища как такового в домах не было. Напротив нашего корпуса через дорогу остался старинный особняк, в котором располагался райком партии большевиков, а за ним сохранился огромный сад прежних владельцев. В этом саду солдаты Горьковского гарнизона вырыли несколько длинных траншей (глубоких — в рост человека; их звали почему-то «щелями»), сверху их накрыли бревнами и присыпали поверх бревен землей. В «щели» вели деревянные ступеньки, убежища закрывались массивными дверьми, и вдоль стенок были врыты в землю длинные скамейки. Внутри горели электрические лампочки, но все равно находиться там было страшновато, было холодно и сыро. Всем жильцам было предписано спускаться в эти убежища, как только раздавался сигнал сирены.

В том же райкомовском садике разместили артиллерийскую батарею. Когда она начинала бухать, земля в «щелях» подрагивала, и это было особенно страшно.

Чтобы сверху немцы не могли по свету окон определить, где точно расположены дома (особенно высокие, как наши «Дома Коммуны»), с наступлением сумерек все жильцы должны были завесить окна светонепроницаемыми экранами. У нас, как, впрочем, и у всех соседей, над окнами укрепили свертывавшиеся с помощью шнуров склееные из нескольких слоев черной бумаги плотные шторы. Нужно было отвязать веревку от вбитого внизу у окна мощного крюка, и эта конструкция разматывалась и закрывала окно.

Среди мальчишек во дворе все время циркулировали легенды о том, что какие-то немецкие шпионы в соседних от нашего района домах нарочно оставляли окна освещенными, и немцы тут же бомбили эти районы. Вообще слухов о шпионах было много, мне кажется, что их нарочно запускали чины госбезопасности, чтобы подстегнуть жителей беспрекословно выполнять приказы властей. Конечно, не все жильцы нашего дома убегали в «щели» при звуках сирены. Но вскоре по квартирам стали ходить люди, которых называли одним собирательным словом — «уполномоченные», одни проверяли наличие светонепроницаемых штор, другие выявляли тех, кто оставался дома во время тревог.

Вскоре среди жильцов были созданы бригады (преимущественно из молодежи), которые при начале тревоги должны были подниматься на крыши, вооружаться длинными металлическими щипцами (в рост человека) и хватать упавшие на крышу зажигательные бомбы. На крышах установили большие ящики (более метра шириной) с песком, и, схватив щипцами дымящуюся зажигательную бомбу, надо было быстро перенести ее в ящик, чтобы огонь не распространился по дому. Мой старший брат года с 42-го или 43-го (он родился в январе 1930 года) сумел каким-то образом войти в состав этих бригад и каждый раз бежал прямиком на крышу, не слушая криков мамы, которая хотела бы, чтобы он спускался с нами в «щель».

Мы натягивали на себя все теплое и бежали по ступенькам вниз (лифты во время войны были полностью обесточены и заперты, поэтому приходилось теперь подниматься и опускаться только по лестнице).

Все стекла в окнах были проклеены наискосок плотными полосками бумаги на расстоянии друг от друга сантиметров в 15, чтобы в том случае, если взрывная волна достигнет стены дома, выдавленные волной стекла не поранили людей внутри квартир.

Неподалеку от нас, на площади Минина и Пожарского, в скверах были установлены огромные прожекторы, обнесенные загородками, на самой площади и в Кремле появились зенитные батареи, и как только немецкая авиация настигала город, эти прожектора начинали бороздить небо, выслеживая бомбардировщики, а зенитные орудия по ним стреляли. Прожектора с разных сторон прорезали темноту ночи, и их яркие лучи все время двигались, так что все небо было разделено на ромбы. Кроме того, небо прорезали во всех направлениях трассирующие пули. Лучи прожекторов безостановочно перемещались, и получалось так, что ромбы все время сдвигались вправо и влево, вперед и назад, и как только в их свет попадал самолет, лучи света замирали на нем и вели его по небу. Зенитчики пытались попасть в самолет из своих орудий. Тут же можно было видеть, как к этим большим, но относительно тихоходным самолетам устремлялось несколько быстрых и юрких самолетов поменьше. Это были советские истребители. Один раз мы были с мамой на общей кухне, выключили свет и следили за перемещением лучей прожектора. Вот они наконец поймали немецкий бомбардировщик, мы увидели наши истребители, а потом вдруг из немецкого самолета брызнуло пламя, повалил черный дым, и самолет стал падать, все ускоряясь, на землю. Мы кричали от радости, что наши сбили фашистский бомбардировщик.

Немцы методично старались поразить несколько целей в Горьком. Во-первых, они пытались попасть в большой мост через Оку, соединявший нашу (нагорную) часть города с Канавино, Сормово и автозаводом. Во-вторых, они бомбили сами эти заводы (одни из крупнейших в стране) и расположенный где-то неподалеку от автозавода 21-й завод, выпускавший истребители. И, конечно, они старались попасть в Кремль, где сидели горьковские начальники.

Наши дома были в километре от Кремля, поэтому потенциальная опасность быть разбомбленными для нас всегда оставалась. Но, видимо, артиллерия и авиация Красной Армии обороняли Горький очень мощно. Ведь громадный Горьковский автозавод имени Молотова, построенный при помощи американцев перед войной, был полностью перепрофилирован на выпуск танков и военных автомашин, а позже «Катюш», на Сормовском судостроительном заводе выпускали подлодки и военные суда, в Горьком была создана мощная инфраструктура промышленности, работавшей на нужды войны, и оборона Горького была в числе первоочередных задач.

В одну из ночей бомбежка Кремля и автозавода была особенно сильной. Мама в этот день уехала на весь день копать землю на выделенном для нас участке за Волгой. Из-за бомбежки перевозка пассажиров с той стороны Волги на нашу сторону была запрещена, и маме пришлось остаться до утра на том берегу. Володя с наступлением темноты убежал на крышу дежурить, и я один лежал в своей кроватке в маленькой комнате. Я не спал, когда вдруг надо мной посыпалась штукатурка. Оказалось, что немецкий снаряд, пущенный с самолета, попал в наш дом, пробил крышу и наискосок вышел из стены на шестом этаже прямо надо мной (наша квартира была на пятом этаже). Никого на крыше и внутри поврежденной квартиры этот снаряд не задел, но страху наделал много.

Интересно, что, по всей видимости, ту же самую ночную бомбежку наблюдала моя будущая жена Нина, которую ее мама привезла тогда на несколько дней в Горький. Отец Нины заканчивал обучение в танковом училище, расположенном не так далеко от нас на так называемой Мызе, и жена с дочерью приехали повидаться с ним перед отправкой на фронт. Нина, которой тогда было всего четыре года, запомнила на всю жизнь эти страшные картины немецкой бомбежки. Мне тогда шел шестой год.

16 октября 1941 года

В 1941 году без всякого со стороны родителей разрешения к нам были вселены особые гости. За несколько дней до этого в крайнюю семиметровку на нашем этаже въехала семья латышей (как говорили, жена предсовмина Латвии с сыном), а 16 октября 1941 года к нам утром пришел военный и сообщил маме, что к вечеру к нам вселят женщину с сыном, мы должны вынести все нужные нам вещи из маленькой комнаты, оставив там всю мебель. Этой женщиной оказалась жена кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК партии по идеологии и первого секретаря Московского горкома и обкома партии А. С. Щербакова Вера Константиновна. Она приехала к нам с девятилетним сыном Костей. В тот самый день мне исполнилось пять лет, так что Костик казался гораздо старше меня.

В тот год зима наступила раньше, чем обычно, и день 16 октября выдался снежным и холодным. Я отправился днем погулять, вышел к торцу нашего дома и увидел, что сквер рядом с Драмтеатром весь заставлен крытыми грузовиками, какими-то большими машинами, стоящими плотно друг к другу прямо на клумбах и газонах. Как потом мне объяснили, в этих грузовиках привезли из Москвы жен и маленьких детей самых крупных советских начальников, потому что была большая опасность, что немцы, подошедшие вплотную к столице, захватят ее. Вот Сталин и разрешил семьям руководителей страны срочно покинуть город. Горь-

кий был самым близким к Москве крупным промышленным городом, но пока еще находился далеко от линии фронта, а Москву отделяли от нее каких-то двадцать километров. Поэтому и привезли в Горький семьи московских начальников, чтобы дать им возможность пересидеть трудное время в относительно безопасном месте. Мне кажется, что вселили в наш дом только семью Щербакова и жену предсовмина Латвии. Много позже я сообразил, что случайности в таком расселении быть не могло, это означало, что местные власти доверяли папе и маме и понимали, что в нашей семье жене и сыну одного из вождей советского государства будет безопасно.

Говорило это подселение в нашу квартиру еще об одном важном обстоятельстве. Хотя Сталин и некоторые другие крупные руководители страны решили остаться в Москве в момент, когда к городу и к его ближайшим окраинам подступили немецкие войска, уверенности в том, что столицу удастся удержать, у вождей не было. Поэтому они и предпочли спасти хотя бы своих ближайших родственников, срочно эвакуировав их подальше и не очень позаботившись о комфортабельном устройстве на новом месте. Все-таки, что ни говори, назвать вполне благоустроенной маленькую двенадцатиметровую комнату в доме без достаточных удобств, да еще в соседстве с незнакомыми людьми, было нельзя. Такое поспешное решение о переселении родственников также доказывает, как плохо себе представляли высшие властители истинное положение дел на фронтах.

Мне казалось, что с начала войны и в течение нескольких послевоенных лет все или почти все люди в стране жили, испытывая нужду. Конечно, я не знал о расслоении общества на простых людей и начальство, видел только то, что творилось вокруг нас, а все соседские дети и вообще все мои знакомые жили примерно в одинаковых условиях. Но Щербаковым посыльные приносили какие-то перевязанные шпагатом коробки, завернутые в желтую бумагу. Вскоре оказалось, что это им приносят продукты, о существовании которых мы попросту ничего не знали. Квартирка у нас была маленькой, как я уже писал, кухни и ванной не было, а были две комнаты (одна 18 кв. м и другая 12 кв. м) и туалет. Никаких мусоропроводов заведено не было. Поэтому все, как мы называли их, очистки мама выбрасывала в ведерко, стоявшее в туалете под раковиной. И вот в этом ведре мы стали вдруг замечать выброшенные Верой Константиновной обрезки копченых колбас, мяса, а потом я узрел какие-то очень красивые, нежно-розовые аккуратно нарезанные кубики. Я таких в жизни не видел и спросил маму, а что это за чудо.

— Это пастила, — объяснила мне мама, — сладкая, как конфеты, и мягкая.

— А зачем же они ее выбросили? — с недоумением спросил я.

— Наверное, Костику она не понравилась, — ответила мама.

На следующий день мама поговорила с Верой Константиновной и попросила ее не выбрасывать никакие продукты, что та впоследствии и делала. Вообще мама вспоминала много лет позже, что хотя Щербакова-старшая вела очень замкнутый образ жизни, но была в меру приветлива. Как только немцы были отогнаны от Москвы Красной Армией, наши жильцы уехали к себе в Москву.

Спустя сорок лет после этих событий я услышал от двух людей рассказы о том дне, когда к нам подселили Щербаковых, о страшном в истории советского государства 16 октября 1941 года.

В середине 1980-х годов я подружился с писателем Георгием Николаевичем Владимовым. Одна из историй, рассказанных им, основана на словах маршала Г. К. Жукова.

В 1960-х годах Владимов помогал Константину Симонову, снимавшему фильм о первых месяцах войны с фашистами, и вместе с бригадой операторов и звукорежиссеров они приехали к Жукову на дачу в Подмосковье, чтобы взять у маршала интервью. Дачу окружала сосновая роща, деревья были старыми и мощными, Симонов и Жуков разместились на скамейке около дома, операторы начали налаживать аппаратуру для съемок и никак не могли найти хороший ракурс. День был солнечный, блики от веток падали на фигуры снимаемых, деревья мешали расставить камеры так, чтобы обеспечить нужный ракурс. Жуков вроде бы и не обращал внимания на все эти перемещения камер, на тихие разговоры операторов между собой. Однако, беседуя с писателем, он вдруг прервал разговор и спросил Симонова:

– Ну что они так мучаются? За это время могли бы спилить пару сосен, и все бы само собой решилось.

Такое «смелое» решение, конечно, могло прийти в голову только Жукову, известному своей беспощадностью ко всему, что стояло на его пути. В годы войны он мог отправить на гибель тысячи безропотных солдат, если это требовалось для выполнения «высших» задач, вот и сейчас ему в голову пришла такая простенькая мысль: мешают вековые деревья сделать хорошую съемку, — так спилите их к чертовой матери без всякого сожаления. Они же мешают, так и уберите их с дороги.

По словам Жукова, Сталин еще 15 октября 1941 года согласился с мыслью отдать фашистам Москву, приказав переместить из Москвы в Куйбышев партийных руководителей и советское правительство. Распоряжение начали выполнять, во дворах наркоматов жгли тонны архивных бумаг, готовили планы взрыва московского метро, уничтожения электростанций и крупных предприятий. Когда генерал Жуков приехал в Кремлевский кабинет Сталина и начал докладывать об обстановке на подступах к Москве, особенно на Западном фронте, Сталин ходил по кабинету, а генералу приказал сесть на диванчик у стены. В какой-то момент Жуков не смог удержаться от невероятной усталости (он не спал уже несколько суток подряд), видимо, повалился на бок и задремал.

Сталин подвинул к диванчику стул и поднял ноги генерала, неудобно повисшие с дивана, переместил их на этот стул и даже попытался стащить с них сапоги.

Однако после каких-нибудь десяти минут Жуков пришел снова в себя и стал докладывать дальше, после чего Сталин спросил, надо ли немедленно улетать из Москвы ему, ведь самолеты уже приготовлены и только ждут вылета. Жуков категорически запротестовал. Он объяснил, что факт «улепетывания» из Москвы все равно станет известным, слухи разнесутся, и тогда уже ничем нельзя будет поддержать дух солдат, которым пока их начальники твердят, что Сталин по-прежнему в Кремле, он следит за всем и руководит обороной. Якобы именно это строгое и в то же время очень эмоциональное объяснение Жукова удержало Сталина от рокового шага.

Уже на следующий день стремительное продвижение немецких войск к Москве было задержано на нескольких направлениях, а потом в оборону вступили полки добровольцев, через пару недель к Москве были подвезены свежие силы из сибирских, затем и дальневосточных полков. Ценой невероятных потерь удалось в конце концов отбросить гитлеровцев от древней столицы России.

Другую историю рассказала на многолюдном заседании 28 февраля 1983 года в Институте молекулярной биологии в Москве Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская, известный цитолог, член-корреспондент АМН СССР. Заседание вел директор института академик Владимир Александрович Энгельгардт.

В тот день 16 октября 1941 года, вспоминала Прокофьева, вместе с женой В. А. Энгельгардта Милицей Николаевной Любимовой они по поручению начальства выдавали в здании Президиума АН СССР на Ленинском проспекте сотрудникам Академии листочки с печатью АН СССР, позволявшие попасть на поезд-эшелон, отправлявшийся из Москвы в Среднюю Азию. Такая эвакуация сотрудников Академии Наук, не призванных в армию, и членов их семей представлялась важной советским властям.

Весь день к зданию, где Любимова и Прокофьева регистрировали отъезжающих, вписывали их фамилии в листочки и вручали их эвакуированным, стояла длинная очередь, тянущаяся по Нескучному саду. Поздним вечером напечатанные листочки кончились, тогда Милица Николаевна смогла заполучить печать Академии Наук и стала штампелевать чистые листочки бумаги, а Александра Алексеевна продолжала вписывать имена тех, кто еще оставался стоять в очереди на разрешения.

Завершили они свою работу поздно ночью, с трудом Прокофьева добрела до дома и, не раздеваясь, — сил уже не было, — повалилась на кровать. Разбудил ее телефонный звонок. Она взяла трубку и услышала голос брата, офицера-танкиста, полковника Военной Академии механизации и моторизации. Их академию в ту ночь эвакуировали в Ташкент.

Брат приказал ей немедленно собрать маленькую сумку с самыми необходимыми вещами и идти на Курский вокзал, там сказать оцепившим вокзал солдатам, что она жена военного командира, назвать его фамилию. Солдатам, сказал он, дана команда разыскивать тех офицеров, фамилии которых назовут их родственницы.

Я приведу дальше рассказ Александры Алексеевны в том виде, как я его записал (почти дословно) на том вечере (магнитофонную пленку с записью выступления Александры Алексеевны немедленно по окончании того выступления арестовали представители КГБ):

«Когда я подошла к огромной площади перед Курским вокзалом, я увидела жуткую картину. Была середина октября, но в Москве в тот год погода был зверски холодной, шел дождь вперемежку со снегом, асфальт на площади был покрыт глубокими грязными лужами, местами уже подмерзавшими, и в лужах на коленях стояли тысячи безмолвных людей, одетых в одинаковые серые робы, с опущенными головами. Была ночь, фонари на столбах вокруг площади не горели, но все равно можно было различить, что люди замерзают, однако вынуждены подчиняться тем, кто их заставил стоять на коленях в этой ужасающей грязи, в этом зверском холоде.

Я не обратила внимание на тех, кто охранял этих несчастных людей, но несомненно, что поставленных на коленях людей было в сто раз больше, чем охранников. Меня всегда удивляла и удивляет рабская покорность толпы, особенно в тяжелые годы испытаний. Но тогда я подумала, что эта покорность неправильна. Если бы эти люди поднялись и бросились на тех, кто их согнал в это место, они бы в миг разметали своих поработителей.

Я подошла к цепи солдат, окруживших весь вокзал и выстроившихся вдоль ступеней вокзала, и назвала фамилию моего брата. Вскоре он спустился по ступеням от входа, подошел ко мне, провел через цепь и проводил внутрь вокзала.

А там была совсем другая картина. Ярко светили лампы на потолке, было тепло, внутри находилось много хорошо одетых людей, на женах начальников были дорогие меховые шубки, шляпки, лица у всех были довольные. Даже радостные. С разных сторон слышался легкий смех, видимо, рассказывали анекдоты. Все ждали, когда к перрону подадут поезд.

Наконец, его подали. Публика без толкотни или паники направилась к выходам из зала, все знали номера своих вагонов, были указаны места, так что никакой нужды в спешке, давке не было. Мимо меня солдаты пронесли по перрону к грузовому вагону в голове состава аккуратно обернутые суконными одеялами и обвязанные веревками концертные рояли и большие хрустальные люстры. Было видно, что это вещи наиболее крупных военных командиров. Даже в эвакуацию они

отправляли своих жен и детей с предметами роскоши и нисколько этого не стеснялись»[3].

Уже позже я узнал, что в ту ночь действительно была дана команда доставить на площадь Курского вокзала заключенных из московских тюрем, чтобы отправить их в разные города и не допустить того, чтобы они попали в руки захватчиков. Впрочем, многих, особенно важных политических заключенных, в ту ночь просто расстреляли во дворах и подвалах тюрем. Поэтому то, что увидела Прокофьева-Бельговская на площади перед вокзалом, было не безмолвной толпой подчинившихся приказам безвольных людей, а заключенными, которых должны были в свинских вагонах развести по необъятным тюрьмам и лагерям Советской державы.

С апреля 1942 года папу мобилизовали, но по состоянию здоровья он не мог быть отправлен на фронт в действующую армию, и его определили военным комиссаром в Бутурлинский район Горьковской области. В июле 1942 года мама переехала со мной в Бутурлино, и мы прожили там до ноября, когда папу окончательно комиссовали как непригодного по состоянию здоровья к военной службе. Мы вернулись в Горький.

После войны

После окончания войны папа промаялся на нескольких не очень его удовлетворявших работах, а 25 февраля 1948 года ему, наконец-то, удалось устроиться по специальности: он стал создавать новую газету «За Сталинскую науку» в Горьковском университете, заняв должность ответственного секретаря редакции. Номинально редактором был назначен один из доцентов университета. Первый номер газеты вышел в марте 1948 года. Это была еженедельная многотиражная газета.

Горький в те годы был городом с особым режимом: въезд иностранцев в него был строжайшим образом запрещен, так как считалось, что

---

[3] История с вселением к нам в квартиру жены и сына главы Московского горкома и обкома партии, члена Политбюро ЦК А. С. Щербакова противоречит рассказу Прокофьевой-Бельговской. Семью крупнейшего партийного вождя страны вывезли из Москвы в эту ночь спешно, в кузове грузовика, без вещей, подселили к нам в квартиру без нужных удобств, а согласно Прокофьевой, семьи крупных военачальников спокойно размещались в мягких вагонах, подчиненные им солдаты успевали запаковать хрустальные люстры и рояли, всё это «барахло» надежно следовало вместе с начальственными женами. Остается только думать, что партийная верхушка страны была оторвана от реальности (и от надлежащего контроля за ресурсами), а крупным военным начальничкам в Москве эти ресурсы были доступны, их семьям спешно драпать из Москвы нужды не было.

концентрация секретных предприятий (в том числе закрытых научных учреждений) была едва ли не самой плотной в Стране Советов. Сообразуясь с этим статусом закрытого города, власти ссылали в него неблагонадежных людей, и Горький стал местом жительства многих выдающихся ученых, отправленных сюда за разные грехи (эта практика продолжалась до конца 1970-х годов, всем памятна ссылка академика А. Д. Сахарова в этот город уже в годы брежневского правления). В описываемые мною годы в Горьком работали выдающиеся физики академик А. А. Андронов, профессора В. Л. Гинзбург (ставший позже, после переезда в Москву, академиком и затем Нобелевским лауреатом), Г. С. Горелик (позже профессор Московского Физтеха), М. Т. Грехова (создатель оригинального радиофизического направления в России и мать сразу двух членов Академии Наук) и ее муж профессор-физик В. И. Гапонов, Н. В. Белов и А. В. Шубников (оба внесли огромный вклад в создание кристаллографии, в будущем академики); физики-теоретики М. Л. Левин, Д. А. Франк-Каменецкий и будущий академик Е. Л. Фейнберг приезжали читать лекции и вести семинары. В университете работали биологи С. С. Четвериков, С. С. Станков (в будущем зав. кафедрой в МГУ), И. И. Пузанов (крупнейший зоолог, в августе 1947 года ставший зав. кафедрой Одесского университета), член-корреспондент АН СССР А. Д. Некрасов (крупнейший в стране специалист по эволюционному учению Дарвина), математики А. Г. Майер, Ю. И. Неймарк и сестра академика М. А. Леонтовича Е. А. Леонтович, химик Г. А. Разуваев (будущий академик, лауреат Ленинской и Сталинской премии, Герой социалистического труда, попавший в Горький после 10 лет заключения в сталинских лагерях и утверждавший, кстати, что Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» изобразил курорт). Все они преподавали в университете, и потому газета «За Сталинскую науку» помогла папе войти в контакт с лучшими людьми советской науки.

Но туберкулез у папы прогрессировал. Все чаще ему приходилось брать больничный, его стали направлять в санатории для туберкулезных больных, чтобы поддержать организм.

Незадолго до своей кончины папа вдруг спросил маму, не хочет ли она сходить в церковь и помолиться за его выздоровление. Никогда раньше у него религиозных порывов никто не замечал. Скажу больше, когда в Юрьевце бабушка окрестила меня в их церкви и стала моей крестной матерью, она подарила маленькую иконку Спасителя. Я с ней приехал в Горький и, войдя в нашу квартиру, подбежал поцеловать папу, лежавшего на своем обычном месте. Я сказал, что меня крестили, и вынул из кармана эту иконку. Папа не то чтобы нахмурился, а как-то смутился и сказал:

— Так. Сын старого большевика обратился к религии. Интересно.

Он не ругал меня, даже не гневался, но мне показалось, что радости не испытал. И вот вдруг через год, когда отец почувствовал, что силы его покидают, мысль о Боге пришла ему в голову. Но мама, как и он, была

атеисткой и от предложения посетить церковь отказалась. Я никогда от нее и позже не слышал ни слова о Боге — ни за, ни против. Эти вопросы оставались за пределами ее рассуждений до последней минуты.

Папа умирал в санатории-больнице для туберкулезников. Мы с мамой приехали к нему за неделю до смерти. Он лежал в постели, попытался встать, чтобы выйти с нами из палаты, где было еще трое больных, но мама не дала ему этого сделать. Было видно, с каким трудом дается ему каждое движение, а я слышал, как сипит и клокочет у него в груди при каждом вздохе и выдыхе. Он сказал мне что-то очень ласковое, и я вновь почувствовал, что он меня любит сильно и надеется на то, что я не вырасту хлюпиком. Он ведь всегда внушал мне мысли о том, что надо противостоять нападкам, уметь защищаться и не бояться ничего на свете. Он учил меня не быть мелочным.

Мне показалось в тот приезд, что папа, несмотря на болезнь, полон оптимизма. Он даже спел маме тихим голосом куплет из популярной тогда песни фронтового шофера: «Помирать нам рановато, Есть у нас еще дома дела».

Позже я понял, что папа не играл в оптимизм, а, чувствуя приближение смерти, хотел хоть на время, хоть на минуту успокоить маму. Но, наверное, и мама чувствовала, что дела совсем плохи, и, когда мы ехали на электричке в Горький из Гороховца, где располагался туберкулезный санаторий, она плакала, а я неумело пытался утешать ее. А потом у нас дома раздался телефонный звонок, и мы услышали, что ночью 1 июня 1950 года папа скончался. Было ему 52 года. Мне тогда исполнилось тринадцать лет.

Задумываясь сегодня о судьбе отца, не могу не признать, что своей жизнью он доказал, как был талантлив, как умел создавать на пустом месте новые газеты, как был готов постоянно карабкаться вверх, не расслабляться ни при каких обстоятельствах. С раннего возраста и до последнего вздоха он был вынужден непрестанно бороться с такими трудностями, которые могли свалить любого человека. А он с мальчишеских лет находил силы противостоять невзгодам, не сдаваться ни во время ареста в царское время, ни в кабинетах следователей НКВД, ни позже, когда болезнь брала верх.

Нельзя не отметить и другого: как властно обходились с ним коммунистические начальники. Ему не дали закончить ВКИЖ, неоднократно насильственно перебрасывали с одной должности на другую. Длинное перечисление всех его перемещений по службе в связи с приказами начальства, переездов с места на место, новых назначений может утомлять, но только полный рассказ об этих шараханиях позволяет показать, что интересы человека ничего не стоили в годы коммунистического владычества. Ведь не зря товарищ Сталин провозглашал, что каждый человек — это не больше, чем винтик государственного механизма. Понадобится — и один винтик можно играючи заменить другим. Вот и

срывали папу каждые два-три года с удачно начатого дела и перемещали на новое место, чтобы решать свои пропагандистские задачи, а его личные профессиональные интересы ничего не значили в годы «коммунистического рая на земле». Лозунги о расцвете личности при социализме оставались пустой болтовней.

Папа всю жизнь был занят делами, с утра до позднего вечера пропадал на работе. Я бросался к входной двери, когда он, усталый и голодный, возвращался с работы. Я ждал, пока он снимет свое старое тяжелое пальто с длинным воротником (как говорили, шалькой), стянет галоши со штиблет или снимет фетровые бурки. Он носил галифе, на голове была далеко не новая шапка, а пиджак у него был один (в шкафу висел, правда, еще один пиджак, белый, из так называемой китайской чесучи; его купили очень давно, наверное, до моего рождения, и при мне папа его так никогда и не надел, как и мама никогда не надевала висевшее рядом платье из какого-то тонкого материала). Праздники в семье были, их отмечали улыбками и добрыми словами, но ни пиршеств, ни даже приличных обедов и ужинов, когда от стола «пирующие» отходили бы потому, что слишком сытно поели и «перебрали съестного», никогда не было. О театре, концертах, поездках на отдых и речь не могла зайти: это было за пределом возможностей.

В более поздние годы в моем мозгу возникали картины, как папа еще в моем раннем детстве стоял у моей детской кроватки, когда я болел (мне кажется, что я помню время, когда я еще не ходил, а только лежал, а папа возвышался надо мной и улыбался и что-то мне говорил ласковое). В возрасте лет пяти или шести я тяжело заболел, был помещен в больницу из-за проблем с почками, меня кормили несоленой пищей, и я ненавижу ее до сей поры. Я помню, что моя кровать стояла в глубине полутемной палаты, у дальней стены напротив двери, и вот дверь отворяется и входит папа. Он принес мне довольно толстую книжку без картинок, я еще еле разбирал буквы, но папа дал мне эту книжку и попросил меня постараться читать. Мы начали это занятие вместе, прочли наверное с полстраницы, потом он ушел, а я читал дальше и дальше, все лучше и лучше справляясь с буквами и построением слов из них, и это занятие меня захватило. Я полюбил чтение навсегда.

Я вспоминал, как, уже оказавшись дома, но еще все болея, я получил от папы еще один подарок — опять книгу: это были сказки Андерсена. В книжке были картинки, как будто кто-то пером нацарапал силуэты людей, домов и церквей. Я читал эту книгу много дней, лежа в постели, а потом стал вставать, и мне захотелось узнать, какую роль играют нитки, которые находились в глубине некоторых страниц, на их сгибе. Я встал, взял тонкие мамины ножницы и все их разрезал. Страницы рассыпались, я попробовал их разложить в правильном порядке, но, сколько ни бился, из этого так ничего и не вышло. Я перебирал страницы, чтобы их номера шли один за другим, но восстановить нумерацию не смог (да

и с цифрами мне было еще трудновато). Мне стало страшно, что папа меня разругает, поэтому я засунул все листки под матрац, а когда окончательно встал после болезни, то постарался незаметно выкинуть всю изуродованную книжку на улице в помойный бак.

Уже я стал постарше, лет наверное одиннадцати, и меня однажды ударил во дворе кто-то из соседских мальчиков в нос, он разбух и покраснел. Папа уже был смертельно болен и почти постоянно лежал на диване. Когда мама открыла мне дверь домой, она сразу увидела, что нос у меня разбит, и заохала, а папа тут же позвал меня от порога к себе и сказал очень серьезно:

— Леронька, всегда бей первым. Бей в носатку до кровянки. Понял? В носатку до кровянки.

Мама начала причитать и возмущаться:

— Коля! Чему ты учишь ребенка? Как так — бей? Надо уходить от места, где дерутся, и не лезть на рожон.

А папа приподнял голову с подушки, посмотрел мне в глаза и снова повторил свое назидание:

— Если дело дошло до драки, то бей первым, цельсь в нос и старайся, чтобы у противника первым брызнула кровь. Тогда от тебя отстанут. Будь смелым.

Он хотел, чтобы, вырастая, я учился постоять за себя.

Ему я обязан любви к книгам, журналам, вообще к издательскому делу. Я помню, как папа в те годы, когда он работал в редакциях, несколько раз брал меня с собой в Горьковскую типографию где-то на улице Фигнер. Он показал мне, как в ящик размером с газету можно вкладывать одну за другой металлические (по-моему, оловянные) буквы, набитые на деревянную основу, и формировать слова. Чтобы сделать текст более видимым, можно вставлять между буквами пустые деревяшки, и тогда это называется набирать текст со шпонами. Заголовки нужно набирать буквами большего размера, а текст меньшими. У папы были красивые альбомы с образцами разных шрифтов, он всегда давал мне их посмотреть, и я знал, чем петит отличается от нонпарели, что значит курсив, что делает наборщик, а что метранпаж. Позже он показал мне огромную машину линотип, которая сама отливала полоски из металла размером в длину столбца в газете. Наборщик сидел и как бы печатал на машинке, а затем в недрах линотипа из напечатанного текста получались эти металлические полоски, выходившие из машины еще горячими. Папа даже предложил мне самому набрать три слова — «Валерий Николаевич Сойфер», проверил, что я не наделал ошибок, а потом вручил мне эту металлическую отливку, еще теплую и остывавшую в моих руках. Я много лет хранил ее у себя в столе.

Когда уже в зрелые годы я попытался проанализировать, кто, как и благодаря каким событиям повлиял более всего на становление моего характера, я пришел к вполне отчетливому выводу, что три важных ка-

чества привил мне отец: любовь к чтению и уважение к книге, стремление отстаивать собственное мнение, не боясь постоять за себя в трудные моменты жизни, и жадный интерес к созданию нового. Конечно, надо сказать и еще об одном свойстве, ставшем так существенным для меня уже в более поздние годы, через много лет после смерти папы: именно от отца ко мне передалось желание писать статьи, потом книги. Мама любила читать и ценила книги, но страстью к писательству я обязан отцу — и его личному примеру, и, возможно, его генам.

После смерти папы мы с мамой остались вдвоем. Брат Володя уже жил в Москве. Он был старше меня почти на семь лет, блестяще учился в школе и закончил ее в 1948 году с золотой медалью за два года до смерти папы. В то же лето смог поступить на недавно открытый физико-технический факультет Московского университета. Экзамены у него сначала принимали в Горьком, а потом ему пришлось пройти через испытания в Москве. Этот факультет МГУ вскоре переименовали в знаменитый теперь Московский физико-технический институт (сейчас к названию добавили — технический университет). Это был самый престижный естественно-научный вуз страны, студентам этого института выдавали огромную по тем временам стипендию, так что Володя относительно безбедно жил в Москве.

А вот нам с мамой пришлось нелегко. Хотя нам обоим назначили персональную пенсию Совета Министров РСФСР как членам семьи коммуниста с дореволюционным партийным стажем (маме пожизненно, мне до окончания высшего образования), но пенсия была мизерной — 300 тогдашних рублей на двоих. На эти деньги можно было купить на рынке две буханки хлеба, а на них месяц не проживешь. Маме пришлось устроиться уборщицей сразу в двух местах, мы перебивались, как говорится, с хлеба на воду, практически голодали, но как-то выжили.

И все-таки материально мы жили очень плохо. Мама часто вспоминала, как папа говорил ей при жизни:

— Аничка! Пока я жив, ты обеспечена.

И действительно, пусть бедно, пусть без разносолов и без покупок вещей, но мы тянулись как-то на папину зарплату. После его смерти нам часто с мамой приходилось туго. Дней, когда живот подтягивало от голода, было много. Однако на моих глазах мама никогда не позволяла себе нервных жестов, заламывания рук или причитаний на темы нашей бедности. Она ни разу в жизни не позволила себе обсуждать нашу нищету. Она сумела привить мне важное житейское правило — обходиться тем, что есть в наличии сейчас, в данную минуту, уметь радоваться даже пустяшным приобретениям. О больших все равно и мечтать не стоило. Только с годами я понял, как это было важно, сколь достойной была эта житейская философия. Ведь жадность и зависть нередко толкали слабых людей на уловки такого рода, которые кончались плохо.

За сутки до смерти мамы в 1975 году я просидел всю ночь у ее постели и расспрашивал о разных разностях. Спросил и о том, как мы смогли прожить и не погибнуть после смерти папы.

— Я никогда не знала, что мы будем есть завтра, и ложилась спать с тяжелым чувством, — сказала мама. — Но приходил новый день, как-то удавалось выкручиваться, и так продолжалось несколько лет.

В момент смерти папы маме исполнилось сорок семь лет. Она без труда могла устроить свою личную жизнь, но не сделала этого. На моих глазах вскоре после папиной кончины к ней сватались два наших соседа — солидный бухгалтер Барахов (он жил в нашем же доме на втором этаже) и еще один сосед из второго корпуса «Домов Коммуны». Но спокойно и достойно мама сразу же отказала обоим. Мы продолжали жить вдвоем, и никогда мама не оставляла меня, посвятив мне всю свою жизнь до последней минуты.

Когда я уехал учиться в Москву, то стал жить на студенческую стипендию в 220, а затем 290 рублей, а мама продолжала получать пенсию в 300 рублей, у нас был загородный участок в 300 квадратных метров, гордо именовавшийся садом (он был в садовом кооперативе старых большевиков города Горького), и мама старалась за лето вырастить там что-то, кроме яблок, вишни, смородины, клубники и крыжовника (часть урожая она продавала соседкам по дому и этим добавляла хоть какие-то средства к нищенской пенсии). Жизнь у нее была тяжелой, через три года после моего отъезда она заболела диабетом, наверняка очень страдала из-за разлуки с сыновьями, но не показывала мне этого, всегда оставалась бодрой и активной.

Я знал, конечно, что папа меня очень любит, и я его любил, его воздействие на меня было очень сильным, но вместе с тем многими своими положительными качествами я обязан маме. Ведь с ранних дней и до тридцати девяти лет я был постоянно на глазах у мамы.

С детства она делала все так, чтобы я был под ее неусыпным присмотром, следила за тем, чтобы я вовремя сделал уроки, проверяла дневник. Пока был жив папа, на родительские собрания они иногда ходили вместе, а в старших классах мама, по-моему, перестала ходить на эти собрания и просто следила за моими отметками в школе, подписывала дневник.

Мне казалось, что она умеет делать все на свете, — все, что нужно делать взрослому человеку в жизни, — и этот пример был для меня решающим. Весь день она что-то готовила, гладила, убирала, мыла. Она справлялась со всем на нашем садовом участке, и всегда там вырастало все, к чему прикасались ее руки. Поздно вечером дома она садилась к лампе и читала книгу или новый журнал. К ней часто приходили соседки за разными советами, и я знал, что они с вниманием относятся к ее рассуждениям.

Она никогда не хитрила в мелочах, терпеть не могла склочников и сутяг, старалась всегда быть внешне спокойной и выдержанной. Скан-

далов или разбирательств с криками и взаимными нападками в семье не было никогда, ни разу. Она не была плаксивой, и я помню небольшое число случаев, когда она плакала: нужно было сильно задеть ее чувства, чтобы выжать из нее слезу. Такой пример самообладания и самоуважения воспитывал лучше, чем любые нравоучения и натаскивания.

В те годы при домоуправлении «Домов Коммуны» были созданы всевозможные комиссии, составленные из активных и грамотных жильцов, общественность и на самом деле принимала посильное участие во многих локальных начинаниях, и маму на собраниях жители домов всегда выбирали в состав этих комиссий. А ведь она не была членом партии и не занимала никаких постов, но просто соседи знали ее характер и доверяли ей. Вот как ее оценивали в 1950 году:

ХАРАКТЕРИСТИКА

Тов. Кузнецова Анна Александровна с 1933 г. проживает в д/управлении № 61, Свердловского района. За это время она проявила себя как хороший общественный работник. С 1935 г. по 1942 г. вела работу МОПРа [Международная организация помощи борцам революции — коммунистическая благотворительная организация, созданная по решению Коминтерна. — *В. С.*], за эту работу 15/III-1939 г. РК МОПР награждена грамотой «Лучшему ударнику». Одновременно работала в комиссии содействия Госстраха по индивидуальному страхованию жизни среди домохозяек. В 1936 г. организовала сбор средств по домоуправлению для испанских детей. В годы Отечественной войны принимала участие в организации сборов денежных средств для семей погибших воинов и подарков фронтовикам. Работала в госпитале по переноске из машин раненых, прибывших с фронтов Отечественной войны. С 1949 г. по данное время является председателем родительского комитета.

Во всех общественных мероприятиях, проводимых домоуправлением, проявила себя энергичным, инициативным работником.

Депутат Свердловского Районного Совета депутатов трудящихся, Управляющая 61 д/управлением Черепенина

Когда у нас что-то ломалось, мама доставала из ящика инструменты, разбирала утюг или электрическую плитку, или какой-то другой прибор, находила повреждение и чинила. Еду мы готовили на электрической плитке, стоявшей на письменном столе в большой комнате, или керосинке, располагавшейся в туалете. В плитке часто перегорали спирали, и тогда мама, вооружившись плоскогубцами и ножницами по металлу, вырезала небольшую полоску из алюминиевой пластинки, сгибала ее

плоскогубцами, вставляла в сгиб соединенные вместе концы перегоревшей спирали и обкручивала конец пластинки вокруг зажатого места. Забавно, что некоторые наши соседи-мужчины, вроде Павла Абрамовича Вышкинда, нередко несли свои поломанные утюги или плитки маме с просьбой посмотреть их и, если можно, починить, что мама всегда с готовностью делала.

После окончания войны наши квартиры нуждались в ремонте: потолки закоптились, краска на стенах облупилась, полы рассохлись, и краска на них стерлась. Люди позажиточнее стали приглашать мастеров для ремонта, у нас же денег на это не было, но и жить дальше в таких неприглядных условиях было невозможно. Мама купила на рынке две кисти — одну для побелки и покраски стен, другую для окрашивания масляной краской пола, и мы начали наш бесконечный ремонт. Сначала мама купила книжку «Сделай сам. Тысяча советов». Мы стали штудировать нужные нам разделы, потом приобрели медный купорос, мел, клей, красители для стен, шпатель и еще какие-то простенькие подручные инструменты. Первым делом мы научились размывать старые стены и потолки, купоросить, потом белить. Надо было так вести кисть по потолку и по стене, чтобы побелка или краска не текла, чтобы стежок за стежком ложились ровными и прямыми. Поначалу все нам казалось ужасным, но мама повторяла старую истину «храбрость города берет» и, в конце концов, мы научились справляться с нехитрыми проблемами косметических ремонтов. А потом пошли дела посерьезнее.

Когда потолки и стены заблестели, в глаза стали бросаться ужасные почерневшие провода электрической проводки, которые были надеты на белые фарфоровые держалки, привернутые шурупами к потолкам и стенам. Мы решили спрятать всю электрическую проводку внутрь штукатурки. Мы стали прорезать ниши в стенной и потолочной штукатурке, запрятывать провода в требуемую ГОСТом изоляцию, а потом все провода углублять в ниши и замазывать их алебастровым раствором. Мама очень аккуратно затирала старые и новые места, так что, когда мы покрасили стены и потолки заново, все поверхности стали ровными и гладкими, и наши варварские усилия по прорезке штукатурки скрылись полностью. После этого многие наши соседи решили проделать то же самое в своих квартирах, но уже руками мастеров, потратив на это большие деньги.

Эти уроки «рукоделия» очень пригодились мне в последующей жизни. Когда мы с женой оказались уволенными с работы за мои усилия по защите прав человека в СССР, я стал зарабатывать на жизнь ремонтом квартир и приносил домой больше денег, чем была моя зарплата даже в годы, когда я был замдиректора академического института. Когда мы оказались в Америке и купили сначала дом в Коламбусе, а потом в пригороде Вашингтона, то многие, даже очень капитальные вещи, вроде переноса стен, укладки паркета или плитки, строительства бетонных стен

вокруг бассейна, мы делали своими руками, экономя огромные средства. И я часто вспоминал в связи с этим маму, научившую меня «ремонтам», прививщую с детства уверенность в том, что, почитав книжки и узнав хитрости любого мастерства, можно и самому справляться с трудностями.

Летние месяцы в доме бабушки и дедушки

Родители мамы — мои бабушка и дедушка — сыграли в жизни моей и моих двоюродных сестер и братьев совершенно уникальную роль. Я уже упоминал несколько раз, что, например, наша семья, начиная с какого-то времени (более точно, с 1947 года), жила впроголодь и я ждал летних каникул, когда мама брала или нас обоих с братом, или меня одного, и мы ехали в Юрьевец. После смерти папы эти поездки стали особенно важными. Большой приусадебный участок позволял выращивать много картошки, свеклы, моркови, капусты, в лесах вокруг было полно грибов, на Волге ловили рыбу, бабушка держала в хозяйстве корову и поросят. Поэтому в доме всегда был относительный достаток, еда была простой, но она была всегда. И вот орава полуголодных внучек и внуков наезжала к бабушке и дедушке и поселялась, в основном, на высоком сеновале, где вповалку спали члены сразу нескольких семей.

Сбор всей кузнецовской семьи был истинным праздником, к нам, малышам, часто присоединялись дядя Толя, тетя Лиза и тетя Галя, так что на сеновале оказывалось нас человек десять, а то и двенадцать. Тетя Рита с мужем Юрой жили в доме, иногда в сенях дома в чулане оставляли спать меня, но чаще всего все приехавшие собирались на этой верхотуре, на сеновал влезали по приставной лестнице, и там после того, как смеркалось, начинались рассказы страшных историй, или анекдотов, или устраивались розыгрыши, кончавшиеся всеобщим хохотом. По вечерам вообще на сеновале стоял такой хохот, что на крыльце появлялся дедушка в нижнем белье и своим могучим баритоном кричал что-нибудь такое суровое, что все замолкали. Он всегда оставался непререкаемым и грозным авторитетом.

Часто ранним-ранним утром все отправлялись в лес по грибы. Из всех видов грибов ценились подосиновики, подберезовики и, конечно, более всего белые. За грибами надо было выйти не позднее пяти утра («или все грибы до вас оберут, лежебоки», — приговаривала бабушка). Младшим страшно хотелось спать, но всех поднимали без сожаления, каждый брал в сенях дома по лукошку, и вся кузнецовская бригада разбредалась по окрестным лесам.

Иногда, если дедушке позволяло время, он шел с нами. Он был ужасно честолюбив и не мог возвратиться домой без полного лукошка, потому что там бы его засмеяла бабушка, которая подсмеивалась и язвила вроде бы тихо, но дедушка этого при своем заносчивом характере вы-

нести не мог. Поэтому он бодрым шагом буквально убегал от всех в сторону, чтобы не быть на глазах у детей и внуков, находил каких-то других грибников и начинал торговаться с ними в попытках купить грибов, да побольше белых. На его несчастье из-за какой-нибудь сосны выглядывала голова кого-нибудь из его детей, и те начинали подтрунивать над отцом. Он начинал как-то негромко отшучиваться, заметно сердиться, домой вся компания возвращалась с хохотом и сообщала бабушке:

— Мам, ты папе не верь. Ничего он не нашел, а скупил все у Петровны из дома рядом с кузницей.

Тут уж наступал час бабушки, и она начинала «прорабатывать» мужа:

— И не стыдно тебе, Саша. Мышей-то ловить разучился!

В годы моего детства дедушка и бабушка держали огромную свирепую немецкую овчарку по имени Рекс. Я обожал Рекса, теребил его, чесал ему шерсть, подкармливал, чем мог, иногда влезал в его огромную конуру и чистил ее внутри, а иногда ложился в ней рядом с Рексом, и тогда этот огромный пес затихал и боялся пошевелиться. Иногда, если все семейство собиралось в лес, дедушка разрешал мне вывести Рекса за ворота, взять его на поводок (Рекс, по-моему, слушался в семье только меня и никого больше) и идти с ним в лес. Там, несмотря на страх моих тетушек (особенно часто причитала тетя Лиза, что Рекс, будучи собакой диковатой и никогда на волю не отпускаемой, обязательно сбежит, если ее отцепить от поводка), я спускал Рекса. Умная собака начинала бегать по кругу, но никогда никуда не убегала и по моему зову беспрекословно возвращалась.

Однажды, когда я учился в седьмом или восьмом классе, я не мог приехать в Юрьевец летом. На следующий год все-таки время и деньги на дорогу нашлись, и я отправился туда. Пароход приходил в Юрьевец рано утром, часов в пять или в половине шестого, город еще спал. Я подошел к воротам дедушкиного дома и тронул щеколду ворот. Рекс бешено залаял, я услышал, как бабушка вышла на крыльцо, ведущее внутрь двора, спросить, кто там, трогает щеколду, и я успел лишь сказать: «Рексонька», — как пес мгновенно распознал мой голос и стал скулить, как маленький.

Когда бабушка открыла мне калитку и я вошел внутрь двора, Рекс бросился на меня, поставил обе огромные передние лапы мне на плечи и долго лизал мне лицо и слегка подвывал от счастья. Оказалось, что, даже спустя долгое время, он помнил мой голос и по одному лишь слову признал меня как родного[4].

---

[4] Хочу заметить, что у меня в очень раннем возрасте проявилась любовь к собакам (любители одной «теории» могут сказать, что видимо в предыдущей жизни я был не червяком, а собакой). Мама вспоминала, что в соседнем с нами доме в Горьком жил один из известных артистов театра драмы, у которого

Один раз я спас дедушку почти что от гибели. Когда в Юрьевце была открыта церковь и дедушка стал церковным старостой, ему пришлось время от времени принимать дома всякое районное начальство, которое использовало такие «приходы», чтобы на халяву напиться. В обычное время дедушка не баловался спиртным, но тут, для поддержания компании, приходилось оставаться наравне с районными начальничками, которые, как правило, были запойными пьяницами и прощелыгами. Если такие гости нагрянывали внезапно, и я был в Юрьевце, то дедушка обращался ко мне со словами:

– Ну-ка, Валерка, одна нога там, другая здесь, сгоняй под гору в магазин и принеси поллитру.

Продавать спиртное несовершеннолетним по закону было запрещено, но непостижимым для меня образом местные продавщицы все про меня знали и говорили друг к другу:

– Вона, Ляксандра Васильича мнучек из Горького, Нюрин сын, прибежал. Видно у Ляксандра Васильича гости.

Я сообщал, сколько мне поллитров заказали, давал выданные дедушкой деньги, мне вручали все просимое и никогда не обсчитывали. Бегом я бежал снизу, от рыночных старинных юрьевецких «торговых рядов», на верх нашей горы, и дедушка моей расторопности всегда радовался.

был огромный свирепый по виду дог. Однажды, когда мне было меньше трех лет, мама пошла со мной погулять в сквер около этого театра, её встретила подруга, они начали разговаривать, оставив меня на мгновение одного, и я тут же повис на шее у этого пса. Собака замерла на месте; наверное, мы составляли замечательную парочку. Мама обернулась, увидела эту картину и пришла в ужас, а и громадная собака, и мамин сын были взаимно счастливы. Спустя лет десять я стал часто использовать дорожку этого же сквера вместо беговой дорожки стадиона и десяток раз обегал сквер, полагая, что тренируюсь на длинные дистанции. Однажды во время этого занятия я оказался в компании маленького мохнатенького черненького пёсика, «соревновавшегося» со мной. Я остановился, чтобы погладить это чудесное создание, познакомился с его хозяином, которого увидел в первый раз в жизни, и мы договорились, что на следующий день я еще раз «потренируюсь» вместе с его собачкой, носившей смешное имя «Кляксa». Они с хозяином жили около двух недель в расположенной рядом гостинице «Москва». Я стал после школы заходить в вестибюль гостиницы и ждать новых знакомых, а потом мы отправлялись на часовую прогулку, чаще всего по улице Свердлова до Кремля и обратно. Наши походы регулярно повторялись, хозяин собачки представился Михаилом Николаевичем Румянцевым. Я в детстве не бывал в цирке, телевизоров еще не было, и я не знал, что на арене цирка этого человека звали Карандашом. В тот год будущий Народный артист СССР, учитель Никулина и Шуйдина Карандаш и его знаменитая Клякса приезжали на гастроли в Горький. Лишь несколько лет позже я увидел их в телевизионной передаче и понял, с кем мы прогуливались и так по-доброму беседовали.

Однажды, проводив таких гостей, дедушка зачем-то (обстоятельства этого совсем не требовали) решил отвести Рекса со двора в огород, который был отделен навесом для дров. Он отцепил Рекса от протянутой через весь двор толстой проволоки, к которой Рекс был прицеплен поводком, и повел в сад. Он зашел с ним за баню, там Рекс куда-то потянулся, а разгоряченный водочными парами дедушка рванул поводок собаки на себя и, видимо, дохнул спиртным перегаром на Рекса. Собаки иногда звереют от такого дыхания, и, вероятно, это случилось в тот момент и с Рексом. Он бросился на дедушку, пытаясь вцепиться ему в горло. Дедушка заорал диким голосом:

– Валерко!!!

Я в этот момент был занят неблагородным делом. Позади дома в противоположном конце сада росла яблоня со сладкими сочными яблоками, которые только что созрели. Нам разрешено было собирать и поедать любое количество упавших на землю яблок, а я влез на нижнюю ветку и пытался сорвать прямо с дерева понравившееся мне яблоко. От крика дедушки я свалился на землю и побежал, стремглав, на крик. Дедушка уже лежал на земле, Рекс подбирался с урчанием к его горлу, а дедушка, ослабев, еле отбивался от собаки. Я подскочил, дал оплеуху Рексу прямо по морде, он заскулил и отошел от лежащего.

К чести дедушки, наказаний Рексу не последовало. Ведь собака не виновата в своих инстинктах, и дедушка это осознал. Меня же он после этого случая стал ценить даже больше. Я и так знал, что я его самый любимый внук, но после того случая у нас установились с ним особенно доверительные отношения. В последний год его жизни, когда мы как-то остались вдвоем в доме, он вдруг строгим голосом попросил меня сесть на табуретку в кухне напротив него и очень серьезно стал объяснять, что я должен всегда знать, что Сталин — это деспот и просто преступник, что в партии большевиков были честные люди, которые хотели добра народу — Рыков и Бухарин, — но Сталин их безжалостно уничтожил, и что мне нужно это хорошенько запомнить.

– Никто не должен знать, что я тебе сказал сейчас, но помни всегда то, что я тебе сейчас сказал, всю жизнь не забывай мои слова, ведь ты мой любимый внук, и я хочу, чтобы ты не наделал в жизни ошибок из-за незнания, — внушал он.

Беседы в редакции

Мария КАЛИНИНА

НАУКА И РЕЛИГИЯ: «ПОГРАНИЧНЫЕ ВОПРОСЫ»

От редакции

Люди, подобные нашей сегодняшней собеседнице Марии Александровне Калининой, встречаются сегодня нечасто. Она кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник Института физической химии и электрохимии РАН, специалист в области физической химии поверхностных явлений, то есть серьезный ученый — человек, всецело посвятивший себя науке. И в то же время Мария Александровна — постоянный сотрудник Христианского церковно-общественного радиоканала «София» [1]: автор и ведущая программы «Плоды просвещения» католической студии «Дар». Круг интересов нашей гостьи, постоянная тема ее радиопрограмм — пограничные вопросы веры и науки, их кажущаяся несовместимость и возможность диалога между ними.

Полагаем, что познакомиться с размышлениями нашей гостьи на эту важную тему читателям «Континента» будет особенно интересно — именно потому, что в основе их лежит действительно уникальный личный опыт — современного научного работника-христианина.

И первый наш вопрос был связан именно с уникальностью такого совмещения.

— Как Вам это удается?

— Что касается меня лично, то совмещение христианской веры с моим профессиональным занятием, то есть наукой, я ощущаю вполне естественным. Мне кажется, что современный верующий человек может мирно и с большой пользой для своего духовного развития сочетать в своем мировоззрении веру и науку. Несмотря на то, что наука нашего времени, как кажется, подошла вплотную к той границе, где кончается физика и начинается метафизика. И в этом смысле такой опыт — это своего рода опыт пограничный, который, однако, отнюдь не приводит к раздвоению личности и ее внутреннему конфликту, как это могло бы показаться со стороны и как в том довольно часто подозревают веру-

[1] http://radiosofia.ru/audio.html

ющих ученых люди материалистического склада. Тем не менее должна заметить, что уникальность верующего ученого характерна скорее для нашей страны после 70-ти лет научного атеизма как части государственной идеологии, а в западных университетах такие ученые — не настолько необычно явление, там верующих ученых-естественников хватает, хотя за последние десятилетия их число существенно уменьшилось.

— Тема нашего разговора — отношения между наукой и религией. Точнее, конфликт между ними. Ведь, если не ошибаюсь, большинство современных людей считают, что конфликт — это чуть ли не единственно возможный способ сосуществования научного и религиозного мировоззрений, а зачастую и их носителей.

— Я хотела бы особо подчеркнуть, что ни в коей мере не претендую ни на изложение учения Католической церкви, ни на обсуждение науки с позиций богословия или рассмотрение богословских положений в свете научных данных. Вряд ли то, что я могу сказать, претендует и на универсальность, безупречность, глубину анализа или философскую новизну. Это результат моих личных размышлений, моих собственных попыток ответить на наиболее «конфликтные» вопросы в поиске христианского смысла в своей профессии.

Что же до конфликта, то это, к сожалению, именно так. Воцерковленные люди в массе своей уверены, что именно благодаря науке и ученым-естественникам существует безбожие и нарастает нравственная деградация. В свою очередь, большинство приверженцев научного мышления убеждены, что именно религия и Церковь повинны в невежестве общества и растущей популяризации того, что принято называть мракобесием. Более того, совершенно очевидно, что за последние сто или чуть более лет поле для столкновений в западной цивилизации расширилось и конфликт между наукой и религией стал явственнее, чем когда-либо. В фундаменталистских мусульманских странах этот конфликт привел к тому, что фундаментальная наука там практически исчезла. А ведь как развивалась она в свое время именно в странах ислама! (В западной цивилизации конфликт сейчас направлен скорее в противоположную сторону, и наступление на религию большей частью ведет наука).

— Про мусульманские страны это Вы серьезно? На улице двадцать первый век. Разве в современном глобализированном мире подобные вещи вообще возможны? У всех на слуху тот же Иран, где как будто довольно успешно работают над обогащением урана...

— Я хочу подчеркнуть, что говорю именно о фундаментальной науке, а не о технологиях, которые обладают некоторой самостоятельностью. Наука и технология все же не одно и то же, они различаются — и различаются именно с мировоззренческой точки зрения. Конфликта между верой и технологией не существует, — если, конечно, не принимать все-

рьез крайние случаи вроде бывшего епископа Диомида, возражающего против сотового телефона.

— Но если технологии вере не противоречат, если, — и это мы видим повсеместно, — вменяемые церковные люди пользуются всеми достижениями цивилизации и не шарахаются от компьютеров и автомобилей, что собственно делить науке с религией? Вокруг чего конфликтовать? Ведь наш среднестатистический современник о состоянии фундаментальной науки не знает, как правило, ничего и судит о ней как раз по состоянию технологий.

— Дело, как я сказала, в мировоззрении. Ошеломляющие успехи науки превратили ее за последние сто с небольшим лет в полноправную «королеву объяснений». Тем самым она проникла во все сферы нашей жизни. Научный способ объяснения окружающих вещей и явлений стал сегодня непременным атрибутом человеческого сознания. Естественнонаучное образование не просто общедоступно, в определенном объеме оно обязательно для всех, то есть науке принадлежит безоговорочное право формировать наше мировосприятие уже со школьной скамьи.

К тому же в последнее время этому способствует и та простота, та системность и запакованность в программы, «окна» и схемы Windows, которую дает компьютер, — когда все разложено по полочкам и любые научные продукты при всей их сложности столь наглядны. Эта наглядность, эта визуализация, сведение информации к картинке или готовому звуковому ряду — эта, я бы сказала, *физиологичность*, которую приобретает сейчас человеческое мышление, уводит человека в плоскость доступных ощущений и создает иллюзию, что наука теперь стала к нему ближе и доступнее и что он уже не нуждается в каких-то метафизических объяснениях реальности.

При этом современный человек, который якобы основывает свой атеизм на базе естественно-научного мышления, за редким, я бы сказала, редчайшим исключением, воспринимает научные постулаты совершенно так же, как верующий постулаты религиозные, — ничуть не более (а то и менее) критически. И потому вполне атеистические и при этом совершенно антинаучные теории о торсионных полях в физике, «живая и мертвая вода», геопатогенные зоны по всей квартире, «исследования» воздействия ауры начальника на подчиненного, войны «гомеопатия против числа Авогадро» или история по академику Фоменко в обществе не менее популярны, чем религиозный креационизм.

Надо сказать, что по части понимания научной реальности среднестатистический современный человек, как мне кажется, отстоит от научных работников высокого класса гораздо дальше, чем английский крестьянин в свое время отстоял от Ньютона, — и это при несомненно более высоком уровне современного естественно-научного образования. Остановите любого прохожего и спросите его, каков принцип

работы холодильника. Хорошо, если из двадцати ответов вы услышите один верный, остальные могут прямо противоречить законам термодинамики и описывать «вечный двигатель», — никто этого даже не заметит. Но если бы мы спросили того крестьянина, как устроена соха и каков принцип ее работы, он бы нам рассказал, и без ошибок. Тот крестьянин не смог бы описать работу сохи с помощью законов ньютоновской механики? Но в этом он как раз ничем не отличается от большинства наших современников, закончивших среднюю школу.

В этом, на мой взгляд, заключается довольно грустная особенность современного мира. Относительный уровень общественного невежества вполне средневековый, но если средневековью это было извинительно по отсутствию возможности, то при нынешних развитых методах обучения, электронных базах данных и массе учебников это невежество становится все более широко распространяющимся и осознанным проявлением *нежелания знать и учиться*. Сегодня можно, чувствуя себя комфортно благодаря научно-техническими достижениям, быть абсолютным невеждой относительно самых простых вещей и не ставить при этом под угрозу свою жизнь и здоровье.

— Тем не менее торжество материалистических воззрений кажется сегодня абсолютным.

— Даже если это и так, неверно относить этот материализм к проявлениям какого-то процесса, имеющего место исключительно в науке. Я хочу подчеркнуть, что — вопреки расхожим представлениям — наука не нуждается в постоянном отрицании Бога: атеистическое мышление — мышление *идеологическое*, наука же имеет дело не с идеологией, а с материей.

Но наука — это лишь часть общечеловеческой культуры. То, что происходит сейчас с человечеством, — это слишком большой комплексный процесс, и невозможно выделить в нем только науку и на нее одну свалить и сексуальные революции, и биоэтические и социальные вызовы, и тот колоссальный разрыв между бедными и богатыми, к которому мир при всей социализации экономики и общественных отношений скатился уже сейчас... Это некий объективный процесс, очень сложный, изменение всей человеческой культуросферы в целом, и нельзя за все требовать ответа с одних только ученых.

— И все-таки, в чем же корни этого разрыва? Ведь, казалось бы, и наука и религия заняты общим делом — поисками истины, вопросами о вечном...

— Действительно, наука и религия заняты как будто бы одним и тем же — познанием окружающего мира и нас самих внутри этого мира. И вопросы о вечном — сфера не только религиозной мысли, но и научной, ведь объект науки — бесконечная вселенная. Однако наука все-таки в большей степени сосредоточена на познании именно что *окружающего*. Даже когда она изучает человека, она смотрит на свой предмет как бы извне: человек

в этом случае — тоже часть окружающего мира. Вера же вступает с людьми в совершенно иные отношения, и человек здесь — это существо, имеющее не только материальную, но и трансцендентную природу...

И конечно, дело в мировоззрении. Как известно, главным козырем «научного атеизма» был и остается тезис «первопричина религии — страх» (timor primus fecit deos, т. е. первых богов сотворил страх). И отрицать это было нелепо. Страх перед неведомым из человека убрать нельзя. И для очень многих людей (для меня в том числе) вера во многом базируется на страхе смерти и на страхе перед вызовами окружающей природы. Но смотрите: современная наука дает человеку зримую, ощутимую возможность избавиться от этого страха. Все, что испокон века внушало ужас, сегодня перестает казаться таким уж ужасным. Стоит ли бояться боли, когда ты знаешь, что, если будешь очень сильно страдать, к твоим услугам будет обезболивающий укол, а если болезнь окажется неизлечимой, — эвтаназия? Стоит ли бояться смерти, если перед тобой открыты возможности клонирования? Стоит ли бояться непредсказуемости будущего, если можно приобрести в рассрочку то, на что ты еще не заработал? И складывается ощущение, что сегодня в наших силах обмануть и болезнь, и смерть, и будущее... И вот все это в совокупности дает человеку успокоение, окружает его предметами мира сего и подталкивает в сторону атеизма и материализма.

— Но разве не очевидно, что обманутыми в итоге оказываются не смерть, не болезнь и не будущее, а сам обманщик? И это никакое не избавление от страха, а попытка укрыться от него, обойти вопрос, а стало быть, источник все новых вопросов...

— Ну да, примерно так рассуждают верующие люди, именно поэтому улавливающие в современном мире признаки деградации человечности, нравственности взаимоотношений, социальной психологии. Зато их оппоненты склонны видеть исключительно выгоды, получаемые из материалистических воззрений, и считать, что человечество таким образом освобождается от религиозных пут. Впрочем, и материалистов, судя по всему, посещают сомнения: а так ли уж связывают человечество эти «путы», — недаром же некоторые ученые считают, что религия представляет собой «полезный адаптационный механизм» и необходима для выживания человечества как биологического вида.

— Стало быть, эти ученые признают, что жить в обществе, подчиняясь исключительно законам природы, невозможно... Или наука действительно вышла сегодня на те рубежи, когда открывающаяся ей истина противоречит истинам веры?

— Видите ли, истины веры, равно как и вопрос о наличии или отсутствии Бога, — вовсе не дело науки. Но человечество, как правило, об этом не догадывается, сплошь и рядом подвергая тексты Священного

Писания критике с позиций естественно-научного знания. Да и современное обострение конфликта между наукой и религией не в последнюю очередь спровоцировано сменой целого ряда научных представлений, касающихся вопросов сотворения и развития мира и человека.

Любопытно, кстати, что эти изменения привычных концепций достигнуты силами отнюдь не только ученых-атеистов. Так, к примеру, одним из авторов идеи Большого Взрыва и теории нестационарной вселенной был Жорж Леметр, католический священник, богослов и профессор естественно-научного факультета Лувенского университета, преподававший квантовую механику и теорию относительности. А первооткрывателем законов наследственности — основы основ современной генетики — монах-августинец Грегор Мендель...

— Но ведь трудно допустить, что верующие ученые сознательно способствовали тому, чтобы их работа подтачивала основы их веры. Наверняка своим научным открытиям они находили легитимное место в той системе мироздания, которая представлялась им сотворенной по Божьей воле. Или это не так? Как это возможно в современном мире: действительно ли ученому-христианину приходится, вопреки его науке и закрыв глаза на очевидность, упрямо шептать «credo, quia absurdum»?

— В этом вопросе столько вопросов, что ответить сразу не получится. И все же попробую.

Ну, во-первых, сегодня верующий ученый воспринимается в лучшем случае как человек со странностями. Повторю: это в лучшем случае. Причем белой вороной он выглядит не только в глазах представителей науки. Точно так же его воспринимают деятели Церкви и религиозного просвещения. То есть верующий ученый-естественник существует сегодня на положении «своего среди чужих — чужого среди своих», часто вызывая подозрения у обеих сторон. На одном «пограничном пункте» его спрашивают: «Как это вы можете быть верующим христианином и одновременно признавать теорию эволюции?! Нет, что-то с вами не так, вы не можете быть действительно искренне верующим». А на другом задают тот же самый вопрос, но с противоположным ударением: «Как же вы можете продолжать верить в Бога, если признаете убедительность теории эволюции?! Нет, что-то с вами не так, вы не можете быть хорошим ученым». И обеим сторонам вольно или невольно начинает казаться, что только умственное или духовное несовершенство мешает такому человеку безоговорочно признать свою принадлежность одной из сторон, полностью отрекшись от другой.

— А в самом деле, как это совмещается? Сейчас, когда между ревнителями дарвинизма и сторонниками курса «основы православной культуры» идет борьба за головы беззащитных школьников, приходится слышать как абсолютно доказанную истину, что научные данные о происхождении и

устройстве мира и человека начисто опровергают все сказанное по этому поводу в Священном Писании. То есть третьего вроде бы не дано: человек, уважающий науку, обязан считать Писание в лучшем случае мифом. И, наоборот, верующий — зачастую вопреки очевидности — не должен принимать всерьез то, что утверждает наука. И если сегодня кто-то всерьез берется утверждать, что мужчина был вылеплен из праха земного, а женщина — сделана из ребра мужчины, — это уже повод показать такого человека доктору.

— Да-да, чаще всего камнем преткновения оказываются первая и вторая главы Книги Бытия, в которых описано сотворение мира и человека. Однако, на мой взгляд, никакого противоречия тут действительно нет. Мы знаем, что научная картина происхождения вселенной существенно отличается от описанной в тексте Ветхого Завета и содержит в себе такие слова, как «самопроизвольно», самоорганизация», «эволюция». Именно вокруг этих слов с «само-», знаю по собственному опыту, и кипят самые бурные страсти: словно в этих словах содержится прямое отрицание участия Творца в создании всего сущего, то есть они требуются только для того, чтобы подчеркнуть, что Бога не существует. Но вряд ли стоит смешивать бытовое и научное словоупотребление. В науке слово «самопроизвольный» в общем случае означает, что система из того состояния, в котором она находится (или находилась), устремляется к более энергетически выгодному и устойчивому, и для этого не требуется внешних усилий, более того, система часто сама совершает при этом некоторую работу. Образно объяснить, что имеется в виду, можно на примере шарика, который вы удерживаете на краю глубокой тарелки. Отпустите шарик — и он совершенно самопроизвольно скатится на дно, вам не потребуется все время его подталкивать. Разумеется, такой простой «шариковой» моделью нельзя описать эволюцию вселенной, но в целом суть примерно одинакова — всегда существует некоторое состояние в будущем, к которому окружающие нас процессы и явления словно притягивает (такое состояние называют «аттрактором»), так, как дно тарелки «притягивает» шарик. Вся вселенная постоянно устремлена вперед, в будущее, и на своем пространственно-временно́м пути она производит работу. Какую?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы можем воспользоваться книгами по современной космологии и теории эволюции. Но если у нас нет достаточной подготовки и специального образования, то мы можем просто прочитать: «*И сказал Господь: да будет свет. И стал свет*». И мы получим не менее точное (хотя, разумеется, менее детальное) представление о том, *что же* произвела материя в первые мгновения своего существования, чем из учебника по астрофизике. «*Да произведет вода душу живую. И произвела вода*».

Обратите внимание на эти слова: произвела именно вода. Так, как вода производит работу на гидроэлектростанции, падая вниз, так она произвела работу по созданию живых существ. Именно это мы почер-

пнем и из главы учебника биологии, посвященной теории эволюции, и, пожалуй, это будет одна из тех немногих вещей, что мы удержим в памяти, если только не решим выбрать биологию своей профессией. Подавляющему большинству людей из тех, что никогда не открывали Библию, вполне довольно того знания, что первые живые существа появились где-то в первичном океане, а вода — это основа и необходимое условие материальной жизни.

Верующий человек тоже внутренне вполне принимает, что шарик сам скатывается на дно тарелки, сахар сам растворяется в чае, а яблоко самостоятельно появляется и зреет на ветке, и не требует от науки, чтобы она непременно застыла в недоумении перед этими явлениями. В то же время научные объяснения процесса самостоятельного созревания яблока, которые верующий, возможно, учитывает и даже использует при работах на дачном участке, никак не могут поколебать его веру в волю Божию. Так почему же у нас должно вызывать такое беспокойство слово «самопроизвольно» применительно к самостоятельному образованию светил, растений и лучистой энергии?

Начиная от своего создания материя постоянно что-то производит. В Книге Бытия не сказано побуквенно, что именно содержало в себе Слово, как именно вода произвела. Но содержание Слова отпечатано в материи, и из первой главы мы лишь черпаем уверенность, что материя будет делать то, что ей велел Творец, а именно — трудиться и совершать работу. «*И сказал Бог: да произрастит земля... — И произвела земля...*», «*И сказал Бог: да произведет вода... — и произвела вода...*», «*И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее... И стало так*». Наука только и делает, что подтверждает, что стало именно *так*. Действительно, *произрастила* и *произвела*. И устремилась дальше, постоянно изменяясь и уже не возвращаясь вновь к началу. Это главное, что было сказано человеку о материи и ее устройстве в этой главе. О том же говорят человеку научные открытия и теории.

Довольно часто обе стороны — и христиане, стремящиеся обнаружить посредством науки буквальные совпадения с текстом Библии, и материалисты, пытающиеся проделать то же самое со знаком «минус», — относятся к этой части священного текста чуть ли не как к «инструкции о правильном сотворении мира» и именно с этой точки зрения пытаются его воспринимать или критиковать. А между тем вряд ли найдется хотя бы один атеист, который действительно полагает, что словами «*Авраам родил Исаака*» Библия утверждает, что детей рожают мужчины. И вряд ли найдется хотя бы один верующий, который так и думает.

Книга Бытия вовсе не имеет своей целью во всех подробностях рассказать о том, как именно Господь устроил мир, причем таким образом, чтобы и физика высоких энергий там была упомянута, и законы генетики не забыты. Господь, в отличие от нас, ее читающих, знал, что после того будут и Аристотель, и Эйнштейн, и академик Гинзбург, которые откроют

и проанализируют неупомянутое. Найдутся люди, — не зря же Он так их создал, по Собственному образу и подобию, — которые будут искать, из каких букв составлено это Слово, запечатленное в материи. Большинству людей, повторюсь, и тогда, когда Книга Бытия появилась, и сейчас, когда у нас есть превосходные учебники по естественно-научным дисциплинам, вполне хватает для повседневной жизни такого же объема информации о происхождении окружающего, что содержится в первых двух главах Библии. Вряд ли многие ощущают в связи с этим серьезный дискомфорт.

Кстати, ведь и люди науки, которым этого ограниченного объема недостаточно, когда делятся с обществом своими открытиями, стараются объяснить все как можно проще — так, чтобы непосвященная аудитория ухватила суть, не обременяя ее сложными нагромождениями уточнений и пояснений, безусловно нужных для работы, но тяжелых для восприятия неспециалистами.

Так и первая глава Книги Бытия, написанная, когда до появления учебника Ландау и Лифшица оставалось несколько тысяч лет, имела своей целью объяснить, что мир Божией волей *создан*, Творец устроил его как объективную данность, мир имел начало, возник в определенном порядке — от простого к сложному, материя подчиняется определенным законам, и человек этому миру соответствует: может обрабатывать его и познавать его законы. Все это естественным образом подходит конструкции человеческого мышления — даже мышления простого пастуха. И я не могу понять, почему ученый не может читать Книгу Бытия и видеть там все то же самое, что и верующий человек.

— То есть ни эволюционная теория, ни струнная, ни теория Большого Взрыва, ни любые другие научные схемы, гипотезы и открытия объективно вере не противоречат? И никакие научные открытия в будущем не будут ей противоречить и угрожать? Тогда, может быть, не зря грамотные верующие ссылаются на слова Френсиса Бэкона о том, что малые знания уводят от Бога, а большие ведут к Нему? Довольно часто цитируют и фразу гораздо более близкого к нам по времени Вернера Гейзенберга: «Первый глоток из чаши естественных наук рождает атеизм, но на дне этой чаши ждет Бог»... Так оно и есть?

— Нет, дело вовсе не обстоит таким наглядным образом. Еще раз повторю: наука Бытие Божье опровергнуть не в состоянии. Но не в состоянии и подтвердить. Но она этим и не занимается. Это вообще не ее дело. В противном случае в мире не было бы места вере как средству богопознания.

— Ну да: докажите как дважды два, что Господь существует, и от человека больше не потребуется подвига веры, надежды, любви... А самому человеку ни к чему уже не пригодится такое неудобство, как свобода. Зачем, — если есть полная доказанность, совершенная гарантия и определен-

ность? И незачем тогда пытаться увидеть образ Божий в каждом встреченном человеке, и незачем учиться видеть Его Волю в событиях нашей жизни... Но тогда (по крайней мере у христиан) неизбежно возникнет вопрос: полно, да Бога ли вы обнаружили в своей пробирке, господа хорошие, — может быть, это не Бог вовсе, а как раз нечто противоположное?..

— Да, на этом пункте, видимо, надо остановиться несколько подробнее, потому что здесь имеет место какое-то действительно всеобщее заблуждение: людям кажется, что научная работа так или иначе направлена на отрицание Бытия Божия. Или, — что то же самое, — что раз наука, способная объяснить множество известных явлений, никогда не ссылается на Божественные причины, — значит, Бога нет.

Такие утверждения, — а я слышу их очень часто, — ясно показывают, насколько туманны представления людей о самой сути науки, о ее рамках, о том, чем она занимается и чем просто по природе своей заниматься не может.

Наука занята изучением материального, *видимого* (в разных формах, в том числе, и с помощью приборов, если это видимое недоступно человеческому глазу). И делает она это по определенным правилам, которые нельзя нарушать. Имея дело с материальными явлениями, которые она связывает между собой, наука по умолчанию принимает, что все они поддаются объяснению. А если нет, это означает, что на данный момент она еще не владеет нужными экспериментальными методами, подходящим математическим аппаратом или всем комплексом данных, необходимым для убедительной интерпретации наблюдаемого. При этом наука должна постоянно сомневаться в окончательности и замкнутости принятых доказательств и постоянно их тестировать на необходимость корректировки, изменений и дополнений, чтобы найти точки согласования между старыми моделями и появляющимися новыми.

Но именно тот факт, что наука ищет и находит логические объяснения преходящим вещам, не привлекая для этого представления о Божьем вмешательстве, для меня говорит об одном: Господь действительно скрыт от *материального зрения*. И сколь бы человек после грехопадения ни старался увидеть Его по своей воле и узнать наверняка, к каким бы ухищрениям и приборам ни прибегал, — ему это не удастся.

Впрочем, большинство верующих подобного абсурда от науки и не требуют, они говорят: «Нам не надо доказательств, мы хотим, чтобы наука признала, что есть вещи, которые она по определению объяснить не может и не сможет никогда». Но, на мой взгляд, это неприкрытое лукавство. За этим стоит простой (хотя вряд ли осознанный) расчет: как только наука отвергнет саму возможность найти объяснение, это и будет означать доказательство существования Бога. То есть наука, использовав все свои возможности, объявляет, что в мире достоверно существует чудо, *доказательством* чему и служит ее бессилие. Как говорится, отрицательный результат — тоже результат. То есть опять знание, уничтожающее веру...

Но если верующий человек начинает ощущать и осознавать чудо, отталкиваясь не от опыта своего личного общения с Богом, не от осознания того, что чудо есть *присутствие*, а от того, может или не может наука это чудо объяснить, то он стремится «вложить персты в раны» и лишь тогда отдать Богу свое доверие. К счастью, наука в этом отношении, как бы парадоксально это ни звучало, крепко стоит на страже веры и ее необходимости для того, чтобы достичь не множества дискретных истин по крупицам, но единой Истины. Да, наука постоянно напоминает верующему человеку о том, что видеть Бога с помощью зрения, даже если глаза — это прибор, в этом мире человеку недоступно. О том, что блаженны будут не видевшие и уверовавшие. Отстраненная от Бога в своей методологии, наука вынуждает нас к доверию к Богу.

— В одной из передач на радио «София» Вы пересказывали замечательный эпизод из какой-то популярной книги по геометрии. Речь шла о том, как в жизни квадрата, двумерной геометрической фигуры, произошло чудо: он встретился с трехмерной сферой. Квадрат не мог постичь объемность своей собеседницы и видел только то место, где сфера пересекала его плоскость — сначала точку, потом расширяющуюся до какого-то предела и вновь сужающуюся до точки и совсем исчезающую окружность...

— Да, этот пример — хорошая иллюстрация к сказанному. Это из книги Эдвина Эббота «Флатландия». Там и в самом деле описана история ученого квадрата — фигуры, живущей на плоскости и по определению не имеющей никакого способа доказать существование трехмерного мира с помощью двумерных методов. Сфера посетила его по собственному желанию. Разумеется, квадрат не мог *увидеть* ничего, кроме ее сечения, такого же двумерного, как и он сам. Но она говорила с ним, и она... дотронулась до него изнутри, не разрушая его. Он так это почувствовал. Квадрату не оставалось ничего иного, как *поверить* сфере, что трехмерный мир существует. И в своем использовании веры в качестве метода познания трехмерного он был совершенно прав. Другим ученым квадратам, не встретившим сферу *лично*, не оставалось ничего другого, как, пользуясь общепринятыми двумерными методами, доказательно признать его сумасшедшим. И в том, что касается правил применения методов познания *двумерного*, они тоже были совершенно правы. Но сфера-то была...

— Но сфера была... И хотя бы предположение, что существует реальность, о которой ты можешь только догадываться, но в которую твой видимый «двумерный» мир умещается без остатка, — разве этот вопрос не соблазняет людей науки?

— Нет, как правило, такое мысленное упражнение не представляет для них интереса. Современные физики, как заметил нобелевский лауреат Стивен Вайнберг, имеют к этой теме настолько малый интерес, что их и атеистами-то не назовешь. Они и не агностики даже: они вообще об

этих вещах не задумываются. Так что, пожалуй, нельзя сказать, что количество атеистически настроенных ученых сегодня возросло. Правильнее, наверное, будет сказать, что уменьшилось число верующих ученых.

Я уже говорила, что наука не нуждается в постоянном отрицании присутствия Божия, не нуждается она и в доказательстве Его отсутствия. Объясняя те или иные закономерности мироустройства, наука вообще не может и не должна апеллировать к понятию Божественного. Более того, чтобы ученый был успешен в своей работе, мышление его должно быть абсолютно свободно от любой идеологии — равно идеологии веры или идеологии атеизма. Методологически он обязан существовать в некоем выделенном стерильном пространстве — без системы координат, без точки опоры.

Может быть, это прозвучит грубовато, но такая работа мысли сродни отправлению естественных надобностей — еде, питью и т. д. Ведь даже человек верующий, читающий молитву перед едой и благодарящий Бога за посланный ему хлеб после еды, в тот момент, когда ест, делает это не так, как если бы Бога не было, и не так, как если бы Бог был, — он просто жует и глотает. Вот так же и ученый просто работает. У него имеются факты, между которыми следует установить взаимосвязь и встроить их в систему уже имеющихся знаний.

Наука — это «*исключительно вопрос фактов и точной аргументации*», как утверждал Луи Пастер, и тут «*не может быть речи ни о религии, ни о философии, ни об атеизме, ни о материализме*»... Да, тот же Пастер говорил, что молится во время работы в лаборатории. Но молиться во время работы и собственно работать — это, я настаиваю, разные вещи. То есть, повторюсь, привычный ученому образ мысли, его рабочий инструмент и модель ни в какой мере не связаны с тем, считает ли он, что изучаемые им процессы и явления таковы по воле Божией или, наоборот, потому, что никакого Бога нет.

Профессиональное мышление ученого должно быть не только совершенно «беспартийно». Оно требует от человека еще большего — фактического отречения от собственного «я». Мы ведь считаем, что наше мировоззрение — часть нашей личности, какое бы оно ни было: атеистическое или религиозное; но когда ты подходишь к лабораторному столу, ты должен расставаться с этой частью себя, потому что ни на какую предвзятость уже не имеешь права. Тут ведь в какой-то степени приходится преодолевать инстинкт самосохранения: ведь потерять свою личность человек боится так же, как боится умереть, получить телесное повреждение или испытать боль.

Возможно ли это на самом деле во всей полноте, я не знаю. Но автоматически, как это ни странно, так и происходит: я прихожу и просто работаю, хотя я в своей работе затрагиваю вещи, которые могли бы показаться очень сомнительными с точки зрения религиозной, связанные как раз с таким понятием, как «самоорганизация».

В частности, мы в нашей лаборатории помимо прочего занимаемся и тем, что имеет отношение к проблеме зарождения жизни. Поскольку «Континент» — не научный журнал, можно выразить это более вольно: то, что мы делаем, может позволить показать, каким именно образом из имеющихся простых химических частей — своего рода молекулярного конструктора «лего» — в разгар химической, то есть пока еще не биологической, эволюции вещества могли собраться известные всем молекулы нуклеиновых кислот (РНК и ДНК). И объяснить, почему молекула ДНК устроена именно так, показав, что те правила, которые диктуют ее строение, верны при определенных условиях и для тех элементарных химических кирпичиков (они называются нуклеотидами), из которых она состоит, даже тогда, когда они еще не связаны между собой.

— То есть, простите мне мое невежество: из неживого Вы пытаетесь получить живое?! Так сказать, вылепить нечто из праха земного и вдохнуть в него жизнь?!

— Я бы сказала иначе: построить модель. Для химика такое любопытство, интерес к этой стадии эволюции, переходной между живым и неживым, более естественен, чем волнения большинства людей по поводу исчезновения динозавров и пресловутые «переходные формы» (исчезнувшие организмы, заполняющие, например, временно́й и таксономический промежуток между ящерами и птицами, водными и сухопутными животными и так далее). Мы уже понимаем, как под разрядами в насыщенной азотом атмосфере того времени могли появиться первые простые соединения... У нас есть теория эволюции, которая показывает, как от клетки все «побежало» дальше, к более сложным организмам. А что между ними? Где же тот самый механизм, который позволил собрать первые нуклеиновые кислоты (и, конечно же, белки), — если не их самих, то хотя бы их предшественников, содержащих начатки того, что требуется для кодирования генетической информации способом, удовлетворяющим правила, которые мы знаем теперь? На мой взгляд, совершенно очевидно, что ничего там, на заре мира, не могло происходить такого, что бы прямо нарушало те закономерности, согласно которым живые организмы существуют и теперь. И соответственно, те прототипы нуклеиновых кислот тоже должны были бы удовлетворять этим правилам и по крайней мере оставлять потенциальную возможность реализоваться им как правилам, действующим теперь в любой клетке... На химическом уровне те прежние механизмы не могли, единожды сработав, бесследно исчезнуть, как динозавры.

— А если Вы построите и обнародуете свою модель, какой резонанс это будет иметь в обществе?

— Что касается научного вклада, то это решать научному сообществу. Эволюция научных идей сама оценит нужность или бесполезность

нашей модели. На самом деле, подобных моделей и гипотез довольно много, подчас довольно сильно различающихся, иногда даже принципиально, весь вопрос в их убедительности. Как Вы понимаете, их очень и очень непросто доказывать, поэтому выигрывает та модель, которая выглядит наименее фантастично и аргументы которой выглядят более доказуемыми и воспроизводимыми в лабораторных условиях. Но это, скорее, специфический вопрос «научной кухни».

Применительно к теме нашего разговора, если эта работа окажется успешной... ну, что же, весьма вероятно, что может найтись кто-нибудь, кто обязательно скажет: «Смотрите, вот еще одно доказательство того, что оно всё взяло и сделалось само! Значит, Бога нет!» И хотя, как я уже говорила, для меня такой результат совершенно не будет доказательством отсутствия Бога, я все же не могу не думать, когда выхожу из лаборатории, о том, что же в конце концов получится. Эти болезненные реакции мне очень хорошо знакомы: ведь я тоже смотрю на то, как происходит своего рода расчеловечивание человека и как это делается в том числе и силами науки — биологии, антропологии и т. д.

Но это другая сторона проблемы, я уже сказала, что, на мой взгляд, это болезнь не столько науки, сколько общества.

Но сейчас я хотела бы обратить внимание не на то, в чем наука и вера расходятся и что так или иначе бросается в глаза. Я хотела бы сказать о том, в чем обнаруживается их сходство. Папа Иоанн Павел II высказал когда-то мысль о том, что истина не может противоречить истине, то есть и наука, и вера — каждая своим путем — идут к одному и тому же.

— То есть то, что истина существует сама по себе и имеет свои закономерности, осознают и верующие люди, и люди науки?

— Да, только вера постулирует в большей степени законы Божии о человеке, наука же стремится постичь законы Божии обо всем мире: ведь созданы не только мы с вами, создан весь мир. Ученый приходит в свою лабораторию для того, чтобы добыть истину, существующую вне его и от него не зависящую. И приблизиться к истине он может только так — оставив свою личную «идеологию» в стороне и не позволяя ей вмешиваться в рабочий процесс. Фактически ученый должен отречься от себя самого «субъективного» и направить все свои способности, воображение и мысль на бесстрастное «объективное». На подчиняющуюся жестким логическим правилам работу, каково бы ни было его личное отношение к результату этой работы и что бы ни означал этот результат для восприятия им самим его «личной» реальности.

Но разве не того же требует от человека вера? Вспомним слова апостола: *Уже не я живу, но живет во мне Христос*[2]. То есть в обоих случаях необходимо забыть себя, необходимо отречься от себя, от своих личных

[2] Гал 2:20.

воззрений, впустить в себя истину — так, чтобы истина тобой завладела, и вот тогда ты ее коснешься...

Однако мало кто из людей науки задумывается об этом. Впрочем, в массе своей не задумываются об этом и верующие. Отречься от себя, чтобы сопрячься с Ним в таинстве Евхаристии, — задача непосильная и малопонятная. И в прошлые века, и сегодня, и всегда религиозному человеку проще вообще отвергнуть материальность. Парадокс, но верующим и в голову не приходит воспринимать окружающий мир как чудо, хотя сами они на каждой службе произносят: *Верую во Единого Господа,.. творца... всего видимого и невидимого...*

— Да, что есть, то есть. Особенно у нас в православии. Как-то наш брат склонен забывать, что материальный мир создан Богом и что Господь так возлюбил этот мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную[3].

Кстати, в греческом тексте Евангелия от Иоанна сказано: «возлюбил КОСМОС», — поскольку это слово обнимает в своем значении и землю, и небесный свод, и род человеческий, — то есть все, что было создано и устроено как воплощенный ПОРЯДОК...

— И тем не менее верующий человек, как правило, не воспринимает как чудо сам факт существования материального мира и своего собственного существования, забывая, что и сам он есть уже и чудо и знамение и что таков любой из людей. Что бытие и свет, само наличие жизни вокруг, наличие самых что ни на есть естественных вещей — это чудо. А ведь любой огрызок материала или минерала имеет сложнейшую структуру, способную к изумительным превращениям, любая, казалось бы, самая простая вещь, такая как элементарная частица, невероятно сложна и красива...

Само то, что нечто — есть, что мир вокруг нас существует, — это величайшее чудо. Но верующие в массе своей закрывают на это глаза, считая, что все это — прах и ничто, и забывая то, что сами же повторяют в Символе Веры. И ждут знамений, которые для них только и есть чудо Божье и доказательство Его присутствия. Чего-то сверхъестественного все время ждут, чего-то *сверх-*. Да только ведь сверхъестественного случалось много, а из ничего (не из вакуума, который, с научной точки зрения, тоже есть форма материи, не ничто, но нечто, — а так, чтоб действительно из *н и ч е г о*) — да вдруг свет, — это ли не чудо?! Ученые же как раз эту чудесность и очарование ощущают, но упускают другое. То, что истина существует и самое ее существование безмерно больше нас; то, что наше бытие поддерживается совокупностью каких-то закономерностей, благодаря которым мы и существуем, в то время как они существуют независимо от нас; то, что мы можем все это познавать и

---

[3] Ин 3:16.

как-то к этому приближаться; то, что мы способны испытывать счастье и гордость, узнавая об устройстве мира что-то новое, — из всего этого люди науки как правило никаких следствий не выводят.

Вайнберг прав: большинство современных ученых — даже не атеисты, они просто целиком погружены в свою методологию. И научная мысль становится, я бы сказала, более уплощенной, а наука все менее склонна ставить перед собою большие вопросы. Потому, собственно, она так и технологизируется.

— Вы говорите, что современное «расчеловечивание человека» — проблема не столько науки, сколько общества. Так, может быть, дело не в том, что общество получило доступ к плодам науки, а в том, что оно секуляризовано?

— Положительный ответ как будто бы напрашивается сам собой. Однако Ваш вопрос при кажущейся элементарности затрагивает массу аспектов. Тут много проблем, и я постараюсь обозначить хотя бы некоторые.

Я сказала, что во время работы ученый находится не в присутствии и не в отсутствии трансцендентного. Но в отсутствии оставаться все-таки проще, поскольку, чтобы принять присутствие, требуется усилие. И создается впечатление, что наука в Боге не нуждается и существует вне Его, абсолютно свободно. И это бы еще куда ни шло. Беда, однако, в том, что с ростом научно-технического прогресса и иллюзией доступности научного знания, о которой я говорила, та же модель мышления распространилась на общество.

И это очень опасно, поскольку научное мышление хорошо там, где ему место. Ведь такое мышление — не что иное, как методология, инструмент достижения рабочего результата. На деле же получается, что общество принимает за мировоззрение не что иное, как *способ работы*. Оно довольно бездумно пользуется научным мышлением, не зная его рамок, не обладая достаточными навыками и заменяя им свое мировоззрение. А в итоге получаются все те перекосы, которые мы видим сегодня, — в том числе и дремучее православие, настаивающее на невежестве как доблести, и яростный, совершенно хамский атеизм — тоже абсолютно невежественный и как раз в той самой области, с которой берется воевать. По моему глубокому убеждению, все эти вещи — следствие того, что общество пользуется тем, чем ему пользоваться не надо.

— Не совсем поняла, как это связано...

— Попробую пояснить. Я уже сказала, что во время работы ученый находится не в присутствии и не в отсутствии трансцендентного, методологически он существует в некоем выделенном пространстве без системы координат, без точки опоры. Он отказывается от всякой опоры и пребывает в свободном полете. Но все эти вещи уместны в научной

лаборатории и совершенно неприемлемы в обществе. Потому, повторюсь, что они означают отказ от мировоззрения, от личностности, от ответственности.

Очевидно, что для общества все это гибельно: отказываясь от «системы координат» и от собственной личности, мы тем самым автоматически отказываемся и от тех этических законов, от которых человек отказываться не вправе. Верующие убеждены, что эти законы установлены Богом, агностики от науки считают их результатом общественного договора, но в любом случае эти законы — условие сохранения человека как вида.

— Понятно. Вероятно, Вы ведете к тому, что и в этом случае общество себя обманывает и все равно сооружает для себя какие-то опоры или, скорее, подпорки...

— Конечно. Мысленная опора необходима любому человеку. Дерзнуть в самом деле хотя бы на короткое мгновение остаться без нее отваживаются очень немногие. Человек не приемлет множественности и неопределенности картины, недаром большому количеству разнообразной информации он предпочитает узко определенный набор сведений, позволяющий не выходить за рамки привычного, не приближаться к тому неуюту, который несет с собой множественность, выбор — свобода, в конечном итоге.

Есть такой ученый Клинтон Ричард Докинз — выдающийся биолог-эволюционист, этолог, один из авторов теории мемов (единиц культурной информации) и известнейший борец с религией и Церковью, в особенности, католической, — кумир и авторитет, чей портрет красуется на «знаменах» научных атеистов всего мира. Именно ему принадлежит в упрощенном виде следующая идея. Докинз утверждает, что человеческое сознание устроено таким образом, что способно заражаться вирусоподобными идеями — наподобие того, как компьютер — программами-вирусами, а наше тело, — например, вирусом герпеса. Тут, вероятно, надо пояснить, что всякий вирус, попадая в организм, немедленно заставляет наш организм работать на воспроизводство этого вируса. То есть, заразившись, каждый из нас сам становится той фабрикой, которая производит все новые и новые его копии. Докинз утверждает, что то же самое происходит и с сознанием, и называет религию вирусом мозга, который самореплицируется, порабощает сознание и распространяется в коллективе путем заражения одних его членов другими.

Я абстрагируюсь от его антирелигиозного пафоса, но думаю, что Докинз и его единомышленники (а, как вы понимаете, он далеко не единственный, кто пытается «материализовать» веру) правы по сути: наше сознание устроено именно так. И это, собственно, то, что мы видим вокруг себя: человек склонен зацикливаться на удобной ему картине мира. И определенного рода идеи цепляются к нашему сознанию, дейс-

твительно, как вирус, и, сколько их оттуда ни выковыривай, они только переходят с места на место. И поэтому человеческое мышление очень трудно освобождается и очень трудно принимает действительность, как она есть, и бытие, как оно есть. Ведь всякий человек, верит ли он в непревзойденное могущество собственного разума или в иррациональную силу веры, все равно глубинно понимает, что мир огромен, а сам он очень мал и что даже ту частицу бытия, которая соответствует ему по размеру, он не может вместить всю целиком — такой, как она есть.

О чем в сущности говорит Докинз? О том, что любому из нас нужна мировоззренческая опора, некоторый набор принципов, которые интегрируют наше самосознание в окружающий мир и определяют нашу личную реальность.

Так оно и есть. Взгляните, что происходит на фронтах наиболее ярких конфликтов между самыми «упертыми» верующими и самыми «упертыми» материалистами. И вы увидите, что если зайти в интернете к атеистам, а потом на самый темный и дремучий православный форум, то окажется, что эти оппоненты как бы встают в зеркальное отображение друг друга. В химии есть такое понятие — стереоизомерия. Изомеры — это вещества, имеющие абсолютно ту же самую химическую формулу, но разное расположение своих частей в пространстве. Их структура такова, что, упрощенно говоря, они выглядят как две перчатки — с правой и левой руки: совместить их невозможно, но они совершенно одинаковы.

И это вполне понятно. Так, например, католику очень трудно пережить даже самую достоверную информацию о том, что некий безупречный святой, оказывается, не всегда был так уж безупречен и что у него были годы отступлений, падений, практически атеизма, или что результаты научных исследований достаточно убедительно свидетельствуют, что останки Жанны д'Арк, то есть то, что мы считаем ее останками, — скорее всего не ее и вообще не человеческие. Верующие реагируют на такие вещи болезненно и резко. Но ведь точно то же самое происходит, если сказать атеистам: вот цитата Эйнштейна, где говорится, что исследователь должен быть религиозен, или вот высказывание Андрея Сахарова о том, что он не представляет себе мир без некого доброго и гуманного надначала, которое должно находиться где-то вне рокочущего мира... Все это воспринимается очень болезненно.

Что же в этом случае делают люди? Они немедленно начинают защищаться. И защищаются цитатами же, из которых следует, что этот ученый ни в коем случае не был религиозен и, стало быть, его просто неправильно поняли. По сути, защищают они не самого Эйнштейна, а свой образ Эйнштейна, или, допустим, свой образ Сахарова, свой образ Макса Планка... Защищают собственное представление. Это обязательно требуется человеку. Человек не вмещает, не хочет вместить в себя *всего* Сахарова, *всего* Эйнштейна и берет только ту их часть, которая ложится в уже имеющуюся в голове канву. При том, что речь идет об

очень сложных личностях: сами эти люди не боялись ходить мыслью и туда, и сюда, и на протяжении своей жизни хоть раз заглядывали по обе стороны границы.

Я еще раз повторяю, что эта потребность в опоре, эта необходимость всегда оставаться со своей стороны границы — либо тут, либо там — для человека характерна. Но самые выдающиеся ученые — именно те, кто науку двигал серьезно вперед, — на самом деле не стояли ни там, ни там, то есть умели быть свободными прежде всего от самих себя. И тот же Тейяр де Шарден, и тот же Галилей, считавший себя верующим, и тот же Андрей Сахаров, никогда себя верующим не считавший... Не важно, на какой стороне они находились изначально, но потом они всегда оказывались вне, *над* и где-то посередине. То есть, не удерживались в заданных мировоззренческих рамках и все время заглядывали и туда, и туда, потому что, как я уже сказала, иначе тронуть истину невозможно.

Но человек не приемлет неопределенности, несмотря на то, что мир, как показывает та же физика, на этой неопределенности стоит. Физика в качестве этой базовой непредсказуемости дает нам принцип неопределенности Гейзенберга и принципиальную непредсказуемость поведения хаотических систем, а религия в качестве той же базовой непредсказуемости — свободу воли... Но хотя мир, с той ли, с другой ли стороны вы на него посмотрите, стоит на неопределенности, человеческое сознание оказывается очень плохо к этой неопределенности приспособлено, как это ни парадоксально. Люди защищают свою картину мира и отторгают реальность. Любыми способами. И если вдруг представления, в которых мы находим незыблемую основу, нарушаются, нам проще приписать это нелепой случайности или недостоверности того, что посягает на нашу картину мира.

В самом деле, человеку труднее всего не поддаться вот этому очарованию ограничения и несвободы. И поэтому самый факт того, что Эйнштейн — пусть единожды в своей жизни — сказал, то, что сказал, лишний раз свидетельствует о том, что он был действительно великий человек, способный дерзнуть остаться без опоры и все-таки заглянуть.

Но это удел немногих людей. И страшно представить себе, что началось бы, будь таких людей слишком много, — потому, вероятно, гении и рождаются нечасто: Господь знает, что Он делает и почему Он это делает.

— Неужели мы и впрямь биологически детерминированы до такой степени? В какой-то из своих передач Вы называли имя антрополога Паскаля Буайе, считающего даже, что религиозное мышление есть неизбежное следствие, «побочный продукт» эволюции определенных свойств нашей психики. В интернете этого француза называют специалистом в области «эволюционного религиоведения»...

— Видите ли, если отсечь идеологию и посмотреть только на науку, легко убедиться: полученные исследователями результаты свидетель-

ствуют о том, что человеческий мозг совершенно естественным образом приспособлен для религиозного мировоззрения. Человеку свойственно верить, так он устроен.

И что с того?

Посмотрите вокруг. Разве Докинз не прав? Разве не прав Буайе? Подобно тому, как вирус поражает генетический аппарат и цепляется прямо к самому клеточному ядру, точно так же цепляются к нашему сознанию и определенного рода идеи, которые мы пытаемся передать другим. Но ведь так и должно быть: в противном случае никто не мог бы разделять с другим вообще никаких идей, у каждого были бы свои собственные. Потеряли бы свой смысл проповеди, научные теории, политические призывы, социальные программы. Во всех сферах нашей жизни наступила бы полная анархия. Никакая идея, не будучи подхваченной и принятой другими, не может дать общественно-значимых плодов. И совсем не случайно в языке существует словосочетание: «заразиться идеей». Не говорит ли это о том, что мы и сами интуитивно знаем то, что Докинз подтверждает научно?

Докинзу вторит Буайе, утверждающий, что человек восприимчив к религиозным идеям по самому своему устройству.

Но ведь и материалисты устроены точно так же. Как только естественное религиозное чувство исчезает из человеческого сознания, оно, как следует из все тех же научных данных, непременно должно замениться чем-то другим. Мозг же по-прежнему остается доступным для «инфекции». Поэтому там довольно быстро заводятся атеизм, коммунизм, феминизм, анархизм, секулярный гуманизм, нигилизм, тоталитаризм, национализм или любые другие вирусы, которые легко можно узнать по окончанию. Все будет зависеть только от того, в какой среде окажется инфицируемый и кто на него первым «чихнет» той или иной идеей. А дальше уже он сам с истинно религиозным рвением будет создавать все условия для размножения «своего» вируса, — возможно, что и не единственного. (Мне кажется, что описание того, как это происходит, дано в следующем евангельском тексте: *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого*[4].) Прекрасное подтверждение верности гипотезы Докинза — сам Докинз: он так верит в безусловную пользу своей антирелигиозной пропаганды, что в запале позволяет себе игнорировать факты и совершенно искренне утверждать вещи, противоречащие исторической правде.

---

[4] Мф 12:43-45..

Но как бы ни называлась эта наша способность к вере — вирусом мозга, побочным продуктом эволюции, полезным эволюционным приспособлением, — вряд ли имеет смысл пугаться. Если на эти научные результаты мы посмотрим как действительно верующие люди, то, мне кажется, мы с полным правом можем воскликнуть: «Прекрасно! Так вот, значит, какое средство оставил нам Господь, чтобы мы могли физически чувствовать Его и общаться с Ним!» В самом деле, а иначе какой же смысл было Богу создавать из материи человека, который не имел бы абсолютно никаких возможностей, в том числе и материальных, осознать присутствие своего Творца и вообще задуматься о Его существовании? Разумеется, какой-то вполне материальный механизм, сопряженный с человеческим разумом и чувствами, должен был быть. Вот если бы такого механизма не нашли или признали его совершенно неестественным, тогда нам было бы, о чем волноваться. А пока мы видим только то, о чем нам говорит и Церковь: «*Бога человекам невозможно видети*». Но у нас есть врожденная способность Его искать, это естественная склонность человека, и человек *может* ответить на призыв Бога. А обратное, как нам любезно сообщила наука, противоестественно для человеческого устройства. Собственно, Церковь всегда именно это и говорила.

— Не так давно в научной программе радио «Свобода» биолог Александр Марков рассказывал о биохимии любви. Передача называлась «Гормоны человечности». По словам Маркова, наши социальные и семейные отношения, наша способность к самопожертвованию, к верности, а равно и супружеским изменам, наша любовь к родственникам и соотечественникам определяются наличием в организме двух коротких молекул из девяти аминокислот. Причем та же система биохимической регуляции отношений работает и в случае любого животного начиная с гидры. Как я поняла из этой программы: если дозу вазопрессина ввести в мозг абсолютно любого самца, тот станет настолько верным семьянином, что все чужие самки будут вызывать у него только агрессию.

И надо полагать, доктор наук Марков говорит правду. Но не получается ли тогда, что способность человека к самопожертвованию и служению ближним — это не выбор его, а просто врожденная особенность? А с того, кто творит зло, должна быть снята моральная ответственность? Сделаем ему инъекцию вазопрессина, — и он мгновенно изменится к лучшему... Как совместить эти «гормоны человечности» с тем, что мы считаем собственно человечностью? Не говоря уже о том подвиге любви, к которому призваны христиане...

— Мне кажется, мы уже убедились в том, что выводы, которые из своих исследований делает наука, можно выворачивать и крутить и так и эдак. Примерно так же мы можем относиться и к научным результатам, касающимся биохимии любви, альтруизма, доверия, социальной памяти и прочего. Да, разумеется, в человеческом организме что-то

должно обслуживать любовь — должно быть и тут какое-то «полезное приспособление», потому что человек все-таки живет в теле, а не в умозрительном воздухе. И нейропептиды, о которых вы спросили, действительно очень активно востребованы в организме. Я, кстати, не уверена, что их действительно всего лишь два, просто на данный момент это известная нам пара, но их может быть и больше. Только это никоим образом не доказывает, что человек не был создан Богом, а любовь — не великое чувство. Реальное наличие материальных «носителей любви» — это правда, но это только половина правды. Вторая половина заключается в том, что если вы воспринимаете любовь между людьми исключительно с материалистической точки зрения, то есть между гидрой и вами в этом смысле нет никакой разницы, то, по выражению, кажется, Ильи Эренбурга, нет разницы и между любовью Шиллера, Толстого и Гете и случкой питекантропов. Это последнее описывается одними и теми же уравнениями химических реакций, но питекантропы или гидра не способны любить так, чтобы это взялся описывать Гете или Петрарка. Как только мы материализуем свойственную любви возвышенную жертвенность, например, или верность невзирая на искушения, они теряют свое, так сказать, идейное достоинство, а мы теряем к ним способность и, парадокс, будучи более научно образованными, чем Петрарка, возвращаемся в своей культуре эмоций к питекантропам.

Мне кажется, даже Александру Маркову не удалось бы испытать подлинный полет чувств, глядя на даму сердца и при этом держа в голове суточный график изменения концентрации окситоцина в организме. Вот, она мне улыбнулась и согласилась на свидание, — значит, содержание вазопрессина изменилось так-то и так-то. А когда уровень окситоцина немного подрастет, она согласится быть со мною и в горе, и в радости. Для того, чтобы испытать полет чувств и любовь Петрарки, даже доктору Маркову придется забыть о гормонах, или такая любовь окажется для него недоступна. Это то самое, о чем предупреждал в своих лекциях еще Нильс Бор: человеческие чувства и поведение не поддаются вульгарной материализации, тут даже в науке стоит использовать принцип дополнительности, подобный тому, что физики используют для описания элементарных частиц, которые в зависимости от того, что и как вы измеряете, ведут себя, как корпускула или как волна. Одно не отменяет и не объясняет другого, цельную картину поведения электрона дают только оба описания сразу, не стоит и пытаться вывести волновое поведение из корпускулярных свойств и наоборот. Так и здесь, не стоит выводить признаки любви Петрарки из окситоцина и окситоцином же объяснять взаимоотношения Есенина и Дункан, — это лишь обедненная половина картины, которая, претендуя на законченность, оказывается попросту неверна, — а лучше бы складывать химическое и, так сказать, поэтическое (психологическое) описание.

Может быть, тут полезно вспомнить и о том, что у каждого свой крест, как нас учит Церковь. И смысл нашей жизни в том и состоит, чтобы, взяв этот крест (например, меньшую, чем у других, способность доверять и жертвовать), идти за Христом. Смысл — в преодолении с Божьей помощью нашей поврежденной природы. Вспомним и о том, что кому более дано, с того более и спросится. Это значит, что те, кто от природы имеет бóльшую способность к сочувствию, должны помогать тем, кому труднее, уметь их прощать и не судить их, — тем более, своею меркой. Потому что и такой природный дар, как врожденную доброту, можно закопать, как и любой другой талант.

И в любом случае, наши врожденные физиологические характеристики не обязывают нас к всецелому подчинению. Есть такой весьма популярный американский телесериал на медицинскую тему, «Доктор Хаус». В одной из серий в клинику к этому доктору поступил убийца двух человек, у которого врачи обнаружили опухоль надпочечников. Такая опухоль заставляет организм производить большее количество некоторых гормонов, чем положено, что приводит, в том числе, к агрессивному поведению. Коллеги доктора Хауса настаивали на том, что обнаруженная болезнь извиняет убийцу и должна приниматься во внимание в суде. А доктор Хаус, по сценарию, кстати, убежденный атеист, ответил им, что людей с такими опухолями — тысячи, но подавляющее большинство из них не становится убийцами. Вот и мы можем спросить себя, а так ли уж извиняет, скажем, неверных супругов некоторый недостаток вазопрессина в организме...

И наконец, посмотрев еще внимательнее, мы увидим, на мой взгляд, самое главное. Что всякая материальная часть человеческих чувств — любви, добра, любой привязанности — смертна. Саму любовь в материи сохранить и удержать нельзя, все, что принадлежит миру *сему*, обратится в прах. Потому и человек, созданный из праха, теряет свое достоинство, как только мы пытаемся рассматривать этот прах (то есть материально-молекулярную сторону его бытия) как единственную составляющую его сущности. В «молекулярном прахе» действительно невозможно усмотреть никакого достоинства, которое обретается только Духом Божиим. *И нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё — суета*[5]. Ничто не избегает разрушения ни на макроуровне, ни на микроуровне. В *этом* мире некуда и не во что скрыться от смерти, она пропитала его целиком. Все «двумерное» необратимо исчезает, это совершенно научный факт. «Трехмерное» же вырастает из горчичного зерна вовне «двумерного» мира. И если наша доброта и любовь не вырастут более того, что мы получили от рождения, если они не прорастут из этого мира, если они будут находить свое основание только в нем, в своих материальных носителях, — они неотвратимо исчезнут во тьме. Для верующего чело-

---

[5] Еккл 3:19.

века это прямо означает, что сама наука своими результатами убеждает его в том, что подлинный источник вечной Жизни находится не *здесь*. И если ты еще мог сомневаться, то именно наука отбирает у тебя почву для последних сомнений. Она сама заставляет его искать *вовне* и осознавать тщетность и пустоту сосредоточения любви на мире ***сем***. Но разве не этому учит нас Церковь, разве не об этом говорит нам сам Господь? *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше*[6].

— Да, Вы прекрасно демонстрируете, что вера совсем не синоним невежества и никаким научным сенсациям не поколебать веру человека, если он готов встретить истину с открытыми глазами. Но давайте вернемся к описанному Вами способу научной работы. Вы достаточно убедительно объяснили, почему он не может заменять мировоззрение и почему недопустим в обществе. Но разве сам по себе он безопасен? Вы уподобили соприкосновение ученого с истиной таинству евхаристии. Но тут есть некоторая разница. Думаю, что она лучше видна как раз материальным зрением: на весах нашего мира атомная бомба выглядит куда действеннее церковного причастия. Ведь человек науки, прикасаясь к истине, не кусочек хлеба с вином из рук священника принимает, а своевольно вскрывает рычаги, колеса и приводные ремни мироздания. Ученый способен тронуть вещи, которые трогать опасно, разбудить силы и запустить механизмы, которые уже не остановишь.

Но ведь ученый не остается в лаборатории вечно. Ведь он живет в мире, он — часть общества. И когда кончается его рабочий день, он уже не может оставаться в том «свободном полете», когда он «вне» — или даже «над» — вопроса о трансцендентном: в мире всякая свобода оборачивается ответственностью. Не знаю, насколько научное знание безобидно, пока оно находится в руках исследователей, однако хорошо известно, что, выйдя в мир, оно зачастую обретает чудовищную сокрушительную силу.

— Да, все это так. Пока наука жила и пестовалась еще где-то в религиозных университетах, этой проблемы не стояло — по крайней мере столь остро. Не говорю, что в те времена царила сплошная гармония, — как мы знаем, никакой человеческий институт не совершенен. Да, конечно, были и перекосы, и догматические запреты, и катастрофические последствия. Если людям запрещено заниматься, допустим, анатомией, потому что это связано с магией и вообще грех, ясно, что анатомии и медицине от этого хорошо не будет. Но факт есть факт: Церковь с раннего Средневековья благоволила развитию естественных наук (да собственно оттуда они и пошли, а потом, что называется, вышли — и захлопну-

[6] Мф 6:19-21.

ли за собою дверь). И тогда еще происходила регуляция — хорошая или плохая, другой вопрос. Да, зачастую эта регуляция оказывала на науку тормозящее воздействие. Но сам моральный подход к научной и исследовательской деятельности — это ведь тоже попытка поставить науку перед лицом истины, сохранить гармонию в их взаимоотношениях...

Да, открытия науки можно интерпретировать самым диаметральным способом. Но это вовсе не означает, что люди науки не несут за свои действия никакой ответственности. И некоторые вещи, на мой взгляд, вообще не надо трогать, коль скоро способность человека вовремя остановиться так очевидно хромает.

Знаете, иногда я тоже задаю коллегам вопрос: а кто ответит, если кто-то возьмет тот же окситоцин и займется самым вульгарным приворотом? Кто будет отвечать, если свои подлости и предательства люди начнут оправдывать недостатком в организме «гормона человечности»? Ведь когда из лаборатории все это выйдет в мир, будет уже поздно... Но когда где-нибудь на конференции я пытаюсь поднять этот вопрос, то всякий раз слышу: «И что же нам теперь — прекратить исследования?! Но ведь это же существует в мире». И всякий раз я вспоминаю, что такой же примерно диалог был у меня с собственным сыном, когда ему было года три. Я тогда сказала: «Сын, не нужно вот здесь, на дачном крыльце, строить из грязи башенку». Сын отшвырнул лопатку и говорит: «И что, мне теперь вообще не строить?!» И пусть простят меня коллеги, но в данном случае их логика примерно такая же — младенческая.

Ты можешь быть прекрасным высоконравственным человеком, никого в жизни никогда не обманывать и исключительно вежливо со всеми разговаривать. Ты можешь быть образцом во всех отношениях и при этом собственными руками творить зло... То есть вот этого этического предела в работе сам себе ученый не ставит, если только жизнь его заставит, — когда ситуация дойдет до очевидного абсурда. Но далеко не у всех она доходит.

А те люди, которые заняты бактериологическим, химическим или ядерным оружием, — они разве не понимают, что делают? Понимают. Но, если их об этом спросить, непременно ответят: «А что же нам теперь — бросить, что ли?» И в любом случае, как бы дело ни обстояло в действительности, человек всегда находит ту или иную опору для самооправдания. А что касается фундаментальных ученых, они и вообще не склонны на эту тему рефлексировать, потому что фундаментальная наука довольно далеко отстоит от технологий и промежуток между самим исследованием и его результатом позволяет им прерывать эту причинно-следственную цепочку: «Технологии — там, а мы — тут, мы ищем истину. Что оно там делает за дверью, дитя наше, это нас уже не касается». Я такие рассуждения слышу часто.

То есть на деле получается, что никто ни за что вроде бы не отвечает, и те же самые люди, которые в своей работе устанавливают сложней-

шие взаимосвязи между всеми мыслимыми и немыслимыми объектами, — те же люди вдруг берут и отрекаются от всякой связи между собой и конечным продуктом собственной деятельности, как будто никакой взаимосвязи тут вообще нет и они сами по себе, а продукт сам по себе.

И вот это стремление отречься от ответственности, это желание не думать о последствиях и оставить свою совесть там же, где мы оставляем свое мировоззрение, создают в нашей голове ложную цепочку. Это, на мой взгляд, не что иное, как попытка прикрыть свою совесть, она тогда спит и этим самым как бы оправдана: человек ведь не хотел ничего плохого, он хотел только хорошего, он же истину искал... А то, что потом где-то рвануло... Что же тут такого: палкой ведь тоже можно ударить кого-то, а можно грядку вскопать... И ученый начинает сам себя убеждать и сам свято верит (и, надо заметить, мозговой вирус действует в этом случае абсолютно по Докинзу), что он ничего плохого не делает, что поскольку он как бы вне морали, то и без греха. Так сказать, я просто трогаю истину, как она есть, а вы уж как хотите, так с ней и обращайтесь. И тогда личная ответственность как бы пропадает.

Да, ученый отрекается от самого себя, чтобы достать истину, но он все равно существует личностно. Невозможно так отречься от себя, чтобы отречься от своей совести. Потому что ты все равно выйдешь из лаборатории. Потому в конце концов, что ты голым пришел в этот мир и таким же голым из этого мира будешь уходить. И когда ты будешь лежать на смертной постели, все твои самооправдания останутся где-то там, а при тебе будет только то, что ты собой представляешь. И ты будешь осмысливать свою жизнь и поймешь, что как бы отречение твое от личностного «я» по отношению к истине не означает отречения от самого себя и своей деятельности, от вопроса «зачем?». Ведь отрекаешься ты от себя только в тот момент, когда говоришь: «что?», «почему?», «как это работает?» А вот вопрос «зачем?» всегда остается при тебе. Зачем? Какой ценой? Какими методами?

Конечно, личную ответственность ученого можно проигнорировать. Можно сделать вид, что ее не существует. Вот только избежать ее нельзя, поскольку существует тот самый продукт научной деятельности.

— И все-таки как заставить науку не посягать на истину, а служить ей? В начале нашего разговора Вы сказали, что проблемы науки, этические в том числе, — это проблемы общества в целом. Так кто на самом деле виноват в расчеловечивании человека? Кто виноват в том, что миллионы людей погибли от атомной бомбы, — общество, которое дало ученым такой заказ, или ученые, научившиеся расщеплять атом и тем самым открывшие людям небывалые возможности для уничтожения себе подобных? А во многом другом?

— Понятно, что вопрос этот риторический. Да, конечно, на счету науки есть и страшные дела — отравляющие газы, атомная бомба. Но нау-

ка — это область человеческой деятельности, которая выполняет социальный заказ. И нельзя обвинять одних ученых в том, что заказ именно таков. Общество хочет клонировать самое себя, — оно будет это делать. Хочет брать ткани из человеческих эмбрионов, — оно будет их брать. Хочет считать человека биологическим автоматом, — оно будет так считать. Общество хочет думать, что любовь — это только набор биохимических реакций, сложным образом влияющих на поведение, — оно будет так думать. Общество и дает заказ, и оплачивает его.

— Но ему же, перебью, и расплачиваться за все содеянное...

— В том-то и дело. И невольно хочется предостеречь: человек очень сложен. Но если все его проявления повсеместно находят приземленное и исключительно материальное объяснение, он склонен двигаться в сторону упрощения: ведь человеческий облик мы теряем с гораздо большей легкостью и охотой, чем перестаем быть животными. И если человека долго убеждать в том, что он зверь, он в конце концов таковым и сделается — со всеми присущими зверю привычками. Так что подхваченное обществом развенчание «религиозного мракобесия» поневоле играет против общества, против нас же самих.

В то же время заказ, который современная наука получает от общества, все более и более направлен не на решение действительно важных проблем, а на обслуживание гедонистических стремлений человека, на достижение некоторого желанного уровня комфорта. И наука не в состоянии своими силами вырваться из-под этого пресса.

Беда в том, что ответа никто ни за что держать не хочет (я не говорю даже об уголовной, но хотя бы об ответственности совести), а это приводит к тому, что наука не признает своих этических ошибок. И вот оказывается, что она сегодня — и слуга политики, и заложник ее, как это уже случалось в нашей стране, где генетика и кибернетика отродясь были продажными девками мирового империализма. Это теперь хорошо над Лысенко смеяться. А тогда люди тоже сидели на ученых советах, голосовали и говорили *да*. И занимались всем тем, чем занимались.

И сегодня абсолютно так же наука становится заложником капитала и всего того, что происходит в социальной и политической сфере, она давно уже обслуживает различные *интересы*, потому что меценатов теперь нет, нет и подвижников, которые работали бы сами на свои деньги и были бы абсолютно свободны от общества, его страстей и амбиций. Нет такой страны мира, где бы этим занимались отдельные энтузиасты на свои собственные средства. Наука давно выполняет госзаказ. Фундаментальная наука в особенности.

И сегодня наука, как мне кажется, сама чувствует необходимость вернуться к твердым этическим основаниям, вспомнить, что она существует ради истины.

— А какие пути к нравственному оздоровлению науки (и, соответственно, общества) видятся лично Вам? Что тут можно предложить, кроме диалога науки и Церкви?

— Честно говоря, ничего кроме этого я не вижу. Я не верю в секулярный гуманизм, о котором говорил академик Гинзбург. Потому хотя бы, что секулярный гуманизм не дает ответа на вопрос: почему, если человек есть некая хаотическая флуктуация во вселенной и все мы просто букашки, которые однажды вместе с Солнцем взорвемся и умрем, — почему в таком случае я не могу прийти, стукнуть по голове любого из уважаемых секулярных гуманистов, забрать себе их деньги и присвоить их научные труды? Что мне мешает? Почему я не могу это сделать, если они богаче меня, а у меня достаточно интеллекта, чтобы обмануть правоохранительные органы?

Если человек — это просто высокоразвитое причинно детерминированное животное, то я искренне не понимаю: что должно меня остановить? Почему я должна испытывать чувство неудобства оттого, что совершу такое с уважаемыми коллегами? Что заставило бы меня осознать саму необходимость этики для существования человека? Да и с какой стати кто-либо вообще должен задумываться о сохранном существовании этого двуногого как вида, который случайным образом возник в ходе эволюции и в конце концов все равно исчезнет? Почему этот вид должен выживать? Потому что у нас есть инстинкт продолжения рода? Но тогда секулярный гуманизм полагается на инстинкт как на основу морали, а что же делать с теми, у кого этого инстинкта не достает? Если человек превращается в ничто, то какая разница, что будет с остальным человечеством после его смерти, раз все человечество как вид в целом не избегнет той же участи?

Да, я знаю, что среди выдающихся атеистов действительно встречались люди личного, персонального гуманизма. Но объективный факт есть объективный факт, и я просто спрашиваю: а как вы думаете, сколько атеистов работает сегодня в хосписах?.. Да в том-то и дело, что секулярный гуманизм почему-то предпочитает проявлять себя в войне с Церковью, в отстаивании чьих-то прав и т. п., но только не там, где действительно нужен гуманизм. А нужен он, когда человеку больно, когда он страдает, когда ищет утешения, сопереживания, милосердия...

Впрочем, какой толк от сопереживания, когда можно сделать эвтаназию? Но тут я ступаю на зыбкий путь: ведь ни одного человека, который умоляет прекратить его страдания, я не могу осудить, потому что *так* у меня никогда не болело, — возможно, пока. Однако, думается мне, взять и пристрелить легко, трудно — страшное вместе с человеком *прожить*. А иначе мы однажды окажемся в мире, где вообще никто не будет страдать, — соответственно, никто не будет нуждаться в сочувствии, никто не будет нуждаться в сострадании и сопереживании, следовательно, никто особенно не будет нуждаться и в любви, потому что все перечисленное — это неотъемлемые ее качества. И что это будет за мир?

— Да, вопрос эвтаназии — не из самых легких. Верующему человеку понятно, что искусственно прекращать жизнь недопустимо. А искусственно продлевать? Еще у всех на памяти история с итальянкой, жизнь которой врачи искусственно поддерживали в течение семнадцати лет.

— В том-то и дело, что во всем надо останавливаться вовремя — и в борьбе с эвтаназией тоже. История, о которой вы говорите, это, конечно, утрированный случай, но это же — реальное происшествие. А прогресс медицины сегодня таков, что в конце концов придется чего доброго бороться за право на истинную смерть, потому что без нее не получится истинной жизни.

— Мы как-то съехали в разговоре на сторону науки. Но ведь с теми же самыми вызовами сталкивается и Церковь. И если Православная все же на многое закрывает глаза, то Католическая, как кажется, больше открыта миру и его проблемам.

— Да, Церковь не может все это игнорировать. И она прекрасно осознает неизбежность диалога с современностью, а значит, и с наукой. Но, может быть, самой науке надо еще созреть, для того чтобы осознать, насколько она страдает этически и насколько этот диалог необходим.

Повторюсь, образ действия и мышления науки таков, что вообще не допускает этических категорий, но, как показывает жизнь, без этики мы обходиться не можем — тем более сегодня, когда научное мышление распространяется на общество. А это научное мышление никак не дает повода для любви к человеку. Следовательно, откуда-то эту этику надо взять.

Этика — это как раз та область, где вера с наукой должны сосуществовать. Конечно, тут есть немалый риск. Религиозные институты не могут не испытывать страха перед тем, что наука со своим мышлением, вторгшись в этическую область, анализируя и разъясняя, нарушит и исказит там что-то основополагающее. Но и наука трясется от страха, глядя хотя бы на всю ту вакханалию мракобесия, которая происходит сейчас, когда выдаются сертификаты астрологам и магам, — и одновременно с этим можно пойти и подать в суд, потому что в школе преподается теория Дарвина, или через суд же доказывать, что какая-нибудь концепция (например, креационизм) представляет собой самую настоящую науку, а не что-нибудь другое... И когда все вот это происходит, конечно, ученые боятся, что мы вернемся к диктату Церкви, наука станет оглядываться на догматы и какой-нибудь очередной Галилей будет вынужден отречься от истины, чтобы выиграть время для работы и не вступать в бессмысленную борьбу с клерикальной машиной...

— Да, можно не сомневаться, что проблемы будут и с той, и с другой стороны. Но диалог тем не менее необходим. И эти проблемы все равно придется решать.

— Да, придется, поскольку как средство постижения истины необходимы и фундаментальная наука, и религия. И вот по всему по этому я просто верю, что этот диалог будет и состоится в тех формах, которые еще трудно предсказать теперь, но будет.

Я повторю слова покойного Папы: *истина не может противоречить истине*. Это и есть, как мне кажется, поле сосуществования науки и веры в сознании верующего человека, причем сосуществования бесконфликтного. И хотя мой личный опыт ни в коем случае не претендует на какую бы то ни было универсальность, он свидетельствует именно об этом. А мой опыт — это опыт сочетания христианской веры, моей профессии и любви к науке как способу познания мира.

Верующий человек может, ничуть не оспаривая научных теорий и признавая, что в «двумерном» изображении развития мира нет доказательств Божественного присутствия, подняться над этой плоскостью с помощью веры в то, что мир существует волей Творца, и, не вмешиваясь в законы его описания, *увидеть*. В научных теориях эволюции вселенной и всего живого увидеть творческую свободу Духа, колоссальный труд и удивительную любовь, с которой был создан человек. Увидеть могущество Творца в невероятной сложности и идеальной «пригнанности» естественных законов друг к другу. Увидеть красоту Божественного замысла в безупречной кристаллической решетке алмаза, в каскаде биохимических реакций, управляющих нервным импульсом, в совершенном строении двойной спирали ДНК или в мощной плавке материи в недрах нейтронной звезды. Увидеть образ и подобие Божие в силе человеческого разума, одолевающего теорему Ферма, объясняющего процессы человеческого мышления или размышляющего над тайной рождения Вселенной. Увидеть во всем этом смысл, в конце концов, а не пытаться восхищаться вселенской бессмыслицей, как это делает тот же Докинз, так, чтобы в конце концов научная рефлексия выродилась в мантру самоубийцы «Моя жизнь не имеет смысла».

Если научная истина была достигнута честным и непредвзятым путем, если ученый, открывший ее, служил именно истине, а не своим о ней представлениям, то, всматриваясь разумом даже в самые, на первый взгляд, неожиданные и противоречащие вере научные данные и сосредоточив взгляд нашего сердца на Господе, мы можем услышать через материю голос ее Создателя: «Это Я, не бойтесь!»

Беседу вела Ирина Дугина

Александр НЕЖНЫЙ

ОТ ОБРАЗА — К ОБРАЗУ

Священник Владимир Зелинский. «Взыскуя лица Твоего»

Киев: «Дух і літера», 2007. — 404 с.

> Что ж делать, если наступает такое время, что невольно говорится о Боге? Как молчать, и камни готовы завопить о Боге?
>
> *Н. В. Гоголь*

1

Иногда находишь книгу, обладающую какой-то притягательной силой. Все тянешься к ней вернуться, прочесть заново, перелистать, восхититься, вознегодовать, записать в сокровенную тетрадь строчку, абзац, пусть даже страничку... Много приходит на память таких примеров — из произведений как высокой прозы, так и блистательной мысли. Но воспользуюсь лишь одним — не так давно вышедшей четвертой книгой священника Владимира Зелинского.

Вот, например, — страницы, где речь идет о борьбе Иакова с Невидимым. Этому библейскому сюжету посвящено великое множество разнообразных трудов, однако о. Владимир дает свое, совершенно поразительное толкование: «*Богоборчество есть форма нашей тоски или ревности по Богу, причиняющему нам боль, но и эта боль становится для нас благодатным даром*».

Или чуть дальше, об имени: «*Имя — точка, в которой мы пересекаемся с миром, окружающим нас, место встречи меня и Сотворившего всех нас*»... Еще дальше: «*Тайна, любовь, падение, покаяние, боль, совесть, птица, река, снег — старые, всем знакомые надписи, которые всякий че-*

Александр НЕЖНЫЙ — родился в 1940 г. в Москве. Окончил Факультет журналистики МГУ. В годы перестройки оказался одним из первых публицистов, отстаивавших в печати интересы верующих и свободу совести. Автор 15-ти книг художественной и документальной прозы и множества статей, направленных против антисемитизма, ксенофобии и нравственного упадка религиозной жизни в современной России. Живет в Москве.

ловек разгадывает на свой манер, переводит на общедоступный язык песнь древнего исповедания, которое удивляется славе Божией».

«Взыскуя Лица Твоего» — книга свободных размышлений о присутствии Сущего в каждом дне, дыхании и образе мимотекущего бытия. Можно было бы даже сказать, что перед нами — своего рода молитва, с которой автор обращается к Богу, и вместе с тем очень тонкое и ненавязчивое вразумление, адресованное современному человеку. Вглядись и вслушайся в себя; вглядись и вслушайся в свое минувшее; вглядись в окружающий тебя мир, вслушайся в его голоса — и ты увидишь, сказано в книге, обращенное к тебе Лицо. Попытайся сквозь шум времени услышать вечность, дабы заботы и скорби земной жизни не лишили тебя радости от встречи с небесным твоим Отцом...

Название книги– несколько переиначенная строка двадцать шестого псалма, в завершении которого читаем: «*Верую видети благая Господня на земли живых*». В русском переводе звучит чуть проще, но все же: «*...верую, что увижу благость Господа на земле живых*».

Главная струна Псалтири — это струна веры, своей искренностью и глубиной вот уже три тысячелетия убеждающей человечество, что псалмопевец везде и всюду воистину ощущал присутствие Бога и созерцал Лик Господа — за исключением, может быть, дней овладевавшей им страсти, падения и греха. Но то, что для него было естественно, как дыхание, что всегда ощущалось и мыслилось им как нерасторжимое единство Творца и творения, что было неиссякаемым источником жизни, — для нашего поврежденного бессчетными соблазнами сознания предстает нередко совсем в ином виде. И вызывает вопросы, способные поставить человека на грань помешательства.

Вот, к примеру, вопрос, возникающий едва ли не у каждого из нас вместе с первыми попытками осознать себя в мире: зачем я здесь? Какой смысл заложен в моей жизни, почему я родился и почему должен умереть? В своих поисках веры Лев Николаевич Толстой как-то обронил исполненные тоски слова о неведомой пучине, из которой он вышел, и столь же неведомой пучине, которая его поглотит. Страшная мысль о случайности и, стало быть, бессмысленности существования, сжимающее душу ледяное отчаяние перед небытием породили в нем однажды ужас, какого ни до, ни после ночи на 3 сентября 1869 года, проведенной в арзамасской гостинице, ему более не доводилось переживать. 4 сентября он писал Софье Андреевне: «*Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал*».

Десять лет спустя в рассказе (неоконченном) «Записки сумасшедшего» Толстой сказал об этом с еще большей силой:

«*Куда я везу себя? От чего, куда я убегаю? — Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе.* <...>

— Да что за глупость? — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь?

— Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут.

Мороз продрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она — вот она, а ее не должно быть. ... Всё заслонял ужас за свою погибающую жизнь. ... И тоска, и тоска — такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно».

Он чувствует в себе жизнь, обреченную смерти, чувствует, как его душу что-то раздирает на части, чувствует «*всё тот же ужас — красный, белый, квадратный*» и пытается молиться. Но нельзя обращаться к Богу, не имея хотя бы искры веры в сердце. Толстой (или герой рассказа — что, если судить по письму к С. А. Толстой, суть одно) крестится, кланяется в землю и в то же самое время сознает удручающую несовместимость этих своих поклонов и крестных знамений с собственным представлением о себе как о просвещенном человеке. Ему неловко. Он опасается стороннего взгляда, который может застигнуть его за таким невежественным занятием. Надо ли говорить, как слаба лишенная подлинной внутренней достоверности молитва... В ту ночь Лев Николаевич (или его герой) так и не избавился от чувства ужаса перед открывшимся ему провалом.

О. Владимир Зелинский как раз и начинает с камня преткновения, перед которым в ночь «арзамасского ужаса» потерянно замер создатель «Войны и мира» и будущий автор «Соединения и перевода четырех Евангелий». С глубокой верой и бесконечной надеждой он зовет нас к размышлениям о том *едином на потребу*, к чему так или иначе, трудами всей жизни или озарением ее последних дней приходит едва ли не всякий человек, когда что́-то начинает пробуждаться вдруг в душе, брезжить в сознании, томить сердце и когда «*все дела наши, как овеществленные мысли, не выступают ли знаками чего-то иного?*»[1]

Но — чего *иного*? Не общество ли это, стремящееся поглотить человека, как кит — Иону, отштамповать его, будто деталь на конвейере часового завода, накрепко привязать к ценностям мира сего, убедив, что ничего нет важнее и выше? Гляди, — день и ночь твердит оно, — вон какой дворец воздвиг себе г-н М., и царям не снилось; а яхта г-на А., — ведь это линкор, это «Титаник», а не яхта!; а длинноногие красотки, превращающие в праздник будни г-на П.? Вот ради чего стоит жить!

Бедный человек! Кто ему скажет, что и у нищего Лазаря, и у богача последнее земное прибежище совершенно одинаково; что «Титаник» раскололся и пошел ко дну, а среди нанятых красавиц вряд ли можно отыскать хотя бы одну, обещающую стать любящей и до гробовой доски верной подругой.

«*Скулеж нищей души... стоит за всякой человеческой амбицией, будь она грандиозной или совершенно ничтожной*», — замечает о. Владимир.

Но, может быть, размышляет он, *иное* — это «*кладбище вытесненных желаний*», подполье сознания, мрак которого определяет нашу жизнь

---

[1] *Владимир Зелинский.* Взыскуя Лица Твоего (в дальнейшем — В. З.).

«от пеленки зловонной до смердящего савана», как выразился в своем знаменитом романе Роберт Пен Уоррен?

Но подобное объяснение в духе доктора Фрейда вряд ли может успокоить неясную тревогу нашего сердца. Вот и о. Владимир, говоря об уровнях Бессознательного, которые в человеческих глубинах обнаруживает психоанализ, отмечает его, в конечном счете, бессилие открыть нам наше истинное *я*. Это не значит, что оно всего лишь форма без содержания или настолько безобразно, что его не следует выпускать из подземелий личности. *Я* существует, — но в подлинной своей сути оно лишь отчасти наше, оно преимущественно *«Христово, освещенное Солнцем правды»*[2]. Человек, вспоминает Паскаля о. Владимир, бесконечно превосходит человека. Иначе говоря, в нас заложено нечто, побуждающее хотя бы изредка поднять голову к Небу и усомниться в том, что между нами и остающейся после нас горстки праха можно поставить метафизический знак равенства.

Опыт таких размышлений есть, скорее всего, у каждого. Другое дело, что переживается он у всех по-разному: у одних исчезает без следа; у других оставляет отметину в сердце, которая по поводу или совершенно без повода в какое-то время начинает болеть и требовать исцеления; а третьих напрямую приводит к вере.

Когда-нибудь, я надеюсь, о. Владимир расскажет о своем пути к Христу, о том, как он шел к Богу, или о том, как Бог призвал его. Он, правда, чуть приоткрывает для нас тайну своего обращения, но делает это крайне сдержанно и говорит о случившейся с ним перемене крайне скупо, как бы еще не решившись, подобно любимому им Блаженному Августину, написать нечто вроде исповеди. Имя Божие, говорит он, отпускает измученных на свободу — *«как отпустило и меня уже под 30 лет, вернуло к тому, что есть в человеке, поставив однажды лицом к лицу с непостижимой Реальностью»*.

Во всяком случае, эта встреча состоялась, что лишний раз доказывает условность обстоятельств времени и места, на которые можно было бы сослаться, оправдывая окаменность своего сердца. В 60-е — 70-е годы прошлого столетия многие молодые люди, выросшие вне церковной традиции, впотьмах, наощупь, на каждом шагу испытывая сопротивление окружающей среды, находили все-таки тесные врата и — кто медленнее, кто быстрее — шли дальше, к свету Истины и Жизни.

«"От юности мнози борют мя страсти..." — сих борений с постыдными поражениями, — свидетельствует о. Владимир, — *было сколько угодно. Но чтобы какая-то добрая няня хоть раз провела меня мимо храма, указав на него взглядом, чтобы кто-то из живущих рядом хотя бы помянул имя Божие с ощущением не пустого звука, но непостижимого присутствия»...*

---

[2] В. З.

Можно было бы в некотором смысле назвать это поколение потерянным, если бы, по глубокому замечанию о. Владимира, «*Бог не подумал о нас в вечности раньше, чем мы вспомнили о Нем во времени*».

2

Само присутствие о. Владимира в нашей жизни, его фундаментальная образованность, его перо (по гоголевскому определению — с тонким расщепом), его умение с одинаковым блеском излагать свои мысли как на родном русском, так и на итальянском и на французском, его просвещенный европеизм, наконец, очень многих, и меня в том числе, бесконечно радуют. Но у некоторых вызывают какие-то совершенно дикие приступы, нечто вроде почечных колик. Вот, к примеру, господин по фамилии Друзь, практикующий одну из древнейших профессий: он политолог. Перед нами такой, знаете ли, член дружины хоругвеносцев, что дай ему волю, он сей же миг объявил бы православный газават растленному Западу. Вся гадость к нам оттуда. Старая песня[3], но он все тянет и тянет ее, неустанно, грозя кулаком невидимым, но злобным отравителям. Шмеман? Протоиерей? Да ведь он обожатель Соединенных Штатов, враг исконного православия и ненавистник России! Так и сказано: испытывает «*ксенофобию... особенно к России*»[4]. Дневники о. Александра с их горькой правдой о современном православии[5] открывают нам человека такой высокой культуры, такого обостренного восприятия красоты, такого — до последних глубин — христоцентричного, что последнюю страницу тома переворачиваешь с чувством щемящей любви, благодарности и восхищения. И думаешь: Боже, как Ты неисчерпаемо щедр в явлениях человеческого дарования! Но когда вслед за тем попа-

---

[3] *Запад духовно одинок. Самодостаточен. Строит «рай» без Бога. Западная Европа утратила смысл жизни и идентитет* (во! — *А. Н.*). *Его интеллектуалы глупы. Запад слушает себя, питая иллюзию, что слушает Россию.* Это не г-н Друзь. Это большой церковный чиновник, протоиерей, да еще митрофорный, Всеволод Чаплин, один из нынешних рупоров Московской Патриархии. Вышеприведенные *размышлизмы* я извлек из его книжки «Лоскутки» (М., 2007).

[4] www.rusk.ru. Православное информационное агентство «Русская линия». Выпуск от 07.10.2008.

[5] Например: «...эмпирическое Православие насквозь проникнуто *идолопоклонством, причем главный идол — оно само... Идолопоклонством, а также страхом, триумфализмом, нарциссизмом... я не говорил бы всего этого, если бы не был убежден, и чем дальше, тем, так сказать, "очевиднее", что в Православии — вся Истина, все ответы, действительно — спасение. Именно поэтому мне претит в его "эмпирии" элемент какого-то кокетства, самодовольной удовлетворенности самих православных — "византинизмом", "древностью", всевозможными стилями, афонами и т. д.*». *Прот. Александр Шмеман.* Дневники 1973 – 1983. М., 2005. С. 334.

даются на глаза писания Друзя, то думаешь уже о другом: Боже, зачем в этом мире так много пошлости, бездарности и злобы?

Ну как, скажите на милость, такому господину спустить о. Владимиру Зелинскому его таланты? Его глубокое исповедание Христа? Его мудрое понимание человеческих промахов, ошибок и заблуждений? У публики подобного сорта есть правило: чем ярче личность — тем больше на нее должно быть вылито грязи. И Друзь трудится, не покладая рук. В первых строках называя о. Владимира «филологом З.» (якобы из уважения к принятому им священническому сану), он всем и каждому, кто мало-мальски следит за религиозной жизнью, дает далее яснее ясного понять, кто этот филолог-священник и с чем его надлежит поедать. Ну, да, был филолог, выучил языки, начитался, — но «желательно было бы еще и уметь думать»[6] ... Это Друзь — Зелинскому!

Что происходит на белом свете? Не Шариков ли взялся поучать профессора Преображенского?

Но у Шариковых своя логика. И логика таких, как о. Владимир, им совершенно непонятна.

В самом деле, ведь что выкинул наш явно не умеющий думать «филолог З.»? Чтобы уехать в Италию преподавать в университете, он «*продал большую квартиру за бесценок, распродал собранную предками библиотеку*». А ведь «*сейчас бывшая квартира "интеллектуала" стоит как приличное поместье в Италии*»[7]. Так что прогадал, прогадал о. Владимир. И обрек себя на жизнь в «*европейском захолустье*», вместо того, чтобы благоденствовать «*в одной из величайших столиц мира*», где «*зарплаты приближаются к итальянским*»[8].

Кто мне скажет: зачем нужно все это г-ну Друзю?! Кто скажет, не бывает ли ему в иные минуты от всего этого не по себе? Не выступает ли порой на его лице краска стыда? Похоже, однако, что нет, не выступает. И потому г-н Друзь отваживается даже и на такое: «*Нет, если бы его выбор* (отъезд о. Владимира в Италию, принятие им сана в Константинопольском Патриархате. — *А. Н.*) *был продиктован благочестием, то его можно было бы только хвалить, но он явно хотел лишь получше пристроиться, а уж нелюбви к России и не скрывал*»[9].

---

[6] «Русская линия». Выпуск от 07.10.2008.

[7] Там же.

[8] Там же. И надо же человеку врать с такой самоуверенностью. Россия, пишет он, при благословенном режиме Путина по уровню жизни «*сделала колоссальный рывок вверх*». Если, положим, судить по наручным часам министра образования, — тут г-н Друзь прав. А если по средней зарплате учителя в российской провинции, которому лет пятнадцать надо не есть, не пить, а только копить на такие часики, — тут г-н Друзь плюхнулся в большую и грязную лужу.

[9] Там же.

Впрочем, и это ведь давно знакомый шаблон. Если ты мыслишь не так, как они, не вступаешь в их дружину и тебя тошнит от их позлащенной фальши, то ты неизменно и сразу же становишься подлецом, выжигой и русофобом. Таковы давным-давно установленные в стане *дру́зей* нравы.

Переменятся ли они когда-нибудь? Бог весть...

Но вернемся к книге о. Владимира.

3

Все явное и сокровенное этой книги проникнуто острейшим чувством богоприсутствия. Мы можем пройти мимо Бога, — однако Он призовет нас или, по любимому слову о. Владимира, *окликнет*. В своей духовной лености мы не прикладываем усилий узнать Бога, — зато Он знает о нас всё, вплоть до наших маленьких тайн. Мы восклицаем в отчаянии: где Ты?, а Он предстает перед нами повсюду, «*Ибо сам вопрос уже несет под сердцем это "Ты"*»[10]. И дальше: «*Слово стало плотию, однажды и навсегда, во плоти Иисуса из Назарета, но — множество раз в красоте, теле, голосе, форме Им сотворенных вещей*».

«*Тот, кто не любит деревьев, не любит Христа*», — вспоминает о. Владимир греческого святого начала XX века Нектария Эгинского. Прибавим со своей стороны слова из апокрифического Евангелия от Фомы: «*Иисус сказал: Я — свет, который на всех. Я — все: все вышло из Меня и все вернулось ко Мне. Разруби дерево, Я — там; подними камень, и ты найдешь Меня там*»[11].

Разве не так? И не называл ли святой Франциск Ассизский солнце своим «братом»? И наш Лермонтов, поэт величайшего мистического дарования, не завещал ли он нам свое потрясающее по ощущению богоприсутствия стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива», где жизнь природы и становится подлинным богооткровением: «*И в небесах я вижу Бога*»... Бог всюду и во всем, — но Он «*ждет от меня, чтобы я разглядел написанное Им, чтобы по Его письменам провел линии своих путей*», — пишет о. Владимир. Познание Бога — личный труд каждого из нас, труд сердца, сознания, труд обращенного в себя взгляда, необходимость нравственных усилий, дабы «*разгадать правду своего бытия*».

По счастью, в этой наиглавнейшей для нашей жизни работе мы не одиноки. Ко многим из нас в юности, в молодые или уже довольно зрелые годы приходит — иногда даже совсем непрошенный — наставник и поводырь и увлекает за собой в прежде лишь предощущаемую область духовного поиска. У кого как: кто идет вслед человеку (недаром В. В. Розанов заметил, что мы доходим до Бога через человека), кто вслед книге,

---

[10] В. З.

[11] «Апокрифы древних христиан». М., 1989.

а кто неведомо за кем или чем, но с чувством, что доселе привычная жизнь стала ему тесна и неудобоносима. Нам есть, на кого опереться, — и в христианский традиции, и в мировой культуре.

Традиция и культура — два краеугольных камня, два столпа, на которые поставлена книга о. Владимира.

Немного найдется текстов, где бы с такой выпестованной неустанными штудиями непринужденностью и естественностью сочетались прозрения отцов Церкви и поэтические откровения разных времен и народов. Литература, поэзия в ее высочайших проявлениях имеет для о. Владимира значение не только и не столько эстетическое, сколько, если позволительно так выразиться, свидетельское. Поэт — свидетель; поэзия — его неопровержимое доказательство. Еще: истинное дарование — это провод прямой связи, дающий нам возможность общения с Небом. «*В каждом древе распятый Господь, В каждом колосе тело Христово, И молитвы пречистое слово Исцеляет болящую плоть*», — приводит (к сожалению, не полностью и не вполне точно) о. Владимир строки Анны Ахматовой, замечая чуть дальше, что творчество вовсе не обязательно должно быть исповеданием веры. Есть (к слову) одна поэтесса, которая много лет неутомимо пишет о Боге, Христе, вере, но от сонма ее стихотворений, — в том числе, надо сказать, и достаточно удачных, — в конечном счете возникает ощущение десяти ложек сахара в одну чашку чая. О Марине Ивановне Цветаевой не скажешь, что она была практикующей христианкой. И собственно религиозная тема не часто появляется в ее поэзии. А Бог — везде. Ибо существует некая грань, за которой даже самые правильные с христианской точки зрения слова будут напоминать почивших на окне бабочек, некогда вызывавших восхищение своей расцветкой и легкостью. Все слова будто бы сказаны, — но душа, онемев, молчит им в ответ. «*"Изведи из темницы душу мою!" — восклицает псалом, и вот искусство словно приходит для того, чтобы стать для нас освободителем и поводырем*»[12].

Куда оно ведет нас? О. Владимир отвечает примерно так: слово истинной поэзии ведет нас к тому Слову, через Которое все начало быть. О. Павел Флоренский недаром в качестве корня выделяет в слове «культура» — «культ». Все — оттуда, из опаляющей высоты простертого над нами Неба.

У о. Владимира, правда, есть известные оговорки по поводу творчества, в своем цветущем росте испытывающего соблазн замкнуться исключительно на себе. Художник, утверждает он, сознательно или нет «*часто хочет покорить мир своему видению, упиваясь самым неодолимым и разрушительным из наркотиков — самим собой*».

Не знаю, как насчет самого сильного наркотика, но зато, мне кажется, догадываюсь, что даже вопль художника, посетившего *сей мир в его минуты роковые*, ставшего современником крушения идеалов гуманиз-

---

[12] В. З.

ма или страны, которую он почитал возлюбленным Отечеством, — даже этот отчаянный вопль лишившегося надежды человека без всякой его задней мысли становится слышен миру: по крайней мере, той части этого мира, которая еще не утратила слух, зрение и способность к состраданию. И в какой-то, пусть даже краткий миг, мир смотрит на себя глазами художника и верит, что, действительно, мириады погибли «*за сдохшую старую суку, стухшую цивилизацию*» (Эзра Паунд), что юноши, посланные в окопы Великой Отечественной, были *прокляты и убиты* (Виктор Астафьев) и что «*Здесь мир стоял, простой и целый, но с той поры, как ездит* ***тот****, в душе и мире есть пробелы, как бы от пролитых кислот*»[13] (Владислав Ходасевич).

Скорее всего, я понимаю, что побуждает о. Владимира к известному максимализму в суждениях о художественном творчестве и даже к несвойственной его мышлению дихотомии.

Да, творение есть Евхаристия, призывает он в союзники себе митрополита Иоанна Зизиуласа; да, искусству дарована цель, определенная молодым поэтом по имени Кароль Войтыла как колодец самарянки; да, искусство тогда лишь выполняет свое предназначение, когда «*возвращается в стихию культа*»[14]. Все это, безусловно, так. И поэзия в ее лучших образцах действительно передает то, «*что стоит за словами и не выговаривается ими до конца*»[15].

Однако же не могу не заметить, что в духовных стихах Сергея Аверинцева, на которые в подтверждение своей мысли указывает о. Владимир, сквозит некий холодок, отрешенность от мира, окончательный и бесповоротный с ним расчет. *Мир грязен — мы чисты.* И верно: стихи незапятнанны, как тело русалки, но подобно ему лишены человеческого тепла. Как ни крути, с какого бока ни подступай к поэзии, она все-таки не умозрение и тем более — не богословие, а крик любви, боли, ненависти, отчаяния, крик, вырывающийся из глубины сердца и неведомо как обретающий высший смысл.

> ...По мне, в стихах все быть должно некстати,
> Не так, как у людей.
>
> Когда б вы знали, из какого сора
> Растут стихи, не ведая стыда...

Оборвем цитату. О. Владимир, вне всякого сомнения, знает, помнит и любит эти ахматовские строки. Но ему, священнику, хотелось бы поместить в церковный алтарь весь мир и вместе с ним — поэзию и поэтов. Он

---

[13] *Владислав Ходасевич.* Собрание сочинений в четырех томах. Том первый. М., 1996. С. 226.

[14] В. З.

[15] Там же.

призывает их сослужить вместе с ним; он видит их в облачении с трикирием и дикирием в руках; он вдыхает ладан, курящийся из возженного ими кадила. Между тем, вообразить у престола Франсуа Вийона, Павла Васильева, Марину Цветаеву, Александра Блока, Марселя Пруста, Николая Рубцова, Сергея Есенина, Уолта Уитмена (кто желает — может продолжить) столь же трудно, как представить литературу без них. И нечего даже пытаться пусть самым тонким и острым скальпелем отделить их творчество от их судьбы — судьбы грешников, переплавивших свой грех, свою страсть, свою боль в строки из беспримесного золота[16]. Все они так или иначе были в плену у самих себя — или творчества, — что в подобных случаях суть одно.

Но как «*Вызов Богу и нерассуждающее Его принятие связаны какой-то... неведомой правдой*»[17], так и некоторое наше с о. Владимиром разномыслие имеет, по сути, согласный взгляд на искусство, которое само по себе есть своего рода лествица, ступень за ступенью поднимающая человека к Небу. И сама его книга представляет собой примечательное явление высокой культуры, сочетающее глубину мысли и поэтичность слова. Всем своим строем, системой доказательств, искренностью переживания, отсылками к опыту святых отцов и трудам замечательных философов и богословов она увлекает нас за собой — в неустанный поиск истины. Друзья и братья, как бы слышим мы негромкий, но внятный голос автора, не уставайте, не опускайте рук — ищите то единое на потребу, что даст вам силы пройти эту жизнь и обрести вечность. Ибо «*...живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем*» (Рим 14: 8).

Много, чрезвычайно много сумел о. Владимир увидеть, почувствовать, угадать в настроениях современного человека, будто бы верующего, но клонящегося то в одну, то в другую сторону под дуновениями налетающих отовсюду ветров. Человек этот еще не утвердился как должно на камне веры и не вполне может устоять в горячем потоке бытия, но уже терзается сомнениями. Где Бог — и где я?! И вечный, мучительный, способный свести с ума вопрос: если Бог есть, почему я страдаю? Не будучи специально посвящена теодицее, вся книга от первой до последней строки представляет собой несмолкаемое *слава Богу за все*! Но все-таки есть и ответ пастыря на вопрошание взволнованного сердца — ответ в духе примирившегося с Богом Иова. Когда творится зло, когда тысячами гибнут неповинные люди, пишет о. Владимир, к небу летит вопрос, «*эхо которого отдается по всей истории: "Бог, где Ты?" ...Но разве неопровержимая "виновность" Твоя не есть ли еще более неопровержимое доказательство Твоего бытия? ...Потому что Ты дал мне глаза, которые*

---

[16] В 26-й Суре Корана «Поэты» (221 – 225) шайтаны представлены вдохновителями поэтов. Напомню, кроме того, мысль Андре Жида: «*Нет произведения искусства без сотрудничества дьявола*».

[17] В. З.

не могут примириться с бессмыслицей и гибелью. Ты еси — и не мне входить в суд с Твоими судами».

И какие спутники идут здесь рука об руку с ним! Право, иногда кажется, что усилиями о. Владимира на поверхности нашей жизни оказалась целая Атлантида, во всей своей красоте и мудрости представшая перед изумленными гражданами XXI века. Блаженный Августин, св. Иоанн Лествичник, св. Григорий Богослов, св. Игнатий Антиохийский, преп. Серафим Саровский, — все они, как собрату по вере, помогают автору книги утвердить нас в мысли, что сотворенный *по образу* непременно должен увидеть этот Образ: в себе, в окружающих людях, в облаках, деревьях, в самой крошечной былинке...

О. Владимир цитирует: «*...тот, кто познает тайну креста и гроба, познает также существенный смысл всех вещей*». Это слова преп. Максима Исповедника, еще одного спутника, из тех, кого мы называем *вечными* и чьи творения, несмотря на разделяющие нас века, при вдумчивом прочтении оказываются удивительно современными.

4

В книге о. Владимира словно бы горит ровное незатухающее пламя, в свете которого ответы на самые будто бы простые вопросы приобретают ранее не прочувствованную нами глубину.

Что значит — верую?

Так спрашивает себя о. Владимир, — и так, скорее всего, хотя бы раз в жизни должен спросить себя всякий, кто полагает, что он — христианин. Примерно по этому поводу незабвенный о. Сергий Желудков написал замечательную книгу «Почему и я — христианин». Завершая ее, он говорит: «*Посмотри на себя. Ведь и в твоей личной истории так унижается, так "не удается" христианство. Но это говорит совсем не о ложности христианства, а о его высоте и личном твоем недостоинстве*»[18]... Пастырь мудрый, он далее замечает, что наше неведение, иными словами, отсутствие положительного знания о бытии Божием есть условие нашей свободы, нашего свободного выбора.

«*Мне думается, говоря: "Верую", я всегда по-своему выбираю*», — пишет о. Владимир. Но когда человек выбирает, *зная*, — это одно; когда же он выбирает, *веря*, — это уже совсем иное.

Но вот стрелка сердечного компаса, поколебавшись, твердо встала напротив слова «Бог». Выбор сделан. Что влечет он за собой?

О. Владимир Зелинский прежде всего отмечает радость, ибо «*верую значит радуюсь*». С подкупающей психологической точностью прослеживает он душевное состояние человека, выбравшего жизнь с Богом. Да, я получил огромный, поистине неизмеримый дар. А чем ответил?

---

[18] *Желудков.* Почему и я — христианин. СПб., 1996. С. 257 – 258.

«Когда думаю, почему, собственно, называюсь верующим, застаю себя не столько за верой, сколько за неверностью ей».

Вот почему *«верую — всегда отчасти стыжусь»*. Как пишет где-то Блаженный Августин, началом его христианства было постоянное недовольство собой. В окружающей же нас действительности все устроилось как-то наоборот: чем больше нетерпимости, тем качественней кажется иным их исповедание христианства. И речь тут, увы, не о чувстве стыда (первой, кстати говоря, по Владимиру Соловьеву, составляющей начала веры, где далее им названы жалость и благоговение), а о чувстве избыточной самодостаточности, убежденности в непорочности своих слов и поступков, в нежелании (к примеру) признать глубокую греховность для священнослужителя тесной связи с тайной полицией. Никакого покаяния. Напротив: сегодня это предмет гордости.

Этой нашей незарубцевавшейся язвы о. Владимир не касается — его книга о другом. Однако ее вдумчивое чтение поневоле заставляет оглянуться окрест, бросить взгляд на минувшее и поразмыслить, отчего в нашем мире Благая Весть существует как бы отдельно от исторического христианства. Добросовестнейший историк Михаил Шкаровский пишет о стремлении православных епископов в Германии и на оккупированных территориях заполучить место под гитлеровским факелом[19]; беспристрастное исследование профессора Сергея Фирсова[20] в конце концов наводит на удручающую мысль о тупике, в котором оказалась Церковь с ее клиром и Священным Синодом на рубеже XIX и XX веков, перед Поместным Собором 1918 года; о том же свидетельствует протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский[21]. Говорить ли о Советской власти, навострившей топор для несломившихся *церковников*? О приготовленном ею с использованием старых имперских рецептов яде крайнего сервилизма? Яд отравил, перебродил и уже в наши дни плеснул наружу «православным сталинизмом». Пятнадцать лет назад Сергей Аверинцев писал: *«Нынче время гонений миновало, и нам грозит скорее противоположная опасность некоей неумелой пародии на православный истэблишмент в позднецаристском вкусе, — но как раз неловкость, несообразность этой пародии напоминает нам об истине, которая слишком дорого оплачена муками верных, чтобы о ней позабыть»*[22].

Но если, — сказано где-то, — при всех недостоинствах и даже пороках духовенства христианская вера не умирает, а живет, значит, вера эта истинная. И каждой страницей своей книги ее исповедует священник Владимир Зелинский.

---

[19] *Шкаровский М.* Крест и свастика. М., 2007.

[20] *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен. М., 2002.

[21] *Шавельский Г.* Воспоминания в 2-х тт. М., 1996.

[22] Цит. по: Нравственные ценности в эпоху перемен. М., 1994. С. 87.

Мы не отыщем в его труде парадоксов вроде знаменитого «credo quia absurdum». Зелинский верит, ибо глубоко чувствует и напряженно размышляет. Его христианство не «*Ферапонтово — терракотово, застывшее в бывшем*»[23], а Зосимово — исполненное дыхания жизни, любви и милосердия. Он знает, как тяжко и неуютно быть в неверии; он слишком хорошо знаком с этим почти трагическим разломом души, разладом между тем, кто мы есть, и тем, кем мы должны были бы стать; он пережил то возвращение к самому себе, к тому изначальному, что в каждом человеке заложено от рождения, но что так часто покрывается илом быта, повседневной суеты и ложных ценностей. И в зрелой полноте своего пастырского, богословского, литературного и человеческого опыта он говорит, что предваряющий наше появление на свет замысел Бога в некую пору обретает плоть, лицо, голос. «*...эта вызванная из небытия, сотканная любовью мысль Божия остается пока лишь первоначальным замыслом о человеке. Потом она вступит во время, войдет в нужные клетки, соединит родительские тела, обрастет земной, знакомой нам личностью с ее жизненным путем, характером, психологией, национальным типом. И незаметно уйдет в тень, как бы прячась от человеческой скверны. Но именно это сотворенное начало человека составляет его подлинную природу. Она принадлежит* ***эсхатологическому прошлому*** (подчеркнуто автором. — *А. Н.), но должна быть возвращена настоящему, восстановлена в нем*».

Я не случайно приберег под занавес этот отрывочек, один из особо любимых мною в книге о. Владимира. Мне кажется, вся она, будто в капле воды, отразилась здесь — с неожиданными поворотами мысли, вспышками яркого света, отточенным словом. Эсхатологическое прошлое, иначе говоря, необозримое будущее, бывшее бесконечно минувшим, зерно, брошенное в бытие любящей Рукой, напутствие в земную жизнь, возвращение и пробуждение — все это даже помимо нашей воли побуждает нас к некоему новому и ответственному размышлению. Жизнь становится трудом сначала понимания, а затем осуществления замысла; рождение может быть приближением к Богу, а может стать началом удаления от Него, — точно так же, как разными путями смерть может повести человека в иную жизнь.

Прочитав, нехотя ставлю на полку; потом снова беру в руки и снова читаю. «*Судьба человека: искать Царства в глубине, в сердце и создавать миражи или муляжи его в истории*».

Не слышен ли в этих словах отзвук глубокой печали Екклезиаста?

---

[23] *Священник Глеб Якунин.* Хвалебный примитив юродивый в честь Бога, мирозданья, Родины. http://www.gumer/info.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
в зеркале прессы
(декабрь 2009 – февраль 2010)

(Краткий обзор)

Первая годовщина нового патриаршества

Первого февраля 2009 года в главном кафедральном соборе Москвы, храме Христа Спасителя, состоялась интронизация — возведение на престол московских святителей — нового патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Годовщина его патриаршества стала предметом внимания многих СМИ. И это не удивительно, ведь речь идет об одной из наиболее харизматичных фигур современной России.

Подводя итог первому году нового патриаршества, есть соблазн провести параллель с модернизационно-инновационными инициативами, которые озвучивает светская власть. Но такое сравнение было бы не совсем корректным — РПЦ образца 2010 года позиционирует себя как сила консервативная, хотя и открытая к диалогу с нецерковным миром, — пишет 1 февраля **«Время новостей»**. Основными векторами нынешней церковной политики издание называет активный диалог с обществом и миссионерство (вплоть до вызвавших столько иронических отзывов «православных рок-концертов» и «воцерковления байкеров»).

Эксперты, опрошенные **«БалтИнфо»** (29 января), считают, что патриарх Кирилл стал «качественной заменой Алексию II». Агентство приводит любопытную статистику: так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, *48% россиян относятся к патриарху с уважением. Симпатию к главе РПЦ испытывают 24% россиян, надежду — 22%, доверие — 21%. Восхищаются патриархом Кириллом 10% граждан, 3% — его любят. Реже всего респонденты указывают на негативные эмоции: безразличие — 7%, недоверие — 2%, разочарование — 1%.*

Продолжает тему портал **«Кредо»** (2 февраля). *Самый свежий опрос ВЦИОМа показал: 64% респондентов заявили, что церковная политика, проводимая патриархом Кириллом, отвечает сегодняшним общественным запросам*, — пишет популярное интернет-издание.

Патриарх Кирилл — решительный сторонник прямых административно-командных методов организации церковной и общественной жизни. И не случайно первым делом патриарх Кирилл провел церковно-административную реформу, значительно расширил аппарат Московской Патриархии новыми структурами, а параллельно резко ограничил реальное значение демократических институтов церковного управления — начиная с Поместного Собора и заканчивая приходскими советами, — отмечают 3 февраля **«НГ-Религии»**.

Алексей Макаркин в статье «Сила и слабость Патриарха» (**«Ежедневный журнал»**, 03.02.2010) обращает внимание читателей на то, что патриарх во

внутрицерковной политике крайне осторожен. Пока что он учредил Межсоборное присутствие — консультативный орган, который должен искать ответы на сложные вопросы церковной жизни (вспоминается аналогичный орган — Предсоборное присутствие, — существовавший сотню лет назад, в период споров о целесообразности обновления церковной жизни). А также предпринял меры по расширению миссионерской деятельности. Гораздо бóльшие результаты, считает Макаркин, достигнуты в политической сфере. Президент Медведев санкционировал введение в общеобразовательные школы «Основ религиозных культур и светской этики» и присутствие в армии военных священников. А премьер Путин, в свою очередь, обещал провести массовую реституцию церковного имущества.

«Собственность в обмен на покаяние»

Пятого января, перед Рождеством, премьер-министр Владимир Путин навестил патриарха Кирилла в Даниловом монастыре и объявил, что государство готово вернуть Церкви исторические памятники, которые были в ее собственности до революции. В 2010 году было обещано передать в полную собственность Церкви Новодевичий и Высоко-Петровский монастыри, часть помещений которых занимают Исторический и Литературный музеи. Сейчас правительство работает над федеральным законом «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Разработчики откровенно признают: их задачи не ограничиваются ликвидацией законодательных пробелов, цель — облегчить религиозным организациям реституцию их собственности.

Согласно документу, чтобы получить имущество в собственность, религиозной организации необходимо обратиться в уполномоченный орган с заявкой, в которой она должна доказать свое право на получение имущества, — пишет 14 января **«Коммерсант»**. — *Речь в законопроекте идет о возврате не только храмовых комплексов и земель, но и имущества, которое относится к музейным предметам и коллекциям из музейного фонда РФ, а также архивных документов. Церковь не сможет претендовать только на особо ценные объекты — памятники и ансамбли, включенные в список всемирного наследия ЮНЕСКО (например, храм Василия Блаженного или храмовый ансамбль Московского Кремля; всего таких объектов около двадцати).*

29 января в статье, которая называется **«Собственность в обмен на покаяние»**, на портале **«Кредо» Роман Лункин** сообщает: *Обязательными условиями, которые должны сопутствовать принятию проекта, являются: одновременное принятие законов, которые позволят федеральным и региональным властям финансировать реставрацию, восстановление и содержание памятников культуры истории, переданных РПЦ МП в собственность, а также компенсация Церкви затрат на оформление имущества в собственность.* Автор приводит слова **о. Всеволода Чаплина**, заявивше-

го, что *речь идет не о реституции, так как это невозможно в современной России, и не только об РПЦ МП, так как закон коснется и других религиозных организаций. В обсуждении проблемы передачи имущества участвовали старообрядцы, протестанты, мусульмане, иудеи* и т. д. Кроме того, для музеев и других культурных учреждений необходимо предоставлять новые здания взамен тех, что переданы Церкви.

Между тем музейное сообщество бьет тревогу, потому что к его мнению власть имущие прислушиваться не желают. Как пишет 26 января **«Ежедневный журнал»**, музейщики выработали свою консолидированную позицию. Они предлагают совместное использование храмов-памятников Церковью и музеями. Если же это по каким-то причинам невозможно, то перед тем, как передавать древние храмы Церкви, необходимо выработать определенную систему правил их эксплуатации. В храмах должны поддерживаться необходимые параметры температурно-влажностного режима, исходя из которых будет определяться число богослужений и т. п.

«НГ-Религии» (20 января) рассказывают о реакции директора музея «Новодевичий монастырь» **Марины Шведовой** на планы государства передать обитель Церкви: *Это окончательное и бесповоротное решение нашего государства выглядело внутри музейного сообщества и лично для меня... ну, как дубиной огрели*, — призналась Шведова на пресс-конференции. — *Хотя наш министр культуры и высказал такую мысль, что фонд Новодевичьего монастыря — это и есть сам Новодевичий монастырь, но это не соответствует действительности. Фонд Новодевичьего монастыря создавался в советские годы — в 1928–1930 годах на основе Гохрана. В результате коллекцию, хранящуюся в Новодевичьем монастыре, только условно можно считать церковным и монастырским собранием. В Гохран свозилось все, что исчезало в Москве из церквей и монастырей, и, таким образом, это был результат какого-то черного передела, который был осуществлен в эти годы. Самое ужасное, что мы сейчас снова стоим перед каким-то вариантом такого же передела.*

Музейные работники выражают обеспокоенность за сохранность памятников культуры и музейных ценностей внутри церковной ограды. И для их беспокойства есть немало оснований.

Так, 23 декабря **«НГ-Религии»** поведала о судьбе Боголюбской иконы XII века, хранившейся с начала 90-х в Княгинином монастыре: *Официально сохранность древнего образа, оказавшегося в распоряжении Владимирской епархии РПЦ, должна была обеспечиваться соблюдением режима хранения с помощью специально оборудованного киота — камеры с поддержанием внутри нее искусственного климата. В присутствии специалистов, ежегодно посещавших монастырь, киот торжественно открывали, чтобы те могли убедиться в наличии иконы и неизменности ее внешнего вида, а затем снова запирали на замок. Так и продолжалось вплоть до весны 2009 года, когда сами монахини монастыря сообщили сотрудникам Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника о том, что с иконой*

что-то неладно. Музейщики же забили тревогу уже по-настоящему: икона оказалась поражена грибком. Вскоре стало выясняться, что хранение уникального памятника и особо чтимой святыни было только формальностью. В настоящее время Боголюбская икона находится в специально оборудованном помещении Владимиро-Суздальского музея, и возможность для россиян увидеть ее когда-либо вновь пока под вопросом.

Большой общественный резонанс вызвала история с передачей из Русского музея на временное хранение иконы Богоматери Торопецкой XII века храму элитного коттеджного поселка в Подмосковье. Как рассказывает 7 декабря **«Коммерсант — Власть»**, решение о передаче иконы было принято молниеносно. 24 ноября патриарх Кирилл обратился к министру культуры РФ Александру Авдееву с соответствующей просьбой. На следующий день Русский музей получил предписание Минкультуры выдать памятник. Сотрудники отдела древнерусской живописи музея протестовали, но под угрозой увольнения вынуждены были отдать икону.

Как замечает 4 декабря **«Время новостей»**, о предстоящей сделке общественность не знала, да и специалисты отдела древнерусской живописи Русского музея были уверены, что у чиновников из Министерства культуры РФ и «Росохранкультуры» хватит здравого смысла не передавать эту икону, находящуюся в очень плохом состоянии, вновь построенной церкви.

В тот же день, 4 декабря, **«Вести. Ру»** приводят слова директора Русского музея Владимира Гусева, который рассказал, что везли икону в специальном музейном автомобиле, в котором поддерживается необходимая влажность и температура. Музейных работников, прежде всего, беспокоит вопрос сохранности иконы в новых условиях. Владимира Гусева волнует и другая проблема: споры о временной передаче иконы для богослужений в новый храм в какой-то степени раскололи общество. Директор Русского музея предлагает такой вариант: *Если у верующих возникает потребность прикоснуться, приложиться к какой-то иконе, то и исторически так сложилось, что она находится в Русском музее, то у Русского музея есть Михайловский замок, где есть церковь архистратига Михаила. Мы можем сделать ее (икону) для совместного пользования музеем и Церковью.*

В связи с возникшей полемикой **Михаил Ситников** в **«НГ-Религиях»** (3 февраля) рассказывает о зарубежном опыте: *В Португалии благодаря цивилизованному диалогу Церкви и государства удалось создать или переквалифицировать несколько связанных с религиозной тематикой музеев — Сокровищницы соборов Лиссабона в Визеу, Музей Богоматери-Утешительницы в Фатиме, Музей Пия XII в Браге. Была учреждена Ассоциация церковных музеев, которой подписаны протоколы о сотрудничестве с полицией по особой программе «Безопасность Церкви». В Великобритании никакие перемещения из государственных музеев категорически не допускаются. Если Церковь изначально является владельцем объектов религиозного назначения, представляющих культурную ценность, то в интересах сохранности национального наследия контролирует их использование все*

равно государство. Разумеется, с привлечением музейных специалистов и с проявлением уважения к нормам религиозной этики. В Германии множество ценных экспонатов перешло от Церкви в собственность государства, которое предпочитает выплачивать за них компенсацию, но пересматривать существующую норму не склонно.

Еще одна важная тема, которая появилась в СМИ, была связана с ответом Церкви на «музейный вызов». В частности, журнал **«The New Times»** (25 января) отмечает, что музейные подразделения внутри РПЦ, призванные следить за сохранностью памятников старины, до сих пор выполняли чисто декоративную функцию. По мнению издания, Церкви давно пора создать специальный музейный отдел, который аккумулировал бы всю работу по сохранению культурного достояния и имел бы вполне определенные властные полномочия. Об этом впервые заговорили еще в начале 90-х годов, но дело с мертвой точки так и не сдвинулось.

«Основы православной культуры» в школе

В девятнадцати российских регионах в ближайший год пройдет очередной эксперимент — апробация нового школьного курса «Основы религиозных культур и светской этики». В пресс-релизе Министерства образования она описывается так: «Комплексный учебный курс "Основы религиозных культур и светской этики" включает шесть модулей: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур, основы светской этики. Один из модулей изучается обучающимся с его согласия и по выбору его родителей (законных представителей)».

По сообщению газеты **«Комсомольская правда»** (12 февраля), апробация нового предмета пройдет в Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Удмуртии, Чечне, Чувашии, Камчатском, Красноярском и Ставропольском краях, Вологодской, Калининградской, Костромской, Курганской, Новосибирской, Пензенской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Томской областях, в Еврейской автономной области. По результатам эксперимента планируется провести социологическое исследование и подготовить доклад в правительство России.

В типичной российской школе большинство учащихся либо православные, либо неверующие. Поэтому я полагаю, что самыми востребованными модулями будут «Основы православия», «Основы светской этики» и «История религий». Два последних, скорее всего, предпочтут школьники, которые не являются приверженцами какой-то религии. Если же класс многонациональный и одни дети выберут православие, другие ислам, третьи пожелают изучать буддизм и т. д., то класс можно разделить на группы. Но мы понимаем, что возможности школы не беспредельны. Если в классе окажется всего лишь несколько школьников, пожелавших изучать какую-нибудь отличную от православия религию (например, другую христианскую

конфессию — католицизм или протестантизм), то, вполне возможно, им предложат взамен курс «История религий» или «Основы светской этики». Последний — это предмет о нравственности, об общечеловеческих ценностях, — говорит президент Российской академии образования **Николай Никандров («Аргументы и факты»**, 11 февраля).

Как пишет **«Газета. Ru»** (26 января), у разработчиков пособий по новому предмету возникли разногласия. Представители конфессий считают, что светские авторы мало говорят о религии и морали, те же упрекают пособия по основам религий в излишнем миссионерстве. Ответственное за учебный материал издательство «Просвещение» заявляет, что все пособия находятся на этапе верстки: в школы они попадут к 1 апреля.

«Известия» (15 января) рассказывают читателям, что в Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования начинаются занятия с приехавшими из регионов педагогами-методистами (всего их будет 1000). Вернувшись домой, они должны будут подготовить 15 500 школьных учителей для преподавания нового школьного предмета.

Оценивая сам факт начала эксперимента, **«Независимая газета»** (30 декабря) замечает: *Решение президента было воспринято многими как компромиссное. Однако если рассматривать новую концепцию в контексте многолетней дискуссии, проступают некоторые нюансы. В частности, совершенно очевидно, что больше других от введения новой дисциплины выиграла Русская православная церковь, для иерархов которой продвижение «Основ православной культуры» в школу стало программной деятельностью, даже делом чести. По сути, государство нашло наименее конфликтный способ удовлетворить запрос РПЦ. Поезд тронулся, государство выступило в роли машиниста, Русская православная церковь — в роли VIP-пассажира, а прочие религиозные организации и общественные группы были вынуждены на ходу запрыгивать в плацкартные вагоны, чтобы не остаться на платформе и не наблюдать за тем, что будет происходить дальше, со стороны.*

Рождественские чтения

Рождественские чтения вошли в жизнь Церкви и страны как очень открытый и интеллектуальный духовный гражданский форум, на котором обсуждаются вопросы, имеющие судьбоносное значение для жизни страны. Эти слова патриарха Кирилла, прозвучавшие после литургии, открывшей XVIII Международные Рождественские образовательные чтения, процитировали самые разные издания, в частности, информационное агентство **РИА Новости** (22 января).

Была отмечена и основная тема чтений: перспективы сотрудничества государства и Церкви в сфере образования. *Участники чтений с учетом исторического опыта Церкви и современного состояния общества обсудят проблемы, связанные со взаимодействием Церкви и государственной систем*

образования, а также методы катехизации (поучение, наставление) людей, желающих войти в число подопечных РПЦ, — сообщила 24 января газета **«Взгляд»**.

Предваряя подробный рассказ об обсуждении на Чтениях темы катехизации, газета **«Кифа»** в своем февральском выпуске (№ 2[108]) заметила, что *самыми интересными оказались секции направления «Катехизация и Таинства Церкви»*. О том, что это действительно так, позволяют судить опубликованные в издании фрагменты и тезисы докладов участников секции, преподавателей Свято-Филаретовского института А. М. Копировского, В. И. Якунцева, Н. А. Адаменко. *На наш взгляд, особо интересным является тот факт, что Священное Писание Нового Завета и писания отцов-катехизаторов содержат в себе постоянную скрытую или открытую полемику с язычеством, агрессивно пытающимся проникнуть в церковную ограду. И задаешься вопросом: что привлекает язычество в Церкви, в ее общине, братстве, приходе? Возможность социальной и психологической компенсации? Карьерные мотивы?.. Чудо?.. Несть, видимо, числа этим мотивам, основная характеристика которых — потребительство... Основной задачей в этой полемике для св. отцов было разрушить ложную уверенность в спасении через крещение, но без предваряющего покаяния. Эту уверенность всегда проповедовало квазицерковное язычество*, — эти слова **В. И. Якунцева** говорят о контексте и уровне обсуждения самых насущных на сегодня вопросов церковной жизни.

Именно эта тематика Рождественских чтений наиболее широко прозвучала в прессе. Сайт **Regions.ru** в материале, озаглавленном **«В России прекратят крестить без оглашения»** (28 января), отметил не только то, что на пленарном заседании направления «Катехизация и Таинства Церкви» с докладами выступили пять епископов, но и то, что, *по общему мнению участников, таинство крещения в современной Церкви нельзя совершать без оглашения (подготовки к нему). То обстоятельство, что далеко не во всех храмах и епархиях это осознается, является отголоском советского атеистического времени, когда подготовка к крещению, как и любая просветительская церковная деятельность, были уголовно наказуемым деянием.*

В подробном репортаже **Юлии Зайцевой** о работе секции, опубликованном 28 января информационным агентством **«Благовест-инфо»** и перепечатанном порталами **«Религия и СМИ»** и **Богослов.ru**, эта мысль дополняется словами **епископа Саратовского и Вольского Лонгина**: *Сейчас катехизация — один из самых насущных и, в то же время, пререкаемых вопросов нашей церковной жизни.* По мнению архиерея, причина неприятия катехизации кроется не только в инерции советского прошлого, но и в потребительском отношении к Церкви, которую часто воспринимают как «магазин ритуальных услуг», где катехизация рассматривается как «досадная нагрузка». Нет быстрых способов для введения повсеместной катехизации, считает он, предстоит рутинная работа на много десятилетий.

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

Библиографическая служба «Континента»

В ЗЕРКАЛЕ САМОПОЗНАНИЯ

Обзор философских и социологических публикаций четвертого квартала 2009 г.

Выводимы ли идеалы и нормы человеческого бытия из того, что нам известно об устройстве мироздания? *ЗАВИСЯТ ЛИ НАШИ МОРАЛЬНЫЕ НОРМЫ ОТ НАШИХ ЗНАНИЙ*? Может ли добросовестный разум вывести «должное» из «сущего»? Следует ли, говоря философским языком, этика из онтологии? Этой проблеме, обсуждаемой в европейской философии со времен Юма и Канта, посвящена статья **Михаила Шахова «Возможен ли переход от знания о сущем к знанию о должном?»** («Вопросы философии», № 11). По мнению автора, положительный ответ на этот вопрос дает религия. Так, уже в платонизме нет и самого зазора между «сущим» и «должным», они тождественны: платоновские чистое добро, абсолютная справедливость и т. п. существуют объективно и доступны нашему познанию. Ясную связь между устройством мира и морально-этическими требованиями автор статьи обнаруживает и в христианстве, для которого бессмертие души и загробное воздаяние — важнейший элемент представлений о мире. И хотя эта доктрина, замечает Шахов, непосредственной опытной проверке не поддается, она, тем не менее, относится к *описательным* высказываниям (знанию о сущем), а не к оценочным или предписывающим (знанию о должном), т. е. этическим. Однако, рассуждает далее Шахов, эта доктрина необходимо должна быть дополнена высказываниями этического типа, позволяющими узнать, какое именно поведение принесет личности награду, а какое — наказание в загробной жизни (ведь в иных верованиях вечного блаженства сподобится тот, кто убил как можно больше врагов и забрал их души). На это и существуют христианские заповеди, которые, согласно Шахову, можно назвать *описательно-оценочными суждениями,* т. к. они не только содержат предписания, но доводят до человеческого сознания объективно существующий богоустановленный закон, т. е. рационально обосновывают эти предписания.

Христианская гносеология, пишет Шахов, предполагает, что наши знания о мире содержат в себе верное, хотя и не исчерпывающее, отражение реальности. Однако в исторических условиях христианству в своем отношении к разуму приходится полемизировать, с одной стороны, с крайностью атеистического рационализма с его претензиями на всеведение разума, а с другой, — с крайностью агностицизма, отрицающего саму возможность отличить истину от заблуждения.

Автор статьи указывает на *принцип Юма*, согласно которому «знание о должном» из «знания о сущем» вывести невозможно. То, что идея эта была высказана именно агностиком Юмом, представляется Шахову показательным. И в дальнейшем, отмечает он, идею автономии морали от научного знания развивали мыслители, трактовавшие знание иначе, чем адекватное представление об объективной реальности. Однако, замечает Шахов, ни одна секулярная теория не в состоянии строго обосновать максиму, согласно которой, познав объективные законы развития, надо непременно следовать им. Отличие христианского учения в данном случае состоит в том, что в нем *понятия добра и должного наделяются самостоятельным онтологическим статусом как выражение воли Божьей.* Если христианство объясняет, что нельзя грешить, потому что такова воля Божья, нерелигиозные этические концепции вынуждены довольствоваться разными вариациями ни на чем онтологически не основанной тавтологии («нельзя делать зло людям, потому что делать людям зло нельзя», и т. п.). Отсюда только два выхода: либо вернуться к платонизму и наделить ценности (имплицитно или явно) самостоятельной сущностью, или признать относительность как знания, так и ценностей.

Резюме автора следующее: для платонизма и христианства «принцип Юма» не неправилен, а некорректно сформулирован: поскольку ценности имеют статус данностей, не существует и проблемы логического перехода от данного к должному. Для систем же, отрицающих объективное бытие заповедей (ценностей), принцип Юма верен.

Итак, Шахов доказывает, что «принцип Юма» справедлив для секулярного пространства и в обезбоженной картине мироздания невозможно непротиворечиво вывести оценочные утверждения из описательных. Попытаемся продолжить эту мысль, вспомнив о бесспорном факте существования людей, не исповедующих «*объективного бытия заповедей*» и, тем не менее, высоконравственных. Не напрашивается ли вывод о том, что нравственным человека делает что-то иное, нежели легкость рационального перехода от сущего к должному? Не может ли решение в пользу нравственности вызываться чем-то иным? Короче говоря, свободно ли это решение? В своей статье, хочет того Шахов или нет, религиозная этика в очередной раз предстает точным знанием «алгоритма спасения» и стремлением «заработать» это спасение, действуя согласно беспроигрышному алгоритму.

Профессора Венского университета **Герту Нагл-Дочекал**, автора статьи **«"Множество форм непубличного рассудка?" Религиозное разнообразие в либеральных демократиях»** («Вопросы философии, № 9), в первую очередь волнует вопрос, как *ПРЕДОТВРАТИТЬ КОНФЛИКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С РАЗЛИЧИЕМ РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ.* Либеральный способ решения этой задачи как будто бы известен: обеспечение публичной сферы, где все граждане общества, независимо от своих убеждений, пользовались бы единым языком, позволяющим им обсуждать и

решать вопросы общественной жизни на основе разумных аргументов. Однако коммуникативные способности религий вызывают немалые сомнения у современных философов. Так, Дж. Ролз считает, к примеру, что религии *даже близко не могут подойти к взаимопониманию*, их язык *предельно темен*, поскольку связан с верой в недискутабельные, непогрешимые истины откровения (по выражению Хабермаса, язык религий представляет собой *непрозрачное другое разума*). Иными словами, в среде ведущих социальных философов современности сложилось убеждение, что для статуса общечеловеческого пригоден исключительно современный секулярный язык, лишенный связи с догматизмом. Автор статьи берется доказать, что подобное убеждение недостаточно обосновано, и привлекает в союзники Канта и Гегеля. Во-первых, пишет Нагл-Дочекал, в случае такой абсолютной непроницаемости невозможен был бы перевод с религиозного языка на секулярный, а следовательно, и обращение неверующих людей в ту или иную веру, что, как известно, случается. Да и сам барьер между людьми религиозными и нерелигиозными не столь непроницаем, и даже те, кто себя верующими не считает, в силу общей человеческой разумности обладают некоторым базовым пониманием того, что такое религия. Преувеличивают современные философы и догматизм религий. Нагл-Дочекал указывает: религиозные традиции потому и сохраняются веками, что верующим удается перетолковывать глубинные убеждения своей веры с учетом современных условий. Таким образом, резюмирует автор статьи, существующие религиозные учения допускают интерпретацию, связанную не только с частными доктринальными вопросами, но и с экзистенциальными, т. е. моральными следствиями.

ФЕНОМЕН СТРАХА И СОВРЕМЕННОСТЬ — тема эссе **«Страх из 2009 года»** («Неприкосновенный запас», № 5 (67)). Это одна из последних работ выдающегося философа, филолога и правозащитника **Александра Пятигорского** (1929 – 2009). Его размышления о страхе весьма объемны и многосторонни. Страх для Пятигорского — это в первую очередь *состояние, способное полностью приостановить рефлексию*, мышление о чем бы то ни было. С другой стороны, само состояние страха может быть предметом рефлексии. Те же, кто не рефлексирует над своим мышлением о страхе, часто оказываются в полной власти низового, чисто психического страха и быстро начинают онтологизировать объекты страха, приписывать им собственное существование, забывая, что они — фантомы, порожденные неотрефлексированным страхом. Онтологизация объектов страха, считает Пятигорский, необходимо приводит к онтологизации самого страха, который сам становится «страшной вещью», и тогда появляется *страх страха*. Люди боятся страха смерти больше, чем самой смерти, боязнь негативных состояний сознания давно уже стала общим местом в работах по психиатрии и клинической психологии. В сегодняшней фазе развития «страха страха» как психосоциологичес-

кого феномена особенно видны две тенденции: антииндивидуальность (уверенность в том, что мыслимый и переживаемый конкретной личностью страх должен более или менее таким же образом мыслиться и переживаться другими) и антирефлексивность (отделение интеллекта от психизма, исключение последнего из сферы исследования и наблюдения, приводящее к еще большей эскалации страха). Обе указанные тенденции в развитии *страха страха*, как и ощущение самосущности, онтологичности страха характерны для ситуации, сложившейся к началу XXI века. Пятигорский называет все это «*страхом 2009 года*». По его мнению, сегодняшнее производство страха средствами массовой информации четко ориентировано на потребителя с ослабленной рефлексией и крайне размытой идеей социальной ответственности. Неудивительно, что наиболее популярным продуктом становится «*макрострах*», объекты которого как можно более «размыты» в пространстве своего действия: глобальное потепление, глобальное загрязнение окружающей среды, глобальный же дефицит продовольствия и, наконец, глобальный терроризм (*примечательно*, иронизирует философ, *что в этом списке отсутствует страх глобального возрастания невежества*). Макрострах не рефлексируется как актуальное состояние сознания, остается латентным. Но именно из-за своей неотрефлексированности он все сильнее и сильнее давит на психику наших современников. Сегодня наше знание о том, чего мы боимся, не уменьшает нашего страха, ибо рефлексия страха находится как бы в другой клеточке нашей эпистемологической структуры, чем клеточка, занимаемая знанием. Иными словами, мы точно знаем, чего боимся, но не знаем, что представляет собой то, чего мы боимся. Это ясно видно на примере страха терроризма, где неизвестны ни сама сущность терроризма, ни его субъекты, ни исполнители.

Большое внимание в эссе Пятигорского уделено соотношению страха и культуры, «статусу» страха в культуре. Здесь автор различает ситуации «освобожденного» и «неосвобожденного» страха. Так, если «макрострах» «освобожден», легитимен в культуре, то страх индивидуальный закрыт, подавлен в выражении, табуирован в личном поведении и речи, — даже в разговоре с самим собой. Болезни, — скажем, рака, — человек боится больше, чем термоядерной войны, и именно вследствие своей неосвобожденности частный страх болезни сильнее любого «макростраха». Однако страх, не контролируемый рефлексией и освободившийся от этических ограничений, может привести просто к безумию.

Следующая статья возвращает нас к актуальным проблемам социальной этики, попутно затрагивая и внеэтические измерения. Благое намерение обеспечить всеобщую вежливость, гарантировать социальную жизнь от оскорблений, чреватых конфликтами, порой оборачивается на современном Западе доро́гой в ад. То есть ведет к полному блокированию языка, к невозможности обсуждать то, что требует обсуждения, к запрету общественного и даже приватного диалога. Так называемую

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ, буйствующую ныне в США и других странах, уже окрестили «чумой XX века». Солидарен с этим определением и **Леонид Голдин**. Абсурд, до которого нередко доходит жизнь с политкорректностью в действии, он описывает в своей статье **«Политкорректность — опиум для властей и народа»** («Слово/Word», № 64): *Чтобы не обидеть молодых мусульман в аэропорту, за компанию обыскивают белых старушек в инвалидных колясках, полицейский опасается лишний раз остановить бандитского вида и поведения черного подростка. Политикам приходится участвовать в гомосексуальных парадах, кандидатам в президенты — обсуждать с водопроводчиками проблемы, в которых экономисты с нобелевскими регалиями не разберутся, советоваться с хозяевами бакалейных лавок и матерями-одиночками, брать на руки и целовать детей, желательно черных.* И так далее. Сегодня, пишет Голдин, любой разговор профессионала о состоянии умов широких масс зачастую находится под запретом и может обернуться профессиональным самоубийством. То же касается и высказываний на расовую, гендерную и другие темы, в том числе вполне невинных с точки зрения здравого смысла, но неугодных с точки зрения ортодоксов политкорректности.

Политкорректность — это стремление подчинить язык неким общественным нуждам, мышление в духе популистской утопии, предполагающее наличие правильных ответов на все вопросы бытия (и, добавим, соответствующих рецептов). Родина этой идеологии — вовсе не Америка, и время появления — далеко не последние десятилетия. Многие исследователи, пишет автор статьи, прародительницей политкорректности считают коммунистическую ортодоксию, отголоски которой унаследовали западноевропейские философы «франкфуртской школы», в большинстве своем марксисты-ревизионисты.

В целом же, считает Голдин, политкорректность, хотя тоталитарная по природе, связана в первую очередь не с манипуляцией общественным сознанием, а с естественным рефлексом предпочесть комфорт неприятности. Только вот никакие мрачные призраки от этого не рассеются.

Может быть, мир вообще настолько перевернулся, что и *США* сегодня на полных парах *ДВИЖУТСЯ К СОЦИАЛИЗМУ*? Ведь нынешний кризис вызвал у многих разочарование в полной свободе предпринимательства, возродил интерес к регулированию в экономике, государственному участию в ней, а поборников нестесненного рынка привел в растерянность[1]. Участившиеся в США попытки переосмыслить социализм констатирует тот же **Л. Голдин** в статье **«Призрак социализма бродит по Америке»** («Слово/Word», № 64). Конечно, социализм в сознании сегодняшних американских интеллектуалов-критиков капитализма — это

---

[1] Иллюстрация того, что о тенденции «марксизации» США заговорили уже вполне всерьез, содержится, например, в интервью Андрея Илларионова, опубликованном в прошлом номере нашего журнала.

не Госплан с пятилетками, а что-то вроде франко-германско-скандинавской модели госрегулирования экономики и социальной поддержки. Но и такой социализм, по мнению этих критиков, противостоит растущей безработице, тысячекратным разрывам в доходах граждан, безудержной эксплуатации природных ресурсов и прочим «прелестям» капитализма. Однако, пишет Голдин, и эти критики вынуждены признать новые противоречивые реалии, которые и не снились ортодоксальным марксистам и которые не терпят простых решений в духе «отнять и поделить» («использовать в интересах всего народа»). Ведь богатые платят львиную долю налогов, в основном и пополняющих казну. Как ни парадоксально это для кого-то звучит, именно расточительность, безудержный рост богатства и потребления и обеспечивают жизнеспособность страны. Опора системы США — потребитель, и ни одна социальная группа не проявляет желания жить скромнее. В этом, констатирует автор, американское общество достигло согласия и гармонии; здесь даже популярен лозунг: «*прояви патриотизм — потрать побольше*». Ибо благоразумное, с точки зрения традиционного здравого смысла, стремление ограничиться в трудные времена необходимым, сберечь побольше на черный день — именно этот черный день бы и приблизило: американская экономика рухнула бы окончательно. Марксова доктрина, пишет Голдин, основанная на представлении о растленных высших классах и прогрессивных низших, которые, овладев производством и госуправлением, установят рациональный и справедливый общественный строй, не работает в Америке, не имеет в ней ни экономической, ни социальной базы. Да, капитализм должен модифицироваться в соответствии с требованиями времени и обстоятельств. Но эти изменения не пойдут по прописям каких бы то ни было ортодоксальных идеологов, приверженных незыблемой генеральной линии. Американцы — прежде всего прагматики и проблемы свои будут решать не по «Капиталу» и даже не по Адаму Смиту, а, скорее всего, в соответствии с моралью *Whatever works* — сгодится все, что работает. Таким образом, слухи о «марксизации» Америки Леонид Голдин считает преувеличенными.

А что же Россия? Как назвать то, что на сегодня построили мы? Вроде бы уже не год и не два наша страна живет по законам, которые не назовешь социалистическими. Между тем воззрения, которые можно обозначить как «левые», социалистические, в обществе только крепнут, констатирует **Алексей Левинсон** в статье «***АРХАИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ***» («Неприкосновенный запас», № 5 (67)). Ведь если посмотреть на нашу политическую сцену, можно увидеть, что ничего другого, кроме различных вариантов *левого*, там и не предлагают. Парламентские партии, относимые к оппозиции, различаются лишь в нюансах лево-популистской риторики. И левизна наша, как водится, специфически российская: это смесь державно-государственнических взглядов в политике (т. е. то, что обычно считается правизной) с антирыночными или социалисти-

ческими в экономике. Левинсон выявляет истоки подобной мешанины в сознании массовых слоев общества. Основные социальные группы взрослого населения страны: 1) рабочие, 2) служащие и специалисты, 3) пенсионеры. Очень многие промышленные предприятия, на которых трудятся люди первых двух категорий, сохранили с советских времен не только оборудование, здания, инфраструктуру, технологию, но и все социальные отношения — производственные и человеческие. Свою судьбу их работники вручили некоему непосредственному начальству, но связи с высшим руководством, как правило, не имеют. Критическая оценка такого дистантного руководства сохраняет скрытую апелляцию к государству, которое *должно вмешаться*. О пенсионерах и говорить нечего: они чувствуют себя полностью зависимыми от государства, его за все благодарят и его же во всем обвиняют. Сказанного достаточно, чтобы не удивиться следующему результату: по состоянию на 2008 год 80% россиян считают, что большинство людей в нашей стране не сможет прожить без постоянной заботы со стороны государства. Тех же, кто считает, что *люди должны проявить инициативу и сами позаботиться о себе*, всего 12%. Показательно, что при Ельцине подобные патерналистские настроения, хотя точно так же и преобладали, не были подавляющими: путинская государственническая риторика, пишет автор, привела к их дальнейшему распространению. Отмечает Левинсон и еще один интересный парадокс: требование *самим заботиться о себе* активнее всего поддерживают те, кто явно отождествляет себя с государством, т. е. слой руководящих работников. Это вполне соответствует ситуации последних лет: популистская риторика, поощряющая социалистические запросы публики, прикрывает экономическую политику, похожую на либеральную в том смысле, что населению предложено опираться на свои собственные силы и не рассчитывать на господдержку. Получается, что представления большинства населения существуют без оглядки на происходящее в стране, носят сугубо идеологический, а не практический характер. Что, в частности, доказывается и нединамичным, ригидным характером этих представлений: с первых шагов от социализма «к рынку» и по сей день все доминирует та идея, что «командные высоты» в экономике не должны принадлежать частным лицам, и остается незыблемым отношение к земле как к «ничьей», т. е. предназначенной для того, чтобы принадлежать «*нам*», «*народу*». На другом конце подобного представления о земле, которая «*ничья*», «*общая*» и «*наша*», лежит идея о праве горожанина на собственный участок. Эти пресловутые *шесть соток*, считает Левинсон, имеют совсем иной статус, нежели земельные владения горожан в других странах. Здесь сказывается наследие политики советской власти, которая, всячески ограничивая земельную собственность для сельских жителей, одновременно шла на предоставление участков горожанам. В итоге значительная часть российского населения ведет образ жизни (например, в «частном секторе» городов), который нельзя

считать ни городским, ни деревенским. На индивидуальных участках, в личных подсобных хозяйствах, — т. е. в условиях ручного труда и технологий земледелия, восходящих к неолиту, — в советское время производилась огромная доля картофеля, «второго хлеба» страны. Эта архаика, по мнению автора, и есть та среда, в которой живут социалистические воззрения масс россиян. Впрочем, делает оговорку Левинсон, практика общественной жизни показывает, что преобладающий лево-социалистический дискурс не является непреодолимым препятствием для перехода к иной практике и к поддержке правого политического курса.

В статье **«Всех времен и народов»** («Неприкосновенный запас», № 6 (68)) тот же **А Левинсон** делится социологическим аспектом еще одной особенности сегодняшнего российского менталитета — *ПОТРЕБНОСТЬЮ В СТАЛИНЕ*. Если раньше все твердили, пишет он, что при Сталине был порядок, то теперь в основном упирают на то, что при нем мы победили в войне, не только освободив свою землю, но и присоединив много новых земель, став великой державой. В то же время, отмечает Левинсон, отнюдь не все в стране испытывают потребность в Сталине. Отношение к этой фигуре у нас полярно. Середины в восприятии Сталина нет: он — или величайший злодей, или величайший герой. Нынешнее отношение россиян к «величайшему вождю всех времен и народов», как считает Левинсон, — результат сложного исторического процесса, в котором имели место и культ личности, и несколько волн как ниспровержения кумира, так и его реабилитации. Повышение интереса к генералиссимусу в 90-х, пишет автор, неотделимо от общей тенденции найти опору в державном (советском и имперском) прошлом и в этом смысле взаимосвязано с ростом рейтинга, скажем, Петра I. С приходом к власти Путина в первую пятерку наиболее выдающихся людей всех времен и народов возвращается Ленин, входит Гитлер (в 2003 году это имя назвали 11% респондентов!) и попадает сам Путин. В наши дни всех обгоняет Пушкин (47%), Сталин — на третьем месте, Путин — на пятом. Зачем Сталин нужен нынешней власти? — задается вопросом Левинсон. Одно из предложенных им объяснений: власть видит, что за эпическое величие генералиссимусу прощаются все грехи, и эксплуатирует такое отношение общества для большего высвобождения рук. Ведь в России со времен отречения Романовых с харизмой власти связывается лишь фигура «вождя», диктатора. Такая «вождистская» модель власти благоприятствует Путину: со своим нынешним рейтингом он имеет мощный прототип именно в лице Сталина.

СПЕЦИФИКА ПОСТСОВЕТСКОГО СОЗНАНИЯ — в фокусе размышлений и социолога из Вены **Анны Шор-Чудновской** (**«Понять постсоветского человека»** — «Неприкосновенный запас», № 6 (68)). По опыту автора, многие западные исследователи не видят в самом понятии «постсоветское» ничего достойного особого внимания: мы все сегодня живем с ощущением «пост-» — в постиндустриальном обществе, в об-

ществе постмодерна, постметафизики и т. п. Однако вялый интерес к «постсоветскому» является для Шор-Чудновской свидетельством беспомощного, поверхностного понимания российской ситуации. Постсоветское сознание, на взгляд исследовательницы, обладает рядом ярких особенностей. Прежде всего это — повсеместное распространение в российском обществе *механизма имитации*. Имитируется все: от демократии и плюрализма до товаров массового потребления. Кое-что копируется с искренней целью освоить и перенять образец, однако в основной своей тенденции у имитации этой нет другой цели, кроме самой имитации. При всей пестроте картины, полагает автор, главная черта постсоветского сознания связана с его отношением к недавнему прошлому. Антропологический тип «homo postsoveticus» — это человек, не сумевший покинуть советскую действительность; он продолжает черпать ориентиры, вопросы и ответы в мире, которого больше нет. Постсоветский человек пришел из общества, охваченного мифом, миражом, идеологическим туманом, и предвидеть, что из этого *затуманенного материала получится*, непросто. Российское общество, полагает автор, только еще движется к тому рубежу, за которым будут возможны новации и развитие. Необходимо расстаться с фантомным состоянием и начать строить новое, — желательно, на этот раз не тоталитарное — общество. Шор-Чудновской видятся здесь три «проблемных поля»: 1) боязнь самих себя, слабость самосознания, доверия и солидарности; 2) самоидентификация с советским прошлым; 3) постсоветская разочарованность, *жизнь после мечты* — после советской утопии грядущего небывалого общества, в итоге заведшей в тупик. Парадокс, трагедия и тупик, пишет Шор-Чудновская, во многом заключались в том, что от советского человека требовалось свободное созидательное действие, которое одновременно ограничивалось и регламентировалось до такой степени, что требуемый созидательный порыв нередко превращался в пустое, непродуктивное подчинение. Советский строй, иными словами, пытался примирить свободную творческую деятельность человека и добровольное подчинение. Поскольку же оборачивалось это рабским трудом в ГУЛаге, с годами пропагандистский призыв к творческому созиданию уже не мог восприниматься всерьез. Так рождался, используя выражение Ю. Левады, «*человек лукавый*», разочарованный во всем: в окружающих, в самом себе, в мечте, в стремлении к общему делу. Именно болезненным разочарованием в человеке Шор-Чудновская склонна объяснять сопротивление homo postsoveticus'а демократии, а торможением творческого воодушевления — победное шествие по России «гламура», сутью которого и является имитация (смысла и красоты жизни, успеха или события, которого на самом деле нет).

Попытки разобраться в различных аспектах сегодняшней жизни существа рода homo продолжает философский комментарий **Игоря Смирнова** (**«Homo oeconomicus и homo sapiens»** — «Звезда», № 12). Как и все в

жизни, замечает автор, экономика отражает борьбу идей и проникнута *сменными истинами*. Доминируют то идеологии распределительного хозяйства, то концепции свободного рынка. Однако катастрофические неполадки могут произойти и с тоталитарной приказной экономикой, и с вольным предпринимательством. Нынешний экономический упадок, по мнению автора, куда более масштабен, чем кажется, — здесь затронут не только экономический аспект жизни, но культура в целом. И как Великая депрессия конца 1920-х — начала 1930-х годов отражала исчерпание раннеавангардистского проекта, так за нынешним кризисом скрывается деградация некой претенциозной идеологемы, считает автор. По его мнению, этой идеологемой является постмодернистская концепция «постисторизма», гласящая, что после всяческих «смертей» (Бога, человека, теории и т. д.) мы очутились в некоем инобытии и не имеет смысла говорить о каком бы то ни было развитии и движении к цели. В таком *мире после истории*, убежден автор статьи, культура перестает быть орудием будущего спасения и приобретает исключительно сиюминутный и конформистский характер, сделавшись лишь средством развлечения и орудием политтехнологий. На рынке, можно сказать, есть все, кроме светлого будущего человечества. Однако, пишет Смирнов, нынешние экономические неурядицы — не что иное, как месть истории за попытки ее прервать и превозмочь. Эпохальные крахи, по его мнению, надвигаются лишь тогда, когда *настоящее оказывается более не продолжаемым*, т. е. когда современность, абсолютизируясь, жаждет вобрать в себя *всё* истории, не только стать одним из неповторимых ее периодов, но и заместить ее в полном охвате, перекраивая на свой лад образы минувшего и увековечивая собственные начинания. Современный же экономический кризис требует перестройки в экономике. А исторический опыт (в его интерпретации автором) показывает, что перестройка имеет шансы на удачу только тогда, когда зиждется на далеко заглядывающих вперед планах спекулятивного свойства. То есть для стимулирования экономики, полагает автор, необходима культурно-историческая *симуляция спасения,* — как это было у Гитлера и Рузвельта. И вопрос лишь в том, есть ли у культуры в настоящий момент достаточный *симулятивно-стимулятивный потенциал*, может ли она в творческом порыве высвободиться из тупика безыдейности. Увы, такого не обнаруживается, и автор констатирует скорее самодовольный, чем самокритичный характер современности, и, следовательно, прогноз его неутешителен. Если эпоха склонна к самодовольному перетолковыванию своего «здесь и сейчас» во «всюду и всегда», тогда настоящее оказывается тратой, нерациональным расходованием времени (и/или денег, если речь идет об экономике), которые фантомно инвестируются в то, чего больше нет, и в то, что неизвестно, будет ли.

Американца **Ричарда Пайпса** читателям представлять не надо. Знаменитый «советолог», которого на тысячу ладов «склоняла» советская

пресса, продолжает с завидным постоянством публиковать книги о России. Так что и сегодня Пайпс регулярно поминается в ряду первейших недругов нашего отечества. Интервью с «заклятым врагом» homo soveticus'ов публикует «Неприкосновенный запас», № 6 (68) (**«Мне трудно сказать, нравятся ли российским читателям мои книги...»**). *Мои мысли об истории России и о развитии вашей страны остались неизменными*, — признается Пайпс, главной и несомненной особенностью российской истории для которого остаются *сочетание автократии, патримониализма и империализма.* Пайпс не без грусти признается: при том, что он вроде бы достаточно известен в России и имеет у определенных людей имидж русофоба, его книги здесь почти не рецензируют. У него даже нет уверенности, слышал ли о нем что-либо президент Медведев...

«Вестник Европы» (№ 26 – 27) публикует статью **Джеймса Х. Биллингтона «Православие и демократия»**. Автор статьи полагает, что *проблема соотношения православия и демократии в России — едва ли не самая важная для выбора ее пути.* Свои рассуждения американский социолог начинает с констатации того факта, что два самых важных политических изменения в мире на исходе XX века проникнуты религиозной проблематикой и имеют религиозные корни. События эти — Иранская революция и обвал коммунистической Империи Советов, начавшийся с католического движения «Солидарность». Религиозная составляющая немало значит и для Соединенных Штатов, где христианство и демократическая эволюция тесно связаны. И где религиозные убеждения наряду с просветительским рационализмом воплощены в Конституции и *образуют двойственный корень демократической идентичности.*

Сложнее обнаружить какие бы то ни было связи между восточным православным христианством и демократией, пишет Биллингтон, приводя слова о. Георгия Флоровского: *трудно развивать демократию в империи или в пустыне.* В самом деле, пишет автор статьи, почти вся история восточного христианства проходила под контролем централизованной государственной власти, так что *западный мир по сей день пребывает в плачевном неведении по части православия, а если что-то и знает, — то разве что о его существовании в качестве придатка византийского или российского самодержавия.*

И все же, отмечает Биллингтон, дело демократии в российском православии не столь безнадежно. Свидетельством тому и религиозный ренессанс XIX — начала XX столетия, и явление художественного модернизма начала XX века, *во многом черпавшего вдохновение в богословском эстетизме восточного христианства — и прежде всего не столько в опыте словесном, сколько в безмолвном «богословии иконы».* К тому же среди христиан минувшего века (*а из каждых десяти мучеников на земле семеро приходятся на XX столетие*) самые крупные жертвы принесли русские православные: причем люди отдавали свои жизни не просто вследствие безумств и насилий советской власти, но именно *за веру.* Подоб-

ное мученичество, если рассматривать его с точки зрения обсуждаемой проблемы, было поистине демократичным, — поскольку всякий раз это был акт индивидуальной воли, самопожертвование, жертвенность *снизу*. Все перечисленное, наряду с более развитыми в России (сравнительно с индивидуалистичным Западом) общинным началом (*то, что русские именуют «бытовой демократией», а некоторые из них ссылаются на славянофильскую категорию «соборности»*) и совместным трудом, дает надежду на то, что и в православии возможен *общий процесс созидания демократии снизу*.

Конечно, иные моменты российской специфики, вроде «назначения» св. Варвары *на должность небесной покровительницы ракетных войск,* вызывают у автора недоумение. Тем не менее именно на православную церковь, на ее молодых и не зараженных национал-ксенофобией священнослужителей и активных мирян, а также на их коллег из иных исповеданий и деноминаций автор возлагает большие надежды в смысле развития общественной демократии — низовых инициатив и местной самопомощи. Поскольку уверен, что *религии предназначено сыграть ключевую роль в определении будущих судеб России*.

Обзор подготовил Дмитрий Матвеев

Михаил КОПЕЛИОВИЧ

ТРИ АЛЕКСАНДРА: ГАЛИЧ, СОЛЖЕНИЦЫН, ВОЛОДИН

1

Кто-то найдет странным сближение этих имен. Приведу свои аргументы в пользу такого сближения.

1. Все трое принадлежат к одному поколению, явившемуся на свет вскоре после воцарения на их родине власти большевиков. Причем разница в возрасте между ними — считанные месяцы: Галич родился 19 октября 1918 года, Солженицын — 11 декабря того же года, Володин — 10 февраля 1919-го.

2. Все стали видными, я бы сказал выдающимися, русскими (советскими) писателями. Каждый из них писал и стихи, и прозу, и пьесы, и киносценарии, и публицистику, и мемуаристику (Володин даже однажды сам поставил фильм по своему сценарию — «Происшествие, которого никто не заметил», а Солженицын в последние годы жизни не брезговал и литературной критикой). Но прославился — по заслугам! — каждый в своем главном и заветном: Галич в поэзии, Солженицын в прозе, Володин в драматургии.

3. Я (и не только я) полагаю, что с именами всех трех Александров связаны некие вехи в развитии соответствующих (главных для каждого из них) родов литературы, творческое наследие их обширно, а значение его уяснено еще не до конца (особенно это относится к Володину). Мало осознано и влияние этих фигур на дальнейшее развитие отечественной словесности.

Михаил КОПЕЛИОВИЧ — родился в 1937 г. в Харькове. Окончил Харьковский политехнический институт, работал по специальности. Как литературный критик и публицист выступает с 1960-х гг., до 1991-го под псевдонимом М. Санин, позднее под собственным именем. Автор трех сборников критических статей о русской классической, советской и зарубежной литературе. Печатался в журналах: «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Литературное обозрение», «Нева», «Новый мир», иерусалимском «22», а также с 1985 г. в «Континенте». С 1990 г. живет в Израиле.

4. Хотя писательские и человеческие судьбы их складывались далеко не одинаково, но один общий момент все-таки наличествует. Всем троим так называемая *советская общественность* время от времени «выщипывала перышки», а двоим — Солженицыну и Галичу — пыталась, сверх того, «выклевать глазки» (выражение еще одного Александра — Бека). С Галичем это до некоторой степени удалось, с Солженицыным — нисколько.

В литературу они входили в разное время и очень по-разному. Галич еще в 1940 году дебютировал бравурной пьесой «Город на заре» — о строительстве Комсомольска-на-Амуре, как оно виделось тогда трем соавторам: кроме Галича, это были Алексей Арбузов, к этому времени уже маститый драматург, автор знаменитой «Тани» (1938), и Валентин Плучек, будущий худрук Московского театра сатиры. Оба они были старше Галича на целое десятилетие. Вот как сам Галич описывает работу над пьесой в автобиографической повести «Генеральная репетиция» (1973):

«*Мы все делали сами: сами эту пьесу писали (под редакцией Арбузова), сами режиссировали (под руководством Плучека), сами сочиняли к ней песни и музыку, рисовали эскизы декораций*».

А вот как характеризует самое пьесу:

«*Жить делами и мыслями сегодняшнего дня — вот лозунг, который мы свято исповедовали!*

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что занимались мы чистейшим самообманом: мы только думали, что живем современностью, а мы ею вовсе не жили, мы ее конструировали, точно разыгрывали в лицах разбитые на реплики и ремарки передовые из "Комсомольской правды".

С одержимостью фанатиков мы сами ни на единую секунду не позволяли себе усомниться в том, что вся та ходульная романтика и чудовищная ложь, которую мы городили, есть доподлинная истина».

По прошествии шестнадцати лет, в 1956-м, Арбузов опубликовал «Город на заре» под одной своей фамилией, тем самым обокрав соавторов. И, добавляет Галич, «*уже зная все то, что знали мы в эти годы, попытался выдать за истину ходульную романтику и чудовищную ложь <...> Политическое и нравственное невежество нашей молодости стало теперь откровенной подлостью*».

Володин явился в качестве автора первой своей пьесы — «Фабричная девчонка» — в том же самом 1956-м: задолго до того, как пьеса была опубликована, ее поставил Г. А. Товстоногов на сцене Ленинградского театра имени Ленинского комсомола. Творческое содружество Володина с Товстоноговым продолжилось и тогда, когда последний возглавил Ленинградский Большой драматический театр.

Литературный дебют Солженицына помнят все: это была публикация в ноябрьской книжке «Нового мира» за 1962 год «Одного дня Ивана Денисовича».

Для полноты сообщаемых здесь биографических сведений укажу, что Володин и Солженицын в 1941 – 1945 годах воевали, причем последний

был арестован прямо на фронте. Галич по состоянию здоровья в действующую армию не попал, но, как он пишет в своей «Автобиографии» (1974), «*был одним из организаторов, участников и руководителей комсомольского Фронтового театра*». Можно предположить, что находились люди, которые, мягко выражаясь, скептически относились к подобным объяснениям со стороны евреев, а то, что Галич-Гинзбург — еврей, знали многие. Так вот, таким нелишне было бы напомнить, что и Володин-Лифшиц имел ту же национальность, но, будучи человеком здоровым, фронта не избежал, был ранен и имел солдатскую медаль «За отвагу». История о том, как Лифшиц стал Володиным, заслуживает отдельного разговора.

После войны судьбы этих троих складывались на редкость несхоже.

Галич оказался в фаворе, так как еще долгое время оставался лояльным режиму, писал вещи вполне дозволенные, которые впоследствии (все в той же «Генеральной репетиции») назвал «романтической мурой», отнеся к этому разряду даже такую пьесу, как «Вас вызывает Таймыр», пользовавшуюся общесоюзной известностью, обошедшую многие театральные сцены страны.

Володин долго искал себя. В поздних автобиографических «Записках нетрезвого человека» (1990; а есть у него еще и ранние, написанные в 60-х, — «Оптимистические») он признается: «*Была одна жизнь, я уже не знал, что делать с ней, и хотел другой жизни. И она началась — в армии* (он был призван в 1939-м. — *М. К.*), *и была огромна, и казалась бесконечной. Но вот и она кончилась, я уже думал, что и сам кончился вместе с ней. Но настала третья — и снова так огромна, и конец только-только еще начал проглядываться. И то — не ошибка ли?*» Третья жизнь началась со сценарного отделения ВГИКа, но в ту пору до писания киносценариев, впоследствии прославивших Володина в куда большей степени, чем его поистине новаторские пьесы для театра, было еще не так близко. Сперва при *распределении* его «*зачислили в сценарную мастерскую, где за солидную зарплату*» надо было писать сценарии. «*Я понял к этому времени, что писать их не могу и не буду никогда* (ха-ха! — *М. К.*). *Увернувшись от зарплаты и обязанности заниматься искусством, я пристроился редактором на киностудии научно-популярных фильмов в Ленинграде*». Так начался в жизни Володина Ленинград, где ему было суждено прожить около полувека и умереть 16 декабря 2001 года.

Где и как провел свое первое послевоенное десятилетие Солженицын, доподлинно известно всем. К тому же всегда под рукой и его «В круге первом», и «Раковый корпус», и пьеса «Республика труда».

Выше я уже говорил, что и Володин, и Солженицын на самом деле начинали не с того, чем впоследствии «пометили» собственные участки отечественного литературного пространства. Солженицын считал своим первым законченным, хотя и несовершенным, произведением пьесу в стихах (автор жанрово определил ее как комедию) «Пир победителей», под которой значится знаменательная помета: «*1951. Экибастуз,*

на общих работах, устно». А следующим его сочинением была трагедия в стихах и прозе «Пленники», также сперва (1952) создававшаяся устно в Экибастузском особом лагере, а затем (1953) дописанная в ссылке в Кок-Тереке. Там же в 1954 году Солженицын написал (уже *написал*!) драму «Республика труда», которую в смягченном варианте и под другим названием («Олень и шалашовка») пытался поставить в «Современнике» Олег Ефремов (номер не прошел). А первые рассказы созданы писателем уже «на воле» — в году 1959-м. РассказЫ — потому, что это был не только «Один день Ивана Денисовича», задуманный еще зимой 1950/1951 в Экибастузе, но в ту пору оттесненный другими замыслами (видимо, устно сочинять пьесы, тем более в стихах, проще, чем рассказы, где помимо реплик персонажей требуются еще и авторские описания), но и «Матренин двор», который, кстати, первоначально (как и «Иван Денисович») имел другое название: «Не стоит село без праведника».

Если большой *прозаик* Солженицын начал свое поприще с сочинений драматического рода, то большой *драматург* Володин дебютировал (в печати) рассказами, первый из которых нашел пристанище в альманахе «Молодой Ленинград». Стоит процитировать сценку из «Записок нетрезвого человека», связанную с этим литературным дебютом:

«*Когда в альманахе "Молодой Ленинград" первый мой рассказ приняли, воодушевленный этим, я пришел с шестилетним сыном в издательство. Редактор мне говорит:*

— *У вас такая фамилия, что вас будут путать. Один написал плохую статью о Шагинян, у другого какие-то нелады на радио.* (Фамилия Лифшиц — действительно распространенная: был известный философ Михаил Лифшиц в Москве, а в Ленинграде в это же время проживал известный детский поэт Владимир Лившиц — через «в», но это одна и та же фамилия. — *М. К.*)

Я-то понимал, в чем дело. Моя фамилия немыслима в оглавлении среди хороших молодых русских писателей.

— *Что же делать? — спрашиваю.*

— *Это кто — ваш сын?*

— *Да.*

— *Как его зовут?*

— *Володя.*

— *Вот и будьте Володиным.*

И я стал».

(А сын, став взрослым, укатил в Америку, благодаря чему отцу «его имени» удалось побывать в Новом Свете...)

2

И вот свершилось: все трое стали неоспоримым «элементом» (фактом, если кто предпочитает) советской литературной, театральной и —

шире —общественной жизни, возмутителями спокойствия. Володин — своими первыми пьесами. За «Фабричной девчонкой» последовали: «Пять вечеров» (1959), «Старшая сестра (1961; первоначальное название «Моя старшая сестра»), «Назначение» (1963). Первые две поставил Товстоногов на сцене БДТ, последнюю — Ефремов в «Современнике».

Обращусь к упоминавшимся выше «Оптимистическим запискам» Володина. Они состоят из глав, названных автором «благодарностями»: «*Благодарность кинематографу*», «*... деревне*», «*... армии*», «*... театру*». Последняя «благодарность» — «*недругам*». Приведу из нее (с пропусками) довольно длинный, но весьма информативный и эмоционально окрашенный пассаж:

«*Начиная с первой, мои пьесы, чем дальше, тем больше, систематически ругали: в прессе и с трибун, в момент появления и много времени спустя, и даже до того, как кончена работа, впрок.* <...>

"Фабричную девчонку" ругали за очернительство, критиканство и искажение действительности [1] <...>

Еще до того как я закончил пьесу "Пять вечеров", возникла формула, что это — злобный лай из подворотни. Однако там не оказалось лая, не было критиканства и очернительства — она вне этого, ниже этого или выше, как угодно. Тогда формулу изменили: "Да это же маленькие неустроенные люди, пессимизм, мелкотемье". Так и повелось: все, что я делаю, мелкотемье и пессимизм.

По отношению к "Старшей сестре" обвинение пришлось опять перестраивать. В одной газете написали даже, что здесь я выступаю против таланта.

В последней пьесе, "Назначение", был оптимизм совершенно явный, это комедия. Ее ругали неразборчиво, но категорически, за всё вообще».

Не возьмусь утверждать, будто первые пьесы Володина были сознательным выпадом против коммунистической системы с ее неравновеликим равноправием для партийных начальников и «маленьких неустроенных людей». Да только Володин же не с луны свалился на советскую землю. Он писал то, что видели его глаза и слышали его уши. А надо было писать «жизнь в ее революционном развитии». Так что и комедия, в которой на место одного начальника — чинуши и бюрократа Куропеева — приходит точь-в-точь такой же Муровеев (еще и фамилии у них рифмуются), не могла прийтись ко двору стагнирующему режиму Хрущевых-Козловых-Брежневых[2].

---

[1] Редакция «Записок нетрезвого человека»: «*... обвиняли в очернительстве всей нашей жизни*».

[2] Сегодня мало кто помнит Фрола Романыча Козлова. Это ленинградский кадр, одно время стоявший ближе всех к Никите. Рано ушел из жизни, а то, возможно, именно он бы унаследовал от Хрущева «скипетр и державу» в партийной иерархии.

Еще о сценической судьбе «Назначения» (это уже из поздних «Записок нетрезвого человека»):

«*Начальственные просмотры* (в «Современнике». — *М. К.*), *один за другим, плотный огонь по квадрату. Главное обвинение — "вбивается клин между народом и правительством"* (правильное обвинение! — *М. К.*).

Очередное многолюдное совместно с критиками судилище. Министр культуры РСФСР Попов:

— Словом, работать и работать. Теперь уж на тот сезон перенесем.

Тут я не сдержался, невольно как-то получилось, да при женщинах еще:

— А ну вас всех к е... матери.

И ушел».

Потом, по размышлении, звонил Ефремову, извинялся. А тот: «Что ты, Саня! Все было прекрасно!» И объяснил, что начальство уважает и даже побаивается тех, кто откровенно на него плюет. Впрочем, и другое (не тогда же, а «некогда») говорил Сане Олег: «Если тебя посадят, я буду носить тебе передачи. Если меня посадят, ты будешь носить мне передачи». Шутка, разумеется, но твердо опирающаяся на реалии советской жизни. Во всяком случае Володин не пишет, что эта шутка его удивила или напугала... Тот же жутковатый юмор всплывает и в одном из разговоров Твардовского с Солженицыным: «*...несколько раз, уже теряя в парах коньяка и тон и ощущение шутки, он* (Твардовский. — *М. К.*) *возвращался к обещанию носить мне передачи в тюрьму, но чтоб и я ему носил, если не сяду*» («Бодался теленок с дубом»).

И еще одна авторская ламентация насчет «Назначения»:

«*Это была последняя разрешенная пьеса, и то одному лишь «Современнику». Потом несколько пьес, как говорится, "в стол", подальше от современности, из давних веков, несколько сценариев для кино — сейчас кое-что выползло на свет, но уже — осточертела сцена, осточертел экран...*»

Когда это написано? Ближе к 90-м? Но ведь его сценарии — и в немалом количестве — выползали на свет и раньше. Забыл или не хотел помнить?..

Обращусь к Галичу. В отличие от володинских, его пьесы и киносценарии проходили без сучка, без задоринки. Вплоть до «Матросской тишины» (1945 — 1956-?). Эту вещь запретили и «Современнику», а между тем именно ею (наряду с «Вечно живыми» В. Розова) должно было, по мысли создателей, ознаменоваться превращение студии в полноправный театр. Аналогичный запрет последовал на постанову «Матросской тишины» в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола. (Где в то же самое время состоялась премьера володинской «Фабричной девчонки».) А из-за чего запрет? Из-за того, что евреи в ней сплошняком, — да какие славные!

В «Генеральной репетиции» Галич приводит слова бывшего друга и соратника (Алексея Арбузова) по поводу своего нового амплуа — барда: «*Галич был способным драматургом, но ему захотелось еще славы поэта —*

и тут он кончился!» Кончился? Тут он как раз и *начался* — настоящий Галич, тот, которого мы любим и которому, если вспомнить строку Бориса Чичибабина, с полным основанием говорим: «*Спасибо, Александр Аркадьевич, от нашей выжившей надежды!*»

Сам же Галич, процитировав Арбузова, продолжает: «*Ну что ж, кончился так кончился. Я ни о чем не жалею. Я не имею на это права. У меня есть иное право — судить себя и свои ошибки, свое проклятое и спасительное легкомыслие, свое долгое и трусливое желание верить в благие намерения тех, кто уже давно и определенно доказал свою неспособность не только совершать благо, а просто даже понимать, что это такое — благо и добро!*» И чуть ниже:

«*Не случайна была та бессонная ночь в вагоне поезда Москва-Ленинград, когда я написал свою первую песню "Леночка"* (ориентировочно датируется 1961 годом. — *М. К.*).

Нет, я и до этого писал песни, но "Леночка" была началом — не концом, как полагал Арбузов, — а началом моего истинного, трудного и счастливого пути.

И нет во мне ни смиренья, ни гордыни, а есть спокойное и радостное сознание того, что впервые в своей долгой (Господи, какой там долгой, если человек умирает, не дожив до шестидесяти! — *М. К.*) *и запутанной жизни я делаю то, что положено было мне сделать на этой земле*».

Как эта декларация напоминает концовку письма Солженицына IV съезду писателей: «*Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах <...> Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть!*»

И как грустно, что тот же Солженицын во второй части «Двухсот лет вместе» выругал Галича за его чрезмерно обличительный пафос («*Разряды человеческих характеров почти сплошь — дуралеи, чистоплюи, сволочи, суки... — очень уж невылазно*»), при котором нет якобы в его стихах и песнях «*ни ноты собственного раскаяния, ни слова личного раскаяния нигде!*» Это, конечно, неверно. Не только в мемуарной прозе *судит себя, свои ошибки и свое проклятое и спасительное легкомыслие* Александр Галич, но и во многих своих стихотворных (песенных) текстах.

Впрочем, справедливости ради приведу и целиком позитивные солженицынские аттестации, адресованные Галичу: «*Но вот с начала 60-х годов совершился в Галиче поворот. Он нашел в себе мужество оставить успешную, прикормленную жизнь и "выйти на площадь"*». Более того, согласен Солженицын и с тем, что песни Галича, «*направленные против режима, и социально-едкие, и нравственно-требовательные*», принесли «*несомненную общественную пользу, раскачку общественного настроения*».

А уж какую раскачку общественного настроения породил сам Солженицын, напоминать не приходится. О своей одинокой битве с тоталитарным монстром он сам подробно рассказал в мемуарах «Бодался теленок с дубом» (1967 – 1975, 1978). Эту свою книгу автор снабдил подзаголовком «Очерки литературной жизни», который приходится воспринимать как саркастичес-

кий, ибо если это и была жизнь, то только как в известной песенной строчке: «И вся-то наша жизнь есть борьба». Когда Маркс обронил свое «борьба для революционера — это счастье», а Энгельс — свое «в тот момент, когда я окажусь не в состоянии бороться, пусть дано мне будет умереть», они имели в виду борьбу исключительно идейную. Вряд ли бы они выдержали ту борьбу, которую на протяжении ряда лет пришлось вести Солженицыну с могущественным «*ЧКГБ*», как он именовал сыскные и карательные органы Страны Советов, подчеркивая тем самым преемственность от «кристально честных» чекистов Дзержинского к изрядно коррумпированным «комитетчикам» Шелепина-Семичастного-Андропова.

Поразительно, что в этой неравной борьбе «теленок» не просто устоял, но и сумел навязать «дубу» (где-то в книге есть обмолвка, что правильнее было бы называть его «дубиной») свои правила игры. Так что, к примеру, публикация на Западе «Архипелага ГУЛаг» накануне нового, 1974-го, года явилась для госбезопасности полным сюрпризом: ведь еще раньше, летом, вырвали у Елизаветы Воронянской, машинистки Солженицына, признание, где хранится в земле «Архипелаг». После чего она либо покончила с собой, либо была убита самими вымогателями.

Еще более поражает тот факт, что кремлевские старцы побоялись раздавить самого писателя, а ведь это было вполне в их силах. Нет, на сей раз они предпочли пойти по стопам Ленина, выдворившего за пределы Советской России лучших представителей интеллигенции. Вспоминается, как моя теща, женщина трезвая, но подобно большинству из нас безоговорочно уверовавшая во всемогущество ЧКГБ, отреагировала на официальное сообщение о высылке Солженицына 13 февраля 1974 года: «Этого не может быть! Чтобы *они* выпустили из своих когтей своего самого непримиримого врага?! Нет, не поверю. Тут какая-то провокация, чтобы обмануть мировое общественное мнение». Да ведь и Н. Д. Солженицына, жена писателя, тоже не очень-то верила первым сигналам об отправке мужа в Западную Германию...

К каким только ухищрениям ни прибегал писатель, и чтобы продолжить свою литературную работу, и чтобы надежно прятать ее бесценные плоды, и чтобы беспрепятственно передавать их за рубеж!

В декабре 1973 года, завершая Третье дополнение к основному тексту «Теленка» (а всего этих дополнений пять), Солженицын констатировал:

«Для моей жизни — момент великий, та схватка, для которой я, может быть, и жил. (А когда б эти бои — да отшумели? Уехать на годы в глушь, и меж поля, неба, леса, лошадей — да писать роман неторопливо...)

*Но — для **них*** (его супостатов, соглядатаев, душителей; подчеркнуто Солженицыным. — *М. К.*)? *Не то ли время подошло, наконец, когда Россия начнет просыпаться? Не тот ли миг из предсказаний пещерных призраков, когда **Бирнамский лес пойдет*** (подчеркнуто Солженицыным. — *М. К.*)?

Вероятно, опять есть ошибки в моем предвидении и в моих расчетах. Еще многое мне и вблизи не видно, еще во многом поправит меня Высшая

Рука. Но это не затемняет мне груди. То и веселит меня, то и утверждает, что не я все задумываю и провожу, что я — только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять.

О, дай мне, Господи, не переломиться при ударах! Не выпасть из руки Твоей!»

Это была его последняя запись перед арестом и высылкой. Да, есть тут ошибки в предвидении. «Бирнамский лес» еще долго простоит без малейших признаков движения (если не считать отдельных «деревьев» его, наиболее стойких и мужественных). Но, с другой стороны, не ошибся предсказатель в отношении собственного будущего. Ему, хотя и не по своей воле, предстояло-таки уехать в глушь, пусть не российскую, а американскую, где он смог неторопливо дописывать свое «Красное Колесо», первые два *узла* которого писались еще на родине.

3

Главное дело, которое удалось сделать этим троим и которое до них другим писателям удавалось лишь в малой степени или не удавалось вовсе, несмотря на отчаянные попытки, — *расшатать, раскрошить* тот монолит, какой представляла собой в ту пору советская литература. Конечно, были и отдельные прекрасные и даже великие творения предшественников — честных прозаиков, поэтов, драматургов. Конечно, работали и несколько сильных современников; это: Ф. Абрамов, Г. Владимов, В. Гроссман, Ю. Домбровский, Ю. Казаков, В. Тендряков, Ю. Трифонов — в прозе, Ю. Левитанский, Д. Самойлов, Арс. Тарковский, А. Твардовский — в поэзии, А. Вампилов — в драматургии (он, кстати, считал себя учеником Володина). Но не судьба была им сдвинуть с места всю мертвую колоду партийной каменно-бездушной мнимой литературы. Это выпало на долю трем Александрам — героям моей статьи.

Один — Солженицын — с течением времени все больше сознавал масштабы и значение своей *советоборческой* литературной и общественной деятельности, но в первую очередь все-таки литературной. Другой — Галич — также понимал, что его песни объективно *льют воду на мельницу* (любимейшее присловье коммунистического агитпропа применительно к писателям, не отвечающим «нашим» критериям) сил, враждебных тоталитарной системе; но чего-чего, а *воды* в них было меньше всего — не вода то была, а концентрированная кислота. И только скромнейший Александр Володин тихо делал свое дело, простодушно предлагал театрам одну пьесу за другой, пока не смекнул, что его персональная творческая тропинка ушла далеко в сторону от *столбовой дороги* советской драматургии. (С таким же простодушием предлагали в 50-х советским литературным журналам: Гроссман — «Жизнь и судьбу» и обожаемый Володиным Пастернак — «Доктора Живаго».)

Солженицын «наследил» везде, где только мог. И в больших жанрах, и в малых. А еще в сверхбольших — как эпопея «Красное Колесо» и трехтомный опыт художественного исследования «Архипелаг ГУЛаг». Он добился выдающихся художественных достижений, которые — выборочно — признают и его недруги. Даже Владимир Войнович, упавший до пасквилянства по адресу Солженицына (в публицистической книге «Портрет на фоне мифа» и романе «Москва, 2042», где сделан отталкивающий намек на мнимую претензию Солженицына, выведенного под шутовским именем Сим Симыча Карнавалова, возглавить реакционные силы будущей России), — даже он признал «Один день Ивана Денисовича» сочинением класса «Хаджи-Мурата» и «Скрипки Ротшильда». Другие, должно быть, менее взыскательные читатели восхищались и восхищаются «Матрениным двором», «Кругом», «Раковым корпусом», многими страницами «Августа Четырнадцатого» и «Октября Шестнадцатого». Я уж не говорю о всесветной славе «Архипелага». Для меня все эти вещи — вершины новейшей русской прозы, как художественной, так и аналитико-философской. Высоко ценю и боевую, насыщенную глубоким содержанием публицистику Солженицына, и пьесу «Республика труда», и уникальные «крохотки», и поздние рассказы, опубликованные уже после возвращения писателя на родину.

Когда заходит речь о месте Солженицына в русской *литературе*, кое-кто склоняется к мысли, будто самобытность его прозы ограничивается введением нового, подчас ошеломительно нового, жизненного материала. Близорукость подобных оценок обусловлена, на мой взгляд, тем, что новизна и необычность материала, особенно поначалу («Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор»), ослабила внимание к жанрово-стилистическим особенностям этой прозы. Приходилось слышать даже о вторичности, чуть ли не эпигонстве Солженицына-художника по отношению к русским классикам и, в частности, к Льву Толстому. Конечно, Толстой многому научил и Солженицына, и других мастеров русской прозы советского периода (тут раньше других приходит на ум пример В. Гроссмана). Но опыт Толстого не прошел мимо и таких писателей, как Чехов или Бунин. Значит ли это, что и они эпигоны своего великого современника?

Я нахожу в прозе Солженицына ряд существенных черт, делающих ее истинно новаторской. Хочу особо подчеркнуть, что прямых, близких по времени предшественников у Солженицына не было, — во всяком случае, по условиям его собственной судьбы и в силу изъятия многих выдающихся образцов отечественной прозы (раньше всего романов и повестей А. Платонова) последние оставались вне круга его чтения, когда он приступал к своей творческой работе.

Стоит присмотреться к тому, как в своей собственно художественной прозе писатель «распоряжается» категорией времени. Никого не удивляет, что в ранних рассказах сплошь и рядом действие умещается в *один день* (не только в «Иване Денисовиче», но и в «Правой кисти», и в

«Случае на станции Кочетовка»). Возьмем, однако, роман «В круге первом» — единственный, кстати, относимый самим автором к этому большому жанру. На его широком пространстве действует множество персонажей — едва ли не больше, чем в «Войне и мире». А *время действия* тут сжато до предела — в считанные сутки (ретроспективные куски — особь статья). Обычно в больших рóманах (в той же эпопее Толстого) время *течет* из прошлого в будущее, как ему и предопределено от века. В «Круге» же основное время действия (и в шарашке, и на «воле») *растекается*, настоящее замкнуто на самом себе. Я полагаю, так задумано по двум причинам: земной и внеземной. Земная — кажущаяся стабильность террористического режима в стране (не забудем: действие романа происходит в последние дни 1949 года), — ни у кого из ее насельников *нет будущего*: не только у заложников этого режима, но даже и у его верных слуг (см. судьбу Адама Ройтмана). Внеземная (это ведь хоть и первый, но круг *ада*) — та, о которой прекрасно сказано у Пушкина в «Фаусте в аду»: «*Ведь мы играем не из денег, А только б* ***вечность проводить*** (подчеркнуто мною. — *М. К.*)».

В повести «Раковый корпус», построенной более традиционно и более сосредоточенной на переживаниях героев, — их, кстати сказать, много меньше, нежели в «Круге», — наличествует временна́я вертикаль, и опять-таки это объяснимо изменившимися обстоятельствами реального времени (1954 год вместо 1949-го), забрезжившей надеждой на выход из тюремно-лагерного ада.

А в поздних — «двучастных», по авторскому определению, — рассказах время *играет* с героями злые шутки. Это опять советское, по большей части сталинское, время, одних людей закалявшее (впрочем, в «двучастных рассказах» таковые отсутствуют), других превращавшее в забитых и запуганных рабов, — и это еще в лучшем случае. В худшем же, как в рассказе «Абрикосовое варенье», писатель (прототипом ему явно послужил «третий Толстой», по брезгливому выражению Бунина; он же «советский граф», по благожелательной аттестации В. М. Молотова; он же «Алексей Ни Толстой», как его кличут в «Круге») вообще перестает быть человеком, то есть существом чувствующим и со-чувствующим, рабом *Божьим*. Этот герой — исчадие земных сил, презирающих человека, ставящих его ни во что.

Историческая эпопея «Красное Колесо» живет по своим временны́м законам, которые в настоящих заметках я интерпретировать не берусь. Тем более что в каждом *узле* эти законы — особые: где-то время тянется часами (эпизод убийства Столыпина в «Августе Четырнадцатого»), в других местах — бежит по годам и десятилетиям (история Парвуса в «Октябре Шестнадцатого»).

Я мог бы еще немало рассуждать о поэтике художественной прозы Солженицына, но формат данных заметок требует искусства сдерживать себя...

4

Поговорим теперь о Галиче.

Вклад этого писателя в дело ослабления коммунистического режима также был по достоинству оценен этим режимом. Галичу пришлось убраться из страны вскоре вслед за Солженицыным, в июне 1974 года, а спустя три с половиной года, 15 декабря 1977-го, он погиб, — как утверждают, в результате несчастного случая (существуют и другие версии его гибели, приписывающие ее *руке* ЧКГБ).

Авторская песня возникла в Советском Союзе на рубеже 50-х – 60-х. Почти одновременно запели свои стихи Юрий Визбор, Юлий Ким, Новелла Матвеева, Булат Окуджава. И Галич. Разные это были стихи-песни: и туристические, и юмористические, и лирические, и романтические. И разного качества. (Даже у Окуджавы, не говоря о прочих, встречались тексты, которые без музыкального сопровождения не «звучат».) Объединяло их, пожалуй, одно свойство: *аполитичность*. (Впоследствии, — возможно, не без влияния Галича, — появились стихи-песни гражданственного накала и у Окуджавы, и у Кима. Да и Владимир Высоцкий подоспел.)

Галич с самого начала, с самой первой своей песни — уже упомянутой «Леночки», занял активную гражданскую позицию. А потом пошли: «За семью заборами» (1961-?), «Городской романс (Тонечка)» (1961 – 1962-?), и «Ошибка» (1962-?), и «Ночной дозор» (1962 — 1964-?) — дальше можно не перечислять.

В стихах-песнях Галича доминируют три мотива, вызывающих к жизни такое же число жанров.

Первый из этих мотивов — смертный бой тоталитаризму, сочувствие его жертвам. Это — самый высокий «этаж» галичевской лирики: ода, элегия, плач, эпитафия, памятование, страстная инвектива (то, что Лермонтов называл — «*железный стих, облитый горечью и злостью*»). Помимо уже упомянутых, назову еще знаменитые «Облака» (1962-?) и особенно любимую мною «Песню-балладу про генеральскую дочь» (1967-?), известную в народе под фольклорным названием «Караганда». Стоит мне вспомнить не раз слышанную в авторском исполнении эту грандиозную балладу, как по спине начинают ползти мурашки, а в горле вырастает ком, мешающий дышать.

Вторая тема — будни подсоветского прозябания, типология «зрелого социализма». Жанры по преимуществу сатирические, «шалманные» истории, псевдобаллады, как-то: «Баллада о стариках и старухах» (1967), «О сознательности» (1967-?), «О том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина» (1968-?), «Про тещу из Иванова» (1969-?), ну и, конечно, уморительные (но и убийственные) «Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева» (1968 — 1970-?) и в их числе знаменитая «О том, как Клим Петрович выступил на митинге в защиту мира», где герой бубнит по впопыхах подсунутой шпаргалке следующую пламенную речь:

Израильская, — говорю, — военщина
Известна всему свету!
Как мать, — говорю, — и как женщина
Требую их к ответу!
Который год я вдовая,
Все счастье — мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!..

В этом изводе галичевского поэтического творчества преобладают маски жлоба, алкаша, дубаря, циничного потребителя жалких советских «благ» в обмен на холуйское услужение власти, стукачество и палачество.

И третье — это серьезное философское осмысление феномена коммунизма, осуществляемое в медитативной лирике и эпосе; например, в поэме «Размышления о бегунах на длинные дистанции» (1966 – 1969), где «спорят» между собою Иисус Христос — Спаситель и Иосиф Сталин — Антихрист.

Есть еще слой еврейский — в развороте трагическом: поэма «Кадиш» (1970-?), посвященная памяти Януша Корчака, клеймящая антисемитскую кампанию, развязанную в Польше Гомулкой в 1968 – 1969 годах, — а также и комическом: «Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане» (1967 –1969-?).

И в другом отношении Галич выгодно отличается от своих коллег-бардов: его песни — все до одной — *ничего не теряют*, если глядят на вас рифмованными строчками со страниц журналов и книг. (А есть у него и стихи как таковые, и они не уступают стихам, которые поются). Это свойство поэзии Галича отмечали многие комментаторы. Статья Наталии Рубинштейн так и называется «Выключите магнитофон — поговорим о поэте»[3]. Ей вторит Дора Штурман, пишущая в своей книге «Современники»[4] по поводу песни «Уходят друзья» (на смерть Фриды Вигдоровой): «*...реквием, одинаково потрясающий и в пении, и в чтении...*» Не ко всем коллегам Галича по авторской песне эта формула применима без оговорок...

Закончить о Галиче мне хочется несколькими выдержками из статьи Льва Аннинского «Счастливая несчастная Россия Галича»:

«*Единственный русский бард, высланный властью за песни, он крепился в своей ненависти* (к этой власти, а не к стране! — *М. К.*), *как мог, демонстрируя ее в каждой строке.* <...>

Бандит-спортсмен, сносящий с ног заграничного соперника, — это же почти вариация из Высоцкого! Но у Высоцкого такой бандит действует

---

[3] Журнал «Время и мы», 1975, № 2; см. также в сборнике «Заклинание добра и зла». М., 1992.

[4] Совместно с Сергеем Тиктиным. Иерусалим, 1998.

от полноты собственной дури, и Высоцкий с ним себя — от полноты солидарных чувств — ассоциирует. А у Галича над бандитом-спортсменом маячат всякие «федерации, хренации», они его дергают за ниточки, как марионетку <...>

Окуджава, когда поет о солдатике, даже о бумажном, — он ведь тоже себя с ним ассоциирует. Галич не ассоциирует себя ни с кем из своих персонажей. Солдаты шагают в ногу — мост обрушивается. Потому что надо всем — "колебательный закон".

Закон. Бог. Федерации-хренации. ЦК. КГБ. ВПШ. Бесовщина всеобщей подмены»[5].

5

Мой третий Александр — Володин, — в отличие от своих тезок, был внешне лоялен по отношению к коммунистической системе и долгие годы ностальгировал по так называемым *идеалам революции*. Недаром поэт Борис Чичибабин в обращенном к нему стихотворении (декабрь 1986) назвал любимого драматурга — «*неразгаданный брат неудачников и коммунаров*» (но, заметим, коммунаров, а не коммунистов).

Володин не испытал собственной шкурой «необоснованных репрессий» — только гонения на свои пьесы. И из страны его не выдворяли. Да положа руку на сердце, ведь и не за что было. Ничего нет в его пьесах такого поносного, чтобы советская власть могла прямо принять на свой счет. Но у советской власти было хорошее защитное чутье.

Ну вот «Современник» в первые годы своего существования не смог выпустить три пьесы: «Матросскую тишину» Галича, «Республику труда» Солженицына и «Назначение» Володина. С первыми двумя все ясно: у Галича — еврейская тема плюс 37-й год, у Солженицына — лагерь. А у Володина? Обычная для него пьеса об обычных людях, которых даже квартирный вопрос не так уж сильно испортил. Но у советской власти было хорошее защитное чутье...

В «Назначении» — речь о том, что в условиях обычной советской безалаберности, безответственности и жлобства начальником в сколь угодно малом коллективе может быть только хам и рвач. А если на начальственное место случайно попадает человек порядочный, болеющий о деле и доброжелательный к коллегам, ныне превратившимся в его подчиненных, он неизбежно начинает перерождаться в держиморду, ибо сама система толкает его к этому. Стоит такому начальнику проявить слабину, *войти в положение* членов коллектива, как те тотчас садятся ему на голову. Ибо привычная конторская рутина такова, что люди работают исключительно из-под палки и в результатах своей деятельности абсо-

---

[5] В кн.: *Аннинский Л.* Барды. М., 1999.

лютно не заинтересованы. А почему? Потому что не верят в то, что делают, и видят, что́ представляет собой начальство. Тут как раз тот случай, когда рыба тухнет с головы.

Хочу подчеркнуть, что «Назначение» — ранняя пьеса Володина, и, создавая образы Лямина и Куропеева-Муровеева, на основы строя он вовсе не посягал. Он просто знал правду, в какой-то степени даже свыкся с этой неприятной правдой и изображал то, что знал. Стало быть, с самого начала он был, что называется, не *наш* автор, и его следовало *не пущать*.

Тут еще и необыкновенное мастерство сценического движения вещи (не в одном «Назначении», разумеется), невиданное со времен Чехова. Это не моя мысль, а Е. С. Добина, ленинградского критика и литературоведа, современника и друга Ахматовой и Володина. Добин считал, что Володин был *первым после Чехова* драматургом милостью Божией (даже пьесы Булгакова критик считал более слабыми). Сходные мысли высказывала замечательная актриса Алиса Фрейндлих (мне она запомнилась блестящим исполнением роли Дульсинеи Тобосской в одноименной пьесе Володина, поставленной на сцене Ленинградского театра им. Ленсовета). И такой драматург, как Михаил Рощин, считал Володина *самым-самым* из советских драматургов 60-х годов. А известный театральный режиссер Кама Гинкас видел большую несправедливость в том, что Володина знают и ставят в мире меньше, чем А. Арбузова и Э. Радзинского.

В пьесах Володина мало пафоса, а дежурной героики и вовсе нет. Люди ходят на службу, мыкаются в трудном советском быту, одеваются серо, едят скудно, однообразно и невкусно. Персонажи пьес Володина, по крайней мере ранних, высказывают по большей части тривиальные суждения и смиряются со своей тривиальной участью.

Хочу сказать тут несколько слов также о своей самой любимой из володинских пьес — о «Старшей сестре». (Как увидит читатель из приложения к данным заметкам, она же — и самая нелюбимая, и это еще мягко выражаясь, пьеса своего создателя.)

Я не знаю в мировой драматургии другой пьесы о художественном таланте, в которой художественный талант проявился бы с такой подкупающей достоверностью, как в «Старшей сестре». Фабула пьесы проста. Сестры Надя и Лида Резаевы — сироты, дети войны, они воспитываются у своего дяди Мити Ухова. Дядя — типичный советский обыватель, незлобивый, но и не подымающий глаз от земли. Сестры очень разные: Надя уже взрослая, уже пригнетенная жизнью; Лида — старшеклассница, занятая в основном самоотстаиванием, как многие молодые люди ее возраста.

Надя подталкивает Лиду стать актрисой. Ухов против: «*Своими фантазиями морочишь голову сестре. Погоди, жизнь еще стукнет дубинкой по ее одаренному лбу*». Собственно, и сама Лида, инстинктивно чувствуя, что актерство не для нее, хоть и слабо, но сопротивляется давлению старшей сестры. В конце концов Надя добивается того, чтобы младшая пошла на

творческий конкурс в театральную студию. Та с треском проваливается, и Надя *танком* прет в комнату, где заседает конкурсная комиссия, чтобы объяснить, как талантлива ее сестра. И тут ее самое просят что-нибудь почитать. Надя читает отрывок из ранней статьи Белинского «Литературные мечтания» (*«Театр!.. Любите ли вы театр?..»*). Чтение производит в комиссии фурор. Ее приглашают в студию... Чудо?..

Но чуду нет места в этом мире. Пьеса, называвшаяся *«Моя* старшая сестра», кончалась катастрофой: Надя пытается вернуться на сцену, но терпит неудачу. Героиня капитулирует перед всепоглощающей стихией обывательщины. Сценой безмерного отчаяния завершался и сценарий «Старшей сестры»: героиня идет по ночному городу и кулаком или локтем бьет стекла домов... Впрочем, это — лишь ее воображение. А вот и самый-самый финал:

«... С коротким стоном, словно у нее подкосились ноги, Надя рухнула на кровать. Сжав веки, она качает головой и повторяет все одно:

— Что делать? Ну что делать? Ой, ну что же делать?..»[6]

Подобное окончание пьесы или фильма — вещь в советские времена в общем-то невозможная. В начале этой статьи я приводил цитату из «Оптимистических записок», где Володин пишет: *«По отношению к "Старшей сестре"... в одной газете написали даже, что здесь я выступаю против таланта»*. Да, «Старшую сестру» обвинили именно в «выступлении против таланта»...

И тогда у этого многострадального текста появилась иная концовка. В первый и последний раз уступая давлению начальства, Володин пришил на живую нитку другой финал — оптимистический: Надя успешно исполнила роль Лауры в «Каменном госте», Лида прослушала ее монолог по радио, затем *«обхватила коробку репродуктора, легла на нее щекой»* и возопила: *«Милая моя сестра! Скромная моя, любимая моя сестра!»* (почти что цитата из «Дяди Вани» — отметим в скобках!).

...До конца своих дней не прощал себе Володин этого единственного в своей творческой жизни компромисса. И возненавидел и саму пьесу, и ее героиню. А пьеса-то виновата без вины! Даже и в смягченной редакции она остается сочинением *протестным*. Во-первых, как и предыдущие «Фабричная девчонка» и «Пять вечеров», она о простых людях, в которых нет ничего героического, — типичное «мелкотемье», если воспользоваться излюбленным фразеологизмом «партийной» вульгаризаторской критики. И во-вторых, Володин вывел в «Старшей сестре» подлинно талантливого человека и показал (разумеется, в подтексте), как трудно таланту окрепнуть и состояться в условиях закупорки всех нормальных каналов его реализации.

Что касается упомянутых Володиным пьес *«"в стол", подальше от современности, из давних веков»*, то коснусь вкратце «Матери Иисуса»,

---

[6] *Володин А.* Для театра и кино. М., 1967.

написанной в 70-е годы. Это тонкая миниатюра, не разделенная на акты, но состоящая почти исключительно из диалогов. Это не просто пьеса, это диспут, написанный на современном русском языке. Действие происходит в 33 году новой эры, сразу после распятия Иисуса, в доме Его Матери — Марии. В диспут об учении Христа вовлечены все без исключения персонажи.

Не давая окончательной оценки каждому монологу-выступлению, Володин, однако, непреклонен в двух «пунктах». Первый: в отсутствие Учителя каждый пользуется его Благовествованием сообразно своей нравственной и социальной позиции, толкуя вкривь и вкось все Его поучения. И второй: наиболее просто, можно даже сказать, прямолинейно, понимает учение Сына Его Мать, и ее трактовка оказывается ближе всего к сути этого учения: «*... Он что говорил? У Него все слова были простые. Только простые слова, я их часто слышала. Сострадание. Милосердие. Братство. Любовь.* <...>

Вот и все почти слова. Ну еще — терпение, это понятно. И главное, это не ради кого-то, но ради собственного же блага, для своей же радости и покоя. А у кого в душе радость, тот и с другими может поделиться».

Напоследок процитирую текст довольно неожиданного для Володина жанра: это краткое предисловие — скорее напутствие — к первому сборнику молодого драматурга. Есть там такие строки: «*Это грустные, даже жестокие пьесы.* <...>

Однако драмы эти одухотворены поэзией доброты, сострадания, внезапных жизненных прозрений. И верх одерживает вера в прекрасное»[7].

Все это, разве что за исключением слишком категорического определения «жестокие», можно сказать о пьесах самого Володина.

...Подытоживая сказанное, позволю себе утверждать, что *тихий* Володин взорвал русскую театральную сцену и, фигурально выражаясь, оказался *прародителем* всего самого важного, что сегодня на ней происходит; *громкие* же Галич и Солженицын — русскую поэзию и прозу.

6. Приложение

1. М. В. Копелиович — А. И. Солженицыну

17 февраля 1997 года

Дорогой и многоуважаемый Александр Исаевич!

Я один из Ваших давних (начиная с «Нового мира», 1962, №11) читателей и почитателей. Причем, в отличие от многих из тех, кто восхищался Вами «как художником», но осудил Вас «за политику» (кое-кто — еще

---

[7] *Разумовская Л.* Сад без земли. Л., 1989.

в конце 60-х, другие — в 70-80-х, третьи — после статьи «Как нам обустроить Россию?» и особенно после Вашего возвращения на родину), я с неослабевающим интересом и энтузиазмом читал и перечитывал все Ваше, что удавалось прочитать или услышать по одному из «вражеских» радиоголосов. Мой переезд в 1990 году на постоянное жительство в Израиль ни в малейшей степени не повлиял на мое отношение к Вам. Более того, именно в Израиле я познакомился с Дорой Штурман и ее замечательной книгой о Вашей публицистике. <...>

А теперь главное. Вы, конечно, не удивитесь, что российский литературный критик, работавший (и работающий) в 60 – 90-х годах, не мог пройти мимо такого явления литературы, как Солженицын. Но получилось так, что свою «солженицыниану» я начал не с литературы, а с политики: первое, что я о Вас написал (в январе 1974 г.), была положенная в стол инвектива по поводу статьи в «Правде» за 14.01.74 «Путь предательства». Затем последовал отклик на Ваше изгнание, написанный в марте того же года и также положенный в стол. Спустя три года я сочинил «юбилейный» (к трехлетию Вашей высылки) этюд под названием «Са ira!». Затем был 11-летний перерыв (в моих писаниях о Вас, но не в чтении Вашего), и, наконец, в августе 1988 г. я отправил письмо в редакцию «Книжного обозрения», на полосах которого разгорелась дискуссия о Вас. Оно не было опубликовано, и такая же судьба ждала все (на эту «тему»), что вышло из-под моего пера потом, в том числе большую (более печатного листа) статью «Солженицын всегда со мной», написанную уже в Израиле, в начале 1993 г., одобренную Дорой Штурман, но не принятую к публикации в «Новом русском слове», а также рецензию на Ваши новые рассказы («Новый мир», №5 и 10 и за 1995 год), давно валяющуюся в редакции «Вопросов литературы».

И вот, перечислив написанное мной о Вас (добавлю еще весьма сочувственный разбор очерка «Как нам обустроить Россию?»), сообщу основную цель, которую я преследую этим письмом. Как любой автор на моем месте, я бы хотел, разумеется, чтобы всю эту кипу исписанной («испечатанной») бумаги прочитал прежде всего герой моих писаний. Но, с другой стороны, понимая, как Вы заняты и что, возможно, чтение моих опусов априори не покажется Вам стоящим затраты даже нескольких часов Вашего драгоценного времени, я не хочу быть назойливым. Может быть, Вас заинтересует какая-нибудь из моих работ, посвященных Вам, а может быть, и ни одна из них. Готов незамедлительно выслать то, что (и если) Вы выберете. Стоит ли добавлять, что в любом случае я не буду на Вас в претензии.

Я желаю Вам, дорогой Александр Исаевич, и Наталье Дмитриевне долгих лет жизни, здоровья, бодрости и счастья в творчестве. Нынешние российские «слепые поводыри слепых», как и их предшественники, предпочитают не слышать голос Солженицына. Но я ни минуты не сомневаюсь, что Россия еще вернется к Солженицыну, а если не вернется,

то это будет означать лишь одно: что она погибла. Не допускаю такой возможности.

Неизменно преданный Вам Копелиович Михаил Владимирович

2. А. И. Солженицын — М. В. Копелиовичу

12 марта 1997 года

Уважаемый Михаил Владимирович!

Благодарю Вас за теплое, сочувственное письмо. Не удивляюсь, что Ваши статьи обо мне до сих пор постигала такая судьба. Взяться читать их — пока не берусь: я неохватно загружен сотнями присланных книг, и трактатами — как спасти Россию, как спасти человечество, как спасти природу, какие технические изобретения я обязан пробить, романами, рассказами, поэмами безвестных авторов — и всего этого много больше, чем позволит остаток моей жизни.

Но за периодикой я слежу и как раз статью о Чичибабине (которого люблю) читал[8]. Возможно, встречал Вашу фамилию в «22» (я читал его регулярно до 1994).

Не сразу Вам, наверно, пришлось на новом месте, — да кому из нас и где спокойно в наше разрушенное время?

Мы с Натальей Дмитриевной шлем Вам наши добрые пожелания. <...>

(подпись) А. Солженицын

3. М. В. Копелиович — А. М. Володину

16 сентября 1995 года

Дорогой Александр Моисеевич!

Пишу на следующее утро после посвященной Вам телепередачи «Фрак народа» (канал «Россия», 15 сентября, 22.05 московского времени).

Были поползновения написать и раньше, но всякий раз меня останавливало простое соображение: в конце концов мы не были близки, а моя неизменная любовь к Вам (к Вашему творчеству и Вашей личности) — еще не достаточный повод, чтобы навязываться Вам в конфиденты. Ведь это Ваш Лямин говорит: «Но ведь не я тебя люблю, а ты меня».

Ну вот, а теперь не выдержал. Увидел Вас «живьем», и дом Ваш подрянпанный, и милые лица Ваших друзей, которых я тоже люблю и с которыми схожусь в любви к Вам и в мотивах этой любви. И нахлынуло. <...>

Я хотел Вам сказать, что, наверное, есть какая-то закономерность в том, что, когда люди говорят о хорошем человеке (и не просто хоро-

---

[8] Речь идет об упомянутой рецензии М. Копелиовича на книгу стихов Б. Чичибабина в №10 «Нового мира» за 1995 год.

шем — *светлом*), у них и получается хорошо. И ведь все говорили разное. И никто ничего не вымучивал, и никто не кривил душой. Как это легко и просто — говорить хорошее о хорошем человеке! В этой милой компании (Рощин, Окуджава, Ким, Ефремов, Алиса Фрейндлих) не хватало моего дорогого Бориса Алексеевича Чичибабина, которого нет с нами уже девять месяцев (как раз вчера сравнялось) и который тоже нежно Вас любил...

И второе ощущение, возникшее на передаче. Как все Ваши коллеги, исполнители и почитатели (вроде меня) совпадают в оценке Вашего труда и определении того места, которое Вы занимаете в русской словесности, русском театре и кинематографе! И для меня (как для Рощина) Вы самый-самый драматург советских 70-х, но и 60-х, и 80-х. И я вижу рядом с Вами только Вампилова. И как отрадно мне было узнать, что сам Вампилов ставил Вас выше всех современников-драматургов. И я (подобно Каме Гинкасу) вижу большую несправедливость (а точнее, глупость и безвкусицу) в том, что Вас знают (и ставят) в мире меньше, чем Арбузова и Радзинского. Ведь никакого сравнения! А может, это и правильно. Грубое, лобовое — оно доступно. Тонкое, целомудренное — наоборот. И еще, как говорил Борис Леонидович о простоте и ее восприятии: «Она всего нужнее людям, но сложное понятней им». В этом, пастернаковском смысле Вы — сама простота. Как и Чехов, на которого не зря «вывела» Вас А. Фрейндлих.

Вы сами тоже, как всегда, выглядели на телеэкране абсолютно естественно и органично. И стихи Ваши («полустихи», как Вы их называли) очаровательны. <...> Вы никогда не претендовали на высокое звание русского поэта. Но Ваш текст о бегущих девушках украсил бы любое, самое взыскательно отобранное собрание лучших русских стихов.

И еще одно впечатление от вчерашней передачи, возможно, никем кроме меня не испытанное. Оренов среди прочего вспомнил пьесу М. Фриша «Бидерман и поджигатели». Должно быть, он говорил о коллизии пьесы, не освежив свою память ее повторным чтением. Поэтому фришевский конфликт оказался у него смазанным и смещенным не в ту степь. Оренов хотел сказать, что Вы, Александр Моисеевич, не из породы расталкивающих, занимающих чужое место под солнцем. Да, но у Фриша поджигатели не просто теснили тех, к кому «подселялись». Они жгли дома своих гостеприимных, еле живых от страха хозяев. При чем тут Володин, даже в контексте противопоставления? Фриш противопоставил поджигателям своего Бидермана, ничего общего с Володиным не имеющего. Я потому так долго развиваю эту линию, что не так давно и сам вернулся к фришевской пьесе в связи с событиями, происходящими в нашем регионе. Не знаю, интересует ли Вас эта материя и, если да, какова Ваша точка зрения. Я же свою выразил в статье под названием «Рабин и поджигатели», опубликованной в нью-йоркском «Новом русском слове».

И коль скоро я уж заговорил о литературных успехах (весьма, впрочем, скромных) себя, любимого, добавлю на эту тему еще два слова. Если Вы читаете «Новый мир», то, может, видели в № 11 за 1994 год мою статью к 75-летию Б. Слуцкого, Вашего ровесника. Тот же журнал взял у меня рецензию на один из последних сборников Б. Чичибабина, которая должна пройти в № 10 за этот год. <...>

Засим тривиальные пожелания: «чтобы елось, и пилось, и хотелось, и жилось». И, конечно, писалось.

Михаил Копелиович

4. А. М. Володин — М. В. Копелиовичу

9 октября 1995 года

Дорогой, уже родной мне Михаил!

Каждое слово Вашего письма проникало в мое сердце. Даже то, о чем не шло речи в телепередаче, Вы почувствовали: мой любимый поэт, с которым я прожил трудные годы жизни, — Пастернак.

Сейчас пришло время вспоминать и терзаться ошибками и грехами прожитых лет. Ваше письмо помогло мне. Оно пришло вовремя. Только что я прочитал последние слова Вашего письма и сразу же, может быть, на время успокоился. Благодарю Вас за радость, которую Вы мне дали. Спасибо Вам!

Достал в библиотеке журнал с Вашей статьей о Слуцком. Она мне очень понравилась. Мысли Ваши отвечают моим. Стихотворные строки, приведенные Вами, волнуют меня и сейчас. Тем более что Слуцкого я знал еще до его болезни. Мы были близки, много общались и в последние перед болезнью годы дружили.

Буду ждать Вашу работу о Чичибабине.

А. Володин

5. А. М. Володин — М. В. Копелиовичу[9]

Май 1999 года[10]

Уважаемый Михаил!

Мне по сердцу Ваша работа. Вы во многом проникли в мою душу.

Но здесь — лишь о том, что мне было тяжело читать. Ненавистная картина (пьеса, сценарий? — *М. К.*) «Старшая сестра»! Не случайно я не

---

[9] Отзыв на статью М. Копелиовича о нем; впоследствии в переработанном виде вошла в книгу: *Копелиович М.* Литература и кино. Классика и современность. Иерусалим, 2006.

[10] Письмо не датировано. Дата отправления на почтовом штемпеле петербургского конверта — 31.05.99.

включаю ее в книги (и будущие). Кончалась эта пьеса так, как в книге «Для театра и кино». Героиня (ненавистно мне и имя ее Надя Резаева) становилась рабой усредненного здравого смысла, утрачивала душу и индивидуальность. Но в те времена печальный финал был немыслим. Пьесу обвинили в том, что она «против таланта». И я со зла — стыд мой! — дописал: «Нате вам! И что теперь скажете?»

Не надо столько копаться в именах и перипетиях фильма; все равно никто имен этих не помнит, а ситуации всеми пересмотрены на экранах и сентиментальным дамам и девицам стали любимы. Ненавижу эту единственную мою постыдную работу, и поменьше о ней или совсем не надо. <...>

Прóсите уточнений и дополнений. Сейчас во МХАТе репетируется пьеса «Беженцы» (? — *М. К.*). В кино была картина «Осенний марафон»; спектакль «Мать Иисуса». Очень читаются «Записки нетрезвого человека». <...>

Но Вы имеете право писать о том, что Вам близко.

Володин

[Далее следует зачеркнутый текст, который легко «расшифровывается», и его стоит здесь привести]:

Может быть, назвать /статью/ иначе: «Женщина. Преклонение и жалость» — это из «Записок».

6. Дарственные надписи на книгах А. М.Володина

Надпись на книге «Фокусник. Книга вторая Избранного в двух книгах»[11]:

«Дорогой Миша! <...>

В этой книжке стоит прочитать "Записки нетрезвого человека". И то не обязательно.

Саша (! — М. К.) Володин».

Надпись на книге «Неуравновешенный век. Стихи»[12]

«Дорогой Миша!

Простите, как умею, так и пишу.

Володин».

---

[11] С-Пб., 1996.

[12] С-Пб., 1999.

Евгений ЕРМОЛИН

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЦИНИЗМ

Цинизм заключается в видении вещей такими, каковы они есть, а не такими, как они должны были быть.

Оскар Уайльд

Вечное искушение, против которого я непрестанно веду изнурительную борьбу, — цинизм.

Альбер Камю

Сегодня,.. в эпоху цинизма, идеология может позволить себе обнаружить секреты своего функционирования и после этого продолжать нормально функционировать. Иначе говоря, разоблачение тайной машинерии идеологии ни в коей мере не влияет на ее эффективность.

Славой Жижек

1. Слотердайк как наше всё

В 2009 году в России была переиздана книга Петера Слотердайка «Критика циничесκого разума» (Kritik der zynischen Vernunft)[1]. Вышедшая в Германии в 1983 году, у нас она была переведена и издана впервые в самом начале нового века. И вот снова.

Возможно, то, что два издания этого философского бестселлера закольцевали собой «нулевые» годы, это симптом. Знак. Актуальный

[1] *Слотердайк П.* Критика циничесκого разума. Екатеринбург — М., 2009.

Евгений ЕРМОЛИН — родился в 1959 г. в Архангельской области. Закончил факультет журналистики МГУ. Как критик публикуется с 1981 г. Кандидат искусствоведения (1987), доктор педагогических наук (1999). Заместитель главного редактора «Континента». Дневник в Живом Журнале — erm_kontinent. Живет в Москве и Ярославле.

текст. Помню, как взволновало меня первое русское издание книги о новой болезни мирового духа.

Слотердайк проницательно характеризует современность как время почти тотального, самовоспроизводящегося цинизма — состояния мира и человеческой души в отсутствие идеалов и ценностей, в ситуации уже не утраты веры, а привычного безверья. Таково простейшее определение современного духовного упадка.

Цинизм сделался явлением атмосферическим, воздухом эпохи. Им нельзя не дышать, потому как он везде и всюду. Часто только им и можно дышать. Он заразнее свиного гриппа.

Причем современный цинизм интеллектуально оснащен, искушен и злопамятен, «постидеологичен». Это *просвещенное сознание.* Но его свет безжалостен и смертелен. Циник нашего времени знает о жизни все, он менее всего слепой агент социальных отношений. Он хранит опыт обманов и разуверений. Ему смешны иллюзии, простодушие и наив. Он не ловится на крючок демагогии, не покупается на риторику и пафос. Нет, циник не верит ни в какие истины и ни в какие фетиши. Точнее, для него все истины суть фетиши, идолы, требующие жертв. Он пишет: *Быть готовым ко всему — мудрость, делающая неуязвимым. Жизнь вопреки истории, экзистенциальная редукция.., социализация понарошку; ирония по отношению к политике, недоверие к «проектам»...*

И это — *несчастное сознание.* В нем нет волевого посыла и ослабла до неразличимости энергийность. Оно лишено всяких надежд, безысходно и потому относится к миру со снисходительной усмешкой или даже со злой ухмылкой, а к себе *с легкой иронией и состраданием.* Оно узаконивает одиночество и располагает к фаталистическому подчинению социальному статус-кво.

Прежние интеллигенты, комментирует слотердайковское *просвещенное несчастное сознание* автор из интернета, жили великой мечтой и стремились изменить жизнь. *Они создавали партии и возглавляли массовые движения. Потом первыми отправлялись в концлагеря. Современные интеллектуалы по преимуществу являются циниками. Они гораздо более начитаны, но не в состоянии действовать. Им легче смеяться над происходящем, сидя дома на диване. Они смеются, поскольку 1) лишены иллюзий и понимают, чем все закончится; 2) по-настоящему не верят в имеющиеся объяснения, а предложить иные, над которыми никто не стал бы смеяться, они не могут*[2].

Цинизм — демобилизатор. Циник в итоге ни к чему не относится всерьез, но по факту все принимает, поскольку ему нечего противопоставить господствующим химерам. Да и незачем; обычнее для него примириться с фикциями (каковыми он считает все догмы идеологий

---

[2] См. отчет в блоге жижиста strator о дискуссии в минском салоне: Цинический разум и Южный парк // http://strator.livejournal.com/8117.html.

и свидетельства веры) и — примениться, использовать свое умение манипулировать ими для личного благополучия. И это, пожалуй, главное, что определяет актуальное состояние циника, по Слотердайку. Современный цинизм — это искусство адаптации, *переход от надежды к реализму, от протеста к умной меланхолии, от великого политического «нет» к стотысячному и мизерному субполитическому «да», от политического радикализма к среднему курсу интеллигентного существования.*

По Славою Жижеку, комментировавшему Слотердайка, цинизм распознает и учитывает частный интерес, стоящий за идеологическими универсалиями, дистанцию, разделяющую идеологическую маску и действительность; однако у него есть свои резоны, чтобы не отказываться от этой маски. Тут сама мораль поставлена на службу аморализму; типичный образец циничной мудрости — трактовать честность и неподкупность как высшее проявление бесчестности, мораль — как изощреннейший разврат, правду — как самую эффективную форму лжи[3].

На службе циник — жесткий функционер, а в частной сфере сентиментален и сердечен; по должности он охранитель, в привате (типа ЖЖ) — спорщик; вовне «реалист», внутри гедонист; по функции слуга режима, в душе демократ. Эти люди, пишет Слотердайк, *живут от отпуска до отпуска, от оргазма до оргазма, в потоке непродолжительных историй, в судорожном напряжении и в то же время вяло.*

---

[3] *Жижек С.* Тоталитарный смех // http://curricula.iatp.by/ilib/zhzhk.html (фрагмент его книги «Возвышенный объект идеологии». М., 1999). Ср.: *...послушаем, что Жириновский говорит о себе самом: «Если бы в России была здоровая экономика и социальные гарантии для народа, я бы потерял все голоса, которые получил. Кажется, это моя судьба — у меня не было ни настоящей любви, ни настоящей дружбы», и т. д. Это — объективный взгляд на самого себя. Именно так и действует цинизм в сегодняшнем мире. <...> ...в классической критике идеологии существует допущение, что идея заключена в тебе самом: ты можешь это сделать, если не знаешь, что ты делаешь; в тот же момент, когда механизм объяснен, ты уже этого сделать не можешь. В настоящее же время парадокс заключается в том, что люди прекрасно знают, что они делают, и продолжают это делать. С отвратительным примером такого рода логики я столкнулся в одном американском университетском кампусе, где один расист, который зверски набросился на черную женщину, защищался в суде, используя ницшеанскую, дерридианскую деконструктивистскую логику: «Как вы можете обвинять меня в расизме, ведь если вы обвиняете меня в нем, разве вы не опираетесь на наивную метафизическую логику целостного субъекта, отвечающего за свои поступки, ведь уже Ницше сказал, что за действием нет субстанционального деятеля; разве вы верите в метафизический антитезис; я не автор своих поступков; это "Большой Другой" текста говорит через меня, как вы можете меня обвинять?!» Короче говоря, эти люди знают, как манипулировать* (*Жижек С.* Власть и цинизм // Кабинет: Картины мира. СПб., 1998 — http://highbook.narod.ru/philos/gigek_power_cinzm.htm).

2. Денис Горелов как честный циник

В России первой (или одной из первых) на философский труд Слотердайка обратила внимание Татьяна Горичева. Книгу «Критика цинического разума» она назвала среди тех, что определяют *духовную атмосферу западной жизни*[4], *наряду с размышлениями о цинизме Делеза и Глюксмана. Впрочем, Горичева без труда обнаружила признаки цинизма и у советского человека. Позднесоветский циник, писала она, не верит ни официозу, ни диссиде. Все всегда врут* — вот его позиция в мире. Никогда ни в чем не быть уверенным — вот его стиль.

Прошло почти двадцать лет. И теперь нет сомнений в том, что новая Россия, Россия сумеречных нулевых, — это общество победившего цинизма. Или скажем так: цинизм победил страну. И она корчится теперь в циническом припадке, как в духовной падучей.

Есть, конечно, очень много людей, есть микрообщества, которые чужды цинизму. Но на поверхности, в публичном пространстве цинизм почти что повсеместен, достигая особенно густой концентрации в зоне успеха, благополучия и преуспеяния. Впрочем, пошлость цинизма прилипчива, она осмотически проникает в душу и охлаждает ее даже помимо нашей воли.

(Еще, в последний раз, оговорюсь: понятие «цинизм» здесь не ругательство, не обличительная кличка. Оно есть, пожалуй, нечто даже большее...)

Без преувеличений, то, что Слотердайк констатирует в своей книге, — новая версия господствующей у нас ныне идеологии (точнее — идеологии в фазисе настроения, мироощущения, переживания, жизненного стиля: Zeitgeist). Ректор университета Hochschule für Gestaltung в Карлсруэ и профессор философии и эстетики в Венском университете Слотердайк, а не апостолы свободы Бердяев с Федотовым, не суровый Ильин, не Мунье с его солидаризмом и не Ясперс с его немецкой виной, нет, Слотердайк — вот наш новый Маркс-Энгельс-Ленин... Наряду, быть может, с бойкими французами-релятивистами. Неудивительно, что он, пусть медленнее французов, входит в моду. Как раз в последние годы о нем пишут статьи и диссертации[5], его мысли обсуждают на форумах и в блогах рунета. Впрочем, циническая эпоха в гуру не весьма нуждается. И мода не предполагает признания в качестве духовного авторитета.

Примеров работы цинического разума немало. Один из ярчайших, на мой взгляд, — тексты популярного ирониста и остроумца Дениса Горелова.

---

[4] *Горичева Т.* Православие и постмодернизм. Л., 1991. С. 39.

[5] Напр.: *Кудрявцева В.* Цинизм античный и цинизм современный: историко-философский анализ концепции П. Слотердайка. Автореферат диссертации... кандидата философских наук. Екатеринбург, 2009.

Горелов представляет собой весьма распространившийся ныне тип *талантливого мерзавца, обаятельного хама, дерзкой сволочи* (по крайней мере так его характеризуют и некоторые его работодатели, и простые блоггеры, а это что-то да значит). Нужно вспомнить, что он начал публично упражняться в цинизме одним из первых в России, еще в приснопамятной газете «Сегодня», где гореловские эссе несли печать виртуозно разыгранной иронической фронды по отношению ко всему на свете — фронды, лишенной, однако, малейшего позыва к мятежу. И сама эта яркая и обаятельная газета и в особенности полосы в ней Горелова (а также публикации Максима Соколова и Вячеслава Курицына с компанией) знаменовали, как теперь видится, исчерпание революционного брожения конца 80-х — начала 90-х и случившегося тогда прорыва к подлинности. Знаменовали начинавшееся закисание общественной атмосферы.

На этих стильно выглядевших страницах та невероятная, *еще* очень живая, очень настоящая эпоха пафоса почти зримо выцветала в эпоху стеба. А для «опередивших свое время» тогдашних Горелова, Курицына или, к примеру, Бориса Кузьминского мир *уже* состоял из релятивных фантомов, из социальных и культурных условностей (о чем мне, впрочем, отчасти удалось сказать именно тогда[6]).

Дело давнее, много воды утекло, много было грязи и крови. Разным помнится нам и Горелов, но про все сейчас за недосугом не скажешь[7]. Вот один пример, навскидку, сравнительно недавно сильно меня (да и не только меня) уязвивший: статья о фильме Анджея Вайды «Катынь»[8]. Случилась она в «Русской жизни» — журнале пестром, собравшем очень разных авторов, среди которых немало было и записных циников. (Но издание безвременно почило, и говорить о нем в целом сейчас большого резона нет.) На страницах журнала Горелов явился нам как будто насквозь пропитанный жгучим уксусом, упражняясь в злом циничном юморизме, объектами которого в равной мере становятся у него, к примеру, кинорежиссеры — и постоянно трясущий бубенцом перед власть имущими шут Никита, и польский мастер Вайда.

С Никитой все более-менее ясно и нам, а у Горелова это тот случай[9], когда откровенный циник виртуозно разоблачает циника мас-

---

[6] *Ермолин Е.* Примадонны постмодерна // «Континент», 1995, № 84.

[7] Совсем вкратце. См., напр., свидетельство блоггера taki_net: *Этот самый Денис году так в 1992 написал по поводу первой забастовки шахтеров уже в новой, постсоветской России — «доколе правительство будет капитулировать и кормить дармоедов за мой счет?»* ((http://taki-net.livejournal.com/409035.html), — а также особо памятную заметку Д. Горелова в «Известиях» по поводу разгона киселевской команды НТВ: http://www.conservator.ru/project/ntv/oth08.shtml.

[8] *Горелов Д.* Белый конь борозду портит // «Русская жизнь», 1 апреля 2008.

[9] *Горелов Д.* Родина или смерть // «Русская жизнь», 22 апреля 2009.

кирующегося, непоследовательного, не готового к публичной огласке и раскрытию его циничесого прагматизма как основы по видимости благородных и возвышенных поступков, слов и жестов — в том духе, как об этом говорит Славой Жижек: *Фундаментальный жест цинизма, по-моему, заключается в разоблачении настоящей власти, чья единственная эффективность, как мне кажется, проявляется в принуждении или в подчинении кого-то под предлогом защиты кого-то другого. Вот пример типично циничного подхода: мужчина говорит женщине: «я всегда буду с тобой, я готов пожертвовать собой ради тебя» и тому подобные патетические слова; циничной будет такая ее мысль: «ха-ха-ха, он хочет просто использовать мою сексуальность, хочет моих денег» и т. д., то есть если за высокопарными идеологическими фразами она признает низкие, пошлые, прагматичные мотивы. Такова циничная редукция*[10].

Иной коленкор — история с Вайдой. Горелов глумится здесь не потому, что он полонофоб, русопят или там, к примеру, сталинист. Ничуть, ни на сухой грамм. Он не жалует ведь и телеканал «Россия», где все определяет большая патриотическая идея, а посему трубная пошлость изначально заложена в проект.

А просто человеку без убеждений, «преодолевшему» их как атавизм, неприятен идеализм Вайды как таковой. Просто его воротит от вайдовских патетической веры в Бога и любви к Польше как от того, что прописано по ведомству «идей», а значит, воспринимается как смешная глупость. *Это не про людей, а про идеи. Про Польшу, верность, костел, рождество, произвол, вассалитет, честь, присягу, свободу и память,* — пишет Горелов, — *разобраться, кто кому чей родственник среди регулярно падающих в обморок дам, невозможно, да и ни к чему, ибо главные здесь не они, а встающая за ними, все уменьшающимися в размерах, большая идея дымного неба и попранного национального достоинства, и сволочизма тоталитарных систем, прежде всего русской, потому что немцы в Катыни, как выяснилось, нb при чем...*

Обратим внимание, что для Горелова люди отдельно, а идеи — отдельно. Ну почти буквально так, и с нажимом, с пережимом: *...настоящее кино всегда про человека — одного, а не роту, какие бы за ним ни вставали глобальные аллегории.* Воодушевленного на старости лет идеями отсталопафосного *пана Анджея* он снисходительно называет *неисправимым интровертом.* И дальше, дальше, дальше производит ехидные обобщения: *Поляк, сошедший с эшафота, в одночасье становится комичным. <...> Увы, как и многих, свобода Польшу не красит. Их правые из дерзновенных мучеников становятся мстительными недалекими жлобами. Их шляхетское воспитание оборачивается высокомерным хамством обслуги, особенно в на века разобиженной Варшаве...*

---

[10] *Жижек С.* Власть и цинизм // Кабинет: Картины мира. СПб., 1998 — http://highbook.narod.ru/philos/gigek_power_cinzm.htm

Не удержался наш автор и от упреков: поляки сами виноваты, плохо воевали, а значит, не имеют и серьезных прав на какие-то там претензии; к тому же Катынь — это (якобы) месть за страдания и гибель пленных красноармейцев во времена советско-польской войны 1919 – 1920 годов (увековеченная, к слову, в «Конармии» Бабеля, где красноармейцы тоже не выглядят рыцарями без страха и упрека). Характерная, надо сказать, конверсия цинизма в аспект прагматики.

Грубовато, но небезосновательно написал о Горелове участник дискуссии в блоге Экслера: *Господа, я вот целый час уже потратил пытаясь отыскать среди опусов этого блина горелова хоть один, где он не плевался бы желчью направо и налево и не вытирал бы ноги обо всех оптом и в розницу. Есть ли для автора луч света в темном царстве или он действительно так безнадежен как хочет казаться? Сколько уж лет я в инете, но такого средоточия мизантропии в одном отдельно взятом индивидууме встречать пока не доводилось, однако*[11]...

Не менее отчетливо этот модус прописался в последнее время в нашей литературе, которая иногда дает просто убийственные примеры цинизма как позиции и стиля. Особенно явственно он проступает, должен я сказать, в художественных изделиях последнего советского поколения, поколения позднесоветских мальчиков, которым сейчас 35 – 50 лет. То, что осложнено у старших как минимум гуманистическими «пережитками», а у младших явной тягой к простым и надежным истинам, у тех, кого некогда обозвали «семидесятниками» и «восьмидерастами», явлено бесстыдно, грубо и зримо. Вот как пишет блоггер: *Я вижу, сформировалась большая прослойка людей примерно 1973-1979 года рождения. Детство и ранняя юность которых пришлась на позднесоветские годы. <...> Сейчас этих людей очень много и среди глянцевых журналистов и среди политтехнологов (у Павловского). Очень гнилое, подлое поколение. Они себя еще покажут скоро во всей красе* [12].

Их ранний полудетский скепсис обернулся подчас неисправимым циническим прищуром, в котором нетрудно угадать инфантильный след. Некоторые с ним борются. Другие — даже не пробуют.

Далее речь пойдет как раз о двух такого рода произведениях и двух примерно такого возраста авторах и героях[13]. *По поводу анализируемого ниже романа Натана Дубовицкого Дмитрий Травин рассуждает: красной нитью через весь текст проходит не столько мысль, сколько ощущение, переживание того, насколько прекрасна жизнь и как глупо было бы ею не пользоваться. Если это считать только мыслью, то в ней вряд ли можно найти*

---

[11] Alex Krycek — http://exler.ru/blog/item/6528/

[12] retromaniak — http://aptsvet.livejournal.com/315382.html?page=2#comments

[13] В несколько ином ракурсе та же проблемная ситуация была затронута мной и на более объемном материале: см.: *Ермолин Е.* Артефакты гламурного времени. Роман-памфлет и оккультный роман как симптомы // «Континент», 2008, №135.

что-то оригинальное. Но совсем иное дело, если это личное переживание человека, родившегося в совке, где «речка при деревне была мелкая и рыба в ней была мелкая. Помидоры в огороде мелкие, полузеленые. Лук горький, яблоки кислые, скудость и скука кругом неизбывные. Свет от жилья бедный, избушечный» <...> Совсем иное дело получается, если семидесятник, полагавший к моменту своего двадцатилетия, что жить ему придется до гробовой доски в огромной державе с большими амбициями и мелкими помидорами, вдруг к моменту тридцатилетия обнаруживает себя в обществе потребления, где за большие деньги приобретаются и большие помидоры, и большие дома и даже большие властные полномочия. Жизнь вдруг поворачивается к семидесятнику лицом <...> Семидесятник прекрасно осознает, что в этой жизни существуют несправедливость, насилие и косность, но он не станет с ними бороться, поскольку в том мире, из которого мы вышли, эти качества заполоняли абсолютно все, тогда как в этом еще остается место для многого другого. И это другое столь притягательно, что ради него можно мириться с несовершенствами.

Вообще-то в мировой литературе есть герои, размышляющие о Боге, о добре и зле, о смысле жизни, о том, что останется на земле после них. Но это все не для семидесятника, родившегося в совке. К началу 90-х гг. он достаточно молод, чтобы наслаждаться жизнью и ее недавно еще запретными плодами. Но в то же время он уже достаточно зрел, чтоб понимать: все прелести жизни отнюдь не гарантированы этой самой жизнью; при ином ходе событий они запросто могли бы пройти мимо него.

Ну, и какой тут может быть Бог? Лишь тот, в которого верят люди, держащие в руках доллар (in god we trust). Ну и какая тут может быть диалектика добра и зла? Бабло побеждает зло — вот и вся философия. Ну и какой тут может быть смысл жизни? Лишь один: прожить ее так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно растраченные бабки <...>

Сегодня у нас много принято говорить об ответственности элиты и о гражданском обществе. Но эти понятия — не для семидесятника. Поскольку и ответственность элиты, и гражданское общество предполагают признание высших ценностей в сравнении с простым наслаждением жизнью. Они предполагают, что наслаждение это не является достаточным без понимания, зачем существуют те тело и душа, которые ты ублажаешь. Но для человека, который родился в совке и выбрался из него еще сравнительно молодым, тело вместе с душой существуют именно для ублажения и ни для чего больше. <...> наиболее успешные наши семидесятники — те, которые руководят сегодня страной, а также те, которые управляют сегодня российской экономикой, и те, которые владеют сегодня думами миллионов, — в наибольшей степени обладают поколенческими чертами.

Без этого они ничем не руководили бы, не управляли и не владели. Без этого они не оказались бы сегодня околоруля и околорубля, что, по большому счету, пожалуй, одно и то же. Бескорыстная любовь к жизни предполагает в представлении семидесятника бескорыстную любовь к рублю,

поскольку именно на него можно купить ту прекрасную жизнь, которая является ценностью сама по себе. А бескорыстная любовь к рублю предполагает бескорыстную любовь к рулю, поскольку — так уж сложилась наша прекрасная жизнь — лишь с помощью руля можно вырулить к рублю и, следовательно, к полноценной, наполненной жизни, столь непохожей на убогое прозябание молодости, проведенной в совке.

Некоторые называют это цинизмом. Но настоящий семидесятник не понимает смысла данного слова[14].

3. Натан Дубовицкий как маска из закулисья

Роман Натана Дубовицкого «Околоноля»[15] произвел немалый шум. Правда, природа этого шума не до конца ясна. Возможно, суть дела в окололитературной, а скорее даже в придворной интриге, на которую во вводке намекнул уже издатель, главный редактор довольно странного журнала «Русский пионер» и просвещенный либерал-колумнист Андрей Колесников. Якобы роман написал *один из колумнистов* этого самого «Русского пионера», который *на этот раз* решил *выступить под псевдонимом.*

Фокус в том, что у Колесникова публиковались и гранд-вельможи. Догадливые рецензенты и блоггеры немедленно заподозрили, что под небрежно накинутым иудейским плащом скрывается балующийся по временам сочинительством крупный кремлевский чиновник, первый заместитель руководителя президентской администрации, считающийся главным идеологом Кремля, Владислав Сурков. Тот, кому принадлежит сформулированная в 2006 году концепция *суверенной демократии*, одно время претендовавшая на роль идеологической витрины неосоветского режима. Сам предполагаемый автор эту версию не опровергал, а в какой-то момент салонная сплетня облокотилась и на компетентное свидетельство крайне уместного в контексте данной ситуации литератора и шоу-мена Виктора Ерофеева, признавшегося, что у него есть экземпляр книжки с автографом Суркова... Да вот и смелый не без причины корреспондент агентства «Рейтер» Майкл Стотт также утверждает, что собственный его источник в «Русском пионере» подтвердил авторство Суркова, несмотря на то, что в Кремле эту информацию опровергают.

Впрочем, не пойман — не вор[16]. Дело в другом. В романе дается убийственная характеристика современных российских общества и

---

[14] *Травин Д.* Околорубля // Slon.ru — http://slon.ru/blogs/travin/post/153964/

[15] *Дубовицкий Н.* Околоноля // «Русский пионер», специальный выпуск. М., 2009.

[16] Откровенный Константин Гаазе исчерпывающе изложил подход к ситуации, в котором нет не только цинизма, но даже и малой примеси лукавства: *Политикам лучше не писать художественных книг. Чиновникам — тем более.*

власти. Власти, погрязшей в коррупции, общества, аморального и своекорыстного.

Выходит, что чиновник-романист режет правду-матку без оглядки на свой чин? Уж не почти ли так, как некогда вице-губернатор Салтыков?..

Но нет, не так. Дубовицкий не сатирик. Дубовицкий, простите, циник. Если это авторская маска, то это маска старого, житейски опытного и даже прожженного, до последней степени развращенного регулярным наблюдением изнанки жизни еврея-циника, зачем-то (ради денег или ради славы?) взявшегося за перо. Это скорее наш местный Петроний, в масштаб потускневшего Третьего Рима и современной мизерабельной эпохи. И жанр продукта его творчества в результате таков, каким и должен был случиться: роман-фельетон, то есть обозрение пафлетно-фарсового характера, ревю на темы современной российской действительности, не без претензий, впрочем, на настоящий проблемный роман.

Современная Россия у Дубовицкого — это нелепая страна, в которой цветет и пахнет тотальное эгоцентрическое своекорыстие, где за деньги можно все и где любое преступление является только статистическим фактом. Людишки всех рангов тут таковы, что взять с них нечего: где сядешь, там и слезешь. И вся жизнь такова, какова она есть, и больше, как говорится, никакова и никаковой быть не может.

Собственно, это муляж или фантом сознания автора, приписавшего обществу то, что характерным образом формирует собственное автора циническое мировосприятие. По оценке А. Круглова, *это состояние души, для которой, что называется, «нет ничего святого»; здесь не то чтобы одним святыням, представляющимся ложными, противопоставляются какие-то другие, истинные, — но во всех них философствующий циник видит лишь что-то вроде искусственно созидаемых, сильными мира сего, миражей, пугал, какими отгоняют трусливого и глупого обывателя от заповедных для него «огородов»; себя же циник к таковым обывателям не причисляет. Это значит, что из всех мотивов поведения признается за искренний — только мотив своекорыстный. То есть это попросту низость, дошедшая до убеждения, что все ценности, кроме своекорыстия, суть ложь сильных, глупость и трусость слабых и фальшь (хитрость) умных, то есть собственно циников, — и делающая на этом открытии свой бизнес*[17].

Честная автобиография Суркова могла бы иметь и воспитательное, и прикладное значение. Нечестный вымысел Дубовицкого — никакого значения не имеет. Для статуса исповеди «Околоноля» не хватает другой фамилии на обложке. Для просто художественной литературы — той самой любви к жизни, которая так и не спасает главного героя книжки. С автором даже поспорить не получится. «Я жив, он мертв — о чем нам говорить?» (*Гаазе К.* Сурков или Дубовицкий: в общем, все умерли // http://slon.ru/blogs/gaaze/post/114795/)

[17] *Круглов А. (Абелев).* Кинизм, нигилизм, цинизм // Круглов А. (Абелев). Словарь. Психология и характерология понятий — http://alkruglov.narod.ru/nihilism.html.

Циническая доминанта снова и снова безотчетно интонирует повествование, подверстывает деталь за деталью. Всего два примера. Люди в некоей северокавказской республике *успокоены до отупения ежедневными зрелищами взрывов, ошметков человечины на рекламных щитах, демонстративной пальбы средь бела дня по федеральным конторщикам, <...> по детям милиционеров и просто любым детям...* Или: дамы из московского светского общества характеризуются, скажем, так: *жующие модели, последние модели отечественных баб, модернизированных, прошедших тщательную предпродажную подготовку, неслыханной комплектации...*

Фантомален и главный герой Дубовицкого Егор Самоходов, криминальный московский мачо сорока с хвостиком годков. На заре перемен он, тихий издательский работник, включается в авантюрно-криминальный бизнес на постсоветском книжном рынке. Выходит *с кистенем на большую дорогу душегубствовать заради фуагры и модных штанов.* Реальна ли такая метаморфоза героя? Вопрос риторический.

Новоявленные предприниматели воюют не на жизнь, а на смерть *за сбыты Набокова в южной москве* (зачем-то со строчной буквы. — *Е. Е.*), *за, за розницу Тютчева и за опт обэриутов...* с «крокодилерами» — *кровожадными и жадными дикими выходцами из отдела писем легендарного сатирического журнала, державшими сто процентов сбыта учебников ботаники и зоологии и завистливо шакалящими* (кремлевский привет! — *Е. Е.*) *вокруг контролируемых чернокнижниками изобильных рынков.* Занимаются коммерсанты, кроме прочего, и продажей *песен и сценариев, стишат и пиесок*; все это скупается *у целой оравы способных, но чудовищно нищих и по причине алкоголизма слаботщеславных* литературных люмпенов *пиитов и витий.* Все это за бешеные деньжищи продается *богачам и политиканам*, желающим *прослыть интеллектуалами и творческими людьми большого таланта*, а также их *молодым девкам,* рвущимся непременно петь и сниматься в кино. *Стихи, романы, пьесы, сценарии, философские трактаты, а то и работы по экономике, теории суперструн, порой симфонии или струнные квартеты перепродавались мгновенно и гремели потом подолгу под именами светских героев, политиков, миллиардерских детей и просто фиктивных романистов, ученых и композиторов, командующих всем, что есть разумного, доброго, вечного в богоспасаемых наших болотах*[18]. Вот этим-то обслуживанием в основном и занят Самоходов, про которого, однако, не раз сказано, что он вообще-то не просто так себе *бандит,* но и киллер, убийца (о себе: *Я же в год человек по десять убираю*). Ряд сцен призваны показать, что чужую жизнь герой ценит дешевле копейки и сантиментов в минуты риска лишен. А еще ему приписан

---

[18] Акцент на этой теме в романе в числе прочих наблюдений заставил Дмитрия Быкова предположить, что и сама книга Дубовицкого написана некими литературными «рабами», прикремлевской клиентурой типа одиозного Липскерова.

«сложный» внутренний мир и рефлексивные таланты, приспособленные, в частности, для передачи взглядов автора.

От Данилки до Егорки. Когдатошний балабановский брат(ок) начинает рассуждать чуть ли не как настоящий персонаж Достоевского, и это, если несколько отвлечься от рабского следования за движением сюжета, смотрится странновато. Во-первых, мотивы поступков Егора Самоходова невразумительны и, как правило, внятному художественному оправданью не подлежат. Если же и посещает его какое-то сильное чувство или какой-то порыв, то они тускло мерцают искусственным светом, минутны, не строятся ни в какое единство образа, характера. В полном соответствии с волей автора герой живет по принципу «вдруг». А во-вторых, идей у него нет, что, впрочем, для циничесого сознания вещь обычная. Есть примитивные установки, типа: *Человеки бывают двух сортов — юзеры и луверы. Юзеры пользуются, лузеры ползают. Юзеров мало, лузеров навалом. Лузер ли я позорный или царственный юзер?*

По основному внутреннему складу Самоходов — самовлюбленный циник. Он вообразил, что все знает об изнанке мира, а потому присвоил себе право смотреть на всех свысока и зачастую просто презирать людишек. Женщины Дубовицкого от таких млеют. И Егор их имеет, как хочет. В принципе.

О самовлюбленности героя лучше, чем сказал уже Дмитрий Быков, не скажешь: *У него все эти валентности уже заняты, все поглощено любовью к себе, истовой, мощной, неплатонически-страстной. Он постоянно отмечает собственную эрудицию, молодость, красоту, силу; он умнее всех собеседников и выше их на голову; <...> он «легко и не без удовольствия» отслужил десантником, «что было даже странно для человека, знающего слово "гуссерль"». Что за доблесть знать слово «гуссерль», непременно с маленькой буквы, как записаны, впрочем, вообще все собственные имена в этой высокомерной книжке? <...> зато уважать себя за знание слов «феноменологическая редукция» весьма легко — так же, как за знание слова «Витгенштейн».*

Насколько протагонист нравится самому себе — можно судить по такому, например, автоописанию: «Круг его чтения очертился так прихотливо, что поделиться впечатлениями с кем-либо даже пытаться стало бесполезно. Ведь на вопрос о любимейших сочинениях он, изрядно помешкав, мог с большим трудом выдать что-то вроде: "Послание Алабию о том, что нет трех богов" Григория Нисского, приписываемый Джону Донну сонет без названия и несколько разрозненных абзацев из "Поднятой целины". Если это все не пародия, — хотя похоже, — о герое подобного описания можно заметить лишь, что он по-детски выделывается, чтобы не сказать более. "Вкус его и знания были странны, он очень скоро увидел сам, насколько одинок и начисто исключен из всех человечьих подмножеств. Про себя он думал, что устроен наподобие аутиста, развернутого почти целиком внутрь, только имитирующего связь с абонентами за границей себя, говорящего с

ними подставными голосами, подслушанными у них же, чтобы выудить в окружающей его со всех сторон бушующей Москве книги, еду, одежду, деньги, секс, власть и прочие полезные вещи".

Все это отлично сводится к фразе из другого романа — «со стоном страсти обвился вокруг себя»[19].

Что касается отношений героя с Богом, то они буква в букву укладываются в дефиницию Круглова: *Молится циник, боясь «чего-то» и выпрашивая себе у Бога какие-то преимущества, или не молится, не боясь ничего и полагаясь лишь на собственную хитрость, — и в том и в другом он остается циником*[20].

Дама сердца Егора, распущенная актриска по кличке Плакса, не отвечает герою взаимностью, крутит хвостом налево и направо, а однажды снимается в фильме загадочного режиссера Мамаева, где порнографически оформленная сцена удушения ее героини оставляет впечатление настоящего убийства. После эксклюзивного показа фильма Плакса пропадает, так что возникает видимость того, что она реально мертва. Финальная часть книги — жестокие разборки Егора с тем самым гнусным Мамаевым. Месть. В качестве эксцентрической приправы сюда добавлены сведения о держащем Юг под своим контролем извечном Хазарском каганате.

Но главное в другом. Вполне понятно, зачем написана сия книжица. Мысль, ради которой она существует, не раз воспроизведена на ее страницах на разный лад. И мысль эта проста: нет ничего абсолютного, нужно принять жизнь такой, какая она есть. Вот и все.

Вам не нравится коррупция? Но, господа, к вашему сведению, в России *взяточничество, мздоимство, откаты, крышевание; госинвестиции в жен, деверей и племянниц; сдача органов власти, их подразделений и отдельных чиновников в аренду респектабельным пронырам и приблатненным проходимцам; кооперативная торговля должностями, орденами, премиями, званиями; контроль над потоками; коммерческое правосудие,* а также *высокодоходный патриотизм* — это *исконные, почтеннейшие ремесла, вековые скрепы державы.* Попробовали наверху с этим бороться, но быстро поняли, что не нужно, несколько генералов сели в тюрьму, но в итоге кампания была прекращена и *о коррупции опять заговорили уважительно.*

О роли власти в обществе поручено сообщить даме-спецслужбистке: *Мы знаем так много позорных секретов, что если они будут активированы, весь правящий сброд этой и не только этой страны лопнет, сдуется, испуская грязь и гниль. А с ним вместе расплывется, растечется все общество и государство. Как ни печально звучит, коррупция и оргпреступность такие же несущие конструкции социального порядка, как школа, полиция и мораль.*

---

[19] *Быков Д.* Спертый воздух. Кто вы, мистер Дубовицкий? // «Новая газета», 19 августа 2009. http://www.novayagazeta.ru/data/2009/090/20.html

[20] *Круглов А. (Абелев).* Кинизм, нигилизм, цинизм.

Соглашайтесь, господа, с этим, выбора нет[21]. Не хотите?.. Ах, чего на самом деле стоит ваш либертинаж?!

Среди персонажей романа — оппозиционная журналистка Никита Мариевна. Никита хоть и талантлива, но продажна. По предложению Егора она соглашается прекратить журналистское расследование на тему заболевания раком детей, ставших жертвами аварии на химическом заводе, в обмен на два гектара земли в заповеднике на берегу озера. Но притом не любит она режим. Ругает власть. Егор сурово и правдиво говорит ей на это: *Да не власть вы ненавидите, а жизнь. В целом. Не такая она, как вы бы хотели... Мне тоже жизнь другой представляется, но я не хочу ее уничтожить, как вы, за то, что не такая она... Я за жизнь. А вы против.* По его определению, *несправедливость, насилие и косность* — это *качества вообще жизни, а не одной только власти.*

Известинский рецензент Кирилл Решетников в этом месте просто задохнулся от эстетического наслаждения: *Особые счеты у автора с интеллигентской протестной идеологией. Чего стоит произносимый героем и вряд ли расходящийся с авторской позицией блистательный ответ на антивластную риторику, транслируемую либеральной, но легко продающейся журналисткой Никитой Мариевной! Всем Никитам Мариевнам рекомендуется срочно заучить соответствующий отрывок наизусть.*

После таких рекомендаций не удивляет, что Решетников поет дифирамбы автору: *Вслед за Шекспиром Дубовицкий отваживается эксцентрично говорить о страшном; ни на йоту не становясь циником, он просто заглядывает в экзистенциальную бездну, где смешное и мучительное не разделены*[22].

---

[21] Заметим, что и хазарский сюжет приплетен в романе неспроста. Описание Хазарского каганата — идеальный образ той России, которая мерещится Дубовицкому. Итак, некоторый Юг *контролируется Хазарским каганатом. Уже около тысячи лет. Все эти национальные республики, парламенты, суды, портреты президента/премьера, муниципальные районы, выборы, милиционеры — фикция, имитация. При советской власти такой же имитацией были местные парторганизации, советы, бюсты Ленина, исполкомы. На самом деле и тогда, и теперь, и при царях Югом правили и правят хазары, небольшая засекреченная народность, обитающая по ту сторону пика Эльбарс. Они устанавливают границы, разрешают споры, распределяют деньги и должности между этносами и кланами. Они так хитры, воинственны и упрямы, что даже чеченцы их уважают. Сильны не настолько, конечно, чтобы игнорировать Россию, чтобы самим все решать. Но достаточно, чтобы без них ни один вопрос не решался. Между Россией и Хазарией двести лет назад подписан действующий до сих пор тайный договор, по которому в обмен на дотации и военную помощь каганат притворяется частью империи/союза/федерации и не поддерживает всех ее геополитических соперников. Хазары знают на Юге все и всех.*

[22] *Решетников К.* Блеск и нищета чернокнижия // «Известия», 29 июля 2009. — http://www.flb.ru/info/46153.html.

Но я позволю себе не совпасть с апологетом из «Известий». Давайте-ка вспомним теперь соображения Слотердайка и его популяризатора Жижека об адаптивном характере современного цинизма.

Один к одному.

Книга выдает некоторую начитанность автора, с одной стороны, демифологизирующего литературу до способа выгодной купли-продажи, но смело берущего, с другой стороны, у своих литературных предшественников и учителей все, что хочется взять. Активированы и задействованы, к примеру, и хазарский миф Гумилева (вкупе с литературными репликами Быкова и всех прочих, от покойного Павича до Садулаева), и мотив босоногого деревенского детства с бабушкой-праведницей как полюсом канувшего позитива, и парафраз набоковской «Лолиты»... На уровне приема кое-что взято у Гоголя, а кое-что у Сорокина... Такой вот недорогой российский постмодернизм самого дешевого эпигонского розлива.

У автора есть сноровка на уровне фразы и живой, подвижный, легкий, поверхностный ум. Его эрудиции хватило на небрежно разбросанные намеки на заочное знакомство с Набоковым и Витгенштейном, а литературных умений — на фельетон о неких нуворишах-упырях, проедающих Россию и наслаждающихся при виде ее язв. Верхи общества изображены в той манере, которая известна нам из прозы, например, Александра Проханова. Герои-марионетки. Сюжет суконный. План вымысла банальный. В основном сочинение Дубовицкого по-репортерски поверхностно.

Фантомный роман о фантомном мире.

Правда, внимательное чтение откроет в книге Дубовицкого еще и ряд полезных сведений об актуальном циническом универсуме.

Первое: мир циника сегодня отравлен смертью, к ней в каком-то жесте немого, не до конца отрефлексированного отчаяния прикована внимание и героя, и автора. Вероятно, в мире циника смерть — это единственная подлинная величина, единственное, что не подлежит сомнению.

Другое наблюдение относительно автора сделал Дмитрий Быков: *...человек с такой душевной организацией, — проще говоря, самая холодная и мрачная разновидность сноба, категорически неспособная вдобавок выдумать что-нибудь самостоятельно, — обречен в случае прихода к власти превратиться в маленького тирана, покровителя жулья, скупщика душ*[23].

Наконец, нельзя не упомянуть о гипотезе упомянутого уже Проханова. Он предполагает, что книга Дубовицкого — *это роман-послание, в котором кремлевский демиург из-за каменных зубцов подает весть о себе, рассказывает о том, какой он на самом деле, что творится в его душе, в чем его бездна, в чем его мучительная трагедия... Мы узнаем, как он ненавидит и презирает дельцов и инфернальных эстетов, мрачных палачей и*

---

[23] *Быков Д.* Спертый воздух.

блистательных самок, среди которых вращается. Тех, кого вольно или невольно взращивает, к которым принадлежит сам. Мы сможем догадаться, как попал он в эту среду, был взят в круг избранных, совершив какое-то неотмолимое деяние, в духе того, что содеял герой романа, застрелив из пистолета никчемного старца. Почувствуем, как бьется он о стеклянные преграды, не умея покинуть этот стоцветный террариум[24]... Не зная за Прохановым склонности к иронии, мы готовы признать, что она рождается тут самопроизвольно.

4. Александр Терехов и каменный гроб

Роман Александра Терехова «Каменный мост»[25], безусловно, написан ярче и, как бы это сказать, основательнее, чем книжка Дубовицкого. Солидный том, кстати, 830 страниц. И если шуму вокруг него меньше, то положительных отзывов, может быть, даже больше. Да и второго калибра премия «Большая Книга» за 2009 год что-то значит. Но это тот случай, когда хочется сказать: тем грустней. Потому что циническое отношение к жизни обнаруживается у Терехова сразу и навсегда. Сначала и не отдаешь себе отчета в том, почему эта книга оставляет столь мрачное впечатление. Кажется, ну да, сталинская эпоха, война, мало веселого. Но дело все-таки не в эпохе.

...Давайте вспомним, что Терехов начинал как журналист, еще студентом подвизался в коротичевском «Огоньке». Чем-то он напоминает Горелова: люди одной формации или генерации. В 90-е Терехов в общественной активности вроде бы разочаровался, а еще его каким-то странным образом замкнуло на магию державного величия. Андрей Степанов напомнил: *Свое отношение к вождю писатель объяснил давно: в 1993 году бывший автор «Огонька» опубликовал в «Правде» статью «Памяти Сталина». В этой солженицынским стилем писанной инвективе либералам доказывалось, что все их усилия по разоблачению кровавого упыря тщетны: Сталин все равно останется в памяти народа эпическим государем. При этом Терехов нисколько не отрицал, что «император Иосиф» был кровопийца — такой же, как Петр Великий или Иван Грозный, сомасштабный им*[26]... Еще и сегодня Дмитрий Быков нахваливает Терехова за тогдашнюю смелость, как будто кровожадные либералы едва не съели мальчон-

---

[24] *Проханов А.* Одинокий роман. — http://ruspioner.ru/news/809.html.

[25] *Терехов А.* Каменный мост. М., 2009.

[26] *Степанов А.* Вид на Кремль с исторического моста // «Прочтение» — http://prochtenie.ru/index.php/docs/2902. Мне, кстати, кажется, что ничего особо умного в этом детском лепете Терехова нет. Тоже мне «феноменология духа»! В любом случае либералы не сокрушены. Но правда и то, что миф о Сталине еще жив.

ку заживо. Вот уж чего не было: беспамятные и бесхребетные либералы 90-х очень быстро все простили заблудшему гению.

Как бы то ни было, Терехов сдрейфовал в литературу, где, впрочем, не весьма, как казалось, преуспевал. Но вдруг выяснилось: много лет писал свой роман, который вышел в 2009 году.

«Каменный мост» по жанру похож на исторический детектив, беллетризированное историческое расследование. Но здесь, однако, огромное место занимают перипетии жизни и душевный обиход главного героя и повествователя, Александра Васильича, современного расследователя, бывшего эфэсбэшника. Перед нами вроде бы циник до последнего края, не верящий ни в какие идеалы и усматривающий за ними вредный умысел. Он до враждебности чужд любому идеализму — как советского, так и антисоветского пошиба. Разделяя со своей эпохой неверие в идеалы, он брезглив и высокомерен, безжалостен и угрюм. Есть, правда, люди, которые ему симпатичны, но и не более того; не ждите от него жертв.

Особенно достается в романе женщинам. Герой Терехова даже с гораздо большими основаниями, чем герой Дубовицкого, может претендовать на прозвище современного Дон Жуана. Влюбляет в себя всякую юбку. Но не любит ни одну, и сам секс вызывает у него чуть ли не отвращение. Детализация в описании постельных и прочих перипетий как раз и должна передать отсутствие вожделения: *...крадучись вошла в коротком жарком платье, покачалась, опираясь на дверной косяк, отвернулась и с трудом потянула платье через голову <...> жмурясь от ужаса за распущенными волосами, я думал одно: лишь бы не стала снимать трусы...* Или: *Правая рука моя уползла под блузку, расстегнула тройной крючок на лифчике и заученно погладила провисшую жировую громаду, а потом забралась под юбку.* М-да. Но вот еще: *Как сразу после паскудно... Как мгновенная мерзость закружит уже при первой судороге, уже в миг плевка в липкую нору и распухнет совсем в минуту отлипания, отваливания, неизбежных слов и поглаживания по законам служебного собаководства*[27]. Во-

---

[27] Замысловатое толкование обилию брутального секса на страницах романа дает В. Топоров: *В прошлое приходится всякий раз лазать, как в погреб. В прошлое приходится пробираться. Прошлое приходится пенетрировать. <...> Прошлое приходится — ведь оно не поддается — насиловать! Метафора этого проникновения непристойна. Отсюда назойливое изобилие сцен, которые тот же Данилкин называет условно порнографическими. — Топоров В.* Гибель хора // «Частный Корреспондент» — http://www.chaskor.ru/p.php?id=6725 В цитате речь идет о не менее остроумном суждении Л. Данилкина, связавшего секс с поисками бессмертия: *Компенсируя неуверенность в личном бессмертии, герой не пропускает ни одной юбки — и транслирует этот свой, мм, невроз с такой скрупулезностью, что каждую, допустим, десятую сцену в романе без особых натяжек можно квалифицировать как порнографическую . — Данилкин Л.* Каменный мост // «Афиша» — http://www.afisha.ru/personalpage/191552/review/276687/

обще, мера цинизма в отношении к женщине, при взгляде на женщину в романе, я бы сказал, запредельна. Женщина лишь самка, зверушка для секса, больше ничего.

Герой иной раз вроде бы даже в душе как-то страдает от пустот в душе — и в целом гораздо убедительнее, чем Егор у Дубовицкого. Он даже готов иногда презирать себя, а не только других. Но... ничего не меняется. Да и нечего изменить. Цинизм — это тупик, таков очевидный вывод из романа.

Загадка ситуации состоит в том, что банальный цинизм обычно гедонистичен и прагматичен. А герой Терехова — скорее садомазохист и маньяк. Он хочет чего-то большего, чем просто житейское благополучие. К благополучию он не стремится явно и лишен его напрочь. Это отчасти курьез, а отчасти в этом есть и что-то недодуманное, как будто некие личные творческие мотивации Терехов контрабандно попытался передать герою, который вследствие этого стал бескорыстным искателем *Правды*. И тот ищет ее годами, заразив своей манией несколько человек и создав специальную опергруппу из ветерана органов, влюбленной красотки и прочих забавных личностей:

*Мы занимались **производством правды** в чистом виде. Только тем, что **произошло на самом деле**.*

А что же произошло? Вымышленный герой занимается расследованием реального убийства, происшедшего летом 1943 года в Москве на том самом вынесенном в заглавие Большом Каменном мосту, в виду Кремля, рядом с пресловутым Домом на набережной. В самом начале романа дается канва событий: *Идет Великая Отечественная война. Уже позади Сталинград, но Курская дуга еще впереди. У дипломата Константина Уманского удивительно красивая дочь Нина, вызывающая у всех, кто ее хотя бы раз видел, сверхъестественный трепет души. И тела. Девочка учится в элитной школе вместе с детьми кремлевских вождей. В Нину влюбляются многие. Особенно Володя Шахурин. Мальчик тоже из знатной семьи — сын народного комиссара авиапромышленности. Константин Уманский получает назначение послом в Мексику. Володя провожает возлюбленную домой. По-видимому, просит — тринадцать-четырнадцать лет! — не улетай, я очень люблю тебя. Девочка, вероятно, не соглашается. Володя достает из кармана пистолет и стреляет Нине Уманской в затылок. Наповал. А потом — в висок себе.* То ли все было именно так, то ли иначе, и, как предполагает герой Терехова, имело место двойное убийство, сопряженное с фактом наличия в школе для кремлевских детей организации подростков «Четвертая империя» (с участием сына Микояна), заимствовавшей идеи и пафос военного противника, а «рейхсфюрером» был Шахурин. А потом, уже в Мексике, в январе 1945 года таинственно погибли родители девочки, когда их самолет при взлете упал на землю.

Для начала спросим себя: а что значительного может дать такая история писателю? Особенно если писатель и его герой сосредоточены

на розыске. Да, процесс расследования воспроизведен в романе скрупулезно и детально: ворох имен и фактов, стенограммы и документы... Герой устраивает встречи с очевидцами и свидетелями эпохи, беседует с маразмирующими стариками, копается в архивах, подкупает работников загсов, бродит по Новодевичьему кладбищу, рассуждает, сочиняет и комбинирует... Вот откуда объем романа! А что в итоге?

А вот что. Специфика авторского зрения такова, что в итоге мы получаем суммарный, собирательный образ сталинской элиты 40-х. По Терехову, людей *Империи*. Это люди без идеалов. Они, как правило, мелки и жалки. Они исходят из личной выгоды, думают о себе и семье, они своекорыстно служат режиму, потому что иначе смерть. Их идеологичность сугубо инерционна и прагматична, освобождение человечества от эксплуатации, мировая революция и прочие фетиши для них только политические фишки, феньки. Мне, к примеру, ясно, что это не столько люди империи, сколько люди деспотии, наследовавшей доосевым Ассирии и Вавилону. Собственно, сталинская Москва и была таким Вавилоном, о нем напоминает сейчас архитектурная декорация столицы.

В любом случае это еще не современный цинизм. Но героям романа уже удобно верить в идеологическую догму, в слова вождя, — вот они и верят, не пытаясь нащупать какую-то критическую дистанцию. Возможно, о стране думает только Сталин, удостоенный Тереховым прозвища *Император*. Но и тут нельзя сказать наверняка.

Что-то здесь схвачено, какая-то духовная вибрация человеческой требухи и мелочи, вынесенной на авансцену истории в момент надлома советского эксперимента. Но приходит в голову мысль: кто мешал Терехову найти духовную антитезу этому кругу, посвятить себя не мертвой зыби, а тому, что живо? Никто. Когда на дворе 43-й год, антитезу такую отыскать в принципе нетрудно на фронте и в тылу, в стране и за ее пределами. Однако военно-лагерная эпоха в своих наиболее трагических выражениях вынесена Тереховым за скобки. И, думается, далеко не случайно писатель не ставит перед собой такой задачи. Конечно, герой не автор, есть пределы сходства. Но тереховский герой все же явно сообщает нечто про автора. Для него идеализм — советский ли, антисоветский — тоже кончился.

И напрасно В. Топоров уверяет, что Терехов *мыслит себя, пусть и терпящим перманентное поражение, Воином Блеска (по слову философа Секацкого)*. И что его учителя *Анатолий Азольский, Владимир Богомолов, Юрий Домбровский и далее по алфавиту вплоть до Владимира Шарова*, что *учителя у него — немецкие экспрессионисты Мейринк и Деблин*. Что *учитель у него Фолкнер*[28]... Все эти параллели очень на вырост, исключая разве что аналогию с Шаровым. Роман не фокусирует ни экзистенциальный вызов судьбе, ни абсурдистский немой вопль. Все это остается в потенции.

---

[28] *Топоров В.* Гибель хора.

Характерно, что герой ведет расследование таким образом, что смысл его постепенно окончательно теряется. Расследование течет по разным руслам, но эти потоки в итоге никуда не впадают. Опергруппа иной раз уходит куда-то далеко в сторону и начинает заниматься людьми, которые имеют самое косвенное отношение к происходившему. Но нет уже сил остановиться, какой-то механический завод у этой машины.

По словам А. Степанова, *книга, в конечном итоге, — о том, что невозможно написать Историю, даже если ты собрал все свидетельства и документы*[29]. Он цитирует: *Мы бессильны даже в установлении милицейских подробностей: десять минут агонии императора на кунцевской даче при шести (самое меньшее) совершеннолетних цепенеющих свидетелях не поддаются достоверному воспроизводству...*

Проблема в том, что любой большой смысл (который можно положить в основание большой прозы) идеалистичен. Притом именно такой смысл организует в единое целое эпизоды и детали повествования, дает им значение. А если идеалы исчерпаны, то и вместо романа возникает бред пустого словопроизводства. (Это, между прочим, одна из основных проблем современного романа, актуальная отнюдь не только для Терехова.)

И вот в результате, как резюмирует критик, *ничего не имеет на этом свете значения и смысла. Сталинская смерть, идущая косяком. И сталинские же стройки. И мелкие страстишки современности. И масштабные чувства. Не важно. Не интересно. Ни к чему весь этот фанатизм раскопок прошлого. Если, каким бы оно ни было, все оборачивается крематорием, могильной плиткой, домом престарелых, склерозом, Альцгеймером. Наплевать. Не имеет значения. И поиски Правды заканчиваются тем, что Правда предстает в трех вариантах. И ни один из них недостоверен*[30].

Интересна попытка Терехова ввести в повествование элементы оккультного свойства. Его герой встречается с мертвецами, устраивает очные ставки, допросы и дознания, квазиспиритические сеансы, причем описано все это предельно натуралистично, как бы взаправду. Мертвецы являются чуть ли не с приметами тления. Участники опергруппы то квазимистически путешествуют на историческом лифте в Мексику, то собирают свидетелей чуть ли не прямо на Каменном мосту[31]. Как точно

---

[29] *Степанов А.* Вид на Кремль с исторического моста.

[30] *Цыбульский В.* Мы простимся на мосту // Газета.Ru — http://www.gazeta.ru/culture/2009/05/08/a_2984128.shtml.

[31] Странно, что на очную ставку не вызываются мальчик и девочка, с которых все началось. Казалось бы. Но нет. А третье лицо в этом любовно-драматическом треугольнике, как выяснил А. Степанов, даже и не нужно вызывать с того света. *...если развеять бесчисленные клубы сюжетного дыма и стилистического тумана, то в книге (по одной из версий) утверждается, что двойное убийство в 1943 году совершил 15-летний Вано Микоян, младший сын члена Политбюро А. И. Микояна. «Гугл» отвечает на запрос: Вано Анастасович Микоян — со-*

кем-то замечено, они начинают напоминать собой персонажей фантазийного «ночного дозора». Тем более, что, как иногда нам намекают, им противодействуют некие неведомые, но мощные «темные силы». (Неведомыми они так и остаются до самого финала повествования.)

Оккультизм в современной прозе не новость, я уже писал о жанре оккультного романа и о классике этого жанра Проханове. У Терехова все это едва ли прочно опирается на веру в спиритизм и иные технологии общения с потусторонним. Но само присутствие этого мотива наводит на тягостные ощущения. *Закружились бесы разны...* — это о мире Терехова. Есть, есть в романе привкус бесовского хоровода. Это какая-то пугающая кульминация романа, герой и автор которого зачарованы смертью.

Умысел писателя и его героя сформулирован, впрочем, не раз. *Никто*, — сказано в романе, — *не слышит этот подземный стон великого большинства: «ВЕРНИТЕ НАС!»* А Терехов услышал. Правда, только от обитателей Дома на набережной и прочих сталинских общаг для элиты. Но все же. Подспудный, не весьма внятно выявленный импульс романиста — вернуть если не физически, то посредством какого-то все-таки объяснения, высвечивания, обнаружения какого-то смысла в том, что происходило тогда с миром, страной и людьми в отсутствие Бога. Но нельзя дать смысл путем простого называния. Сколько ни тверди *халва*, сладко не будет. Сколько ни называй СССР *Империей* (или там неосоветскую Россию *Великой Державой*), это еще не определит миссии страны, народа и человека само по себе.

От лица героя производится мрачноватый нарратив: *С детства я знал: никаких воздаяний — ветер, ветер мял речную воду — я смотрел на Кремль и чувствовал его равнодушие и занятость бóльшим, чем земные дела, и его недобрую памятливость — все должны и всегда... <...> Я никогда не чувствовал страха, я даже забывал смертный страх, когда видел Кремль и слышал Спасскую башню — я никогда не один, за меня отомстят; пусть Кремль не может пока признать всех своих своими — так надо, но то, что останется от нас, обязательно найдут и перезахоронят под залпы, поплывут ордена на красных подушечных кочках <...> есть место, где про нас знают все, запомнят и вернут, а мы — здесь — отстоим до конца...*

Терехову кажется, что вмененный советской элите долг *исполнить и сохранить свою причастность к Абсолютной Силе* давал этим людям *сильнейшее ощущение <...> бессмертия. И только по недомыслию можно сказать, что прожили они в оковах. Они прожили со смыслом. Определенным им смыслом. И выпадение из него было бóльшим, чем смерть, — косми-*

ветский авиаконструктор, создатель МиГов, жив до сих пор, 81 год. Критик вопрошает: *Так что же такое этот «Каменный мост» — документ, обвинение? Или это такой образ образный, плод поэтических фантазий, а если старик не переживет, то автор не виноват?* Ответа нет.

ческой пылью, Абсолютным Небытием, а про Абсолютное империя дала им четкое представление.

А мне кажется, что эти мысли не настолько глубоки, чтоб на них строить здание эпического романа о России XX века.

Вместо воскресения мы имеем явление трупов. Мило, нечего сказать. Из тереховской Москвы словно выкачан воздух. Каменный мост оборачивается каменным гробом. Вопрос только — чьим?..

Есть ощущение, что для автора в итоге — общим. В духе хрестоматийного «пускай нам общим памятником будет»... Ну да, надгробным.

Особенно смешны разговоры критиков, что от имени *того* времени Терехов судит нашу мелкую современность. Уж не по поручению ли, так сказать, вурдалаков, не от лица ли того державного величия и прочих причиндалов? Дмитрий Быков говорит: там был *масштаб*, а у нас его нет. О-ой.. Я б еще понял, если б судьями нашего века стали расстрелянные до войны иереи катакомбной Церкви, замученные профессора и академики, зачморенные писатели и раскулаченные крестьяне, философы и мистические искатели Бога... Но никого из этого ряда в романе нет.

Остается только эстетический эффект, весьма, однако, сомнительный. Если мы уже трупы, то как нас, Боже, манит демоническая аура сталинского акмэ! Цитирую того же Быкова: *Книга, в общем, о смерти, запах которой так ощутим на руинах бывшей страны; о том, как вцепляется в человека биологический ужас после утраты всех целей и смыслов. Расследование, которое ведет герой, — заполнение жизни, попытка придать ей цель, вкус, напряжение. Смерть караулит на всех углах, и за каким свидетелем ни устремится рассказчик — там тоже либо смерть, либо безумие, либо, по-трифоновски говоря, «исчезновение». Жизнь уходит сквозь пальцы, ежесекундно. Отвлечься не на что. Тем ярче сияют предвоенные и военные дни, дачи в Серебряном бору, теннис, влюбленности, дуэли — весь этот праздник, подсвеченный ужасом, потому что каждый день кого-нибудь берут. Такой страсти — во всех смыслах — советская история больше не знала*[32].

На мой же вкус, героя романа явно водят бесы. Вот про это и написана книга, которая, конечно, дает нам нечто к пониманию истории и современности. Но слишком уж трудно там пробиться к точности и какой-либо надежности. Журналистское расследование эпохи и человека в ней не весьма удалось, потому что у автора от начала до конца нет критериев правды. Нет критериев поиска. Точно замечено и то, что в итоге читатель так и не узнает, а как же все там было **на самом деле**. И это разочаровывает[33], даже если нам всерьез говорят, что **самого дела** не бывает.

---

[32] *Быков Д.* Книга номера // «Что читать», 2009, № 3.

[33] По Анне Наринской, есть *главный недостаток книги Александра Терехова: в ней документы и плоды изысканий автора перемешаны с вымыслом безнадежно и безвозвратно. Вполне возможно, там много чего раскопано и разузнано — ни различить это, ни доверять этому невозможно. И дело даже не в том, что на*

Резонно замечает Дмитрий Володихин: *Главный герой без конца фонтанирует монологами о страхе смерти <...> Он бы и ушел в веру, но говорит себе: ведь если есть хотя бы один ничтожный шансик, что Бога нет, и все усилия напрасны, то, значит, вера не дает ни надежного выхода, ни даже надежного утешения... Любовь земная ничуть не лучше. Терехов <...> вбил весь свой недюжинный талант в доказательство сомнительной теоремы: вера и любовь в этом мире не греют; строил доказательства виртуозно; разрушал самые утонченные этюды любовных чувств; и к чему пришел? — в сущности, вся конструкция может быть торпедирована банальным: «Тебя не греют, а меня греют»*[34].

Однако заметим напоследок, что Терехов среди трех героев этой статьи самый неоднозначный. Все же он циник отчасти поневоле — и без радости. У него есть тоска. А это немало. Вот фрагмент из его интервью: Вы знаете, я, к сожалению, давно уже умер как гражданин, и это, мне кажется, распространенное ощущение. У меня нет политических убеждений. <...> Никому не нравится жизнь, в которой мы живем. Просторы, природа, история, покойная великая русская литература, домашние животные, семья — это да. А жизнь — нет, никому не нравится. «Суровые, сударь, нравы в нашем городе». Но никто при этом не видел России, которая была бы другой. Реальная Россия всегда — это всего лишь несколько жестоких слов, которые мы говорим друг другу[35]. Но это, как замечает Слотердайк, с которого начата эта статья, есть пока только состояние несовершеннолетия: человек смиряется с положением дел — это позиция безучастного наблюдателя. Задача заключается в том, чтоб из такого состояния выйти.

5. Где граница цинизма?

Обречены ли мы жить в эпоху триумфально торжествующего цинизма?

В масштабе истории ситуация не выглядит однозначной. К примеру, Дмитрий Травин производит такое историософское обобщение: *Циничные эпохи в истории не раз следовали за эпохами радикальных перемен.*

странице с выходными данными напечатано испуганное предупреждение издательства: «За достоверность фактов и документов, а также за интерпретацию реальных событий, изображенных в романе, несет ответственность автор», — а в том, что липкая художественная реальность текста «Каменного моста» — то есть то, про что знать не хочется,— поглотила реальность настоящую. — Наринская А. Мост на набережной // «Власть», №16 –17 от 27.04.2009.

[34] Карамзинский клуб обсуждает роман Александра Терехова «Каменный мост» — http://volodihin.livejournal.com/303378.html.

[35] «Мне не советовали копать это дело». Автор романа «Каменный мост» Александр Терехов, попавший в шорт-лист «Большой Книги» и «Букера», рассказал о том, что не вошло в книгу // «Огонек», № 23 (5101) от 19.10.2009.

А стремление к простым, хотя весьма дорогостоящим, радостям жизни возникало после того, как отмирало стремление к кардинальному переустройству общества. В Англии такой эпохой цинизма было, по всей видимости, время веселого короля Карла II (60-е — 80-е гг. XVII века), который сам жил и жить давал другим. Отгремели революционные войны, ушли в прошлое связанные с ними бедствия, появилась возможность делать бизнес и наслаждаться жизнью. И то поколение, которое помнило страшные дни казней и сражений, готово было забыть про религиозные распри ради торжества жизни как таковой.

Во Франции такой эпохой цинизма и вседозволенности могла бы стать послереволюционная эпоха Директории, однако длилась она слишком недолго по причине полного развала экономики. Наполеон быстро навел порядок, однако затем вновь увлек общество великими идеями, которые к 1815 г. обратили страну в пепелище. И вот тогда-то поколение, сформировавшееся на этом пепелище, возлюбило жизнь значительно больше, чем Свободу, Равенство и Братство, вместе взятые. Что обеспечило Франции относительно стабильное, мирное, циничное и абсолютно коррупционное развитие более чем на три десятилетия (эпохи Реставрации и Июльской монархии). Лишь к концу 40-х гг. французы вспомнили о великих идеях, связанных в их сознании с Наполеоном, и привели к власти Луи Бонапарта.

То, что мы видим сегодня в нашей стране, не является чисто российским феноменом. Это — нормальный этап на длительном пути модернизации любой страны. Сегодня в России живет, правит и наслаждается жизнью поколение, прекрасно помнящее нескончаемый, «эротический» советский сериал под названием «Голый прилавок». И что бы там ни говорилось время от времени о прекрасной эпохе Леонида Ильича, семидесятники по-настоящему ценят лишь сегодняшний мир, в котором они находятся около рубля, на который все можно купить[36].

Травин связывает эти комплексы с мировоззрением, проблемами и психологическими особенностями лишь одного нашего поколения. И, вероятно, сильно упрощает. Феномен современного цинизма не сводится к празднику потребления.

Что же касается литературы, то цинизм ее просто убивает.

Как выход из цинического тупика, из состояния несовершеннолетия Слотердайк предлагает кинический смех. Об этом позитивном посыле философа не просто осмысленно, но и едва ли не с восторгом писал Игорь Ефременков: *...бросая вызов цинизму, Слотердайк противопоставляет ему кинизм, то есть дерзкое игнорирование серьезности и власти, интеллектуальную независимость и радостную «биофилию» вопреки всему. <...> Слотердайк предпочитает живой взгляд и широкую добродушную улыбку. Посреди и вопреки сумеркам цинизма конца века. А вот уже собственно кинические жесты, с помощью которых философ предлагает*

---

[36] *Травин Д.* Околорубля.

зажатому со всех сторон цинику сопротивляться тяжеловесной Власти и собственной интеллектуальной серьезности. Эти жесты — «Да, но...», «Ну и ?..», «А почему бы и нет?..» — работают как самый последний, дерзкий и даже агрессивный аргумент в любой ситуации, где нас собираются «водить за нос» и навязывать нам идеологические программы поведения и мышления. <...> За всем этим стоит экзистенциальное credo самого Слотердайка: трезво считаться с любыми данностями, которые подсовывает нам мир, без тени морализма и рационализации срывать с истины любые покровы. То же и с кинизмом философа: «культурный» читатель рискует понять его как самоцельную грубость, пошлость, аморализм. Но ведь аморализм, отрицая мораль, сам еще принадлежит этой оппозиции — автор «Критики» же ничего и не собирается отрицать, он предлагает мыслить по ту сторону всех и всяческих дуализмов. <...> И как бы ни обещал Слотердайк не выдвигать никаких «новых ценностей», но в книге они говорят сами за себя: экстаз и самоуглубленная медитация, сексуальное опьянение и любовь, ирония и смех. Одним словом, оставаться на своем месте, как и раньше, делать свое дело, но — осознанно, отдавая себе в этом полный отчет[37].

Стоит напомнить, что Татьяна Горичева в этой связи предпочитала апеллировать к традиции высокого юродства как своего рода практики христианского кинизма, собственно уже не раз испытанной не только в теории, но и в жизни и творчестве русских интеллигентов, художников, философов, литераторов XX века.

Возможно, настанут день и час, когда ничего другого не останется.

---

[37] *Ефременков И.* Еще дарят друг другу книги... Освобождение от иллюзий — залог жизнелюбия // http://exlibris.ng.ru/philosophy/2001-07-05/5_gift.html.

От редакции

Прозу Виктора Пелевина и читатели, и критики оценивают очень по-разному, нередко — прямо противоположным образом. Но каждая его книга неизменно оказывается в самом центре читательского внимания. Пелевин, несомненно, один из самых востребованных — или, как любят ныне выражаться, — *культовых* представителей современной российской словесности. Именно поэтому «Континент» не раз уже обращался к его творчеству, давая возможность нашим читателям познакомиться с разными взглядами на природу, содержательную наполненность и эстетическое качество его прозы. Публикуемая ниже статья — из этого же ряда. Предложить ее вниманию читателей нам показалось на этот раз уместным прежде всего в порядке выразительной репрезентации суждений, интонации и стиля, достаточно характерных, на наш взгляд, для современной молодой критики.

Юлия ЩЕРБИНИНА

WHO IS MR. ПЕЛЕВИН?

Пока поймешь, что он в
виду имеет, башню сорвет.
«Чапаев и Пустота»

Виктор Олегович Пелевин — мой первый мужчина... Пожалуй, на этом можно бы и закончить данный опус, но я все же продолжу. Пелевин — писатель, который дефлорировал юные инфантильные мозги — и не только мои, всего поколения начала 90-х. Отстраненно-ироничным языком постмодернизма он раздвинул границы зримого, реального, обыденного. Казалось, выражаясь словами одного из его героев, этот писатель владеет каким-то «странным и невыразимым знанием».

Сейчас, когда только что вышел очередной роман «П5», возникает вполне закономерное желание ревизионизма пелевинского творчест-

---

Юлия ЩЕРБИНИНА — родилась в 1976 г. в Краснодарском крае. Окончила Филологический факультет Московского педагогического государственного университета. Преподает там же. Доцент, кандидат педагогических наук. Основная специализация — речеведение, коммуникативистика. Занимается исследованием дискурсивных процессов в разных областях культуры. Автор монографии «Вербальная агрессия» (М., 2006). Публиковалась в журналах «Волга», «Вопросы литературы», «Знамя», «Континент». Живет в Москве.

ва — систематизации и интерпретации, ретроспекции и интроспекции, оценивания и переоценок. Результатом этого, сколь сладкого, столь же и сложного процесса должен стать ответ на ставший почти классическим для современной критики и такой же непростой вопрос: «Who is mr. Пелевин?»

I

С каждым годом все труднее сохранять identity.

«Священная книга оборотня»

В сегодняшнем дискурсе литературной критики уже не являются полемичными ни утверждение о том, что Пелевин и постмодернизм — как Ленин и партия, ни определение этой неразрывной связи в религиозных понятиях — «предтеча», «гуру», «пророк», «икона». Одновременно с этим вовсе необязательно осваивать весь корпус пелевинских текстов и особо пристально вчитываться в них, чтобы увидеть и понять одно, возможно, не самое явное, но весьма значимое отличие внутренней энергетики произведений Пелевина от произведений большинства других авторов, чье творчество обыкновенно относят к постмодернистской традиции: яростная ломка стереотипов сознания, ожесточенность в процессе деконструкции смыслов, целенаправленный эпатаж читателя — все это не *для* и не *про* Виктора Пелевина.

Пелевин немногословен. Пелевин сдержан. Пелевин иронически отстранен. Как и полагается истинному гуру. Эта позиция предельно точно и лаконично сформулирована в кредо Степы из романа «Числа»: «Он не анализировал свою жизнь. Он ее жил». В связи с этим несложно заметить одну из характерных черт пелевинских героев: большинство из них ничего не ищут и принимают жизнь как эмпирическую данность — просто существуют в «этом суровом мире, жестоком, но в то же время прекрасном» («Жизнь насекомых»). Эту безрефлексивность поистине шедеврально передает диалог в спальне пионерского лагеря из рассказа «Синий фонарь»:

«— Знаете, как мертвецами становятся? — спросил Толстой.

— Знаем, — ответил Костыль, — берут и умирают».

За героев рефлексирует сам автор — это его прерогатива. Привилегия демиурга и — опять же — истинного гуру. При этом «все, что требуется от того, кто взял в руки перо и склонился над листом бумаги, так это выстроить множество разбросанных по душе замочных скважин в одну линию, так, чтобы сквозь них на бумагу вдруг упал солнечный луч» («Чапаев и Пустота»). Сложное дело, ведь попробуй их сначала найди, эти замочные скважины души! Хотя, в принципе, не такое уж и сложное, если попытаться насадить на одно острие кор-

чащегося от авторского смеха пера все то, что справедливо подлежит осмеянию в современном мире. Тут уже, как говорится, «танцуют все»: рекламщики и пиарщики («Generation П»); интеллигенты и политики («Священная книга оборотня»); бизнесмены и оккультисты («Числа»). Зажигательного гопака дает и вся гламурная тусовка («Ампир В»). Однако к особо изощренному вытанцовыванию приговаривается братия литературных критиков. В «Generation П» это вполне узнаваемый персонаж по фамилии Бесинский, в романе «Числа» — не менее узнаваемый Недотыкомзер, в «Священной книге оборотня» — собирательный образ, воплощенный в фигуре пушкиниста Шитмана, фамилия которого переводится как Говнищер и который сравнивается с «оплывшей волосатой свечой розового цвета». Глянуть со стороны — так это и не свеча вовсе...

Замечу, объект для вивисекции каждый раз разный, но приемы одни и те же: наживую вскрыть, сладострастно расковырять и победоносно удалиться, не зашивая разверстую гнойную рану. Без наркоза и даже без диагноза. Ибо прогресс, по Пелевину, заключается в том, что «древнейшие профессии обрастают электронным интерфейсом. Вот и всё. Природы происходящего прогресс не меняет» («Священная книга оборотня»). Ну, а чтобы было все-таки интересно и местами аж захватывающе читать, используется простой принцип: ни слова в простоте. Все с подвыподвертом. С подтекстом да с аллюзией. И это тоже не только вполне объяснимо, но и оправдано в мировоззренческой системе, где «никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить Истину» («Ампир В»). Видимо, единственно правильное решение, которое следует принять читателю при подобном взгляде на окружающую действительность, содержится в совете, который Чапаев дает Петьке: «Где бы ты ни оказался, живи по законам того мира, в который ты попал, и используй сами эти законы, чтобы освободиться от них» («Чапаев и Пустота»).

В пелевинских текстах эти законы реализуются в по крайней мере трех магистральных линиях, условно обозначенных нами как: 1) образность оборотничества; 2) идеологемы солипсизма; 3) мантия мистификации.

1. Образность оборотничества

Всеми исследователями многократно отмечено, что начиная с самых ранних произведений Виктор Пелевин активно экспериментирует со внешней оболочкой своих персонажей, облекая их в самые причудливо-изощренные образы: сарая («Жизнь и приключения сарая № 12»), цыплят на бройлерном комбинате («Затворник и Шестипалый»), насекомо-людей («Жизнь насекомых») и т. д. и т. п. Оборотничество, именно как магистральная линия и сквозной мотив, заявлено уже в «Проблеме

верволка в средней полосе» — одном из первых опубликованных рассказов, наглядно проиллюстрировано в «Жизни насекомых», теоретически описано в «Священной книге оборотня» и окончательно отлакировано в «Ампире В». Так, «Священная книга» — про «сверхоборотня» («это тот, кого ты видишь, когда долго глядишь в глубь себя»; «это твой собственный ум»). «Повесть о настоящем сверхчеловеке» (как заявлено на китчевой обложке «Ампира В») — про вампира, имеющего язык как особый орган и тайный ключ к пониманию происходящего («это как бы переносная флешка с личностью,.. вместилище индивидуальности»). Более того, на вопрос главного героя о том, «как сформулировать центральную идеологему дискурса», дается однозначный и даже однословный ответ: «Переодевание»...

Показательно и то, что два последних пелевинских романа («Ампир В» и «П5»)связаны общей идеей речемыслительной мимикрии: утверждением, что слова могут выражать все что угодно, что их смыслы бесконечно множатся, тем самым постоянно ускользая от нашего понимания. Однако именно эта неуловимость придает словам особые энергию и силу: «Нам кажется, что слова отражают мир, в котором мы живем, но в действительности они его создают», — заявляется в «Ампире В». Между прочим, и сам роман имеет двоякое название («Ампир В» / «Empire V»), дающее неограниченное пространство для интерпретации.

Одна из причин подобного положения вещей лаконично и с европейским снобизмом сформулирована автором в «Священной книге оборотня»: «С каждым годом все труднее сохранять identity». Признавая сей факт, трудно не согласиться с критиком Вячеславом Курицыным, еще с начала 1990-х неоднократно отмечавшим, что современная отечественная литература «теряет антропоморфного носителя»: появляется отчетливая тенденция к утрате человеком центральной позиции в художественном тексте. Возможно, отчасти по той же причине почти все тексты Пелевина по сути своей «нехудожественны» и «непсихологичны». Но это какие-то... странные нехудожественность и непсихологичность, — как-то замысловато отклоняющиеся от русла «нулевого письма», образующие особый, самостоятельный его приток. В пелевинских произведениях персонажи-статисты крепко сжимают в руках таблички с написанным для них текстом. Собственно авторские рассуждения натыканы на опорные столбы смыслов, как горшки на колья тына, — нарочито грубо, как бы напоказ. Излюбленный способ идейной подачи — квазидиалоги, по отточенности и завершенности приближающиеся чуть ли не к античной диатрибе, риторической фигуре вымышленного диалога. Где здесь автор? Ау! Нет ответа. Есть лишь контур неуловимого образа: из-под полуопущенных век глазами тысячелетней мудрости Черепашка Квази спокойно-отстраненно взирает на происходящее...

2. Идеологемы солипсизма

Основной месседж практически всех пелевинских текстов неизменен: «Мир — чья-то мысль» («Омон Ра»); «Этот мир — галлюцинация наркомана Петрова» («Жизнь насекомых»); «Весь этот мир — попавшая в тебя желтая стрела» («Желтая стрела»); «Все, что мы видим, находится в нашем сознании... Мы находимся нигде просто потому, что нет такого места, про которое можно было бы сказать, что мы в нем находимся» («Чапаев и Пустота»); «...Весь наш мир — огромный лыжный магазин, стоящий посреди Сахары: покупать нужно не только лыжи, но и имитатор снега» («Священная книга оборотня»). Собственно говоря, оно понятно: на этом зиждется вообще весь постмодернизм. Только если у В. Сорокина, например, это лишь форма, обрамление, оправа произведения, то у В. Пелевина — само его содержание.

Однако если в ранних рассказах и первых двух романах Пелевина солипсизм еще как-то можно было рассматривать в системе категорий «художественная концепция», «авторское мировидение», то после «Generation П» у меня постепенно сложилось впечатление, что писателем жадно нащупан и цепко ухвачен некий основной посыл, который можно отныне сообщать чему угодно и эксплуатировать постоянно, — варьируя лишь способ предъявления, но не суть. И впечатление это впоследствии лишь усилилось, превратившись в навязчивое ощущение. В ранних текстах солипсические лозунги подавались мягко и стильно (например, были нацарапаны на стене самого дальнего вагона «Желтой стрелы»), — в «Числах», «Книге оборотня», «Ампире» они, как в лучших образцах немецкой порнухи, без прелюдий и без всякого лубриканта демонстративно-бесстыдно ввинчиваются в читательские мозги. И настораживает (но почему-то не отталкивает!) здесь следующее.

Во-первых, мысль-то слишком очевидно не нова, а довольно банальна и затаскана. У нас об этом уже кто только ни пел, даже далекий от солипсизма рокер Шевчук («...Мир не то, что творится в окне»). Во-вторых, автор тут слишком брутален и же́сто́к (ударение можно смело ставить на оба слога). А это как-то уже не очень эротично, потому что одно дело — легкая доминация, совсем иное — садо-мазо. В-третьих, подобный авторский взгляд на российскую современность — это холодный и отстраненный взгляд европейца-кутюрье, перелицовывающего древневосточные трактаты на новорусский фасон. Вот, например, русская душа похожа у Пелевина на «кабину грузовика, в которую тебя посадил шофер-дальнобойщик, чтобы ты ему сделала минет. А потом он помер, ты осталась в кабине одна, а вокруг только бескрайняя степь, небо и дорога. А ты совсем не умеешь водить» («Священная книга оборотня»). При всей изощренной образности этого развернутого сравнения красивое французское слово «минет»

как-то... ну... не совсем аутентично для определения русской души. Да, впрочем, и никакие его русские эквиваленты, вероятно, не уточнят данное понятие.

3. Мантия мистификации

Данной метафорой я условно обозначила все многочисленные и по-пелевински неизменно завораживающие «тексты в текстах»: рукописи, якобы обнаруженные «в одном из монастырей Внутренней Монголии» («Чапаев и Пустота»), извлеченные с антресолей папки-скоросшиватели с философскими трактатами («Generation П»), найденные в московских парках компьютерные файлы («Священная книга оборотня»), рабочие тетрадки с конспектами лекций по гламуродискурсу («Ампир В») и т. д. и т. п. Все это — обнаруженное, извлеченное, найденное — становится предметом спекуляции или розыгрыша, а иногда и того, и другого. Так, в рассказе «Мардонги» абсолютно серьезно сообщается о книгах якобы существовавшего (причем в будущем времени) Николая Антонова и излагается его теория «живых мертвецов». А порой обходится и вовсе без *мантии*, происходит обнажение приема, — когда, например, описывается «очень красивая» религия под названием «утризм», приверженцы которой «верят, что нас тянет вперед паровоз типа "У-3"... а едем мы все в светлое утро. Те, кто верит в "У-3", проедут над последним мостом, а остальные — нет» («Желтая стрела»).

Помимо «найденных» рукописей и псевдотеорийи к внутритекстовым мистификациям можно отнести неплохо продуманные и, кажется, вполне убедительные авторские попытки домыслить действительно имевшие место исторические события и потом выдать их за подлинные (рассказ «Происхождение видов»: описываются якобы реальные факты из жизни Чарльза Дарвина); дополнить реально существующее литературное произведение («Девятый сон Веры Павловны» — своеобразное изложение фрагмента романа Чернышевского «Что делать?»).

Однако и на этом Пелевин не останавливается: он иронизирует над самими системой и терминологией традиционных философии и религии. Хорошим примером служит следующий диалог героев романа «Чапаев и Пустоты»:

«— Я так считаю, что никакой субстанциональной двери нет, а есть совокупность пустотных по природе элементов восприятия.

— Именно! — обрадованно сказал Сердюк...

— Но раньше восьми я эту совокупность не отопру, — сказал охранник...

— Почему? — спросил Сердюк...

— Для тебя карма, для меня дхарма, а на самом деле один хрен. Пустота. Да и ее на самом деле нету».

II

Современный дискурс... давно пора забить осиновым колом назад в ту кокаиново-амфетаминовую задницу, которая его породила.

«Священная книга оборотня»

Установить истоки понятия «дискурс» в пелевинских текстах несложно: от Фрейда — через французских постструктуралистов — к нашим доморощенным криэйторам и копирайтерам. Сама постановка проблемы восходит к самым ранним рассказам писателя: так, к примеру, в занятом постоянной болтовней попугае («Зигмунд в кафе») легко угадывается основоположник психоанализа. Вспомним тут опять же: «Никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить Истину» («Священная книга оборотня»). Далее это удивительно точно и емко обобщается в «Ампире В»: «Зачем людям язык, если из-за него одни беды? Во-первых, чтобы врать. Во-вторых, чтобы ранить друг друга шипами ядовитых слов. В-третьих, чтобы рассуждать о том, чего нет». Словно ингредиенты одного адского аромата, тут замечательно поименованы приметы современных лингво-речеведческих исследований — ложь, вербальная агрессия и словесная манипуляция. Чуть позже герой по имени Локки объясняет смысла любого речевого поединка: «Люди обмениваются острыми словами. Но эти слова ничего не весят. У человека во рту их много. Смысл поединка в том, чтобы придать словам дополнительный вес. Это может быть вес пули, лезвия или яда».

«Слова подобны якорям, — сказано в «Священной книге оборотня», — кажется, что они позволяют надежно укрепиться в истине. Но на деле они лишь держат ум в плену. Поэтому самые совершенные учения обходятся без слов и знаков». Почему — тоже понятно: «Так уж устроен язык. Это корень, из которого растет бесконечная человеческая глупость... Нельзя открыть рот и не ошибиться. Так что не стоит придираться к словам». Воистину, прав-прав Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь»!.. В этом отношении перекидной мост от «Книги оборотня» к «Ампиру» — уничижительный образ символизирующей современного человека бесхвостой обезьяны, которая «должна сначала разобраться, как она создает мир и чем наводит на себя морок». По пелевинской логике, получается: если *оборотень* — это человек, понявший свою суть (ср. «Проблема верволка в средней полосе»: «Только оборотни и есть реальные люди»), а *вампир* — «просто улучшенный человек», то *бесхвостая обезьяна* — это человек, свою суть не понявший.

От общих замечаний про слова и язык Пелевин в «Ампире В» переходит к развернутому пояснению понятий «гламур» и «дискурс».

Поначалу герой — начинающий вампир Рома Шторкин — воспринимает дискурс как «что-то умное и непонятное», а гламур — как «что-то шикарное и дорогое». В этом смысле, вероятно, можно применить к слиянию этих слов (гламуродискурсу) известное обиходное определение «светский треп». Однако авторская концепция целиком строится на том, что «гламур и дискурс на самом деле одно и то же» — то есть понятия не просто соединяемые, а взаимозаменяемые и абсолютно тождественные. Тогда в предложенном определении возникает прогнозируемая хитрым автором нестыковочка: светским может быть не только треп, а треп может быть не только светским. Поэтому далее явление гламуродискурса трактуется и развертывается в трех направлениях: через *этимологию, аксиологию* и *сексологию*. И, как можно заметить, происходит это хотя и довольно тонко, но намеренно спекулятивно.

Так, этимология слов дается абсолютно ложная: слово «гламур» возводится к шотландскому «колдовство» и — путем фонетического искажения — к «грамматике». Слово «дискурс» поначалу вроде бы верно поясняется через латинское «бег туда-сюда». Но затем, с опорой на отрицательное значение частицы «dis», предлагается неверная смысловая контаминация, в результате чего выходит, что «дискурс — это запрещение бегства». Откуда? Из паутины окружающей действительности, состоящей из глянцевых фотографий и сопровождающих их комментариев. «...Язык — это второй центр личности, главный. Он и делает тебя вампиром... Это другое живое существо. Высшей природы». Далее, в ряде авторских умозаключений дискурс то отождествляется с мышлением, то рассматривается как его непосредственный продукт («...Надо держать под надзором человеческое мышление, то есть контролировать дискурс»), то сводится к чужому жизненному опыту, событиям и переживаниям (вампир Рома, «глотая из пробирок дискурсы» разных людей, узнает факты их биографий). Напомню, что в строго научном отношении и то, и другое, и третье в корне неверно.

Затем на протяжении всего повествования самое понятие дискурса — абсолютно нейтральное и безоценочное (как любой лингвистический феномен) — преподносится исключительно негативно. С одной стороны, при таком подходе прекрасно просматривается авторская позиция; с другой стороны, это уводит от понимания самой сути анализируемой в романе проблемы. Следуя пелевинской логике, можно подумать, будто дискурс — вообще мрак какой-то, ужас повседневности и т. д. и т. п. Весьма сомнительно, чтобы блестящий умница и (правильно!) гуру Виктор Пелевин не был осведомлен о трактовках этого понятия. Поэтому разного рода подмены и подтаскивания смыслов в романе можно отнести исключительно на счет творческих задач и даже (тут должен стоять смайлик) личных выгод автора, который, по его собственному утверждению, и грузинский-то конфликт выдумал сам — для продвижения нового романа «П5». Вспомним еще раз пелевинско-чапаевское на-

ставление Петьке: «Где бы ты ни оказался, живи по законам того мира, в который ты попал, и используй сами эти законы, чтобы освободиться от них».

Идейно-смысловая спекуляция возможна, оправдана и даже необходима еще и потому, что правда и о Гламуре, и о Дискурсе одна: «Шаг в сторону от секретного национального гештальта, и эта страна тебя отымеет. Теорема, которую доказывает каждая отслеженная до конца судьба, сколько ни накидывай гламурных покрывал на ежедневный праздник жизни» («Священная книга оборотня»).

Наконец, существуют понятия, помыслить которые представляется попросту невозможным — только назвать (Бог, Вселенная, Мироздание и т. п.). В этом случае, тонко, по-постмодернистски глумясь над традициями русской классики, Пелевин использует более простой, но не менее спекулятивный прием уничижительного занижения смысла. Например: «Когда человек... начинает размышлять о Боге, источнике мира и его смысле, он становится похож на обезьяну в маршальском кителе, которая скачет по цирковой арене, сверкая голым задом» («Ампир В»).

Пытаясь же отрефлексировать гламуродискурс в терминах социальной сексологии, писатель пропускает все изображаемое через тот же фильтр, что и в «Generation П», вполне небезосновательно надеясь, что и тут это проканает безо всякой смазки. И действительно, все, вроде, замечательно сходится: «Гламур — это секс, выраженный через деньги... А дискурс — это сублимация гламура». В итоге вполне логично выходит, что «дискурс — это мерцающая игра бессодержательных смыслов, которые получаются из гламура при его долгом томлении на огне черной зависти... А гламур — это переливающаяся игра бессмысленных образов, которые получаются из дискурса при его выпаривании на огне сексуального возбуждения». В данной концепции (что, впрочем, никак ее не дискредитирует) присутствует представление о *духовном*, но не о *душевном*. Объединяющим же все сказанное и вполне справедливым в контексте современной реальности представляется следующая пелевинская сентенция: «Дискурс обрамляет гламур и служит для него чем-то вроде изысканного футляра... А гламур вдыхает в дискурс жизненную силу и не дает ему усохнуть... Гламур — это дискурс тела, а дискурс — это гламур духа. На стыке этих понятий возникает вся современная культура».

Если же пройти еще дальше по торной дорожке понятийной рефлексии и, как советовала лисичка А Хули из «Священной книги оборотня», применить к анализу гламуродискурса технику восприятия картинок «magic eye» (хаотическое переплетение цветных линий и пятен, которое может превратиться в объемное изображение при правильной фокусировке взгляда), то можно отчетливо увидеть то, что даже не предлагает нам сам автор: из самой сердцевины составного слова «глам*урод*искурс», как расписной челн Стеньки Разина, неспешно-нагло выплывет «урод».

Продуктивная находка — просто неиссякаемый фонтан мыслеобразов и возможностей истолкования!

С одной стороны, играть в подобные игры довольно забавно, потому что таким образом входишь с автором в особый интимный контакт, когда из-за «острова на стрежень» выплывает очередная лодка мысли, в которой только двое — читатель и писатель. С другой же стороны, не так уж здорово, ибо в случае с Пелевиным в известной степени (по предыдущему читательскому опыту) предсказуемо и немного опасно, поскольку больше напоминает не совместную неспешную греблю, а бешеный слалом: когда отчаянно стараешься проехать по тексту единственно верной дорогой, объезжая флажки ложных толкований и при этом пытаясь сохранить равновесие.

Вникнув в пелевинские умозрительные конструкции, тщательно обнюхав все опознавательные флажки и сломав не одну пару лыж, смею утверждать, что в общем проекте реальности (именно как системном подходе, способе осмысления и характере предъявления) можно обнаружить следующие особенности мирописания.

Во-первых, отражается лишь *часть* реальности (отдельные, причем нередко разрозненные ее фрагменты). Как торшер, освещающий один угол комнаты: любые манипуляции по его перемещению не помогут осветить всю комнату. Торшер — не люстра. Во-вторых, реальность показана через набор описательных, но ничего не проясняющих номинаций. Все поименовано, но не объяснено. Отрефлексировано, но не названо. Поименовать — не значит помыслить! Перераспределение смыслов не равнозначно их пониманию. Это примерно то же самое, что П. Киньяр образно определил как «слова, не отбрасывающие тени», Г. Лансон назвал «этикетками на пустых бутылках»: слова, мало что выражающие, а потому приложимые к чему угодно, вмещающие любой абстрактно-произвольный смысл. В-третьих, реальность предстает искусственно сконструированной. Предельно искусственно. Из-за этого невозможно выйти за рамки наличных понятий.

Как (и, кажется, довольно справедливо) заметил еще в 1994 году А. Вяльцев, сюжеты пелевинских произведений «куплены в глянцевой коробке в Детском мире». Действительно, все тут слегка отдает детским конструктором. Взять хоть тот же «Ампир В», где вообще непросто понять, кто такие главные герои-вампиры, как они взаимодействуют с обычными людьми, что именно из них высасывают, помимо того, что сосут еще и волшебный напиток «баблос», который автор призывает не отождествлять буквально с деньгами. Вполне можно допустить, что все это и многое другое остается за пределами обыденного читательского восприятия и, думается, не в последнюю очередь потому, что при наличии действительно мощного *месседжа* сама *концепция* как бы рассредоточена, размазана по тексту, будто каша по тарелке. Базовые понятия — «гламур», «дискурс», «язык», «вампир», «баблос», «ум А»,

«ум Б» — вводятся в ткань повествования так, словно дрожащая рука забивает гильзы в ружье: очень быстро, очень плотно и... как-то очень суетливо. Кроме того, нетрудно заметить, что реальность как исходное существование аргументируется у Пелевина нередко неполно: в триаде «тезис — аргументы — демонстрация» порой отсутствует последний компонент (иллюстративные примеры). Первый же часто размыт, второй нередко абстрактен.

Однако, несмотря на указанные критикуемые позиции, сильнейшей стороной пелевинского таланта однозначно можно считать способность максимально *сжатого*, *емкого* и *жесткого* представления многоаспектных и потому сложно рефлексируемых социо-культурных феноменов. Например, мотивации участия в интернет-блогах. «Человеческий ум сегодня подвергается трем главным воздействиям. Это гламур, дискурс и так называемые новости. Когда человека долго кормят рекламой, экспертизой и событиями дня, у него возникает желание самому побыть брендом, экспертом и новостью. Вот для этого и существуют отхожие места духа, то есть интернет-блоги. Ведение блога — защитный рефлекс изувеченной психики, которую бесконечно рвет гламуром и дискурсом» («Ампир В»).

III

«Единственная перспектива у продвинутого парня в этой стране — работать клоуном у пидарасов».

«Ампир В»

«...Гламур обещает чудо,.. но это обещание чуда маскирует полное отсутствие чудесного в жизни. Переодевание и маскировка — не только технология, но и единственное реальное содержание гламура. И дискурса тоже». Следуя подобной логике рассуждений, закономерно наконец-то вплотную задаться вопросом, вынесенным в заголовок нашей статьи: ху из мистер Пелевин? Если книга называется «Священная книга оборотня», — кем же считает себя ее автор?..

Читая «Ампир В», невольно видишь его автора в почетном ряду главных персонажей. А он, кажется, не только не спорит с этим, но, напротив, даже подтверждает: «Любой современный интеллектуал, продающий на рынке свою “экспертизу”, делает две вещи: посылает знаки и проституирует смыслы». Да уж, что и говорить: честность и самоирония — ценные добродетели человека постиндустриальной эпохи! За это не в последнюю очередь любят Виктора Пелевина его многочисленные читатели. А еще, смею утверждать, за то же, за что и Фрейда: «Буржуазия любит его именно за мерзость. За способность свести все на свете к заднице» («Священная книга оборотня»).

Кроме того, по замечательному наблюдению опять-таки самого автора, новейшая история — это не столько власть каких-то определенных политических режимов, партий, структур, сколько «всемирный режим анонимной диктатуры», культурой которой «является развитой постмодернизм». Этим во многом, по-моему, объясняется следующий парадокс: несмотря на упорное нежелание общаться с прессой и фактическое отсутствие на светских мероприятиях, Пелевин в последнее время превратился чуть ли не в светский персонаж, обсуждать произведения которого стало хорошим тоном в «культурной тусовке». Все по-буддистски гармонично, как инь и ян: читатель любит писателя — писатель любит читателя. «Ампир В» заканчивается словами: «Я люблю наш ампир. Люблю его выстраданный в нищете гламур и выкованный в боях дискурс. Люблю его людей. Не за бонусы и преференции, а просто за то, что мы одной красной жидкости»...

Вопрос остается лишь один и остается по-прежнему открытым: ху из мистер Пелевин? Чудо или все же обещание чуда?

На одном форзаце первого издания «ДПП(нн)» — Пелевин черно-белый в темных очках, наушниках и с пистолетом; на другом — черно-белый он же, по пояс обнаженный, с накачанным торсом и с непроницаемым лицом протягивающий маленькое алое яблочко... Искушение. Отрава. Первый опыт.

Я из последних сил мчусь на высоких каблуках (гламур!) и с высунутым языком (дискурс!) за уходящей вдаль «Желтой стрелой» и в самый последний момент успеваю запрыгнуть на подножку последнего вагона...

Название нового романа — «П5» — сам автор предлагает читать как «П в пятой степени». Как всегда, ничего не объясняя и ничего не навязывая. У меня есть смелый вариант ответа на вопрос, какого писателя в постмодернистской алгебраической системе безусловно можно считать возведенным в пятую степень...

Евгения ЩЕГЛОВА

АПОКАЛИПСИС ПО-ЧУКОТСКИ

Чего только ни наговорено было за долгое советское безвременье об этом превосходном писателе! Что продемонстрировал он книгами своими торжество ленинской национальной политики, — это само собой, это и во-первых, и во-вторых, и в-третьих. Все прочие мутные словеса относительно «саг о новой Чукотке, о ее бесстрашном и мудром народе» (С. Наровчатов) или о славном пути прежде отсталого народа к новой, разумеется, светлой и радостной жизни — оттуда...

Юрий Рытхэу, надо сказать, и сам отдал немалую дань злосчастной идее преобразования родного края под знаменем коммунизма. Сама его судьба — судьба писателя из такой лютой дали, откуда даже проклятая Богом и людьми Колыма кажется чуть ли не югом (на Колыме хоть деревья растут, чего в тундровой Чукотке отродясь не бывало), — предписывала сопровождать книги Рытхэу славословиями единственно верному учению и его проводникам. Куда было от этого деться писателю?.. И каково было ему, прочно хранившему память о страшном насилии над соплеменниками, и без того крайне малочисленными, о подлом и планомерном убийстве самой их души, выводить строку за строкой книги о бодром поступательном шествии чукотского народа к счастью, процветанию и изобилию? Каково было ему... Этого мы уже никогда не узнаем.

Юрий Рытхэу умер 78-летним, в последних книгах успев-таки рассказать то, что, скорее всего, кипело у него в душе смолоду, но о чем приходилось молчать. Поймем ли мы когда-нибудь разъедающий ужас этого молчания? Пусть не обманывает нас внешне благополучная судьба вполне советского писателя, автора в общем-то славных, обаятельных произведений на северную тематику. Он и сам был человеком славным и обаятельным, этот сдержанный, чуть хитроватый чукча, ленинградец-петербуржец, бессменный депутат съездов писателей СССР.

Евгения ЩЕГЛОВА — родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский филиал Московского полиграфического института (отделение журналистики). Литературный критик. Статьи публиковались в журналах «Вопросы литературы», «Всемирное слово», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», в «Литературной газете» и других изданиях. Постоянный автор «Континента». Живет в Санкт-Петербурге.

Властям в их дьявольских идеологических играх, несомненно, было очень нужно иметь такое живое и наглядное олицетворение собственной правоты. Вот, мол, какие мы молодцы: создали вполне современного, цивилизованного человека, писателя, — создали, можно сказать, из ничего, чуть ли не из первобытной грязи и шаманских завываний. Знали бы они, о чем в действительности думает этот представитель «малых народностей Севера», сидя на почетном месте во всевозможных президиумах и на трибунах, какие картины крутятся в его памяти, какие мысли вызревают...

И дело не только в том, что реальная жизнь, которую наблюдал у себя на родине чукотский мальчишка, а потом юноша по имени Неизвестный (а по-чукотски Рытхэу, или Рынтын, и есть «неизвестный»; свое русское имя и отчество — Юрий Сергеевич — писатель позаимствовал у знакомого метеоролога: надо же было что-то вписывать в паспорт), разительно отличалась от той, что описывалась в газетах или учебниках. Дело еще в том, что в последних романах и повестях ему удалось точно и глубоко прочувствовать и показать воистину апокалиптический характер произошедшего с его родиной. То, что называлось в СССР социализмом и что насильственным, абсолютно неестественным путем было ввезено в родные края Рытхэу, по справедливости можно назвать только одним словом — разрушение. Мощный заряд этого разрушения, ворвавшись в цивилизацию, созданную арктическим народом-стоиком, не пощадил ничего — ни складывавшегося тысячелетиями жизненного уклада, ни житейского опыта, ни верований, ни привычек, ни нравственных устоев. Коммунистические «просветители» и «цивилизаторы», выходцы из отпавшего от Бога российского народа, возомнившие себя носителями единственной и последней правды, а стало быть, полноправными вершителями не только собственной, но и чужой судьбы, принесли с собой единственное, что только и могли принести, — гибель. Воистину эпический плач по древней Чукотке, по ее уникальному и ныне почти исчезнувшему быту и верованиям — вот что такое последние романы Рытхэу.

В этом плане позднее творчество Рытхэу, думается, вполне созвучно такому отечественному феномену, как «деревенская проза», как бы ни относиться к печальной метаморфозе, приключившейся с некоторыми из ее творцов. Метаморфоза метаморфозой, но кто, скажите, сильней и отчаянней, чем В. Астафьев, В. Белов или В. Распутин, рассказал о том, как с хрустом, бесповоротно сломан был становой хребет России — крестьянство? Иное дело, что ломали-то его свои, а отнюдь не пришлые, и кому, например, как не исконному крестьянину Василию Белову, было знать, что в любой деревне, не исключая и его многострадальной Шибанихи, находились люди, охочие до чужого добра и лучше хозяев знавшие, что и где у кого лежит. Да и вершащие скорый суд и расправу в деревнях *чайнички-начальнички* не заброшены были в Шибаниху из Америки. Пришлые, как заметил и А. Солженицын, тоже наличествовали, и нередко. Но так или иначе сложнейшая эта проблема упирается в тотальную утра-

ту несчастным нашим народом чувства греха — в его *расхристианивание,* оказавшееся крепко сцепленным с *раскрестьяниванием* (слова-то недаром однокоренные: умен, ничего не скажешь, русский язык!).

А вот на родину Рытхэу, в полярный поселок Уэлен, о котором чаще всего и рассказывал писатель, социализм уж точно был занесен извне. Никак он не кровное порождение чукотской жизни, нередко действительно ошеломляющей любого из *тангитан* (так по-чукотски называются все белые люди, независимо от национальности и места рождения). Осветительный прибор чукотской яранги — жирник, т. е. каменная плошка с тюленьим жиром и фитилем из тундрового мха; типичная одежда *луоравэтлана* («истинного человека», т. е. чукчи) — плащ из моржовых кишок, нерпичьи штаны, куртка-кухлянка из оленьих шкур; вместо бани — протирание кожи свежей мочой (да и чем топить баню, если бы она там была? и из чего ее строить?); орудия труда — каменный топор, нитки из звериных жил, охотничья сеть из тонко нарезанных ремней; еда, если нет свежего моржового или нерпичьего мяса, — высохшие кишки морского зверя, суп из содержимого оленьего желудка и *копальхен* — моржовый рулет с печенью и почками, вырытый из земли, из слоя вечной мерзлоты, где несколько месяцев он набирался запахов, бьющих тангитанов наповал.

Но были в той чукотской жизни, навсегда ушедшей, и вещи пострашней копальхена. В романе «Иней на пороге» (1970, последнее издание, переработанное и исправленное — 2008) Рытхэу рассказал, как его герой охотник Армоль, решивший уехать в поисках удачи и богатства на американский берег (подальше от тех, кто строил на его родине *счастливую бедность*), выполняет, по воле старухи, своей тещи, некий древний обычай. Обычай этот, как сказано в книге, уходит корнями в очень давние времена: «*Старики, чувствуя, что становятся обузой для живущих, обращались к близким родственникам с просьбой помочь им уйти сквозь облака. Просьба была равносильна приказу, и его неисполнение грозило всякими бедами*». И несчастный Армоль под взглядом сына, смотрящего на него с удивлением и ужасом, накидывает на шею старухи петлю и медленно ее затягивает, чувствуя, как трепещет в предсмертных судорогах его жертва, будто зверь на конце гарпунного линя...

Ну как, скажите, *белые люди*, зная и видя все это, не преисполниться вполне, вроде бы, естественным в таком случае чувством превосходства?! И — благородного осознания своей высокой миссии, даже своего *права* нести в дикие края, в явно нецивилизованный мир свет просвещения, гуманности и культуры?!

Но тем не менее были на Чукотке те, кто отметился в истории по-настоящему человечным, глубоко понимающим и сострадательным отношением к людям иной культуры. Таковых было немало. В одном из своих последних романов, «В зеркале забвения» (2001), Рытхэу с благодарностью и теплом вспоминает их — русских подвижников, писателей,

учителей, отдавших жизнь просвещению северян. Разумному, подчеркну, бережному, *понимающему,* сострадательному и чуткому просвещению.

Те учителя, что пришли некогда на Чукотку, равно как и те, кого будущий студент Рытхэу встретил, приехав в 1947-м в Ленинград, были людьми прежде всего высокой культуры. Великой христианской культуры, воспитавшей не одно российское поколение. Пусть даже дело происходило в конце 40-х, когда государство вполне заматерело в своем повальном палачестве. Не так-то легко оказалось выбить из людей обыкновенную человеческую доброту, и многие высокообразованные и гуманные люди даже складки атеистической неизбежно несли в себе заряд истинно христианского уважения к чужой культуре, — пусть первобытной и крайне далекой от их собственной[1].

Однако такое истинно интеллигентное отношение к чужой культуре никак не напоминало тот огненный смерч, что ворвался на Чукотку в 20-е и поразил смертельным ужасом ее до поры до времени мирное и относительно спокойное существование. Излишне говорить о том, что за особым вниманием советского государства к Крайнему Северу стояли интересы до крайности меркантильные: края-то богатые, и чем дальше, тем больше там открывается сокровищ. К тому же и стратегическое значение этих мест очевидно.

Вторжение на Чукотку *советских* тангитанов, каким вырисовывается оно из книг Рытхэу, да и как до крайности наглядно показала сама жизнь, носило характер истинно сатанинский. Какое там культурное воздействие на жизнь малоцивилизованных народов! Какое просвещение непросвещенных! С каким-то злобным торжеством рушили пришельцы самое святое. Уже сам по себе немыслимый напор, с каким это социалистическое *нечто* вторгалось в глубины народной жизни хоть чукотской, хоть российской, с каким тщанием укрывало свои подлинные намерения, с новой силой подтверждает, что социализм по-советски — явление отнюдь не абсурдной экономики, не нелепой, вывернутой идеологии. Это явление духовное. Как и бесовство, гениально предсказанное Достоевским.

---

[1] Так, Лидия Чуковская при всей своей одаренности и редчайшей нравственной силе человеком религиозным отнюдь не была, в чем признавалась не единожды. Но ее отношение к писателю-юкагиру Тэки Одулоку, с которым судьба свела ее в 30-е годы в маршаковском Лендетиздате, было единственно приемлемым для человека подлинной культуры: уважительным, понимающим, серьезным. Конечно, ее ужаснула та первобытная жизнь, о которой рассказывал Тэки: «*Вот охотник убил оленя, лег на снег и, припав к ране ртом, пьет горячую кровь; он пьян от мороза, от погони, от крови; вот голодные женщины, ожидая мужей, ищут личинки под корой деревьев. Вот охотник кормит идола: вынул из-за пазухи сучок и мажет его жиром*»... Но, будучи высокоталантливым редактором, Лидия Корнеевна помогала, бережно и крайне осторожно помогала первому юкагирскому писателю отыскать собственный стиль, который она заранее уважала, растила и пестовала.

Перво-наперво высмеяны, выставлены на всеобщее посмешище, а потом и физически уничтожены оказались шаманы, носители глубочайших народных традиций, нередко умелые врачеватели, то есть люди, как сказано в одном из романов Рытхэу, «*вдохновленные свыше, обладающие божественной силой*». Писатель и сам был внуком одного из известнейших в былые времена шамана Млеткына, застреленного большевиками за отказ служить советской власти. В одном из романов Рытхэу Млеткын назван поразительным человеком, настоящим великим шаманом. Он, единственный на всю Чукотку, знал русскую и английскую грамоту, был знаком с медициной, мог делать несложные хирургические операции. И его внук Рытхэу, Рынтын, до последних дней искренне любивший своего деда и свою бабку, унаследовавшую после смерти Млеткына его священные шаманские тайны, вынужден был в книгах советской поры то и дело, хотя и со всякими оговорками, предавать дело деда. Воистину страшная эпоха, если не убивавшая самого человека, так калечившая его душу!

Зато с каким уважением, с каким теплом описаны в последних романах Юрия Рытхэу эти чукотские старейшины, носители уникальной культуры, корнями своими уходящей в глубину веков! Писатель словно просит у них прощения — за вынужденную ложь, за невольную неблагодарность, за то, что подчинился, пусть и по принуждению, этому вселенскому злу.

И похоже, что просит прощения и у собственного народа, прежде обвиняемого им в отсталости и малограмотности. Да, как написал он когда-то в книге «Под сенью волшебной горы» (1981), чукчи и в самом деле встретили советскую власть с жирником в убогих ярангах, а проводили ее — с атомной электростанцией (как не вспомнить бессмертную формулу неосталинистов, самый, как им кажется, неоспоримый довод в пользу советской власти: Сталин принял страну с сохой, а оставил — с атомной бомбой). Когда-то он как будто бы искренне радовался этому *прогрессу* (впрочем, радовался ли? да так ли уж искренне? но — писал). А позже, когда жизнь показала-таки, *что* и *как* выросло в опустошенных людских душах, когда не осталось никаких иллюзий относительно зловещего итога страшного советского 70-летия, — тогда Рытхэу с особой силой и страстью почувствовал, каким же стоическим, умным, одухотворенным был прежде его народ. Тот самый народ, из недр которого вышли шаманы...

Нет, чукчи и эскимосы, освоившие Крайний Север еще в древности, сумевшие не только выжить, но и обустроиться в условиях вечной мерзлоты, на самом пределе обитаемого мира, — вовсе не какой-то дикий первобытный народ, который еще учить и учить, с болью и горечью писал Рытхэу в романе «Чукотский анекдот» (2002). Это народ совершенно особой «*арктической цивилизации, возникшей задолго до пирамид, до рождения Христа, до возникновения европейской культуры*». Тем более касается это шаманов, людей, как правило, талантливых, умевших аккумулировать в себе громадный жизненный опыт, отмеченных повышенной

чуткостью, умом, огромной силой духа и воли. Именно таков персонаж романа «Скитания Анны Одинцовой» (2003) Ринто, чьим прототипом был Млеткын. Вот какими глазами видит его героиня романа, ленинградская студентка Анна Одинцова: «*Облик настоящего чукотского шамана ничего общего не имеет с тем пыльным чучелом, которое стоит за толстым витринным стеклом в Кунсткамере. Скорее это ученый-энциклопедист, библиотека, аптека, метеорологическая служба, ветеринария, исторический архив и еще многое-многое другое в одном лице*»...

Но главное в другом. В том, что основная цель шамана — «*оградить человека от воздействия злых природных сил, не дать развиться врожденным силам зла, которые гнездятся в душе почти у каждого человека*». Таким был и Ринто. И, в конечном счете, именно за это — за активное служение добру — был он изгнан из родных мест, а потом и убит. Ему с самого начала было ясно: большевики служат злу, для них ненавистны совесть, стыд, сострадание, разумность. Вторит ему и шаман Аналько, герой романа «Под созвездием Печали» (2007): «*Когда иной человек совершает зло, часто он в этом и не виноват, это зло избирает его, несчастного, чтобы проявиться, излиться, выявиться через него, слабого духом*».

Роман «Под созвездием Печали» — о том, как подло и злобно была убита сама душа чукотского народа. В этом романе, невероятно пронзительном, горьком и страстном, рассказывается о том, сколько человеческого достоинства, чистоты и добра хранили в своих сердцах презираемые советским начальством *неграмотные грязные аборигены*. Вот, к примеру, одно из главнейших жизненных правил Аналько: «*Никогда не унижай себя гневом, умей подавлять в себе раздражение, неприятие другого человека и видение в нем только плохого*»...

Аналько знает, что есть на небе великое созвездие Печали. Оно там, рядом с Полярной звездой, где полыхает в виде голубых колонн, подпирающих свод неба, Северное сияние. И живут там те, кто умер не естественной — от старости и болезней — смертью, а был убит в бою. Не там ли и души древних чукотских шаманов, которых советская власть гноила в тюрьмах, расстреливала в затылок, высылала из родных мест на верную смерть?.. Ведь одного только не умели шаманы, сказано в этом романе, — сделать глупого человека умным, а злого — добрым.

Старики-шаманы, равно как и наиболее разумные из чукчей-охотников и *оленных людей,* быстро осознали и почувствовали глубочайшую абсурдность того учения, что огнем и мечом утверждалось на их родине. Любопытно и вместе с тем странно читать, например, как старый шаман Аналько мучительно вслушивается в переведенные для него слова из революционной песни «Смело мы в бой пойдем» и пытается понять ее смысл, точнее, углубиться в ее бессмыслицу. Да помилуйте, говорит он, ведь это песня самоубийц! «*Обещались все как один умереть в борьбе... Только зачем всем умирать?* — недоуменно спрашивает он доктора, пришедшего обратить его в советскую веру. — *Человек рождается, что-*

бы жить, растить детей, продолжать присутствие человека на земле. А так, если, согласно вашей революционной песне, все как один умрут, то какой смысл в этой борьбе?» А другой шаман, Ринто («Скитания Анны Одинцовой»), замечает, что сама по себе та неистовость, с которой большевики отрицают существование Бога, разрушают храмы и уничтожают священнослужителей, «*доказывает только обратное. Если чего-то в природе не существует, то и разговора об этом нет*».

Много загадок задали пришельцы действительно бедным, полунищим, но благочестивым и здравомыслящим обитателям дикого Севера. Тангитаны принесли с собой деловитость и какой-то дьявольский прагматизм, а еще совершенно иррациональную злобу и антисемитизм, махровым цветом расцветший на их зимовках. Здоровой первобытной наивности аборигенов было решительно нечего делать в той фантасмагории безумия, злобы и оголтелого вранья, которую несли с собой белые люди.

Жители Чукотки, например, веками совершенно естественно и свободно общались со своими родичами с американского берега, и никому из них в голову не приходило, что это государственное преступление. Язык у них был общим, а в бескрайней снежной дали, простирающейся до горизонта, какие государственные границы?.. Кто о них знал и думал? Но почему-то теперь, со счастливым приходом власти бедных и угнетенных, о чем дикарям-чукчам неустанно твердили начальственные верхи, родственники с других островов, все эти братья, сестры и сватья, разом превратились во врагов[2].

Но дальше — больше. Тех бедолаг, которые так и не смогли уразуметь, что государственное родство отныне важнее кровного, и вопреки очевидному абсурду пытались увидеться с родней, сажали в выстроенные по всему побережью «сумеречные дома» с забранными решеткой крохотными окошками. Так *оленные люди* на собственной шкуре поняли: есть вещи куда страшнее, чем нищета, голод и нескончаемый холод. Это когда людей насильно стравливают друг с другом, чтобы они учились рвать глотку ближнему, как одичавшие псы.

История утверждения на Чукотке колхозного строя в прозе Рытхэу — одна из самых трагичных. Чугунным катком проехалась нелепейшая в арктических условиях коллективизация по десяткам тысяч судеб. Да и что́ было обобществлять в нищей Чукотке, где от одного стойбища до другого сотни верст? Как от дичайшего дурмана, отшатывались охот-

---

[2] Когда-то, в эпоху образования колхозов на Крайнем Севере, рассказывает Рытхэу в «Дорожном лексиконе» (главы из этого романа опубликованы в журнале «Звезда», № 4 за 2009 год), некий правоверный коммунист примчался к райкомовцу со счастливой вестью: он организовал новый колхоз в Сивукаке, на острове Святого Лаврентия! Радости обоих не было предела. Да вот беда: оказалось, что новоявленный колхоз располагается на территории американской и дело грозит обернуться международным скандалом...

ники и оленеводы от давящего их жизнь коллективистского молоха. Во главе колхозов, естественно, оказывались беднейшие, — то есть закоренелые лодыри и пьяницы. «*Зачем у меня отбирать моих собственных оленей?* — с горечью и ужасом вопрошал шаман Ринто («Скитания Анны Одинцовой»). — *Это мои олени, я их вырастил, чтобы мои дети и внуки росли, продолжали жизнь на этой земле. Зачем ломать нашу жизнь...*»

Зачем? Зачем? Зачем?— вот вопрос вопросов, с которым несчастные северяне бились и бились в сплошную стену надвигающегося абсурда. Не убежать от него, не спрятаться никуда, он объял всю огромную Чукотку, как спрут, не знающий пощады. Погиб несчастный Ринто, пытаясь спастись от этого абсурда на новых землях, — но как найти теперь те земли, где его нет? Повесился другой беглец, такой же *оленный человек,* уважаемый всем стойбищем, зная, что ничего другого, кроме ареста и расстрела семьи, всех их не ждет. Уничтожаются с каким-то садистским сладострастием древние промыслы, тысячелетиями кормившие морских охотников и их семьи... Людей отучают от их привычных занятий — выслеживания зверя, охоты, морского промысла... Для чего, зачем? А по какому дикому выдуманному праву эскимосов и чукчей выселять из родных теплых яранг, с которыми так удобно кочевать? Зачем заставлять их жить в тангитанских домах, где они как бы превращаются в русских? Зачем искоренять в народе древнюю веру предков? Зачем врать, что шаманы противятся любым техническим новшествам?.. Зачем врать, что шаманы обманывают темных людей?.. Зачем нарочито выпячивать одну только внешнюю, обрядовую сторону чукотской религии и не замечать в ней зерно глубокой человечности?.. Зачем, наконец, нещадно высмеивать родной язык северян? Зачем уничтожать книги, некогда бережно переведенные на чукотский язык учителями-переводчиками? Зачем убивать само человеческое естество?

Вот эпицентр нестерпимой боли, пронзающей последние книги Рытхэу и рвущейся из них с силой придушенного крика. Убийство в людях, в их сообществе человечности, человеческой природы, растаптывание того, что делает их личностями, достойными уважения (и самоуважения — тоже), того, что их поднимает и одушевляет, — вот что такое, по Рытхэу, советизация Чукотки. Как заведомую чушь надобно отвести сегодняшние изыскания порой даже демократических умов относительно того *хорошего,* что якобы было принесено советской властью в отсталые прежде края. Да и не в отсталые тоже. Особенно это касается почему-то *культуры*, словно культура может каким-то таинственным образом существовать отдельно, вне самосознания человеческой личности. Не может, никогда не могла и никогда не сможет. Убийство в человеке человеческого — суть убийство божественного, ибо давно сказано, что человечен не человек, а Бог.

Для гуманиста Юрия Рытхэу, отлично понимавшего злодейскую, подлую природу обрушившегося на Чукотку бедствия, нестерпимым

было уже и то *научное высокомерие,* с каким ученые прежних времен вторгались в жизнь диких, по их мнению, народов. Он писал, как мучительно было видеть, к примеру, выставленные в этнографических музеях на всеобщее обозрение муляжи, изображающие представителей *диких народов* восточного или негритянского типов. «*Все они, покрытые музейной пылью, — будто мои родственники*», — с болью и горечью рассказывал писатель. Разом припомнились ему слышанные в детстве истории, как его дед, великий шаман Млеткын, «*был живым экспонатом на Всемирной этнографической выставке в Чикаго в конце XIX века. Можно только представить его душевные страдания, когда мимо него проходили разряженные, сытые, самодовольные, лощеные чикагские обитатели, обменивались вслух впечатлениями, которые дед, зная язык, хорошо понимал*».

А почему бы не устроить где-нибудь в Анадыре или Уэлене *музей белого человека*, злорадно пишет Рытхэу в «Дорожном лексиконе». Пусть бы мимо муляжа, обряженного в европейский костюм, снисходительно прохаживались северяне, удивляясь необычному виду чужака, странному обустройству его жилища...

Сокровенный мир человеческого духа, нетленная ценность каждой души — единственной и неповторимой в мире, в каком бы экзотическом теле она ни обитала, — вот нерв прозы Рытхэу. Вот что ее одушевляет и питает, вот где бьется ее пульс.

Однако припомним, с какой непоколебимой уверенностью советские тангитаны утверждали свою исключительность, ставя *грязных аборигенов* куда ниже моржей и нерпы, как преднамеренно заливали Чукотку злой «веселящей водой», превращающей человека в скота, как упрекали северян в неблагодарности, стоило тем хоть чуть-чуть поднять свой робкий голос против очевидных злодейств власти, как откровенно насмехались над отсталыми и невежественными дикарями... Да и чему тут удивляться? Единственное верное из всех верных учений, оно и вело себя в полном соответствии со своим человеконенавистническим характером: чем больше жертв будет, например, при раскулачивании, — тем лучше; значит, работа проводилась с настоящей революционной беспощадностью. С поистине, прибавим, дьявольской беспощадностью...

Постижению великой драмы чукотского народа Юрий Рытхэу посвятил всю жизнь. Писатель исследовал не только само это, фантастическое по жестокости и бессмысленности, тангитанское нашествие. Он раскрыл, какой долгий и мучительный след оставило оно в людях, как калечило и растлевало человека, поддавшегося ему (а поди не поддайся — убьют как муху). Видел он и современное состояние своего народа и отнюдь не льстил ему, превосходно понимая, через что прошли его соплеменники и как трудно им возродиться к живой, нормальной жизни.

Долгое расчеловечивание дало свои плоды, горькие и страшные. Да, чукотский народ сегодня уже совсем другой. В массе своей жители Крайнего Севера разучились работать, спились, благо бутылками с *ве-*

селящей водой заставлены теперь все прилавки; люди ждут от начальства манны небесной, а следовательно, утратили естественную человеческую гордость и самоуважение. Нашествие нашествием, но выкарабкиваться из ямы надо самим. Из самих себя, из глубин собственной натуры придется ведрами вычерпывать рабскую, подлую привычку к халяве, к пьянству, к разболтанности.

Повесть «Унна», напечатанная в 1992 году петербургской «Невой», — исследование, шаг за шагом, того гибельного пути, на который толкает человека постыдное, суетное желание урвать свое, вырвать кусок пожирней, обойти сотоварищей, прислониться к власти. Действие разворачивается уже не в сталинские, а в относительно мягкие хрущевские и брежневские времена. Героиню повести никто не принуждает предавать в себе все самое лучшее, а сюжет все тот же: последовательная череда предательств — и человека нет. Пусть не сразу, пусть побарахтается Унна немного в жизни, пусть помучается, выбирая, примкнуть ли к легкому и веселому, но поганому существованию советского партработника — или стать рядовой учительницей, без благ и хорошей зарплаты... Пусть помечется, решая, бросить ли мужа, любящего и интеллигентного, но, увы, еврея, — или остаться с ним, перечеркнув свою партийную карьеру. Однако, даже мучаясь и сомневаясь, Унна Овто выбирает все-таки то, что легче и удобнее, идет по самой постыдной дорожке. И, разумеется, гибнет.

Несколько особняком в творчестве Рытхэу стоит роман «В зеркале забвения» (2001). Это действительно поразительное произведение, роман-двухголосье, роман-память. Композиционно книга построена как роман в романе. Герой *Георгий Незнамов* — не просто тезка и двойник автора (вспомним, что слово «рытхэу» означает «*неизвестный*», а в православной традиции имена Юрий и Георгий — идентичны); этот герой предстает перед читателем в двух ипостасях, единый образ словно двоится. Формально героев романа двое — питерский финн Георгий Незнамов и выходец с Чукотки Юрий Гэмо (чья фамилия, соответственно, переводится как «*незнаемый*»). Первый — журналист, сполна хлебнувший советского лиха, презираемый «инородец»; второй — чукотский прозаик и, в общем, тоже «инородец»... Спустя десятилетия Незнамов отыскивает следы Гэмо, снова и снова ощущая свое родство с канувшим в забвение писателем. В романе Рытхэу эти двое — будто разорванная пополам единая человеческая душа. Снова и снова русский финн вспоминает пропавшего чукотского тезку, снова и снова проходит за ним тяготы, уготованные «чужаку» на неласковой холодной земле, — а тот ускользает от преследователя, будто его зеркальный двойник. И так будет продолжаться, пока оба не умрут...

«Незнаемый», «Неизвестный» — это не просто синонимы слова «рытхэу» — того имени, которое чукотский мальчик получил при рождении. Для зрелого писателя Юрия Рытхэу значение собственного имени обрело печальный провиденциальный смысл. «*Я пришел к выводу об очень*

маленькой роли большого человека, — сказал он в одном из своих поздних интервью. — *Если любого из нас выщелкнуть из истории, то все пойдет все равно своим чередом — ничего не изменится*».

Однако позволим себе не согласиться с этим утверждением писателя. От человека кое-что все-таки зависит — от каждого. И немало. Юрий Рытхэу подтвердил это всей своей жизнью и всем своим творчеством. И потому закончим эту статью мы другой цитатой из того же интервью: «*Вспомните, на заре перестройки в Россию повалил ширпотреб: фанты, пепсиколы и прочая ерунда. А сегодня самая популярная вода — родниковая без газа. В литературе происходит нечто подобное. Настанет время родниковой словесности*»[3].

Это относится, несомненно, и к нему самому.

---

[3] http://www.kolyma.ru/magadan/index.php?newsid=76

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Четвертый квартал 2009 г.

А. «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь»

Начнем обзор с *ПРОЗЫ ЗАМЕТНОЙ* или замеченной. *А ТАКЖЕ КРУПНОЙ* по размеру.

Резонансная публикация «Знамени» — **«Диалоги» Людмилы Улицкой и Михаила Ходорковского** (№ 10). Переписка о жизни, о мировоззрении, о понимании реалий бытия. В письмах Улицкая отчасти сочувствует, а отчасти (иногда жестковато) допрашивает Ходорковского — о его тюремном опыте, о том, как он формировал свои взгляды на жизнь, почему пошел на опасный для себя конфликт с Путиным. *Думаю, могу определить себя как вольтерьянца, т. е. сторонника свободомыслия, свободы слова*, — отвечает Ходорковский. — *Б. Н. Ельцин в этом плане был моим идеалом.* Вот что пишет Ходорковский о своей комсомольской карьере: *Мои родители специально сделали так, чтобы я не стал «белой вороной» в том обществе. Сейчас я это понимаю, тогда — нет. Более того — и в школе, и в институте я не видел «белых ворон». Школа была на пролетарской окраине, институт тоже сугубо «пролетарский» — 70% по путевкам с заводов. Не было у нас диссидентов вообще. В институте особенно — факультет оборонный, и если исключали из комсомола, то автоматически отчисляли. Причем мы считали это справедливым. <...> Ведь мы должны, при необходимости, отдать жизнь за Родину, даже в мирное время, а как это можно потребовать с некомсомольца или некоммуниста? Не шучу, не утрирую. Ровно так и думал...* Конечно, читатель вправе усомниться: было ли в ту эпоху возможно подобное простодушие. Однако, насколько помнится, бывало и такое, особенно если обстоятельства не требовали решительного выбора и все располагало к тому, чтобы искать место в стабильной и казавшейся вечной среде. Ходорковский признается: *Я не революционер.* Конечно, и тогда были идеалисты, которые ставили свои убеждения выше житейского успеха. (Улицкая пишет о своем тогдашнем отвращении к советскому строю.) Но таких было вообще-то мало. А у многих как-то естественно сочетались критический и юмористический настрой по отношению к «отдельным недостаткам» — и общий вектор лояльности вечному, как климат, строю. Конформное, соглашательское поколение. *«Один день Ивана Денисовича» читал, был потрясен, Сталина ненавидел, как опорочившего дело Партии в интересах культа собственной личности. К Брежневу, Черненко относился с юмором и пренебрежением — геронтократы, вредят Партии. Андропова уважал, несмотря на «перегибы на местах».* Ходорковский описывает свои отношения с властью и методы ведения бизнеса в

1990-е годы. *После преодоления кризиса (1998 года) мои жизненные установки начали меняться,* — замечает он. — *...общечеловеческие ценности пробивались ко мне долго. Думаю, именно тогда, когда они «пробились», я и восстал. Было это в 2001 году.* И еще: *Разгром НТВ в 2001-м (я пытался им помочь деньгами, что мне вменили в первом процессе) стал моим «Рубиконом».*

Интересен отклик в «ЖЖ» на переписку тележурналистки **Ольги Бакушинской** (bakushinskaya): *Даже здесь, в ЖЖ, среди тех, с кем я постоянно общаюсь, и среди тех, кто приходит первый раз, я безошибочно узнаю по одной фразе «своих». Тех, кого в Москве почти и нет уже, но есть в разных уголках мира. Это не значит, что я считаю нас лучшими. Кто знает, может Ленин, человек, которому удалось преодолеть нашу общую с ним клановость, и прав. Интеллигенция — не мозг, а говно нации. Может быть. Я согласна быть говном, лишь бы принадлежать этому клану. ...И что меня так поразило-то в разговоре Ходорковского с Улицкой? Боже мой, как приятно послушать тихий голос своих. СВОИХ. Дай им Бог здоровья. Дай им Бог когда-то сесть на одной кухне и продолжить разговор. Дай мне Бог и дальше хоть иногда слышать беседы, где в каждом слове НАША ПОРОДА.*

Олег Павлов в романе «Асистолия» («Знамя», № 11 – 12) подробно и даже отчасти занудно разворачивает рефлексию на тему смерти (асистолия — прекращение деятельности сердца). Рядовой герой медленно вживается в канву бытия (детство, отрочество, школа, любовь, семейные тайны и проблемы), но *существование* — это *когда снова и снова приходилось искать смысл существования,* и жизнь снова и снова возвращает его к проблеме собственного завершения. *Смерть и дорога... Дорога и смерть... Смерть как дорога... Боюсь смерти как дороги... Бояться смерти... Бояться покидать родной мир и отправляться в другой, иной, чужой, дальний...* Едва познакомившись с девушкой, герой ведет ее показать свое любимое место в Москве — Новодевичье кладбище. Типовой кинотеатр в глазах героя похож на крематорий, а лифт — на *лязгающую, стонущую гробницу.* И т. д., и т. п. *Все только умирало: прекращало свое существование, исчезало... Слова. Деньги. Все. Стало привычно узнавать из новостей о новых и новых убийствах. Люди убивали людей. За деньги. Но уже никто не замечал...* Автор верен себе: в новом романе разворачиваются те мрачноватые экзистенциальные смыслы, которые определяли своеобразие его главных книг. Смерть и одиночество не могут быть побеждены, но есть все-таки одно средство: любовь. Периферийно в тексте намечены реалии последних десятилетий, но социальность как таковая автора не волнует вовсе. Она лишь создает его героям тяготы и беды, покушается на их жизнь. Да и Бог у Павлова — скорей каратель, чем милостивец. ...Вещь тяжелая, плохо годящаяся для чтения, монотонная, но есть в ней своя честная весомость и мрачноватая значительность.

Опубликованная в «Знамени» (№ 11) небольшая **повесть Леонида Зорина «Габриэлла»** — вариация на темы его знаменитой «Варшавской мелодии» (1967). Разменявший себя на компромиссы советский писатель с говорящей фамилией Безродов в 1968 году отправляется в Прагу в

гости к своему переводчику, где встреча с прекрасной и свободной европейской женщиной заставляет его пережить острый миг бытия, критично посмотреть на себя. Но это только миг, герой возвращается в СССР. *Ничто не могло ему помочь, когда за нею закрылась дверь, ничто не могло его спасти в тот миг, когда он вошел в вагон, когда увидел в последний раз дегтярные, цвета смолы глаза. Вот она, моя Черная Речка, колеса гремят, и рельсы стонут, и Злата Прага скрывается в дымке, во влажном сумраке, в первых огнях, в холодной мгле европейской ночи. Тогда и на миг не сомкнул он глаз. Стоял в коридоре, смотрел, как тает черный апокалиптический полог, бледнеет небо, несется лес. Слушал, как дробно стучат колеса по узким скатам, как гаснет скорость, вот она вовсе сошла на нет, поезд как будто насквозь пронизывает последняя судорога, он замирает, являются польские пограничники...* А вскоре в Прагу входят советские танки... Спустя годы герой не может забыть эту встречу и лишь теперь осознает, что возможного счастья лишил его привычный совковый страх. *Теперь-то он понял, что неспроста стране его век не видать свободы. Темница не вовне, а внутри, мы носим ее в своих бедных душах. Понял и то, что истинно счастлив был в тот ошеломительный час, когда эта женщина рядом с ним чуть слышно шептала слова благодарности, лишь эта мелькнувшая искорка жизни — она и была мгновением истины...* В 1991 году Безродов становится свидетелем другого события — свержения памятника Дзержинскому. Мир меняется, но прошлого не вернешь. Умная, внятная проза.

Владимир Березин в **«Повести о Рабле, или Лесопильщике»** («Новый мир», № 11) непринужденно рассуждает обо всем на свете, взяв в союзники и единомышленники Франсуа Рабле с его героями и воспевшего их Бахтина. Рассказчик на пару с неким Ваней Синдерюшкиным блуждает по миру без явной цели и очевидного смысла, беспечно предаваясь остроумному словоговорению (такой жизненный стиль обозначен модным словцом *дауншифтинг*). Нет им достойного места в жизни, а на другое они не согласны. *Балетный танцор может уйти на работу грузчика, но через год он перестанет на этой работе быть балетным танцором. И не факт, что станет хорошим грузчиком. А пианист, если будет вентили крутить, пальцы сорвет и в профессию не вернется. Юрист дисквалифицируется очень быстро, а не порешай уравнения года три — черт его знает, вернешься ли в свою математику переднего края науки. Пример даже есть: в девяносто первом советская наука ушла грузить и после уже не оправилась <...> из грузчиков обратно дороги нет... Как только нация находит прибежище (и оправдание) в элементарных специальностях, так она должна понимать, что дальше падать некуда: за элементарными специальностями нет субэлементарных...* Нескучное чтение на досуге.

Главный герой **повести Марины Палей «Под небом Африки моей»** («Знамя», № 10) — танзанийский налоговый инспектор, который в позднесоветские времена учился в России. Подзаголовок: «*Записки танзанийца Мазанивы Мвунги, налогового инспектора, сделанные им, по ходу*

служебных командировок, в различных населенных пунктах его родины, которые следуют ниже как названия глав. Перевод с суахили». По Палей, герой ведет род от эфиопов-иудеев (фалашей) и даже является дальним родственником Пушкина (великий поэт приходится Мвунге четвероюродным прапрапрапрадядей). Основная часть текста — записки Мвунги о советской юности. В те времена он дружил с литератором Ванькой Телятниковым, — как можно понять, наиболее характерным представителем расхристанной московской богемы конца XX века. Ванька свободен от каких бы то ни было представлений о норме: живет с двумя женами (летом с одной, зимой с другой), питается водкой, умудрялся выпивать даже на лекциях, в свою квартиру входит не через дверь, а через окно (всякий раз лезет на четвертый этаж по водосточной трубе). Страдальцу Мвунге Ванька не со зла доставляет неисчислимые неприятности — по пьяни, из разгильдяйства. Например, теряет сумку Мвунги со всеми вещами, деньгами и документами (и это — самый невинный случай). Мвунга в итоге умозаключает, что Ванька — не человек, а мелкая нечисть вроде анчутки или кикиморы, но чрезвычайно обаятельная. Критики уже предположили, что Палей написала аллегорическое произведение, где *Мвунга — российская (но не русская) интеллигенция, зачарованная Русью, а «дитя природы» Ванька Телятников — собственно Русь. И лучше бы им не встречаться.* Едва ли все так просто. Но в принципе вещь эта сугубо факультативная.

Главный герой **романа Анатолия Наймана «Груда, колос и совок»** («Октябрь», № 9 – 10) инженер Игорь Черкасский — *красавец, подававший надежды.* Начинается история в советские времена, завершается в наши. Ничего особенного, герой этакий внутренний полуэмигрант, вполсилы любящий, легко применяющийся к обстоятельствам. Входит в круг вольнодумствующей богемы, где угадываются прототипы — литераторы *умеренной одаренности.* Есть в романе и некто Анатолий Найман, довольно умный резонер. Иногда автор пишет и от своего лица, ностальгируя по молодости, выпавшей на убогую эпоху. Контекст довольно богат, но сильно девальвирован общей безучастностью к бездарно ушедшим временам. Итог жизни героя неутешителен. Что бы ни происходило, а судьба не состоялась, весомый смысл в биографии отсутствует. *А вот где было и когда, он не то что забыл, а настолько это ничего не значило, что не оставило координат. То есть не забыто начисто, а начисто не помнено, никогда. Как всякое русское общество. Как общество по-русски. Как модель общества с взаимозаменяемыми, неиндивидуальными членами...* А тут и старость, одиночество, потери. Сплошной минор, тотальная мизантропия: ну а за что вас, господа, любить-то? никакого христианского смирения на вас не хватит...

В **романе Владимира Шпакова «Счастливый Феликс»** («Дружба народов», № 9 – 11) выведен за ушко на солнышко антигерой нашего времени, современный питерский прагматик и меркантилист Феликс, для которого все в жизни решают деньги, а на мораль плевать. *«Разбить скрижали, разбить скрижали... — вертится в голове, когда моется под душем. Почему*

скрижали?!» Потом вспоминается: на скрижалях записаны правила, а правила — это чушь собачья, руководство для дураков. Умный правил не признает, каждый раз создает новые, чтобы тут же их похерить. Ради выгоды герой занимается нумизматикой, фарцовкой, успешно торгует недвижимостью. Продал роскошную квартиру богатому оленеводу с Севера. Но не может остановиться. *Он крутит шар, опутанный невидимыми нитями, и ему лестно сознавать, что один из ткачей этой паутины — он, Феликс. Его это вовсе не унижает, наоборот, он желает сделаться настоящим, мощным пауком, и он им — станет!* Шпаков присовокупляет к истории мистико-мифологические мотивы. Что-то там про инициацию шаманки.

А в «Октябре» (№ 10) публикуется **рассказ** того же **Владимира Шпакова «Сероводород»**: охранник «маленького олигарха» лелет мечту перестрелять вип-персон.. Этакое садо-мазо.

В **повести Фарида Нагима «Теория падений (Записки зонального менеджера)»** («Дружба народов», № 10) многообещающий ученый в новые времена идет в торговлю. *Понимаете, я в натуре — Циолковский, но время сейчас не циолковское...* Новый тип карьеры.

Незаметно завершается исторический **роман Вацлава Михальского «Прощеное воскресенье»** («Октябрь», № 12; начало в №№ 1, 7). Роман, напомним, представляет собой часть пространного повествования о семейной истории Мерзловских (начало в романах «Весна в Карфагене», «Одинокому везде пустыня», «Для радости нужны двое», «Храм согласия»). Это беллетристика о жизни русских эмигрантов в Африке и их родственников в СССР, у которой есть свой читатель.

Подборке *ностальгических этюдов* **Афанасия Мамедова в «Дружбе народов»** (№ 12), посвященных покойной матери автора, предпослан заголовок **«Шебеке»** (так в Баку, откуда автор родом, называются *оконные переплеты и решетки, собранные из деревянных составных элементов, часто с разноцветными стеклышками*). Затейливое литературное упражнение. Вот, к примеру, **«Пароход Бабелон»**. Это, по словам автора, *повесть о комиссаре,.. молоденьком воителе, который будет двигаться от главы к главе практически маршрутами «Конармии»*. Написано примерно так: *Товарищ комиссар подумал, что нет большего счастья, наверное, чем вот так вот, как он сейчас, приблизиться после боя к самому себе, почувствовать вот этот, стоявший прочно во рту, вкус чеснока и ржавой селедки, обглоданной им до хвоста под огнем польской артиллерии в том самом леске, что грядою сырою темною плывет сейчас невдалеке, или вот этот запах жирной галицийской земли и прелой листвы, мешающийся с запахом медицинской повязки, в которой, как в люльке, муравьями изъеденной, дремлет тронутая пулей рука...* Подборка содержит и другие ностальгические этюды, миниатюрки и эссе.

В «Москве» (№ 11 – 12) опубликован **роман Сергея Смирнова «Дао Дзе Дун»**, названный автором *футуристическим памфлетом*. Беллетристика на тему будущего России. Еще одна антиутопия. Двадцатые годы XXI века; наступила эпоха Равновесия. Россия превратилась в счастливую и

благополучную страну. Преступность побеждена, создана образцовая инфраструктура, изменился климат, чуть ли не преодолена смертность. Не о чем жалеть. *Проявления любых форм ностальгии ученые стали объяснять вирусной теорией. Считалось, что нефильтруемый вирус N-Retro образуется из митохондрий отмирающих нейронов головного мозга и концентрируется в других нейронах, вызывая диспропорции в восприятии воспоминаний. Лечиться не заставляли, но рекомендовали — с помощью регулярного просмотра терапевтических видеороликов и коррекции сновидений посредством индивидуального продакт плейсмента...* Ну, вот как-то так. Однако есть и оборотная сторона: китаизация жизни, разделение людей на касты (креаторов, т. е. людей творческих, и аутов, обслуживающий персонал), засилье рекламы, корпоративные войны с погружением проигравших в длительные криопаузы. Мало того, в этой будущей жизни существуют тайные измерения: мир аутсорсеров и мир больных нейролепрой, который оказывается прибежищем истинных теневых правителей мира... Чтоб изменить реальность, герой романа вынужден отправиться на Луну в поисках веры. Много претензий и толика эрудиции.

В «Новом мире» (№ 12) опубликован **роман** киевлянки **Яны Дубинянской «Сад камней»**. Это многословно-душистая дамская проза, с вскриками и живописными подробностями, набросанными горстями. Главная героиня, Марина, — натура романтическая. Чуждая прагме, художественная. Еще в детстве она поняла, что мир скуп на счастье. Девочкой она с мамой посещает выставку камней, где ей предлагают что-нибудь купить. Но она не хочет выбирать, ей нужны все камни сразу! Увы... В итоге героиня из своей жизни создает что-то вроде сада прекрасных камней: *Мой мир. Мой собственный сад камней...* И вот эту-то героиню богемного склада из мира кинопроизводства заносит в форменную глушь, в неведомый поселок, где с ней начинает происходит что-то непостижимое, чему читатель никакого объяснения не получит.

А **рассказ Дубинянской «Багровые закаты»** («Новый мир», № 10) — красивая история красивого умирания изящной дамы, иногда воображающей себя девочкой, попавшей в экзотический мир. Что-то многовато стало в прозе таких пожилых эстеток на грани смерти и безумия (см. ниже о рассказах Богатыревой и Клюкиной).

МАЛАЯ ПРОЗА иногда интереснее крупной.

В рассказе прославившегося темой Афганской войны смолянина **Олега Ермакова «Вечный солдат»** из книги «Арифметика войны» («Новый мир», № 11) афганские дембеля возвращаются по домам в тамбуре поезда. Пьют, куролесят. Но между тем герой-рассказчик, один из этой непримечательной компании, делится своим особенным опытом. На главном срезе опыт этот бесконечно грустен и представляет собою какой-то парафраз абсурда, который своей шкурой постиг герой в Афганистане. Выражен этот абсурд в рассказе разнообразно. И хаосом подробностей, и упразднением идео-

логем, оправдывавших или осуждавших войну СССР на Востоке, и тоской как доминантой умонастроения, и какой-то монотонной сурдиной, которая задана как музыка этой прозы. Ермаков действительно большой мастер. Но сосредоточенность его героя на теме вечного возвращения поначалу озадачивает: *я вернулся... я солдат мироздания... истории нет...* Все это выглядит надуманным, хотя, впрочем, нисколько не противоречит тому абсурдистскому внеисторизму бытия, острое переживание которого действительно иногда настигало нас на исходе советской цивилизации... В итоге герой отстает от поезда, оставаясь навсегда в этой пустой паузе смысла и тем самым упраздняя, сводя к пустяку все, что у других и у страны было потом. *Поезд уходил дальше без меня. Я было рванул следом, бежал, но последний вагон ускорял ход, стук и вскоре вовсе исчез в темноте. И я перешел на шаг. Остановился. <...> Я ни о чем не жалел. Я сам хотел этого.* Мы уже как-то писали, что проза Ермакова далека от гуманизма. Новый его рассказ дает понять, как связаны между собой его опорные выводы.

Рассказ Ермакова **«Легкий поток»** («Октябрь», № 11) отмечен Казаковской премией (но далеко не факт, что он лучше «Вечного солдата»). Он связан со второй — менее удачной, на наш взгляд, — главной темой Ермакова: уходом героя из убогого социума в некую духовную Азию. Основное место действия — тоже вагон поезда. Остальное — в воспоминаниях и воображении. Герой, рок-музыкант позднесоветского времени по прозвищу Танец, преследуем органами и уже отбыл один срок в психушке. От второго срока он пытается спастись в Сибири, сбежав без денег и еды из кабинета врача и в дороге зачем-то сплетая сюжет своей жизни с сюжетом китайского романа У Чэнь-Эня о путешествии на Запад, а тем временем почти уже договорившись со случайными попутчиками о работе в заповеднике на Байкале. Лучшее в рассказе — экзистенциального оттенка тревога героя, страх быть пойманным и лишенным своего *я*. Однако что это за *я* такое? В чем его зерно? Непонятно. Проблема в том, что о творчестве героя, за которое его и преследуют, мы почти ничего не узнаем. Что там за такие суровые антисоветские высказывания, за которые можно даже загреметь в дурку? К тому же сам герой отстаивать свободу своего творчества не рвется и даже вроде бы готов временно от него отказаться. Сибирский литератор Антон Нечаев не без оснований заметил в своем блоге: *Такое впечатление, что автор позавчера проснулся с великого бодуна, глянул за окно и обомлел: мама родная, 2010 год, а мы ведь о гонимых советских рок-музыкантах еще ничего не сказали. Сказали, сказали уже, спите дальше.* Негромкий отзвук ерофеевских «Москвы — Петушков» мало что добавляет.

Более отчетливо общение с ерофеевским оригиналом проявилось у **Аделя Хаирова** в *«поэме»* **«Казань — Курочки»** («Октябрь», № 11; то же: «Казанский альманах», 2009). Правда, очень поверхностное. Хаиров — казанский прозаик, признанный в Татарстане самым ярким автором последних лет. По словам тамошнего критика Г. Зайнуллиной, *лирическим героем его «тонкоструйного письма», как правило, выступает представитель деклас-*

сированной богемы, сумбурно-ничтожный и по своему внутреннему настроению, и по внешнему поведению. В чем-то юмор Хаирова сродни плебейскому (бравирующему эксцессами смеха, обжорства, пьянства и похоти), но все же его «всесмешливость» ближе к понятию рафинированных эстетов о некоем «вечном смехе»... Оно и правда: вещица получилась болтливо-малосодержательная, но виртуозная, нет слов, без подспудного драматизма, но с замечательными детальками. Вот, к примеру, про местных сочинителей: *Когда дело доходило до драки, татарские писатели забывали свой литературный татарский, и тогда в особняке звучал чистейший русский мат. Бились писатели, как депутаты, недолго и небольно и все тыкали друг другу вопросом: «А ты шту написал?» И только, помню, один из них ответил умно: «А я горжусь тем, что ничего не написал!» Потом, утомленные своей гениальностью, они снаряжали гонца за примирительной бутылкой. А утром уборщица — простая татарка из глухой деревни — бродила по гулкому особняку и искренне удивлялась, открывая для себя досель неведомый ей мир. И зачем это на мраморный подоконник кто-то наложил горку винегрета? И почему на парадной лестнице в руку голой бабы из бронзы вложена пустая бутылка взамен утраченного факела? И кто это в уборной подтирался пластмассовыми стаканчиками, когда рядом лежала пухлая рукопись под названием «Слон и колибри»?*

В чем-то близка к казанскому виртуозу лауреат премии Белкина (впрочем, от этой премии отказавшаяся) **Ульяна Гамаюн**, свежий литературный проект из (вроде как) Днепропетровска. В «Новом мире» (№ 12) публикуется ее детективная **новелла «Каникулы Гегеля»**. Сюжет таков: неведомо в какой земле в непонятное время, в маленьком отеле, в котором всего трое постояльцев (профессор, студент и мадам), происходит убийство. Расследовать его приезжает Инспектор. Зачин в духе Агаты Кристи, дальше начинаются всякие куншткюки. Манера повествования у автора, однако, такова, что происходящее принимает вид декоративно-узорчатый, и главным героем прозы становятся витиевато сложенные выражения. Типа: *Из комнаты повеяло тоской и мокрой тряпкой.*

«Новый мир», № 10 открывается рассказами молодого прозаика **Ирины Богатыревой** под общим названием **«Звезды над Телецким»**. Два из трех рассказов объединены местом действия, это Алтай. В рассказе, давшем название всей подборке, парень с девушкой пешком идут к Телецкому озеру, опасаясь одичавших аборигенов. В рассказе **«Затмение»** к местному парню приехала его прошлогодняя любовь, девушка из города, но с впавшей в детство мамой. В рассказе **«Универсум»** девушка вживается в обстоятельства жизни и труда своего знакомого, веб-дизайнера Макса, поселяется в его квартире и в итоге чуть ли не становится им самим. Личностная идентичность, как выясняется, штука относительная... Свежая, красивая проза.

Два анекдотических **рассказа Михаила Веллера** в «Октябре» (№ 11) — из недавнего прошлого, советского и постсоветского. В рассказе **«Мон женераль»** начинающего советского адвоката сомнительной национальности настойчиво приглашает к себе погостить родственник из капи-

талистической Франции, а тот просто-таки содрогается от ужаса пред КГБ. Но парижский родственничек оказывается героем Сопротивления и личным другом де Голля, так что история выходит на высокий уровень межгосударственных отношений. Провинциальные гэбисты в итоге вынуждены чуть ли не лебезить перед сопляком-героем. А в рассказе **«Имени Нахимова»** бедствующему в девяностые питерскому военно-морскому училищу предложена помощь евреев-олигархов, которая кажется безвозмездной, а на деле связана с необходимостью признать тот ужасный для русского чиновника-офицера факт, что адмирал Нахимов был евреем. Забавный текст с резкими эскападами, типа: *Питердауны, мутанты дикого рынка из гранитных джунглей Невы, отбросы золотого сечения классической архитектуры, обустраивают под себя пейзаж имперской столицы. Изгрызенный силуэт с коммерческими наростами напоминает питердаунам, что красота не спасла мир. Приматы личного над общим вписывают город в пространство, где своя прибыль дороже чужого удовольствия. Питердауны из Питертауна — эта тема ждет своего исследователя и летописца...*

Бойкие рассказы москвича **Алексея Дьяченко** в «Москве» (№ 11) тоже в основном тянут на анекдотец. В одном бывший монах в 1991 году пришел устраиваться на работу в милицию и хочет вступить в КПСС. В другом бывший прокурор читает Евангелие глазами советского юриста. В третьем жених необдуманно рассказывает невесте, дочке олигарха, как страстно и нежно любил когда-то другую девушку, а невеста возьми после этого да и откажи ему: ей тоже захотелось настоящего чувства, а не просто так. В четвертом бывший врач становится лжецелителем-шарлатаном: а чего теряться, если времена настали аморальные? Наконец, самый объемный рассказ **«Главная роль»** посвящен злоключениям артиста Хлебова. Дома он борется с тараканами, а на сцене должен играть жука в спектакле по новелле Кафки «Превращение».

Повесть прозаика из Конаково **Юрия Красавина «Мышь в кошельке»** («Новый мир», № 10) — это исповедь обывателя, с головой погруженного в семейно-родовые счеты и расчеты. Представители ветвистого семейства из русской провинции не прочь пролить ханжескую слезу, но при этом совершенно равнодушны к ближнему и упорно стремятся везде и всюду получить от него хоть малую корысть. Алчны, злорадны, жадны, хитры по мелочи. Монолог повествователя — бесконечный список колоритно детализированных взаимных обид. Мир у Красавина устроен так, что альтернативы нет, нужно применяться к обстоятельствам, к нищете, к тотально убогой реальности. Слог рассказчика притом довольно грамотен, а дистанции между ним и автором вовсе нет. То ли автор наивен, то ли умно создает эффект самодостаточного сказа в духе Зощенко...

Рассказы студентки Литературного института и МГУ **Полины Клюкиной** под общим названием **«Осенняя жигалка»** («Новый мир», № 10) — про причудливых и полусумасшедших пожилых дам и про сдвинутого на семейной драме мальчика. В рассказе **«Zippo»** этот паренек, сын моря-

ка-подводника, погибшего на «Курске», ведет себя так, что срабатывает заранее вынесенная в анонс параллель с зажигалкой, которую переехал стотонный каток. Герой как бы неадекватен, что, вероятно, и диктует явную нескладицу в манере повествования.

Рассказ молодой писательницы **Анны Лавриненко** из Ярославля **«Потеряшка»** («Новый мир», № 11) ведется от лица *мужчины лет тридцати.* Герой вышел из квартиры, забыв взять ключи, и захлопнул дверь. Дверь ломать не хочется, и он отправляется на поиски запасного комплекта. Навещает бывшую жену, коллегу по работе, старого друга, родителей. А по ходу безуспешных поисков ключей чуть более успешно ищет себя, подводя промежуточный итог существованию. Выходит так, что и он в жизни потерялся. Правда, еще вроде б не поздно и найтись. Уволиться с нелюбимой работы и т. п. В подобном поучительном итоге нельзя не усмотреть некоторой умышленности, присочиненности, — словом, добросовестной авторской дидактики.

Денис Гуцко в **рассказе «Витенька»** («Дружба народов», № 11) изобразил драму неудачной беременности героини. *Собственная жизнь, отягощенная завидной карьерой,.. давно напоминала ей затяжное путешествие в комфортабельном «люксе», в которое она по случаю — да — нет? час на сборы — отправилась вместо кого-то...* Рассказ построен на сочетании трогательного и сурового.

У **Сулимана Мусаева** в **рассказе «Встреча в степи»** («Дружба народов», № 11) прожженный корыстолюбец вдруг ощущает, что жизнь не удалась: *...даже пьяный, он сознавал, что его здесь никто не поймет, пожалуй, даже засмеют. Он вышел во двор. Моросило. Под навесом тускло горела лампочка. Изморось постепенно переходила в дождь. Легкие порывы ветра задували холодные капли дождя в лицо Салмана, и они катились по щекам, смешиваясь со слезами. Как он еще молод, но как много ошибок успел совершить! Ничем и никогда ему уже не очистить свою запятнанную душу. А впереди... Что впереди? Впереди — пустота! И груз тяжелых воспоминаний, который он должен нести до конца дней своих. Он прошел в дальний угол двора и сел на мокрый пень. Закрыл лицо руками и опустил голову на колени. Плечи его тряслись от рыданий. Скоро начался настоящий ливень. Под его тяжелыми каплями шуршала листва.*

ДЕРЕВНЯ

«Житейские истории» Бориса Екимова («Новый мир», № 12) — стариковские наблюдения над поселково-дачной жизнью. Мир людей, мир природы. Муравьиное всяческое копошение. Радости и горести. Внук Митя. Корысть и ненасытность людская. Эх-хе-хе. В **очерке «Прощание с хутором»** («Новый мир», № 11) **Екимов** пишет на тему для себя традиционную: об умирании придонских хуторов. Детально. Людей почти не осталось, зато стоит новехонький таксофон. И над замшелой крышей школы, где никто не учится, серебристая тарелка для интернета. Опе-

реточное казачество. Поселенцы с Кавказа: чеченцы, азербайджанцы — люди временные, заработают и уедут.

Повесть оренбургского писателя **Владимира Пшеничникова «Черты лихого лета»** («Москва», № 10) — о деревне. Собрались деревенские отметить приезд из города внуков и правнуков бабки Марии, — а тут, откуда ни возьмись, ураган. Один из местных погиб, его вдова уехала из деревни, вдрызг разругавшись с другой аборигенкой. Дом вдовы тут же разграбили... И остались в деревне несколько старух да глухой дурачок. Вообще, складу и ладу в повести Пшеничникова немного.

Еще экспрессивнее и нелепей закат деревни изображен в **рассказе** другого оренбуржца, **Юрия Мещанинова**, **«Чудо»** («Москва», № 10). Мужики пьют, всё в развале. Надумали зачем-то восстанавливать церковь, хотя никто не считает себя верующим. И даже восстановили. Но кончается все снова попойкой, разгулом и мутным намеком на некую драму. *Ивана Федоровича стук пронзил тревогой, он вприпрыжку пробежал в заднюю, ткнулся лбом о холодное стекло и замер... Ангел, худой ангелок с короткими крылышками за спиной. Белый ангел ударял в стекла крыльями. — Господи! — вырвалось у него шепотом, и он перекрестился. Ангел приплюснул к стеклу лик и вдруг заголосил: — Папаня, Лешка наш... Лешка...* Что-то страшное сделалось с Лешкой, намекает автор. Но так и оставляет читателя заинтригованным.

Питерец **Василий Аксенов** в **рассказе «Золотой век»** («Москва», № 12) упоенно вспоминает свое сибирское детство. С душой, но без глубины. Родовые чалдонские корни автора — в селе Ялани Красноярского края, где его отец, вернувшись с фронта, был участковым. Есть в селе раскулаченный-расказаченный дедушка Арсентий, который когда-то вез ссыльного Сталина и после *шибко сокрушался, что не удавил его, плюгавого каторжника, в санях.* Дескать, искупил бы потом покаяньем... Автор же не этому дедушке чета, заражен приторным религиозным ханжеством — и начинает рассуждать, что это вот так Бог творит историю и Сталина оставил в живых не без умысла. Наверное, чтоб несладко жилось тут же всуе помянутым Льву Давидовичу и Каменеву с Зиновьевым. Во как.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ. Вечная тема.

Лариса Ермилова из Волгограда в рассказе **«Царица»** («Москва», № 11) вкратце изложила историю купеческой жены, Оленьки Свиридовой. Некстати нагрянула революция. Оленька — юная дура с нарядных полотен Кустодиева — ничего не смыслит в происходящем. Она попала, как кур в ощип, в гнусную историю России XX века, и век ее не пощадил. Взял сладкую фрю в жены грубый гегемон, ямщик Фляжкин: обижает, таскает за косу. И вот, узнав о возвращении постылого мужа со Второй мировой, весьма неюная уже героиня решает покончить с собой. Надо заметить, решение это как-то озадачивает...

Повесть Виктории Лебедевой «В ролях» («Октябрь», № 12) — о простодушной красавице Любочке из сибирского городка Выезжий Лог,

намечтавшей себе красивую жизнь. Увы, с мужчинами героине не особенно везет. История современной «душечки» кончается довольно печально. А чего вы хотели?

Герой **рассказа** юного **Евгения Алехина «Ядерная весна»** («Новый мир», № 11) под кайфом занимается сексом. Никакого фантазирования, история в исповедальном ключе, от первого лица и без всяких признаков морали. В типичной манере нескромных признаний о мелких грехах.

Николай Шадрин из Курска в **рассказе «Аллея»** («Москва», № 12) развел канистру сантиментов, представив встречу сильно выпивающего сторожа детского сада (с лагерным опытом) и то ли бомжихи, то ли просто случайной прохожей. Как бы у них уже и преддверие романа, но кончится все пшиком. Вроде как не захотела женщина заводить семью «*после всего, что с нею было*» и о чем мы никакого особого понятия не получили.

Что-то похожее, но без форсированных сантиментов, и в **рассказе Екатерины Шевченко «Дриада»** («Знамя», № 10). Молодая медсестра, пожилой пациент, платонические движения душ, мистический штрих...

В **повести Анастасии Ермаковой «Точка радости»** («Дружба народов», № 12) москвичка 32 лет Анастасия от первого лица повествует о житье-бытье. Она беременна, а муж ушел. Плюс собака и куча дел в доме престарелых, где работает героиня. Бездна околичностей, требующих терпения и участия. *Я — неловкий конькобежец, который постоянно падает и ходит с разбитыми коленками, но снова упорно встает на коньки. Зачем? Не знаю. Но мне не интересен гладкий лед, мне нужна неровная, трудная поверхность, требующая усилий, чтобы не упасть.* Даже есть попутные околополитические соображения, простительные девушке на сносях: *американская совесть звучит примерно так же, как французская щедрость или немецкая бесшабашность.* Милая особа.

Налаживается семейная жизнь у Саньки Тряпкина в **повести** тверяка **Михаила Петрова «Сто долларов на черный день»** («Наш современник», № 11). А все потому, что давнишний приятель, ныне священник, помог ему, раздолбаю, понять, что случайная беременность очередной подруги — это *знак*. Не об аборте нужно думать, а о браке. Приятственно и дидактично.

Ханты-мансиец **Николай Коняев** в **рассказе «Чтоб нас тоже видели!»** («Наш современник», № 12) изобразил горячего до мордобоя, органически талантливого мужика Мишуню, у которого в жизни было немало передряг. Но в свою последнюю отсидку высмотрел он в колонии Зойку из первого отряда, и теперь счастливое семейство отдыхает в геленджиках. Автор — за.

А в **рассказе** москвички **Арины Холиной «Пристрастие к неудачникам»** («Знамя», № 10) небедная дама средних лет крутит роман с беззаботным бездельником, умеющим красиво жить за чужой счет. *Секс отличный.* Автор тоже — за.

Даже одинокие деревенские старушки в **рассказе** москвича **Николая Бесединa «Груня и Фрося»** («Наш современник», № 11) подумывают взять к

себе кого-нибудь жить. Фрося решилась. А вот Груне пока не повезло: не остался у нее в избе на жительство литератор Николай Трофимович, городской житель, пришедший к бабульке узнать, какие судьбы ждут Россию.

Михаил Земсков из Алма-Аты в **рассказе «Ботаник и принцесса»** («Дружба народов», № 10) предлагает читателю историю из серии «их нравы». Димина мама в разводе с диминым папой-миллионером. У папы любовница Мария. Как-то так получилось, что Дима и Мария понравились друг другу — и не стали тормозить. Ну а после смерти папы Дима унаследовал его состояние и женился на Марии. Хорошие новости из закордонной казахстанской жизни.

В повести Сергея Трахименка из Минска **«Петля Морбут»** («Наш современник», № 12) в советские еще времена на тренера возводят поклеп, обвинив в интимных отношениях с одной из гимнасток. А он честный и жене своей верен. Автор преисполнен сочувствия к герою.

Финалист Русской премии **Алексей Торк** из Киргизии в **рассказе «Фархад и Ширин»** («Дружба народов», № 10) пряным слогом излагает восточную историю о любви. *Это просто: примечайте вокруг верблюжьи глаза и не ошибетесь — этот человек несчастно любил. Вчера или полвека назад. Такой обретает особый взор, подобно рябизне лица у переболевшего оспой. Говорю же «несчастно», потому что счастливой любви нет и не было на свете. Любовь, что известно каждому мудрецу и первому — Авиценне, есть обычная болезнь, связанная с избытком в органах человека молочной кислоты, а возможно ли счастье в болезни?! Да, говорит Ибн Хаджжажа, если (как только) любовь уходит или, что лучше, она убита человеком в самом себе. Здесь в высшей мере испытуется сила духа человека, его способность одолеть свое нутро. Хотя, признается Ибн Хаджжажа, о подобных победах в мире еще не слыхивали. Неправда. О них слышал я, слышал весь Душанбе, и сейчас услышишь ты, читатель, впрочем, уже слушаешь, ибо я веду историю о Верблюжонке...*

ВОЙНЫ И БИТВЫ

В **рассказе Виктора Мануйлова «Выжить и победить»** («Наш современник», № 10) выведен герой Второй мировой, майор Вологжин. Танк его подорвался на мине и остался в тылу наступающего врага, но раненный в голову майор не сдается. И побеждает. Сказать честно — при обстоятельствах фантастических, неправдоподобных, когда другие умирают, — и обнаружив при этом живучесть, приличную, в основном, героям боевиков. К тому же, как верно замечено Екатериной Ратниковой, персонаж — в зависимости от воли симпатизирующего ему автора — то слепнет, то прозревает: *...в конце повествования почему-то начинает различать свет. У читателя появляется надежда, что майор непременно поправится — это хорошо для героя и читателя, но как связать это с подробным описанием исследования Вологжиным пустых дыр глазниц, «операцией» по удалению висящего на ниточке нервов и сосудов выпавшего глаза и вытаскиванием из раны*

осколков магнитом? Автор либо невнимателен, либо просто хочет произвести эффект, не задумываясь о последовательности развития сюжета[1].

У **Андрея Белозерова** в **рассказе «Молодость. Любовь. Война»** («Наш современник», № 11) юный поэт Костя Курбатов воюет за независимость Приднестровья. Смелый такой юноша. Не чета *опереточному предводителю революционеров* Лимонову, который, как пишет Белозеров, появился на театре военных действий в момент затишья. Стыд и позор гнилому красавчику. Глубоко пашет подмосковный автор!

Ну а вот герои **рассказов Альберта Карышева** («Наш современник», № 11) воюют кто с осой, кто с лесными клещами, а кто и с зонтичными растениями, которые заполонили улицы и огороды. Местная старушка Шнюкова твердо знает: растений этих *мериканцы напустили*. Происхождение самой Шнюковой сомнений не оставляет: это поздний извод сельской праведницы, изобильно представленной некогда на страницах деревенской прозы. Жует бабуся *запавшим ртом* слова неземной мудрености...

Впрочем, грех жаловаться: на соседних страницах журнального номера таких отвязных старушенций, коими спроста любуется автор, и сейчас немало, — например, в **рассказах Тамары Ломбиной** из Сыктывкара. Правда, масштаб их далек от некогда предъявленного нам героического подвижничества.

В **рассказе Андрея Ракши «Сафари»** («Дружба народов», № 12) два подростка охотятся на бомжа. В итоге бомж ценой собственной жизни спасает одного из своих преследователей от смерти. Поучительная история.

ОЧЕРКИ И ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Нина Молева в **очерке «Замоскворечье. Точка невозврата»** («Москва», № 11) описывает наступление советских архитекторов на Замоскворечье, где на месте церквей строились то станция метро, то жилые дома, то детские площадки. Вспоминает автор и о специфическом отношении советских искусствоведов к бесценному наследию прошлого: *Группа университетских студентов возвращается в темноте осенней ночи из Третьяковки с лекции профессора А. А. Федорова-Давыдова (будущим искусствоведам разрешалось заниматься прямо в залах после ухода посетителей). Большая Ордынка, Климентовский переулок, и в узком ущелье домов — громада великолепной церкви Климента, Папы Римского, кажется, перенесенной в Москву из растреллиевского Петербурга. Облупленная штукатурка. Побитые головки херувимов и гирлянды роз на стенах. Выбитые стекла. Снег, летящий в лунном свете внутрь храма. Заржавленное кружево кованой ограды. «Профессор, ведь вы только что говорили — один из ценнейших архитектурных памятников Москвы XVIII века. Нельзя же так! Надо что-то предпринимать! Спасать!» Равнодушный ответ: «Хотите заниматься ремонтом, идите в домоуправление. Искусствоведов это касаться не должно».*

---

[1] «Литературная Россия», 2009, № 44–45.

В **очерк**овых записках **Виктора Кузнецова «Уходящая натура»** («Новый мир», № 11) речь идет о вещах недавно обиходных, но из употребления выходящих или меняющих свою культурную функцию: перья-ручки, торговые автоматы, пленочные магнитофоны, галстуки. Кузнецов неоригинален, более содержательна по этой части не столь давняя публикация Татьяны Дервиз «Рядом с большой историей» («Звезда», 2008, № 9 – 12; 2009, № 1 – 5).

Рассказ с примечанием **Натальи Червинской «Запоздалые путешествия»** («Знамя», № 10) — поверхностный, но остроумный отчет о путешествии из Нью-Йорка (где обитает автор) в Европу: Голландия, Париж... Так себе европка, ничего особо примечательного. Моральное разложение, тунеядство и прочие каникулы. То ли дело Нью-Йорк, которому Червинская пространно выпевает гимн. Город завтрашнего дня.

Анатолий Цирульников в **очерке «По человеку с дыма»** («Дружба народов», № 11) делится впечатлениями о путешествии по Республике Марий Эл. *...я не ожидал встретить на Среднем Поволжье снежного человека, — а следы его неожиданно обнаружились. ГУЛаг, язычество, священные рощи, мифология, густо перемешанная с реальностью, ручейки родной речи в деревенской лесной глубинке и очень богатые современные школы, европейские связи, угро-финские фестивали — все это сложилось в своеобразный социокультурный фон.* И далее: *Снежного человека в Марий Эл называют овда — в женском роде. В устных преданиях ее облик описывается таким образом: распущенные волосы, ступни ног развернуты в обратную сторону, груди длинные, перекинуты через плечо крест-накрест — марийский вариант Бабы-яги. Рассказывают, что последнюю овду поймали в 1936 году. Овды любят кататься ночью на лошадях. И вот повадилась одна к мужику, а тот намазал спину лошади смолой, и овда прилипла. Рассердилась и прокляла деревню. И деревня вымерла.*

В «Москве» (№ 12) публикуются главы из книги **Сергея Федякина «Мусоргский»**. Фрагмент носит название «Прорастание» и посвящен молодости композитора.

А в «Нашем современнике» (№ 10) появились главы из **романа Николая Скромного «Лермонтов»**. Пятигорск. Канун дуэли. Мартынов защищает свою честь. Лермонтов бравирует. Автор умер два года назад, не закончив роман.

Юрий Оклянский в **биографическом очерке «Герберт Уэллс и Железная Женщина»** («Дружба народов», № 11) возвращает читателя к фигуре баронессы Будберг, известной по книге Нины Берберовой «Железная женщина. Рассказ о жизни М. И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях». Оклянский считает, что Берберова идеализировала свою героиню. Он открыл новые факты. *По своей литературной работе последних лет мне много довелось заниматься архивно-документальными раскопками обстоятельств жизни и биографий интеллектуальной элиты сталинской поры и послевоенных десятилетий. Первейшее место среди них*

заняли «красный граф» писатель А. Н. Толстой и «опальный боярин советской власти» (выражение М. Пришвина) будущий лауреат Нобелевской премии по физике П. Л. Капица и его семейство. Разумеется, с их многочисленным внутренним и заграничным человеческим окружением и зигзагами и поворотами самых разнообразных и неожиданных событий...

К 80-летию со дня рождения актера **Ролана Быкова** (1929 – 1998) «Октябрь» (№ 11) публикует фрагмент его **дневниковых записей «Маленькая коричневая тетрадь»** — о съемках гоголевской «Шинели», где Быков сыграл роль Акакия Акакиевича. Вступление к публикации написала Елена Санаева: *После кинопробы в картину режиссера Анатолия Граника «Наш корреспондент» Ролан Быков спустился на первый этаж получить деньги за проезд и кинопробу. К этому моменту студию уже облетел слух, что к Гранику вместо Леонида Быкова, которого ждали, приехал Ролан Быков (ошибка ассистентов), которого никто не ждал. Он приехал на студию сам, заставил найти нужный ему костюм и грим, выпросил маникюрный набор и, придя в киногруппу, представился телефонным мастером. Подручными средствами раскурочил до винтика телефонный аппарат и пошел на выход, пообещав доделать работу после перерыва. На вопли режиссера, что им не смогут дозвониться люди со всего Союза, ответил, что ему наплевать, у него обед. Тут только режиссер почувствовал подвох, расхохотался и сказал: «Все, утверждаю без проб!» К моменту получения денег Быкова у кассы поджидали ассистенты режиссеров, и он получил сразу девять предложений. Одно из них — роль Акакия Башмачкина в «Шинели» Н. В.Гоголя.*

И еще одна театральная публикация «Октября», в № 10, — **«Мое кино» Михаила Левитина**. Известный театральный режиссер рассказывает о том, как он собирался снять фильм, но не нашлось денег на съемку. Прилагаются два текста: исходник, рассказ Василия Гроссмана «В Кисловодске», и левитинский сценарий.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

В. «Аврора», «Звезда», «Нева»

В центре исследования **Якова Гордина** — судьба генерала Алексея Ермолова, полководца и дипломата, ярчайшего персонажа отечественной истории (**«Ермолов: Солдат и его империя»** — «Звезда», №11 – 12). Это главы из будущей биографии «ЖЗЛ». По словам Гордина, его герой — из тех, кто нес свою эпоху, *как опоры несут мост.* Своего героя он называет *историческим кентавром,* ибо этот русский генерал нес в себе немало имперских инстинктов екатерининской эпохи, дожил же до великих реформ Александра II. Автор с особой пристальностью всматривается в непростую историю присоединения Грузии к России, к чему Ермолов имел самое непосредственное отношение (вспомнить хоть пушкинское: *Смирись, Кавказ, — идет Ермолов*). Сложная, причудливая, истинно российская судьба. Повествование продолжится в следующих номерах «Звезды».

Пространный *питерский метароман* **«Пришлец»** принадлежит перу недавно скончавшейся петербургской художницы **Ирины Черновой-Дяткиной** («Нева», № 11). Произведение явно недоработанное, сырое, что отмечено и в редакционном примечании. Перед нами история гениального художника Вениамина Цыганкова. Автор задается целью отобразить становление таланта, равного Ван Гогу, Модильяни и Врубелю, и сталкивается с непреодолимыми трудностями: как доказать, что перед нами именно гений? Надо же предъявить читателю его бессмертные полотна. А поскольку таковых не обнаруживается, то в ход идут высокопарные слова о *просветлении* подлинного творца, о Чуде, Красоте, Мечте — непременно с прописной буквы. Вот как описано подлинное вдохновение: *Это состояние приходило извне, из высших сфер, из того мира, который и создал человека «по своему подобию», по его призыву реанимировались все душевные и физические силы, и человек, озаренный прозрением Свыше, на самой границе небытия, оставлял на Земле воплощение этого Света в виде созданного им шедевра...* Одна незадача: с собственно шедевром туговато. Великий художник Цыганков — хронический алкоголик *в оболочке Ивана-дурака* (оцененный по достоинству, как с гениями и случается, только после смерти) — украшал главным образом витрины кафе. Венцом его творчества стала скульптура *дамы из Серебряного века,* тоже изваянная для какого-то общепитовского помещения. Так что один шедевр все-таки был, — как сказано в «метаромане»: не просто утонченная дама, а сама Вечная Женственность, блоковская Незнакомка... Чудны дела твои, Господи.

Удивительно аморфную, какую-то бессильную **повесть** под заглавием **«Свете тихий»** выдает **Андрей Столяров** («Нева», № 10). Ее герой — некий интеллигент-праведник, из тех, что обнищали в последнее двадцатилетие, но упрямо занимаются своим делом: хоть их дустом трави. Но вот только непонятно, чем же таким духоподъемным, требующим непременного самоотречения, занимается столяровский герой. Ясно только, что не зарабатыванием денег, поскольку принципиальный, так сказать, идейный бессребреник: *Мне это кажется полным идиотизмом — тратить драгоценное вещество жизни, чтобы стать в результате немного богаче. Стать умнее, талантливее, лучше — это еще понятно. Но богаче, ну, боже ты мой, какой это дикий абсурд!* Меж тем у нашего праведника нет жилья, живет он на съемной квартире, за которую, как выясняется, платит его бывшая жена, к тому же в одиночку воспитывающая их дочку-школьницу. Но герой так безмерно одухотворен, его любовь к прелестной Асе так возвышенна, что ему не до подобных приземленностей. Жаль только, Ася, так трогательно плакавшая при виде спиленных деревьев (*плакала Саша, как лес вырубали*), устав от навязанной ей роли неземной девы, уходит к кому-то другому... Сочинение весьма объемистое, с обширными намеками на второй-третий-четвертый планы, — открытые, надо полагать, только одухотворенным личностям.

Рассказ Владимира Михеева «Калитка у Совиного ключа, или Кот, петух и говорящая рыба» («Звезда», № 11) строг и прост, но одухотворен живым, нежным, глубоко человеческим чувством. Жил себе поживал в каком-то провинциальном городе одинокий и страшно уставший от своего одиночества человек. И вдруг выпала ему на счастье простая земная любовь... *Ему нравились порядок и простота в ее доме, ее неспешные движения, фигура и грудной негромкий голос. Нравилась и немножко странная, но тоже приятная манера: как будто отдельно, старательно, выговаривать каждое слово, при том что, кажется, очень мало она задумывалась над тем, что и как ей сказать или сделать. Еще ему нравился запах ее волос и то, что, занимаясь чем-то и не видя, что он за ней наблюдает, она иногда чуть заметно шевелила губами — шептала что-то. А если он в это время к ней обращался, спокойно поднимала на него свои глаза и, как бы помедлив немного, улыбалась — тоже просто и легко, как все, что она делала.* И насколько же все оказалось не похоже на то, о чем мечталось в юности! Насколько оказалось прочней, надежнее, лучше. Отличная проза.

Рассказ Марка Зайчика «Слово лауреату» («Звезда», № 12) исполнен в излюбленной манере этого автора — густо-живописной. Красочные наплывы-ассоциации наползают одна на другую, причудливо переплетаются, исчезают, проявляются, обнаруживая странную, почти мистическую связь эпох. Судьбу некоего современного писателя, еврея, неожиданно даже для себя самого написавшего талантливую книгу, автор сопрягает с судьбой великого еврейско-немецкого философа XVIII века Моше Мендельсона, переведшего на немецкий Тору, Псалмы и Песнь Песней. Сильный, трагический, красивый рассказ.

В новом **рассказе Валерия Попова «Мошки и пушинки»** («Звезда», № 12) отчетливо проявилась одна из главных особенностей прозы этого автора — счастливый восторг от самого вещества жизни[2]. Да, жизнь порой так несправедлива, да, она не раз обманывала тебя, безжалостно отнимая самое дорогое, но... Будь благословенна, жизнь! И мошки, и пушинки, липнущие к экрану компьютера, и *нежные щекотные лапки насекомых,* и вся роскошь уходящего лета, так рифмующаяся с уходящей, исчезающей жизнью, прекрасной, как и все, что *пришло процвесть и умереть...*

«Неуловимые мстители» — такое оригинальное название носит секта юных революционеров в одноименной **повести Германа Садулаева** («Аврора», № 4). Любопытно, что члены этого своеобразного коллектива носят клички типа — апостол Павел, Алексий, архангел Михаил, Иаков и т. п. Свою деятельность группа начинает с освобождения норок, живущих на звероферме: бедняжек держат в клетках, кормят отбросами, а под конец оглушают электрошоком и с живых сдирают шкуру, — истинный *концлагерь.* Правда, остается неизвестным, что же делали на воле осво-

---

[2] См. статью Никиты Елисеева «Тайная свобода Валерия Попова» в том же номере «Звезды».

божденные зверьки, чем питались и вообще имели ли шанс выжить... Но не это важно. Важно, что сектанты ведут жизнь чистую и непорочную: отказываются от секса, наркотиков, алкоголя и табака, не применяют насилия, не едят мясо и рыбу, не носят меха и кожу. Что, впрочем, не мешает им мечтать и о вещах куда более приземленных, — например, о собственной яхте, *полной б...дей*, или *об индивидуальном, точечном терроре против министров и президентов*. В конце концов удальцы-«апостолы» задумывают убить бывшего комсомольца — *предателя советской власти и ренегата социалистической идеи*. Покушение, правда, не удается, а главный мститель бесславно гибнет...

Фрагменты романа **«Крик перепела во ржи»** ныне покойного **Николая Чумакова** («Аврора», № 6) журнал почему-то представляет как очередную «*повесть номера*». Здесь много пафосности, восторженности и риторики. Оказывается, ни о чем другом деревенские старики-одиночки не говорят, кроме как о грозном, но горячо любимом Сталине, величии родной державы и невероятной тяжести нынешних времен. Эти времена, как сказано в романе-повести, хуже, *чем самые тяжкие в прошлом*. То есть хуже и войны, и коллективизации? Да, хуже. *Теперь тяжелее*, — объясняет рассказчику деревенский правдоруб. — *Безнадежнее теперь. Знали — воюем за Родину, за Сталина! А теперь — родину потеряли. Сталина обгадили. Теперь, Ликсадрович, другая война... лишают памяти. Душу вынимают, а туда, в рану, — доллары гнетут! Наркоту, проституцию, бандитские разборки...* Вопрос оратору: какой именно памяти нас лишают? Не той ли, какой онто, добрым словом вспоминающий палаческие времена, сам и лишен?

Двумя историями, полными красивостей и романтичностей, угощает читателя **Вера Чайковская** («Нева», № 11). **«Столкновение маний»** — этюд о вечной и единственной любви, которой некий старик остается верен до гроба: у героя хранится, оказывается, чудесный портрет сказочно прекрасной женщины XIX века... **«Изгой»** — история талантливого художника, которого советская власть заставляла писать соцреалистические полотна вроде того, что названо «Буденовцы побеждают». И вот огромная картина никому не нужна, а давней поклоннице автора, старухе с палкой, кажется, что он *обязательно откуда-нибудь появится, такой же высокий, молодой, с чудесными жесткими волосами, стоящими дыбом*.

Верен себе и тбилисец **Гурам Сванидзе**, в подборке **рассказов** представивший сахаринный мир псевдострастей («Нева», № 10).Такие рассказы обожали в какой-нибудь «Работнице» советских времен. Вот добрый-предобрый чудак Паата, в почтенном возрасте вспомнивший про свои детские занятия музыкой и пламенно возлюбивший «Времена года» Чайковского (рассказ **«Октябрь»**). Вот кратенький суперцеломудренный роман женатого мужчины, — конечно, жгучего красавца, — и юной девушки-графоманки, расписавшей в своих бездарных рассказах чужие страсти-мордасти (**«Фетида»**). Ну и прочие тексты на любимую советскую тему — люди, какие вы хорошие! Что за душки-обаяшки взращены на нашей славной земле!

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, НОН ФИКШН

В «Звезде», № 11 – 12, продолжена интереснейшая публикация воспоминаний Вяч. Вс. Иванова о Борисе Пастернаке. Масса живых свежих подробностей, с любовью и чуткостью воспроизведенных бесед в Переделкине, пастернаковских фраз. Сохранена и интонация поэта. Рассказывается об отношении Пастернака к женщинам — всем женщинам. Иванов пишет: *Он был одержим мыслью, что нужно помочь всем женщинам, кто живет рядом, в том же квартале, в том же городе, везде. Женщинам очень плохо и трудно жить, нужно сделать так, чтобы им стало легче, достать для них денег. <...> Это мучение «за женщину», раненость женской долей пропитывает «Детство Люверс» и «эстафетой лирической истины», о которой писал Пастернак в «Охранной грамоте», передается дальше — к тому месту в «Живаго», где Юре хочется в Варыкине защитить как от темной силы — змия-дракона — свою любовь, и вплоть до самых поздних стихов...*

В **очерке «Наперекор советской власти Я свой поставлю самовар»** («Звезда», № 12) рассказывается о трагической судьбе секретаря издательства «Задруга» Зинаиды Павловой, близкой знакомой знаменитого историка С. П. Мельгунова. В 20-е годы ее не единожды арестовывали, много лет она провела в советских концлагерях.

Интересны опубликованные в «Звезде», № 12 *записки читателя* (на самом деле — критика) **Елены Невзглядовой «Мозаика жизни»**. Это записки человека, живущего в литературе и литературном мире, как в родном и теплом доме.

В разделе «Литературное агентство представляет» («Нева», № 10) читателю предлагаются неумело написанные, но честные, нестандартные воспоминания старейшей ленинградки-петербурженки (ей сравнялось сто лет) **Веры Квасниковой-Зилитинкевич**, названные **«Между двух войн»**. Рассказывается в них история старинного серпуховского рода, мещан Квасниковых. Обеспеченная, размеренная и спокойная жизнь дореволюционных обывателей, что чтут традиции, посещают костюмированные балы, празднуют Рождество и Пасху. Все это кончилось тогда, когда кончилось и *мирное время*, — в 1914-м. НЭП вспоминается автору как недолгое возвращение к прежнему укладу, исчезновение безработицы, сокращение массовых арестов и обысков. Увы, ненадолго.

Обзор подготовила Евгения Щеглова

Корректор — *Ю. Н. Маслов*

ЛР № 066469
Подписано в печать 20.04.2010. Формат 60x84/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 30,00. Тираж 1500 экз.
Заказ № 714
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка),* 73218

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых лет.

Время работы редакции: с 13:00 до 17:00 по будням.

В МОСКВЕ журнал «Континент» продается:

"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.11.45

ЖУРНАЛЬНЫЙ КИОСК "НОВОЙ ГАЗЕТЫ" –
Страстной бульвар, 8 (рядом с выходом из метро «Чеховская»)

ЛИТИНСТИТУТ книжная лавка –
Тверской бульвар, 25; тел. 694.01.98

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ" – Б. Садовая, 2/46; тел. 699.80.67

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск –
ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 623.03.80

"УМНЫЕ КНИГИ" – ул. Покровка, д. 27, стр. 1; тел. 916.28.14

"ФАЛАНСТЕР" – Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27; тел. 749.57.21

ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ –
Столешников пер., 2; тел. 629.52.62

ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
НА УСПЕНСКОМ ВРАЖКЕ – Газетный пер., 15; тел. 692.05.63

«КОНТИНЕНТ» № 143, 480 стр., подписные индексы в каталоге Роспечати 73218, 71682

2010
№1